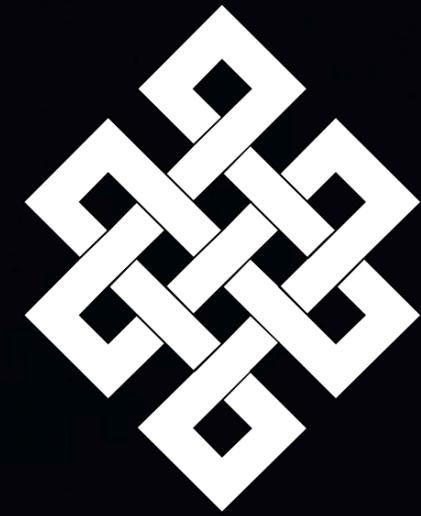

ISSN 2079-8482

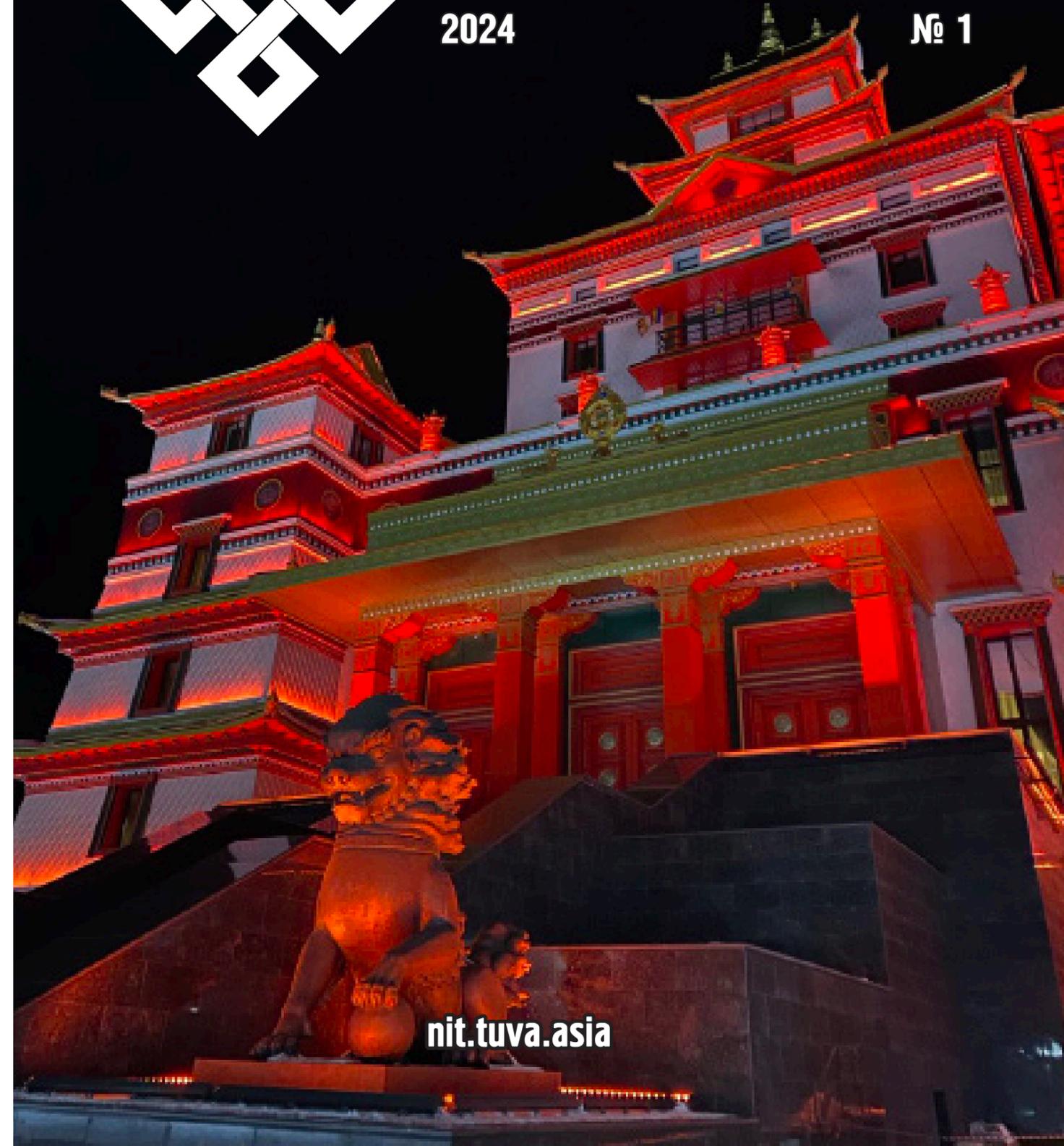

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

THE NEW RESEARCH OF TUVA

2024

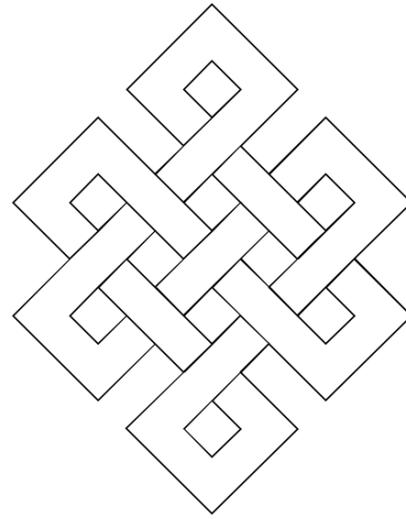
№ 1

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

№1
2024

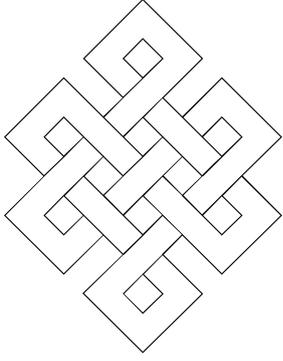
nit.tuva.asia

Эл. адрес: article@tuva.asia
<https://nit.tuva.asia>

9 772079 848005

НОВЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

THE NEW RESEARCH
OF TUVA

2024

№ 1

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ламажаа Ч. К., доктор философских наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

СЕКЦИЯ ИСТОРИИ (ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ)

Харитонов В. И., Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
Ерекешева Л. Г., Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Казахстан
Донахо Б., Институт социальной антропологии Макса Планка, Германия
Монгуш М. В., Российский государственный архив
 Российской Федерации
Дацышен В. Г., Сибирский федеральный университет, Россия
Отрощенко И. В., Институт востоковедения имени А. Е. Крымского
 Национальной академии наук Украины
Чулуун Сампильдондов, Институт истории и археологии
 Академии наук Монголии
Харунова М. М.-Б., Институт востоковедения РАН, Россия
Бакаева Э. П., Калмыцкий научный центр РАН, Россия

СЕКЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК (ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ)

Ламажаа Ч. К., доктор философских наук
Попков Ю. В., Институт философии и права Сибирского отделения
 Российской академии наук, Россия
Балакина Г. Ф., Тувинский институт комплексного освоения природных
 ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук, Россия
Хомушку О. М., Тувинский государственный университет, Россия

СЕКЦИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ (КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ)

Сузукей В. Ю., Тувинский институт гуманитарных и прикладных
 социально-экономических исследований, Россия
Левин Т., Дартмаус колледж, США
Ксения Пименова, Парижский университет Нантерр, Франция

СЕКЦИЯ ФИЛОЛОГИИ (ЯЗЫКОЗНАНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ)

Бичелдей К. А., Национальный музей им. Алдан Маадыр
 Республики Тыва, Россия
Шамина Л. А., Институт филологии Сибирского отделения
 Российской академии наук, Россия
Бахтикирева У. М., Российский университет дружбы народов

ТЕХНИЧЕСКАЯ ГРУППА

Папын А. С., редактор, администратор
Макаров В. С., Православный Свято-Тихоновский гуманитарный
 университет, Россия

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.
 Выходит 4 раза в год.

Зарегистрирован в качестве СМИ Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации Эл №ФС77-37967 от 5 ноября 2009 г.

Индексация журнала: ERIH PLUS, РИНЦ, КиберЛенинка, PKP Index, Google Scholar, DOAJ, Scopus, ESCI Web of Science Core Collection.

EDITOR-IN-CHIEF

Chimiza K. Lamazhaa, Doctor of Philosophy

EDITORIAL BOARD

SECTION OF HISTORY (HISTORY, ETHNOGRAPHY, ANTHROPOLOGY)

Valentina I. Kharitonova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Laura G. Yerekesheva, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan
Brian Donahoe, Max Planck Institute for Social Anthropology, Germany
Marina V. Mongush, State Archives of the Russian Federation
Vladimir G. Datsyshen, Siberian Federal University, Russian Federation
Ivanna V. Otroshchenko, Krymsky Institute of Oriental studies, National Academy of Sciences of Ukraine, Ukraine
Chuluun Sampildondov, Institute of History and Archaeology, Academy of Science Mongolia, Mongolia
Marianna M.-B. Harunova, The Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Elza P. Bakaeva, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Science

SECTION OF SOCIAL SCIENCES (PHILOSOPHY, SOCIOLOGY, RELIGIOUS STUDIES)

Chimiza K. Lamazhaa, Doctor of Philosophy
Yuri V. Popkov, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Galina F. Balakina, Tuvian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Russia
Olga M. Homushku, Tuvan State University, Russian Federation

SECTION OF CULTUROLOGY (CULTURAL STUDIES, ART HISTORY)

Valentina Yu. Suzukey, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research, Russian Federation
Theodore Levin, Dartmouth College, United States
Ksenia Pimenova, l'Univesité Paris Nanterre, France

PHILOLOGY SECTION (LINGUISTICS, FOLKLORE, LITERARY STUDIES)

Kaadyr-ool A. Bicheldey, National Museum of the Republic of Tuva, Russian Federation
Lyudmila A. Shamina, Institute of Philology, Siberian branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Uldanay M. Bakhtikireeva, Peoples' Friendship University of Russia

TECHNICAL GROUP

Alexander S. Papyn, Editor, Manager
Vladimir S. Makarov, St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Russian Federation

The New Research of Tuva welcomes contributions in Russian and English. The journal is published quarterly.

The journal is indexed in ERIH PLUS, RINTS, CiberLeninka, PKP Index, Google Scholar, DOAJ, Scopus, ESCI Web of Science Core Collection.

СОДЕРЖАНИЕ

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА

<i>Новикова М. Л., Новиков Ф. Н. (Россия)</i> Использование искусственного интеллекта для создания системы машинного перевода и образовательных ресурсов на тувинском языке	6
<i>Хилханова Э. В. (Россия), Ондар Ч. Г. (Россия), Иванов В. В. (Россия), Акопян К. С. (Армения)</i> Языковые ландшафты Кызыла и Улан-Удэ как зеркало региональной языковой политики	18
<i>Ламажаа Ч. К. (Россия), Туймебаев Ж. К. (Казахстан), Шагимгереева Б. Е. (Казахстан)</i> «Люди Центра Азии» как научный источник	39
<i>Арзамасов А. А., Должикова А. В. (Россия)</i> Тувинские произведения в антологиях современной литературы народов России: измерения поэзии, прозы, драматургии	55
<i>Имихелова С. С., Монгуш Е. Д., Сиячкин В. П. (Россия)</i> Тема родины в тувинской и бурятской прозе 1960-1970-х годов	74
<i>Поморцева Н. В. (Россия), Красильникова С. В. (Россия), Тагаев М. Д. (Кыргызстан), Чинлода М. С. (Кыргызстан), Эрнисова А. Э. (Кыргызстан)</i> Мифологема горного духа в художественной картине мира Ч. Т. Айтматова, К.-Э. Кудажы и С. К. Тока	88
<i>Арсеньева И. А., Куулар Е. М. (Россия)</i> Метафорическая репрезентация времени в русской и тувинской языковой картине мира	104

ТУВА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

<i>Шафранская Э. Ф. (Россия), Гарипова Г. Т. (Россия), Шаймерденова Н. Ж. (Казахстан)</i> Открытие Тувы в ориенталистской оптике (Сергей Минцлов и Отто Менхен-Хельфен)	121
<i>Шафранская Э. Ф., Должикова А. В. (Россия)</i> Карл Шмюкле — неизвестный соратник по тувинскому путешествию Отто Менхен-Хельфена	135
<i>Кара-оол Л. С., Кормушин И. В. (Россия)</i> Традиционная лексика свадебной трапезы в тувинском языке ..	148
<i>Трошкина И. Н., Ойдуп Т. М., Дилекова С. Д. (Россия)</i> Семейные ценности населения республик Южной Сибири в оценках алтайцев, тувинцев, хакасов (по данным социологического исследования 2022 г.)	166
<i>Самба А. Д.-Б., Голиусова Ю. В., Демидов А. А., Ананьева К. Е., Ондар Н. Д. (Россия)</i> Социологический портрет неполной семьи в Республике Тыва	184

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ТУВИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

<i>Куулар С. Н. (Россия)</i> Стрельба из тувинского традиционного лука: история возрождения и технология изготовления лука и стрел в современной Туве	197
---	-----

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР

<i>Иванов Е. Е. (Россия)</i> Когнитивно-семантические типы калмыцких пословиц	213
<i>Петрушевская Ю. А. (Россия)</i> Чувашские параллели белорусских пословиц (аналогичные единицы и тождественные пословичные модели)	230

БУДДИЙСКИЙ МИР

<i>Уланов М. С., Бадмаев В. Н., Хомутников В. С. (Россия)</i> Экологическая этика в буддизме: традиции и современный опыт	247
<i>Эрендженова Ю. Ю. (Россия)</i> Миротворческий потенциал тантрического буддизма в российском социокультурном пространстве	265

ГОЛОСА АЗИИ

<i>Бахтикиреева У. М. (Россия)</i> Дом бытия полилингвальных личностей (интервью с Т. Г. Боргояковой и Э. А. Кучуковой)	276
---	-----

ЛИЦА ТУВИНОВЕДЕНИЯ

<i>Мамышева Е. П., Степанов М. Г., Харунова М. М.-Б., Харунов Р. Ш. (Россия)</i> Валентина Николаевна Тугужекова — организатор научной школы в Хакасии и Туве	291
---	-----

CONTENTS

SPECIAL THEME

<i>Novikova M. L., Novikov Ph. N. (Russia)</i> Using artificial intelligence to develop a machine translation system and teaching resources in the Tuvan language	6
<i>Khilkhanova E. V. (Russia), Ondar Ch. G. (Russia), Ivanov V. V. (Russia), Hakobyan K. S. (Armenia)</i> The linguistic landscapes of Kyzyl and Ulan-Ude as a mirror of regional language policy	18
<i>Lamazhaa Ch. K. (Russia), Tuimebaev Z. K. (Kazakhstan), Shagimgereeva B. E. (Kazakhstan)</i> “People of Central Asia” as a scientific source	39
<i>Arzamazov A. A., Dolzhikova A. V. (Russia)</i> Tuvan work of literature in anthologies of modern literature of the peoples of Russia: dimensions of poetry, prose, drama	55
<i>Imikhelova S. S., Mongush E. D., Sinyachkin V. P. (Russia)</i> The theme of the homeland in Tuvan and Buryat prose of the 1960s–1970s	74
<i>Pomortseva N. V. (Russia), Krasilnikova S. V. (Russia), Tagaev M. Dzh. (Kyrgyzstan), Chinloda M. S. (Kyrgyzstan), Ernisova A. E. (Kyrgyzstan)</i> The mythologeme of the mountain spirit in the artistic picture of the world by Ch. T. Aitmatov, K.-E. Kudazhy and S. K. Toka	88
<i>Arsenyeva I. A., Kuular E. M. (Russia)</i> Metaphorical representation of time in the Russian and Tuvan language picture of the world	104

TUVA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

<i>Shafranskaya E. F. (Russia), Garipova G. T. (Russia), Shaimerdenova N. Zh. (Kazakhstan)</i> Discovery of Tuva in Orientalist optics (Sergei Mintslov and Otto Maenchen-Helfen)	121
<i>Shafranskaya E. F., Dolzhikova A. V. (Russia)</i> Karl Schmückle is unknown companion on the Tuvan journey of Otto Menchen-Helfen	135
<i>Kara-ool L. S., Kormushin I. V. (Russia)</i> Traditional lexis of a wedding meal in the Tuvan language	148
<i>Troshkina I. N., Oydup T. M., Dilekova S. D. (Russia)</i> Family values of the population of the republics of Southern Siberia in the estimates of the Altaians, Tuvans, Khakass (according to the data of the sociological study of 2022)	166
<i>Samba A. D.-B., Goliusova Yu. V., Demidov A. A., Ananyeva K. I., Ondar N. O. (Russia)</i> Sociological portrait of the single-parent family in the Republic of Tuva	184

ENCYCLOPEDIA OF TUVAN CULTURE

<i>Kuular S. N. (Russia)</i> Shooting from a Tuvan traditional bow: history of revival and technology for making bows and arrows in modern Tuva	197
---	-----

TURKIC-MONGOLIAN WORLD

<i>Ivanov Eu. Eu. (Russia)</i> Cognitive-semantic types of Kalmyk proverbs	213
<i>Petrushevskaya Yu. A. (Russia)</i> Chuvash parallels of Belarusian proverbs (analogous units and identical proverbial models)	230

BUDDHIST WORLD

<i>Ulanov M. S., Badmaev V. N., Khomutnikov V. Kh. (Russia)</i> Ecological ethics in Buddhism: traditions and modern experience	247
<i>Erendzhenova Yu. Yu. (Russia)</i> Peacemaking potential of Tantric Buddhism in the Russian sociocultural space	265

VOICES OF ASIA

<i>Bakhtikireeva U. M. (Russia)</i> House of existence of multilingual personalities: interview with T. G. Borgoyakova and Z. A. Kuchukova	276
--	-----

TUVAN STUDIES AND RESEARCHERS

<i>Mamysheva E. P., Stepanov M. G., Kharunova M. M.-B., Kharunov R. Sh. (Russia)</i> Valentina Nikolaevna Tuguzhekova is organizer of the scientific school in Khakassia and Tuva	291
---	-----

Специальная тема

«Тувинский язык и литература:
прошлое, настоящее и будущее»

Ответственные редакторы:

кандидат химических наук

Анжела Викторовна Должикова

(Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация),

доктор филологических наук

Жансеит Кансеитович Туймебаев

(Казахский Национальный Университет
им. аль-Фараби, Республика Казахстан)

Special theme

“Tuvan language and literature:
past, present and future”

Edited by

Anzhela V. Dolzhikova

Candidate of Chemical Sciences,

RUDN University,

Russian Federation,

Zhanseit K. Tuimebaev

Doctor of Philology,

Al-Farabi Kazakh National University,

Republic of Kazakhstan

Использование искусственного интеллекта для создания системы машинного перевода и образовательных ресурсов на тувинском языке

Марина Л. Новикова, Филипп Н. Новиков

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

Усовершенствование компьютерных технологий, применяемых в гуманитарных науках, прогресс в области развития больших языковых моделей, основанных на технологиях машинного обучения и нейросетей, вышел на высочайший уровень развития. Лингвистический потенциал больших языковых моделей вызывает закономерный интерес исследователей, что является обоснованным отражением актуальности и важности использования искусственного интеллекта для создания системы машинного перевода и образовательных ресурсов.

В статье рассматривается опыт создания большой языковой модели на тувинском языке с использованием машинного обучения и искусственного интеллекта. Авторами была предпринята попытка создания большой языковой модели, способной распознавать тувинский язык, осуществлять перевод фраз с тувинского языка на русский язык, или с русского на тувинский. Помимо этого, исследовались и тестировались возможности генерации текста на тувинском языке, что может быть использовано как в сфере преподавания языка, так и при проведении различных лингвистических исследований.

Актуальность исследования заключается в том, что в настоящее время тувинский язык не представлен ни в одной из известных систем машинного перевода. Важным результатом является анализ уровня цифрового присутствия тувинского языка в Интернете, а также предложенные рекомендации по выработке оптимального алгоритма построения подобных систем и веб-сервисов, основанных на машинном обучении.

Результаты исследования представляют практическую ценность не только применительно к тувинскому языку, но могут быть экстраполированы и на другие государственные языки Российской Федерации.

Ключевые слова: тувинский язык; искусственный интеллект; машинный перевод; нейросеть; большая языковая модель; цифровое присутствие; машинное обучение

Для цитирования:

Новикова М. Л., Новиков Ф. Н. Использование искусственного интеллекта для создания системы машинного перевода и образовательных ресурсов на тувинском языке // Новые исследования Тувы. 2024, № 1. С. 6-17. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.1>

Новикова Марина Львовна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и лингвокультурологии Института русского языка Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 3. Email: novikova-ml@rudn.ru

Новиков Филипп Николаевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков юридического института Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Email: novikov_fn@pfur.ru

NOVIKOVA, Marina Lvovna, Doctor of Philology, Professor, Russian Language and Cultural Studies Department, Russian Language Institute, RUDN University. Postal address: 10, bldg. 3 Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russia. Email: novikova-ml@rudn.ru

NOVIKOV, Philipp Nikolaevich, Candidate of Philology, Associate Professor, Law Institute Department of Foreign Languages, RUDN University. Postal address: 6 Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russia. Email: novikov_fn@pfur.ru

ORCID ID: 0000-0002-4673-067X

ORCID ID: 0000-0003-4884-3659

Using artificial intelligence to develop a machine translation system and teaching resources in the Tuvan language

Marina L. Novikova, Philipp N. Novikov

RUDN University, Russian Federation

The advancement of computer technologies applied in the humanities and the progress in the development of large language models based on machine learning and neural network technologies have reached an exceptionally high level of sophistication. The linguistic potential of large language models elicits a natural interest among researchers, which constitutes a justified reflection of the relevance and importance of using artificial intelligence to create machine translation systems and educational resources.

The article explores the experience of creating a large language model for the Tuvan language using machine learning and artificial intelligence. The authors undertook an attempt to develop a large language model capable of recognizing the Tuvan language, translating phrases into Russian and back. In addition, the possibilities of generating text in Tuvan were examined and tested, which can be used both in the field of language teaching and when conducting various kinds of linguistic research.

This experience is unique since, as of now, the Tuvan language is not represented in any well-established machine translation systems. A secondary aim of the research is to analyze the level of the language's digital presence on the Internet, as well as to provide recommendations for devising an optimal algorithm for building similar systems and web services based on machine learning. The research outcomes are of practical value not only with respect to the Tuvan language but can also be extrapolated to other official languages in the Russian Federation.

Keywords: *Tuvan language; artificial intelligence; machine translation; neural networks; large language models; digital presence; machine learning*

For citation:

Novikova M. L. and Novikov Ph. N. Using artificial intelligence to develop a machine translation system and teaching resources in the Tuvan language. *New Research of Tuva*, 2024, no. 1, pp. 6-17. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.1>

Введение

Тувинский язык, являющийся официальным языком Республики Тува, занимает особое место в культурном и лингвистическом пространстве Российской Федерации. Несмотря на результаты исследований, свидетельствующих о развитии асимметричного, тяготеющего к преобладанию русского языка, билингвизму в сфере школьного языкового образования (Арефьев, Бахтикиреева, Синячкин, 2021), ученые также отмечают и позитивные стороны языковой политики, подчеркивая новый курс языковой политики, ориентированный на поддержку тувинского языка (Боргоякова, Биткеева, 2023), повышение уровня языкового самосознания (Дырхеева, Цыбенова, 2020) и важность создания современных ресурсов с целью использования их при профессиональной подготовке работников сферы образования.

Говоря о развитии научных и образовательных проектов, посвященных тувинскому языку, очень важно упомянуть о недоступных ранее не только рядовым пользователям, но и исследовательским центрам технологиях, которые могут предоставить ученым, педагогам и лицам, интересующимся тувинским языком, абсолютно новые возможности. Одним из видов таких инновационных технологий, имеющих широкомасштабный потенциал, являются большие языковые модели (LLM — *Large Language Models*) — нейронные сети, иначе называемые искусственным интеллектом.

В 2023 г. развитие нейросетей, связанное с ростом вычислительных мощностей и повышенным вниманием, уделяемым специалистами искусственному интеллекту, привело к качественному скачку их развития. Запуск компанией Open AI сервиса ChatGPT в ноябре 2022 г., основанного на большой языковой модели GPT-3.5, способной вести диалог с пользователем практически на любую заданную тему и выполнять неограниченное количество задач, навсегда изменил смысл словосочетания «искусственный интеллект».

Под этим термином в течение нескольких прошедших десятилетий ученые понимали древовидный алгоритм, который можно было представить в виде блок-схемы. Особенно важно отметить, что искусственный интеллект был не способен выполнять те функции и приобретать те навыки, которые не были специально заложены в него человеком¹. Эффективность использования нейросетей при создании систем машинного перевода была доказана ранее (Sreelekha et al., 2016: Электр. ресурс), все современные лидирующие сервисы машинного перевода, включая Google Translate, Яндекс Переводчик и DeepL, значительно улучшили свое качество при переходе на этот вид технологий. Кроме того, существует успешный опыт применения машинного перевода по отношению к языкам коренных народов, например, к инуитским языкам Канады (Le, Sadat, 2020).

Принимая во внимание как локальный, так и международный интерес к изучению, сохранению и популяризации тувинского языка, авторы данного исследования предприняли попытку использования новейших, ранее не использовавшихся в этом качестве, разработок в области машинного обучения и искусственного интеллекта, с целью создания системы машинного перевода и образовательных ресурсов на тувинском языке.

Цифровое присутствие тувинского языка в Интернете и потребность в обучении большой языковой модели

Согласно всестороннему исследованию Интернет-ресурсов, в которых функционирует тувинский язык, которое выполнили Ч. Г. Ондар, В. С. Донгак, Д. Ш. Монгуш (Ондар, Донгак, Монгуш, 2023), в настоящее время существует острая потребность в создании таких важных образовательных и лексикографических ресурсов, как программы и веб-сервисы для обучения тувинскому языку, специализированные словари, полноценный корпус с функционалом, позволяющим проводить статистический анализ, онлайн-переводчик, система проверки правописания, а также системы распознавания (*speech-to-text*) и голосового синтеза речи (*text-to-speech*) на тувинском языке.

Многие из этих актуальных задач могут быть частично или даже полностью решены с помощью использования нейросетей. Однако для этого требуется, чтобы нейросеть могла использовать тувинский язык для ввода и вывода данных. Эксперимент, проведенный авторами в августе 2023 г. с помощью новейшей версии языковой модели от OpenAI, а именно — GPT-4 «Generative Pre-trained Transformer» (генеративный предобученный трансформер), выявил следующий уровень поддержки некоторых языков народов России и стран СНГ (см. таб. 1).

Стопроцентное совпадение, указанное в приведенной таблице 1, означало, что языковая модель GPT-4 правильно реагировала на все команды, могла отвечать на вопросы на данном языке и безошибочно переводить абсолютно все запросы пользователя. В то время как снижение процентного соотношения свидетельствовало или об отказе системы от взаимодействия со ссылкой на недостаточные знания языка, или выдачу случайного набора слов. Важно подчеркнуть, что эти слова могли относиться как к этому же языку, так и к совершенно другому, но обычно родственному.

Сопоставление процентных соотношений позволило прийти к выводу о корреляции между уровнем цифрового присутствия языка в Интернете и качеством его поддержки со стороны модели GPT-4. Как видно из таблицы 1, стопроцентный показатель встречался преимущественно у языков стран СНГ. Эти языки не только предоставляют большой массив данных, доступных для обработки, но и более четко позволяют проанализировать статус каждой из веб-страниц, попавших в него, а также часто предполагают наличие достаточного количества переведенных на другие, еще более распространенные в Интернете, языки веб-страниц и текстов. Поскольку именно наличие парал-

¹ Sharma M., Muralidhar N., Ramakrishnan N. Overcoming barriers to skill injection in language modeling: Case study in arithmetic [Электронный ресурс] // arXiv preprint. 2022, 3 November. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2211.02098> (дата обращения: 05.01.2024).

лельного языкового корпуса, включающего в себя идентичные по структуре тексты, является наиболее благоприятным условием для машинного обучения, многие государственные языки республик Российской Федерации (за исключением татарского и башкирского) показали не столь высокий уровень совместимости с GPT-4. Именно этот феномен представленности тувинского языка и был описан упомянутыми выше авторами (Ондар, Донгак, Монгуш, 2023).

Таблица 1. Результаты эксперимента по уровню поддержки языков России и стран СНГ большой языковой моделью GPT-4, в %
 Table 1. The results of the experiment on the level of support for the languages of Russia and the CIS countries by the large language model GPT-4, in %

Язык	Уровень поддержки большой языковой моделью GPT-4
Казахский	100
Азербайджанский	100
Армянский	100
Киргизский	100
Таджикский	100
Узбекский	100
Татарский	100
Башкирский	100
Туркменский	100
Белорусский	100
Якутский (саха)	45
Бурятский	40
Чеченский	35
Ингушский	35
Чувашский	35
Тувинский	30
Аварский	30
Кабардино-черкесский	15
Осетинский	15
Удмуртский	10

Исследование помогло выявить закономерность, согласно которой качество работы нейросети с каждым из языков прямо пропорционально количеству проиндексированных и правильно распознанных текстов на нем. Одним из ресурсов, важность роли которого в процессе машинного обучения была доказана, является Википедия (Srinivasan et al., 2021), так как ее формат обеспечивает разделение на языки и единообразную структуру статей. По данным на ноябрь 2023 г., тувинская Википедия занимает 229 место по количеству статей в энциклопедии (более 12000), находясь рядом с аварским и коми-пермяцким языками. Следует отметить, что несмотря на то, что само по себе количество статей не гарантирует высокое качество массива данных, эта статистика позволяет судить о приблизительном уровне осведомленности GPT-4 о тувинском языке, так как большие языковые модели являются не до конца описанными и малоизученными технологиями. Одна из наиболее удивительных характеристик современных больших языковых моделей, к которым относится GPT-4, заключается в том, что, обрабатывая объем, превышающий сотни миллиардов знаков, она может обучиться новым языкам, входящим в этот массив данных, вести диалог, осуществлять перевод и генерировать текст.

Проблема оценки объема массива данных, использованных для обучения большой языковой модели, заключается в том, что она представляет собой так называемый *black box*, то есть «черный ящик» — систему, в которой известны вводные и выводные данные, но нет представления о том, как именно она устроена и какие алгоритмы ею управляют¹. Более того, массив данных, использованный для ее обучения, также остается полностью закрытым. Известно, что были использованы веб-страницы и тексты, находящиеся в открытом доступе и незащищенные авторским правом, в том числе Википедия и индексируемые поисковыми системами страницы. Однако компания OpenAI не раскрывает сведения о том, какие именно наборы информации были обработаны. Это связано, по-видимому, с возможными исками правообладателей и владельцев ресурсов, осознавших необходимость введения механизмов регулирования использования данных с целью машинного обучения.

Эти факторы делают более сложным понимание вклада каждого из ресурсов, на котором представлен тувинский язык. С развитием сначала Web 2.0, а затем и мобильных устройств, особенно способствовавших использованию специально выпущенных для них отдельных приложений, большинство пользователей создает контент на определенном языке, в том числе и на тувинском, не на индексируемых статичных веб-страницах, а на так называемом уровне *deep web* (глубокая сеть), на котором происходит обмен сообщениями в мессенджерах *WhatsApp*, *Viber* и *Telegram*, а также в большинстве популярных социальных сетей.

Чтобы продемонстрировать работу необученной модели GPT-4, сделаем следующие запросы (см. рис. 1).

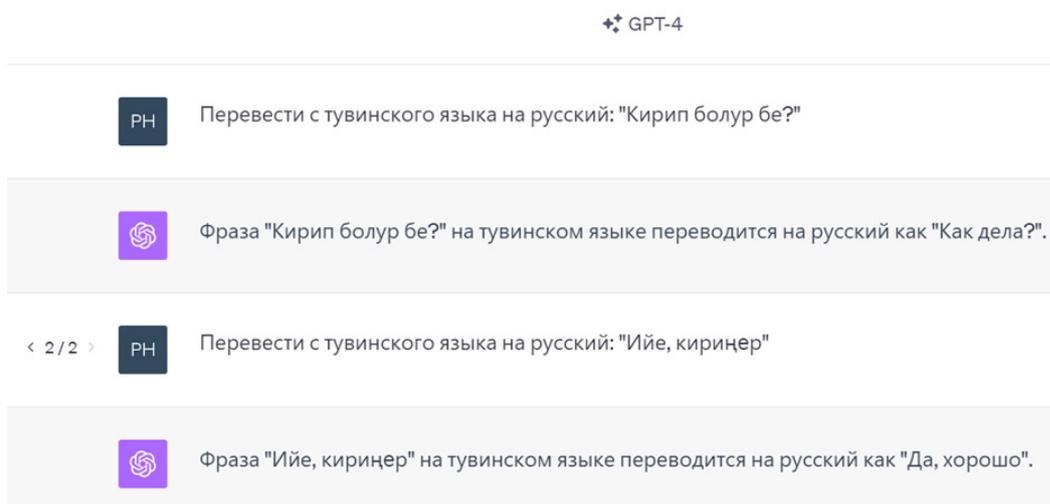

Рис. 1. Пример некорректной работы, вызванной «галлюцинациями» стандартной (необученной) модели GPT-4 (запрос ноября 2023 г.)
 Fig. 1. An example of incorrect operation caused by “hallucinations” of the standard (untrained) GPT-4 model (November 2023 request)

Как видно из рис. 1, языковая модель не в состоянии дать правильный ответ на наш запрос. Вместо того, чтобы заявить об отсутствии данной информации в своем наборе данных (это случалось при неспособности выдать правильный ответ менее, чем в 10% случаев), она пытается «угадать» правильные ответы, которые контекстуально могли бы подойти к запросам — например, совпадает пунктуация (запятые, восклицательные знаки), но значение совершенно разное — «Кирип болур бе?» означает «Можно войти?», а «Ийе, кириңер» — «Да, войдите».

Феномен, при котором нейросеть использует случайные данные, которые либо являются неточными, либо вообще относятся к другой области знаний или другому языку, носит название «галлюцинаций» (Athaluri et al., 2023). Галлюцинации могут быть результатом случайной генерации данных. В тех ситуациях, которые интересуют нас в рамках проводимого исследования — перевод и обучение

¹ Singh C., Hsu A. R., Antonello R., Jain S., Huth A. G., Yu B., Gao J. Explaining black box text modules in natural language with language models [Электронный ресурс] // arXiv preprint. 2023, 17 May. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2305.09863> (дата обращения: 05.01.2024).

языку — некорректные ответы несут в себе особую опасность. Они часто не могут быть верифицированы пользователем, изучающим язык или пытающимся осуществить перевод либо с тувинского языка, либо на тувинский.

Проведя анализ влияния цифрового присутствия тувинского языка на качество массива данных и выявив критически важные ограничения в существующей системе искусственного интеллекта, можно прийти к выводу о том, что требуется создание отдельной специализированной языковой модели, изначально направленной на использование тувинского языка. Это послужило основой необходимости проведения нашего эксперимента в рамках данного исследования.

Эксперимент по использованию искусственного интеллекта для создания системы машинного перевода с тувинского языка на русский

Особенно следует отметить, что поскольку даже новейшая и доступная ограниченному количеству пользователей языковая модель GPT-4 не поддерживает тувинский язык в достаточном для обучающих и переводческих целей объеме, для работы с ним требуется создание уникальной большой языковой модели, специально обученной тувинскому языку. Как уже было сказано выше, именно рост вычислительных мощностей послужил основным фактором, способствующим развитию искусственного интеллекта. Обучение качественной большой языковой модели с нуля не только требует большого, тщательно отобранного и правильно отформатированного массива данных, но и наличия высокотехнологичного оборудования, недоступного рядовым пользователям. В то время как создание собственной большой языковой модели, поддерживающей тувинский язык, представляется возможным при надлежащем финансировании или при появлении нового оборудования.

В рамках проведенного нами исследования был использован новейший сервис, представленная компанией OpenAI в сентябре 2023 г. *fine-tuning* — модификация существующей языковой модели GPT-3.5 путем её дополнительного обучения. Этот процесс осуществляется через доступ к API (*application programming interface* — интерфейс программирования). Преимущество такого способа машинного обучения состоит в том, что он не требует больших вычислительных мощностей и устанавливается не на локальный сервер пользователя, а на сервер OpenAI.

На рисунке 2 приведена схема использованного нами процесса дополнительного обучения большой языковой модели.

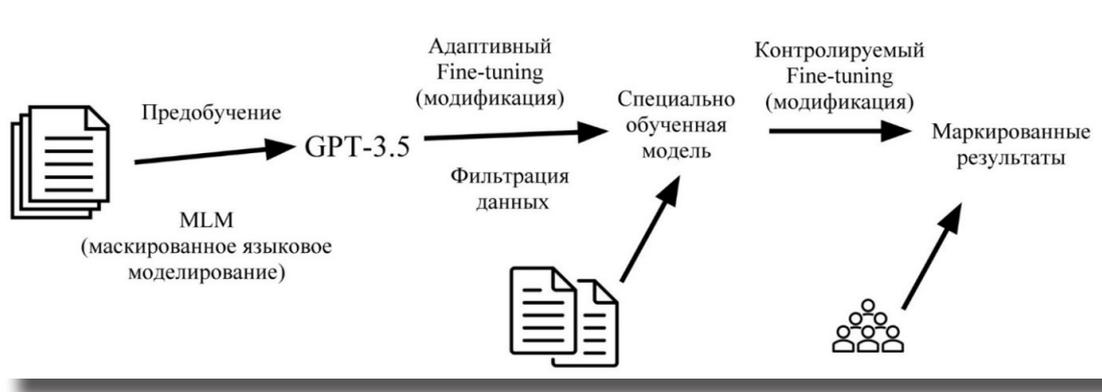

Рис. 2. Схема дополнительного обучения большой языковой модели GPT-3.5 с помощью процесса *fine-tuning* (модификации)

Fig. 2. The scheme of additional training of the GPT-3.5 large language model using the *fine-tuning* process (modifications)

Для адаптивного процесса *fine-tuning* использовалось облачное пространство Google Colab, в котором запускалась программа на языке Python, позволявшая серверу Google связаться с сервером OpenAI, на котором установлена модель GPT-3.5, и добавить туда массив данных на тувинском и русском языках.

В качестве массива данных использовался неспециализированный параллельный корпус предложений бытовой тематики, в котором предварительно нужно было произвести разметку в формате .jsonl — JSON Lines (JavaScript Object Notation Lines) по следующему образцу:


```
{«messages»: [{«role»: «system», «content»: «Ты переводчик с тувинского языка на русский.»}, {«role»: «user», «content»: «Четтирдим, эки-дир»}, {«role»: «assistant», «content»: «Спасибо, хорошо»}]}
```

В приведенном выше примере после {«role»: «system», «content»} указывается роль, которая отводится искусственному интеллекту в рамках данного проекта. Она может быть общей или более узконаправленной, например, быть посвященной созданию учебных материалов, поддержанию диалога на тувинском языке, лингвистическому анализу и т. д.

Вторая часть строки кода {«role»: «user», «content»} содержит предполагаемый запрос со стороны пользователя — в данном случае, фразу на тувинском языке. Последняя часть {«role»: «assistant», «content»} включает в себе ответ на русском языке.

Важно отметить, что для обучения системы грамматике, идиоматическим выражениям и другим аспектам, присущим живому языку, необходимо предоставлять языковой модели именно синтагмы, а не словарные формы. Так как модель GPT-3.5 уже имеет правильное представление о синтаксических и морфологических категориях русского языка, ей необходимо предоставить как можно более диверсифицированный набор данных, включающий максимальное количество минимальных пар.

После формирования массива данных, его правильной разметки и загрузки в Google Colab, был запущен процесс *fine-tuning*. Обучение модели GPT-3.5 происходит по алгоритму, называемому *few-shot learning* (Garcia et al, 2023) — обучение моделей с ограниченным количеством размеченных данных. Так как механизм *fine-tuning* до сих пор является новым и используется в экспериментальном режиме, даже после формирования массива данных потребовалось несколько попыток обучения, чтобы получить функциональную модель. Одним из решающих факторов, отделивших неэффективную модель от эффективной, стало количество «эпох», т. е. этапов обучения.

На *рисунке 3* приведены результаты третьей и четвертой попыток обучения моделей GPT-3.5 тувинскому языку — первая из них прошла в 3 эпохи.

Рис. 3. Результат обучения большой языковой модели GPT-3.5 Turbo (3 эпохи обучения)
 Fig. 3. The result of learning a large GPT-3.5 Turbo language model (3 epochs of learning)

В результате получившаяся после трех эпох обучения модель несмотря на то, что это число было выбрано программой автоматически, выдавала описанные выше галлюцинации в виде случайных результатов. Более того, они уступали по релевантности и точности тем результатам, которые предоставляла модель GPT-4 по умолчанию, так как последняя заранее была обучена на гораздо большем количестве параметров.

Удачной попыткой обучения стала четвертая, при которой был надлежащим образом отформатирован массив данных, была правильным образом задана роль искусственного интеллекта, а количество эпох составило 6, а не 3 (*рис. 4*).

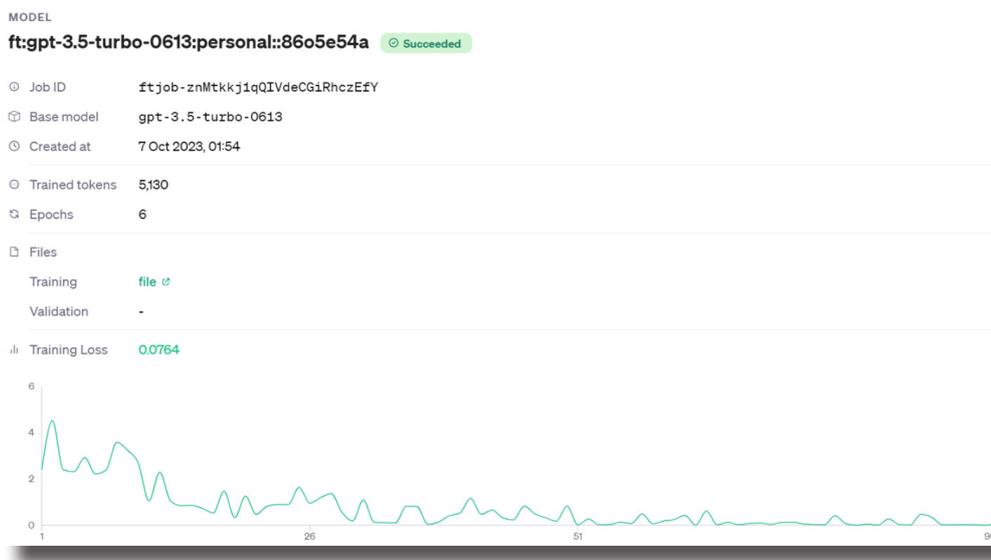

Рис. 4. Результат обучения большой языковой модели GPT-3.5 Turbo (6 эпох обучения)

Fig. 4. The result of learning a large GPT-3.5 Turbo language model (6 epochs of learning)

Как видно из рис. 4, параметр Training Loss (потеря данных во время обучения) при обучении за 6 эпох составил 0.0764, что на порядок меньше, чем показатель 0.8076 при обучении за 3 эпохи. Следует отметить, что отмеченный выше закрытый характер системы не позволяет заранее определить оптимальное количество эпох обучения, так как может привести к нежелательному феномену, называемому *overtraining* (излишнее обучение). В таком случае языковая модель становится слишком узконаправленной и впоследствии не может выйти за рамки тех данных, которые были заложены в нее заранее (Armstrong et al., 2022).

Результатом наиболее успешной попытки обучения, выполненной нами в рамках данного исследования, явился тувинско-русский переводчик, работающий через диалоговое окно API (рис. 5).

Ограниченный объем данных, на котором была обучена система, позволял комбинировать лексику и корректно переводить новые высказывания, не загруженные в систему заранее. Полученные результаты, представленные на рисунке 6 позволяют сделать вывод о корректной реализации поддержки современного алфавита тувинского языка и отсутствии ограничений на употребление и распознавание букв “ң”, “ө” и “ү”, вместо которых при проблемах с кодировкой на экран выводились

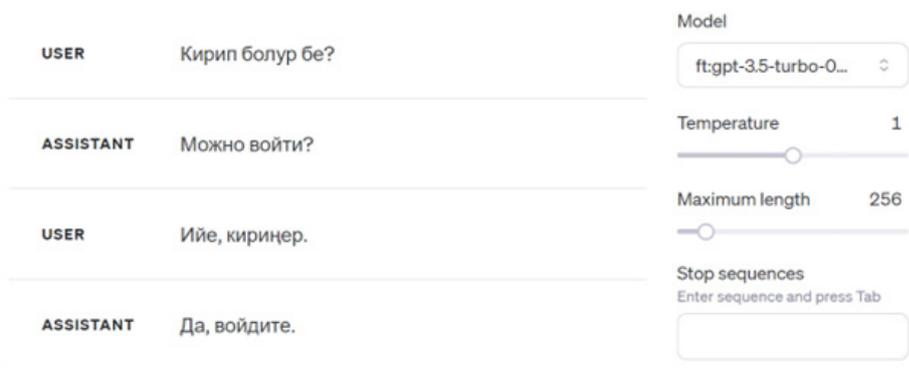

Рис. 5. Пример работы системы машинного перевода, использующей обученную в рамках эксперимента *fine-tuned* модель GPT-3.5 Turbo.

Fig. 5. An example of the operation of a machine translation system using the GPT-3.5 Turbo model trained in the framework of the *fine-tuned* experiment.

бы другие символы (Папын, 2010). Их наличие в большой языковой модели и верный ввод и вывод являются результатом обучения на чрезвычайно большом по объему массиве данных, в который также попала информация на этих языках. Эти данные свидетельствуют об отлаженности механизма обучения искусственного интеллекта тувинскому языку с абсолютно новым для системы алфавитом.

Следует также упомянуть о том, что параметр *temperature* (температура) в настройках модели позволяет увеличить вариативность текста. При параметре, равном единице, выдавался наиболее близкий к изначально заданному результат, но разнообразие может быть полезным при применении данной модели в других целях.

Таким образом, эксперимент, успешно проведенный в рамках нашего исследования, показал, что обучение большой языковой модели тувинскому языку с помощью *fine-tuning* является возможным и, скорее всего, станет еще более доступным в ближайшем будущем.

Возможности дальнейшего использования искусственного интеллекта для создания ресурсов и сервисов на тувинском языке

Используемый нами механизм обучения языковой модели тувинскому языку предполагает наличие у разработчиков доступа к API. Это означает, что на его основе уже сейчас можно создать отдельный сайт, находящийся в доменной зоне *tu*, доступный всем желающим, обеспечивающий машинный перевод с тувинского языка на русский и с русского на тувинский язык с применением нейросети.

Кроме проанализированных возможностей, нейросеть можно обучить с целью генерации учебных текстов на тувинском языке и задать иную роль искусственного интеллекта, используя способ форматирования массива данных, описанный выше. В ближайшем будущем эти технологии также могут упростить создание *Telegram*-ботов на тувинском языке, языковых сервисов и обучающих приложений с элементами геймификации для различных сегментов аудитории.

Подчеркнем еще раз, что обзор информационных, коммуникационных и справочных интернет-ресурсов, содержащих контент на тувинском языке с учетом ситуации, описанной Ч. Г. Ондар, В. С. Донгак, Д. Ш Монгуш (Ондар, Донгак, Монгуш, 2023), свидетельствует о насущной потребности в большом количестве контента на тувинском языке. Этим процессам может и должен способствовать искусственный интеллект. В особенности это касается современных средств массовой информации, популярных среди молодого поколения. Искусственный интеллект может осуществить локализации интерфейса приложений и различных порталов. Это может быть выполнено с помощью модели *crowdsourced translation* (перевод силами сообщества), с опорой на помощь волонтеров, желающих совершенствовать перевод на добровольной основе (Zwischenberger, 2022).

Количество возможностей в сфере образования крайне велико, так как нейросеть может облегчить не только создание традиционных обучающих материалов, включающих в себя учебники, рабочие тетради, хрестоматии и глоссарии, но и в сочетании с другими технологиями может послужить основой для создания аудиовизуальных материалов, интерактивных курсов и даже виртуального учителя, реагирующего на запросы пользователя и объясняющего особенности тувинского языка и культурные реалии Тувы.

Контроль над обучением и дальнейшим функционированием модели со стороны человека крайне важен и ни в коем случае не отменяется даже при высокой степени ее качества, так как необходимо заранее определить цели обучения модели. В настоящее время существующие параллельные базы данных являются достаточно разрозненными и неоднородными, поэтому следует внимательно относиться к фильтрации данных уже на самом первом этапе.

При построении большой языковой модели и дальнейшем ее использовании следует также учитывать проблемы перевода концептов культуры с одного языка на другой. Исследования, проведенные в рамках языковой пары «тувинский язык — русский язык», показали, что даже при наивысшем уровне владения обоими языками и глубоких познаниях об обеих культурах, даже если переводы выполняют билингвами-редакторами, возникают определенные проблемы, которые могут ввести читателя или собеседника в заблуждение, или же передать информацию лишь частично (Кужугет, Сувандии, Ламажаа, 2021).

Помимо непосредственно языкового фактора ограничений, связанных с передачей информации, несущей в себе этнокультурный компонент, речь идет также и об ограничениях непосредственно в

сфере машинного обучения (Spennemann, 2023). Эти обстоятельства обуславливают особую важность лингвистических задач, которые могут быть решены путем создания определенного набора языковых и культурных реалий, а также последующего тестирования их восприятия и применения искусственным интеллектом. Тот факт, что нейросеть GPT была обучена в первую очередь на индоевропейских языках, также накладывает дополнительный отпечаток на ее социокультурную картину мира. В определенной мере эти проблемы могут быть решены, опираясь на принципы *Indigenous methodology*, которая предусматривает этическое, уважительное и эмпатическое исследование культуры (Тувинцы. Родные ... , 2022).

Заключение

Опыт модификации предобученной большой языковой модели GPT-3.5 Turbo с помощью механизма *fine-tuning*, проведенный нами, показал возможность подобного подхода и позволил описать перспективность его применения к тувинскому языку.

Наиболее совершенная, но, как показал результат нашего эксперимента, все равно нуждающаяся в серьезной доработке, большая языковая модель GPT-4 недоступна для дополнительного обучения с помощью механизма *fine-tuning*, но ожидается, что данная функция будет доступна в ближайшем будущем.

Кроме того, GPT-4, обучение которой, по данным её разработчиков, ограничено 2021 г.¹, продолжает обучаться, используя данные, предоставляемые различными пользователями во время диалогов с ChatGPT. Таким образом, существует теоретическая вероятность того, что при условии интенсивного использования тувинского языка как сервис OpenAI, так и другие языковые модели смогут повысить уровень, на котором поддерживается тувинский язык. Однако, это обучение является неконтролируемым, и невозможно ожидать, что популярная языковая модель, в которую заранее не была заложена критическая масса данных на тувинском языке, будет его корректно использовать.

Еще одним важным аргументом в пользу создания отдельных языковых моделей на тувинском языке является следующий: на дальнейшее развитие искусственного интеллекта может повлиять критическое отношение к развитию больших языковых моделей, ведущее не только к регулированию и удалению данных, нарушающих авторские права и этические нормы, но и к сопутствующей фильтрации уже занесенной в массив данных полезной информации, в том числе информации на языках, официально не поддерживающихся языковой моделью.

В заключение следует подчеркнуть, что возможности использования искусственного интеллекта применительно к тувинскому языку безграничны, но требуют особого внимания и бережного отношения к культурному наследию и его будущему. Также хотелось бы выразить надежду на то, что проекты, основанные на подобных языковых моделях, получат дальнейшее распространение и будут развиваться как по инициативе различных организаций, так и силами энтузиастов — ценителей тувинского языка и культуры Тувы во всем мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арефьев, А. Л., Бахтикиреева, У. М., Синячкин, В. П. (2021) Проблемы билингвизма в системе школьного языкового образования Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 1. С. 255–272. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.14>

Боргоякова, Т. Г., Биткеева, А. Н. (2023) Тувинский компонент билингвального пространства или размышления о стратегии государственной поддержки тувинского языка // Новые исследования Тувы. № 4. С. 290–300. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.20>

Дырхеева, Г. А., Цыбенова, Ч. С. (2020) Языковые установки и языковая лояльность носителей малых языков в условиях национально-русского двуязычия (на примере бурят и тувинцев) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 62–74. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.5>

Кужугет, Ш. Ю., Сувандии, Н. Д., Ламажаа, Ч. К. (2021) Проблемы перевода концептов культуры на другой язык (на примере тувинских концептов культуры // Полилингвильность и транскультурные практики. Т. 18. № 4. С. 405–420. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-4-405-420>

¹ GPT-4 [Электронный ресурс] // OpenAI. URL: <https://openai.com/research/gpt-4> (дата обращения: 05.01.2024).

Ондар, Ч. Г., Донгак, В. С., Монгуш, Д. Ш. (2023) Тувинский язык в Интернете: представленность, проблемы и перспективы // Новые исследования Тувы. № 1. С. 186–207. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.11>

Папын, А. С. (2010) Тувинская раскладка клавиатуры // Новые исследования Тувы. № 1. С. 19–25.

Тувинцы: родные люди (2022) / Ламажаа Ч. К., Сувандии Н. Д., Кужугет Ш. Ю., Майны Ш. Б., под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 344 с.

Athaluri, S. A., Manthena, S. V., Kesapragada, V. K. M., Yarlagadda, V., Dave, T., Duddumpudi, R. T. S. (2023) Exploring the boundaries of reality: investigating the phenomenon of artificial intelligence hallucination in scientific writing through ChatGPT references // Cureus. № 15 (4). DOI: <https://doi.org/10.7759/cureus.37432>

Armstrong, L. E., Bergeron, M. F., Lee, E. C., Mershon, J. E., & Armstrong, E. M. (2022) Overtraining syndrome as a complex systems phenomenon // Frontiers in Network Physiology. № 1 (20). DOI: <https://doi.org/10.3389/fnetp.2021.794392>

Garcia, X. Bansal, Y, Cherry, C., Foster, G., Krikun, M., Feng, F., Johnson, M., First, O. (2023) The unreasonable effectiveness of few-shot learning for machine translation // International Conference on Machine Learning. PMLR. P. 10867–10878. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2302.01398>

Le, T. N., Sadat, F. (2020) Revitalization of indigenous languages through pre-processing and neural machine translation: The case of Inuktitut // Proceedings of the 28th International Conference on Computational Linguistics. P. 4661–4666. DOI: <https://doi.org/10.18653/v1/2020.coling-main.410>.

Sreelekha, S., Bhattacharyya, P., Jha, S. K., Malathi, D. (2016) A survey report on evolution of machine translation [Электронный ресурс] // ИЖТА, 9 (33), pp. 233–240. URL: https://www.serialsjournals.com/abstract/65435_article-24.pdf (дата обращения: 12.11.2023).

Srinivasan, K., Raman, K., Chen, J., Bendersky, M., Najork, M. (2021) Wit: Wikipedia-based image text dataset for multimodal multilingual machine learning // Proceedings of the 44th International ACM SIGIR Conference on Research and Development in Information Retrieval. P. 2443–2449. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2103.01913>

Spennemann, D. H. R. (2023) ChatGPT and the generation of digitally born “knowledge”: How does a generative AI language model interpret cultural heritage values? // Knowledge. № 3. P. 480–512. DOI: <https://doi.org/10.3390/knowledge3030032>

Zwischenberger, C. (2022) Online collaborative translation: its ethical, social, and conceptual conditions and consequences // Perspectives. № 30 (1). P. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.1080/0907676X.2021.1872662>

Дата поступления: 12.01.2023 г.

Дата принятия: 12.02.2024 г.

REFERENCES

Arefyev, A. L., Bakhtikireeva, U. M. and Sinyachkin, V. P. (2021). Issues of bilingualism in the school language education system of the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 255–272. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.14>

Borgoiakova, T. G. and Bitkeeva, A. N. (2023) The Tuvan component of the bilingual space or reflections on the strategy of state support of the Tuvan language. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 290–300. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.20>

Dyrkheeva, G. A. and Tsybenova, Ch. S. (2020) Language attitudes and language loyalty of minor language speakers under the conditions of national-Russian bilingualism: the case of Buryats and Tuvans. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 62–74. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.5>

Kuzhugget, Sh. Yu., Suvandii, N. D. and Lamazhaa, Ch. K. (2021) The problem of translating cultural concepts into another language (on the example of Tuvan cultural concepts). *Polylinguality & transcultural practices*, no. 18. (4), pp. 405–420. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-4-405-420>

Ondar, Ch. G., Dongak, V. S. and Mongush, D. Sh. (2023). The Tuvan language on the Internet: representation, challenges, and prospects. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 186–207. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.11>

Papyn, A. S. (2010) Tuvan keyboard layout. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 19–25. (In Russ.)

Tuvans: Native People (2022). Ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 344 pp. (In Russ.)

Athaluri, S. A., Manthena, S. V., Kesapragada, V. K. M., Yarlagadda, V., Dave, T. and Duddumpudi, R. T. S. (2023) Exploring the boundaries of reality: investigating the phenomenon of artificial intelligence hallucination in scientific writing through ChatGPT references. *Cureus*, no. 15(4). DOI: <https://doi.org/10.7759/cureus.37432>

Armstrong, L. E., Bergeron, M. F., Lee, E. C., Mershon, J. E. and Armstrong, E. M. (2022) Overtraining syndrome as a complex systems phenomenon. *Frontiers in Network Physiology*, no. 1 (20). DOI: <https://doi.org/10.3389/fnetp.2021.794392>

Garcia, X. Bansal, Y, Cherry, C., Foster, G., Krikun, M., Feng, F., Johnson, M. and First, O. (2023) The unreasonable effectiveness of few-shot learning for machine translation. *International Conference on Machine Learning*, PMLR, pp. 10867-10878. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2302.01398>

Le, T. N. and Sadat, F. (2020) Revitalization of indigenous languages through pre-processing and neural machine translation: The case of Inuktitut. *Proceedings of the 28th International Conference on Computational Linguistics*, pp. 4661-4666. DOI: <https://doi.org/10.18653/v1/2020.coling-main.410>.

Sreelekha, S., Bhattacharyya, P., Jha, S. K. and Malathi, D. (2016) A survey report on evolution of machine translation. *IJCTA*, 9 (33), pp. 233–240 [online]: https://www.serialsjournals.com/abstract/65435_article-24.pdf (access date: 12.11.2023).

Srinivasan, K., Raman, K., Chen, J., Bendersky, M. and Najork, M. (2021) Wit: Wikipedia-based image text dataset for multimodal multilingual machine learning. *Proceedings of the 44th International ACM SIGIR Conference on Research and Development in Information Retrieval*, pp. 2443–2449. DOI: <https://doi.org/10.48550/arXiv.2103.01913>

Spennemann, D. H. R. (2023) ChatGPT and the generation of digitally born “knowledge”: How does a generative AI language model interpret cultural heritage values? *Knowledge*, no. 3, pp. 480–512. DOI: <https://doi.org/10.3390/knowledge3030032>

Zwischenberger, C. (2022) Online collaborative translation: its ethical, social, and conceptual conditions and consequences. *Perspectives*, no. 30 (1), pp. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.1080/0907676X.2021.1872662>

Submission date: 12.01.2023.

Accepted date: 12.02.2024.

DOI: 10.25178/nit.2024.1.2

Статья

Языковые ландшафты Кызыла и Улан-Удэ как зеркало региональной языковой политики

Эржен В. Хилханова

Институт языкознания РАН, Российская Федерация,

Чойган Г. Ондар

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве

Республики Тыва, Российская Федерация,

Вячеслав В. Иванов

Институт языкознания РАН, Российская Федерация,

Карен С. Акопян

Российско-Армянский (Славянский) университет, Армения

Статья посвящена сопоставительному изучению языковых ландшафтов Кызыла и Улан-Удэ и функционированию в них государственных языков Тувы и Бурятии. В основу данной работы легла смешанная методология, включающая анализ официальных документов, регламентирующих языковую политику в обеих республиках, и анализ визуальной текстовой информации (вывесок, табличек, объявлений государственных учреждений и частных организаций и т. д.). Информация была собрана методом сплошной фиксации в центральных и окраинных районах столиц обеих республик.

Анализ показал доминирование русского языка и второстепенность тувинского и бурятского языков в языковых ландшафтах. Это видно как в малой количественной представленности последних, так и в характере оформления — меньшем размере надписей, расположении и т. д. Зафиксированы также нарушения законов о языках Республик Тыва и Бурятия, орфографические и прочие ошибки в надписях на тувинском и бурятском языках. Выявлено, что в Кызыле нет разницы между языковым ландшафтом центральных и периферийных улиц, а в Улан-Удэ прописанное в законе двуязычие языкового ландшафта наблюдается преимущественно в центре города. Это объясняется и большей концентрацией в центре государственных учреждений, достопримечательностей и объектов культуры, старающихся соблюдать требования закона, и стратегиями владельцев частных бизнесов, стремящихся извлечь выгоду из национальных брендов республики, национальной кухни.

Выявленные сходства характерны не только для Кызыла и Улан-Удэ, но и для столиц других национальных республик России. Туристический, экономический и идентификационный потенциал языковых ландшафтов еще ждет своего осознания. В настоящий момент «нивелированные» языковые ландшафты не отражают в должной мере культурное и языковое своеобразие многонациональной страны и не «работают» на туристическую привлекательность исследованных регионов.

Ключевые слова: языковой ландшафт; Кызыл; Улан-Удэ; языковая политика; закон о языках; Тува; Бурятия; тувинский язык; бурятский язык; русский язык

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00590, <https://rscf.ru/project/24-28-00590/>

Для цитирования:

Хилханова Э. В., Ондар Ч. Г., Иванов В. В., Акопян К. С. Языковые ландшафты Кызыла и Улан-Удэ как зеркало региональной языковой политики // Новые исследования Тувы. 2024, № 1. С. 18-38. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.2>

Хилханова Эржен Владимировна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН. Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., д. 1/1. Эл. адрес: erzhen133@mail.ru

Ондар Чойган Геннадиевич — кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора языкознания Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. Адрес: 67000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Эл. адрес: choygandi@mail.ru

Иванов Вячеслав Валерьевич — младший научный сотрудник Научного центра по сохранению, возрождению и документации языков России Института языкознания РАН. Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., д. 1/1. Эл. адрес: vvivanov@iling-ran.ru

Акопян Карен Суменович — кандидат филологических наук, доцент, и.о. профессора, заведующий кафедрой русского языка и профессиональной коммуникации Института гуманитарных наук, руководитель Центра русистики Российско-Армянского (Славянского) университета. Адрес: 0051 Армения, г. Ереван, ул. Овсепя Эмина, д. 123. Эл. адрес: karen.hakobyan@rau.am

The linguistic landscapes of Kyzyl and Ulan-Ude as a mirror of regional language policy

Erzhen V. Khilkhanova

Institute of Linguistics of the RAS, Russian Federation,

Choigan G. Ondar

*Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research
under the Government of the Republic of Tuva, Russian Federation,*

Viacheslav V. Ivanov

Institute of Linguistics of the RAS, Russian Federation,

Karen S. Hakobyan

Russian-Armenian (Slavonic) University, Armenia

The article is dedicated to the comparative study of the linguistic landscapes of Kyzyl and Ulan-Ude, and the functioning of the official languages in Tuva and Buryatia in them. This work is based on a mixed methodology that includes the analysis of official documents regulating language policy in both republics, and the analysis of visual textual information such as signage, signs, and announcements from public institutions and private organizations. The information was collected using the method of total fixation in the central and suburban areas of both capital cities.

The analysis revealed the dominance of Russian and the secondary significance of Tuvan and Buryat in the linguistic landscapes. This can be seen both in the relatively small number of inscriptions in these languages and in their design, with smaller inscriptions and a more restricted location. There are also violations of the laws regarding languages in the Republics of Tuva and Buryatia. Spelling and other errors are also recorded in inscriptions in both Tuvan and Buryat. It was found that in Kyzyl, there is no significant difference in the linguistic landscape between central and peripheral areas. In Ulan-Ude, however, bilingualism as prescribed in the law can be observed mainly in the city center, with most of the signs in Russian.

This is due to the higher concentration of state institutions, attractions, and cultural facilities in the city center, in an effort to comply with legal requirements, and the strategies of private businesses seeking to capitalize on the national brands and cuisine of the Republic. These similarities are not unique to Kyzyl or Ulan-Ude but are also found in the capitals of other republics in Russia. The potential for tourism, economic development, and identity is still waiting to be realized. Currently, «leveled» landscape features do not accurately reflect the cultural and linguistic diversity of a multi-ethnic country and do not contribute to the tourist attraction of these regions.

Keywords: linguistic landscape; Kyzyl; Ulan-Ude; language policy; law on languages; Tuva; Buryatia; Tuvan language; Buryat language; Russian language

Financing

The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation, number 24-28-00590, <https://rscf.ru/project/24-28-00590/>

For citation:

Khilkhanova E. V., Ondar Ch. G., Ivanov V. V. and Hakobyan K. S. The linguistic landscapes of Kyzyl and Ulan-Ude as a mirror of regional language policy. *New Research of Tuva*, 2024, no. 1, pp. 18-38. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.2>

KHILKHANOVA, Erzhen Vladimirovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Leading researcher, Research Center on Ethnic and Language Relations, Institute of Linguistics of the RAS. Postal address: 1 bld. 1 Bolshoy Kislovsky lane, 125009, Moscow, Russia. E-mail: erzhen133@mail.ru **ORCID ID: 0000-0001-9369-343X**

ONDAR, Choigan Gennadievich, Candidate of Philology, Researcher, Linguistic Sector, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva. Postal address: 4 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russia. E-mail: choygandi@mail.ru **ORCID ID: 0000-0001-5779-4217**

IVANOV, Viacheslav Valerievich, Junior Researcher, Research Center for the Preservation, Revitalization and Documentation of the Languages of Russia, Institute of Linguistics of the RAS. Postal address: 1 bld. 1 Bolshoy Kislovsky Lane, 125009 Moscow, Russia. E-mail: vvivanov@iling-ran.ru **ORCID ID: 0000-0003-0756-0820**

HAKOBYAN, Karen Surenovich, Candidate of Philology, Associate Professor, Acting Professor, Head, Department of Russian Language and Professional Communication, Institute of Humanities, Head, Russian Studies Center, Russian-Armenian (Slavonic) University. Postal address: 123 Hovsep Emin Street, Yerevan, 0051 Armenia. E-mail: karen.hakobyan@rau.am **ORCID ID: 0000-0002-4933-2933**

Введение

Исследования языковых ландшафтов, вошедшие в научный репертуар российских социолингвистов уже после 2000-х гг. (Федорова, 2014; Алос-и-Фонт, 2015; Баранова, Федорова, 2020a; Баранова, Федорова, 2020b и др.), на сегодняшний день являются уже довольно популярным направлением социолингвистических и междисциплинарных изысканий. В то же время изучение языковых ландшафтов считается и социолингвистическим методом сбора и анализа материала (Павленко, 2017; Кирилина, 2013).

Под языковым ландшафтом (далее — ЯЛ) в его классическом определении подразумевается «язык публичных дорожных знаков, рекламных щитов, названий улиц и заведений, вывесок магазинов и государственных учреждений» (Landry, Bourhis 1997: 25). Все вышеперечисленное можно назвать *единицами* ЯЛ. ЯЛ особенно интересен как объект научного исследования в многоязычных городах, поскольку он может многое сказать о: 1) языковой политике государства, отраженной в первую очередь в законодательном регулировании публичного городского пространства; 2) деятельности и агентивности «низовых» акторов языковой политики в создании городского многоязычия и оценке этими акторами как символической, так и экономической (коммодификационной) ценности языков; 3) распределении влияния и власти между разными языками, сосуществующими на одной территории.

ЯЛ российских городов изучен неравномерно. Лучше изученными являются в первую очередь столичные города-мегаполисы — Москва, Санкт-Петербург (Баранова, Федорова, 2020ab; Федорова, 2014), столицы некоторых национальных республик РФ — Казани, Чебоксар, Уфы, Якутска (Габдрахманова, Махмутов, Сагдиева, 2015; Solnyshkina, Ismagilova, 2015; Алос-и-Фонт, 2015; Салихова, 2022; Ferguson, Sidorova, 2018; Manchurina, Samsonova, 2022; и др.¹), и некоторые крупные города, такие как Владивосток, Красноярск, Иркутск (Викулова, Серебренникова, 2014; Подберезкина, 2002; и др.²). ЯЛ сибирских, восточных регионов России (за исключением Якутска) в целом исследован недостаточно. ЯЛ Кызыла является почти неизученным; исключение составляет статья об использовании женских имен в названиях улиц тувинских городов (Пушкарева, Жидченко, 2021) и статья об эргонимах и урбонимах Кызыла в аспекте экологии русского языка (Ондар, 2011). По Улан-Удэ некоторые закономерности ЯЛ были описаны одним из авторов данной статьи В. В. Ивановым (Иванов, 2020, 2023).

Цель настоящей статьи формулируется как сопоставительное исследование языковых ландшафтов Кызыла и Улан-Удэ как зеркала региональной языковой политики. Ограниченность формата статьи, а также отсутствие специальных исследований по ЯЛ Кызыла определили фокус нашего исследования: государственные языки Республики Тыва (далее — РТ) и Республики Бурятия (далее — РБ) — тувинский, бурятский и русский. Иностранные языки, хотя они также вносят вклад в многоязычные городские ландшафты, вынужденно выносятся за рамки настоящей работы и станут объектом дальнейших исследований. Выбор данных городов, помимо слабой изученности, обусловлен тем, что Кызыл и Улан-Удэ, репрезентирующие Тыву и Бурятию как *pars pro toto*³, объединены тем, что это регионы России с самобытной восточной культурой, отражающейся и в ЯЛ, и тем, что тувинский и бурятский языки обладают в них юридически равным статусом республиканских государственных языков наряду с русским, что делает данные города сопоставимыми.

Теория, методы и материалы исследования

Исследование вписывается в теоретико-методологические рамки антропологически-ориентированной ветви социолингвистики, включая такие ее субдисциплины, как этнография языковой политики, коммодификация языков, исследования языковых идеологий и языковых установок (см. об этом, напр.: Хилханова, Иванов, 2023). Языковая политика понимается нами как дискурсивный и многоуровневый процесс, проводимый не только «сверху», но и «снизу», что отражается и в ЯЛ городов, делая видимым вклад официальных и «низовых» акторов в создание городского многоязычия.

¹ Исмагилова А. Р. Асимметрия эргономиконов г. Казани и г. Белфаста : дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2018.

² Михайлюкова Н. В. Тексты городских вывесок как особый речевой жанр (на материале языка г. Владивостока): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2013.

³ *Pars pro toto* 'Часть вместо целого' (лат.).

В основу данного исследования легла смешанная методология, предложенная П. Бакхаусом (Backhaus 2007; см. также: Ben-Rafael et al., 2006). Методология включает: 1) анализ официальных документов, регламентирующих языковую политику в обеих республиках; 2) анализ ЯЛ Кызыла и Улан-Удэ, построенный на сборе и интерпретации визуальной текстовой информации (вывесок, табличек, объявлений как государственных учреждений, так и частных организаций) с помощью количественных и качественных методов. При сборе материала был использован метод сплошной фиксации визуальной текстовой информации на нескольких улицах Кызыла и Улан-Удэ, представляющих как исторические центры данных городов, так и периферийные, «спальные» районы. Такой принцип был применен ранее Э. Алос-и-Фонтом и Г. Ф. Габдрахмановой и ее коллегами (Алос-и-Фонт, 2015; Габдрахманова, Махмутов, Сагдиева, 2015). Результатом такого подхода является «большая достоверность картины языкового ландшафта города» (Габдрахманова, Махмутов, Сагдиева, 2015: 24), т. к. такой подход позволяет понять не только «официальный уровень» ЯЛ, но и уровень его повседневности. Последнее представляется особенно важным, т. к. показывает языковые практики и мотивацию к владению и использованию того или иного языка как у «рядовых граждан», так и у отдельных предприятий, организаций, частных фирм и т. п. Все это в итоге показывает реальный статус языка (там же: 5).

Источниковую базу исследования составили 1075 единиц ЯЛ г. Улан-Удэ и 1227 единиц ЯЛ г. Кызыла, а также официальные документы, регламентирующие языковую политику в РТ и РБ.

При изучении языкового ландшафта Кызыла исследованы две улицы: одна центральная — улица Кочетова и одна периферийная — улица Оюна Курседи. Материал собирался в конце декабря 2023 г. методом сплошной выборки и содержит 701 фотографию: 566 фотографий с улицы Кочетова, 135 — с улицы Оюна Курседи, на которых в совокупности представлено 1227 знаков. Мы не фиксировали дорожные знаки и названия улиц, так как в Кызыле они повсеместно указываются исключительно на русском языке.

Материал для исследования ЯЛ города Улан-Удэ был собран в августе 2021 г. также методом сплошной выборки. Анализ ЯЛ столицы РБ в настоящей статье охватил несколько улиц Железнодорожного и Октябрьского районов столицы Бурятии, а также исследованного ранее Советского района (Иванов, 2020, 2023), считающегося административным центром города. Железнодорожный район характеризуется большим числом промышленных предприятий, сосредоточенных на его территории (Локомотивовогагоноремонтный завод, ТЭЦ-1, Приборостроительный завод, Авиационный завод и др.). В отличие от него, в Октябрьском районе Улан-Удэ расположена большая часть спальных кварталов, а также большое количество мест проведения досуга (театры, торговые центры, парки). Советский район включает в себя большое число государственных учреждений (административные, образовательные, учреждения культуры и др.), а также отелей, торговых центров, заведений общественного питания (кафе, ресторанов и др.), аптек и многих других заведений частного бизнеса.

Языковой ландшафт г. Кызыла

Основными законами, регулирующими функционирование государственных и других языков в РТ, являются Конституция Республики Тыва¹ и закон «О языках в Республике Тыва» от 31 декабря 2003 года (далее — закон)². Согласно законам РТ в лице органов государственной власти республики обеспечивают равноправное функционирование тувинского и русского языков как государственных языков РТ.

Первый специализированный закон о статусе языков республики «О языках в Тувинской АССР» был принят 14 декабря 1990 г., где государственным языком обозначен тувинский язык, а русский как

¹ Конституция Республики Тыва. 6 мая 2001 года [Электронный ресурс] // Официальный портал Республики Тыва. URL: <https://rtyva.ru/content/1538/21501/> (дата обращения: 18.01.2024).

² Закон Республики Тыва от 31 декабря 2003 года «О языках в Республике Тыва» (с изменениями на 21 ноября 2022 года) [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/802019672> (дата обращения: 18.01.2024).

³ Закон Тувинской АССР от 14 декабря 1990 года «О языках в Тувинской АССР». [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=166013866&backlink=1&&nd=166016463> (дата обращения: 18.01.2024).

язык межнационального общения⁵. В главе 4 «Наименование населенных пунктов, имена собственные. Знаки и информация» данного закона изложены основные положения, связанные с выбором языка оформления визуального пространства республики. В статье 27 указано, что наименования населенных пунктов, улиц, площадей, дорожные указатели, названия учреждений, предприятий, организаций и их структурных подразделений оформляются на тувинском и русском языках. Отдельный пункт статьи 28 регламентирует порядок следования языков во всех текстах визуальной информации: слева или сверху — текст на тувинском языке, справа или снизу — текст на русском языке. Также в данной статье приводятся пункты, которые регламентируют использование и тувинского, и русского языков при оформлении текстов бланков, вывесок, объявлений, официальной рекламы, прейскурантов, ценников и другой информации, а при оформлении этикеток товаров, маркировок, инструкций к товарам, произведенных в республике, производители обязаны использовать и тувинский, и русский языки.

Однако в действующем законе¹ такая детализация уже отсутствует. В статье 13 «Использование языков в официальном делопроизводстве» действующего закона установлено, что «тексты с наименованиями государственных органов и учреждений оформляются на государственных языках Республики Тыва»², и «располагаются следующим образом: слева или сверху — текст на тувинском языке, справа или снизу — текст на русском языке и выполняются одинаковыми буквами»³.

Что касается языкового оформления вывесок сферы обслуживания и коммерческой деятельности, то в данном законе нет никаких указаний по данному вопросу. Хотя в статье 18 «Языки, используемые в сфере обслуживания и в коммерческой деятельности» в общем отмечено, что «делопроизводство в сфере обслуживания и коммерческой деятельности ведется на русском языке, а в случаях, предусмотренных договорами между деловыми партнерами, — на тувинском языке или иных языках»⁴.

В статье 19 обозначено, что «написание наименований географических объектов и оформление надписей, дорожных и иных указателей производятся на государственном языке Российской Федерации»⁵, и далее указано, что написание «может производиться и на тувинском языке»⁶.

Таким образом, мы видим, что с одной стороны, республиканское законодательство дает право использования тувинского языка в публичных надписях и указателях, с другой — это право, которое имеет необязательный характер. Как мы видим, в языковой политике РТ за более чем 30 лет произошли существенные изменения. Если в 1990-е годы за тувинским языком закреплялся статус основного языка, то сейчас наблюдается дисбаланс в сторону укрепления статуса русского языка как государственного языка Российской Федерации (Боргоякова, Биткеева, 2020; Биткеева, Цыбенкова, 2022). И это коррелируется с вектором общей этнонациональной политики в Тыве (Тарбастаева, 2016: 119).

Однако в задачах недавно принятой «Стратегии государственной поддержки и развития тувинского языка в период с 2024 по 2033 гг.», утвержденной Указом Главы Республики Тыва от 21 августа 2023 г. № 274, обозначено «создание тувиноязычной языковой среды, языкового ландшафта в

¹ Закон Республики Тыва от 31 декабря 2003 года «О языках в Республике Тыва» (с изменениями на 21 ноября 2022 года) [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/802019672> (дата обращения: 18.01.2024).

² Пункт 2 статьи 13 Закона Республики Тыва от 31 декабря 2003 года «О языках в Республике Тыва» (с изменениями на 21 ноября 2022 года) [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/802019672> (дата обращения: 18.01.2024).

³ Пункт 2 статьи 13 Закона Республики Тыва от 31 декабря 2003 года «О языках в Республике Тыва» (с изменениями на 21 ноября 2022 года) [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/802019672> (дата обращения: 18.01.2024).

⁴ Пункт 2 статьи 18 Закона Республики Тыва от 31 декабря 2003 года «О языках в Республике Тыва» (с изменениями на 21 ноября 2022 года) [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/802019672> (дата обращения: 18.01.2024).

⁵ Пункт 1 статьи 19 Закона Республики Тыва от 31 декабря 2003 года «О языках в Республике Тыва» (с изменениями на 21 ноября 2022 года) [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/802019672> (дата обращения: 18.01.2024).

⁶ Там же.

общественной жизни Республики Тыва»⁷ (см.: Боргоякова, Биткеева, 2023), что безусловно может рассматриваться как позитивное условие для решения данной проблемы.

Приступая к описанию представленности государственных языков в ЯЛ республики, начнем с количественного распределения единиц ЯЛ по языку и системам письма (см. табл. 1). Хотя в предмет исследования данной работы не входит анализ языковых знаков на иностранных языках, мы все же включили их в общую таблицу, так как, с одной стороны, в отличие от бурятского, на материале тувинского языка таких исследований не проводилось, с другой стороны, эти количественные показатели хорошо иллюстрируют слабую представленность тувинского языка даже по сравнению, например, с английским языком.

Языковое оформление Кызыла на исследуемых улицах представлено двумя государственными языками РТ (тувинский и русский), шестью иностранными (английский, французский, испанский, немецкий, японский и корейский), а также якутским языком, и четырьмя системами письма: кириллицей, латиницей, хирагана (японский) и шрифтом Брайля.

Таблица 1. Представленность языков в языковом ландшафте г. Кызыла
Table 1. Representation of languages in the linguistic landscape of Kyzyl

Язык знаков	Система письма	Количество знаков	Доля представленности, %
Русский	Кириллица	965	79
	Латиница	5	
Тувинский	Кириллица	99	8,4
	Латиница	4	
Английский	Кириллица	5	11,2
	Латиница	133	
Французский	Латиница	5	0,4
Испанский	Латиница	1	0,1
Немецкий	Латиница	1	0,1
Японский	Латиница	1	0,2
	Хирагана	1	
Корейский	Латиница	1	0,1
Якутский	Кириллица	1	0,1
Шрифт Брайля	Шрифт Брайля	5	0,4

Сразу заметно, что подавляющее большинство знаков — на русском языке. На нем представлены все типы и формы элементов языкового пространства. Тувинский язык сильно (почти в 10 раз) уступает по представленности русскому, и немного даже английскому языку, при очевидном численном доминировании тувинского населения среди жителей города. Такая же картина была выявлена по результатам исследования представленности тувинского языка в региональном интернет-пространстве (Ондар, Донгак, Монгуш, 2023).

Названия компаний и частных заведений, расположенных на обследованных улицах, в основном идут на русском языке, а названия на тувинском языке составляют 7,6% (21 ед. из 277). При этом доля английских названий — 19% (53 ед.). И мы не выявили существенной разницы между представленностью языков в ЯЛ центральной и периферийной улиц.

Представленность тувинского языка в ЯЛ обследованных улиц условно можно разделить на четыре группы в зависимости от типа учреждений и самих вывесок.

⁷ Указ Главы Республики Тыва от 21 августа 2023 года № 274 «О стратегии государственной поддержки и развития тувинского языка в период с 2024 по 2033 гг.» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/406801790> (дата обращения: 18.01.2024).

Фото 1. Вывеска гостиницы «Монгулек» в г. Кызыле. Фото Р. А. Ондар, 2023 г.
Photo 1. The sign of the hotel "Mongulek" in Kyzyl. Photo by R. A. Ondar, 2023.

В первую группу знаков объединены названия частных коммерческих заведений. Чаще всего тувинское название носят рестораны и банкетные залы («Аалчы», «Бай-Сайыр», «Эне-Сай», «Өлчей», «Улар»), аптеки и медицинские центры, «Буянныг», «Одучу», «Кулактар» (магазин слуховых аппаратов), («Эзир-Кара» (ветеринарная аптека), магазины сувенирной продукции («Өлчей», «Белек»), гостиницы («Монгулек»), микрофинансовые организации («Акша», «Aldyn chery») и др. При этом хотим обратить внимание на то, что некоторые названия, даже будучи приведенными как тувинские, имеют русское написание, т. е. без тувинских букв. Например, название гостиницы «Монгулек» (фото 1), которое правильно по-тувински должно быть написано как «Мөңгүлек».

Таким образом, учитывая клиентоориентированность названий частных коммерческих организаций, небольшая доля названий на тувинском языке является показателем низкого потенциала тувинского языка в привлечении клиентов, т. е. о его низкой коммодификационной ценности¹. Это также говорит и о престиже, и о статусе языка.

Во вторую группу знаков можно отнести продублированные тексты с наименованиями государственных органов и учреждений. Если на названия частных заведений действие закона не распространяется, то порядок оформления данной группы знаков регламентируется. Чаще всего они действительно дублируются на двух государственных языках республики.

Во-первых, в государственных учреждениях, расположенных на обследованных улицах, чаще нарушаются требования закона о расположении языков в оформлении наименований государственных учреждений. Практически во всех вывесках слева или сверху, где должны быть тексты на тувинском языке, располагаются тексты на русском языке, а тексты на тувинском языке везде — справа и снизу, т. е. повсюду сначала идут тексты на русском языке. Такие нарушения зафиксированы, например, на вывесках здания департамента по социальной политике мэрии г. Кызыла (фото 2) и госучреждения «Рефармация» (фото 3).

При этом мы зафиксировали много случаев нарушений правил тувинской орфографии в текстах наименований госучреждений. Из 8 госучреждений, которые продублировали наименования на тувинском языке, в 5 случаях (62,5%) зафиксированы орфографические ошибки. Они все связаны с пренебрежением тремя уникальными буквами тувинского алфавита (ө, ң, ү). Например, на вывеске с наименованием департамента по социальной политике Мэрии г. Кызыла допущено 2 ошибки в словах *хоорайның* 'города' и *Мэриязының* 'Мэрии', в обоих случаях вместо ң родительного падежа написаны

¹ Коммодификация (*commodification*) языка — процесс обретения языком денежной стоимости и превращения его в своеобразный товар — представляет собой новое направление западной социолингвистики. Оно строится на той же теоретической платформе, что и экономика языка, в частности на положении, что языки — это формы символического капитала, которые можно превратить в экономический капитал (зарплата, дополнительная прибыль), а языковое пространство — рынок, где различные языки и формы языка (например, академический язык) имеют различную стоимость, определяемую господствующими социальными группами и правящими структурами (Хилханова, Иванов, 2023: 130).

Фото 2. Вывеска Департамента по социальной политике Мэрши г. Кызыла. Фото Р. А. Ондар, 2023 г.
 Photo 2. The signboard of the Department of Social Policy of the City Hall of Kyzyl. Photo by R. A. Ondar, 2023.

Фото 3. Вывеска Государственного бюджетного учреждения Республики Тыва «Рефармация». Фото Ч. Г. Ондара, 2023 г.
 Photo 3. The signboard of the State budgetary institution of the Republic of Tuva "Refarmation". Photo by Ch. G. Ondar, 2023.

Фото 4. Вывеска отдела технической литературы и сектора сельскохозяйственной литературы Национальной библиотеки им. А. С. Пушкина. Фото Ч. Г. Ондара, 2023 г.
 Photo 4. The signboard of the Department of Technical Literature and the agricultural literature sector of the Pushkin National Library. Photo by Ch. G. Ondar, 2023.

Фото 5. Вывеска Республиканской больницы № 1. Фото Ч. Г. Ондара, 2023 г.
 Photo 5. The sign of the Republican Hospital No. 1. Photo by Ch. G. Ondar, 2023

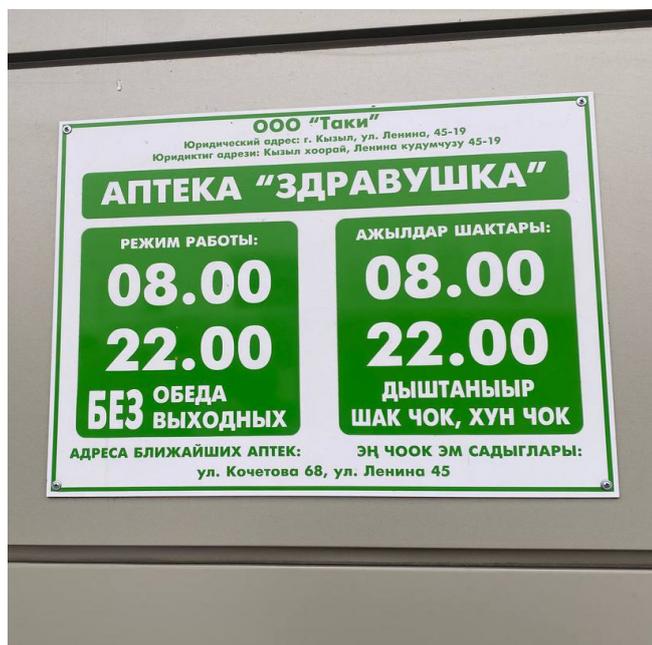

Фото 6. Вывеска на русском и тувинском языках аптеки «Здравушка» (ООО «Таки»). Фото Ч. Г. Ондара, 2023 г.
Photo 6. Signboard in Russian and Tuvan of the pharmacy "Zdravushka" (LLC "Taki"). Photo by Ch. G. Ondar, 2023.

Фото 7. Вывеска на русском и тувинском языках аптеки «Эдельвейс» (ООО «Абакан-Косметик»).

Фото Ч. Г. Ондара, 2023 г.

Photo 7. The sign in Russian and Tuvan languages of the pharmacy "Edelweiss" (LLC "Abakan-Cosmetics").

Photo by Ch. G. Ondar, 2023.

буквы *н* (фото 2), а на вывеске государственного учреждения «Рефармация» (фото 3) два раза в слове *Республика-ның* 'Республики' конечная *ң* заменена на *н*, там же в слове *күрүне* 'государственный' две буквы *ү* заменены буквой *у*.

Во-вторых, не все государственные учреждения имеют наименования на тувинском языке, например, нет полной продублированной надписи на тувинском языке у отдела технической литературы, сектора сельскохозяйственной литературы и читального зала Национальной библиотеки имени А. С. Пушкина РТ, располагающихся в зданиях на улице Кочетова (фото 4), а также у Государственного бюджетного учреждения здравоохранения РТ «Республиканская больница №1» (фото 5), что можно расценивать как нарушение действующего законодательства. Однако следует заметить, что подавляющее большинство государственных учреждений дублируют наименования на двух государственных языках республики.

В-третьих, требование закона¹ об обязательном использовании «одинаковых букв» для тувинского и русского языков в текстах визуальной информации государственных учреждений соблюдается практически везде.

Третья группа объединяет знаки частного сектора, продублированные на русском и тувинском языках. Обычно в частном коммерческом секторе, кроме названия, тувинский язык нигде не используется. Вывески с информацией о режиме работы и другие языковые элементы фасада не продублированы. Вывески с наименованиями общественных организаций также не дублируются на тувинском языке.

Единственным позитивным примером являются аптеки, которые практически всегда дублируют вывески о режиме работы на двух государственных языках. Данное требование регламентируется

¹ Пункт 2 статьи 13 Закона Республики Тыва от 31 декабря 2003 года «О языках в Республике Тыва» (с изменениями на 21 ноября 2022 года) [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/802019672> (дата обращения: 18.01.2024).

² Пункт 22 Приказа Министерства здравоохранения Российской Федерации от 31 августа 2016 года № 647н [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420377391> (дата обращения: 18.01.2024).

пунктом 22а Приказа Минздрава РФ от 31.08.2016 г. № 647н «Правила надлежащей аптечной практики лекарственных препаратов для медицинского применения», согласно которому вне зависимости от формы собственности «аптечная организация должна иметь вывеску с указанием вида аптечной организации на русском и национальном языках: “Аптека” или “Аптечный пункт” или “Аптечный киоск”»². Такие примеры, безусловно, могут служить образцами и для других сфер частного коммерческого сектора.

Однако здесь также повсеместно пренебрегают использованием уникальных букв тувинского алфавита. Помимо этого, также допускаются орфографические, терминологические и стилистические ошибки. Например, часто в вывесках аптек о режиме работы переводом слово *выходные* используется словосочетание *дыштаныр хүн* ‘день отдыха’, и пишут удвоенные гласные «дыштаныыр», что является неправильным написанием. Или, наоборот, в другом слове вместо удвоенных гласных пишут одну букву, вместо правильного *ажылдаар* ‘работать’, пишут «ажылдар» (фото 6). Понятие *обеденный перерыв* где-то переводят словом *чапсар* ‘перемена’ (фото 7), которое имеет более узкое значение как «перемена в школе», или как *дүштээр шагы* букв. ‘обеденное время’. *Режим работы* переводят как *ажылдаар шагы*, *ажылдаар шактары* ‘рабочее время’, хотя есть более удачный перевод *ажылдаар чуруму* ‘распорядок работы’. Также разные ошибки могут быть в вывесках разных аптек одной и той же сети. Отсюда сразу видно, что нет определенной установленной терминологии переводов официальных терминов сферы публичных услуг. Что характерно, при этом ошибок и опечаток в текстах на русском языке практически мы не зафиксировали.

Если ответственность за обязательное использование уникальных букв тувинского алфавита и недопущение орфографических ошибок в текстах публичных вывесок лежит на владельцах данных заведений, то за согласование, утверждение и доведение до предпринимателей единых терминов для устойчивых словосочетаний полностью отвечают соответствующие государственные органы, в частности для этого существует Терминологическая комиссия при Правительстве РТ.

Фото 8. Объявление буддийской религиозной организации на тувинском языке. Фото Ч. Г. Ондара, 2023 г.

Photo 8. Announcement of a Buddhist religious organization in the Tuvan language. Photo by Ch. G. Ondar, 2023.

Фото 9. Афиша мюзикла Национального музыкально-драматического театра Республики Тыва.

Фото Ч. Г. Ондара, 2023 г.

Photo 9. The poster of the musical of the National Musical and Drama Theater of the Republic of Tuva. Photo by Ch. G. Ondar, 2023.

В четвертую группу мы включили знаки с более содержательными текстами на тувинском и русском языках, куда входят тексты объявлений, реклам и афиш. От общего количества объявлений, зафиксированных на исследуемом участке, доля текстов на тувинском языке составляет 10% (7 ед. из 71). Тематика объявлений, написанных на тувинском языке, связана с предложениями купить лекарственные чудо-травы, приглашения на молебны (*фото 8*), объявления о пропавших людях. При этом афиши концертов, спектаклей, выставок и т. п. оформляются исключительно на русском языке (*фото 9*).

Таким образом, при положительных факторах, включающих высокую долю тувинского населения республики, которая составляет 83% от общей численности населения, и высокий уровень владения тувинским языком, и частоту использования языка вне дома (Серээдар, 2018; Каплунова, 2022; Биткеева, Цыбеннова, 2022), ожидаемо соизмеримое соотношение его представленности в языковом оформлении публичного пространства. Однако широкая распространенность языка в устной форме не гарантирует его пропорциональной представленности в языковом ландшафте. Ключевую роль, вероятно, играют вектор региональной языковой политики и уровень престижа языка в обществе. С другой стороны, кроме контекста языковой политики и престижа языка, данная проблема может быть рассмотрена в контексте пассивности рядовых граждан, проявляющаяся в виде невнимания к ошибкам на вывесках, к отсутствию их реакции и обращениям к владельцам заведений или компетентным органам. В данной ситуации важно обратить внимание на необходимость активного участия общества в формировании и реализации языковой политики.

Языковой ландшафт г. Улан-Удэ

Языковая политика Бурятии регулируется законом РБ «О языках народов Республики Бурятия», принятом 10 июня 1992 г.¹ Данный закон согласуется с Конституцией РБ, а также федеральными законами, в частности законом РФ «О языках народов Российской Федерации» от 25 октября 1991 г. и Федеральным законом «О государственном языке Российской Федерации» от 1 июня 2005 г.

Закон РБ утверждает статус бурятского и русского языков как государственных на территории республики. Это же положение подтверждается Конституцией РБ, принятой двумя годами позже. Такой статус двух языков является отправной точкой в регламентировании их функционирования в самых разных сферах, в том числе и в ЯЛ по всей территории Бурятии.

Непосредственно ЯЛ касаются две статьи рассматриваемого закона: статьи 14 и 15. Так, статья 14 предписывает оформлять все тексты вывесок с названиями органов и организаций на двух государственных языках, а статья 15 в добавление к этому — наименования населенных пунктов, улиц и площадей. Закон РБ не требует дублирования обоих государственных языков в частных заведениях, что является вполне ожидаемым, так как закон охватывает только те сферы, которые подлежат правовому регулированию. Также стоит отметить, что в законе ничего не сказано о требованиях к расположению языков. Для сравнения, в законе Республики Башкортостан «О языках народов Республики Башкортостан» прописано, что «все тексты визуальной информации располагаются следующим образом: слева или сверху — текст на башкирском языке, справа или снизу — текст на русском языке и выполняются одинаковыми по размеру буквами»². Тем не менее, в случае Бурятии в этом отношении есть возможность опираться на федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации», согласно которому при дублировании текстов визуальной информации тексты на всех языках «должны быть идентичными по содержанию, равнозначными по размещению и техническому оформлению (иметь одинаковые параметры — цвет, тип и размер шрифта), выполнены разборчиво»³.

¹ Закон Республики Бурятия от 10 июня 1992 года № 221-ХІІ «О языках народов Республики Бурятия» (с изменениями на 4 декабря 2020 года) [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/802039037> (дата обращения: 08.01.2024).

² Пункт 2 статьи 14 Закона Республики Башкортостан от 15 февраля 1999 года № 216-з «О языках народов Республики Башкортостан» (с изменениями на 2 февраля 2023 года) [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/935103425> (дата обращения: 08.01.2024).

³ Пункт 2 статьи 3 Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» от 01.06.2005 № 53-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] // Правовой сервер КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/ (дата обращения: 08.01.2024).

В Советском районе для анализа были отобраны государственные и частные организации, расположенные внутри треугольника улиц Смолина, Борсоева и Куйбышева. Исследования (Иванов, 2020, 2023) показали превалирование русского языка в вывесках частных заведений и государственных учреждений на его территории. Бурятский же представлен в достаточно ограниченном числе мест, в которые входят государственные учреждения, дорожные указатели, указатели с названиями улиц, кафе бурятской кухни и магазины с национальной тематикой.

В Железнодорожном районе для настоящего исследования были обследованы улицы Комсомольская, Октябрьская, а также прилегающие к ним улицы Рылеева и Лимонова. Всего на них было проанализировано около 500 единиц языкового ландшафта, которые включают в себя вывески государственных учреждений (комитетов, управлений, прокуратуры, спортивных организаций, школ, парков, больниц, поликлиник и т. д.) и частных заведений (кафе, магазинов разной направленности, салонов красоты, отелей, ломбардов и т. д.).

Далее мы рассмотрим особенности представленности каждого из государственных языков на вывесках двух упомянутых типов учреждений.

На государственных учреждениях в Железнодорожном районе присутствие бурятского языка обнаружилось на 11 (9%) вывесках из 122. Так, продублированными оказались вывески различных ведомств (управления социальной защиты, мировых судей, отдела ЗАГС, прокуратуры), медицинских учреждений (отделения функциональной диагностики, поликлиники №6, женской консультации), образовательных учреждений (школа № 42). Важно отметить, что на всех перечисленных учреждениях русский и бурятский расположены по горизонтали, причем русский представлен левее, чем бурятский, что может указывать на второстепенность бурятского по отношению к русскому при законодательно равном статусе. На второстепенность относительно русского языка указывает также и то, что на официальных вывесках, содержащих и название организации, и режим работы, последний подается не на бурятском, а на русском языке. Это наглядно иллюстрируют вывески отделения детской консультации и отделения функциональной диагностики (фото 10 и 11).

Также две представленные фотографии могут показать, где не используется бурятский в государственных учреждениях. На фото 12 видно, что под официальной вывеской расположено объявление для посетителей учреждения с надписью «вход для пациентов», распечатанное на бумаге и представленное только на русском языке. С другой стороны, на фото 13 видно заметную издалека

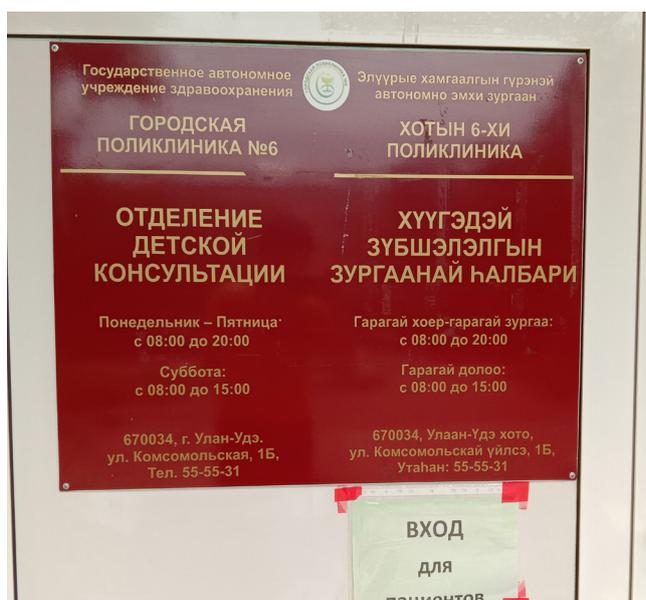

Фото 10. Вывеска отделения детской консультации и режим работы. Фото В. В. Иванова, 2021 г.
Photo 10. The signboard of the children's counseling department and the working hours. Photo by V. V. Ivanov, 2021.

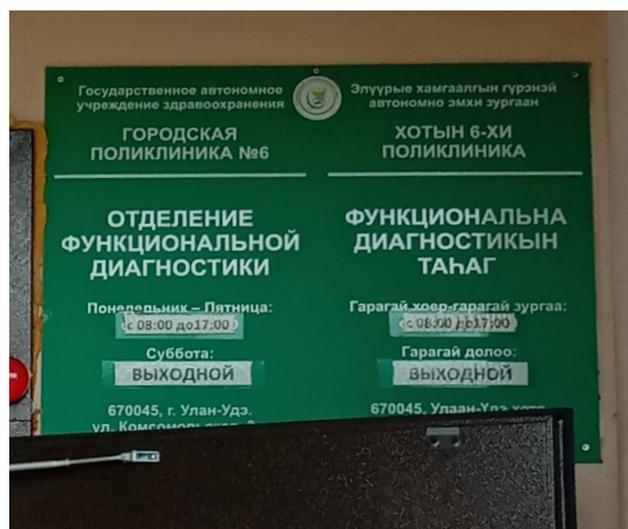

Фото 11. Вывеска отделения функциональной диагностики и режим работы. Фото В. В. Иванова, 2021 г.
Photo 11. The sign of the functional diagnostics department and the operating mode. Photo by V. V. Ivanov, 2021.

Фото 12. Вывеска «Вход для пациентов» на отделении детской консультации.
 Фото В. В. Иванова, 2021 г.
 Photo 12. The sign "Entrance for patients" at the children's consultation department.
 Photo by V. V. Ivanov, 2021.

Фото 13. Заглавная вывеска городского нейрофизиологического центра.
 Фото В. В. Иванова, 2021 г.
 Photo 13. The main sign of the city neurophysiological center.
 Photo by V. V. Ivanov, 2021.

заглавную вывеску «Городской нейрофизиологический центр», расположенную над входом в учреждение. Она также представлена только на русском языке. При этом первый случай нельзя трактовать как несоответствие закону «О языках народов Республики Бурятия», поскольку на вывеске не прописано названия учреждения. Второй же случай попадает под формулировку закона, поэтому представляется возможным расценить его как нарушение. Тем не менее, оба рассмотренных случая, а также количественная представленность бурятского языка на вывесках государственных учреждений позволяют говорить о том, что бурятский язык на них представлен формально, «для галочки», чтобы в какой-то степени соответствовать закону о языках. Реальное же его использование находится под большим сомнением, поскольку вывески, ориентированные непосредственно на посетителей, написаны только на русском языке.

Важно отметить типичные ошибки и неточности, которые встречаются на вывесках государственных учреждений. Так, в русскоязычных надписях не было выявлено ни одной орфографической ошибки. Напротив, надписи на бурятском языке содержат в себе неточности, в большинстве своем связанные с используемой терминологией, которая зачастую не соответствует принятому в 2022 г. Приказу Министерства образования и науки Республики Бурятия от 14 июня 2022 г. № 943 «Об утверждении Справочника общественно-политических терминов бурятского языка и наименований органов власти на бурятском языке»¹. Например, на бурятоязычных вывесках термин *автономный* употребляется как заимствование *автономно* вместо утвержденного Приказом *бээз дааһан* (фото 10).

Теперь перейдем к анализу вывесок частных заведений, представленных в Железнодорожном районе города Улан-Удэ. Всего на обследуемой территории было выявлено 13 вывесок (3%) из 378, которые содержат надписи на бурятском языке. Их них ни одна не является полностью бурятоязычной, абсолютно все вывески включают в себя надписи и на русском языке. Из них 5 вывесок относятся к аптекам, 3 — к заведениям общественного питания, 2 — к буддийским религиозным организациям.

¹ Приказ Министерства образования и науки Республики Бурятия от 14 июня 2022 г. № 943 «Об утверждении Справочника общественно-политических терминов бурятского языка и наименований органов власти на бурятском языке». [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Буряад Үнэн». URL: <https://burunen.ru/pravo/92459/> (дата обращения: 08.01.2024).

Фото 14. Вывеска аптеки на русском и бурятском языках в г. Улан-Удэ.
 Фото В. В. Иванова, 2021 г.
 Photo 14. The sign of the pharmacy in Russian and Buryat languages in Ulan-Ude.
 Photo by V. V. Ivanov, 2021.

Как и в случае с государственными учреждениями, важно рассмотреть использование бурятского языка на перечисленных выше заведениях. Например, использование обозначения *эмэй сан* 'аптека' на заглавных вывесках является второстепенным по отношению к русскому языку (фото 14). На это указывает во много раз меньший размер и более низкое расположение надписи на бурятском языке относительно надписи на русском. Также в качестве дополнительных факторов второстепенности бурятского языка стоит выделить и отсутствие встроенной подсветки к надписи на бурятском языке.

Несмотря на все эти минусы, стоит отметить, что в отличие от рассматриваемых случаев, на государственных учреждениях бурятский язык в заглавных вывесках не используется совсем, хотя требование такое по закону есть. Соответственно, есть основания полагать, что такие прецеденты, при всех их недочетах, формируют собой основу для более равного использования и представленности языков в городской среде Улан-Удэ.

Заведения общественного питания, имеющие бурятские названия, также позиционируют себя как кафе бурятской кухни (например, кафе «СайХан», «Шэнэ хаан»). Это наблюдение было сделано в предыдущих исследованиях автора, базирующихся на центральной части Советского района города Улан-Удэ (Иванов, 2023). Использование бурятского языка на вывесках религиозных организаций («Дугаан») также является вполне закономерным, в целом его функционирование в сфере религии отмечалось ранее в исследованиях (например, Дырхеева, 2021: 50–51). Тем не менее, бурятский язык присутствует только в названиях рассматриваемых заведений, в то время как вся остальная сопровождающая информация о типе и деятельности заведения представлена исключительно на русском языке без дублирования (фото 15 и 16). Несмотря на это, стоит отметить, что надпись *дугаан* на вывеске не соответствует нормативному написанию данного слова *дуган* на бурятском языке.

Фото 15. Бурятский язык на вывеске буддийской религиозной организации «Дугаан». Фото В. В. Иванова, 2021 г.
 Photo 15. The Buryat language on the signboard of the Buddhist religious organization "Dugaan". Photo by V. V. Ivanov, 2021.

Фото 16. Бурятский язык в названии кафе бурят-монгольской кухни «СайХан». Фото В. В. Иванова, 2021 г.
 Photo 16. The Buryat language in the name of the cafe of Buryat-Mongolian cuisine "SaiKhan". Photo by V. V. Ivanov, 2021.

В Октябрьском районе города Улан-Удэ были также обследованы две улицы — Бабушкина и Терешковой, а также прилегающая к последней улица Павлова. На них также было проанализировано более 500 вывесок, которые относятся и к государственным учреждениям (администрациям, медицинским и образовательным учреждениям, учреждениям культуры и т. д.), и к частным заведениям (магазинам разной направленности, кафе, баров, микрокредитных организаций, салонов красоты и т. д.).

На государственных учреждениях в Октябрьском районе лишь на 12 (14%) из 84 вывесок встречаются надписи на бурятском языке. При этом из них полностью продублированными на двух государственных языках оказались лишь половина (6 вывесок). Характер дублирования на большинстве из вывесок совпадает с тем, что наблюдается в Железнодорожном районе: например, на вывеске управления социальной защиты населения (фото 17) надписи на русском и бурятском языках оформлены единым шрифтом и размером, однако русский расположен либо выше, либо левее, чем бурятский, что также может свидетельствовать о второстепенности бурятского языка на них. На это же указывает и использование неактуальной заимствованной терминологии на данной вывеске (республикын вместо уласай, социальна вместо ниигэмэй, управлени вместо хүтэлбэри), а также отсутствие продублированного на бурятский язык режима работы.

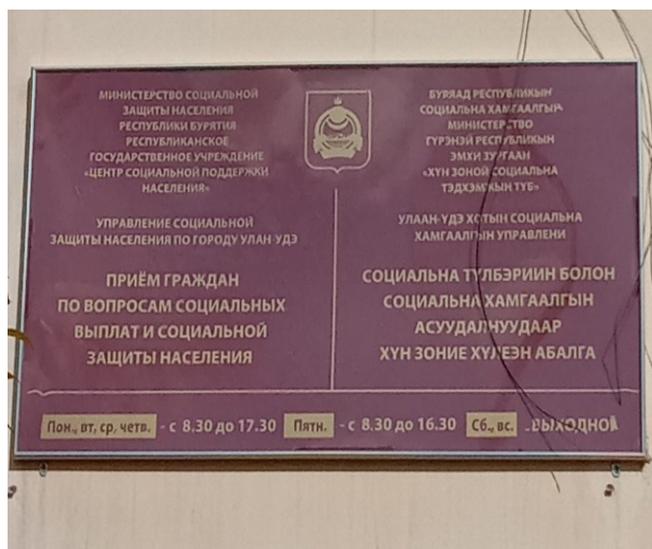

Фото 17. Вывеска управления социальной защиты населения на русском и бурятском языках в г. Улан-Удэ.
 Фото В. В. Иванова, 2021 г.
 Photo 17. The signboard of the Department of Social protection of the population in Russian and Buryat languages in Ulan-Ude.
 Photo by V. V. Ivanov, 2021.

Фото 18. Вывески на двери Русского драматического театра им. Н. А. Бестужева. Фото В. В. Иванова, 2021 г.
 Photo 18. Signs on the door of the Russian Drama Theater named after N. A. Bestuzhev. Photo by V. V. Ivanov, 2021.

Имеют место и другие случаи некоторых учреждений, в которых дублирование на двух государственных языках осуществляется частично лишь на некоторых вывесках, в то время как другие представлены только на русском языке.

Ярким примером может служить Русский драматический театр им. Н. А. Бестужева (фото 18). Вывеска с режимом работы кассы театра полностью продублирована на русском и бурятском языках, а следующий за ней указатель малой сцены и служебного входа — только на русском. Также можно отметить, что и вывеска с информацией для зрителей подана только на русском языке. С одной стороны, вывеска с режимом работы театральной кассы формально в соответствии с законом «О языках народов Республики Бурятия» не подлежит обязательному дублированию, так как не является вывеской с названием театра. Тем не менее, она представлена на двух государственных языках, в то время как все остальные только на русском. Объяснением может служить изменившаяся политика в отношении языков у руководства театра, которая может идти по двум направлениям: либо от однопользительности к двуязычию, либо — наоборот.

На вывесках частных учреждений в Октябрьском районе Улан-Удэ бурятский язык присутствует лишь на 15 (3%) из 488. Так же, как и в Железнодорожном, большая часть вывесок представлена на двух языках, где бурятский обычно присутствует в названии (например, «Алан Гоа», «Баянгол»), а остальная информация о заведении подается на русском языке. Также на русском языке представлена вся реклама, которая относится к частным заведениям. В то же время, на обследуемой территории встречаются надписи, представленные на обоих государственных языках и полностью дублирующие друг друга.

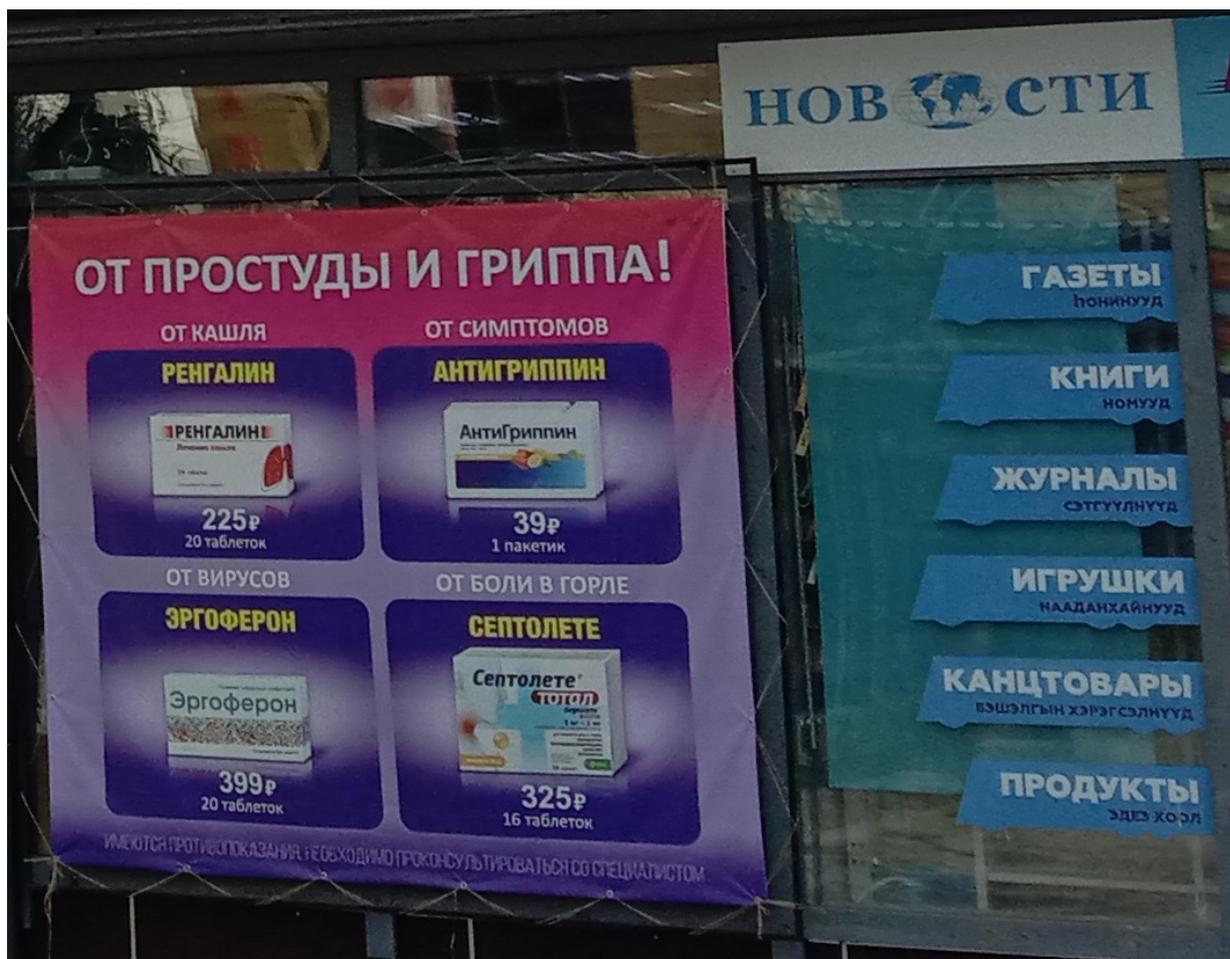

Фото 19. Рекламные вывески аптеки и киоска «Новости». Фото В. В. Иванова, 2021 г.
Photo 19. Advertising signs of the pharmacy and News kiosk. Photo by V. V. Ivanov, 2021.

Примером может служить реклама киоска «Новости» (фото 19), в которой его ассортимент представлен на русском и бурятском языках. Стоит отметить, что бурятский расположен ниже русского, выполнен гораздо меньшим размером шрифта и отличается по цвету от русскоязычных надписей. Все эти факты свидетельствуют о вторичности бурятского языка по отношению к русскому, что подтверждает наблюдения, сделанные в обоих рассматриваемых районах города Улан-Удэ.

Полученные данные по государственным языкам РБ в трех районах города Улан-Удэ можно обобщить в таблице 2.

Таблица 2. Представленность русского и бурятского языков на вывесках в трех районах г. Улан-Удэ
Table 2. Representation of Russian and Buryat languages on signage in three districts of Ulan-Ude

Район	Категория вывески	Русский язык (% от общего числа в категории)	Бурятский язык (% от общего числа в категории)
Советский	Государственные учреждения	65	31
	Частные заведения	88	6
Железнодорожный	Государственные учреждения	91	9
	Частные заведения	90	3
Октябрьский	Государственные учреждения	85	14
	Частные заведения	89	3

Из таблицы видно, что наибольшая концентрация бурятоязычных вывесок как государственных учреждений, так и частных заведений наблюдается в Советском районе, являющимся административным центром города. На втором месте по представленности бурятского языка стоит Октябрьский район, который превосходит Железнодорожный по вывескам с использованием бурятского на государственных учреждениях, однако находится на равной позиции в отношении вывесок частных заведений. В целом такое распределение подтверждает гипотезу о том, что заведения в центральном районе города гораздо чаще используют бурятский язык, чем районы, находящиеся за его пределами.

Общее и особенное

Анализ языковых ландшафтов Кызыла и Улан-Удэ выявил ряд общих и регионально-специфических характеристик. Нахождение обеих республик в государственно-правовом поле Российской Федерации обусловило сходство и нормативно-правовой основы регулирования ЯЛ. Как тувинское, так и бурятское республиканское законодательство регулируют использование государственных языков данных республик в сферах ЯЛ, подлежащих государственному регулированию, а именно в урбанонимических наименованиях и в названиях официальных учреждений, организаций и т. п. Использование языков в языковом пространстве частных коммерческих заведений юридическому регулированию не подлежит.

Отличия между законами о языках Тувы и Бурятии в области ЯЛ также есть. Во-первых, закон «О языках в Республике Тыва» от 2003 г., с одной стороны, дает право использования тувинского языка в публичных надписях и дорожных указателях, с другой — это использование регламентируется формулировкой «может производиться на тувинском языке», что придает этой регламентации необязательный характер. Визуально заметным следствием разрешительного, но не обязывающего характера закона является то, что в Кызыле названия улиц нигде не дублируются на тувинском языке. В законе же «О языках народов Республики Бурятия» обязательность прописана для указателей и географических названий, и в этом его существенное отличие. Двухязычные таблички с названиями улиц в ЯЛ Улан-Удэ (впрочем, присутствующие только в центральном Советском районе города) вносят

вклад в создание национального колорита и маркируют «бурятскость» региона. Вторым отличием между законами о языках Тувы и Бурятии является то, что в законе РТ более детально регламентируется порядок расположения языков во всех текстах визуальной информации, чего нет в законодательстве РБ. Таким образом, ни один из этих законов нельзя считать безупречным с точки зрения четкости и последовательности регламентации ЯЛ.

Анализ фактической представленности государственных языков в ЯЛ Тувы и Бурятии, равные права которых декларируются и в Конституциях, и в законах о языках данных республик, показывает неравномерность использования двух языков (тувинского и русского, бурятского и русского) даже в случаях, предусмотренных в законах. Русский язык является доминирующим языком, а тувинский и бурятский — второстепенными. На второстепенность указывает как их *малая количественная представленность* на вывесках и государственных учреждений, и частных заведений, так и *характер оформления*: меньший размер надписей; отсутствие подсветки; расположение текстов на русском левее и выше (в случае с тувинским языком противоречащее ст. 13 закона «О языках в Республике Тыва»). Нарушения законов о языках РТ и РБ зафиксированы и в таких моментах, как отсутствие наименований на тувинском и бурятском языках на некоторых вывесках государственных учреждений, и орфографические, терминологические и стилистические ошибки.

Скажем также о разнице между ЯЛ центральных и периферийных улиц в исследованных городах. Примечательно, что в Кызыле такой разницы нет, а в Улан-Удэ — есть. Она заключается в том, что прописанное в законе двуязычие языкового ландшафта Улан-Удэ наблюдается только в центре города, в Советском районе — в виде наибольшей концентрации бурятоязычных вывесок государственных учреждений, частных заведений, указателей достопримечательностей и объектов культуры на двух языках. Это свидетельствует о формальном соблюдении требований закона властями РБ, поскольку в центральных районах это более заметно, чем на периферии. Также можно предположить, что частные владельцы бизнеса стремятся извлечь выгоду из национальных брендов республики, национальной кухни.

Заключение

Выявленные нами характеристики ЯЛ Кызыла и Улан-Удэ в целом схожи с языковыми ландшафтами столиц других национальных регионов России (см., напр., Габдрахманова, Махмутов, Сагдиева, 2015; Ferguson, Sidorova, 2018). Слабое присутствие региональных языков в ЯЛ, декларативное исполнение законов о языках, пассивность «низовых» акторов в нейминге коммерческих заведений объяснимы отсутствием реальной коммуникативной необходимости в использовании данных языков.

Однако «нивелированные» языковые ландшафты, не отражающие в должной мере языковое и культурное многообразие региональных идентичностей, не отвечают современным запросам на этнокультурную аутентичность и своеобразие (Lonardi, 2022). Именно аутентичность, уникальность культуры в ее вербальном и невербальном выражении являются сегодня как предметом гордости жителей многих регионов мира, так и туристическим и, соответственно, экономическим драйвером. Этот потенциал языковых ландшафтов еще ждет своего осознания в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алос-и-Фонт, Э. (2015) Лингвистический ландшафт г. Чебоксары и замечания по выполнению Закона Чувашской Республики «О языках в Чувашской Республике» // Исследование языковой ситуации в Чувашской Республике / ред. И. И. Бойко, А. В. Кузнецов. Чебоксары : Чувашский государственный институт гуманитарных наук. 324 с. С. 259–280.

Баранова, В., Федорова, К. (2020a) Регулирование языкового ландшафта в российских городах: многоязычие и неравенство // Журнал исследований социальной политики. № 18 (4). С. 625–640. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-4-625-640>

Баранова, В., Федорова, К. (2020b) Видимо-невидимо: миграция и трансформация языкового ландшафта Санкт-Петербурга // Laboratorium: журнал социальных исследований. № 12(1). С. 48–80. DOI: <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-1-48-80>

Биткеева, А. Н., Цыбенова, Ч. С. (2022) Хроника языкового сдвига в тувинском языке в Республике Тыва // Новые исследования Тувы. № 4. С. 6–27. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.1>

Боргоякова, Т. Г., Биткеева, А. Н. (2020) Тувинский язык в правовом и функциональном измерении // Новые исследования Тувы. № 1. С. 50–61. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.4>

Боргоякова, Т. Г., Биткеева, А. Н. (2023) Тувинский компонент билингвального пространства или размышления о стратегии государственной поддержки тувинского языка // Новые исследования Тувы. № 4. С. 290–300. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.20>

Викулова, Л. Г., Серебренникова, Е. Ф. (2014) Городское пространство как новая коммуникативная среда эпохи глобализации // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире : Международная конференция: Доклады и сообщения, Москва, 16–19 сентября 2014 года / отв. ред. А. Н. Биткеева, В. Ю. Михайльченко. М. : Тезаурус. 640 с. С. 302–309.

Габдрахманова, Г. Ф., Махмутов, З. А., Сагдиева, Э. А. (2015) Государственные языки Республики Татарстан в языковом ландшафте региона. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ ; Изд-во «Артифакт». 56 с.

Дырхеева, Г. А. (2021) Бурятский язык: современное состояние, проблемы и перспективы // Северо-восточный гуманитарный вестник. № 1(34). С. 44–56.

Иванов, В. В. (2020) Изменения лексико-терминологического аппарата бурятского языка в языковом ландшафте города Улан-Удэ // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. № 3. С. 122–128.

Иванов, В. В. (2023) Перспективы изучения многоязычия в Республике Бурятия сквозь призму языкового ландшафта города Улан-Удэ // Социолингвистика. № 3 (15). С. 134–146. DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-3-15-134-146>

Каплунова, М. Я. (2022) Оценка восприятия языковой ситуации в Республике Тыва местным населением (на материале полевого исследования 2021 г.) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 28–37. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.2>

Кирилина, А. В. (2013) Описание лингвистического ландшафта как новый метод исследования языка в эпоху глобализации // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Филология. № 5. С. 159–167.

Ондар, Б. К. (2011) Номинации топографических объектов г. Кызыла в аспекте культуры названия // Вестник Тувинского государственного университета. № 1. С. 76–80.

Ондар, Ч. Г., Донгак, В. С., Монгуш, Д. Ш. (2023) Тувинский язык в Интернете: представленность, проблемы и перспективы // Новые исследования Тувы. № 1. С. 186–207. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.11>

Павленко, А. (2016) Русский язык как лингва франка в зарубежной сфере обслуживания // Мир русского слова. № 1. С. 23–32.

Павленко А. (2017) Языковые ландшафты и другие социолингвистические методы исследования русского языка за рубежом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. Т. 21. № 3. С. 493–514. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-3-493-514>

Подберезкина, Л. З. (2002) Языковая политика в системе городских наименований: теоретические и прикладные аспекты (на материале г. Красноярск) // Речевое общение: Специализированный вестник. Вып. 4 (12). С. 146–154.

Пушкарева, Н. Л., Жидченко, А. В. (2021) Женские имена в названиях улиц тувинских городов как проблема сохранения социальной памяти этноса // Новые исследования Тувы. № 1. С. 188–201. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.10>

Салихова, Э. А. (2022) Урбонимическая составляющая лингвокультурного пространства современного города в аспекте экологии информации // Современная языковая политика в мире: теория и практика / отв. ред. М. Я. Каплунова, Чжао Жунхуэй. М. : ИМЛИ РАН. 480 с. С. 405–422.

Серээдар, Н. Ч. (2018) «Тувинский язык как средство общения тувинцев: проблемы и перспективы» // Новые исследования Тувы. № 1. С. 4–19. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.1.1>

Тарбастаева, И. С. (2016) Правовое поле этнонациональной политики в Республике Тыва (1991 — наст. вр.) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 116–140.

Федорова, Л. Л. (2014) Языковой ландшафт: город и толпа // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 13. № 6. С. 70–80.

Хилханова, Э. В., Иванов, В. В. (2023) Коммодификация языков и языковой ландшафт столицы Монголии // Социоллингвистика. № 2 (14) С. 129–153.

Backhaus, P. (2007) *Linguistic Landscape. A comparative Study of Urban Multilingualism in Tokio*. Clevedon ; Buffalo ; Toronto : Multilingual Matters Ltd. 160 p.

Ben-Rafael, E., Shohamy, E., Amara, M., Truper-Hecht, N. (2006) Linguistic landscape as symbolic construction of the public space: The case of Israel // *International journal of multilingualism*. Vol. 3. Issue 1. P. 7-30. DOI: <https://doi.org/10.1080/14790710608668383>

Ferguson, J., Sidorova, L. (2018) What language advertises: ethnographic branding in the linguistic landscape of Yakutsk // *Language Policy*. Vol. 17. № 1. P. 23–54.

Landry, R., Bourhis, R. (1997) Linguistic landscape and ethno-linguistic vitality: an empirical study // *Journal of Language and Social Psychology*. Vol. 16. P. 23–49. DOI: <https://doi.org/10.1177/0261927X970161002>

Lonardi, S. (2022) Minority languages and tourism: a literature review // *Journal of Heritage Tourism*. Vol. 17. Issue 3. P. 342–356. DOI: <https://doi.org/10.1080/1743873X.2021.2012183>

Manchurina, L., Samsonova, M. (2022) Representation of Languages in the Linguistic Landscape of the City of Yakutsk, Republic of Sakha // *Sibirica*. Vol. 21. № 3. P. 128–158. DOI: <https://doi.org/10.3167/sib.2022.210307>

Solnyshkina, M. I., Ismagilova, A. R. (2015) Linguistic Landscape Westernization and Glocalization: the case of Kazan, Republic of Tatarstan // *XLinguae Journal*. Vol. 8. Issue 2. P. 36–53. DOI: <https://doi.org/10.18355/XL.2015.08.02.36-53>

Дата поступления: 19.01.2024 г.

Дата принятия: 07.02.2024 г.

REFERENCES

Alos-i-Font, E. (2015) The linguistic landscape of Cheboksary and remarks on the implementation of the Law of the Chuvash Republic “On languages in the Chuvash Republic”. In: *Research of the linguistic situation in the Chuvash Republic* / ed. by I. I. Boyko, A.V. Kuznetsov. Cheboksary, Chuvash State Institute of Humanities. 324 p. Pp. 259–280. (In Russ.).

Baranova, V. and Fedorova, K. (2020a) The Linguistic Landscape of Regulation in Russian Cities: Multilingualism and Inequality. *The Journal of Social Policy Studies*, no. 18 (4), pp. 625–640. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-4-625-640>

Baranova, V. and Fedorova, K. (2020b) Growing Visibility: Migration and Transformations in Saint Petersburg’s Linguistic Landscape. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, no. 12(1), pp. 48–80. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-1-48-80>

Bitkeeva, A. N. and Tsybenova, Ch. S. (2022) Chronicle of the Tuvan language shift in the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 6–27. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.1>

Borgoiakova, T. G. and Bitkeeva, A. N. (2020) Tuvan language in legal and functional aspect. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 50–61. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.4>

Borgoiakova, T. G. and Bitkeeva, A. N. (2023) The Tuvan component of the bilingual space or reflections on the strategy of state support of the Tuvan language. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 290–300. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.20>

Vikulova, L. G. and Serebrennikova, E. F. (2014) Urban space as a new communicative environment of the era of globalization. In: *Language policy and language conflicts in the modern world: International Conference: Reports and Communications*, Moscow, September 16–19, 2014 / ed. by A. N. Bitkeeva and V. Y. Mikhailchenko. Moscow, Thesaurus. 640 p. Pp. 302–309. (In Russ.).

Gabdrakhmanova, G. F., Makhmutov, Z. A. and Sagdieva, E. A. (2015) *State languages of the Republic of Tatarstan in the linguistic landscape of the region*. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; Publishing house “Artifact”. 56 p. (In Russ.).

Dyrheeva, G. A. (2021) The Buryat language: current state, problems and prospects. *Severo-vostochnyi gumanitarnyi vestnik*, no. 1(34), pp. 44–56. (In Russ.).

Ivanov, V. V. (2020) Changes in the Buryat language vocabulary in the linguistic landscape of Ulan-Ude. *Bulletin of the Buryat State University. Language. Literature. Culture*, no. 3, pp. 122–128. (In Russ.).

Ivanov, V. V. (2023) Prospects for studying multilingualism in the republic of Buryatia through the prism of the linguistic landscape of the city of Ulan-Ude. *Sociolinguistics*, no. 3 (15), pp. 134–146. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-3-15-134-146>

Kaplunova, M. Ya. (2022) Assessment of local residents' perception of the language situation in the Republic of Tuva (based on the findings of a 2021 field study). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 28–37. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.2>

Kirilina, A.V. (2013) Description of the linguistic landscape as a new method of language research in the era of globalization. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya*, no. 5, pp. 159–167. (In Russ.).

Ondar, B. K. (2011) Nominations of topographical objects of Kyzyl in the aspect of naming culture. *Vestnik Tyvinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, pp. 76–80. (In Russ.).

Ondar, Ch. G., Dongak, V. S. and Mongush D. S. (2023) The Tuvan language on the Internet: Representation, problems and prospects. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 186–207. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.11>

Pavlenko, A. (2016) Russian as the lingua franca in the foreign service sector. *Mir russkogo slova*, no. 1, pp. 23–32. (In Russ.).

Pavlenko A. (2017) linguistic landscape and other sociolinguistic methods in the study of Russian language abroad. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 21, no. 3, pp. 493–514. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-3-493-514>

Podberezkina, L. Z. (2002) Language policy in the system of urban names: theoretical and applied aspects (based on the material of Krasnoyarsk). *Rechevoe obshchenie: Spetsializirovannyi vestnik*, issue 4 (12), pp. 146–154. (In Russ.).

Pushkareva, N. L. and Zhidchenko, A. V. (2021) Streets named after females in Tuva as a case of preserving the social memory of an ethnicity. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 188–201. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.10>

Salikhova, E. A. (2022) The urbanimic component of the linguistic and cultural space of a modern city in the aspect of information ecology. In: *Modern language policy in the world: theory and practice* / ed. by M. Ya. Kaplunova and Zhao Ronghui. Moscow, IMLI RAS. 480 p. Pp. 405–422. (In Russ.).

Sereedar, N. C. (2018) Tuvan language as means of communication among Tuvans: Problems and prospects. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 4–19. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.1.1>

Tarbastaeva, I. S. (2016) The legal field of ethnic policy in the Republic of Tyva since 1991. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 116–140. (In Russ.).

Fedorova, L. L. (2014) Linguistic landscape: the city and the crowd. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorii, filologiya*, vol. 13, no. 6, pp. 70–80. (In Russ.).

Khilkhanova, E. V. and Ivanov, V. V. (2023) The commodification of languages and the linguistic landscape of the capital of Mongolia. *Sociolinguistics*, no. 2 (14), pp. 129–153.

Backhouse P. (2007) *Linguistic landscape. A comparative study of urban multilingualism in Tokyo*. Clevedon; Buffalo; Toronto, Multilingual Matters Ltd. 160 p.

Ben-Raphael E., Shohami E. and Amara M., Trouper-Hecht N. (2006) Linguistic landscape as symbolic construction of public space: the example of Israel. *International Journal of Multilingualism*, vol. 3, issue 1, pp. 7–30. DOI: <https://doi.org/10.1080/14790710608668383>

Ferguson, J. and Sidorova, L. (2018) What language advertises: ethnographic branding in the linguistic landscape of Yakutsk. *Language Policy*, vol. 17, no. 1, pp. 23–54.

Landry, R. and Bourhis, R. (1997) Linguistic landscape and ethno-linguistic vitality: an empirical study. *Journal of Language and Social Psychology*, vol. 16, pp. 23–49. DOI: <https://doi.org/10.1177/0261927X970161002>

Lonardi, S. (2022) Minority languages and tourism: a literature review. *Journal of Heritage Tourism*, vol. 17, issue 3, pp. 342–356. DOI: <https://doi.org/10.1080/1743873X.2021.2012183>

Manchurina, L. and Samsonova, M. (2022) Representation of Languages in the Linguistic Landscape of the City of Yakutsk, Republic of Sakha. *Sibirica*, vol. 21, no. 3, pp. 128–158. DOI: <https://doi.org/10.3167/sib.2022.210307>

Solnyshkina, M. I. and Ismagilova, A. R. (2015) Linguistic Landscape Westernization and Glocalization: the case of Kazan, Republic of Tatarstan. *XLinguae Journal*, vol. 8, issue 2, pp. 36–53. DOI: <https://doi.org/10.18355/XL.2015.08.02.36-53>

Submission date: 19.01.2024.

Accepted date: 07.02.2024.

«Люди Центра Азии» как научный источник**Чимиза К. Ламажаа***Независимый исследователь, Российская Федерация,***Жансеит К. Туймебаев***Казахский национальный университет имени Аль-Фараби, Республика Казахстан,***Бакытгуль Е. Шагимгереева***Западно-Казахстанский государственный университет имени М. Утемисова, Республика Казахстан*

В статье анализируются материалы рубрики «Люди Центра Азии» газеты «Центр Азии», которая выходила в г. Кызыле с 1991 по 2017 гг. на русском языке. Авторы отмечают большую источниковую значимость материалов рубрики, которые редакция в течение ряда лет публиковала отдельными изданиями (всего вышло шесть томов). В этой рубрике публиковались преимущественно биографические интервью с людьми, представителями разных этносов, профессий, места проживания. До сих пор тувиноведение мало обращало внимания на эти тексты.

Их богатое источниковое значение рассматривается сразу для нескольких научных отраслей. В том числе для исторического знания. Причем материалы показывают не только историю, охватывающую годы выхода газеты, бесед с интервьюерами, но и историю Тувы почти за полтора века (конец XIX–XXI вв.) в воспоминаниях очевидцев, пересказах потомков. Политологическая ценность материалов заключается в наличии биографий и рассказов о себе, своих убеждениях глав республик, общественно-политических деятелей. Социологическое, культурологическое значение интервью показывается на примере групп материалов по профессиям собеседников: сквозь призму их историй можно рассматривать историю науки (тувиноведения), историю культуры республики и пр. Интерес к «Людьми Центра Азии» могут проявить и филологи, которые изучают вопросы межкультурного и межъязыкового взаимодействия этносов на материалах прессы.

Ключевые слова: газетный источник; средство массовой информации; Тува; тувинцы; повседневная история; постсоветская Тува; история Тувы; Центр Азии; Люди Центра Азии

Для цитирования:

Ламажаа Ч. К., Туймебаев Ж. К., Шагимгереева Б. Е. «Люди Центра Азии» как научный источник // Новые исследования Тувы. 2024, № 1. С. 39–54. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.3>

Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна — доктор философских наук, независимый исследователь, Российская Федерация. Эл. адрес: lamazhaa@tuvva.asia

Туймебаев Жансеит Кансеитович — доктор филологических наук, профессор, ректор Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: 050000, Казахстан, г. Алматы, пр. аль-Фараби, 71. Эл. адрес: turkology.ri@gmail.com

Шагимгереева Бакытгуль Еrsaиновна — кандидат филологических наук, старший преподаватель филологического факультета Западно-Казахстанского университета им. М. Утемисова. Адрес: 090000, Казахстан, г. Уральск, пр. Н. Назарбаева, д. 162. Эл. адрес: t_2004@mail.ru

“People of Central Asia” as a scientific source

Chimiza K. Lamazhaa

Independent researcher, Russian Federation,

Zhanseit K. Tuimebaev

Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan,

Bakytgul E. Shagimgereeva

West Kazakhstan State University named after M. Utemisov, Republic of Kazakhstan

The article analyzes materials from the “People of Central Asia” section of the newspaper “Center of Asia”, which was published in Kyzyl from 1991 to 2017 in Russian. The authors note the significant value of the materials in this section, which the editorial staff published as separate editions over the years (six volumes in total). This section predominantly featured biographical interviews with individuals representing various ethnicities, professions, and places of residence. Until now, Tuvan studies have paid little attention to these texts.

Their rich source value is considered relevant to several scientific disciplines, including historical knowledge. The materials not only depict the history spanning the years of the newspaper’s publication and conversations with interviewees but also present the history of Tuva over nearly a century and a half (late 19th to 21st centuries) through the reminiscences of eyewitnesses and the retellings by descendants. The political significance of the materials lies in the presence of biographies and self-narratives concerning the beliefs of regional leaders and public figures. The sociological and cultural significance of the interviews is demonstrated through groups of materials categorized by the professions of the interviewees: through the lens of their stories, one can examine the history of science (Tuvan studies), the cultural history of the republic, and so forth. Philologists interested in studying questions of intercultural and interlingual interaction among ethnic groups through press materials may also find “People of Central Asia” of interest.

Keywords: newspaper source; mass media; Tuva; Tuvans; everyday history; post-Soviet Tuva; history of Tuva; Center of Asia; People of Central Asia

For citation:

Lamazhaa Ch. K., Tuimebaev Z. K. and Shagimgereeva B. E. “People of Central Asia” as a scientific source. *New Research of Tuva*, 2024, no. 1, pp. 39-54. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.3>

LAMAZHAA, Chimiza Kuder-oolovna, Doctor of Philosophy, independent researcher, Russian Federation. E-mail: lamazhaa@tuva.asia

ORCID ID: 0000-0003-1813-3605

TUIMEBAEV, Zhanseit Kanseitovich, Doctor of Philological Sciences, Professor, Rector of Kazakh National University named after Al-Farabi. Postal address: 71, Al-Farabi Ave., Almaty, 050000, Kazakhstan. E-mail: turkology.ri@gmail.com

SHAGIMGEREYEVA, Bakytgul Ersainovna, Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer of the Philological Faculty of M. Utemisov West Kazakhstan University. Postal address: 162, N. Nazarbayev St., 090000, Uralsk, Kazakhstan. Email: t_2004@mail.ru

Введение

Периодические издания — газеты и журналы — давно признаны научным знанием как один из важнейших источников научного знания, прежде всего исторических наук (Рынков, 2010; Русина, 2015: 156–159; Скуридина, Масленникова, 2017; и др.). Так, тувиноведение активно изучает первые газеты времен Тувинской Народной Республики (Танова, 2006; Маадыр, 2018; Маадыр, Седип-оол, 2020; Бадыргы, Мунге, 2020; и др.), периодику советского времени на русском и тувинском языках (Танова, 1979; История Тувы, 2016: 317–322; Кан, 2010, 2021, и др.¹). Но вот постсоветская периодика Республики Тыва пока очень мало изучается, в том числе в связи с тем, что тувиноведение чаще ограничивает себя в исторических исследованиях окончанием советского времени. Исключением можно назвать пока лишь несколько публикаций, в основном справочного характера (Маадыр, 2009; Кан, 2022; и др.²).

В данной статье мы представим и обоснуем источниковое значение материалов газеты «Центр Азии», которая выходила в печатном виде г. Кызыле с 1991 по 2017 гг. на русском языке. Основателем и главным редактором все эти годы была Надежда Мухарбековна Антуфьева. В центре нашего внимания материалы не всей газеты, а лишь одной рубрики «Люди Центра Азии», которые главный редактор издания периодически собирала и издавала с 1998 по 2018 гг. отдельными книгами «Люди Центра Азии» (всего их вышло 6 томов³) (фото 1). Подшивки газеты хранятся в г. Кызыле: в Национальной библиотеке им. А. С. Пушкина Республики Тыва, в Национальном архиве Республики Тыва, в библиотеке Союза журналистов Тувы; а также в Москве — в Российской государственной библиотеке. Также почти все эти тексты (кроме ряда материалов первого тома) доступны на архивном сайте газеты⁴.

В алфавитном указателе героев книги можно увидеть, что с некоторыми из людей материалы делались не один раз, а два или даже три. Среди материалов рубрики есть не только интервью, но и тексты других жанров (репортажи, личные воспоминания в формате эссе, очерков, аналитические материалы и др.).

Основная часть материалов относится к разряду биографических источников, а также отчасти к нарративам (рассказам, повествованиям о ряде событий). Всего здесь 477 судеб, и ценность данных статей со временем только возрастает. Ведь люди делились не только своими личными историями, но и, что важнее, они показывали фоновое знание — сведения о событиях в Тыве не только тех лет, в которые жили сами, но и времен их родителей, предков; а кроме того, личные истории разворачивались в тесном переплетении с постсоветской историей республики и страны в целом. По сути, в серии биографий «Люди Центр Азии» перед нами разворачивается более чем вековая история республики, включая и годы, когда она была независимым государством, затем

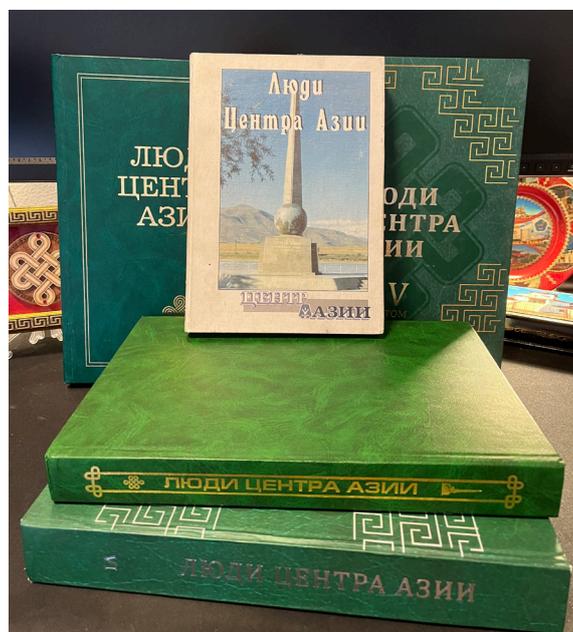

Фото 1. Тома книги «Люди Центра Азии» (1998–2018).

Фото Ч. К. Ламажая, 2024 г.

Photo 1. Volumes of the book “People of Central Asia” (1998–2018). Photo by Ch. K. Lamazhaa, 2024.

¹ Кан В. С. Становление и развитие газетной периодики Тувы: 1921–1985 гг. : дисс. ... канд. ист. н. Омск, 2007.

² Урянхайско-тувинская энциклопедия : в 2 т. / под общ. ред. С. К. Шойгу. Кызыл: Журналист, 2021.

³ Люди Центра Азии. 50 интервью / под общ. ред. Н. Антуфьевой. М., 1998. Т. 1; Люди Центра Азии. Кызыл, 2001. Т. 2; Люди Центра Азии. Новосибирск : Новосиб. полигр. Комбинат, 2006. Т. 3; Люди Центра Азии / гл. ред. и сост.: Н. М. Антуфьева. Кызыл: Центр Азии, 2011. Т. 4: 115 интервью и очерков; Люди Центра Азии / редкол.: Н. М. Алтуфьева, А. А. Лачугина. Кызыл: Центр Азии, 2014. Т. 5. 58 интервью и очерков; Люди Центра Азии / редкол.: Н. М. Антуфьева, А. А. Лачугина. Кызыл : Центр Азии, 2018. Т. 6. 52 интервью и очерка ; Избранное из первого тома: 21 очерк и интервью.

⁴ Алфавитный указатель героев пяти томов книги «Люди Центра Азии» (том, страница) [Электронный ресурс] // Центр Азии. URL: <http://www.centerasia.ru/book.html> (дата обращения: 16.11.2023).

и периоды, когда она стала частью советского, затем российского государства. Особую же значимость приобретают в материалах свидетельства очевидцев постсоветской Тувы, когда ее жители могли свободно обсуждать настоящее и критически смотреть на прошлое республики, говорить о том, о чем нельзя было вспоминать в советские годы.

При этом, целью нашего анализа будет анализ источниковой ценности «Людей Центра Азии» сразу для нескольких общественных и гуманитарных дисциплин (в частности, истории, политологии, социологии, культурологии, антропологии, филологии), поскольку, мы считаем, что каждый из специалистов может найти в них важные сведения, полезную информацию для своего исследования. Ведь, как пишет В. М. Рынков, «периодическая печать ... не является комплексным источником, но представляет собой комплекс источников. ... периодика никогда не была и не станет видом исторических источников, а напротив, сама может содержать в себе источники всех видов» (Рынков, 2010: 45).

Поэтому после общей характеристики газеты, в которой публиковались много лет данные материалы, мы структурировали анализ по разделам, соответствующим упомянутым дисциплинам (но это не означает, что список данных научных отраслей на этом исчерпывается).

Газета «Центр Азии» в истории тувинской периодики

Как подчеркивает В. С. Кан, «информационная повестка региональной прессы во второй половине 1980-х гг. была единообразной и идеологически выдержанной. Подробно освещались работа партийных съездов и пленумов, деятельность центральных и местных органов власти, школ и учреждений культуры» (Кан, 2022: 29). Именно поэтому, газета «Центр Азии» (фото 2), появившись в противовес официальным партийным изданиям советских лет в составе периодики Тувы в 1991 г., практически сразу стала лицом общественной журналистики постсоветской Тувы.

Фото 2. Логотип газеты «Центр Азии».
Photo 2. Logo of the newspaper "Center of Asia".

Газета стала первой газетой Тувы, учрежденной Кызылским горсоветом народных депутатов и частным лицом — Н. А. Антуфьевой (с 2000 г. единственным учредителем издания стало ООО «Редакция газеты «Центр Азии»). Газета выходила на русском языке. Периодичность сначала была два раза в месяц, затем она стала еженедельной.

Как вспоминает Н. М. Антуфьева, идея создания городской газеты как альтернатива официозу изданий обкома КПСС обсуждалась в Кызылском городском совете народных депутатов.

26 октября 1990 г. Президиум совета под руководством Ю. П. Слободчикова вынес решение о создании газеты и дал задание исполкому совета совместно с комиссией по межнациональным отношениям, изучению общественного мнения и гласности в срок до 15 ноября составить смету расходов на газету и представить на утверждение президиума, подыскать помещение для редакции (Кан, 2022: 32). Тем не менее финансирования для реализации на начальном этапе не было, потому желающих заняться этим делом не находилось. Будучи на тот момент депутатом этого совета, журналистка (бывшая тогда корреспондентом газеты «Молодежь Тувы») Н. М. Антуфьева сама выдвинула свою кандидатуру в редакторы и взялась за организацию издания. Сначала газета реализовывалась в розницу на территории г. Кызыла, затем стала распространяться в том числе по почтовой подписке во всех районах Тувы и за ее пределами. В 1999 г. был открыт первый в республике сайт газеты, на котором выкладывались в открытом доступе ее материалы.

Н. М. Антуфьева охарактеризовала свое издание так: «...газета бесцензурная, со свободным некачественным стилем, нестандартными рубриками, разнообразием мнений, с заметками, статьями и репортажами о реальной жизни и людях. Газета с человеческим лицом, будящая мысль»¹.

¹ Из воспоминаний Н. М. Антуфьевой, предоставленных авторам статьи.

Редакция находилась в постоянном поиске интересных тем, новых способов подачи информации, авторов и героев. Названия рубрик с первого года отличались выразительностью: «А вы видели?», «А вы слышали?», «Что решил исполком? Что нам скажет горсовет?», «Заковыристый вопрос», «Письмо в номер», «Поговорим начистоту», «Без пиджака», «Суперфакт местного масштаба — конкурс читательских сообщений», «Полусветская хроника», «Устами младенца», «Криминальная хроника», «ЧП», «Отоваримся».

Особое внимание читателей вызвала рубрика «Без пиджака». Первый материал в ней представлял беседу с председателем Кызыльского горсовета народных депутатов, экс-министром юстиции республики Ю. П. Слободчиковым¹. Раскрытие должностного лица в неофициальной домашней обстановке стало новым словом в тувинской журналистике и впоследствии эта идея легла в основу рубрики «Люди Центра Азии», выходявшей вплоть до 2017 года и по мере накопления материала оформившейся в шеститомник «Люди Центра Азии».

Одновременно с этим с 1992 г. по 2003 г. редакция газеты проводила конкурс общественного признания «Человек года», победителей которого по разным номинациям выбирали читатели, приславшие письма с указанием заслуг кандидатов².

В эти годы (в 1998 г.) вышел в свет первый том книги «Люди Центра Азии», который содержал истории 50 человек³. Второй том (92 истории) издан в 2001 г. уже энциклопедическим форматом⁴. Третий — появился в 2006 г. и содержал уже 110 очерков и интервью, отдельным блоком — 36 воспоминаний ветеранов и детей Великой Отечественной войны «Мы — дети войны и победы»⁵. Четвёртый, изданный в 2011 г., собрал под своей обложкой 115 биографий⁶. Пятый том увидел свет в 2014 г., в нём — 58 биографий и пятнадцать кроссвордов «Люди Центра Азии», составленных по материалам томов книги⁷. и показывающих историю и современность Тувы в её многообразных связях с историей и культурой России, мира. В изданный в 2018 г. шестой том вошли 52 судьбы — интервью и очерки, опубликованные в газете «Центр Азии» в период с 30 мая 2014 г. по 29 декабря 2017 г.⁸

Чествование героев книги проводилось на балах газеты «Центр Азии» в год издания очередного тома с торжественным вручением книги каждому из героев (*фото 3*).

За 26 лет газета прошла большой путь. От газеты городских новостей она постепенно стала важнейшим источником информации о жизни республики и ее населения. Менялось и отношение читателей в газете. Как пишут теперь библиографы, из «жёлтого» издания, как сначала называли газету некоторые взыскательные читатели и просто злые языки, оно «перешло в разряд многоцветных-многоголосных, став источником самой разнообразной информации о Туве и ее жителях, одной из трибун для деятелей всех сфер жизни республики»⁹.

Активная работа Н. М. Антуфьевой (*фото 4*), ее сотрудничество с всероссийскими профессиональными союзами и журналистами Москвы, участие ее и сотрудников газеты в конкурсах самых разных уровней позволили изданию получить множество наград и всероссийское признание¹⁰. Также спе-

¹ Слободчиков Юрий: Не приемлю больше всего лживость (беседовала Д. Оюн) // Люди Центра Азии / под ред. Н. М. Антуфьевой. Кызыл: Центр Азии, 2018. Т. 6. С. 740–743.

² Кан В. С. «Центр Азии» // Урянхайско-тувинская энциклопедия : в 2 т. / под общ. ред. С. К. Шойгу. Кызыл: Журналист, 2021. Т. 2. С. 527.

³ Люди Центра Азии. 50 интервью / под общ. ред. Н. Антуфьевой. М., 1998. Т. 1.

⁴ Люди Центра Азии. Кызыл, 2001. Т. 2.

⁵ Люди Центра Азии. Новосибирск : Новосиб. полигр. Комбинат, 2006. Т. 3.

⁶ Люди Центра Азии / гл. ред. и сост.: Н. М. Антуфьева. Кызыл: Центр Азии, 2011. Т. 4: 115 интервью и очерков.

⁷ Люди Центра Азии / редкол.: Н. М. Антуфьева, А. А. Лачугина. Кызыл: Центр Азии, 2014. Т. 5. 58 интервью и очерков.

⁸ Люди Центра Азии / редкол.: Н. М. Антуфьева, А. А. Лачугина. Кызыл : Центр Азии, 2018. Т. 6. 52 интервью и очерка ; Избранное из первого тома: 21 очерк и интервью.

⁹ В 2021 году 30 лет со дня основания ... [Электронный ресурс] // Цбс Мбук-Каа-Хемского-Района. Официальная страница ВКонтакте. 2021, 11 июня. URL: https://vk.com/wall287157131_1588?w=wall287157131_1588 (дата обращения: 12.01.2024).

¹⁰ Список наград газеты см.: Награды редакции. Газета «Центр Азии» и её журналисты являются лауреатами и дипломантами всероссийских конкурсов [Электронный ресурс] // Центр Азии. URL: <http://www.centerasia.ru/awards.html?abb4edc363462319a2> (дата обращения: 12.01.2024). Информация об издании также включена в издание: 300 лет российской печати : сборник статей о газетах и журналах России, издававшихся с 1703 года по 2003 год / [И. Яковенко]. М.: Известия, 2003. С. 490–491.

Фото 3. Бал газеты «Центр Азии» с героями очередного тома «Люди Центра Азии», 2011 г. Фото из архива газеты.
Photo 3. Ball of the newspaper "Center of Asia" with the heroes of the next volume "People of the Center of Asia", 2011.
Photo from the newspaper's archive.

Фото 4. Н. М. Антуфьева с подшивкой газеты «Центр Азии» 1991 г. Фото Е. Антуфьева, 2021 г.
Photo 4. N. M. Antufieva with a file of the newspaper "Center of Asia" 1991.
Photo by E. Antufiev, 2021.

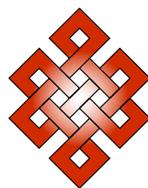
циальных наград удостоивались издания «Люди Центра Азии», например, в 2006 г. — специальный диплом Всероссийского конкурса региональной прессы «Без розни и вражды»; в 2008 г. — третье место на Первом всероссийском конкурсе краеведческой литературы «Наше культурное наследие» и др. Сама Н. Антуфьева в 2019 г. была удостоена почётного звания Заслуженный журналист Российской Федерации.

То есть само издание и его дополнительные проекты добились общественного и профессионального признания. Тем удивительнее тот факт, что тувиноведение, перед которым стоят актуальные задачи исследования современности (Ламажаа, 2021), до сих пор не приступило к активному изучению его материалов — огромного количества биографий, нарративов, семейных и профессиональных историй жителей республики.

«Люди Центра Азии» как исторический источник

Прежде чем показать ценность данного корпуса текстов для тувиноведения, обращенного к годам выхода газеты (1991–2017 гг.), в первую очередь скажем об их исторической значимости. Тем более, что историки уже стали включать эти тексты в число своих источников.

Так, И. В. Отрощенко, известный специалист по истории Тувы начала XX в., в своей недавней монографии «Тувинская Народная Республика: страницы истории» специально отметила шеститомник «Люди Центра Азии» в общем списке источников своих исследований (Отрощенко, 2018: 7).

В частности, она обратила внимание на историю Е. А. Дорофеевой, жительницы с. Тоора-Хем Тоджинского района Тувы, материал с которой вышел в трех частях в газете в 2015 г.¹, был включен в шестой том книги². Жизнь ее семьи, самой 92-летней (на момент подготовки и публикации материала) героини была тесно переплетена с историей России и Тувы, и потому ее воспоминания оказались ценными свидетельствами прошлого. Предки Е. А. Дорофеевой были переселенцами в Туву — «урянхайскими колонистами» — из южных губерний российской империи, которым перестало хватать земель, поскольку род увеличивался.

И. В. Отрощенко ссылается на тот момент в воспоминаниях Е. А. Дорофеевой, в котором героиня подчеркивает особенное положение переселенцев — советской колонии в составе Тувинской Народной Республики. Это образование было неподвластно тувинскому правительству и образовывало фактор острой проблемы в отношениях между Тувой и СССР (до 1932 г., пока статус этой колонии не был изменен:

«Жили и не в России, и не в Туве. По старинке считали, что в Урянхае. Юридически же внеземельное административное образование без конкретных границ называлось РСТК — Русская самоуправляющаяся трудовая колония. Возникла в июле 1921 года и представляла собой миниатюрную советскую республику со своим флагом и гербом.

Жила РСТК по законам России, вела воинский учет, соблюдала воинскую повинность, имела свою вооруженную охрану и взимала собственные налоги. Бюджет колонии складывался из налогов, доходов от торговли и промышленности, а также дотаций, выделяемых советским правительством. Земля для колонистов, до 10,5 тысяч гектар, предоставлялась тувинским правительством на условиях долгосрочной аренды»³ (Отрощенко, 2018: 36).

Например, другая проблемная страница истории Тувы — переселение части тувинских родоплеменных групп соянов, кыргызов, чооду из пограничных монгольских территорий на территорию Тес-Хемского и Эрзинского кожуунов Тувы в 1930–1940-х гг. Тувинцы не хотели переселяться и если их перевозили (по соглашению между двумя государствами), то через некоторое время возвращались обратно в Монголию. Об этом вспоминал тувинский журналист Кара-Куске Чооду, житель Эрзина, деда которого — ламу — репрессировали, вследствие чего репрессиям подверглась и вся многочисленная семья священнослужителя, вплоть до школьников-внуков⁴. Эпизоды переселений, о которых вспоминал К.-К. Чооду, приведены историком И. В. Отрощенко, анализировавшей вопросы решения молодым тувинским государством сложных приграничных вопросов — разграничения, судебных переселенцев, разрешения конфликтов (Отрощенко, 2018: 126).

Сама судьба деда К.-К. Чооду — ламы, который не выдержал того, как уничтожалось буддийское духовенство, сжигались храмы и литература, ссылались и ламы, и шаманы — была чрезвычайно

¹ Екатерина Дорофеева. Девяносто два солнца (беседовала Анастасия Вещикова) (начало) [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2015, № 46, 11 декабря. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2015/46/5270-ekaterina-dorofeeva-devyanosto-dva.html> (дата обращения: 12.01.2024); Екатерина Дорофеева. Девяносто два солнца (беседовала Анастасия Вещикова) (продолжение) [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2015, № 47, 18 декабря. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2015/47/5271-ekaterina-dorofeeva-devyanosto-dva.html> (дата обращения: 12.01.2024); Екатерина Дорофеева. Девяносто два солнца (беседовала Анастасия Вещикова) (окончание) [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2015, № 47, 18 декабря. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2015/48/5273-ekaterina-dorofeeva-devyanosto-dva.html> (дата обращения: 12.01.2024).

² Екатерина Дорофеева. Девяносто два солнца (беседовала Анастасия Вещикова) // Люди Центра Азии / редкол.: Н. М. Антупьева, А. А. Лачугина. Кызыл: Центр Азии, 2018. Т. 6. 52 интервью и очерка; Избранное из первого тома: 21 очерк и интервью. С. 380–399.

³ Екатерина Дорофеева. Девяносто два солнца (беседовала Анастасия Вещикова) // Люди Центра Азии / редкол.: Н. М. Антупьева, А. А. Лачугина. Кызыл: Центр Азии, 2018. Т. 6. 52 интервью и очерка; Избранное из первого тома: 21 очерк и интервью. С. 388.

⁴ Чооду Кара-Куске. Черный орел Эзир-Кара (начало) [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2011, № 10, 18 марта. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2011/10/3818-chyorniy-oryol-ezir-kara.html> (дата обращения: 12.01.2024); Чооду Кара-Куске. Черный орел Эзир-Кара (продолжение) [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2011, № 11, 25 марта. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2011/11/3826-chyorniy-oryol-ezir-kara.html> (дата обращения: 12.01.2024); Чооду Кара-Куске. Черный орел Эзир-Кара (окончание) [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2011, № 12, 1 апреля. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2011/12/3837-chyorniy-oryol-ezir-kara.html> (дата обращения: 12.01.2024); Чооду Кара-Куске. Черный орел Эзир-Кара // Люди Центра Азии / редкол.: Н. М. Антупьева, А. А. Лачугина. Кызыл: Центр Азии, 2014. Т. 5. 58 интервью и очерков. С. 28–41.

трагична. Он в знак протеста повесился у крыльца здания администрации хошуна. И этим фактом из жизни одного из тувинских лам И. В. Отрощенко также иллюстрировала описание религиозной политики нового правительства Тувинской Народной Республики с 1930 г. (там же: 195).

И подобных ссылок на материалы шеститомника «Люди Центра Азии» в монографии И. В. Отрощенко достаточно много.

Безусловно, воспоминания людей о прошедших событиях в их жизни, а тем более в жизни их родителей, предков, упоминания ими определенных событий, дат и даже документов — нуждаются в критическом осмыслении, сверке с данными исторической науки. Поскольку это воспоминания, они могут содержать неточности, не совпадать с тем, что установили ученые. Поэтому основная ценность подобных материалов заключается не в том, чтобы заменить исторические источники, а в том, чтобы их иллюстрировать, оживить примерами из личных историй.

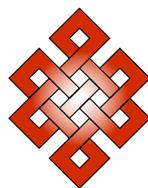
Однако, не только далекая история вековой давности может иллюстрироваться в материалах газеты «Центр Азии». В судьбах героев книг «Люди Центра Азии» перед читателем встает советская Тува, а также уже современная Тува. Но, к сожалению, научные издания, посвященные советской истории Тувы, пока практически обходят стороной материалы и газеты, и шести томов книги «Люди Центра Азии». По крайней мере нам пока не удалось найти исследований советской Тувы, которые в том числе использовали бы тексты «Людей Центра Азии». Хотя в этом плане весьма показательны и интересны, например, биографии, показывающие вместе процесс появления и развития так называемых национальных кадров республики, а по отдельности и в деталях — как это происходило в разных отраслях народного хозяйства, например: Х.-Ч. С. Монгуша, жизнь которого представляет собой пример становления тувинского советского журналиста¹; Ч.-Д. Б. Ондара, инженера и общественно-политического деятеля, который участвовал в строительстве советской Тувы²; Х. О. Ондара, ученого-математика, который возглавлял Кызылский государственный педагогический институт, судьба которого оказалась тяжелой (как оклеветанного специалиста и изгнанника)³; и мн. др. Другая группа биографий может показать жизнь специалистов, которые или сами приехали в Туву из других регионов СССР, или они родились, выросли в семье переселенцев.

Все эти истории иллюстрируют как строилась и развивалась советская Тува, оживляют этот процесс в лицах, и потому могли бы прекрасно иллюстрировать общие процессы и явления.

¹ Хенче-Кара Монгуш. Рождённый осенью (начало) [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2017, № 3. 17 февраля. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2017/3/5320-khenche-kara-mongush-rozhdyonniy-osenyu.html> (дата обращения: 12.01.2024); Хенче-Кара Монгуш. Рождённый осенью (продолжение) [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2017, № 4. 24 февраля. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2017/4/5321-khenche-kara-mongush-rozhdyonniy-osenyu.html> (дата обращения: 12.01.2024); Хенче-Кара Монгуш. Рождённый осенью (окончание) [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2017, № 5. 24 марта. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2017/5/5324-khenche-kara-mongush-rozhdyonniy-osenyu.html> (дата обращения: 12.01.2024); Хенче-Кара Монгуш. Рождённый осенью // Люди Центра Азии / редкол.: Н. М. Антуфьева, А. А. Лачугина. Кызыл: Центр Азии, 2018. Т. 6. 52 интервью и очерка; Избранное из первого тома: 21 очерк и интервью. С. 648–667.

² Чимит-Доржу Ондар: Мои правила жизни: выслушать, понять, простить (беседовала Н. Антуфьева) [Электронный ресурс] // Центр Азии. 1999, № 28. 8 июля. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/1999/28/4934-chimit-dorzhu-ondar-moi-pravila-zhizni.html> (дата обращения: 12.01.2024); Чимит-Доржу Ондар: Мои правила жизни: выслушать, понять, простить (беседовала Н. Антуфьева) // Люди Центра Азии. Кызыл, 2001. Т. 2. С. 222–229.

³ Ондар Хеймер-оол. «Тува моя, судьба моя, боль моя» (начало) [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2003, № 17. 25 апреля. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2003/19/1921-tuva-moya-sudba-moya-bol-moya....html> (дата обращения: 12.01.2024); Ондар Хеймер-оол. «Тува моя, судьба моя, боль моя» (продолжение) [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2003, № 18. 1 мая. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2003/18/1925-tuva-moya-sudba-moya-bol-moya....html> (дата обращения: 12.01.2024); Ондар Хеймер-оол. «Тува моя, судьба моя, боль моя» (продолжение) [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2003, № 19. 8 мая. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2003/19/1921-tuva-moya-sudba-moya-bol-moya....html> (дата обращения: 12.01.2024); Ондар Хеймер-оол. «Тува моя, судьба моя, боль моя» (продолжение) [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2003, № 20. 16 мая. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2003/19/1921-tuva-moya-sudba-moya-bol-moya....html> (дата обращения: 12.01.2024); Ондар Хеймер-оол. «Тува моя, судьба моя, боль моя» (окончание) [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2003, № 21. 23 мая. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2003/21/5218-tuva-moya-sudba-moya-bol-moya....html> (дата обращения: 12.01.2024); Ондар Хеймер-оол. «Тува моя, судьба моя, боль моя» // Люди Центра Азии. Новосибирск: Новосиб. полигр. комбинат, 2006. Т. 3. С. 248–251.

«Люди Центра Азии» как политологический источник

Один из интереснейших ракурсов, которые могут осветить материалы рассматриваемых книг, а также самой газеты (других ее рубрик), это не только исторический, но и политологический.

Так, например, если говорить о руководителях Тувы, то в шеститомнике представлены они почти все, начиная с Буяна-Бадыргы Монгуша (1892–1932). Понятно, что с последним нойоном Даа-кожууна — председателем Совета министров Тувинской Народной Республики личного интервью не было возможности записать. Однако, масштаб личности к основателю тувинской государственности в постсоветское время только разрастался с каждым годом, поэтому материал в газете вышел о том, что оставил после себя бывший нойон — о его потомках, которые в том числе поделились некоторыми пересказанными воспоминаниями о предке. Эту статью подготовила известный тувинский краевед Т. Верещагина¹. Она побывала в музее имени Буяна-Бадыргы в г. Чадане, записала интервью с его приемной дочерью Алдын-Куй Севеновной и встретила с внуками своего героя, в том числе от другого приемного ребенка — Сундуй-оола.

Такие же опосредованные материалы позволяют составить некоторое впечатление о следующем партийном руководителе Тувы — Салчаке Калбакхорекевиче Тока (1991–1973). Очень ценным материалом стала беседа с его второй супругой, которой на момент интервью (в 2001 г.) было 90 лет — известной тувинской общественно-политической деятельнице Хертек Амырбитовной Анчимаа-Тока (1912–2008)². Она рассказала о своей биографии, о том, как познакомилась с будущим мужем, какие у них были взаимоотношения и как уходил Тока из жизни.

Помимо этого материала, газета также охватила и воспоминания одного из сыновей С. К. Тока. Так, его старший сын Валентин Тока делится воспоминаниями о своем отце, а также о матери — первой супруге Тока В. Г. Алехиной³. Оно было записано в 1995 г., и герой интервью говорит больше о своей судьбе, о своей собственной семье, тем не менее также и упоминая и об отце с матерью. Спустя девять лет — в 2014 г. — в газете вышло новое интервью с ним же⁴, в котором журналист (Н. Антуфьева) пытается вместе с В. Тока распутать родословную героя, восстанавливает историю первой семьи Тока (в первом материале об этом было лишь небольшое упоминание). Очень интересны воспоминания В. Тока о том, как он в Москве, в тувинском посольстве узнал в октябре 1944 г. одним из первых новость о принятии Тувы в состав СССР⁴. Сын также пытается дать характеристику своему отцу, перечисляет его личные качества.

Нет лишь в материалах «Людей Центра Азии» полного материала о преемнике С. К. Тока — Григория Чоодуевиче Ширшине (1934 г. р.), первом секретаре Тувинского республиканского комитета партии (1973–1991), хотя он до сих пор здравствует. Тем не менее в статьях, посвященных другим персонам, время от времени в воспоминаниях о советской Туве можно встретить Г. Ч. Ширшина. Так, например,

¹ Буян-Бадыргы Монгуш. Последний нойон Даа-кожууна и его потомки (Т. Верещагина) [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2012, № 44. 25 октября. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2002/44/2114-posledniy-noyon-daa-kozhuuna-i-ego.html> (дата обращения: 12.01.2024); Буян-Бадыргы Монгуш. Последний нойон Даа-кожууна и его потомки (Т. Верещагина) // Люди Центра Азии. Новосибирск: Новосибир. полигр. Комбинат, 2006. Т. 3. С. 148–155.

² Хертек Анчимаа-Тока: «Умирая, он сказал: носи мою фамилию» (беседовала С. Монгуш) [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2001, № 52. 21 декабря. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2001/52/5195-anchimaa-toka.html> (дата обращения: 12.01.2024); Хертек Анчимаа-Тока: «Умирая, он сказал: носи мою фамилию» (беседовала С. Монгуш) // Люди Центра Азии. Новосибирск: Новосибир. полигр. комбинат, 2006. Т. 3. С. 29–35.

³ Валентин Тока «У отца была привычка дарить перочинные ножики» (беседовал М. Рудаков) // Люди Центра Азии. 50 интервью / под общ. ред. Н. Антуфьевой. М., 1998. Т. 1. С. 100–107.

⁴ Валентин Тока. Человек из корзинки (Н. Антуфьева) (начало) [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2014, № 11. 28 марта. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2014/11/4877-valentin-toka-chelovek-iz-korzinki.html> (дата обращения: 12.01.2024); Валентин Тока. Человек из корзинки (Н. Антуфьева) (продолжение) [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2014, № 12. 4 апреля. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2014/12/4882-valentin-toka-chelovek-iz-korzinki.html> (дата обращения: 12.01.2024); Валентин Тока. Человек из корзинки (Н. Антуфьева) (окончание) [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2014, № 13. 11 апреля. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2014/13/4885-valentin-toka-chelovek-iz-korzinki.html> (дата обращения: 12.01.2024); Валентин Тока. Человек из корзинки (Н. Антуфьева) // Люди Центра Азии / редкол.: Н. М. Алтуфьева, А. А. Лачугина. Кызыл: Центр Азии, 2014. Т. 5. 58 интервью и очерков. С. 754–775.

⁵ Валентин Тока. Человек из корзинки (Н. Антуфьева) // Люди Центра Азии / редкол.: Н. М. Алтуфьева, А. А. Лачугина. Кызыл: Центр Азии, 2014. Т. 5. 58 интервью и очерков. С. 766–767.

уже упомянутая Х. А. Анчимаа-Тока, рассказывая о последних днях С. К. Тока, говорила о том, что преемник много раз посещал Тока в больнице¹.

Об особенностях работы Г. Ч. Ширина упоминал, например, уже упоминавшийся ученый-математик Х. О. Ондар (1936–2002), ректор Кызылского государственного педагогического института (1980–1987), страдавший от анонимных писем недоброжелателей, которые направлялись в партийные органы и обвиняли Х. О. Ондара в самых разных прегрешениях. И эти письма, несмотря на сомнительность их происхождения, доходили до первого секретаря обкома и принимались им во внимание:

«Г. Ч. Ширшин безжалостно давил на всех подручных и попутчиков. Его пристрастием был разбор анонимных писем, хотя, согласно существовавшему закону, они никакого значения больше не имели. И мои недоброжелатели всегда успешно пользовались причудами Первого»².

О стиле руководства Г. Ч. Ширина также вскользь упоминает В. Г. Вальков (1948 г. р.), работавший председателем Законодательной палаты Великого хурала Республики Тыва в 2009–2010 гг., а в советское время занимавший партийные посты в республике:

«Григорию Чоодуевичу Ширшину пришлось решать глобальные для республики экономические задачи — активно строить жилье, промышленные объекты. Стиль руководства у него был не самый мягкий, но и сделать требовалось много»³.

Зато следующие два руководителя Тувы представлены личными интервью. В первом томе есть интервью с президентом Тувы (1992–2002), председателем Правительства Республики Тыва (2002–2007) Ш. Д. Ооржаком⁴. Он рассказал о своем происхождении, семье, интересах, поделился мнением в разных вопросах, в том числе профессиональных. На момент беседы с журналистом он уже исполнял свои обязанности четыре года, поэтому президент смог подвести некоторые итоги работы на данном посту, сделать обобщения. Ряд его высказываний уже попали в политологическую работу (Ламажаа, 2009: 152, 154).

Материалов о следующем руководителе Республике Тыва (2007–2021) Ш. В. Кара-ооле (1966 г. р.) оказалось целых три, причем первое из них интервью — в первом томе — вышло в 1996 г., когда герой был только руководителем фонда ветеранов Афганистана. И в этом качестве он отвечал на вопросы журналиста вместе с соучредителем — родным братом Л. В. Кара-оолом⁵. Второе интервью Ш. В. Кара-оол дал в 2001 г., став председателем Верховного хурала Республики Тыва⁶. И третье интервью политик дал уже в качестве председателя правительства РТ в 2009 г.⁷ Наличие разновременных интервью с

¹ Хертек Анчимаа-Тока: «Умирая, он сказал: носи мою фамилию» (беседовала С. Монгуш) [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2001, № 52. 21 декабря. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2001/52/5195-anchimaa-toka.html> (дата обращения: 12.01.2024); Хертек Анчимаа-Тока: «Умирая, он сказал: носи мою фамилию» (беседовала С. Монгуш) // Люди Центра Азии. Новосибирск: Новосиб. полигр. комбинат, 2006. Т. 3. С. 34.

² Ондар Хеймер-оол. «Тува моя, судьба моя, боль моя» (продолжение) [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2003, № 19. 8 мая. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2003/19/1921-tuva-moya-sudba-moya-bol-moya...html> (дата обращения: 12.01.2024); Ондар Хеймер-оол. «Тува моя, судьба моя, боль моя» // Люди Центра Азии. Новосибирск: Новосиб. полигр. комбинат, 2006. Т. 3. С. 248–251.

³ Виталий Вальков. Не надо стесняться делать добрые дела (беседовала М. Чанзан) [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2006, № 25. 24 июня. URL: http://www.centerasia.ru/issue/2006/25/507-ne_nado_stesnyatsya_delat_dobrye_dela.html (дата обращения: 12.01.2024); Виталий Вальков. Не надо стесняться делать добрые дела (беседовала М. Чанзан) // Люди Центра Азии / гл. ред. и сост.: Н. М. Антуфьева. Кызыл: Центр Азии, 2011. Т. 4: 115 интервью и очерков. С. 56.

⁴ Шериг-оол Ооржак. Президент Республики Тыва. «Мать сказала мне: “Держись за свой народ, сынок”» (беседовала Н. Антуфьева) // Люди Центра Азии. 50 интервью / под общ. ред. Н. Антуфьевой. М., 1998. Т. 1. С. 216–224.

⁵ Леонид и Шолбан Кара-оолы. Руководители фонда ветеранов Афганистана (беседовала И. Потапенко) // Люди Центра Азии. 50 интервью / под общ. ред. Н. Антуфьевой. М., 1998. Т. 1. С. 135–139.

⁶ Шолбан Кара-оол: Чтобы дети гордились домом, который оставил им отец (беседовала Н. Антуфьева) [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2001, № 8. 16 февраля. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2001/8/4971-sholban-kara-ool-chtobi-deti-gordilis.html> (дата обращения: 12.01.2024); Шолбан Кара-оол: Чтобы дети гордились домом, который оставил им отец (беседовала Н. Антуфьева) // Люди Центра Азии. Кызыл, 2001. Т. 2. С. 412–419.

⁷ Секрет дома председателя (беседовала Н. Антуфьева) (начало) [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2009, № 12. 27 марта. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2009/12/2534-sekret-doma-predsdatelya.html> (дата обращения: 12.01.2024); Секрет дома председателя (беседовала Н. Антуфьева) (окончание) [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2009, № 13. 3 апреля. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2009/13/2540-sekret-doma-predsdatelya.html> (дата обращения: 12.01.2024).

героем позволяют увидеть его на разных этапах его политической карьеры, отчасти даже и эволюцию его взглядов.

В связи с тем, что газета перестала выходить еще до того, как сменился руководитель республики (в 2021 г.), в рассматриваемых материалах нет уже нынешнего главы Республики Тыва В. Т. Ховалыга (1967 г.р.). Однако, учитывая то, что политическая жизнь Тувы не может рассматриваться только сквозь призму деятельности первых лиц, интерес представляют и депутаты, общественно-политические деятели разных лет, число которых в шеститомнике значительно. В частности, материалы явно можно группировать и рассматривать в самых разных аспектах. Например, в гендерном аспекте тувинской политики. В книгах есть интервью с женщинами-политиками: с уже упомянутой Х. А. Анчимаа-Тока¹, личность которой и деятельность сами по себе чрезвычайно интересны, поскольку она была соратником С. К. Тока, в том числе возглавляла Малый хурал Тувинской Народной Республики (1940-1944) и была юридически главой государства — первой женщиной; Кара-Кыс Донгаковой Аракчаа², которая была депутатом Государственной думы ФС РФ I созыва (1993–1996); с мэром г. Кызыла З. Н. Сат (1993–1998)³, остающейся пока в истории первой и единственной главой администрации города, и мн. др. Можно изучать интервью с теми, кто занимал (и продолжает занимать) высокие посты федерального уровня; отдельных политиков, общественно-политических деятелей Тувы, с некоторыми из которых журналисты беседовали не единожды, а спустя годы.

Поэтому по мере освоения исторической и политологической науками периодов постсоветской истории Тувы, очевидно, что исследователи могли бы опираться на уже готовые и опубликованные портреты политиков, их мнения и оценки событий.

«Люди Центра Азии» как филологический источник

Филологический ракурс научного изучения газетных публикаций также достаточно многовекторный.

Сам двадцатилетний контент газеты в плане изучения представляет интерес для тувинской журналистики, шире — российской (Стровский, 1998; и др.), журналистики постсоветских стран, да и в мире. Обогащение научного представления о развитии любой журналистики происходит и благодаря материалам, раскрывающим деятельность как респондентов — героев той или иной газетной публикации, но и за счет оценки деятельности её созидающих представителей.

Еще один ракурс научного изучения газетных публикаций есть в собственно лингвистическом плане (Кожухметова, 2017). В основном сейчас интерес лингвистики к тувинским публикациям может быть сосредоточен на материалах тувиноязычных изданий, например, статьях газеты «Шын», в целом на поддержке тувинского языка в СМИ и в Интернете (Ондар, Донгак, Монгуш, 2023), поскольку вопросы сохранения и популяризации тувинского языка в республике стоят очень остро. Речь зашла о языковом сдвиге — тувинский язык серьезно смещается в сфере его использования самими тувинцами и уступает место русскому языку (Биткеева, Цыбенова, 2022), что в итоге привело к необходимости принятия специальной Стратегии развития тувинского языка (Боргоякова, Биткеева, 2023). Объективно отчасти развитие русскоязычной газеты «Центр Азии» можно рассматривать и как часть этого процесса, в том числе и процесса развития билингвальных личностей, говорящих сразу на двух языках (Бахтикиреева, 2016). Даже если в издании публиковались интервью с людьми, разговор с которыми был на тувинском языке, текст беседы специально переводился на русский. В этом смысле можно сказать, что материалы газеты, в том числе рубрики «Люди Центр Азии», представляют собой пеструю картину, в которой есть русскоязычная Тува, а также отражение тувиноязычной Тувы в отражении русского языка. И тем самым вся Тува на страницах издания становится русскоязычной. Здесь интересно изучать тексты массовой

¹ Хертек Анчимаа-Тока: «Умирая, он сказал: носи мою фамилию» (беседовала С. Монгуш) [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2001, № 52. 21 декабря. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2001/52/5195-anchimaa-toka.html> (дата обращения: 12.01.2024); Хертек Анчимаа-Тока: «Умирая, он сказал: носи мою фамилию» (беседовала С. Монгуш) // Люди Центра Азии. Новосибирск: Новосиб. полигр. комбинат, 2006. Т. 3. С. 29–35.

² Кара-Кыс Аракчаа «Если против тебя борется власть, значит ты прав» (беседовала Н. Антуфьевой) // Люди Центра Азии. 50 интервью / под общ. ред. Н. Антуфьевой. М., 1998. Т. 1. С. 188–200.

³ Зоя Сат «Если бы у меня не было надежного семейного тыла, я бы не согласилась на эту работу» (беседовала И. Потапенко) // Люди Центра Азии. 50 интервью / под общ. ред. Н. Антуфьевой. М., 1998. Т. 1. С. 12–15.

информации не только с точки зрения тенденция социолингвистики, но и в свете взаимодействия культур, в фокусе лингвокультурологии и межкультурной коммуникации (Добросклонская, 2020: 125-138; и др.¹). Один из аспектов, например, позволяет обсуждать тему тувинских заимствований в русской лексике местного русскоязычного населения, которое для выражения специфических тувинских названий неизбежно произносит именно тувинские слова, названия (*Шагаа*, *Наадым*, *хуреш* и пр.).

Еще один аспект связан с темой этнических стереотипов, которые присутствуют в восприятии представителей этносов друг друга. Редакция и главный редактор газеты старалось с равным интересом и уважением показывать людей вне зависимости от этнической самоидентификации, что стало основой общественного признания газеты у всего тувинского сообщества, члены которого так или иначе считали для себя честью стать героем «Людей Центра Азии». Поэтому речь идет не о поиске лексики противопоставления, неуважения. Речь идет в целом о поиске косвенных признаков взаимных образов и стереотипов, которые могли бытовать в обществе и быть выраженными в воспоминаниях.

«Люди Центра Азии» как источник для широкого спектра наук

Учитывая тот факт, что героями интервью газеты становились люди самых разных профессий, нужно обратить внимание исследователей на то, что с помощью этих материалов можно рассматривать историю не только политики в лицах, но и историю ряда общественных отраслей, социальных институтов.

Например, науки. В этих историях можно увидеть и биографии ученых, и зарождение их интереса к науке и тех, с кем они начинали работать, как работали. Тем самым в беседах фактически история тувиноведения, науки как социального института, оживает в событиях, в отношениях, в отдельных биографиях.

Например, историк и этносоциолог, доктор наук З. В. Анабайн вместе с супругом — политиком М. С. Козловым рассказывают свою историю, в которой исследовательский интерес ученой к межнациональным отношениям в республике тесно переплетается с теми же самыми межнациональными отношениями в их собственной семье². Еще одна семейная пара, также интернациональная — ученые разных научных отраслей — географии и филологии: С. С. Курбатская и Г. Н. Курбатский³. Несмотря на столь разные научные интересы, они демонстрируют прочный многолетний союз увлеченных наукой людей. Экономист Г. Ф. Балакина⁴, рассуждает о сложных временах для науки и общества — 1990-х годах, когда в свет вышли ее первые труды, в том числе в соавторстве с З. В. Анайбан.

Классики тувиноведения также представлены героями интервью газеты — московскими и питерскими учеными, рассказывающими как у них появился интерес к Туве, с кем из местных ученых они сотрудничали, тем самым восстанавливая историю взаимоотношений столичных научных центров с региональными. Например, этнограф, без работ которого невозможно представить историю этнографии тувинцев — С. И. Вайнштейн⁵, тюрколог — исследователь тюркской рунической письмен-

¹ Бахтикиреева У. М. Художественный билингвизм и особенности русского художественного текста писателя-билингва: дис. ... доктора филол. наук. М., 2005.

² Михаил Козлов: В нашей семье нет межнациональных конфликтов (беседовала Н. Антуфьева) [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2000, № 31. 26 июля. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2000/31/4958-mikhail-kozlov-v-nashey-seme-net.html> (дата обращения: 12.01.2024); Михаил Козлов: В нашей семье нет межнациональных конфликтов (беседовала Н. Антуфьева) // Люди Центра Азии. Кызыл, 2001. Т. 2. С. 357–365.

³ Георгий и Светлана Курбатские: «Сначала люди находят друг друга» (беседовала Ч. Даргын-оол) [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2003, № 7. 14 февраля. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2003/7/5202-kurbatsky.html> (дата обращения: 12.01.2024); Георгий и Светлана Курбатские: «Сначала люди находят друг друга» (беседовала Ч. Даргын-оол) // Люди Центра Азии. Новосибирск : Новосиб. полигр. комбинат, 2006. Т. 3. С. 186–190.

⁴ Галина Балакина «Сейчас быть ученым — значит выживать» (беседовал М. Рудаков) // Люди Центра Азии. 50 интервью / под общ. ред. Н. Антуфьевой. М., 1998. Т. 1. С. 158–162.

⁵ Севьян Вайнштейн: Эта прекрасная и загадочная Тува. Полвека путешествий и открытий (беседовала Ч. Даргын-оол) [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2000, № 13. 22 марта. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2000/13/4953-sevyan-vaynshteyn-eta-prekrasnaya-i.html> (дата обращения: 12.01.2024); Севьян Вайнштейн: Эта прекрасная и загадочная Тува. Полвека путешествий и открытий (беседовала Ч. Даргын-оол) // Люди Центра Азии. Кызыл, 2001. Т. 2. С. 305–309.

ности Д. Д. Васильев¹, исследовательница древнейших петроглифов на территории Тувы М. А. Дэвлет², археолог М. Е. Килуновская³ и др.

При этом материалы не ограничиваются учеными — теми, кто исследует Туву, что позволяет проекту «Люди Центра Азии» быть интересным не только для тувиноведения. Например, есть интервью с хакасским ученым, этнографом — В. Я. Бутанаевым⁴, интервью с якутской исследовательницей тунгусоведения — древней религиозной системы тюркских народов Л. В. Федоровой⁵ и др. Более того, среди героев интервью и иностранные тувиноведы, с которыми удалось побеседовать во время их активных работ в республике на рубеже 1990–2000-х гг.: американский лингвист Д. Харрисон⁶ и др. Помимо этого представлены интервью с тувинскими учеными, которые или уехали работать за рубеж (В. Пээмот), или создали семейные союзы с иностранными учеными (Ч. Кыргыз и Б. Донахо), и др.

Такая же пестрая и очень живая картина воссоздается в материалах о деятелях культуры и искусства, спорта, педагогики, журналистики, которые учились в самых разных учебных заведениях страны, получали бесценный опыт за пределами Тувы, работают в самой республике и делятся своими историями жизни. Интересны биографии тувинцев, выходцев из Тувы, проживающих в самых разных регионах России и за рубежом.

Уже не приводя многочисленных примеров, которые можно легко собрать и сгруппировать по личностям и по разным отраслям, добавим только еще то, что не всегда очевидно.

Поскольку среди материалов рубрики не все биографические интервью, есть и другие жанры, то находятся такие статьи, которые бы сами по себе могли бы быть собраны современными антропологами. Например, журналистка Р. Кама в 2001 г. взяла интервью у жителей кызыльской городской свалки, которые поделились своими историями⁷. Как мы знаем, в направлении городской антропологии работает и отрасль антропология свалки, показывающая не самую известную, приглядную сторону жизни городов, но тем не менее тоже очень важную, в том числе примыкающую к темам экологии городской жизни.

¹ Дмитрий Васильев «Сабля Багыра — не боевой трофеей» (беседовала Ч. Даргын-оол) // [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2004, № 28. 18 июля. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2004/28/1128-sablja-bagyra-ne-boeovojj-trofej.html> (дата обращения: 12.01.2024); Дмитрий Васильев «Сабля Багыра — не боевой трофеей» (беседовала Ч. Даргын-оол) // Люди Центра Азии. Новосибирск: Новосиб. полигр. Комбинат, 2006. Т. 3. С. 450–455.

² Марианна Дэвлет «У меня есть долг перед древними людьми Тувы» (беседовала Ч. Даргын-оол) // [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2003, № 37. 12 сентября. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2003/37/1678-u-menya-est-dolg-pered-drevnimi-lyudmi.html> (дата обращения: 12.01.2024); Марианна Дэвлет «У меня есть долг перед древними людьми Тувы» (беседовала Ч. Даргын-оол) // Люди Центра Азии. Новосибирск: Новосиб. полигр. Комбинат, 2006. Т. 3. С. 294–298.

³ Марина Килуновская. Хранительница каменных сокровищ (А. Иконникоц-Галицкий) // [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2010, № 34. 27 августа. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2010/34/3541-khranitelnica-kamennikh-sokrovishch.html> (дата обращения: 12.01.2024); Марина Килуновская. Хранительница каменных сокровищ (А. Иконникоц-Галицкий) // Люди Центра Азии / гл. ред. и сост.: Н. М. Антүфьева. Кызыл: Центр Азии, 2011. Т. 4: 115 интервью и очерков. С. 702–709.

⁴ Виктор Бутанаев. Эти миры не могут существовать друг без друга (А. Анненко) [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2006, № 11. 17 марта. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2006/11/1531-jeti-miry-ne-mogut-sushhestvovat-drug.html> (дата обращения: 12.01.2024); Виктор Бутанаев. Эти миры не могут существовать друг без друга (А. Анненко) // Люди Центра Азии / гл. ред. и сост.: Н. М. Антүфьева. Кызыл: Центр Азии, 2011. Т. 4: 115 интервью и очерков. С. 20–25.

⁵ Лена Федорова. Алмазная леди Лена (беседовала Ч. Даргын-оол) // [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2005, № 9. 5 марта. URL: http://www.centerasia.ru/issue/2005/9/24-almaznaya_ledi_lena.html (дата обращения: 12.01.2024); Лена Федорова. Алмазная леди Лена (беседовала Ч. Даргын-оол) // Люди Центра Азии. Новосибирск: Новосиб. полигр. Комбинат, 2006. Т. 3. С. 560–566.

⁶ Дэвид Харрисон: Я не агент ЦРУ. Я просто маленький патриот Тувы (беседовала С. Монгуш) [Электронный ресурс] // Центр Азии. 1998, № 43. 22 октября. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/1998/43/4949-devid-kharrisson-ya-ne-agent-cru-ya.html> (дата обращения: 12.01.2024); Дэвид Харрисон: Я не агент ЦРУ. Я просто маленький патриот Тувы (беседовала С. Монгуш) // Люди Центра Азии. Кызыл, 2001. Т. 2. С. 119–122.

⁷ Кама Р. Люди на свалке жизни [Электронный ресурс] // Центр Азии. 2001, № 15. 6 апреля. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2001/15/4970-lyudi-na-svalke-zhizni.html> (дата обращения: 12.01.2024); Люди на свалке жизни (Р. Кама) // Люди Центра Азии. Кызыл, 2001. Т. 2. С. 444–448.

Заклучение

Таким образом, мы постарались представить научную ценность материалов тувинской русско-язычной газеты «Центр Азии» (1991–2017), в частности рубрики «Люди Центра Азии», которые могут дать богатую пищу для исследований специалистов самых разных отраслей социального и гуманитарного профилей.

Благодарности

Благодарим учредителя и главного редактора газеты «Центр Азии», Заслуженного журналиста России Надежду Мухарбековну Антуфьеву за любезно предоставленные материалы об истории газеты, воспоминания и фотографии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бадыргы, М. М., Мунге, Б. В. (2020) Документы Национального архива Республики Тыва по культурному строительству Тувинской Народной Республики // Новые исследования Тувы. № 2. С. 145–164. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.10>
- Бахтикиреева, У. М. (2016) О транслингвизме и транскulturации через призму одной языковой биографии // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке № 2(50). С. 76–80.
- Биткеева, А. Н., Цыбенова, Ч. С. (2022) Хроника языкового сдвига в тувинском языке в Республике Тыва // Новые исследования Тувы. № 4. С. 6–27. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.1>
- Боргоякова, Т. Г., Биткеева, А. Н. (2023) Тувинский компонент билингвального пространства или размышления о стратегии государственной поддержки тувинского языка // Новые исследования Тувы. № 4. С. 290–300. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.20>
- Добросклонская, Т. (2020) Медиалингвистика: теория, методы, направления. [б. м.] : [б. и.]. 180 с.
- История Тувы (2016) : в 3 т. / под общ. ред. Н. М. Моллерова. Новосибирск : Наука. 455 с.
- Кан, В. С. (2010) Из истории газеты «Сылдысчыгаш» (1945–1959 гг.). К 65-летию газеты // Новые исследования Тувы. № 1. С. 173–187.
- Кан, В. С. (2021) Становление и развитие периодической печати Тувы (1921–1991 гг.). Абакан : Журналист. 272 с.
- Кан, В. С. (2022) Новые тенденции в деятельности периодической печати Тувы в период перестройки // Вестник Томского государственного университета. История. № 80. С. 28–37. DOI: <https://doi.org/10.17223/19988613/80/3>
- Кожаметова, А. С. (2017) Газетный текст как источник фактического материала для лингвистических исследований // Актуальные научные исследования в современном мире. № 11–6 (31). С. 94–99.
- Ламажаа, Ч. К. (2009) Клановость в политике регионов России. Тувинские правители. СПб. : Алетейя. 206 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2021) Очерки современной тувинской культуры. СПб. : Нестор-История. 192 с.
- Маадыр, М. С. (2009) Журналы Тувы // Новые исследования Тувы. № 4. С. 135–158.
- Маадыр, М. С. (2018) Журналы Тувинской Народной Республики в современных архивохранилищах // Роль и значение архивов и архивных документов в сохранении исторической памяти народа. Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 100-летию государственной службы России. 26 апр. 2018 г., Республика Тыва, г. Кызыл / отв. ред. Б. В. Мунге. Кызыл : Типография КЦО «Аныяк». 124 с. С. 43–47.
- Маадыр, М. С., Седип-оол М. М. (2020) Газетный фонд Национального архива Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 2. С. 87–102. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.6>
- Ондар, Ч. Г., Донгак, В. С., Монгуш, Д. Ш. (2023) Тувинский язык в Интернете: представленность, проблемы и перспективы // Новые исследования Тувы. № 1. С. 186–207. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.11>
- Отрошенко, І. (2018) Тувинська народна республіка: сторінки історії [Тувинская Народная Республика: страницы истории]. Київ : Інститут сходознавства ім. А. Ю. Кримського НАН України. 392 с. (На укр. яз.)
- Русина, Ю. А. (2015) Источниковедение новейшей истории России. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 236 с.
- Рышков, В. М. (2010) Периодическая печать: место в системе исторических источников // Отечественные архивы. № 3. С. 44–50.
- Скуридина, С. А., Масленникова, И. А. (2017) Периодическая печать как историко-культурологический источник (на примере газетных объявлений XIX века) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. № 3 (26). С. 72–78.

Стровский, Д. Л. (1998) История отечественной журналистики новейшего периода : лекции по курсу. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 271 с.

Танова Е. Т. (1979) Периодическая печать Тувы (1921–1944 гг.). Кызыл : Тувкнигоиздат. 112 с.

Танова, Е. Т. (2006) История возникновения и развития периодической печати Тувы. Кызыл : Тув. кн. из-во. 96 с.

Дата поступления: 12.01.2024 г.

Дата принятия: 10.02.2024 г.

REFERENCES

Badyrgy, M. M. and Munge, B. V. (2020) Cultural Upbuilding” in People’s Republic of Tuva in documents preserved at National Archives of Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 145–164. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.10>

Bakhtikireeva, U. M. (2016) On translanguaging and transculturalism through a prism of a language biography. *Sotsial’nye i gumanitarnye nauki na Dal’nem Vostoke*, no. 2(50), pp. 76–80. (In Russ.).

Bitkeeva, A. N. and Tsybenova, Ch. S. (2022) Chronicle of the Tuvan language shift in the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 6–27. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.1>

Borgoiakova, T. G. and Bitkeeva, A. N. (2023) The Tuvan component of the bilingual space or reflections on the strategy of state support of the Tuvan language. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 290–300. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.20>

Dobrosklonskaia, T. (2020) *Medialinguistics: theory, methods, directions*. S. n. 180 p. (In Russ.).

The History Of Tuva (2016): in 3 vols. / ed. by V. A. Lamin. Novosibirsk, Nauka. Vol. 3. 455 p. (In Russ.).

Kan, V. S. (2010) A history of the «Syldyschygash» newspaper (1945–1959). To the 65th anniversary. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 173–187. (In Russ.).

Kan, V. S. (2021) *Formation and development of the periodical press of Tuva (1921–1991)*. Abakan, Zhurnalst. 272 p. (In Russ.).

Kan, V. S. (2022) New trends in the activities of the periodical press of Tuva during the Perestroika period. *Tomsk State University Journal of History*, no. 80, pp. 28–37. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/19988613/80/3>

Kozhakhmetova, A. S. (2017) Newspaper text as a source of factual material for linguistic research. *Aktual’nye nauchnye issledovaniia v sovremennom mire*, no. 11–6 (31), pp. 94–99. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2009) *The clan politics of Russia’s regions: The leaders of Tuva*. St. Petersburg, Aleteiia. 208 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021) *Essays on modern Tuvan culture*. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 192 p. (In Russ.).

Maadyr, M. S. (2009) Magazines of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 135–158. (In Russ.).

Maadyr, M. S. (2018) Magazines of the Tuvan People’s Republic in modern archives. In: *[The role and significance of archives and archival documents in preserving the historical memory of the people]*. Materials of the regional scientific and practical conference dedicated to the 100th anniversary of the Russian civil service. 26 Apr 2018, Republic of Tuva, Kyzyl / ed. by B. V. Munge. Kyzyl, Tipografia KTso «Anyiak». 124 p. Pp. 43–47. (In Russ.).

Maadyr, M. S. and Sedip-ool M. M. (2020) Newspaper collections at the National Archives of the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 87–102. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.6>

Ondar, Ch. G., Dongak, V. S. and Mongush, D. S. (2023) The Tuvan language on the Internet: Representation, problems and prospects. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 186–207. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.11>

Otroshchenko, I. (2018) *Tuvan People’s Republic: pages of history*. Kiev: Institute of Similarity named after. A. Yu. Krimsky NAS of Ukraine. 392 p. (In Ukr.)

Rusina, Yu. A. (2015) *Source study of modern Russian history*. Ekaterinburg, Ural Stat University Publishing. 236 p. (In Russ.).

Rynkov, V. M. (2010) Periodicals: place in the system of historical sources. *Otechestvennye arkhivy*, no. 3, pp. 44–50. (In Russ.).

Skuridina, S. A. and Maslennikova, I. A. (2017) Periodicals as a historical and cultural source (using the example of newspaper advertisements of the 19th century). *Aktual'nye voprosy sovremennoi filologii i zhurnalistiki*, no. 3 (26), pp. 72-78. (In Russ.).

Strovskii, D. L. (1998) *History of Russian journalism of the modern period*. Ekaterinburg, Ural Stat University Publishing. 271 p. (In Russ.).

Tanova E. T. (1979) *Periodical press in Tuva, 1921–1944*. Kyzyl, Tuvan book publ. 112 p. (In Russ.).

Tanova, E. T. (2006) *The history of the rise and development of periodicals of Tuva*. Kyzyl, Tuvan book publisher. 96 p. (In Russ.).

Submission date: 12.01.2024.

Accepted date: 10.02.2024.

DOI: 10.25178/nit.2024.1.4

Статья

Тувинские произведения в антологиях современной литературы народов России: измерения поэзии, прозы, драматургии

Алексей А. Арзамазов*Российский университет дружбы народов; Казанский научный центр РАН, Российская Федерация,***Анжела В. Должикова***Российский университет дружбы народов, Российская Федерация*

В статье рассматриваются произведения тувинских писателей, вошедшие в антологии современной литературы народов России: Современная литература народов России. Поэзия. Антология (2017), Современная литература народов России. Проза. Антология (2018), Современная литература народов России. Драматургия. Антология (2020). Для исследования отобраны поэтические, прозаические, драматические тексты, в совокупности позволяющие сделать выводы относительно общего состояния и тенденций развития тувинской литературы рубежа XX–XXI столетий.

Установлено, что тувинская литература на фоне многих других литературных традиций народов России выделяется как высоким художественным качеством, так и разнообразием стилей, творческих концепций. В ходе исследования был выявлен ряд важных особенностей, свойственных тувинской литературе: актуализация выразительных возможностей природной символики, регулярное конструирование своей пространственной реальности, повышенное внимание к историческим событиям и персонажам, психологическая глубина, широкое использование приема визуализации.

Был сделан вывод о том, что тувинской литературе присуща высокая степень художественного выражения этнокультурной составляющей. Очевидно, что тувинская литература в целом сохраняет свою языковую самостоятельность, лингвокультурную самобытность.

На материале антологий предпринята попытка обозначить ключевые стратегии развития литератур народов России.

Ключевые слова: тувинская литература; тувинский язык; литература народов России; антология; образная система; этническая культура; этническая идентичность; мифологический контекст; художественный перевод

Для цитирования:

Арзамазов А. А., Должикова А. В. Тувинские произведения в антологиях современной литературы народов России: измерения поэзии, прозы, драматургии // Новые исследования Тувы. 2024, № 1. С. 55-73. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.4>

Арзамазов Алексей Андреевич — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Института русского языка Российского университета дружбы народов; заведующий лабораторией многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии Казанского научного центра РАН. Адреса: 117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, к. 3; 420111, Российская Федерация, г. Казань, ул. Лобачевского, д. 2/31. Эл. адрес: arzami@rambler.ru

Должикова Анжела Викторовна — кандидат химических наук, директор Института русского языка Российского университета дружбы народов; член Совета при Президенте Российской Федерации по русскому языку, вице-президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы, ведущий эксперт фонда «Русский мир». Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, к. 10, корпус 3. Эл. адрес: dolzhikova-av@rudn.ru

ARZAMAZOV, Alexey Andreevich, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University; Head, Laboratory of Multifactor Humanitarian Analysis and Cognitive Philology, Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Postal addresses: building 3, 10, Miklouho-Maklaya St., 3117198, Russian Federation, Moscow; 2/31 Lobachevskogo St., 420111, Russian Federation, Kazan. Email: arzami@rambler.ru

DOLZHIKOVA, Anzhela Viktorovna, Candidate of Chemical Sciences, Director, Russian Language Institute, People's Friendship University of Russia; member, Russian Language Council under the President of the Russian Federation, vice-president, Russian Society of Teachers of Russian Language and Literature, leading expert, Russkiy Mir Foundation. Postal address: 3/10, Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russia. Email: dolzhikova_av@pfur.ru

Tuvan work of literature in anthologies of modern literature of the peoples of Russia: dimensions of poetry, prose, drama

Alexey A. Arzamazov

RUDN University; Kazan Scientific Center RAS, Russian Federation,

Angela V. Dolzhikova

RUDN University, Russian Federation

The article examines the work of Tuvan authors included in the anthology of modern literature for the peoples of Russia: Modern literature of the peoples of Russia. Poem. Anthology (2017), Modern literature of the peoples of Russia. Prose. Anthology (2018), Modern literature of the peoples of Russia. Drama. Anthology (2020). Poetic, prose, and dramatic texts have been selected for the study, which together allow us to draw conclusions about the general state and trends in the development of Tuvan literature at the turn of the XX-XXI centuries.

It has been established that Tuvan literature, in comparison to many other literary traditions among the peoples of Russia, is characterized by both a high level of artistic quality and a diverse range of styles and creative approaches. The study identified several significant features that are specific to Tuvan literature: the realization of the expressive potential of natural symbolism, the regular construction of a person's spatial reality, an increased focus on historical events and characters, a deep psychological dimension, and the widespread use of visual techniques.

It has been concluded that Tuvan literature possesses a high degree of artistic expression of its ethnocultural component. It is evident that Tuvan literature maintains its linguistic independence and linguistic and cultural distinctiveness. Based on the data from the anthologies, we attempt to identify key strategies for the evolution of the literary traditions of peoples in Russia.

Keywords: *Tuvan literature; Tuvan language; literature of the peoples of Russia; anthology; figurative system; ethnic culture; ethnic identity; mythological context; literary translation*

For citation:

Arzamazov A. A. and Dolzhikova A. V. Tuvan work of literature in anthologies of modern literature of the peoples of Russia: dimensions of poetry, prose, drama. *New Research of Tuva*, 2024, no. 1, pp. 55-73. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.4>

Введение

Исследование многообразного этнокультурного наследия России — одно из важнейших направлений отечественной гуманитаристики. Культуры, языки, литературные традиции народов нашей страны, являя собой уникальную цивилизационную целостность, духовное богатство, представляют значительный научный интерес. Обозначая высокую актуальность разностороннего изучения проблем и перспектив развития национальной литературы, состоящей из литератур народов России, подчеркнем, что это сложный и с разных теоретических позиций рассматриваемый художественно-эстетический, этноментальный, языковой феномен.

Очевидно, что литературы народов России в аспекте современного литературоведения новый и даже удобный материал для теоретического моделирования. В широком смысле этническая природа литературного творчества в плане научного осмысления до сих пор остается *terra incognita*. Между тем, это одна из явных и неявных основ художественного семиозиса, ключевой элемент индивидуально-авторской концептуализации мира. Полагаем, что существенное содержательное усиление современного отечественного гуманитарного знания может состояться благодаря исследовательскому обращению к многообразию этноресурсов, «этноглубин» России. В центре внимания данного исследования — тувинская литература XX–XXI столетий, имеющая немало стадийно-типологических переключек с другими литературными системами разных культурно-региональных зон.

Однако научный путь к Другому — своеобразный интеллектуальный вызов. Мы оказываемся в рискованной роли исследователя-аутсайдера, заходящего на чужую этнокультурную территорию со своим багажом знаний, компетенций, исследовательским опытом, но без последовательного освоения языка, постижения основ этнического мировоззрения неспособного решать фундаментальные научные задачи. Применительно к данной ситуации речь может идти о внимательно-заинтересованном взгляде со стороны, проявляющем некоторые неочевидные тенденции, грани бытования культуры, литературы.

Нередко возникает ощущение, что жители современной России (особенно в больших городах) плохо осведомлены о масштабах языкового, этнокультурного разнообразия своей страны. Чтобы исправить эту несправедливость, на федеральном, региональном уровнях создаются-реализуются различного рода программы, фонды научно-просветительского значения. Среди инициированных Правительством РФ фундаментальных программ, обращенных к национальным культурам, видное место занимает Программа поддержки национальных литератур народов Российской Федерации (2016–2018, и далее — ежегодное продление финансирования до 2024), в рамках которой выходят антологии современной литературы народов России¹. Участие в данных научно-исследовательских проектах позволило нам заглянуть в далекие реалии современной тувинской словесности.

Цель нашего исследования — рассмотреть художественные произведения тувинских авторов, представленных в антологиях литературы народов России. Для ее достижения предполагается решение ряда задач: рассмотреть роль Программы поддержки в контексте исследования и популяризации этнического, языкового многообразия России и на материалах антологии определить важные реалии развития литератур народов РФ; раскрыть художественные особенности произведений тувинской поэзии, прозы, драматургии, вошедших в антологии и в той или иной степени представляющих мировоззрение, духовную культуру тувинского народа.

Теоретико-методологическая основа статьи: труды, посвященные литературам народов России (Литература народов России, 2022; Барабаш, 2021; Бахтикиреева, 2005, 2009; Ибрагимов, 2018; Кучукова, 2005; Сафиуллин, 2021; и др.), а также тувинской духовной культуре и литературе (Байыр-оол, 2013; Донгак, 2006; Комбу, 2012; Куулар, 1970; Ламажаа, 2018, 2021; Очур, 2012; Хадаханэ, 1968; и др.).

Объект исследования — поэтические, прозаические, драматургические произведения тувинских авторов, вошедшие в антологии литературы народов России. Предмет исследования — художественные особенности, этнокультурные контексты попавших в орбиту прочтения произведений.

Источниковая база — антологии «Современная литература народов России. Поэзия. Антология» (2017)², «Современная литература народов России. Проза. Антология» (2018)³, «Современная литература народов России. Драматургия. Антология» (2020)⁴.

По мотивам антологий: реалии развития литератур народов РФ

Программа поддержки национальных литератур начала свою работу в 2016 г. У ее истоков был директор департамента государственной поддержки периодической печати и книжной индустрии Министерства цифрового развития РФ В. В. Григорьев, издатель Д. С. Ицкович, поэты и переводчики — М. А. Амелин, В. А. Куллэ и др. В рамках реализации программы были задействованы как ведущие столичные специалисты (литераторы, переводчики, филологи лингвисты, этнографы), так и представители регионов, носители языков, олицетворяющие этнокультуры писатели, исследователи. В республиках были собраны редакционные коллегии, основная задача которых заключалась в

¹ Современная литература народов России. Поэзия. Антология / отв. ред. М. Амелин. М.: Объединенное гуманитарное изд-во, 2017; Современная литература народов России. Проза. Антология / отв. ред. И. Ермакова, К. Ибрагимов. М.: Объединенное гуманитарное изд-во, 2018; Современная литература народов России. Драматургия. Антология. / отв. ред. М. Амелин. М.: Объединенное гуманитарное изд-во, 2020.

² Современная литература народов России. Поэзия. Антология / отв. ред. М. Амелин. М.: Объединенное гуманитарное изд-во, 2017.

³ Современная литература народов России. Проза. Антология / отв. ред. И. Ермакова, К. Ибрагимов. М.: Объединенное гуманитарное изд-во, 2018.

⁴ Современная литература народов России. Драматургия. Антология / отв. ред. М. Амелин. М.: Объединенное гуманитарное изд-во, 2020.

отборе художественных текстов для антологий, подготовке аналитических справок лингвистического, литературоведческого характера, в просветительской работе с молодыми авторами, пишущими на родных языках.

Программа поддержки — многоаспектный проект, включающий в себя издание объемных, репрезентирующих срезы национальных литературных традиций антологий, запуск виртуального портала произведений на языках народов России¹, проведение «проблематизирующих» симпозиумов, круглых столов, мастер-классов.

Благодаря программе поддержки многие писатели сумели заявить о себе на общероссийском и международном уровне, произведения некоторых из них были изданы отдельными книгами (при этом тувинские писатели остались в стороне). Мероприятия, события программы стали своеобразной коммуникативной площадкой, пространством интенсивного межкультурного взаимодействия: писатели, переводчики, ученые-гуманитарии, прежде, как правило, сфокусированные на своих внутренних материалах и нарративах, открыли для себя новые имена, новые конфигурации этнопоэтических манифестаций, расширили представления о сферах общего и особенного в системе литератур.

Большую ценность для научного рассмотрения являют собой выходящие друг за другом антологии. К настоящему времени увидели свет шесть антологий (поэзии, прозы, детской литературы, драматургии, художественной публицистики, народной мудрости) (фото 1)². В каждом из этих изданий представлены сотни авторов, тысячи текстов, знакомящих читателей, гуманитарное экспертное сообщество с литературами народов России. Помимо жанрово-родовых критериев при отборе текстов учитывался языковой фактор: обязательным условием включения произведений в книги было творчество на родном языке. Таким образом, за пределами проекта остались многочисленные писатели, ассоциирующие себя с художественной традицией своего народа, но пишущие по-русски.

Из шести упомянутых антологий только в антологии поэзии параллельно представлены тексты на разных языках и их переводы на русский. Подобный принцип размещения материала позволяет исследователю — пусть и на «внешних ярусах» — сопоставить оригинальную и производную версии текста, проанализировать отдельные несовпадения, лингвокультурные отличия, ощутить акустическую разность языковых систем. К сожалению, последующие антологии выходят уже только на русском языке, составлены из текстов русскоязычных переводов. Такая элиминация этноязыкового элемента

Фото 1. Пять антологий современной литературы народов России (2017–2022). Фото Ю. Радиловской, 2022 г.

Photo 1. Five anthologies of modern literature of the peoples of Russia (2017-2022). Photo by Yu. Radilovskaya, 2022.

¹ О проекте [Электронный ресурс] // Портал национальных литератур. URL: <https://rus4all.ru/docs/program/?ysclid=Isai0wxx80327395198> (дата обращения: 13.01.2024).

² В настоящее время готовится издание антологий по языковому принципу: первый том будет посвящен финно-угорским литературам.

продиктована стремлением сократить объем изданий, невозможностью в рамках одной книги разместить публицистические или прозаические произведения на разных языках.

Показательно, что анализируемые в данной статье антологии литератур народов России как знаковый культурный феномен прежде не становились объектом научного осмысления. Вместе с тем, несмотря на некоторую эклектичность репрезентативной подборки художественных произведений, они дают возможность сделать промежуточные, но аргументированные выводы относительно проблем и тенденций самоопределения литератур народов России во второй половине XX — начале XXI в. Работа одного из соавторов статьи в качестве научного эксперта над составлением антологий позволила выявить важные в свете возможных компаративных обобщений сценарии литературного движения.

Очевидно почти повсеместное доминирование поэзии. В реальности практически каждой литературы поэтические тексты занимают первостепенные позиции. Посредством стихотворчества в словесность, литературный процесс приходят молодые люди, за счет поэзии расширяется текстовый корпус литератур. При этом поэтические эксперименты молодых авторов парадоксальным образом свидетельствуют о том, что для написания стихотворений не всегда требуется большая глубина владения языком. Аналитическое обращение к такому пласту текстов регистрирует их языковую уязвимость, сомнительное языковое качество. Все чаще складывается впечатление, что родной язык в текстодепирующем сознании поэта оказывается вторым (после русского). Однако творчество на языке предков обеспечивает более легкое вхождение в литературный контекст своего региона, народа. Так, начинающим писателям значительно проще публиковаться в республиканских литературных журналах, газетах, остро нуждающихся в новых именах, текстах. При этом редакционная политика многих изданий, выходящих на языках народов России такова, что спорное качество художественных произведений, их языковое несовершенство не являются препятствием на пути к публикации. Требования к русскоязычным текстам строже, молодым авторам значительно сложнее творчески взаимодействовать с этой категорией изданий. Кроме того, в республиках, где имеют государственный статус русский и нерусский языки, оказывается определенная поддержка (гранты, премии, финансирование книгоиздания и т. д.) писателям, пишущим на родном языке. «Неполное» владение родным языком в условиях даже ограниченного финансового, социокультурного стимулирования литературного процесса для многих молодых авторов-этнофоров остается приоритетным, привлекательным.

Иная картина языкового существования характерна для поэтов, творивших в середине и даже конце XX столетия: для них родной язык в абсолютном большинстве был первым. Языковое странство их произведений, как правило, отличалось отсутствием существенных грамматических aberrаций, грубого клиширования. На общем фоне широкой распространенности поэтического дискурса фиксируется определенный кризис форм и тем: преобладает традиционная консервативная рифмовка, по-прежнему редким явлением остается верлибр, повсеместно наблюдается некоторая ограниченность постулируемой в стихотворениях проблематики (прославление родного края, любовная лирика и др.). Именно в поэтических жанрах зачастую происходит художественное воплощение многомерной этнокультурной эмпирики, раскрываются выразительные и семантические возможности образно-символической системы этноса.

Нельзя не обратить внимание и на постепенное «стирание» из литературной жизни народов России «больших» прозаических жанров. Подавляющее большинство авторов романов — писатели старше 40 лет, для которых родной язык еще был полноценно родным, которые еще могут актуализировать ресурсы «внутреннего синтаксиса» родного языка. Билингвальность с недостаточным уровнем владения литературным родным языком, характерная для многих представителей молодой генерации писателей, не позволяет воспроизвести достаточные текстовые объемы. Поэтому некоторые прозаики-этнофоры уже с самого начала творческого пути обращаются к русскому языку как инструменту письма. Существенное снижение прозаической компоненты в структуре литератур народов России может быть связано и с потребностью в быстром, почти моментальном отклике широкого круга читателей, с напряженностью, непривычностью для молодого писательского поколения длительной творческой работы.

Непростая ситуация сложилась и с драматургией. Далеко не каждая литература располагает развитой драматургической традицией, достаточным для достойного представления набором ори-

гинальных произведений, пьес, полнокровно функционирующей системой театра. Но именно драматургия потенциально могла бы раскрыть многие этноментальные «коды» личности, ее этнически обусловленного мировидения.

В ходе экспертно-исследовательской подготовки для антологии текстов были проявлены проблемы детской литературы. Речь идет о значительном дефиците детских писателей, творящих на языках народов России, некотором жанровом и сюжетно-тематическом однообразии произведений, недостаточной вовлеченности своих мифологических героев, культурных реалий в мир изображаемой детской действительности, частом отсутствии почти обязательных для детской литературы этнопедагогических основ.

Еще один важный проблемный контекст — художественный перевод с языков народов РФ на русский язык. Выяснилось, что на сегодняшний день очень не хватает квалифицированных литераторов, которые могли бы работать в этой сфере. Ушло поколение советских переводчиков, обладавших соответствующим образованием, колоссальным опытом, работающими творческими связями. Молодым талантливым писателям национально-русские переводческие проекты не кажутся интересными, перспективными. Было установлено, что качество русскоязычных переводов, репрезентирующих этноспецифические индивидуально-авторские дискурсы, не всегда оказывалось приемлемым для использования. Часто встречается ситуация, когда переводчик даже элементарно не знаком с лингвокультурой переводимого автора, не имеет даже поверхностных представлений об устройстве языка. В результате чего происходит значительная редукция стержневых параметров духовной культуры этноса, «отсекаются» релевантные мифопоэтические детали, значимые образы. Все большую актуальность приобретает проблема важности грамотно и точно сделанных подстрочников, *sub specie* передачи художественного замысла и семантики образов способных конкурировать с литературными переводами.

Частично приведенные реалии развития литератур народов России конца XX — начала XXI столетий в той или иной степени могут быть спроецированы и на современное состояние, проблемы самоопределения тувинской литературы. Разумеется, речь может идти только об очень осторожном, предварительном сопоставлении, осуществляемым ученым-аутсайдером.

Обозначая концептуальные перспективы исследования художественно-литературных традиций Тувы, в рамках этой статьи остановимся на произведениях тувинских писателей, вошедших в антологию.

Тувинская поэзия в антологиях

Если говорить о количественных показателях, общих текстовых объемах, приоткрывающих читателю ту или иную традицию, то тувинская составляющая в системе антологий представлена достаточно скромно. Особенно это заметно на примере поэтического корпуса. Отчасти нерепрезентативность тувинской поэтической подборки обусловлена труднодоступностью тувинского художественного материала (особенно — подстрочников, переводов на русский язык), некоторой сложностью сотрудничества московской редколлегии антологий и Союза писателей Тувы.

Немалую роль в популяризации тувинских поэтов сыграла личность переводчика. Тувинская поэзия в специализированном томе антологии заняла в измерении качества достойное место в том числе благодаря переводам профессора Литературного института им. А. М. Горького В. А. Куллэ, перу которого принадлежат сборники стихотворений, многочисленные эссе, литературоведческие работы (его кандидатская диссертация впервые в истории постсоветской России была посвящена поэтическому творчеству Иосифа Бродского¹). Сам В. А. Куллэ был хорошо знаком с Нобелевским лауреатом, относился к избранному небольшому кругу людей, кому Бродский симпатизировал. Необходимо заметить, что Куллэ был очарован людьми, природой, культурой Тувы. Его творческая работа с тувинскими текстами и контекстами не ограничивалась только переводческой интерпретацией исходных стихотворений. Поэт сам неоднократно бывал в Республике Тыва, общался с местным литературным

¹ Куллэ В. А. Поэтическая эволюция Иосифа Бродского в России, 1957–1972: дис. ... канд. филол. наук. М., 1996.

сообществом, представителями научной интеллигенции. В рамках антологии поэзии в переводе на русский язык В. А. Куллэ увидели свет стихотворения двух тувинских поэтов — Александра Даржая (1944–2016) и Николая Куулара (1958).

Тувинские стихотворные произведения достаточно традиционны в плане рифмовки. На первый взгляд — если рассматривать под углом теории литературы и в категориях современной поэтологии — включенные в поэтическую антологию тексты лишены композиционных «изысков», созданы в русле консервативной поэтики. Нельзя не отметить их большие размеры, общую объемность. Эта особенность гипотетически может указывать на (осознанную / подсознательную?) авторскую ориентированность на лироэпические формы, традиции тюркских народов, народов Сибири, Дальнего Востока.

Стихотворения Александра Даржая в той или иной степени сюжетного раскрытия обращены к образу Тувы, проявляют глубинную метафизическую сопряженность человека с родной землей. Основа образно-изобразительной системы его поэзии — природные символы (гора / река / степь / тайга). В стихотворении «Эргелениг» («Ластясь к горе»)¹ лирический субъект и на физиологическом, и на духовном уровне ощущает родство с природой, землей, воплощением которых выступает гора. Она ассоциируется с матерью, готовой принять сына в свои объятия, поделиться с ним своим теплом, материнским молоком:

<p><i>Дыттың черже ханы кирген Дамыр болган дазылы дег, Авайынга эргеленип, Аазын эмген хензиг чаш дег, Дыңзыг куспаам четпезе-даа, Тамчыктанып чыткылаар мен.</i></p> <p><i>Даам меңээ сеткил чылыын Дагын катап эгидип бээр: Шыдалымга күжүн кадып, Шырайымны сергедиптер. Чылыг, чымчак авам куспаа Чылдып келген ышкаш болур.</i></p>	<p>Как лиственниц стволы, что в плоть земли Корнями кровеносными вросли, Сольюсь с горой — ну до чего ж сладка, Словно вкус маминого молока! Пусть руки короткие — обнять весь склон, — Просто нырну в блаженный полусон.</p> <p>Гора моя, которой я открыт, Грудь вновь теплом душевным одарит, Придаст ослабшей плоти свежих сил, Приободрит, чтоб не был я уныл. Так только материнская рука Теплом способна исцелить сынка...²</p>
---	---

Артикуляция телесности усиливает художественное представление глубинной взаимосвязи человека и его Родины, этнического «Дома».

В стихотворении «Далайны көрбээн мен» («Встреча с морем»)³ лирический герой сетует на то, что никогда не видел моря. (Этот мотив встречается в других литературах народов России. Так, у удмуртского поэта Кузубая Герда есть стихотворение «Я ни разу не видел море»). У Александра Даржая «мертвым морем» оказывается свой Енисей, когда на дно реки уходит родная деревня. Изначальный романтический ореол всего морского нивелируется трагедией потери родных мест, невозможностью вернуться в свой дом:

¹ Даржай А. Эргелениг (Ластясь к горе) // Современная литература народов России. Поэзия. Антология / отв. ред. М. Амелин. М.: Объединенное гуманитарное изд-во, 2017. С. 383.

² Перевод В. А. Куллэ.

³ Даржай А. Далайны көрбээн мен (Встреча с морем) // Современная литература народов России. Поэзия. Антология / отв. ред. М. Амелин. М.: Объединенное гуманитарное изд-во, 2017. С. 384.

*Хөглел болгаи
муңгаралды
деңге көрген,
Хөлчүң-карам
хоюг караа мени шонган
Тааланчыг
кавай уям —
Чаа-Хөл-Аксы,
Далайжы дег,
мөчү-сөөгү сугга барган...
Далайжының
черде чыдар чевээ чок дээр,
Далай боду
ооң сөөлгү өртээли боор.
Кара чаштан
мөңгезинге бүзүрээним
Хайыралыг чуртум
бөгүн оскундум.
Өскен черим
дужу бо дээш ногаан сугже
Өкпең-кызыл чечектерни
октап тур мен...
Далайны мен
караам-биле көрбээн мен,
Талыгырдан
сураан дыңнап өскен мен..*

И вот:
со мною знававший
и праздника, и позор,
теплом меня согревавший,
как черноокий взор,
источник блаженной неги,
гнездо, колыбель,
очаг —
мой Чаа-Холь навеки
под воду ушёл, как моряк...
У моряков опочивших
непрочен вечный покой —
им морская пучина
вместо земли родной.
В детстве, припоминаю,
мнилась мне вечной — но
нынче земля родная
погрузилась на дно.
Родину — словно кожу
я менять не готов.
В зелёную воду брошу
охапку алых цветов.
Прежде мне видеть моря
не довелось никогда.
Слышал, что где-то в мире
есть большая вода.¹

Посвященное внукам стихотворение А. Даржая «Тыва» («Тува»)² перекликается со многими другими поэтическими произведениями, широко представленными в литературах народов РФ. Это тексты презентационного характера, в которых содержание нередко обусловлено общим риторическим пафосом. Автору важно превознести свою страну, республику, народ, язык, продемонстрировать их красоту, самобытность, неповторимость. В рассматриваемом стихотворении противопоставлены два плана восприятия — внешний и внутренний. Человек со стороны не может в полной мере оценить богатство, древность, глубину этнической культуры Тувы. Поэт полагает, что подлинные духовные достоинства тувинского этноса знают только свои. Для других они закрыты.

Стихотворения Николая Куулара, опубликованные в антологии, отличаются тематической разноплановостью, повышенной эмоциональностью лирического повествования. Один из сквозных образов его стихов – юрта, становящаяся для лирического героя ключевым экзистенциальным символом, элементом этнической идентификации. Как и в произведениях А. Даржая, в стихотворении Н. Куулара «Өөм» («Юрта»)³ наблюдается актуализация телесности, фигурируют материнская грудь, молоко:

¹ Перевод В. А. Куллэ.

² Даржай А. Тыва (Тува) // Современная литература народов России. Поэзия. Антология / отв. ред. М. Амелин. М.: Объединенное гуманитарное изд-во, 2017. С. 385.

³ Куулар Н. Өөм (Юрта) // Современная литература народов России. Поэзия. Антология / отв. ред. М. Амелин. М.: Объединенное гуманитарное изд-во, 2017. С. 385.

<p><i>Таңды сынның эдэнейде, Таар оъттуг оргулаашта, Ховугайның ховузунда, Хола-хараган аразында Ортулук дег дүдүскекте Опагар ак өөм турар. Аазын эмген эмиим ышкаш Ава черим борбак тейи, Ыдык төрөл чыды сиңген Ынак, чылыг уям ол-дур.</i></p>	<p>У подножия хребта Танды — там, где стебли трав сухих седы, в той степи бескрайней, где густы караганниковые кусты, — виден в мареве издалека купол юрты цвета молока. Словно грудь земли — щедра, нежна — схожа с грудью маминой она. Тёплое гнездо, где — глуп и мал — запах рода я в себя впитал...¹</p>
--	--

Жанровая дефиниция произведения «Аът дугайында баллада» («Баллада о скакуне»)² свидетельствует о проникновении в категориально-понятийный аппарат национальной словесности европейских литературных универсалий, канонов. Однако сюжет текста прежде всего корреспондирует в широком смысле с тюркскими нарративами: в центре стихотворного повествования — образ коня, скачки, самопреодоление, смертельная скорость состязания, мифологические подтексты. Поэту / переводчику особенно удалась сцена изображения переходного состояния — от жизни к смерти:

<p><i>Ээн хову ужунга кээп, деңге Эрес эрлер аъттар дынын салган. Кудай-дээрже багана дег бедип, Куу доозун хову кежир көшкен.</i></p> <p><i>Чарыштырган аъттар таптай баскан Сарыг хову дүңгүрлештир дагжаан. Чүректер-даа уштунгу дег соккан, Чүгле эртер! Адаан ындыг күштүг.</i></p> <p><i>Чаваа шаандан дешкилектен өскен Чаттып чыдар делгемнерден салгын Айдыс чытты челбип бээрге, тынып, Аккан дерниц ажыын безин билбээн...</i></p> <p><i>Калган-даа бол, тишеттирбээн аъттың Сооп, көжээн карактары үр-ле Соңнап келген өөрү-биле чарлып, Хаяаланган дышче кирип чыткан.</i></p>	<p>Вот собрались наездники в поле пустом и отпустили поводья. Скакун воскрес! Из-под копыт вырывается пыль столбом, ибо земная пыль — опора небес.</p> <p>Грива, как флаг, по ветру пластается. Воздух сух и горяч. Скакун летит, не касаясь земли. Кажется: в скачке ожил древних шаманов дух. Благословенье даря, бубны рокочат вдали.</p> <p>Вот-вот и сердце не выдержит — вырвется из груди, чтоб налегке отправиться в сумасшедший полёт. Обгоняя соперников, он летит впереди! Травы степные пахнут крепче, чем конский пот...</p> <p>А он, затихая, видел: там, где солнце в зенит восходит, где вечного неба бескрайня голубизна, — вновь в нескончаемой скачке он первым мчит и продолжает бег небесного табуна.³</p>
---	--

Переводы В. А. Куллэ, бесспорно, выполнены на очень высоком литературном уровне. И в такой переводческой высоте — своя опасность. При знакомстве с русскоязычными «отражениями» А. Даржая и Н. Куулара возникает ощущение большого стилистического присутствия личности перевод-

¹ Перевод В. А. Куллэ.

² Куулар Н. Аът дугайында баллада (Баллада о скакуне) // Современная литература народов России. Поэзия. Антология / отв. ред. М. Амелин. М.: Объединенное гуманитарное изд-во, 2017. С. 386–387.

³ Перевод В. А. Куллэ.

чика. Оба тувинских поэта говорят с читателем на языке поэзии Куллэ. Русский переводчик в данном случае стилистически, мировоззренчески вписывает тувинскую литературу в совершенно другие / чужие поэтологические контексты, придает стихотворениям несвойственные этнокультурному поэтическому дискурсу интонации. Плохо это или хорошо для тувинской культуры — вопрос открытый.

Завершается тувинский блок поэтической антологии стихотворениями Эдуарда Мижита, переведившего себя на русский самостоятельно. Его автопереводы, написанные на русском языке поэтические тексты — отдельная тема для монографического рассмотрения. В них в аналитической перспективе привлекают конфигурации влияния национального языка на русскоязычные произведения (например, распространенность деепричастий, которую можно считать «проекцией» тувинского языкового мышления с присущими ему продуктивными деепричастными формами на *-ып*, *-ап*, *-уп* и т. д.). Двухязычная природа творчества Э. Мижита способствует привлечению исследователей, как аутсайдеров, так и инсайдеров. На сегодняшний день Э. Мижит — один из наиболее изучаемых тувинских писателей (см.: Валикова, 2021; Валикова, Синячкин, Кулиева, 2023; Дампилова, 2015; Донгак, 2020; и др.).

Стихотворные тексты Мижита инкорпорированы в традиции русской, мировой литературы. Прежде всего это художественный опыт саморефлексии, самоанализа, лирическое погружение в прошлое и настоящее своих переживаний. Глубинное философское начало его творчества, поэтизация различных экзистенциальных граней проживающей сложную внешнюю и внутреннюю жизнь артистической личности, «интеллектуализация» этнического характера становятся новой важной ступенью развития национальной культуры. Существенное проблемно-тематическое расширение поэзии, усложнение ее поэтики, другие релевантные трансформации, по всей вероятности, оказали положительное воздействие на тувинский язык, его «внутренний синтаксис», образную систему, выразительные возможности.

На фоне представленных в издании стихотворений тувинских авторов выделяется произведение Э. Мижита «Бирги чалгыг» («Первая волна»)¹, переносящее реципиента в измерение детских ассоциаций, нетривиальных образно-символических компараций, в ситуацию «перетекания» состояний, воплощений. В реальности мироощущения ребенка — единство человека и природы:

<p><i>Шаавыс төндүр сывыртажып ойнап-ойнап, Челбиши ышкаш чалгын чайган ховаганнар — Чаңгызы-даа хары, өске эвес болгай, — Серишдедиң, эктим орта хонуп чорду.</i></p>	<p>Мне бабочки садились на плечо, Крылом, как опахалом, остужая, — Ведь в салочки играли только что, Ведь ни одна из них мне не чужая.</p>
<p><i>Бора-хөкпеш эжимче хол сунарымга, Хэлзээн мени караа-биле доктаадыткаш, «Болзун че, мен суг ижип айын» деп мьжыраарга, Хөйнү хөктөп, хөөлбектен ижип чордум.</i></p>	<p>Когда тянул я руки к воробью, Он, круглым взглядом пыл мой умеряя, Чирикал мне: «Не видишь, я же пью?!» И я пил с лужи, взрослых удивляя.</p>
<p><i>Аравыста хензиг безин ылгал көрбейн, Бора-хөкпеш, ховаган-даа болуп чордум. Ам чаа ишкен суувус ышкаш, ала-чайгаар Бот-бодувусче агып кирип чордувус-даа...</i></p>	<p>Я был и бабочкой, и воробьем, Почти не видел разницы меж нами, И как вода, которую мы пьем, Друг в друга плавно мы перетекали...²</p>

Другое стихотворение Мижита «Кузел» («Мечта»)³ интересно тем, что в русскоязычном переводе используется инфинитивное письмо:

¹ Мижит Э. Бирги чалгыг (Первая волна) // Современная литература народов России. Поэзия. Антология / отв. ред. М. Амелин. М.: Объединенное гуманитарное изд-во, 2017. С. 388.

² Перевод Э. Мижита.

³ Мижит Э. Кузел (Мечта) // Современная литература народов России. Поэзия. Антология / отв. ред. М. Амелин. М.: Объединенное гуманитарное изд-во, 2017. С. 389–390.

<p><i>Мага-бот чок чүүлдерге — мага-боттан, Ырлаар кылдыр даштарга-даа үнден берзе, Балдырга күш — хензиг хлеб дег идегелдиг Ырак берге оруктува үнзүмзе де Улуг бодал, эжим ышкаш, душкан болза, Сөстүң оода шензэн орта дегген болза, Уттундурган бедиктерим сактып келгеш, Чөгел төнмес бутка катап туруп келзе.</i></p>	<p>Дать бы бесплотному плоть И камню для песни бы голос, Чтоб хоть надежды ломоть, — И в путь, что нелегко и долог... Встретить, как друга, бы мысль, Коснуться хоть локтя бы слова, Вспомнив забытую высь, Подняться бы на ноги снова.¹</p>
---	---

Следует заметить, что при переводе поэтических текстов с агглютинативных языков на флективный русский регулярно встречаются инфинитивные серии, цепочки. Более того, авторы-билингвы, в творческом самовыражении которых сосуществуют национальный-агглютинативный и русский языки, именно в русскоязычном пространстве перманентно обращаются к инфинитивным моделям (см.: Арзамазов, 2022, 2023).

Есть все основания сделать вывод о том, что в центре образно-изобразительной системы тувинской поэзии — природные символы, ассоциативные параллели бытия человека и явлений природы. В целом при всей своей композиционной консервативности современная тувинская поэзия содержательно многогранна, разнообразна. Тувинские поэты придерживаются разных стилистических стратегий. Одни вписаны в традиции своей словесности, далеки от экспериментов, творческого выхода за рамки общепринятого, другие (как, например, Э. Мижит), комбинируют свое с другим, тем самым существенно расширяя контексты развития словесности. Также обращают на себя внимание две детали переводоведческого характера — высокое литературное качество художественных переводов тувинских стихотворений на русский язык (прежде всего в исполнении В. Куллэ и Э. Мижита) и недостаточная представленность тувинской поэтической составляющей на русском языке в межлитературной общности народов России.

Тувинская проза в антологиях

Тувинская проза представлена тремя рассказами, в определенной степени иллюстрирующими проблемно-тематическое разнообразие национальной литературы второй половины XX столетия.

На первый взгляд композиционно простой рассказ Чечена Ирбижей (1942) «Взрыв»² в переводе Бориса Смирнова оказывается богатым на различного рода этнокодифицированные нюансы. Повествователь-этнофор изначально переносит воспринимающую сторону в тувинский хронотоп, конструирует природно-пейзажную реальность Тувы, актуализирует тувинские топонимы (Улуг-Хем, Баян-Кол и др.).

Обращает на себя внимание высокая степень визуализации внутритекстовой действительности: разворачивающиеся события, поступки, поведение персонажей подаются кинематографически, вписаны в зрительно убедительный ландшафт суровых гор. Используются текстопорождающие механизмы описательности, свойственные «молодым литературам». Однако не всегда простые для исследовательской атрибуции этноментальные подтексты в данном случае сконцентрированы на внутренних «ярусах» произведения (психологическом, экзистенциально-философском, аксиологическом). Тувинский герой готов пожертвовать своим здоровьем, жизнью ради спасения малознакомых людей. Для него это естественное решение — прийти на помощь ближнему в сложной ситуации. По-видимому, в такой благородной «импровизации» — одно из проявлений некоего внутреннего кодекса тувинца, стремящегося жить по совести, в согласии с самим собой:

«Приказал, — сплюнув, ответил я. — Совесть... А вы...»; «А ведь так же и совесть, — пришла в голову мысль. Не покупается и не продается»³.

¹ Перевод Э. Мижита.

² Ирбижей Ч. Взрыв // Современная литература народов России. Проза. Антология. / отв. ред. И. Ермакова, К. Ибрагимов. М.: Обьединенное гуманитарное изд-во, 2018. С. 479-480.

³ Там же. С. 480.

В рассказе в эксплицитной оппозиции по отношению к главному герою находятся «спасенные» — русский и казах. Последнему кажется, что подвиг молодого тувинца был совершен ради возможного материального вознаграждения. Деньги, стратегия обогащения для него (казахского рабочего) — основной ориентир мировосприятия. Примечательно, что в тексте несколько раз обозначается этническая принадлежность не оценившего спасительную помощь человека.

Интересные подробности межкультурной коммуникации получили отражение в рассказе Октября Тун-оола (1943) «Аленка»¹, который на русский язык перевел Эдуард Мижит. Личность переводчика — носителя языка, культуры, глубинно погруженного в этнический быт и бытие Тувы — в целом положительно влияет на прочтение, восприятие текста: реципиент рассчитывает на большую этнокультурную достоверность, на большую точность, правдивость высказываний, семиотических единиц переведенного произведения. Несмотря на свою текстовую неразвернутость, рассказ композиционно довольно сложно устроен — имеют место темпоральные «разрывы», в континууме воспоминаний взаимонакладываются временные и событийные пласты, переживания прошлого и настоящего, в пространстве сюжетного взаимодействия — большое количество персонажей разного возраста, разной национальности. Произведение привлекательно для читателя своей лирико-исповедальной тональностью: автор с теплотой и благодарностью возвращает из детства дорогих сердцу людей, трогательно изображает детскую дружбу, игры, воспроизводит эмоционально разные внутренние состояния, когнитивные реакции тувинского ребенка (стеснительность, смтение от незнания русского языка, желание быть как все, как другие сверстники и т. д.). Важными с точки зрения художественной репрезентации интересующих нас этноментальных, этнокоммуникативных планов представляются текстовые фрагменты, в рамках которых заявляется полиэтничность локуса (смешанная хакасско-русско-тувинская деревня), приводятся конкретизированные сцены межэтнического общения, стереотипы, номинации. Выявляется, что тувинцы хакасов называли татарами, светло-русые волосы русской девочки воспринимаются взрослыми тувинцами как идеал красоты, русские этнофоры предстают как надежные друзья, умеющие дружить сквозь годы и при первой необходимости готовые помочь.

Значимое место в системе рассказа отводится теме русского и тувинского языков. Подчеркивается важность владения русским языком. Тувинского мальчика учат русскому сначала дед (первыми русскими словами становятся явления природы), потом — девочка Аленка, другие дети. Показательно, что в рассматриваемом произведении русские люди разговаривают по-тувински. Мама Аленки, оказавшись в тувинской семье, переходит на тувинский язык: ««Эки-менди, сосед. Буруу-ла, оршээ-ле, — заговорила она, заходя в дом. Вслед за ней зашла и Аленка»². Знание языка оказывается ключом к расположению представителей тувинского народа, вызывает восхищенное уважение в тувинской этнической среде. Свободно по-тувински говорит и повзрослевшая русская женщина Алена. Для нее тувинский — язык семьи, любимого мужа-тувинца, язык их детей:

«Алена взглянула на дочку и рассмеялась. — Ой, забыла. Ее отец — тувинец. Мой муж — строитель. Как же жена тувинца может не говорить по-тувински?! У нас трое детей, все говорят по-тувински, — сказала она и взглянула на дочку. — Уруум, тывалап бо акый-биле байырлажып корем³. — Байырлыг, акый! — на чистом тувинском попрощалась со мной ее дочь»⁴.

В переведенном на русский язык Э. Мижитом рассказе регулярно возникают тувинские языковые вставки. Особые взаимоотношения тувинцев и русских ассоциативно обыграны в песне, исполняемой дедом главного героя:

Буланно-солового и черно-солового,
Эх, иметь бы мне двух коней.
Сына русского и сына тувинца,
Эх, иметь бы мне двух друзей...⁵

¹ Тун-оол О. Аленка // Современная литература народов России. Проза. Антология / отв. ред. И. Ермакова, К. Ибрагимов. М.: Объединенное гуманитарное изд-во, 2018. С. 481–483.

² Там же. С. 482.

³ Правильно *көрөм*. Цитаты приводятся в написании источника, в ряде случаев не используются тувинские буквы (н, ү, ө).

⁴ Там же. С. 483.

⁵ Там же.

Третий рассказ Марии Кужугет (1955) «Надежда»¹, также прекрасно переведенный с тувинского на русский Эдуардом Мижитом, обращен к трагической судьбе тувинской женщины по имени Билчин, оказавшейся вместе с героиней-повествователем в роддоме.

В ожидании родов рассказываются истории из прошлого, и воспоминания Билчин поражают соседней по палате одновременно и обилием, глубиной горя, и силой преодоления, торжеством жизни. В анализируемом очень небольшом по своему объему произведении автору удалось сжато, но выразительно экранизировать большие величины человеческого переживания, потерь. Череда смертей (гибель дочерей, сына) сокрушила, но не лишила надежды на счастливое материнство, возможность женского возрождения. В основе мировосприятия тувинских героинь — категория судьбы, предначертанность происходящего: всё будет так, как предрешиено. Смерть встречается с достоинством и уважением, страшные страдания словно закрываются от внешнего мира, от чужих. В произведении «растворено» немало мифопоэтических представлений, по всей вероятности, восходящих к духовной культуре тувинцев: уважительно-покорное признание мощи природного космоса, осознание близкого соседства жизни и смерти, достоинство смирения, умение держать удар судьбы. В рассказе «Надежда» на поверхности текста фигурируют тувинские языковые элементы (*аал*, *хайыракан*, *дунмам*² и др.). Для переводчика очень важно в структуре русскоязычного текста создать тувинское лингвокультурное измерение.

Проанализированные в статье рассказы дают представление о некоторых особенностях тувинской прозы. Так, регулярным ее сценарием можно считать ситуацию межкультурной и межъязыковой коммуникации. При этом на уровне высказываний автора / персонажей подчеркивается уважительное отношение к другим народам, культурам, языкам. В прозаических произведениях наблюдается частая сюжетная переплетенность жизни и смерти, постулируется мотив фатальной предопределенности происходящих событий, принимаемых решений. Герои малой тувинской прозы — люди с сильным характером, трагическим экзистенциальным опытом, несломленные судьбой, всесторонне связанные с родной землей: им суждено здесь жить, умирать, страдать, радоваться, познавать себя и других. Небольшие по объему рассказы, напечатанные в антологии, отражают большие проблемы простого человека. Речь может идти о своеобразной психологической «каллиграфии» тувинских писателей, их творческом умении изображать сложнейшие состояния личности.

Тувинская драматургия в антологиях

Напечатанная в антологии драматургии пьеса Ондара Чылгычы (1955–2020) «Последняя пристань»³ (перевод Инны Принцевой) — одно из наиболее сильных в художественном плане оригинальных драматургических произведений не только в истории тувинской словесности, но и за ее пределами.

Автору, прожившему яркую творческую и успешную политическую жизнь (имел театральное образование, работал актером, был министром, депутатом), присуще отважное метафорическое мышление, синтезирующее в себе как мотивно-образную составляющую традиционной тувинской картины мира, так и продуктивные в мировой культуре приемы постмодернистского конструирования действительности. Текст пьесы, представленный в издании в сокращенном виде, не просто характеризуется композиционной многоплановостью, дискретностью драматургического повествования — речь идет о сюжетно-ситуативном сочетании историко-культурного дискурса («монологи диалогов» правителей Афганистана), повседневно-бытовых зарисовок из жизни военнослужащих, экранизации афганских и тувинских природно-пейзажных панорам, этномифологических деталей. На общем фоне текстового драматургического корпуса антологии пьеса «Последняя пристань» выделяется проблематизацией советско-афганской войны, глубинной авторской проработкой подробностей чужой истории и современности. С одной стороны, это достаточно экзотический выбор для писателя, обычно сосредоточенного на топосах и социокультурных контекстах своей малой родины. С другой, реальность этого конфликта затронула сотни тысяч советских граждан, особенно жителей

¹ Кужугет М. Надежда // Современная литература народов России. Проза. Антология / отв. ред. И. Ермакова, К. Ибрагимов. М.: Объединенное гуманитарное изд-во, 2018. С. 483–485.

² Правильно *дунмам*.

³ Ондар Ч. Последняя пристань. Драма в двух частях с прологом и эпилогом // Современная литература народов России. Драматургия. Антология / отв. ред. М. Амелин. М.: Объединенное гуманитарное изд-во, 2020. С. 731–742.

отдаленных регионов страны. В широком смысле антропология войны — одна из потенциально привлекательных больших тем для литературного отклика, гуманитарного осмысления.

Интродуктивная часть пьесы примечательна рефлексией относительно афганского национального характера: лишенные имен персонажи устраивают дискуссию, обсуждают положительные и отрицательные черты афганского народа, подчеркивают его сложный нрав. Очевидно хорошее предварительное знакомство автора с полиэтническими особенностями страны. Далее следует сцена полемики афганских политических и религиозных деятелей (Амин, Хекматияр, Тараки, Кармаль). Вторая картина переносит в СССР, в «игровое пространство» военкомата: медсестры здесь флиртуют с военными, без особого внутреннего содрогания отправляют на верную гибель неподготовленных к войне молодых людей. Казалось бы, неуместная эротическая окрашенность реплик и жестов персонажей, стремление получить от жизни всё здесь и сейчас как нельзя лучше подчеркивают трагичность происходящего — близость смерти словно повышает ценность радостных впечатлений, удовольствий. Дальше действия развиваются со стремительной скоростью: герои пьесы отправляются на войну, получают ранения, сталкиваются с ужасами военного бытия, участвуют в секретной операции на территории Пакистана. В итоге некоторые из них возвращаются домой живыми, другие — погибают на афганской земле. Столь интенсивная смена кадров, непросто воспринимающаяся в текстуальном преломлении, — отчасти проявление редуцированности русскоязычной версии произведения.

Отдельного аналитического приближения требует главное действующее лицо пьесы — тувинец Монгуш, изображающийся как достойный представитель своего народа. У него превосходное образование, он владеет восточными языками, чтит традиции Тувы, нравится женщинам, выходит победителем из почти безвыходных ситуаций, остается живым, когда все вокруг погибает. Именно с личностью и вариациями сюжетного самопроявления Монгуша связаны наиболее выразительные эпизоды экзистенциализации тувинской духовной культуры, системы представлений.

В разные периоды своей жизни Монгуш обращается к сакральным возможностям песни, которая в его исполнении разгоняет тучи, останавливает дождь. Песня воспринимается им как *алгыш* (шаманское заклинание) (см.: Кенин-Лопсан, 1987, 1995). Одна из таких магически воздействующих на природу песен приводится в переводе Максима Амелина — заклинательное начало в данном случае «осложнено» биографическими вставками, лирической компонентой:

«Солнышко в небе, ярче светись, / Чтобы коровке в поле пастись. / Белая туча, к нам приплывай. / Черная туча, прочь утекай. / В лодке воздушной скоро и сам / Вдаль улечу я по небесам. / Край незнакомый манит меня, / Здесь подождите, мать и родня. / Ждать вам недолго, в горном краю / Буду нести я службу свою. / Долг свой исполню, смел и горяч, / Милая, только, только не плачь. / Солнышко в небе, ярче светись, / Чтобы коровке в поле пастись. / Белая туча, к нам приплывай. / Черная туча, прочь утекай»¹.

Герой верит в амулеты, верит в оберегающие способности красных камней:

«А вы не переживайте. Я все равно вернусь домой. Иначе нельзя. У меня с рождения девять красных камней, сам черт не возьмет, убежит. Мать мне дала как талисман»².

Монгуш обладает умением сквозь время и расстояние разговаривать с близкими, посылать им сигналы. У него уважительное отношение к смерти — он просит солдат аккуратно обращаться с телами погибших. При этом, в отличие от других, он достаточно уверенно входит в режим близкого соприкосновения со смертью, ложится в цинковый ящик, пытается представить себя мертвым. Монгуш наделен высокими морально-нравственными качествами: например, он категорически не принимает мат, сквернословие. Он осознает важность, духовную значимость, силу сказанного и несказанного слова. В целом поведение Монгуша свидетельствует о том, что он обладает, в понимании тувинцев, шаманскими способностями.

Еще одна фиксируемая в тексте параллель — внутренняя соотнесенность героя с мирами гор. Эта особенность не просто помогает ему лучше ориентироваться в незнакомой горной местности, но и чувствовать, понимать жителей этих мест, предвидеть их действия.

¹ Там же. С. 735.

² Там же. С. 734.

Вторая тувинская пьеса, вошедшая в специализированную антологию, изначально привлекает внимание своим вопросительным заглавием: «Кто ты, Субэдей-багатур?»¹. Ее автор — Эдуард Мижит — нашел для своего произведения нетривиальное жанровое определение — историческая драма-эссе. Пьеса в издании дается в авторизованном переводе.

Этот артефакт относится к когорте важных для гуманитарного позиционирования этноса текстов. Речь идет об активации ресурсов исторической памяти, художественных стратегиях прославления полумифологических героев, символизирующих лучшие качества народа, реальность большой истории. Подобные ретроспективные разножанровые опыты в литературах народов России начинают появляться во второй половине 1980 — начале 1990-х гг., когда для усиленного творческого, социокультурного утверждения этнической идентичности потребовались новые исторические факты, другие ракурсы прочтения исторических событий. У многих народов России творчески апробированные «объяснительные системы» (Шафранская, Гарипова, Токарева, 2023) репрезентации прошлого нашли воплощение в виде авторских эпосов («Масторава» А. М. Шаронова, «Тангыра» М. Г. Атаманова, «Югорно» А. Я. Спиридонова и др.). В случае с современной тувинской литературой есть все основания говорить о драматургическом переживании «встречи» с историей.

Драма-эссе Э. Мижита, вероятно, была создана для последующей театральной постановки. Читать пьесу как литературное произведение непросто — это постоянные «скачки» темпоральности, переключения планов и персонажей, сложно воспринимаемая чрезмерная насыщенность диалогов, рассуждений, точек зрения. В рамках данной статьи нет возможности ретранслировать содержание драмы. Остановимся на некоторых ее уровнях, позволяющих приблизиться к художественному феномену Э. Мижита и особенностям развития тувинской литературы.

Персонологическая галерея произведения состоит из множества действующих лиц. Как правило, это выдающиеся правители, исторические персонажи (Чингис-Хан, Батый), ханы, воины, шаманы, немногочисленные женские персонажи. Однако в центре внимания автора и реципиента — личность этнического тувинца Субэдея, жизнь которого преподносится в разных возрастных разрезах. Именно Субэдей изображается в ипостаси своеобразного идеального этнофора. Его мировосприятию свойственна этническая корпоративность (старается собрать вокруг себя своих), он мудрый, дальновидный, пользуется большим уважением в иноэтнической среде. Обладает огромным военным опытом, к нему за советом обращается сам Батый. Вместе с тем личность Субэдея таит в себе немало противоречий. Внутри него идет борьба между добром и злом, между философией войны и мира, природным буйным темпераментом и необходимостью «маски» спокойствия.

Выдвижение на первый план пьесы Субэдея отвечает тувинским этногуманитарным интересам в том смысле, что каждому народу нужны исторически верифицированные и / или убедительно мифологизированные герои, «эмблематизирующие» корни, прошлое, этнические идеалы, надежды, ожидания.

В пьесе в различных аспектах явлены примеры сложной межэтнической коммуникации. Логика происходящих событий, геополитических интересов сводит и разводит родственные и неродственные народы. Актанты драмы с регулярностью поднимают этнографические темы, стараются в ситуации постоянного / длительного перемещения не потерять духовную связь со своим этносом.

Заметная особенность пьесы — обилие мудрых изречений, вербализованных внутренних установок, ориентирующих как и куда жить:

«Настоящему воину нужны не обозы, до отказа нагруженные награбленным скарбом, а сильный конь, острый клинок и крепкая рука!»²;

«Мужчине не пристало быть несдержанным, суетливым»³;

«Если выпало родиться тем, кто восседает на почетном месте и держит в руках судьбы людей, то такой муж должен уметь заглядывать далеко вперед»⁴;

¹ Мижит Э. Кто ты, Субэдей-багатур? Историческая драма-эссе // Современная литература народов России. Драматургия. Антология / отв. ред. М. Амелин. М.: Объединенное гуманитарное изд-во, 2020. С. 742–759.

² Там же. С. 744.

³ Там же. С. 746.

⁴ Там же.

«Если ты сам себя не умеешь держать в руках, как ты сможешь держать в руках и управлять народом?!»¹;

«Для человека нет большего счастья, чем возвращение на родину, к родному очагу!»²

При помощи таких назидательных высказываний автор, по-видимому, стремится акцентировать высокий духовный и интеллектуальный статус своих персонажей. Рассуждения героев драмы носят преимущественно глобальный философский характер (извечные темы жизни и смерти, своего и чужого, внутреннего и внешнего управления народом и др.).

В структуре пьесы видное место занимают песни. В их образно-символическом пространстве кодифицированы тувинские представления о мире и человеке, любви и ненависти, теле и душе, обретениях и утратах. М. А. Амелин при переводе этих песен на русский язык старался максимально точно передать их этнокультурную полифонию, советовался с автором, обращался за консультацией к ученым-филологам из Республики Тыва.

Тувинская драматургия, судя по вошедшим в антологию произведениям, в конце XX — начале XXI вв. переживает этап расцвета, выходит на новый качественный уровень бытования. Примечательно, что исторические события, персонажи — как и свои тувинские, так и чужие — оказываются в центре драматического повествования. В тувинских пьесах находят отражение некоторые важные тенденции развития литератур народов РФ — стремление быть неотъемлемой частью мировой истории, желание — пусть нередко в контексте мифологизации — героизировать своих, репрезентация в тексте значительных объемов этнокультуры, общая сложность композиции, взаимоналожение временных, событийных планов. Одна из очевидных «драм» тувинской (и не только тувинской) драматургии — в ее неизвестности российской аудитории, невключенности в большое культурное пространство страны.

Заключение

Представленные в антологии писатели, проанализированные в статье произведения — всего лишь малая часть целого большой литературной традиции. Тем не менее, наше исследование показало, что тувинская литература на фоне многих других литературных традиций выделяется как высоким художественным качеством, так и разнообразием стилей, творческих концепций. При этом текстовые объемы репрезентации тувинской литературы в антологиях в целом не соответствуют богатству, многогранности словесности, духовной культуры Тувы. Среди распространенных в рассмотренных произведениях художественных реалий — актуализация выразительных возможностей природной символики, регулярное конструирование своей пространственной реальности, повышенное внимание к историческим событиям и персонажам, психологическая глубина, широкое использование приема визуализации.

Работа над составлением антологий, анализ их содержательной составляющей позволили сделать вывод о том, что на общероссийском фоне нарастающей тенденции концептуального «разворота» писателя-этнофора в сторону творчества на русском языке тувинская литература в целом сохраняет свою языковую самостоятельность, лингвокультурную самобытность. Тувинская приверженность к письму на родном языке коррелирует с реальностью большинства тюркских литератур народов России (в татарской, башкирской, чувашской, якутской литературах «переключение» авторов на русский еще носит единичный характер).

Рассмотренный нами срез текстов показывает, что тувинской литературе присуща высокая степень художественного выражения этничности (есть все основания говорить не столько о внешних проекциях, сколько о внутреннем раскрытии основных этнических категорий). Речь идет о повсеместной актуализации тувинских хронотопов, их номинаций, о регулярной трансляции национального языкового элемента, проблемно-тематической реализации релевантных в контексте тувинской этногуманитаристики образов и сюжетов, осмыслении этноментальных основ, проявлений тувинцев.

Перспективы исследования современной тувинской литературы могут быть связаны с возможностями литературоведческой компаративистики: речь может идти о выявлении общего и особенного относительно тувинской литературы и литератур народов России. Сравнительно-сопос-

¹ Там же. С. 746.

² Там же. С. 757.

тавительное включение тувинской словесности в литературный макроконтент народов РФ — фундаментальная научная задача, решение которой предполагает объединение усилий разных исследовательских групп. Анализ художественных материалов антологий позволил нам заключить, что в истории, текущей реальности тувинской литературы особое место занимает поэзия, выразительно сочетающая в себе глубинную этническую самобытность и универсалии мировой культуры. На общем фоне слабых позиций драматургии в жанрово-родовой системе большинства литератур тувинская литература располагает оригинальными драматическими произведениями. В аспекте трансляции этноментального своеобразия выигранно выглядит тувинская детская литература. Одна из основных проблем — недостаточная представленность тувинской литературы на русском языке, других мировых языках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арзамазов, А. А. (2022) Реальность эрзяно-русского поэтического двуязычия: художественный феномен Александра Арапова // Полилингвильность и транскультурные практики. Т. 19. № 4. С. 622–636. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2022-19-4-622-636>
- Арзамазов, А. А. (2023) Художественные контексты мокшанско-русского языкового «переключения» Раисы Орловой // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 16. № 7. С. 2037–2042. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20230314>
- Байыр-оол, М. С. (2013) Юрта в тувинской традиционной культуре // Новые исследования Тувы. № 2. С. 67–79.
- Барабаш, Ю. Я. (2021) Чужое-Иное-Свое = Alien-other-own : к проблематике этнокультурного пограничья. М. : ИМЛИ РАН. 336 с.
- Бахтикиреева, У. М. (2005) Творческая билингвальная личность: национальный русскоязычный писатель и особенности его русского художественного текста. М. : Триада. 192 с.
- Бахтикиреева, У. М. (2009) Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения). Астана : ЦБОиМИ. 259 с.
- Валикова, О. А. (2021) Cögitö, ergo sum: интервью с Эдуардом Мижитом // Полилингвильность и транскультурные практики. Т. 18. № 2. С. 216–223. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-2-216-223>
- Валикова, О. А., Синячкин, В. П., Кулиева, Ш. А. (2023) Онтические элементы как маркеры транслингвильности в стихотворениях Э. Мижита // Новые исследования Тувы. № 4. С. 171–184. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.12>
- Дампилова, Л. С. (2015) Феномен билингвизма в современной поэзии народов Сибири // Сибирский филологический журнал. № 3. С. 196–202.
- Донгак, У. А. (2006) Тувинское стихосложение. Кызыл : Тувинское книжное издательство им. Ю. Ш. Кюнзегеша. 149 с.
- Донгак, У. А. (2020) Новаторство писателя-билингва Эдуарда Мижита (тувинская поэзия) // Полилингвильность и транскультурные практики. Т. 17. № 4. С. 462–474. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2020-17-4-462-474>
- Ибрагимов, М. И. (2018) Национальная идентичность татарской литературы: современные методы исследования. Казань : ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. 104 с.
- Кенин-Лопсан, М. Б. (1987) Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства, конец XIX — начало XX в. Новосибирск : Наука. 172 с.
- Кенин-Лопсан, М. Б. (1995) Тыва хамнарнын алгыштары [Алгышы тувинских шаманов]. Кызыл : Новости Тувы. 530 с. (На тув. яз.).
- Комбу, С. С. (2012) Тувинская литература: словарь / под ред. Д. А. Монгуша, М. Л. Трифионовой. Новосибирск : Наука. 359 с.
- Куулар, Д. С. (1970) Тувинская поэзия: Очерк истории. Кызыл : Тувкнигоиздат. 140 с.
- Кучукова, З. А. (2005) Онтологический метакод как ядро этнопоэтики. Нальчик : Изд-во М. и В. Котляровых. 309 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2018) Национальный характер тувинцев. СПб. : Нестор-История. 240 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2021) Очерки современной тувинской культуры. СПб. : Нестор-История. 192 с.

Литература народов России = Literature of the peoples of Russia : сборник (2022) / отв. ред. Б. С. Зулумян. М. : ИМЛИ РАН. Т. 1: Автор. Текст. Генезис. = Author. Text. Genesis. 376 с. DOI: <https://doi.org/10.22455/Lit.PR-978-5-9208-0527-0-2022-1>

Очур, Т. Х. (2011) Этнопоэтическое своеобразие прозы С. Сарыг-оола. Кызыл : Тувинский гос. ун-т. 167 с.

Сафиуллин, Я. Г. (2021) От романтизма к сопоставлению литератур / науч. ред. М. И. Ибрагимов, сост.: В. Р. Аминева, Э. Ф. Нагуманова, А. З. Хабибуллина. Казань : ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. 576 с.

Хадаханэ, М. А. (1968) Тувинская проза / под науч. ред. Э. С. Кедринной. Кызыл : Тувкнигоиздат. 131 с.

Шафранская, Э. Ф., Гарипова, Г. Т., Токарева, Н. А. (2023) Роман Сенчин: поэтика тувинского текста // Новые исследования Тувы. № 4. С. 6–21. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.1>

Дата поступления: 19.11.2023 г.

Дата принятия: 09.02.2024 г.

REFERENCES

Arzamazov, A. A. (2022) The reality of Erzya-Russian poetic bilingualism: the artistic phenomenon of Alexander Arapov. *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 19, no. 4, pp. 622–636. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2022-19-4-622-636>

Arzamazov, A. A. (2023) Artistic contexts of the Moksha-Russian language “switching” by Raisa Orlova. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, vol. 16, no. 7, pp. 2037–2042. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20230314>

Baiyr-ool, M. S. (2013) A yurt in Tuvan traditional culture. *New research of Tuva*, no. 2. pp. 67–79. (In Russ.).

Barabash, Iu. Ia. (2021) *Alien — other — own: to the problematics of ethnocultural borders*. Moscow, IMLI RAN. 336 p. (In Russ.).

Bakhtikireeva, U. M. (2005) *Creative bilingual personality: national Russian-speaking writer and features of his Russian literary text*. Moscow, Triada Publ. 192 p. (In Russ.).

Bakhtikireeva, U. M. (2009) *Creative bilingual personality (authors of Turkic origin and their texts in Russian)*. Astana, TsBOiMI Publ. 259 p. (In Russ.).

Valikova, O. A., Siniachkin, V. P. and Kulieva, Sh. A. (2023) Ontic elements as markers of translanguality in E. Mizhit's poems. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 171–184. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.12>

Valikova, O. A. (2021) Cōgitō, ergo sum: interview with Eduard Mizhit. *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki*, vol. 18, no. 2, pp. 216–223. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-2-216-223>

Dampilova, L. S. (2015) The phenomenon of bilingualism in modern poetry of the peoples of Siberia. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, no. 3, pp. 196–202. (In Russ.).

Dongak, U. A. (2020) Innovation of the bilingual writer Eduard Mizhit (Tuvan poetry). *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 17, no. 4, pp. 462–474. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2020-17-4-462-474>

Dongak, U. A. (2006) *Tuvan versification*. Kyzyl, Tuvan book publishing house. 149 p. (In Russ.).

Ibragimov, M. I. (2018) *National identity of Tatar literature: modern research methods*. Kazan, IILi im. G. Ibragimova. 104 p.

Kenin-Lopsan, M. B. (1987) *Ritual practice and folklore of Tuvan shamanism. Late XIX — early XX century*. Novosibirsk, Nauka. 162 p. (In Russ.).

Kenin-Lopsan, M. B. (1995) *Algysh of Tuvan shamans*. Kyzyl, Novosti Tuvy. 530 p. (In Tuvan).

Kombu, S. S. (2012) *Tuvan literature: dictionary* / ed. by D. A. Mongush and M. L. Trifonova. Novosibirsk, Nauka. 359 p. (In Russ.).

Kuular, D. S. (1970) *Tuvan poetry: Essay on history*. Kyzyl, Tuvkniгоizdat. 140 p. (In Russ.).

Kuchukova, Z. A. (2005) *Ontological metacode as the core of ethno-poetics*. Nalchik, M. and V. Kotliarovykh Publ. 309 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2018) *National character of the Tuvans*. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 240 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021) *Essays on the contemporary Tuvan culture*. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 192 p. (In Russ.).

Literature of the peoples of Russia (2022) : collection / ed. by B. S. Zulumyan Moscow, IMLI RAN. Vol. 1. *Author. Text. Genesis*. 376 p. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22455/Lit.PR-978-5-9208-0527-0-2022-1>

- Ochur, T. Kh. (2011) *Ethnopoetic originality of S. Saryg-ool's prose*. Kyzyl, Tuvan State University. 167 p. (In Russ.).
- Safiullin, Ia. G. (2021) *From romanticism to comparison of literatures* / ed. by M. I. Ibragimov, comp. by V. R. Amineva, E. F. Nagumanova, A. Z. Khabibullina. Kazan, IILi im. G. Ibragimova. 576 p. (In Russ.).
- Khadakhane, M. A. (1968) *Tuvan prose* / ed. by Z. S. Kedrina. Kyzyl, Tuvknigoizdat. 131 p. (In Russ.).
- Shafranskaia, E. F., Garipova, G. T. and Tokareva, N. A. (2023) Roman Senchin: poetics of Tuvan text. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 6–21. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.1>

Submission date: 19.11.2023.

Accepted date: 09.02.2024.

DOI: 10.25178/nit.2024.1.5

Статья

Тема родины в тувинской и бурятской прозе 1960–1970-х годов**Светлана С. Имixelова***Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, Российская Федерация,***Евгений Д. Монгуш***Тувинский государственный университет, Российская Федерация,***Владимир П. Синячкин***Российский университет дружбы народов, Российская Федерация*

В статье осуществлен сравнительно-сопоставительный анализ тувинской и бурятской прозы 1960–1970-х годов, посвященной теме родины, родного края. Выделен образ дома и связанные с ним мотивы памяти, детства, а также образы родной природы как отражение этнокультурных ценностей и как точки соприкосновения двух литератур. Рассмотрены художественные поиски тувинских и бурятских писателей в автобиографической прозе. В решении темы родины обнаружилось как сходство в сближении специфически-бытовой и универсально-бытийной сфер, так и различия, обусловленные выбором жанровых решений и повествовательных приемов.

В тувинских автобиографических произведениях на тему родины проанализировано оригинальное соединение прозы и поэзии, которое ведет к жанровому облику лирического эпоса. В бурятской прозе исследованы повествовательные традиции исторического романа с использованием структуры текста в тексте и автобиографической книги с опорой на публицистический пафос.

Сделан вывод о стремлении тувинских и бурятских писателей поднять тему родины до высоты универсального культурного опыта, что дает возможность подчеркнуть общее и особенное в открытии новых жанровых модификаций, изменений в повествовательной структуре, в облике героя-повествователя, в его взаимоотношениях с автором и читателем.

Ключевые слова: тувинская литература; бурятская литература; тувинцы; буряты; родина; образ родины; автобиографический роман; герой-повествователь; переводная литература

Для цитирования:

Имixelова С. С., Монгуш Е. Д., Синячкин В. П. Тема родины в тувинской и бурятской прозе 1960–1970-х годов // Новые исследования Тувы. 2024, № 1. С. 74–87. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.5>

Имixelова Светлана Степановна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова. Адрес: 670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6. Эл. адрес: 223015@mail.ru

Монгуш Евгений Докурович — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 36. Эл. адрес: mongun2005@yandex.ru

Синячкин Владимир Павлович — доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой и профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Института русского языка Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10А, каб. 283. Эл. адрес: word@list.ru

The theme of the homeland in Tuvan and Buryat prose of the 1960s–1970s

Svetlana S. Imikhelova

Dorzhi Banzarov's Buryat State University, Russian Federation,

Evgeny D. Mongush

Tuvan State University, Russian Federation,

Vladimir P. Sinyachkin

RUDN University, Russian Federation

The article conducts a comparative analysis of Tuvan and Buryat prose from the 1960s – 1970s dedicated to the theme of homeland and native land. The depiction of the home and associated motifs of memory, childhood, as well as the images of the native nature are highlighted as reflections of ethnocultural values and points of intersection between the two literary traditions. The artistic explorations of Tuvan and Buryat writers in autobiographical prose are examined, revealing both similarities in the convergence of specific-domestic and universal-being spheres, and differences stemming from genre choices and narrative techniques.

In Tuvan autobiographical works on the theme of homeland, an original fusion of prose and poetry is analyzed, leading to the genre profile of a lyrical epic. Buryat prose explores narrative traditions of the historical novel using the structure of text within text and autobiographical books with a reliance on journalistic pathos.

The conclusion is drawn regarding the endeavor of Tuvan and Buryat writers to elevate the theme of homeland to the level of universal cultural experience. This allows emphasizing the common and distinctive elements in the discovery of new genre modifications, changes in narrative structure, the portrayal of the narrator-hero, and their relationships with the author and reader.

Keywords: *Tuvan literature; Buryat literature; Tuvans; Buryats; homeland; image of homeland; autobiographical novel; narrator-hero; translated literature*

For citation:

Imikhelova S. S., Mongush E. D. and Sinyachkin V. P. The theme of the homeland in Tuvan and Buryat prose of the 1960s–1970s. *New Research of Tuva*, 2024, no. 1, pp. 74–87. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.5>

Imikhelova, Svetlana Stepanovna, Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian and Foreign Literature, Dorzhi Banzarov's Buryat State University. Postal address: 6 Ranzhurova St., 670000 Ulan-Ude, Russian Federation. E-mail: 223015@mail.ru

Mongush, Evgeny Dokurovich, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of the Russian Language and Literature, Tuvan State University. Postal address: 36 Lenin St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. E-mail: mongun2005@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-4202-3011

Sinyachkin, Vladimir Pavlovich, Doctor of Philology, Associate Professor, Head, Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of the Russian Language, RUDN University. Postal address: 10 Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russia. Email: word@list.ru

Введение

Обращение писателей к теме родины, родного края всегда было устойчивой традицией в литературах разных народов, актуальной по своей важности и значимости в разные исторические периоды. Авторами настоящей статьи эта тема рассмотрена на материале тувинской и бурятской прозы 1960–1970-х годов в переводах на русский язык. Данный период выбран неслучайно, так как, во-первых, процесс формирования литератур Тувы и Бурятии к этому моменту значительно укрепился; во-вторых, в эти годы произведения писателей не только выходили на родных языках, но и особенно активно переводились и издавались на русском языке, что позволяет также рассматривать отражение их идей в общей — русской — лингвокультуре.

Единство в трактовке темы родины писателями двух республик объяснялось ведущими тенденциями в советском литературном процессе этих лет. Разумеется, существовали различия, объясняемые историческими закономерностями в развитии обеих литератур. Так, начало тувинской прозы было связано с появлением и развитием в 1950–1970-е годы автобиографических романов и повестей, что привело к интенсивному функционированию лирико-субъективного начала, создающему эффект авторского присутствия в повествовании. В бурятской литературе этих лет произведения большой эпической формы были связаны с темой исторической памяти, с формированием у читателя понимания сложной связи настоящего и прошлого, современного и легендарного. Подчеркнем, что в решении темы родины писателями Тувы и Бурятии в 1960–1970-е годы наблюдалось немало общего в системе этнокультурных ценностей, что сказалось в выдвигании на первый план идей патриотизма.

Цель нашего исследования — анализ темы родины в переводной тувинской и бурятской прозе 1960–1970-х годов. Понятие родины или родного края рассматривается как обозначение особого художественного пространства, вобравшего в себя средоточие таких ценностных смыслов для авторов, как отчий дом, семья, родные люди. Обращение к переводной литературе показалось необходимым в связи с вопросом, как в переводе на русский язык сохраняется этнокультурный колорит и особая атмосфера народной жизни. Для исследования были выбраны романы и повести, репрезентативные для их сопоставления в аспекте соотношения особенного и общего, специфического и универсального.

Для достижения цели поставлены следующие задачи: провести историко-литературоведческий, сравнительно-сопоставительный анализ прозы тувинских и бурятских писателей 1960–1970-х годов, рассмотреть единство их поисков в художественно-символическом решении образов родного края, определить отличительное, особенное в разработке данной тематики в жанрах автобиографической прозы. Эти аспекты рассмотрены в качестве критериев художественности, в русле которых и возможно было найти точки соприкосновения и отличия в решении темы родины. Данные аспекты художественного поиска обеих литератур еще не привлекали серьезного внимания в тувиноведении и бурятоведении.

Теоретико-методологической основой настоящей статьи явились публикации бурятских и тувинских литературоведов и культурологов А. Б. Соктоева (Соктоев, 1976), В. Ц. Найдакова (Найдаков, 1969), Л. С. Дампиловой (Дампилова, 2016), Д. С. Куулара (Куулар, 2002), А. К. Калзана (Калзан, 2021), З. Б. Самдан (Самдан, 2001), Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии, Ш. Ю. Кужугет (Тувинцы. Родные ... , 2022; Кужугет, Сувандии, Ламажаа, 2021; Сувандии, 2023; Кужугет, 2023), Ш. Б. Майны (Майны, 2023), Ч. Х. Санчай (Санчай, 2023), а также предыдущая работа авторов данной статьи об одном из общих образов (образ-архетип старика) в бурятской и тувинской литературах (Имихелова, Монгуш, 2020).

Материалом для исследования послужили тувинские романы и повести 1960–1970-х годов в переводах на русский язык: С. Тока «Слово арата» (1957; 1967, в авторизованном переводе А. Тэмира, С. Пюрбю, А. Китайника), С. Сарыг-оола «Повесть о светлом мальчике» (1966, в переводе М. Ганиной), О. Саган-оола «Родные люди» (1970; 1976, в переводе Р. Тотрова), А. Даржай «Сон при звездах» (1979, в переводе У. Эртине), М. Кенин-Лопсана «Настигающий птицу» (1965, в переводе С. Козловой), «Танец козерога» (1976, в переводе С. Козловой)¹. Они рассмотрены в сравнительно-сопоставительном

¹ Тока С. Слово арата: роман-трилогия / авториз. пер. с тув. А. Тэмир, С. Пюрбю, А. Китайник. М.: Современник, 1982; Сарыг-оол С. Повесть о светлом мальчике / пер. с тув. М.: Современник, 1974; Саган-оол О. Родные люди: повесть / пер. с тув. Р. Тотрова. М.: Современник, 1976; Даржай А. А. Сон при звездах / пер. У. Эртине // Даржай А. А. Избранное. Поэзия и проза / на рус. яз. Кызыл: Тываполиграф, 2016. С. 208–250; Кенин-Лопсан М. Настигающий птицу: Лиро-эпический роман / пер. с тув. С. Козловой. М.: Советская Россия. 1987; Кенин-Лопсан М. Танец козерога: роман / пер. с тув. С. Козловой. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1981.

аспекте с произведениями бурятской литературы этого же периода: романами и повестями Б. Мунгонова «Хилок наш бурливый» (1959, в переводе В. Сергеева), Ц.-Ж. Жимбиева «Год огненной змеи» (1972, в авторизованном переводе Н. Асмоловой и В. Тендрякова), С. Цырендоржиева «Где ты, моя утренняя звезда?» (1976, в переводе В. Митыпова), а также произведения, написанные на русском языке писателями-билингвами: «Двенадцать моих драгоценностей» (1975) А. Бальбуурова и «Долина бессмертников» (1975) В. Митыпова¹.

Образы родины, передающие единство человека и природы

Понятие родины для жителей двух республик используется в конкретно-локализованном значении и связывается с той землей, на которой они родились и проживают. Для бурят родина — это *тоонто нютаг* 'родной край, родная земля', где человек родился и где зарыт его материнский послед — *тоонто*. Для тувинца также родина — это *төрээн чурт* и *төрээн чер* 'родная земля', «свое» пространство, при этом «своя родная земля осмысливается как место, где обитают родные, близкие» (Майны, 2023: 38). Герой тувинской повести может обратиться к читателю как к земляку: «...поезжай к родному месту, где хранится твоя пуповина, где течет говорливый ручей, где растет сказочный лес...»².

Понятие родины в произведениях тувинских и бурятских писателей вбирает в себя целую систему образов. Так, в образе дома писатели подчеркивают непреходящую ценность для человека родного жилища, будь то юрта, чум или дом.

Данный образ в тувинской прозе решен не только в традиционном ключе, но и содержит общеуниверсальный смысл. Так, роман С. Тока «Слово арата» (1951) первоначально назывался «Гос чадыр» («Берестяной чум») (Монгуш, 2020: 180), потому что родиной для героя было жилище его матери. «Для меня не было ничего дороже, чем моя мать и мой бедный берестяной чум»³. В первой части романа С. Тока «Слово арата» воспроизводится образ материнского дома, живущий в сознании автобиографического героя. И хотя литературоведы берестяной дом могли называть символом бедности, характеризую детство и юность писателя, которые прошли «в условиях патриархально-феодалной Тувы, в нищете и бесправии ... восточных и таежных трудовых тувинцев в дореволюционный период» (Куулар, 2002: 120), именно этот образ бедного дома стал для автобиографического героя олицетворением подлинной ценности в его жизни, потому что за внешней суровой фактографичностью скрываются сыновняя любовь Тывыкы к матери Тас-Баштыг, проникновенное нежное отношение к собаке Черликпен, реке Мерген.

Таким же символом родины для героини романа М. Кенин-Лопсана «Херээженниң чоргааралы» («Тувинка», 1971), покидающей после замужества родной *аал*⁴, стала старенькая бабушкина юрта, и на чужбине память о ней согревает ее в грустных мыслях. Та же тема драматичной судьбы женщины заявлена в повести «Бурятка» Ч. Цыдендамбаева (1963). В русском переводе они вышли соответственно в 1973 и 1978 годах под другими названиями — «Гордость женщины» и «Счастья тебе, Жаргалма!» Обе героини, Кулча и Жаргалма, выйдя замуж, покидают свой дом, но их брак окажется несчастливый, и потому они бегут от мужа к себе домой, на родину. Повествование в произведениях М. Кенин-Лопсана и Ч. Цыдендамбаева одинаково строится как развитие мотива привязанности к родному дому, оберегающему от враждебности иного, чужого мира.

В повести бурятского писателя С. Цырендоржиева «Где ты, моя утренняя звезда?» мальчик Агван, став взрослым, «не раз вспомнит тихий дом, хлопочущих по хозяйству родных женщин, ни с чем не сравнимый запах готовых лепешек и голос, не забытый, не стертый временем, торжественный голос бабушки...»⁵. В повести О. Саган-оола «Родные люди» главный герой Долгай-оол после учебы остается работать и жить в городе. Дом в Кызыле, где он живет и работает, даже вызывает у него гордость. Но по-прежнему для героя родина — это *чайлаг* (летнее пастбище) его родителей:

¹ Мунгонов Б. Хилок наш бурливый / пер. с бурят. В. Сергеева. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1975; Бальбууров А. Двенадцать моих драгоценностей. М.: Советская Россия, 1975; Жимбиев Ц.-Ж. Год огненной змеи. Романы / пер. с бурят. М.: Известия, 1980; Цырендоржиев С. Где ты, моя утренняя звезда? / пер. с бурят. // Встречный огонь: повести. М.: Советская Россия, 1984. С. 46–107; Митыпов В. Долина бессмертников. М.: Современник, 1975.

² Даржай А. А. Сон при звездах. С. 214.

³ Тока С. К. Слово арата: роман-трилогия. С. 35.

⁴ *Аал* — стойбище, стоянка юрт.

⁵ Цырендоржиев С. Где ты, моя утренняя звезда? С. 153.

«Много лет я не был здесь, и, хоть почти все мое детство прошло в этих местах, теперь чайлаг казался мне еще более красивым, чем раньше. Он был похож на сказку, изумрудным ковром стелились здесь сочные травы, луга и долины пестрели яркими цветами... как должен быть счастлив человек, который живет под этим синим небом, под щедрыми лучами золотого солнца, среди высоких трав, гор и лесов! Я смотрел на все это, и сердце мое замирало от нестерпимой, переполняющей меня радости»¹.

В перечислении красочных эпитетов родные места в воспоминаниях героя из детства превращаются в важный ценностный символ.

Образ родной земли открывал писателям возможность выхода из конкретно-исторической, бытовой сферы жизни к художественному освоению сферы бытия и создавал основу для мифотворчества. Рассматриваемый этап в истории двух литератур отмечен интересом к наполнению образов мифопоэтическим содержанием. Как можно заметить, в упомянутых произведениях писатели придают архетипическое содержание образу родного дома, олицетворяющему материнское начало. Недаром в бурятских мифах образ Матери-земли Этуген (монгольское имя богини земли Умай у тюркских и монгольских народов), был олицетворением понятий «родной очаг», «земля предков», поскольку «Этуген символизировала материнское начало — родину, в лоне которой родилось все живое» (Николаева, 2013: 4).

Мысль о мифологичности степи, воды, гор, деревьев, других природных образов заложена в художественном подтексте этнокультурного содержания, например, в тувинских и бурятских произведениях на тему детства, а именно в сознании и восприятии природы ребенком. Образное мышление, присущее детскому сознанию, изоморфно мифологическому началу, согласно которому образы «коллективного бессознательного» оказываются близки ребенку (Имихелова, 2022: 63).

Вместе с тем мотив привязанности к родному дому соединяется с мотивом его утраты, и потому наполнен отчетливым драматизмом, отразившим социальные изменения в жизни этносов. Образ родины как родной земли, аала, где живут бабушка и отец, воспроизведен в автобиографическом романе С. Сарыг-оола «Повесть о светлом мальчике». Но для главного героя родной аал пуст без матери, воспоминание о ней полно горечи:

«Мама унесла с собой что-то огромное, и заменить это никто не был в силах. Порой я горячо молился всем богам, которых знал, хозяевам всех трех миров, даже Эрлик-хану — хозяину ада — и просил вернуть маму. Но боги оставались глухи к моим молитвам»².

Мотив тоски по утраченному детству, когда была жива мама, сопровождают героя в течение всей жизни, вместе с тем обретая символический смысл сложности жизненного пути.

В бурятском романе В. Митыпова «Долина бессмертников» образ родного дома навеян драматизмом иного времени — наступлением индустриализации и урбанизации, приведших к утрате родового гнезда, к чувству тоски по родному и близкому, по ушедшему детству. В авторе и его герое-художнике «живет общее чувство ностальгии по прошлому, по метафорическому дому, по мифологическому пространству» (Бороньева, 2020: 79). Поэт Олег Аюшеев, мечтая поработать в тишине, едет на родину предков, но на месте родного дома осталось лишь земляное пятно, не заросшее травой. Уже в самой первой фразе романа заданы ключевые понятия родового дома: «голос крови», «отчий дом» «память детства»: «Ехать было совсем не обязательно, и он это прекрасно сознавал, но все-таки поехал. Быть может, это голос крови властно позвал в дорогу, а быть может — память о детстве»³.

Подавленное настроение героя даст творческий импульс во время его посещения археологических раскопок гуннского городища.

В романе «Долина бессмертников» В. Митыпова пространство родного края — это степь. Она является не только системой координат, но также приобретает ценностное значение для людей, живущих в окружении степной природы. В местности, где археологи ведут раскопки гуннского городища, герои романа закономерно размышляют о связи современности и истории хуннов. Вот почему степь в романе В. Митыпова, как пишет С. Батомункуев, «приобрела историко-онтологическое наполнение. Степи как скотоводческому пространству по преимуществу или как первозданной, стихийной природе (мифологической) писатель вернул свойство исторической памяти: абстрактный географический

¹ Саган-оол О. Родные люди: повесть. С. 11.

² Сарыг-оол С. А. Повесть о светлом мальчике. С. 45.

³ Митыпов В. Долина бессмертников. С. 56.

ландшафт стал исторической сценой, на которой когда-то народы завоевывали и отстаивали свое первенство, переживали моменты славы, могущества, поражения и гибели» (Скрынникова и др., 2004: 188). Такое «историко-онтологическое» изображение степи В. Митыпова навеяно синтезом конкретно-исторического и универсально-символического в образе степной травы, что и выразилось в названии романа.

Обращение В. Митыпова, пишущего на русском языке, к исторической теме (именно она легла в основу первых бурятских романов Х. Намсараева и Ж. Тумунова в 1940-е годы) вызвано сюжетным замыслом: поездка на родину героя-писателя стала импульсом для зарождения его произведения — в виде романа в романе. В этом вставном тексте тема родины поставлена остро как конфликт-спор отца и сына о цене утраченных родовых земель. Шаньюй (вождь хуннов) Тумань вынужден покинуть родину предков, чтобы избежать кровопролитной войны и сохранить свой народ. Зато его сын Модэ, став новым вождем, готов на жертвы, убийства и жестокую тиранию, чтобы вернуть исконные земли и сохранить их, защитить от более сильного врага — народа дунху. Он отказывается отдать ему земли своего народа со словами:

«Земля — это не песок пустынь, не солончак степей, не черная грязь на речных берегах... Земля есть основа всей державы, и земля есть основа каждого отдельного человека. Потеряв землю, человек теряет все: могилы предков, что есть одна треть его силы; кочевье, где живет он сам, что есть вторая треть его силы; юрту, где он взрастит свое потомство, что есть остальная треть его силы... Народ, однажды отдавший хоть клочок родной земли и смирившийся с этим, может когда-нибудь отдать ее всю!»¹

Создатель исторического «текста» — современный писатель Олег Аюшеев сочувствует своему герою Модэ, его продуманной и выстраданной позиции, выраженной высоким эмоциональным слогом. Но поставив вопрос о цене родной земли, он увидит в позиции вождя и доблестного воина не только основу для его будущих побед, будущей славы, завоевания новых земель, но и будущую гибель хуннов. И Олег Аюшеев, автор вставного романа, занимает сторону отца Модэ — Туманя, который, в конечном счете, выступает против жертвенного кровопролития, сохраняет жизни своих подданных. И правота на его стороне, считает герой, несмотря на всю его боль и горечь от погранной и утерянной родины. Ведь в настоящем правителе главное — жизнь и счастье своего народа. Роман В. Митыпова по своей идейно-жанровой структуре становится размышлением-диспутом не только о ценности родной земли, но и о смысле истинного патриотизма.

Еще одна особенность объединяет произведения Тувы и Бурятии данного периода — это связь жизни человека с поэтическим отношением к природе. Она обнаруживается в одном из первых тувинских романов «Настигающий птицу» М. Кенин-Лопсана. Герой романа по имени Саадак, любясь своим конем, наделяет его чуть ли не фантастическим обликом:

«Сарала, мой буланый конь! Я крылатым тебя зову. Ты таежную рысь догонишь тайной тропкой, в зверином рву. Разжирили глупые птицы, где им взвиться под небеса? Пусть на них мой конь устремится, пусть он птицею станет сам!»²

Во взаимоотношениях хозяина-всадника и его коня особенно хорошо заметна тесная связь природы и человека:

«...сегодня здесь все не так: кони, будто бы на крылах, мчатся степью Бора-Булак. Широка ты, степь, хороша, как свободных аратов душа. Красной нитью дороги степной, как натянутой тонкой струной, перерезана степь пополам»³.

И здесь автор передал единство человека и животного как ценность в фольклорном сознании человека степи.

Первоначально роман М. Кенин-Лопсана «Настигающий птицу», охватывающий целое десятилетие — 1940-е годы, был посвящен патриотическому подъему аратов в годы Великой Отечественной войны и назывался «Чүгүрүк Сарала» («Стремнина большой реки»). А в 1987 г. роман выйдет в переводе С. Козловой под окончательным названием «Настигающий птицу». Особенность повествовательной структуры романа — это чередование повествовательных глав с лирическими монологами. В финале дано субъективное восхищение повествователя священным обликом коня, принадлежащего герою — охотнику Саадаку. Он дарит коня Красной Армии:

¹ Там же. С. 244–245.

² Кенин-Лопсан М.Б. Настигающий птицу: Лиро-эпический роман. С. 9.

³ Там же. С. 195.

«Это прославленный охотник Саадак выводит перед комиссией скакуна своего — того самого, на лету настигающего птицу! Длинный хвост коня тщательно заплетен, да еще и кончик его подвернут узелком — ни дать ни взять женская прическа. Дымная грива ровно подстрижена, а в “святой” гриве, что перед седлом, — алая ленточка: не знак ли красной помощи? Прощается Саадак со своим Саралой, сжимается его сердце...»¹.

Восторг повествователя объясняется освященным статусом *ыдык* коня, получившего ритуальную ленточку на гриву (Ламажаа, Сувандии, Монгуш, 2023: 235).

Авторы бурятских и тувинских романов передают сакральный характер родной местности, ее природным объектам по мере отражения в них культа гор, рек, деревьев и связанных с ними обрядов. Так, в мифологии тувинцев олицетворение земли и воды иногда выступало в значении родины, а культ воды отражается в обрядах и ритуалах освящения рек, родников и аржанов. «Все сферы мифологического и реального бытия были неразрывно связаны с водной стихией, что нашло отражение в мифо-ритуальной практике тувинцев» (Конгу, Базырчап, 2020: 152).

В романе М. Кенин-Лопсана «Настигающий птицу» также запечатлено понимание святости (*ыдык*) родной реки в сознании героя. Он и обращается к ней как сакральной, великой сущности, происхождение которой уходит в далекие времена:

«Куда ты стремишься, Великая наша река? Куда ты спешишь сквозь хребты? Войти в океанскую силу торопишься ты? Но нет — океан вдалеке и широк, и хорош, но к цели иной ты — признайся! — так гордо течешь: ты светлую струйку любви нашей верной несешь, и цели прекрасней на свете не сыщется все ж! В скалистых, упрямых горах ты, река, рождена, ты видела древних, кто в скалы врубал письмена, твой рокот, быть может, в себе сохранил их слова...»²

Другой роман М. Кенин-Лопсана «Танец козерога» передает историю дружбы начинающего скульптора Дулгур-оола со своим учителем — талантливым камнерезчиком Монгушем Черзи. В его образе недвусмысленно отражены черты реальной личности народного художника Тувы (герой даже носит имя своего прототипа), в чьих творениях подчеркнута его тесная связь с родной природой. Даже в изваянии-скульптуре дракона из камня альмаготолита повествователь подчеркнул связь диковинного существа с реалиями родного края:

«Оскаленный, разгневанный дракон! Из камня светлого искусно сделан он... Безжалостен и зол зубов его оскал, безжалостен и мудр взор круглых хищных глаз. И челка надо лбом стоит грядюю скал, и холка — что в тайге вершина поднялась... На всхолмленной спине, укрыв ее слегка, лежат свободно, отдыхая, облака, и длинный тонкий хвост, дотронувшись до них, как будто в ярости рванулся — и затих»³.

Ученик мастера Дулгур-оол создаст скульптуру, изображающую чудо-танец козерогов на Священной скале в местности Телиг Хая (Скале козерога). При взгляде на его скульптуру зрителям кажется, что

«...из тысячелетней мглы идут сюда козероги, спускаются со скалы. Поступь легка, движения грациозны, чаруют сердце и глаз. Не вздумайте крикнуть возле — разбегутся тотчас»⁴.

Творение, запечатлевшее животных на священной горе, вызовет гордость старого скульптора-наставника за своего ученика. Ведь в самом замысле картины выразилась любовь и привязанность автора к родине, ее святыням.

Одна из героинь романа М. Кенин-Лопсана «Танец козерога» также передает свое поэтическое восприятие родной реки как святости и драгоценности:

«После дождя над водою родной реки радуги тянутся в небо — как две руки. Нет, это небо колечко дарит реке, чтобы горело оно на ее руке. Нет у меня ни матери, ни отца, чтоб подарить мне серебряный блеск кольца. Что же — взамен драгоценного перстенька, в кольца свиваясь, блестит родная река, небо горит в ней, как в перстеньке — бирюза, цвет его синий ласкает мои глаза»⁵.

О подлинных ценностях жизни свидетельствуют высказывания героев тувинских романов, объединенные ощущением вечной красоты их родины, в каких бы проявлениях, материальных, бытовых или духовных, иррациональных она ни была замечена.

¹ Там же. С. 203.

² Кенин-Лопсан М. Настигающий птицу. С. 265.

³ Кенин-Лопсан М.Б. Танец козерога. С. 119.

⁴ Там же. С. 184.

⁵ Кенин-Лопсан М. Танец козерога: роман. С. 91.

Бурятский роман Б. Мунгонова «Хилок наш бурливый» («Харьялан урдаа Хёлгомной»¹) мог стать образцом жанра так называемого колхозного производственного романа, если бы не образ родной реки, организующий своеобразный гимн автора своей родине. В своих повседневных заботах, труде герои романа не представляют жизни без своей шумной студеной реки. Она для них — центр микрокосма родины, связывающий судьбы всех, кто жил на ее берегах. Роман приобретает философско-символический смысл в финале, завершающем судьбы героев. На языке оригинала² в образе реки, вышедшей из берегов в момент весеннего таяния, нет какой-либо облегченности в отличие от перевода, выполненного В. Сергеевым, где восприятие реки главной героиней Дулмой пропитано отчетливым оптимизмом.

В романе на языке оригинала образ реки включен в описание произошедших событий, наполненных не только радостью преобразования родного колхоза, но и грустью, горечью героев от несбывшихся надежд:

«Река Хилок течет мощно и бурно, скручиваясь с грозной силой. Огромные глыбы льда, сталкиваясь, раскалываются, река шумит и бушует. Мутные волны, закованные в зимние панцири — синие льды, спешно толкают их вперед. Дулма, видя, как огромные льды при столкновении бьются в течении реки, подумала о жизни, о том, как (ей) придется преодолевать такие же преграды судьбы»³ (досл. пер. наш. — *Авт.*).

И хотя с виду скромным выглядит это описание тронувшейся от зимней спячки весенней реки, но его смысл, как может показаться читателю, готовит героиню к будущему, которое не сулит непременно счастья и не содержит безоглядной веры в лучшее. К тому же мистический характер волн и льдин подчеркнуто передает образный смысл финала: не льдины, не сильные волны напоминают Дулме о пережитых препятствиях в жизни, а глыбы льда, служащие олицетворением священной реки-судьбы. Слова-эпитеты в описании реки символически и психологически подчеркивают грозную силу будущих преград, не зависящих от самого человека, мощных и бурных, где особенно выделяется мрачный эпитет-характеристика освободившихся волн, «закованных в панцири льдов». Если в переводе на русский язык переводчик облегчил суровость реки в финале-эпilogue, не придав большого значения состоянию души героини, то в оригинале природный катаклизм пугает, его мифологическое наполнение напоминает читателю, что трудно человеку быстро оправиться от недавних ударов судьбы.

Таким образом, чертой, объединяющей прозу тувинских и бурятских писателей, является неразрывное единство человека со своей родиной, родными местами. Это единение ярко выражено в образах дома, степи, коня — спутника и друга кочевника, родной реки, в мифологичности и сакральности которых подчеркнуто живущее в сознании человека чувство священного трепета перед родной природой. В выделенных образах проявляется единство конкретно-социального и универсально-обобщенного, сближение быта с бытием, прозы с поэзией. Неразрывная связь с родиной позволяет героям тувинской и бурятской прозы открыть поэзию в своем внутреннем мире, а их авторам присуща способность проникнуть в глубинный, необыденно-бытийный план природной жизни.

Тема родины в автобиографической прозе

Восприятие образа своей родины живет в душе каждого человека с детства. Чрезвычайно пространственным жанром в тувинской прозе 1960–1970-х годов, воспевающей родной край, является автобиографический роман.

Ярким примером такой прозы в тувинской литературе стали романы «Слово арата» С. Тока, «Повесть о светлом мальчике» С. Сарыг-оола, «Родные люди» О. Саган-оола. Справедливо замечание С. С. Комбу о роли автобиографизма в освоении тувинскими писателями романного жанра, когда жизненный опыт автора помогает «преодолеть традиционные схемы изображения человека в литературе, собственный жизненный опыт и наличие документальной основы представляются своего рода залогом правдивости отображаемого материала»⁴. К названным романам можно добавить и повесть «Сон при звездах» А. Даржая, в которой повествование опирается на субъективность героя-

¹ Мунгонов Б. Харьялан урдаа Хёлгомной. Улаан-Удэ: Буряад. ном. хэб., 1960. 471 н.

² Мунгонов Б. М. Хилок наш бурливый. С. 312.

³ Мунгонов Б. Харьялан урдаа Хёлгомной. Н. 470.

⁴ Комбу С. С. Роман в тувинской литературе: иллюстрация основных закономерностей развития действительности // Всероссийский журнал научных публикаций. 2012. № 4(14). С. 65.

рассказчика и строится как процесс воспоминания взрослого героя о своем детстве. Двухвременная композиция, где автобиографический герой существует одновременно в настоящем и прошлом, не просто воспроизводит впечатление автобиографического повествования от первого лица, но обозначается как форма повествования от лица самого автора.

Особенность бурятских автобиографических повестей и романов этого периода иная и заключается в том, что автобиографизм в них был художественным приемом, представляющим собой «эхо жанра автобиографии» (Медарич, 1998: 5). Выводя героя, наделенного чертами биографического автора, бурятские писатели создавали лишь иллюзию автобиографичности. Это были произведения о детстве, которые не просто представляют собой иллюстрацию биографических реалий в жизни писателя, но и отражают специфику самобытного и ментального в личности героя-ребенка. В этом приеме отразилась лирико-субъективная, исповедально-автобиографическая тенденция 1960–1980-х годов в русской прозе (Большев, 2002) и в литературах российских национальных республик.

Внутреннее родство с такой прозой можно увидеть в бурятской повести С. Цырендоржиева «Где ты, моя утренняя звезда?». Тем более, что герой-подросток в ней, как и в повести А. Даржая «Сон при звездах», постоянно находится рядом с животными. Это отцовский конь Каурый, который из-за ран от нападения волка ушел от героя-мальчика «навсегда»; это пес Янгар и ягнята, которых тоже забрали у него. Мальчик Агван сталкивается со смертью и взрослеет. Повесть заканчивается мучающим его вопросом, в котором пробуждается очень личностное, почти иррациональное чувство вины: «Почему он не может никого спасти и сберечь?»¹

В повести «Сон при звездах» А. Даржая, как уже указывалось, воспроизводятся фрагменты жизни автобиографического героя в духе лирического повествования, соединяющего прозу и поэзию. Для произведения присущ особый тип построения, основанный на ослаблении и даже редукции сюжета. Само деление глав-эпизодов превращает повесть в цикл новелл, объединенных сознанием героя-рассказчика. В форме свободной исповеди он обращается к читателю и призывает его услышать голоса из детства:

«...поезжай к родному месту <...> Всею душой прикоснись к милым сердцу лесу, ручейку, где вырос, плескаясь, плавая и утоляя жажду в знойные дни, прильни к ручейку, где вырос, плескаясь, плавая и утоляя жажду в знойные дни, прильни к ручейку, который потому и стал для вас самым могучим, чем все большие реки и озера в мире. Осознавая таким образом святость этих мест, ты услышишь журчание воды чистого ручейка, шелест листьев, все снова и снова будет тебя возвращать в любимые места, и заставит листать в извилинах своего подсознания страницы детства и юности»².

Новые отношения с читателем-единомышленником проявляются и в главах, где образ родины живет в воспоминаниях взрослого героя о маме, друге Шойдаке и его дедушке Шогжале. И конечно, автобиографический герой видит себя самого, деревенского мальчишку, в событиях, врезавшихся в его память, оставивших глубокий след на всей последующей жизни. Его воспоминания освещены светом сверкающих звезд, на которые он, уже став взрослым, смотрит, стоя на балконе своего дома. Герой убежден:

«Моя звезда засверкала над бескрайними степями моей родной земли, и она будет сверкать даже после моего ухода в вечность. Я считаю себя очень счастливым человеком, потому что моя тропиночка началась, а затем превратилась в большую дорогу с берегов чистой и говорливой речки Сай-Суу. Здесь загорелась моя звезда, когда моя мама впервые вынесла меня на руках из родной юрты и омыла мое лицо теплой водой речки Сай-Суу»³.

Свет звезд и чистота реки — это показатель высшего предназначения человека, которое чувствует автобиографический герой и в детстве, и в зрелом возрасте. Повторяющаяся фраза «Теперь я понял» соединяет прошлое и настоящее в жизни героя. Запомнились ему на всю жизнь зеленый цвет Великого Луга — Улуг-Шык, священный Хам-Дыт (Шаман-дерево) и даже Эккерек — любимый петух деда Шогжала, чья неожиданная смерть лежит на совести героя и его друга. «Я понял, что на судьбы каждого из нас может влиять даже маленькое животное, к которому человек привязывался всем сердцем»⁴.

¹Цырендоржиев С. Где ты, моя утренняя звезда? С. 190.

²Даржая А. Сон при звездах. С. 214.

³Там же. С. 211.

⁴Там же. С. 240.

Опора на поэтическое мышление и особое словоупотребление, родственное поэзии, выступает в повести как важный структурный принцип. Особый поэтический язык возникает под влиянием стихотворной речи на прозу, и речь идет о таком жанро-родовом синтезе, который в русской прозе XX века получил название «лирической эпопеи» или субъективного эпоса (Скороспелова, 2003: 77, 158). В прозе такого типа поэтическое словоупотребление оттесняет эпическую событийность на второй план, придает изображаемому обобщенный характер, несмотря на фрагментарность композиции, членение повествования на новеллы, включение в прозу стихотворных фрагментов.

Такое повествование проявится и в целом ряде произведений бурятских писателей, по своему автобиографизму напоминающие, например, романы «Время таяния снегов» Ю. Рытхэу (1958), «Синий ветер каслания» Ю. Шесталова (1964), где решение темы родины опирается на особенности чукотской и мансийской культур. Близость с этими романами заключена в форме воспоминания как своеобразной исповеди самого автора о времени детства и юности, о формировании своей писательской личности.

С помощником степняка-кочевника — конем ежедневно соприкасается герой-подросток в бурятском романе Ц.-Ж. Жимбиева «Год огненной змеи». Батожаб работает пастухом-табунщиком, и его взрослению, превращению в юношу придают особый смысл четвероногие друзья. В основу романного повествования положены автобиографические воспоминания писателя о своем военном детстве, о тяготах жизни в родной деревне, о недоедании, страхе за отца, сражающегося на фронте, беспокойстве о матери, живущей в нетерпеливом ожидании вестей от любимого мужа. В главах, действие которых происходит поочередно — днем и ночью, поступки и мысли Батожаба продиктованы работой ночного конюха в колхозном табуне.

Писатель тонко показывает в душевном состоянии героя единство с окружающим миром, подмечает любые изменения в жизни коня, других четвероногих друзей. Особенно ярко связь с лошадьми проявляется в нем ночью. Сидя на лошади под звездным небом, подросток, сын и друг воюющих на фронте близких людей, очень остро ощущает свое настроение. Звезды на небосклоне загораются и гаснут, напоминают об услышанном предании: звезда падает, если гибнет человек. Подростка не радует звездный дождь: «Сколько еще сорвется звезд, небо поредет, станет черным». В сознании только начинающего жить Батожаба оживают улигерные баторы¹ вместе со своими спутниками-конями. А рядом спускаются по радуге небесные красавицы. События на фронте переживаются героем с помощью богатого воображения:

«Может быть, сегодня в горах Трех Кобылиц встретились: наш Бабжа-батор, якутский батор Нюрган, киргизский Манас. Сидят, решают, как лучше поставить богатырский заслон на западе»².

Именно ночью сознание героя не только постигает тайны природы, но приобщается к истории своей родины, находясь в непосредственном союзе с ней, с героическим прошлым народа, пусть и в фольклорно-мифологическом ключе.

Бытовая жизнь героя в дневное время также решена в форме повествования от первого лица, передающего сознание 15-летнего героя, испытывающего искреннюю любовь к родному краю, хозяйскую заботу о лошадях, с готовностью принимающего любые проявления родной природы:

«Обрушивается гром, одевается траурным мраком степь. Земля начинает суетливо и озабоченно говорить под ногами лошади... Дождь нарастает, земля отвечает небу глухим ропотом... В темноте мы с Гнедым совсем не разбираем дороги, я тороплю его. В грозу хозяин табуна должен быть рядом с конями. Они могут взбунтоваться. Рвется ночь от молний, гром раскалывает и небо, и землю. Хозяин неба — Эсегэ малаан Тэнгэри, освети мне путь своей молнией, мне надо спешить. Меня ждут кони!..»³

В авторизованном переводе Н. Асмоловой и В. Тендрякова переданы очарование бурятской природы, поэтичность восприятия героем-мальчиком природного мира, наполненного его чувством, мифологически окрашенным.

Оригинальная модификация жанра автобиографического произведения представлена в книге А. Бальбурова «Двенадцать моих драгоценностей», в которой образ родины передан в духе пу-

¹ В бурятских улигерах (эпических сказаниях) популярное у монгольских народов имя Баатар (Батор) стало нарицательным словом в значении 'богатырь, герой'.

² Жимбиев Ц.-Ж. Год огненной змеи. Романы / пер. с бурят. С. 124.

³ Там же. С. 98.

блицистического и одновременно поэтического монолога героя, поющего гимн родной Бурятии в манере простого и доверительного общения с читателем. Лирический сюжет ставит в центр фигуру героя-рассказчика, который движется от описания самобытной реальности, в которой происходит становление автобиографического героя, до момента проявления в нем личности с богатым культурным, историко-социальным опытом. Авторский монолог героя включает воспоминания о своей жизни — трудном и голодном детстве в маленьком улусе, годах учебы и начале трудовой жизни рабочего паренька, приходе в журналистику и литературу. И это судьба человека, любящего свою родину, размышляющего, чем она для него является.

Лирическое, субъективное начало в книге «Двенадцать моих драгоценностей» не уменьшает, а подтверждает эпический размах темы родины в ее пространственно-временном измерении, потому что драгоценностями жизни для автора являются природные ритмы и социальные циклы жизни родной Бурятии. Из названий двенадцати месяцев старинного бурятского календаря составилось «невидимое ожерелье из двенадцати кусочков жизни моего народа, фантастически богатой и сверкающей алмазными гранями жизни»¹. Поэтичностью наполнены названия месяцев, в которых этнокультурный опыт, народная практическая мудрость в отношении к природе, содержат общечеловеческий смысл. Так, апрель — Месяц Малого Журчания для героя-автора «не просто название месяца, оно пригодно не только для поэтов своим необычным поэтическим звучанием»², но и позволяет ответить на вопрос, каким образом бурятам-земледельцам удавалось постигать природный календарь, преодолевать превратности, капризы сурового климата, «его трагические повороты то к засухе, то к катастрофическим ливням»³. Образы земли и воды возникают в разговоре о знатном луговode, чьи заботы передают древний архетипический смысл занятий предков по обеспечению обильной влаги, хорошего травостоя и урожая с целью достижения благополучия в жизни людей.

Система ценностей (драгоценностей) в книге А. Бальбурова живет в сознании автобиографического героя так же, как в герое тувинской повести А. Даржая «Сон при звездах». Отношение героя-рассказчика к изображаемому проявляется в том, что сегодняшний день соотнесен не просто с прошлым, с работой памяти, воображения, но с вневременными явлениями: звездами, солнцем, луной, т. е. с космическим планом. И повествование приобретает свойства развернутого лирического монолога героя, захваченного движущимся потоком времени, когда случайные вроде бы события становятся глубоко закономерными этапами человеческой судьбы. Лиризация и метафоризация повествовательной структуры такая же, как в тувинской автобиографической прозе, и позволяет увидеть бытовые, обыденные происшествя в контексте универсальных законов бытия, сочетание ежеминутности и вечности, жизни и смерти, природы и культуры, истории этноса и судеб цивилизации.

Однако Бальбуров добавляет в эти контрастные состояния глубоко индивидуальную окраску, заключающуюся в философском понимании другой антиномии — добра и зла, ее проявления в жизни своего народа. Дело в том, что в книге «Двенадцать моих драгоценностей» повествовательная структура напоминает стилистику бурятских сказаний (улигеров), которая проявляется в исполнении сказителей-улигершинов: бережно сохраняя поэтический рассказ об эпических событиях прошлого, они «в той или мной мере оставили свою печать на “лице” улигеров»⁴. Таков облик героя-рассказчика в книге А. Бальбурова, автобиографическая форма которой содержит напоминание о традиционном культурном опыте, таков неповторимый облик повествовательной стратегии, которая придает произведению оригинальное звучание.

При сравнении повести А. Даржая и автобиографической книги А. Бальбурова можно проследить, как жанровая модификация лирико-субъективного эпоса на тему любви к родине служит соединению судьбы автобиографического героя с вневременными (социально-историческими и природно-космическими) событиями, изображению конкретно-исторической реальности — с бытийным, философским обобщением.

¹ Бальбуров А. А. Двенадцать моих драгоценностей. С. 65.

² Там же. С. 49.

³ Там же.

⁴ Бурятский героический эпос «Аламжи Мэргэн» / сост. М. И. Тулохонов. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991. С. 13.

Заключение

Таким образом, сравнительно-сопоставительный подход к произведениям большой эпической формы — роману и повести — выявил единство писательских поисков бурятских и тувинских писателей 1960–1970-х годов в художественном изображении этнокультурных составляющих родного края. Этнокультурная специфика и мифопоэтическое содержание в образах дома детства, степи, коня, реки позволяют выразить универсально-всеобщие ценности, такие как любовь к своей родине, связь человека с природой.

Различие художественных поисков писателей двух республик отчетливо выявляется в автобиографической прозе. Причастность человека к образам родного края в тувинской прозе проявилась в таких ее специфических особенностях, как слияние прозы и поэзии в повествовании, в движении к орнаментальной поэтике, характерных для повести А. Даржая «Свет при звездах», романов М. Кенин-Лопсана. В решении темы родины бурятскими прозаиками также можно обнаружить дальнейшее развитие романного жанра. Роман В. Митьпова «Долина бессмертников» позволяет судить о развитии такого композиционного построения, усложненного структурой текста в тексте. Поиски в сфере художественно-символической образности, в оригинальности повествовательного и жанрового выражения видится особая роль созданного в автобиографических произведениях лирического эпоса о любви к родине.

Как можно убедиться, художественное своеобразие творчества писателей Тувы и Бурятии проявилось в анализе их произведений на тему родины. В них всякий раз заново открываются читателям образы родины, а этнокультурные реалии неизменно выявляют точки соприкосновения двух литератур. Тувинские и бурятские произведения на тему родины позволили выявить в авторе и герое этнокультурный эстетический опыт, способность поднять тему родины до высоты универсального культурного опыта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Большев, А. О. (2002) Исповедально-автобиографическое начало в русской прозе второй половины XX века. СПб. : Филологический факультет СПбГУ. 170 с.
- Бороноева, Т. А. (2020) Образ-концепт *дом* в бурятском искусстве как культурная константа // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. № 51. С. 75–84.
- Дампилова, Л. С. (2016) Духовно-культурные коды в поэзии монгольских народов. Иркутск : Оттиск. 244 с.
- Имихелова, С. С. (2022) Мистериальный сюжет как неомифологическая тенденция в бурятской литературе на историческую тему // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. Вып. 1. С. 62–69.
- Имихелова, С. С., Монгуш, Е. Д. (2020) Образ-архетип старика в бурятской литературе // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. № 13 (12). С. 1997–2011.
- Калзан, А. К. (2021) Научная опора творчества: Избранные статьи / сост. У. А. Донгак. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 256 с.
- Конгу, А. А., Базырчап, А.-Х. О. (2020) Культ воды у тувинцев // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. № 2. С. 137–153.
- Кужугет, Ш. Ю. (2023) Отношение тувинцев к земле в тувинской литературе XX–XXI вв. // Новые исследования Тувы. № 1. С. 64–79. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.4>
- Кужугет, Ш. Ю., Сувандии, Н. Д., Ламажаа, Ч. К. (2021) Проблемы перевода концептов культуры на другой язык: на примере тувинских концептов культуры // Полилингвальность и транскультурные практики. Т. 18. № 4. С. 405–420. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-4-405-420>
- Куулар, Д. С. (2002) История и современность: Сборник трудов по фольклору и литературе. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 142 с.
- Ламажаа, Ч. К., Сувандии, Н. Д., Монгуш, А. В. (2023) Святое в тувинской культуре: прошлое и современность // Новые исследования Тувы. № 3. С. 220–241. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.14>
- Майны, Ш. Б. (2023) Представления о *чеп* 'земле' современных тувинцев // Новые исследования Тувы. № 1. С. 38–63. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.3>
- Медарич, М. (1998) Автобиография/автобиографизм // Автоинтерпретация: сб. науч. ст. / под ред. А. Б. Муратовой и Л. А. Иезуитовой. СПб. : Изд-во СПбГУ. 206 с. С. 5–32.
- Монгуш, Е. Д. (2020) Литературное наследие С. К. Тока в фондах Национального архива Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 2. С. 175–186. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.12>

Найдаков, В. Ц. (1969) Современные писатели Бурятии (Литературные портреты и очерки). Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство. 183 с.

Николаева, Д. А. (2013) Женские божества земли и их роль в формировании традиционной обрядности бурят конца XIX — начала XX в. // *Женщина в российском обществе*. № 1 (66). С. 3–13.

Самдан, З. Б. (2001) Лики тувинской словесности. За фольклорным жемчугом. Кызыл : Республиканская типография. 115 с.

Санчай, Ч. Х. (2023) Образы родной земли в музыкально-песенной культуре тувинцев // *Новые исследования Тувы*. № 1. С. 80–109. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.5>

Сувандии, Н. Д. (2023) *Чер* 'земля' в паремиях тувинцев // *Новые исследования Тувы*. № 1. С. 26–37. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.2>

Скороспелова, Е. Б. (2003) Русская проза XX века: от А. Белого («Петербург») до Б. Пастернака («Доктор Живаго»). М. : ТЕИС. 358 с.

Скрынникова, Т. Д., Батомункуев, С. Д., Варнавский, П. К. (2004) Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (советский период). Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство. 216 с.

Соктоев, А. Б. (1976) Становление художественной литературы Бурятии дооктябрьского периода. Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство. 491 с.

Тувинцы. Родные люди (2022) / Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии, Ш. Ю. Кужугет, Ш. Б. Майны / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 360 с.

Дата поступления: 27.07.2023 г.

Дата принятия: 26.12.2023 г.

REFERENCES

Bol'shev, A. O. (2002) *Confessional-autobiographical beginning in Russian prose of the second half of the twentieth century*. St. Petersburg, Faculty of Philology, St. Petersburg State University. 170 p. (In Russ.).

Boroneva, T. A. (2020) The image-concept of a house in Buryat art as a cultural constant. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, no. 51, pp. 75–84. (In Russ.).

Dampilova, L. S. (2016) *Spiritual and cultural codes in the poetry of the Mongolian peoples*. Irkutsk, Ottisk. 244 p. (In Russ.).

Imikhelova, S. S. (2022) Mystery plot as a neo-mythological trend in Buryat literature on a historical theme. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, issue 1, pp. 62–69. (In Russ.).

Imikhelova, S. S. and Mongush, E. D. (2020) The archetype image of an old man in Buryat literature. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, no. 13 (12), pp. 1997–2011. (In Russ.).

Kalzan, A. K. (2021) *Scientific support of creativity: Selected articles* / comp. by U. A. Dongak. Kyzyl, Tuvan book publishing house. 256 p. (In Russ.).

Kongu, A. A. and Bazyrchap, A.-Kh. O. (2020) Tuvans' cult of water. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, issue 8: History, no. 2, pp. 137–153. (In Russ.).

Kuzhuget, Sh. Yu. (2023) Tuvans' attitude towards the earth in the Tuvan literature of the 20th–21st centuries. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 64–79. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.4>

Kuzhuget, Sh. Yu., Suvandii, N. D. and Lamazhaa, Ch. K. (2021) The Problems Of Translating Cultural Concepts into Another Language: On The Example Of Tuvan Cultural Concepts. *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 18, no. 4, pp. 405–420. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-4-405-420>

Kuular, D. S. (2002) *History and modernity*. Kyzyl, Tuvan book publ. 144 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K., Suvandii, N. D. and Mongush, A. V. (2023) The Sacred in Tuvan Culture: Past and Modernity. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 220–241. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.14>

Mainy, Sh. B. (2023) Perceptions of *cher* ('earth') among contemporary Tuvans. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 38–63. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.3>

Medarich, M. (1998) Autobiography/autobiographicism. In: *Avtointerpretatsiia [Auto-interpretation]: collection of scientific articles* / ed. by A. B. Muratova and L. A. Iezuitova. St. Petersburg, SPbGU Publ. 206 p. Pp. 5–32. (In Russ.).

Mongush, E. D. (2020) S. K. Toka's literary heritage in the collections of the National Archives of the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 175–186. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.2.12>

Naidakov, V. Ts. (1969) *Modern writers of Buryatia (Literary portraits and essays)*. Ulan-Ude, Buryat book publishing house. 183 p. (In Russ.).

Nikolaeva, D. A. (2013) Female deities of the earth and their role in the formation of traditional rituals of the Buryats at the end of the 19th — beginning of the 20th centuries. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1 (66), pp. 3–13. (In Russ.).

Samdan, Z. B. (2001) *Faces of Tuvan literature. Behind folklore pearls*. Kyzyl, Respublikanskaia tipografiia. 115 p. (In Russ.).

Sanchay, Ch. Kh. (2023) Images of the native land in the musical and song culture of the Tuvans. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 80–109. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.5>

Suvandii, N. D. (2023) *Cher 'earth' in Tuvan paroemias*. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 26–37. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.2>

Skorospelova, E. B. (2003) *Russian prose of the twentieth century: from A. Belyi ("Petersburg") to B. Pasternak ("Doctor Zhivago")*. Moscow, TEIS. 358 p. (In Russ.).

Skrynnikova, T. D., Batomunkuev, S. D. and Varnavskii, P. K. (2004) *Buryat ethnicity in the context of sociocultural modernization (Soviet period)*. Ulan-Ude, Buryat book publishing house. 216 p. (In Russ.).

Soktoev, A. B. (1976) *The formation of fiction in Buryatia in the pre-October period*. Ulan-Ude, Buryat book publishing house. 491 p. (In Russ.).

Tuvans. Native people (2022) / Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii, Sh. Yu. Kuzhuget and Sh. B. Mainy / ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 360 p. (In Russ.).

Submission date: 27.07.2023.

Accepted date: 26.12.2023.

Мифологема горного духа в художественной картине мира Ч. Т. Айтматова, К.-Э. Кудажы и С. К. Тока

Наталья В. Поморцева, Светлана В. Красильникова

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация,

Мамед Дж. Тагаев, Мадина С. Чинлода, Айгерим Э. Эрнисова

Кыргызско-Российский Славянский университет, Кыргызстан

В статье выявляется специфика художественного отражения в творчестве национальных писателей Кыргызстана и Тувы мифологических образов, истоки которых находятся в фольклорных сюжетах о встрече человека с невидимыми природными духами-хозяевами местностей. В качестве ярких примеров рассматриваются романы Ч. Т. Айтматова, К.-Э. Кудажы и С. К. Тока.

Установлено, что в романах тувинских писателей включение мифологемы горного духа представляет собой не только стратегию авторов по обращению к древним мотивам. Этнокультурный контекст позволяет «осовременить» жанр сказания и предания о встрече с горными духами, приблизить его к читателю.

Другая стратегия представлена в романе Ч. Т. Айтматова «Когда падают горы (Вечная невеста)». В ней показана трансформация фольклорной мифологемы о горном духе. Автор представляет обречение героем высшего знания через приобщение к миру предков, раскрывает концепцию пути духовного развития героя через обречение любви.

Ключевые слова: мифологема; горный дух; хозяин местности; тувинский фольклор; кыргызский фольклор; тувинская литература; кыргызская литература; Чингиз Айтматов; Кызыл-Эник Кудажы; Салчак Тока

Для цитирования:

Поморцева Н. В., Красильникова С. В., Тагаев М. Д., Чинлода М. С., Эрнисова А. Э. Мифологема горного духа в художественной картине мира Ч. Т. Айтматова, К.-Э. Кудажы и С. К. Тока // Новые исследования Тувы. 2024, № 1. С. 88-103. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.6>

Поморцева Наталья Владимировна — доктор педагогических наук, заведующая кафедрой русского языка Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 3. Эл. адрес: pomortseva-nv@rudn.ru

Красильникова Светлана Валерьевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 3. Эл. адрес: mnemozina04@mail.ru

Тагаев Мамед Джакыпович — доктор филологических наук, директор Института русского языка Кыргызско-Российского Славянского университета. Адрес: 720022, Кыргызстан, г. Бишкек, пр-т Чуй, д. 44. Эл. адрес: mamed_tagaev@list.ru

Чинлода Мадина Сулеймановна — кандидат филологических наук, заведующая научно-инновационным отделом Института русского языка Кыргызско-Российского Славянского университета. Адрес: 720022, Кыргызстан, г. Бишкек, пр-т Чуй, д. 44. Эл. адрес: mudeina@mail.ru

Эрнисова Айгерим Эрнисовна — кандидат филологических наук, заведующая центром русского языка Кыргызско-Российского Славянского университета. Адрес: 720022, Кыргызстан, г. Бишкек, пр-т Чуй, д. 44. Эл. адрес: aigerim_ernisova@mail.ru

The mythologeme of the mountain spirit in the artistic picture of the world by Ch. T. Aitmatov, K.-E. Kudazhy and S. K. Toka

Natalia V. Pomortseva, Svetlana V. Krasilnikova

RUDN University, Russian Federation,

Mamed Dzh. Tagaev, Madina S. Chinloda, Aigerim E. Ernisova

Kyrgyz-Russian Slavic University, Kyrgyzstan

The article discusses the specific features of artistic reflection in the work of national writers from Kyrgyzstan and Tuva, who use mythological images that originate in folk tales about human encounters with invisible spirits. The novels by Ch. T. Aitmatov and S. K. Toka, as well as K.-E. Kudazhy, are considered to be vivid examples of this.

It has been established that the inclusion of mythological elements related to mountain spirits in the novels by Tuvan writers is not only a creative strategy used by the authors to draw on ancient motifs. The ethno-cultural context allows for a "modernization" of the genre of legends and stories about mountain spirits, bringing them closer to readers.

Another strategy is presented in Ch. T. Aitmatov's novel "When the Mountains Fall (The Eternal Bride)", which depicts the transformation of a folklore mythologeme concerning the mountain spirit. Through the hero's familiarization with the world of their ancestors, the author reveals the concept of his spiritual development through the acquisition of love, as well as the path he must follow to achieve this goal.

Keywords: mythologeme; mountain spirit; landlord; Tuvan folklore; Kyrgyz folklore; Tuvan literature; Kyrgyz literature; Chingiz Aitmatov; Kyzyl-Enik Kudazhy; Salchak Toka

For citation:

Pomortseva N. V., Krasilnikova S. V., Tagaev M. Dzh., Chinloda M. S., Ernisova A. E. The mythologeme of the mountain spirit in the artistic picture of the world by Ch. T. Aitmatov, K.-E. Kudazhy and S. K. Toka. *New Research of Tuva*, 2024, no. 1, pp. 88-103. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.6>

POMORTSEVA, Natalia Vladimirovna, Doctor of Pedagogy, Head, Department of Russian Language, RUDN University. Postal address: 10 Miklukho-Maklaya str., bldg., 117198, Moscow, Russia. Email: pomortseva-nv@rudn.ru

ORCID ID: 0000-0003-4224-8138

KRASILNIKOVA, Svetlana Valeryevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor, Russian Language Department, RUDN University. Postal address: 10 Miklukho-Maklaya str., bldg., 117198, Moscow, Russia. Email: mnmozina04@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-6157-6677

TAGAEV, Mamed Dzhakypovich, Doctor of Philology, Director, Institute of the Russian Language, Kyrgyz-Russian Slavic University. Postal address: 44 Chui Ave., Bishkek, Kyrgyzstan, 720022. Email: mamed_tagaev@list.ru

ORCID ID: 0000-0002-3743-4713

CHINLODA, Madina Suleymanovna, Candidate of Philology, Head, Scientific and Innovative Department of the Institute, Russian Language, Kyrgyz-Russian Slavic University. Postal address: 44 Chui Ave., Bishkek, Kyrgyzstan, 720022. Email: mudeina@mail.ru

ORCID ID: 0009-0005-2855-5870

ERNISOVA, Aigerim Ernisovna, Candidate of Philology, Head, Russian Language Center, Kyrgyz-Russian Slavic University. Postal address: 44 Chui Ave., Bishkek, Kyrgyzstan, 720022. Email: aigerim_ernisova@mail.ru

ORCID ID: 0009-0000-2003-6594

Введение

Сюжет сказаний и преданий о встрече человека с невидимым духом гор широко известен мировому фольклору и принадлежит к числу тех продуктивных фольклорных жанров сказаний и преданий (быличек и бывальщин), которые стоят у истоков зарождения авторских повествовательных форм (Неклюдов, 1981). В мифологической системе центральноазиатских кочевых народов представлено множество образов духов местностей, а образ владыки гор, например, в киргизских и тувинских мифологических представлениях — *эсси* (кырг.), *ээзи* (тув.) — выступает не только в качестве «охранительного» божества и подателя благ, но и злого, демонического существа, чаще в женском обличе оборотня: *албарсты* (кирг.), *албыс*, *диирен* (тув.) (Абрамзон, 1990: 186). Кроме того, в кыргызской мифологической картине мира выделяется отдельный образ невидимых для живых людей добрых духов *кайып*, связанных с духами гор и архаическим культом предков, выступающих посредниками между тремя мирами: миром божеств, миром живых и миром мёртвых» (Бакчиев, 2019: 28).

В данной статье рассматривается мифологема¹ горного духа как источник последнего романа кыргызского писателя Чингиза Айтматова «Когда падают горы (Вечная невеста)» (2006), а также находящая соответствие в тувинской литературе, в частности в романах Кызыл-Эника Кудажы «Улуг-Хем неугомонный» (1977) и Салчака Тока «Слово арата» (1973). В этих произведениях находят художественное воплощение элементы мифологического мышления двух исторически родственных этносов — киргизов и тувинцев. В текстах исследуемых романов писатели используют мотивы встречи человека с духами природы — мифологему горного духа, широко представленную в сюжетах фольклорных сказаний и преданий Центральной Азии, восходящих к древним мифам, обрядам и ритуалам.

Цель исследования — проанализировать фольклорные истоки и идейно-художественные функции мифологемы горного духа в романах Ч. Т. Айтматова, К.-Э. Кудажы и С. К. Тока в контексте отражения и творческого преломления традиций фольклорных жанров сказочной прозы (использование фабулы и мотивов сказаний и преданий о встрече человека с горным духом).

Поставленная цель определяет задачи работы: во-первых, сделать обзор исследовательской литературы в контексте определения методологической базы статьи; во-вторых, проанализировать семантику мифологемных мотивов в сюжетах сказаний и преданий киргизов и тувинцев о горных духах; в-третьих, выявить семантику мифологемы горного духа в романах К.-Э. Кудажы «Улуг-Хем неугомонный» и С. К. Тока «Слово арата» в аспекте отражения мифологических представлений тувинцев; в-четвертых, описать специфику мифологемной трансформации образа невидимого духа — Вечной невесты в романе Ч. Т. Айтматова «Когда падают горы (Вечная невеста)». Нас интересует при этом, остаются ли неизменными структурные элементы мифа — мифологемы, а также характер их трансформации и функции в структуре произведений.

Для анализа авторы опирались на тексты указанных произведений в переводах на русский язык в следующих изданиях: роман К.-Э. Кудажы «Улуг-Хем неугомонный» в рамках проекта «Литературный мост Тувы» (2022)², роман-трилогия С. К. Тока «Слово арата» в литературной серии «Библиотека русского романа» (М., 1973)³ и роман Ч. Т. Айтматова «Когда падают горы (Вечная невеста)» с предисл. Г. Гачева (СПб., 2007)⁴.

Обзор литературы

Для темы нашего исследования, безусловно, важно выявление параллелей в мифологических представлениях рассматриваемых этносов, носящих и лингвистический характер (возводимость слов

¹ В данном контексте важно подчеркнуть, что мы используем термин «мифологема» с позиции культурологического осмысления, как образ, мотив, характеризующийся глобальностью, универсальностью и имеющий широкое распространение в культурах; как повторяющаяся тема в мифах разных народов»; как составной элемент мифологического сюжета.

² Кызыл-Эник Кудажы. Улуг-Хем неугомонный. Черный том – перевод А. Китайника [Электронный ресурс] // Литературный мост Тувы. URL: <https://tuvanom.ru/7548>, <https://tuvanom.ru/7554> (дата обращения: 03.01.2024).

³ Тока С. К. Слово арата : трилогия. М.: Современник, 1973.

⁴ Айтматов Ч. Т. Когда падают горы (Вечная невеста) : роман, повесть, новелла. СПб.: Азбука-классика, 2007.

к общему лексическому фонду), и типологический. Лексика позволяет проникнуть в самую суть этнической культуры, в сферу вымышленного, отражающего архетипическое в национальном сознании народов на протяжении многих веков. Набор одних и тех же мифологических образов, среди которых образ горного духа, за которым стоят одинаковые или слегка видоизмененные понятия, иллюстрирует факты этноязыкового и этнокультурного симбиоза в рассматриваемых культурах, ведь киргизы и тувинцы жили в Центральной Азии и Южной Сибири в условиях тесных политических и культурных контактов (Стеблева, 2007: 68-75). Историко-культурные связи киргизов и тувинцев, идущие с X–XII вв. со времени нахождения этих народов в составе Кыргызского каганата, вера в верховное божество Тенгри, обуславливают общность их мифологических представлений (История Тувы, 2001: 133–154); Абрамзон, 1990; Аристов, 2001; Ушницкий, 2020; Кляшторный, Басилов, Потапов, 1992: 536–537).

Это позволяет выделить отдельную мифологему, т. е. широко представленный мифологический мотив встречи человека с духом гор и проанализировать как источник романов Ч. Т. Айтматова, К.-Э. Кудажи и С. А. Тока. Бесспорно, важно изучить его, опираясь на историко-литературный и сравнительно-типологический подходы, дополняя методами семиотики (Лотман, 2010) и лингвокультурологии (Степанов, 1997).

Обращение рассматриваемых писателей к древней мифологеме горного духа позволяет рассматривать реминисценции жанров сказаний и преданий повествовательного фольклора Кыргызстана и Тувы как знаки-референты описываемых событий, а также выявить их символический смысл с позиции «памяти жанра» и нарратологии в текстах литературы. Жанр, по М. М. Бахтину, «живет настоящим, но всегда помнит свое прошлое, свое начало» (Бахтин, 1979: 122). Поэтому жанровый подход Бахтина мы рассматриваем как методологическое основание нашего исследования при объяснении литературной модификации сюжетов фольклорных жанров в литературе Тувы и Кыргызстана, акцентируя ту жанровую традицию, в которой писатель творит. Так, Ч. Айтматов был способен разглядеть богатые творческие возможности, скрытые в сказаниях и преданиях о невидимом духе *кайып*, запечатленные в его индивидуальной памяти как жителя горного района Кыргызстана — Таласа, родины Манаса. Следовательно, он таким образом реализовал потенциал фольклорного жанра. Писатель почувствовал принципы видения и воспроизведения событий сказаний и преданий — устных рассказов о встрече человека с духами гор, присущие логике фольклорных меморатов, их установку на достоверность, творчески преобразовав их в мифопоэтической структуре своего романа «Когда падают горы (Вечная невеста)». Точно так же в автобиографических по своему пафосу романах писатели Тувы К.-Э. Кудажи и С. Тока учитывали жанровый потенциал фольклорных жанров несказочной прозы, чтобы воплотить опыт их собственной эпохи, помня данные сюжеты и воспроизводя их по памяти. Другими словами, в текстах проявляется этнокультурная специфика в зависимости от того, на какой жанр ориентируются авторы, какие стратегии описания они используют.

С этих позиций в качестве базовой в исследовании избрана категория нарративности. В контексте нарратологии как теории повествования (Уайт, 2002; Шмид, 2003) мы также рассматриваем мифологическое событие встречи человека с горным духом, репрезентированное в нарративе писателей, через характеристику их коммуникативных стратегий (Тюпа, 2001: 21). В данном контексте подходы семиотики (московско-тартуской школы) и, в частности, Ю. М. Лотмана (Лотман, 2010), опосредуют рассмотрение текста.

Кроме того, продуктивной стратегией в изучении специфики мифологемной трансформации образа горного духа в прозе являются методы спатального¹ анализа в контексте концепции диалога культур и полифонического мышления М. М. Бахтина (Бахтин, 1979), что подчеркнуто в диссертационном исследовании У. М. Бахтикиреевой, рассматривающей творческий билингвизм Ч. Т. Айтматова².

В данном аспекте роман Ч. Т. Айтматова «Когда падают горы (Вечная невеста)» и романы К.-Э. Кудажи и С. К. Тока еще не становились предметом анализа. Однако, бесспорно, исследователи активно обращались к изучению фольклоризма их творчества.

¹ Подлесных А. С. Геопоэтика Алексея Иванова в контексте прозы об Урале : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008.

² Бахтикиреева У. М. Художественный билингвизм и особенности русского художественного текста писателя-билингва : дис. ... докт. филол. наук. М., 2005.

Так, понятие «айтматовский мифологизм» в контексте связи с народно-поэтической традицией, обращения писателя к древним мифопоэтическим пластам национальной культуры явились предметом филологической рефлексии в работах А. Акматалиева, Х. Садыкова, И. Лайлиевой, К. Ибраимова (Акматалиев, 1991; Садыков, 1989; Лайлиева, 1988; Ибраимов, 1988).

Романы К.-Э. Кудажи и С. К. Тока анализируются в аспекте истории зарождения тувинской национальной литературы и развития литературы соцреализма в исследованиях У. А. Донгак (Донгак, 2015), Л. С. Мижит (Мижит, 2009) и З. Б. Самдан (Самдан, 1987). В целом, исследователи четко обозначили линии переосмысления мифа и описали стадии мифопоэтического, традиционалистского и индивидуально-творческого мышлений писателей в тувинской литературе.

Несмотря на устойчивый интерес исследователей к фольклоризму и мифологизации в литературе, проблема трансформации мифа в ней остается не проясненной. Кроме того, не становились предметом сравнительного изучения и тексты сказаний и преданий о горном духе в фольклоре Кыргызстана и Тувы в аспекте рецепции мифологемных мотивов и их трансформации в творчестве писателей. Это определяет новизну данного исследования.

Семантический анализ мифологемных мотивов в фольклоре

Анализ устных нарративов фольклорных сказаний и преданий о встрече человека с невидимыми духами гор в устной несказочной прозе Кыргызстана и Тувы позволяет выявить общее и различное в мифологических представлениях этих народов. В данном аспекте важно обозначить ряд общих мотивов, поскольку они в рассматриваемых произведениях типологически связаны с жанрами фольклорной несказочной прозы — сказаниями и преданиями — «быличками» (Криничная, 2001), рассказываемыми от первого лица «свидетеля» пережитого им самим случая встречи со сверхъестественным персонажем.

В российской фольклористике исследователи причисляют к жанрам несказочной прозы предания, легенды, притчи, исторические рассказы, устные рассказы, былички, мифы и другие жанры. По их мнению, трудно отделить несказочную прозу от героических эпических рассказов (Азбелев, 1965: 11-12). Показательно, что к началу 1990-х гг. в исследовании легендарной народной прозы начинают видеть не просто фольклоризированную историю верований и обычаев, но особый вид нарратива, активный инструмент для конструирования реального мира (Путилов, 1994; Терехин, 1993; Панченко, 1998). С этих позиций героические сказания и исторические предания в малом эпосе киргизов и большом эпосе «Манас», содержащие мотивы встречи героев с духами гор, можно сопоставить с устными преданиями тувинской несказочной прозы.

В своём исследовании мы остановились только на одном архетипическом образе духов гор. Данный выбор обусловлен широкой представленностью данного образа в киргизских и тувинских устных сказаниях и преданиях. Он присутствует в наиболее известных вариантах эпоса «Манас», а также в самостоятельном сказании об Эр Төштүке, зафиксированном в двух вариантах эпоса (вариант, записанный В. В. Радловым¹, и вариант, записанный от сказителя Саяк-бая Каралаева²) и четырех — в жанре устного сказительского пересказа эпоса в форме устных меморатов несказочной прозы³.

¹ Радлов В. В. Образцы народной литературы северных тюркских племен, ч. У. Наречие дипонаменных киргизов. СПб., 1985.

² Эр-Төштүк: Кирг. нар. Эпос / Сказитель Саякбай Каралаев. Фрунзе: Киргизгосиздат, 1958. Пер. на русск. яз. С. Сомовой.

³ Төштүк (Суранчиев Калчанын айтуусунда) // Эр Төштүк : Эпос / баш сөзүн жаз. Р. Сарыпбеков, М. Мукасов; А. Акматалиевдин жалпы редакциясы менен; түз. Р. Сарыпбеков, М. Мукасов. Бишкек : Шам, 1996. С. 395–408. (Эл адабияты, 2 т.). (На кырг. яз.); Эр Төштүк (жыйнаган Жума Жамгырчы уулу) // Эр Төштүк : Эпос / баш сөзүн жаз. Р. Сарыпбеков, М. Мукасов; А. Акматалиевдин жалпы редакциясы менен; түз. Р. Сарыпбеков, М. Мукасов. Бишкек: Шам, 1996. С. 433–445. (Эл адабияты, 2 т.). (На кырг. яз.); Элеман байдын Төштүгү (Дуйшембиев Мырзалынын айтуусунда) // Эр Төштүк : Эпос / баш сөзүн жаз. Р. Сарыпбеков, М. Мукасов; А. Акматалиевдин жалпы редакциясы менен түз. Р. Сарыпбеков, М. Мукасов. Бишкек : Шам, 1996. С. 423–432. (Эл адабияты, 2 т.). (На кырг. яз.); 17. Кечкес бай (Эр Төштүк) // Эр Төштүк : Эпос / баш сөзүн жаз. Р. Сарыпбеков, М. Мукасов; А. Акматалиевдин жалпы редакциясы менен; түз. Р. Сарыпбеков, М. Мукасов. Бишкек: Шам, 1996. С. 409–422. (Эл адабияты, 2 т.). (На кырг. яз.)

Уже само количество зафиксированных текстов «Эр Тёштюка» и включение образа Эр Тёштюка в сюжетное развитие эпоса «Манас»¹ в качестве одного из важных персонажей показывает его широкую распространенность и популярность среди киргизского народа. Яркие архаические образы, среди которых образы невидимых духов гор, во многом основываются на домусульманских верованиях и шаманизме (Исаева, 2016: 97).

Что касается фольклорных жанров несказочной прозы Тувы, то нами были проанализированы лучшие образцы легенд и преданий о мифологических персонажах *диирен* и *албыс*, изданные в академическом двуязычном издании «Мифы, легенды, предания тувинцев» по результатам комплексной фольклорно-этнографической экспедиции Института филологии СО РАН и ТИГИ в Бай-Тайгинский кожуун Тувы под руководством Н. А. Алексеева². Мифологические сюжеты о встречах охотника с духами гор *ээзи* как обитателями Среднего, земного, мира, в честь которых в древности проводились жертвоприношения, совершались обряды моления *дагылга*, чрезвычайно распространены среди тувинцев. К ним относятся тексты преданий о встрече охотника с духом-оборотнем медведем (№ 46–48 — 1 сюжет); о встрече с абстрактным, образно не воплощенным духом-хозяином горы (№ 39, 49 — 2 сюжета); о встрече с духом перевала, реки, аржаана³ (№ 54 — 1 сюжет); о встрече с *албыс* и *диирен*, духами «оборотнями» (№ 50–58, 61–62, 65, 68 — 12 сюжетов). Популярны среди сказителей также записанные мифологические сюжеты преданий и легенд о встрече охотника, сказителя, мастера горлового пения (*хоомейжи*), исполнителя на игиле (*игилчи*) с духом-хозяйкой природы (№ 82, 83 — 2 сюжета).

В качестве единицы исследования фольклорных текстов нами был выбран мотив, который по определению С. Ю. Неклюдова, выступает как «элемент художественного мышления в фольклоре» (Неклюдов, 1984: 224). Опираясь на классификацию мотивов Б. Н. Путилова, рассмотрим следующие типы мотивов в преданиях Кыргызстана и Тувы: мотив-ситуация, мотив-речь, мотив-действие, мотив-описание, мотив-характеристика с целью выявления общности данных сюжетных мотивов.

В эпических сказаниях Кыргызстана показательна сцена встречи Эр Тёштюка с пери, которая является невидимым духом гор *кайып* из Верхнего мира. Наиболее распространенный вариант ее имени — Айсалкын (вариант Саякбая Каралаева). *Мотив-описание* представляет нам жену главного героя из мира невидимых духов следующим образом: ... пери дивная, / как клинок, тонка Айсалкын / Дочь луча, словно лунный луч, / соловьиным был голосок, / лебединой шея бела, / белизной белков сверкая, / с жилкою голубой висок. / волосы... так мягки они, / а глаза... глубоки они / с верблюжонка глазом сравни / кожа мягкая, как атлас⁴. Мерилом красоты героини становится белизна, подчеркивающая избранность девушки, её происхождение из Верхнего мира.

К мотивам-описаниям горного духа непосредственно примыкают мотивы-характеристики, представляющие желание девушки-духа помочь герою. *Мотив-характеристика* Айсалкын: сновиденье горных вершин, / наважденье горных дорог, / далека и близка Айсалкын, / ай, сладка-сладка Айсалкын, / сновиденье седых вершин⁵.

Представленные мотивы в итоге ведут к главному мотиву, который позволяет подвести повествование о встрече героя с горной девой к кульминации, а именно, к мотиву-действию. *Мотив-действие* объединяет в себе два мотива — *мотив-ситуацию* и *мотив-речь*. Пери-кайып становится «вечной женой» героя, рождает сына и расстается с ним: Я на свете жила, чтоб тебя повстречать, / чтоб — не много, не мало, семь дней и ночей нам с тобою попировать, / и надолго расстаться опять, / многих женщин будешь любить, / не хочу к другим ревновать!⁶

¹ Киргизские эпосы принято делить на великие и малые. К великим относят трилогию «Манас», «Семетей», «Сейтек». Малые эпосы делят на: мифологические («Кокул», «Карач Доо», «Коджоджаш», «Эр-Тёштюк», «Жоодарбешим»); героические («Джаныл-Мырза», «Курманбек», «Джаныш-Байыш», «Эр-Табылды», «Сейитбек», «Шырдакбек»); социально-бытовые («Кедейкан», «Мендирман»); лирико-романтические («Олджобай и Кишимджан», «Саринджи-Бёкёй).

² Мифы, легенды, предания тувинцев / сост. Н. А. Алексеев и др. Новосибирск: Наука, 2010.

³ Аржаан — источник целебной воды.

⁴ Эр-Тёштюк: Киргизский народный эпос. Фрунзе: Киргизгосиздат, 1958. С. 24.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 25.

Девушка просит героя покинуть её, мотивируя своё решение невозможностью быть с героем в Среднем мире всегда в силу своего лиминального положения между мирами. Здесь и звучит мотив «Вечной жены» / «Вечной невесты», представленный в романе Айтматова «Когда падают горы (Вечная невеста)». Героиня хочет стать женой для Эр-Тёштюка в ином мире: не хочу быть женой твоей, / в мире этом, непрочном таком, / не хочу быть женой твоей, / лучше стану твоей женой не на этом свете — на том, / Вечной буду женой одной не на этом свете — на том!¹

Подобные структурные мотивы можно выявить при анализе мифологемы о горном духе *албыс* и в преданиях несказочной прозы Тувы. Подобно рассмотренному нами выше в нарративах эпического сказания «Эр-Тёштюк» образу горного духа *пери-кайып*, герои устных меморатов тувинской несказочной прозы свободно перемещаются между многочисленными сферами Верхнего, Нижнего мира и Земли, поднимаются по радуге, пересекают место, где сходятся Небо и Земля. Мировые центры на Земле олицетворяют божественная гора Сум_бер-Уула (Мөңге Хайыракан Деңгер-Уула), Молочное озеро (Сүт-Холь), железный тополь (Демир-Терек). Наряду с этими мифологическими объектами, в тувинских преданиях и легендах постоянно фигурируют и многочисленные реальные топонимы: Ак-Ой, Алтай, Бай-Тайга, Танды, Хемчик.

Дух гор *албыс* в облике доброго духа встречается охотнику, как правило, у подножия горы или на подъеме. Встреча человека с персонажами пантеона горных духов обычно происходит в пограничное время: вечером, на закате солнца (*кызыл хүнде*) или в сумерках.

В двенадцати рассмотренных нами подобных сюжетах преданий о встрече охотника с *албыс* дух превращается в молодую красивую женщину, со стройным станом, в нарядной шелковой одежде, иногда верхом на белом или вороном коне с серебряной уздечкой (мотив оборотничества).

В отличие от сказания об Эр-Тёштюке здесь практически отсутствует мотив-характеристика персонажа. Фокус нарратива сосредоточен на мотиве-действии *албыса*, включающего в себя мотив речь и мотив-ситуацию: Вместе у одного костра давай заночуем, / охотника повела за собой, / поехала в глубь леса, на красивую поляну, / приехали, девушка вроде бы со своего коня соскочила, / здесь стоянку устроим — через перевал перебираясь, / я устала, / если со мной у одного очага ночуешь, / со мной ложись ночевать². Кульминацией повествования является эпизод о наказе герою от духа *албыса* в образе женщины о запрете рассказывать людям о встрече с ней: о нашей встрече десять лет никому рассказывать нельзя, / охотника в его аал отправила, / отправляя, наказала не оглядываться³. Финалом повествования является нарушение запрета героем, который рассказал о встрече с духом, вследствие чего потерял удачливость в охоте.

В рассмотренных преданиях присутствует мотив помощи герою от духа *албыс*, выявленный нами также и в киргизском эпосе: *албыс*-женщина входит в доверие к охотнику, он становится её мужем, у них может быть и общий ребенок, что соотносится с рассмотренным выше нарративом об *пери-кайыпе* в сказании об Эр-Тёштюке.

Однако в киргизских нарративах о встрече с духами гор и тайги мы не встретили мотива тувинских преданий об игре героя на музыкальных инструментах. В частности, женщины-*албыс* любят слушать сказки, игру на музыкальных инструментах (*игил, хомус, дошулуур*) и в благодарность за это обещивают богатый промысел.

Албыс представлен в преданиях и в образе злого духа (Базырчач, Конгу, 2020: 134–146). По представлениям тувинцев, он иногда превращается в сивую волчицу и, взвалив на себя убитого барана, приносит домой для пропитания мужа-охотника: охотник увидел, / жена вскочила, / в золе очага повалялась / в сивую волчицу превратилась, ускакала⁴.

Следовательно, в тувинской культуре образ *албыс* (*албасты*) имеет амбивалентный смысл.

Анализ семантики мотивов показывает, что образы невидимого духа гор и тайги в эпической народной прозе Кыргызстана и Тувы имеют общие мифологические основы. В характеристике *пери-кайып* киргизского сказания Эр-Тёштюк очень много общего с дева-хозяйкой тайги, гор из

¹ Там же. С. 26.

² Мифы, легенды, предания тувинцев / сост. Н. А. Алексеев и др. Новосибирск: Наука, 2010. С. 137–140.

³ Там же. С. 137–140.

⁴ Там же. С. 137–140, 127–129.

тувинских преданий. Мотивы-описания, мотивы-характеристики, мотивы-речь, мотивы-действия показывают, что эти образы являются представителями одного ряда невидимых горных духов; мотивы соотносятся с тремя сферами лингвокультурного концепта горного духа *кайып* и *албыс*: образный компонент мифологемного образа-концепта духа гор в изученных мотивах преданий обоих этносов представлен общими антропоморфными признаками молодой девушки, горного духа; понятийный компонент — набором свойств («оборотничество», «наложение чар», «отвод глаз», «погружение в забвение», «предсказание будущего», «подача благ»); ценностный компонент связан с подачей благ или вредительством.

Это свидетельствует об общих архетипах мышления обоих народов в контексте культурного пространства Кыргызстана и Тувы. Можно констатировать, что образ горного духа является базовой мифологемой киргизской и тувинской культур.

Семантика мифологемы горного духа в романах К.-Э. Кудажы и С. К. Тока

Мифологема горного духа была переосмыслена в творчестве народного писателя Республики Тыва, лауреата литературной премии Союза писателей России и Государственной премии Республики Тыва Кызыл-Эника Кыргысовича Кудажы. Литературовед М. Хадаханэ назвала Кудажы истинно народным писателем (Хаданхэ, 2009).

Так, в «Черном томе» романа «Улуг-Хем неугомонный» писатель представляет мифологические обряды тувинцев и через них объясняет читателям народный быт аратов. В 9 главе романа он подробно описывает древнюю и по сей день сохранившуюся традицию камлания, где шаман совершает ритуал перехода к богам в верхний мир, призывая Духа Хозяина земли и испрашивая у него помощи:

«Дун-дун-дун... Дунгур-дунгур-дунгур... Бубен звучал теперь реже. Шаман, обряженный в засаленный шелковый халат с навешенными на него маленькими колокольчиками, во взлохмаченную шапку с бахромой и птичьими перьями, тоже засаленную и впитавшую в себя не один слой пота, подпрыгивал не так часто»¹.

В описании ритуала содержится мифологический мотив призывания невидимого духа гор для подачи людям всевозможных благ. Сакральным знаком территории, центром священного локуса выступает при этом священное дерево — лиственница, служащая знаком связи между миром людей и верхним миром божеств. В роли медиатора между мирами выступает шаман.

Писатель подробно повествует о дарах духам и приношениях, состоявших из продуктов, о которых голодные дети могли только мечтать. Автор указывает, что все приношения считались собственностью идолов. Разграбление «кумирницы» детьми, поедание даров, считалось недопустимым нарушением запрета. Эти подробности играют в дальнейшем повествовании существенную роль и необходимы Кудажы не только для наглядности и достоверности изображаемого, но прежде всего для художественного обоснования авторской стратегии десакрализации обрядов. Ведь с помощью обрядов шаманы, как считалось в русле советских представлений, подчиняли себе простой народ и требовали всё больше приношений. Этим они вызывали ненависть к себе у народа, что отчетливо выражено писателем в авторских отступлениях и указаниях.

В свою очередь, герои К.-Э.Кудажы обращаются к невидимому духу-хозяина местности ээзи перед охотой и просят помощи у Хозяина тайги:

*«Чеди-Холь, золотая моя тайга,
Широка ты, просторна, богата...
Много зверя в тебе обитает,
Но я не отведал еще мяса твоих зверей...»².*

Автор репрезентирует архаический мотив ритуальной пищи для приобщения к миру первопредков-тотемов с целью получения благ. Не случайно среди вещей охотника находится и медвежья лапа, «висевшая над колыбелью детей», которую герой прихватил. Она являлась древним символом тотемного зверя — медведя, выступавшего хозяином родовой территории, подателем благ, защитником.

¹ Кудажы Кызыл-Эник. Улуг-Хем неугомонный. Черный том / перевод А. Китайника [Электронный ресурс] // Литературный мост Тувы. URL: <https://tuvanom.ru/7548>, <https://tuvanom.ru/7554> (дата обращения 03.01.2024).

² Там же.

К.-Э. Кудажи часто использует мифологические мотивы, которые дают возможность читателю понять особенности древних мифологических представлений. Так, например, мотив игры в «хромую старушку» обыгрывается автором в главе 17. По сути, перед нами древний мотив «игры со смертью» с целью обмана и избегания человеком реальной смерти. Герой повествования Чейзен «надевает маску» хромой старушки, типологически близкого женским образам злобных горных духов *албыс* и начинает играть роль демонического существа¹.

Кроме того, мы находим текстовые манифестации устного мемората о духе гор в автобиографической трилогии тувинского государственного деятеля и писателя, лауреата государственной премии по литературе С. К. Тока «Слово арата» (1977). Роман был издан на тувинском и русском, а впоследствии более чем на двадцати языках.

В отдельную седьмую главу первого тома романа автор помещает литературную «Сказку о Кодур-ооле и Биче-Кыс». Само название главы подчеркивает установку автора на фольклорную традицию. Так, например, автор вводит в структуру рассказа фигуру автора-нарратора — очевидца случившегося. Салчак Тока творчески переработал хорошо известный тувинскому фольклору мифологический сюжет предания о встрече охотника с духом-хозяйкой. Так, например, писатель вводит традиционный мотив встречи с мифологическим персонажем у подножия горы (скалы) в сумерках.

К мифологическим мотивам относится также «мотив ограждения», который содержится в описании игры и пения героя-охотника, который на национальном инструменте *бызанчи* исполняет песню: «Кодур-оол послушался и пел и играл, пока не уснул с бызанчи в руках»². Образ звучащей мелодии здесь представлен как ключ от ритуального пространства и связан с семиотикой неба как сакрального локуса тувинцев. Внезапно начинается гроза, что было странно для осени. Несмотря на раскаты грома и дождь герой продолжает играть на *бызанчи*:

«Он поставил ружье к скале, взял бызанчи и стал играть и петь. Голос у него был сильный, как буря, и в то же время нежный и мягкий, как обмытая дождем земля. Лил дождь, гремел гром. Но Кодур-оол не слышал воя бури»³.

Пространство скалы открывается и горный дух-хозяйки предстает перед героем:

«Вот раздался еще более сильный треск; и из скалы, у которой сидел Кодур-оол, выскочила нарядная девушка, в халате из красного шелка, подпоясанная зеленым поясом, в рысьей шапке с парчовым верхом, в расшитых маймаках... Ее узкие, черные глаза сверкали, концы длинных кос извивались по земле»⁴.

Здесь представлено традиционное представление о горном духе, живущем внутри горы. Писатель при этом обыгрывает мотив-характеристику девы, в которой подчеркивается общая со всеми преданиями киргизов и тувинцев деталь: длинная коса, указывающая на магическую силу персонажа. Кроме того, содержится в тексте и еще одна немаловажная подробность: зеленый пояс хозяйки гор и тайги указывает на амбивалентность символики зеленого цвета (юность, веселье, надежда), но также и смерть (двойственный образ природного духа, который может не только помочь людям, но и навредить им как злое, демоническое существо).

Писатель также обыгрывает в тексте и характерную для быличек о горных духах локализацию духа-хозяйки в юрте на возвышенности:

«Какая-то неведомая сила подняла Кодур-оола и понесла по воздуху. Упав на землю, он увидел возле себя богатую юрту... Весь пол юрты был покрыт узорными ковриками, вдоль стен стояли расписанные разными красками сундуки...»⁵.

На традиционное для преданий о встрече с горным духом предложение духа-хозяйки жить вместе герой отвечает отказом: «Мне не надо твоего богатства и твоей красоты... У меня есть бедная, но любимая девушка»⁶.

¹ Там же.

² Тока С. К. Слово арата: трилогия. М.: Современник, 1973. С. 69.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 70.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 71.

Встреча с горным духом-хозяйкой приносит Кудур-оолу сначала печаль, поскольку дева-хозяйка не хочет отпускать его к людям, к его невесте. Здесь С. К. Тока обыгрывает мотив-испытания героя, который накладывает на него хозяйка-дух: он не должен говорить в течение девяти дней: «Если ты хочешь получить то, что тебе дороже всего на свете, девятью днями ничего не говори. Когда ты выполнишь это условие, то получишь все, что захочешь»¹. Вследствие нарушения запрета герой изгоняется из мира духов, преодолевает границу между мирами:

«Раздался страшный грохот, кто-то поднял Кудур-оола и понес. Он долго летел. Потом сильно ударился, и когда опомнился, то увидел, что сидит возле знакомой скалы...»².

Кудур-оол оказывается в мире родных ему людей и женится на любимой девушке: Его отец получает при посредничестве духа-хозяйки удачу в охоте, обеспечивая свою семью достатком:

«Отец подошел к большой куче, укрытой ветками. Когда сняли ветки, там оказались сложенные рядами драгоценные звери. Кудур-оол подбежал к куче пушнины»³.

В итоге, встреча с духом-хозяйкой гор и лесов заканчивается для героя получением желаемого — женитьбой на любимой девушке Биче-Кыс: «И Биче-Кыс стала женой Кудур-оола, хозяйкой их новой юрты»⁴.

Таким образом, автор опирается на хорошо известный ему текст предания о невидимом горном духе, и в аспекте «памяти жанра» (М. М. Бахтин) повествование С. Тока соприкасается с жанровой традицией фольклора.

Однако мы видим и другую тенденцию — авторское начало в описании сфер жизни и быта знакомых автору лиц и несправедливых ситуаций от угнетателей. Здесь повествование С. Тока становится «текстом памяти» (Поморцева, Красильникова, 2023) — семиотическим пространством, где предшествующие тексты устной традиции вступают в диалог с «текстами» автобиографического дискурса, сквозь призму которого автор описывает свой опыт молодого арата: жизнь батрака у колониста-старообрядца Степана Михайлова, участие в Гражданской войне, участие в обретении Тувы независимости в 1921 году. Мифологема горной девы при этом является маркером «своего» локуса, граница которого четко обозначена этическими категориями «труд»/«верность»/«добросердечность» героя.

Следовательно, в повествовании С. К. Тока представлена стратегия включения в текст мотива встречи человека с невидимым духом гор с целью описания этнографических реалий, а также стремление писателя на материале современной ему действительности затронуть актуальные проблемы жизни.

Отметим, однако, что рассмотренные нами тексты романов содержат те же содержательные элементы мифологеми горного духа, что и тексты фольклорных жанров преданий и сказаний Кыргызстана и Тувы, рассмотренные нами ранее: образ горного духа представлен понятиями «старый — молодой», «прекрасный — безобразный», «природный дух». Понятийный компонент представлен мотивами оборотничества, наложения чар, погружения в забвение, игры на музыкальных инструментах, предсказания будущего, положительного воздействия. Ценностный компонент исследуемой мифологеми представлен признаками: «состоящий в родственных отношениях», «расположенный к людям», «благотворный» и «вредоносный».

Трансформации образа невидимого духа (Вечной невесты) в романе Ч. Т. Айтматова

Заслуга Ч. Т. Айтматова как мастера слова заключается в том, что он развил и творчески применил категорию «невидимого», используя образ *кайыт*, представленный в эпических сказаниях малого и большого киргизских эпосов как художественный прием. Не называя при этом своих героев этим словом, он перенес данный образ из эпической семантики мифа на почву реалий современного мира.

В романе «Когда падают горы (Вечная невеста)» Ч. Т. Айтматовым реализованы следующие мотивы, связанные с мифологемой горного духа: мотив встречи с горным духом / мотив пения горного духа / мотив чар горного духа / мотив подачи благ от горного духа.

¹ Там же. С. 71.

² Там же.

³ Там же. С. 72.

⁴ Там же. С. 73.

Так, главный герой романа Арсен Саманчин, зная с самого детства легенду о Вечной невесте — девушке, которую насильно разлучили с возлюбленным женихом-охотником и вынужденную с тех пор искать его в горах и являться всем влюбленным парам, испытывает своеобразный магнетизм её образа в своей душе: «Образ прижился в его осиротевшей душе как послание свыше, обернувшись истовой верой и нескончаемым состраданием»¹.

Герой постоянно слышит её голос: «Где ты, где ты, охотник мой?»² Перед нами, следовательно, мотив чар горного духа. Арсен Саманчин всё время думает о Вечной невесте и рассказывает возлюбленной Айдане о древнейшем обряде камлания с целью вызова горного духа в родном селе:

«Знаешь, в горах у нас такой обычай — каждое лето в ночь полнолуния страдальцы по Вечной невесте собираются на высокой горе и разжигают костер, чтобы видно было ей издали. А шаманы бьют в барабаны и пляшут, выкликая имена ее и потерявшегося жениха, — зовут их явиться к огню. И женщины кличут и плачут у костра. И бывало, сказывают, появлялась она где-то в тени, кланялась и исчезала»³.

Далее в отношениях с возлюбленной Айданой реализуется и мотив испытания горным духом. Вечная невеста просит у Айданы дать ей необычный голос, чтобы «все на свете услышали ее, чтобы в песнопениях излила она душу свою и поведала о разлуке, что превратила ее в Вечную невесту, и чтобы нашла того, кого ищет»⁴. Взамен Айдана обещает спеть оперную партию, посвященную Вечной невесте: «Ведь она сама, Айдана, шептала, слово дала, что будет петь “Вечную невесту”, покуда жива»⁵.

Однако далее следует типичное нарушение запрета. Героиня отказывается исполнять партию Вечной невесты и, как считает главный герой, предает её и их любовь, уходя петь «попсу» ради денег: «...дала обратный ход — “укатила на лимузине”»⁶. Здесь реализуется мотив нарушения запрета.

После расставания с возлюбленной герой возвращается в родное село, но втянутый в кровавую историю с охотой на барсов, делает нравственный выбор, отказываясь от идеи убийства с помощью своей новой возлюбленной Элес:

«Ты, Элес, избавила меня от намерения совершить убийство, потому что наша любовь стала для меня откровением. Я вновь свободен и честен перед собой, и это освобождение принесла мне ты. Никогда не пойду я теперь на то, что вчера еще с одержимостью считал справедливым и неотвратимым мщением»⁷.

В сцене свидания влюбленных мы видим реализацию очередного мотива встречи с Вечной невестой:

«А Вечная невеста, сердцем учуяв их счастье, бежала к ним, перелетая с горы на гору, и, услышав, как Элес запела под свою гитару, приостановилась на вершине, заслушалась и заплакала, приговаривая шепотом: “Я тоже мечтала об этом... Где ты, где ты, мой охотник? Когда же я найду тебя?”»⁸

В данном эпизоде обнаруживается также и мотив пения, поскольку горные духи любят слушать пение и игру на музыкальных инструментах. Финальная встреча с горным духом происходит в пещере, где умирает раненый Арсен и снежный барс:

«Но это уже ничего не значило для тех, кто волею случая ли, судьбы ли оказался в той пещере. Их было двое в этом их последнем пристанище — умирающий человек и зверь дикий, рядом умирающий. Оба одинаково заканчивали свой земной путь, израненные то ли шальными, то ли прицельными пулями — кому было теперь разбираться, кто в кого стрелял и почему? Все это сейчас, за считанные минуты до их ухода в бесследную вечность, не имело уже никакого значения»⁹.

Далее представлен мотив последней встречи Арсена Саманчина с горным духом через голос Вечной невесты:

¹ Айтматов Ч. Когда падают горы: (Вечная невеста): Роман, повесть, новелла. СПб.: Издательский Дом «Азбукаклассика», 2007. С. 43.

² Там же. С. 234.

³ Там же. С. 136.

⁴ Там же. С. 43.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 166.

⁸ Там же. С. 55.

⁹ Там же. С. 171.

«Снежный барс был уже мертв. Человек испустил последнее дыхание следом... Но, умирая, в последние мгновения жизни, услышал он далекий голос Вечной невесты: “Где ты, где ты, охотник мой?”»¹

Так, серия мотивов встречи с Вечной невестой в романе Ч. Т. Айтматова совпадает с мотивами преданий о горных духах, однако герой идет по пути самоидентификации и в финале появляется мотив инициации главного героя в пещере, где он завершает свой жизненный путь и одновременно перерождается вместе с барсом, совершая свой духовный путь к истине в образе Вечной невесты, ко всепобеждающей силе любви.

В подтексте романа «Когда падают горы (Вечная невеста)» явны аллюзивные указания на семантику образа невидимых духов в жизни главных героев Ч. Айтматова. Арсен Саманчин, не смирившись с реалиями современного мира, где царит власть денег, а духовные ценности заменяются стяжательством и потребительской философией, как *кайып* занимает промежуточное место между двумя мирами — миром плебейской цивилизации, в которой осталась его возлюбленная Айдана Самарова, и миром Вселенной Духа, куда влечет его Вечная невеста. Такое же пограничное положение между миром успешных молодых барсов, к которым уходит его возлюбленная, и природным миром гор занимает и Жаабарс.

Одним из ключевых слов в романе Ч. Т. Айтматова является слово *пещера*, с которой связан ряд таинственных событий, происходящих с главными персонажами книги. Этот символический знак, связанный с древним архетипическим мотивом жизни-смерти в контексте танатологической семантики, приобретает множество значений. Арсен Саманчин и Жаабарс не случайно заканчивают свой жизненный путь в пещере — месте, где происходит эманация духа, переход его в иное состояние — более высокое, божественное, которое разделили и зверь, и человек: «в застывшей луже крови лежали бездыханный человек и дикий зверь, огромный снежный барс»². У древних охотников смерть мыслилась как прохождение через тотемного зверя. Именно с этим был связан обычай заворачивания умершего в шкуру тотемного животного у древнего африканского племени масая. Считалось, что прилетевшая огромная птица захватывает шкуру с телом человека и относит на высокую гору, где обитают предки (Иванов, 1974: 75–139). Безусловно, горы Килиманджаро в Африке и горы Тянь-Шаня в Кыргызстане соотносятся в общей мифологической системе координат. Этим мотивом объясняется аллюзия на то, что герои романа стали кайыпами: люди пришли закопать снежного барса, но его в пещере не оказалось, «исчез куда-то Жаабарс» (Айтматов 2007). Душа героя романа приобщилась к миру невидимого через встречу с тотемным животным барсом и не должна умереть. Во многом эта интерпретация проясняет и открытый финал романа Ч. Т. Айтматова, и его идею.

Таким образом, опираясь на архаические представления о невидимых духах «кайыпах», А. Айтматов создает авторскую мифологему Вечной невесты, в основе которой древний метафорический сюжет об одновременно погибающих влюбленных. Он включает в себя фабульные эпизоды посещения героем, возродившимся после измены возлюбленной и встречи с новой любовью, «своего» для него пространства гор в параллели с эпизодами умирающего от руки представителей «чужого» мира наживы Жаабарса. Два мира — человека и зверя — пересекаются в одном локусе — пещере, где оба умирают. Это сакральное место является семиотическим знаком конкретного ландшафта и в то же время в этом пространстве формируется доминирующий концепт метафоры «Вечная невеста» — «Любовь», который определяет ценностный смысл победы над смертью, транслируемый Ч. Т. Айтматовым в пространство культуры.

Заключение

Анализ специфики мифологемы горного духа в контексте мифологических представлений киргизов и тувинцев показывает, что категория невидимых горных духов издавна присутствует в мифологической картине мира этих родственных этносов, истоки которой в религии и философии тенгрианства. В ходе культурно-исторического развития мифологические картины мира этих двух народов претерпели значительные изменения, обусловленные средой обитания, религиозными предпочтениями, особенностями мировидения и ценностями культуры.

¹ Там же. С. 234.

² Там же. С. 173.

Существенный вклад в развитие и трансформацию этих представлений и устойчивость мифологической традиции внесли такие творческие личности, как сказители эпосов, писатели и поэты, к которым относятся Ч. Айтматов, С. К. Тока и К.-Э. Кудажы. Очевидно, что мифологическими истоками их романов являются устные сказания и предания о горных духах.

Набор устойчивых сюжетных мотивов сказаний и преданий о встрече с духом гор в фольклорной прозе Кыргызстана и Тувы совпадает: герой встречается духа, просит у духа богатой добычи, вступает в брак с духом, дух налагает на человека запрет рассказывать о встрече (который нарушается), человек получает от духа какие-то блага, помощь, получает от духа награду дара пения. Совпадают также образные понятийные и ценностные элементы лингвокультурных концептов невидимых духов *кайып* и *албыс*. Разница видится в отсутствии мотива игры на музыкальных инструментах в киргизских сказаниях.

Очевидно, что в романах тувинских писателей К.-Э. Кудажы и С. К. Тока включение мифологемы горного духа представляет собой тяготение писателей к фольклорным источникам не только как к способу отражения действительности, но и как к форме выражения своей этнической идентичности. Авторы стремятся репрезентировать себя через тексты преданий о духах природы, представляют собственный опыт осмысления сюжетов, активно бытующих в культуре, совершенствуют творческое мастерство и средства самовыражения. Этнокультурный контекст позволяет «осовременить» жанр сказания и предания о встрече с горными духами, приблизить его к читателю.

Иная авторская стратегия включения мифологемы горного духа вечной невесты в повествование, восходящая к представлениям о невидимых духах *кайып*, представлена в романе Ч. Т. Айтматова. Мифологема сохраняет свое семантическое ядро, ключевые мотивы, выступающие в качестве устойчивых знаков сюжетной ситуации и продолжающих функционировать в условиях жанровой трансформации сюжета устного сказания в тексте романа. Но при этом она является авторской мифологемной инновацией именно потому, что в ней сохраняется доминантный смысл мифа о горном духе при деформации фабульных сцеплений романа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамзон, С. М. (1990) Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе : Кыргызстан. 480 с.
- Азбелев, С. Н. (1965) Отношение предания, легенды и сказки к действительности (с точки зрения разграничения жанров) // Славянский фольклор и историческая действительность / отв. ред. А. М. Астахова, Б. Н. Путилов, В. К. Соколова. М. : Наука. 275 с. С. 11–12.
- Акматалиев, А. (1991) Чингиз Айтматов и взаимосвязи литератур. Бишкек : Адабият. 182 с.
- Аристов, Н. А. (2001) Усуни и кыргызы или кара-кыргызы: Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. Бишкек : Илим. 582 с.
- Бакчиев, Т. А. (2019) О понятии «кайып» в эпосе «Манас» // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова: серия Эпосоведение. № 3 (15). С. 25–32.
- Базырчап, А.-Х. О., Конгу, А. А. (2020) Представления о злых духах у тувинцев // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 19. № 3: Археология и этнография. С. 134–146. DOI: <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-3-134-146>
- Бахтин, М. М. (1979) Эстетика словесного творчества. М. : Искусство. 424 с.
- Донгак, У. А. (2015) В поисках трех знаний. Документальная проза С. К. Тока // Салчак Тока / Н. М. Моллеров и др. М. : Слово/Slovo. 544 с. С. 372–399.
- Ибраимов, К. (1988) Мифопоэтические традиции и художественное произведение: Па примере повести «Прощай, Гульсары» Айтматова // Советская тюркология. № 4. С. 27–32.
- Иванов, Вяч. И. (1974) Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от ASVA — «конь» (жертвоприношение коня и дерево asvattha в древней Индии) // Проблемы истории языков и культуры народов Индии / отв. ред. Г. А. Зограф, В. Н. Топоров. М. : Наука. 268 с. С. 75–139.
- Исаева, А. К. (2016) Особенности трансформационных процессов в эпосе «Эр Тоштюк» Саякбая Каралаева // Тил, адабият жана искусство маселелери [Вопросы языка, литературы и искусства] / отв. ред. М. А. Рудов. Бишкек : Турар. 161 с. С. 96–109.

История Тувы (2001). 2-е изд., перераб. и доп. / под общ. ред. С. И. Ванштейна, М. Х. Маннай-оола. Новосибирск : Наука. 367 с.

Кляшторный, С. Г., Басилов, В. Н., Потапов, Л. П. (1992) Мифология тюркоязычных народов // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М. : Советская энциклопедия. Т. 2. 751 с. С. 536–537.

Криничная, Н. А. (2001) Русская народная мифологическая проза: Истоки и полисемантизм образов. Петрозаводск ; СПб. : Наука. 582 с.

Лайлиева, И. Д. (1988) Традиции русской классической и мировой литературы в киргизской прозе: М. Элебаев, У. Абдукаимов, Ч. Айтматов. Фрунзе : Илим. 230 с.

Лотман, Ю. М. (2010) Семиосфера. СПб. : Искусство-СПб. 704 с.

Мижит, Л. С. (2009) Тройственные образы в мифологии и фольклоре тувинцев // Новые исследования Тувы. № 4. С. 173–188.

Неклюдов, С. Ю. (1981) Мифология тюркских и монгольских народов (Проблемы взаимосвязей) // Тюркологический сборник 1977 / ред. колл.: А. Н. Кононов (отв. ред.) и др. М. : Наука. 296 с. С. 183–203.

Неклюдов, С. Ю. (1984) О некоторых аспектах исследования фольклорных мотивов // Фольклор и этнография: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов : сборник научных трудов / отв. ред. Б. Н. Путилов. Л. : Наука. 256 с. С. 221–229.

Панченко, А. А. (1998) Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб. : Алетейя. 305 с.

Поморцева, Н. В., Красильникова, С. В. (2023) Специфика конструирования этнической идентичности в межкультурном дискурсе (к вопросу о лингвокультурной адаптации средневекового автора «Хождение за три моря Афанасия Никитина») // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. Выпуск № 6с (Спецвыпуск). С. 21–30. DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.6s-23.021>

Путилов, Б. Н. (1994) Фольклор и народная культура. СПб. : Наука. 235 с.

Самдан, З. Б. (1987) От фольклора к литературе (на материале тувинской прозы 40–70-х гг.). Кызыл : Тувинское книжное издательство. 78 с.

Садыков, К. Д. (1989) Фольклорные элементы в сюжетно композиционной структуре романа Ч. Айтматова «И дольше века длится день» // Киргизская литература в контексте русской художественной культуры : сборник научных трудов / отв. ред. Ч. Т. Джолдошева. Фрунзе : Мир. 176 с. С. 29–37.

Стеблева, И. В. (2007) Жизнь и литература доисламских тюрков историко-культурный контекст древнетюркской литературы. М. : Восточная литература. 208 с.

Степанов, Ю. С. (1997) Константы: Словарь русской культуры. М. : Языки русской культуры. 824 с.

Теребихин, Н. М. (1993) Сакральная география Русского Севера. Архангельск : Изд-во Поморского международного педагогического университета. 220 с.

Тюпа, В. И. (2001) Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А. П. Чехова). Тверь : Тверской государственный университет. 58 с.

Уайт, Х. (2002) Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / пер. с англ. под ред. Е. Г. Трубиной и В. В. Харитоновой. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 528 с.

Ушницкий, В. В. (2020) Некоторые аспекты изучения этногенеза тувинского народа // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 19. № 5: Археология и этнография. С. 146–155. DOI: <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-5-146-155>

Хадаханэ, М. А. (2009) Добро и зло в романе К.-Э. Кудажы. Кызыл : Тувинское книжное издательство им. Ю. Ш. Кюнзегеша. 296 с.

Черепанова, О. А. (1983) Мифологическая лексика русского Севера. М. : Изд-во ЛГУ. 169 с.

Шмид, В. (2003) Нарратология. М. : Языки славянской культуры. 312 с.

Дата поступления: 14.01.2024 г.

Дата принятия: 02.02.2024 г.

REFERENCES

Abramzon, S. M. (1990) *Kirghiz and their ethnogenetic and historical-cultural connections*. Frunze, Kyrgyzstan. 480 p. (In Russ.).

Azbelev, S. N. (1965) The relationship of tradition, legend and fairy tale to reality (from the point of view of differentiation of genres). In: *Slavic folklore and historical reality* / ed. By A. M. Astakhova, B. N. Putilov and V. K. Sokolova. Moscow, Nauka. 275 p. Pp. 11–12. (In Russ.).

Akmataliev, A. (1991) *Chingiz Aitmatov and the interconnections of literatures*. Bishkek, Adabiyat. 182 p. (In Russ.).

Aristov, N. A. (2001) *Usuns and Kyrgyz or Kara-Kyrgyz: Essays on the history and life of the population of the western Tien Shan and studies on its historical geography*. Bishkek, Ilim. 582 p. (In Russ.).

Bakchiev, T. A. (2019) About the concept of “kaiyp” in the epic “Manas”. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova: seriia Eposovedenie*, no. 3 (15), pp. 25–32. (In Russ.).

Bazirchap, A.-H. O. and Kongu, A. A. (2020) Ideas about evil spirits among Tuvans. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, vol. 19, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 134–146. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-3-134-146>

Bakhtin, M. M. (1979) *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow, Art. 424 p. (In Russ.).

Dongak, W. A. (2015) In Search of Three Knowledges. Documentary prose by S. K. Toka. In: *Salchak Toka* / N. M. Mollerov et al. Moscow, Slovo/Slovo. 544 p. Pp. 372–399. (In Russ.).

Ibraimov, K. (1988) Mythopoetic traditions and works of art: Using the example of the story “Farewell, Gyulsary” by Aitmatov. *Sovetskaia tiurkologiya*, no. 4, pp. 27–32. (In Russ.).

Ivanov, Vyach. I. (1974) Experience in the interpretation of ancient Indian ritual and mythological terms derived from ASVA — “horse” (horse sacrifice and asvattha tree in ancient India). In: *Problems of the history of languages and culture of the peoples of India* / ed. By G. A. Zograf and V. N. Toporov. Moscow, Nauka. 268 p. Pp. 75–139. (In Russ.).

Isaeva, A. K. (2016) Features of transformation processes in the epic “Er Toshtyuk” by Sayakbai Karalaev. In: *Issues of language, literature and art* / ed. By M. A. Rudov. Bishkek, Turar. 161 p. Pp. 96–109. (In Russ.).

The history of Tuva (2001). 2nd ed. / ed. By S. I. Vanshtein and M. Kh. Mannai-ool. Novosibirsk, Nauka. 367 p. (In Russ.).

Klyashtorny, S. G., Basilov, V. N. and Potapov, L. P. (1992) Mythology of Turkic-speaking peoples. In: *Myths of the peoples of the world: Encyclopedia: in 2 volumes* / ed. By S. A. Tokarev. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia. Vol. 2. 751 p. Pp. 536–537. (In Russ.).

Krinichnaya, N. A. (2001) *Russian folk mythological prose: Origins and polysemanticism of images*. Petrozavodsk; St. Petersburg, Nauka. 582 p. (In Russ.).

Lailieva, I. D. (1988) *Traditions of Russian classical and world literature in Kyrgyz prose: M. Elebayev, U. Abdukaimov, Ch. Aitmatov*. Frunze, Ilim. 230 p. (In Russ.).

Lotman, Yu. M. (2010) *Semiosphere*. St. Petersburg, Art-SPB. 704 p. (In Russ.).

Mizhit, L. S. (2009) Triple images in the mythology and folklore of the Tuvans. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 173–188. (In Russ.).

Neklyudov, S. Yu. (1981) Mythology of the Turkic and Mongolian peoples (Problems of interrelations). *Tiurkologicheskii sbornik 1977* / ed. By A. N. Kononov et al. Moscow, Nauka. 296 p. Pp. 183–203. (In Russ.).

Neklyudov, S. Yu. (1984) On some aspects of the study of folklore motifs. In: *Folklore and ethnography: At the ethnographic origins of folklore plots and images: collection of scientific works* / ed. By B. N. Putilov. Leningrad, Nauka. 256 p. Pp. 221–229. (In Russ.).

Panchenko, A. A. (1998) *Research in the field of folk Orthodoxy. Village shrines of North-West Russia*. St. Petersburg, Aletheia. 305 p. (In Russ.).

Pomortseva, N. V. and Krasilnikova, S. V. (2023) The specifics of constructing ethnic identity in intercultural discourse (On the question of the linguocultural adaptation of the medieval author of “Walking across Three Seas Afanasy Nikitin”). *Philological Sciences. Scientific reports of higher education*, issue 6s (Special Issue), pp. 21–30. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.6s-23.021>

Putilov, B. N. (1994) *Folklore and folk culture*. St. Petersburg, Nauka. 235 p. (In Russ.).

Samdan, Z. B. (1987) *From folklore to literature (based on Tuvan prose of the 40–70s)*. Kyzyl, Tuvan book publishing house. 78 p. (In Russ.).

Sadykov, K. D. (1989) Folklore elements in the plot-compositional structure of Ch. Aitmatov’s novel “And the day lasts longer than a century”. In: *Kyrgyz literature in the context of Russian artistic culture: collection of scientific works* / ed. by Ch. T. Dzholdosheva. Frunze, Mir. 176 p. Pp. 29–37. (In Russ.).

Stebleva, I. V. (2007) *Life and literature of pre-Islamic Turks, historical and cultural context of ancient Turkic literature*. Moscow, Eastern literature. 208 p. (In Russ.).

Stepanov, Yu. S. (1997) *Constants: Dictionary of Russian culture*. Moscow, Languages of Russian culture. 824 p. (In Russ.).

Terebikhin, N. M. (1993) *Sacred geography of the Russian North*. Arkhangelsk, Publishing House of the Pomeranian International Pedagogical University. 220 p. (In Russ.).

Тыупа, В. И. (2001) *Narratology as an analyst of narrative discourse ("The Bishop" by A. P. Chekhov)*. Tver, Tver State University. 58 p. (In Russ.).

White, H. (2002) *Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe* / trans. from English ed. by E. G. Trubinon and V. V. Kharitonova. Ekaterinburg, Ural University Publ. 528 p. (In Russ.).

Ushnitsky, V. V. (2020) Some Aspects of the Study of the Ethnogenesis of the Tuvan People. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, vol. 19, no. 5: Archaeology and Ethnography, p. 146–155. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-5-146-155>

Hadakhane, M. A. (2009) *Good and Evil in the novel by K. E. Kudazhy*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House named after Yu. Sh. Kunzegesh. 296 p. (In Russ.)

Cherepanova, O. A. (1983) *Mythological vocabulary of the Russian North*. Moscow, Publishing House of LSU. 169 p. (In Russ.)

Schmid, B. (2003) *Narratology*. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury. 312 p. (In Russ.)

Submission date: 14.01.2024.

Accepted date: 02.02.2024.

DOI: 10.25178/nit.2024.1.7

Статья

Метафорическая репрезентация времени в русской и тувинской языковой картине мира

Ирина А. Арсеньева

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация,

Елена М. Куулар

Государственное бюджетное научное учреждение Министерства образования Республики Тыва «Институт развития национальной школы», Российская Федерация

Статья посвящена сравнительно-сопоставительному анализу языковых средств выражения метафорического представления категории времени в русском и тувинском языках. Цель исследования — установление особенностей метафорической репрезентации категории времени средствами флективного русского языка и агглютинативного тувинского языка. Предмет исследования — метафорические словосочетания со словами «время», «үе» 'время', «шаг» и «шак» 'час'. Материалом для исследования служили лексикографические источники. Используются методы лексикографического и компонентного анализа.

Рассмотрены две модели времени — модель, связанная непосредственно с самим временем (модель Потока времени) и модель, ориентированная на человека (модель Пути человека). Отмечены особенности членения того или иного смысла выражений со словами «время», «үе» 'время', «шаг» и «шак» 'час' на значения в типологически разных языках. Выявлено, как единое мыслительное содержание передаётся различными языковыми средствами в событийном флективном русском языке и статичном агглютинативном тувинском языке.

Сходства выражения категории времени основаны на присутствии в обоих языковых картинах мира универсальных метафорических моделей: время — движение, необратимое движение, движение с разной скоростью, время, движущееся со средней скоростью. Различия связаны с лексическим выражением категории времени: в русском языке — с помощью глаголов либо фразеологизмов, в тувинском — с помощью словосочетаний, содержащих существительные, прилагательные, глаголы и наречия.

Ключевые слова: метафорическая репрезентация; языковая картина мира; метафора; русский язык; тувинский язык; категория времени; понимание времени

Работа выполнена в рамках темы № 202802-2-000 «Лингвокультурологическое исследование коммуникативной реальности со-временной России» (Программа стратегического академического лидерства РУДН «Приоритет-2030»).

Для цитирования:
Арсеньева И. А., Куулар Е. М. Метафорическая репрезентация времени в русской и тувинской языковой картине мира // Новые исследования Тувы. 2024, № 1. С. 104-120. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.7>

Арсеньева Ирина Альбертовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка № 3 Института русского языка Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 3. Эл. адрес: arsenyeva-ia@rudn.ru

Куулар Елена Мандан-ооловна — кандидат филологических наук, директор государственного бюджетного научного учреждения Министерства образования Республики Тыва «Института развития национальной школы». Адрес: Россия, 667001, г. Кызыл, ул. Рабочая, д. 2. Эл. адрес: kuular-e-m@mail.ru

Metaphorical representation of time in the Russian and Tuvan language picture of the world

Irina A. Arsenyeva

RUDN University, Russian Federation,

Elena M. Kuular

Institute of National School Development of the Ministry of Education of the Republic of Tuva, Russian Federation

The article presents a comparative analysis of the linguistic means used to express the metaphorical representation of the concept of time in Russian and Tuvan. The aim of the study is to identify the characteristics of the metaphorical expression of time through the inflectional system of the Russian language and agglutinative structure of the Tuvan language. The study focuses on metaphorical phrases containing the words “vremya” ‘time’, “yie” ‘time’, “shag” and “shak” ‘hour’, and lexical sources were used as the basis for the analysis. Lexicographical and componential analysis techniques were applied.

Two models of time are discussed: a model directly related to time itself (the Time Flow model), and a human-oriented model (the Human Path model). The peculiarities of how certain expressions with the words “vremya” ‘time’, “yie” ‘time’, “shag” and “shak” ‘hour’, are divided into different meanings in different typologically different languages is noted. It is revealed how the same mental content can be conveyed by various linguistic means, such as event-inflected Russian and static agglutinative Tuvan.

The similarities in the way time are expressed in language are due to the existence of universal metaphorical models in both linguistic representations of the world. In both languages, time is seen as movement, irreversible movement, and movement at different speeds. In Russian, time is usually expressed with the help of verbs or phrases, while in Tuvan it is often expressed through phrases containing nouns, adjectives, and verbs. These differences in expression reflect the unique ways that each language conceptualizes time.

Keywords: metaphorical representation; linguistic picture of the world; metaphor; Russian language; Tuvan language; category of time; understanding of time

Financing

The work was done in the framework of the topic No. 202802-2-000 “Linguistic and Cultural Research of the Communicative Reality of Modern Russia” (Program of Strategic Academic Leadership of RUDN, Priority 2030).

For citation:

Arsenyeva I. A. and Kuular E. M. Metaphorical representation of time in the Russian and Tuvan language picture of the world. *New Research of Tuva*, 2024, no. 1, pp. 104-120. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.7>

ARSENIEVA, Irina Albertovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Russian Language No. 3, Institute of the Russian Language, RUDN University. Postal address: bldg. 3, 10, Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russia. Email: arsenyeva-ia@rudn.ru

ORCID ID: 0000-0002-3990-781X

KUULAR, Elena Mandan-oolovna, Candidate of Philology, Director, Institute for the Development of National School of the Ministry of Education of the Republic of Tuva. Postal address: 2 Rabochaya St., 667001, Russia, Kyzyl. Email: kuular-e-m@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-4351-6547

Введение

Сравнительно-сопоставительное описание темпоральной лексики позволяет выявить этническую специфику метафорической репрезентации времени и помогает понять мировосприятие различных этносов. В нашей работе рассматриваются — русский и тувинский. Цель работы заключается в сравнительно-сопоставительном анализе метафорического представления категории времени средствами флективного¹ русского языка и агглютинативного² тувинского языка. Для достижения данной цели решаются следующие исследовательские задачи:

- представить различные метафорические модели времени, принятые в лингвистике;
- провести сравнительно-сопоставительный анализ лексических средств выражения описанных метафорических моделей времени в русском и тувинском языках.

Предметом исследования являются метафорические словосочетания со словами *время*, *уе* 'время', *шаг / шак* 'час, время'. Материалом исследования послужили лексикографические источники³. В ходе исследования были использованы такие методы исследования, как компонентный анализ и метод лексикографического анализа.

В тувиноведении есть интересные исследования темпоральной лексики тувинского языка как в этнографическом (Потапов, 1969), так и в языковом (Кужутет, 2014; Кара-оол, 2015; Куулар, 2016; Шамина, 2019) аспектах, которые касаются, в частности, вопросов, связанных с понятиями «суточное время», «природное время», «календарное время животного 12-летнего цикла в юго-восточном диалекте» (в области лексики), анализ грамматикализованных структур с лексемой *шаг / шак* 'час, время' в тувинском языке и другие. Учёными-тувиноведами исследованы также грамматические способы выражения категории времени (Монгуш, 1958, 1959, и др.⁴; Шамина, 1987, и др.⁵; Ооржак, 2014, и др.⁶). Кроме того, имеются научные изыскания, касающиеся языкового анализа понятий, связанных с циклической моделью времени, например, раскрывающие содержание понятия *шаг* 'час' в контексте традиционной культурной картины мира тувинцев и выявляющие основные лексические средства, выражающие суточный цикл времени (Кара-оол, 2015).

Представления о цикличности времени, соответствующие природным циклам — суточному и годовому, проанализированы в работе, показывающей, как календарь тувинцев связан с кочевым образом жизни, ритмичностью выполняемых сезонных сельскохозяйственных работ, наблюдением за чередованием фаз луны, естественными природными изменениями и др. (Кужутет, 2014).

Рассмотрены причины «нестыковок» некоторых поведенческих стереотипов русских и тувинцев. Одной из особенностей пространственно-временной картины мира тувинцев, как и других народов кочевой культуры, является *степное время*. «'Тувинское время' (*тыва уе*) — идиома, — как пишет Ч. К. Ламажаа, — распространившаяся в постсоветское время в Туве, выражающая неспешность тувинцев, их ориентацию не на показания циферблата, а на некие внешние факторы, которые побуждают действовать (природные явления, указания от кого-либо), а также невозмутимость в

¹ Флективный язык (от лат. *flectivus* — гибкий) — язык, в котором доминирует словоизменение при помощи флексий, сочетающих сразу несколько значений.

² Агглютинативный язык (от лат. *agglutinatio* — приклеивание) — язык, в котором доминирующим типом словоизменения является агглютинация — «приклеивание» различных аффиксов, каждый из которых несёт только одно значение.

³ По русскому языку: Малый академический словарь Евгеньевой А. П. (МАС). Главная страница [Электронный ресурс] // Малый академический словарь Евгеньевой А. П. (МАС). URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas> (дата обращения: 08.01.2024).; Толковый онлайн-словарь русского языка Ушакова Д. Н. Главная страница [Электронный ресурс] // Толковый онлайн-словарь русского языка Ушакова Д. Н. URL: <https://lexicography.online/explanatory/ushakov> (дата обращения: 08.01.2024).; по тувинскому языку: Тувинско-русский фразеологический словарь / под ред. Д. А. Монгуша и Б. И. Татаринцева. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1975; Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1969.

⁴ Монгуш Д. А. О синтаксических наклонениях и временах в тувинском языке // Башкы. 2000. № 1. С. 8–16.

⁵ Шамина Л. А. Структурные и функциональные типы полипредикативных конструкций со значением времени в тувинском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. Новосибирск, 1985.

⁶ Ооржак Б. Ч. Система грамматической модальности в тувинском языке (в сопоставлении с тюркскими языками Сибири): автореф. дисс. ... д. филол. н. Новосибирск, 2019.

ситуации принятия решений» (Ламажаа, 2021: 9–10; см. также: Ламажаа, 2018: 6; Тува. Родная ... , 2023: 128–129). «Интересным моментом в современной Туве, — отмечает В. Ю. Сузукей, — является то, что многие приезжающие в республику гости сталкиваются с тем, что тувинцы очень часто не пунктуальны во времени. Несмотря на то, что прошло уже достаточно много времени с момента перевода кочевников на оседлый образ жизни, видимо, до сих пор довольно устойчиво сохраняется традиционное (архаическое) восприятие времени и принцип поведения тувинцев “Главное — не торопиться”» (Сузукей, 2009: 255).

Сравнительно-сопоставительный анализ метафорической репрезентации времени в русском и тувинском языках ещё не был объектом специального исследования. Как известно, и русскому, и тюркскому (и любому другому языку) свойственны общечеловеческие характеристики сознания, поскольку у всех народов механизмы мыслительных процессов являются одинаковыми, универсальными. Данная работа демонстрирует, как единое мыслительное содержание передаётся различными языковыми средствами, выработанными в разных типах языков под влиянием условий общения: средствами сложного синтаксически событийного флективного русского языка и средствами синтаксически однотипно передаваемой информации, но богатого лексическим разнообразием статичного агглютинативного языка (Бахтикиреева, Валентинова, 2023: 241).

Метафорические модели времени, принятые в лингвистике

Время является одним из фундаментальных онтологических понятий.

В традиционном понимании русских *время* — 1. ‘длительность существования всего происходящего, всех явлений и предметов, измеряемая веками, годами, часами, минутами и т. п. || Последовательная смена минут, часов, дней, лет и т. п.’¹

В тувинском языке для обозначения понятия времени используются слова *үе* — 1. ‘время; период; эпоха, век; 2. момент; 3. грам. время, *шаг* как самостоятельная и служебная часть речи и *шак* — 1. час // часовой; 2. время; 3. часы’². Кроме того, в быту встречаются сложные слова *үе-шак*, *үе-шаг* ‘время’ в собирательном значении. Л. А. Шамина в своей работе отмечает, что «самостоятельное употребление слова *шаг* переводится как ‘время’: *ол шагда* ‘в те времена’: *хостуг шаг (үе)* ‘свободное время’; *бурунгу шагда* ‘в древние времена’; *тарылга үези* ‘время сева’. Производные от *шаг*: *шагда* ‘давно’, *шаанда* ‘давно’, *шаандакы (шаандагы)* ‘давнишний’ (Шамина 2019: 185).

Как отмечают учёные, описание лексемы *время* в толковых словарях типа МАС, во многих случаях заставляет задуматься: во-первых, «произвольное употребление лексемы *время* в тексте бывает трудно соотносить с тем или иным значением» (Плунгян, 1997: 159–160; здесь и далее в цитатах курсивы источников. — *Авт.*), а во-вторых, «конкретные толкования бывает весьма непросто соотносить с теми примерами, которые при них в самом словаре даются; между лексикографическим определением слова и совокупностью его употреблений не ощущается интуитивной связи, одно никак не предсказывает другое» (там же). И выводы, которые делает В. А. Плунгян, выглядят следующим образом:

«если [...] лексема *время* явно не желает вписываться в принятые рамки лексикографических трактовок, то, скорее всего, есть что-то в её природе, что этому очень активно сопротивляется», а также то, что «особенностью лексемы *время* является не то, что для описания её семантической структуры плодотворно [...] использование метафор разного рода. Время отличается от обширного класса метафорически интерпретируемых понятий [...] прежде всего тем, что метафоры — вообще единственный способ описать его значение, поскольку в наивной картине мира для понятия «время» (в отличие от таких понятий, как «любовь», «радость» или «авторитет») не существует никакого естественного таксономического класса» (там же: 160).

Ч. К. Ламажаа также отмечает, что для понимания времени традиционно используются средства опредмечивания, соотнесения с конкретными действиями и обозначениями (Ламажаа, 2018: 4).

В соответствии с принятыми в лингвистике представлениями, в работе рассматриваются две модели времени — модель, ориентированная на человека, и модель, связанная непосредственно с

¹Время [Электронный ресурс] // Малый академический словарь Евгеньевой А. П. (МАС). URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/время> (дата обращения: 08.01.2024).

²Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 401.

самим временем: «Языковые модели времени, — пишет Н. Д. Арутюнова, — могут быть разделены на такие, в которых главной фигурой является человек, и такие, которые ориентированы на само время» (Арутюнова, 1999: 699). «В первом случае линия времени репрезентирует течение жизни или линию судьбы; во втором — движение природных веществ — воды или воздуха» (там же).

Рассмотрим вслед за Н. Д. Арутюновой первые представления времени как модели *Пути человека*, вторые — модели *Потока времени*.

В основе модели *Потока времени* лежит *космическое* время, формальное, существующее само по себе, управляемое законами природы, движущееся только вперёд по прямой линии и не взаимодействующее с человеком.

«Если строить абстрактную модель времени невинно и непредвзято, то она проста. Время одномерно (линейно) и необратимо. Оно подобно числовому ряду. Эта модель может быть представлена в виде прямой линии, ориентированной в ту или другую сторону. Время в ней формально. Оно отвлечено от мира и человека. Прямая задаёт последовательность точек, но не последовательность казуально связанных событий» (там же).

Для осознания феномена времени, являющегося абстрактной сущностью, человек мыслит о нём метафорически: «Как любая нематериальная вещь, время выражается с помощью материальных метафор» (Красухин, 1997: 62). Таким образом, метафорически время представляется как *линия*, движение времени — как *линейное (однаправленное) движение*. «Линия — это пространственная (геометрическая) метафора времени. Линейность — свойство времени, а также того, что в нём развёртывается» (Арутюнова, 1997: 6). *Линейный* — 1. ‘прил. к линия (в 1 знач.)’¹. *Линия* — 1. ‘узкая полоса, черта, проведенная на какой-л. поверхности от одной точки к другой’².

Наряду с метафорической моделью линейности времени существует и модель *необратимости* времени.

«Другая аналогия, определяющая моделирование времени, сближает время с перемещающимися в пространстве предметами. Время, как и предметы, движется. Движение времени, в отличие от механического перемещения предметов в пространстве, непрерывно, равномерно, прямолинейно, однонаправленно и необратимо. Время нельзя остановить. Сколь бы прекрасно ни было мгновение, оно пройдёт. Время нельзя повернуть вспять. [...] Скорость времени в ареале Земли постоянна и измерима» (Арутюнова, 1997: 6–7).

Движение космического времени носит необратимый характер, о чём свидетельствуют языковые выражения, констатирующие невозможность остановить время либо обратить его вспять: *время не остановишь / не веротишь / не вернёшь, үе-шак эгиттинмес*.

Разрешение и запрет на сочетания *время идёт*, но **время ходит*; *время бежит*, но **время бегаёт*; *время летит*, но **время летает*; *время несётся*, но **время носится*; *время ползёт*, но **время ползает* связаны с различием семантики глаголов движения *идти* — *ходить*, *бежать* — *бегать*, *лететь* — *летать*, *нестись* — *носиться*, *ползти* — *ползать*.

Русский язык	Тувинский язык
<i>время идёт</i> , но * <i>время ходит</i>	<i>шак / үе эртип тур</i>
<i>время бежит</i> , но * <i>время бегаёт</i>	<i>шак / үе дыка дүрген эртип тур</i>
<i>время летит</i> , но * <i>время летает</i>	<i>шак / үе дыка дүрген эртип тур</i>
<i>время несётся</i> , но * <i>время носится</i>	<i>шак / үе дыка дүрген эртип тур</i>
<i>время ползёт</i> , но * <i>время ползает</i>	<i>шак / үе оожум эртип тур</i>

¹ Линейный [Электронный ресурс] // Малый академический словарь Евгеньевой А. П. (МАС). URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/л/линейный> (дата обращения: 08.01.2024).

² Линия [Электронный ресурс] // Малый академический словарь Евгеньевой А. П. (МАС). URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/л/линия> (дата обращения: 08.01.2024).

³ Здесь и далее звёздочка указывает на семантическую некорректность данного сочетания слов, на языковой запрет данного словосочетания.

Глаголы движения русского языка типа *идти* (*бежать, лететь, нестись, ползти*) указывают на однонаправленное движение, движение в одном направлении, от точки А до точки В («движение только туда»). «Глаголы типа *идти* обозначают определённое, конкретное действие, а глаголы типа *ходить* выражают неопределённое, обобщённое действие. В качестве основных параметров, лежащих в основе глагольной определённости / неопределённости, признается отношение предикатов к пространству и времени» (Берницкая, 2019: 75).

Глаголы движения типа *ходить* (*бегать, летать, носиться, ползать*) указывают на повторяющееся движение, движение «туда и обратно» или движение в разных направлениях. *Ходить* — 2. ‘то же, что *идти* (в 1 знач.), с той разницей, что *ходить* обозначает движение повторяющееся, совершающееся в разных направлениях или в разное время’¹. Ср. *Привет! Куда ты идёшь? — Я иду в университет* ‘о движении в данный момент в одном направлении’; *Каждый день я хожу в университет* ‘о движении туда и обратно’; *Туристы весь день ходили по городу. В задумчивости Петя целый час ходил по комнате* ‘о движении в разных направлениях’.

Модель *Пути человека* «основана на метафорах движения (*идти, приходить, проходить, приближаться, наступать* и др.) и места, занимаемого Путником в строю идущих (*перед, позади, назад, после, следом* и др.)» (Арутюнова, 1997: 699). Всё в мире находится в движении: человек движется по Пути, вместе с ним движется время, а вместе с временем движутся по линии времени события. Скорость движения времени может быть разной: *средней время идёт, шак / үе эртип тур*; *высокой время летит / бежит / несётся / мчится, үе дыка дүрген эртип тур* (букв. ‘время очень быстро проходит’); *низкой время ползёт / плетётся, шак / үе оожум эртип* (букв. ‘время медленно проходит’).

Скорость движения времени и человека сможет совпадать, а может и отличаться: «Великий человек идёт впереди своего времени, умный идёт рядом с ним, хищный старается использовать его, глупый становится ему поперёк дороги» (Бауэнфельд) (Гак, 1997: 128); «Для человека время не течёт равномерно и отмеренно — оно замедляет свой бег или вообще останавливается, когда ждёшь, оно всегда убыстряется, когда куда-то спешишь. Приходится принимать время таким, каким оно дано каждому из нас, — с его нехватками, длиннотами, с его относительностью и ненадёжностью» (Крейдли, 1997: 139). Скорость времени и человека может быть равной: *идти в ногу со временем, үе-биле деңге базар*; скорость времени может быть выше скорости человека: *отставать от времени, шак / үеден озалдаар*; скорость человека может быть выше скорости времени: *опередить / обогнать время, үени мурнаар*.

Как подчеркивает Н. Д. Арутюнова, у человека не существует специальных рецепторов, которые отвечают за восприятие времени, так же как нет специфических ощущений, характерных для времени: «у человека нет специального органа для восприятия времени, но именно время организует его психический склад» (Арутюнова, 1999: 700). Человек не в состоянии воспринимать время с помощью каких-либо органов чувств: «На первый взгляд, время отделимо от человека. Оно невидимо, неслышно, неосвязаемо. Оно не имеет ни запаха, ни вкуса. У человека нет органа, специализированного на восприятие времени» (там же: 699). В этом заключается, по мнению К. Г. Красухина, отличие времени от пространства, доступного человеческому восприятию: «Итак, человек воспринимает время. Но время, в отличие от пространства, нематериально и не доступно ни одному из пяти органов чувств» (Красухин, 1997: 62). Если человек не располагает ни рецепторами, которые отвечали бы за восприятие времени, ни специфическими ощущениями времени, то каким же образом он взаимодействует со временем? Оказывается, пишет Н. Д. Арутюнова, что у человека есть *чувство времени*: человеческая психика организована таким образом, что она способна к восприятию природных циклов, естественного ритма жизни: «у человека есть чувство времени. Оно порождено восприятием изменений в мире. Его основной источник — космическое время — смена времён дня и сезонов года. Чувство, рождённое временными циклами, человек перенёс на линию времени» (Арутюнова, 1999: 699). В зависимости от ситуации человек может воспринимать время как движущееся в ускоренном или замедленном темпе. «Время (дело известное), — говорил автор романа И. С. Тургенева «Отцы и дети», — летит иногда птицей, иногда ползет червяком; но человеку бывает особенно хорошо тогда, когда он даже не замечает — скоро ли, тихо ли оно проходит»².

¹ Ходить [Электронный ресурс] // Малый академический словарь Евгеньевой А. П. (МАС). URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/x/ходить> (дата обращения: 08.01.2024).

² Тургенев И. С. Отцы и дети: [роман]. М.: Издательство АСТ, 2022. С. 125.

Языковые примеры позволяют сделать любопытный вывод о том, что *позитивные* моменты в представлениях людей двигаются *быстрее*, чем негативные, ср. *Счастливые часов не наблюдают* 'о счастливых моментах, которые проходят быстро и которые люди не успевают заметить'; *нестерпимо долго тянется время* 'о выражении неудовольствия или раздражения, когда нет конца скучной и неинтересной ситуации', кроме того, в восприятии человека время способно пойти быстрее, замедлить свой бег и даже остановиться: *время пробежало / пролетело / пронеслось / прошло / закончилось* — *үези төнгөн, үе адакталган*; *время миновало* — *үези эрте берген*; *время истекло* — *үези эрткен*; *время тянется* — *шак-үе шөйлүп туруп берген* и даже *время замерло* — *шак / үе турупкан*; *время застыло* — *шак / үе турупту*.

Человек способен воздействовать на продолжительность времени, сознательно увеличивая либо уменьшая её, сознательно медлить, не совершать активных действий, обычно ожидая благоприятного момента. При этом процесс увеличения продолжительности времени метафорически уподобляется процессу растягивания чего-то эластичного наподобие *резины*: *тянуть / растягивать / оттягивать время / времени* — *үе-шак шөөр*.

Время в большом количестве контекстов выступает как активный участник ситуации. Сразу после своего рождения человек автоматически оказывается включённым в действие законов природы и становится зависимым и неотделимым от времени: «Время отделимо от человека, но человек неотделим от времени» (Арутюнова, 1999: 700). При этом время подобно властелину, властителю, правителю, повелителю в настойчивой, категорической форме предписывает человеку строгие, непререкаемые правила для безоговорочного выполнения, обязательные для всех людей без исключения: *закон времени* — *үе-шагның хоойлузу*; *время требует* — *үе негеп келген*; *время диктует* — *үе айтып турар*; *время берёт своё* — *шаг-үе бодунуун алыр*; *время говорит* — *үе айтып турар*; *время учит* — *үе өөредир*.

Многие языковые выражения, пишет В. Г. Гак, свидетельствуют об указании времени на изменение в прошлом или будущем:

«Всё существует во времени. Хайдеггер говорил, что время приходит и уходит. Прошедшее и будущее — это уже не и ещё не. Поэтому во многих употреблениях понятие «время» указывает на становление — существование и исчезновение.

Выражения *время покажет, время работает на ...* означают «ещё не, но...». Проверка временем указывает на отсутствие изменения» (Гак, 1997: 125–126).

«Время устраняет настоящее, это звучит в выражениях: *Время врачует душу, залечивает раны*» (там же: 126): *время подтвердило* — *үе бадыткаан*; *время рассудит* — *үези кээрге көөр*; *время подскажет* — *үе айты бээр*; *время решит* — *үези кээрге шиттирлээр*; *время покажет* 'будет видно в будущем'¹ — *үе-шак көргүзүптер*; *время расставит все на свои места* — *үе бүгү чүвени бодунуң туружунга салыптар* (*үези кээрге, кижы бойдуска чагыртыр*, например, старость наступает независимо от кого-л.).

В довольно большом числе выражений время выступает как пассивный участник ситуации. Речь идёт, в том числе, о выражениях, свидетельствующих о том, что человек может обладать временем: «На философском уровне о принадлежности времени человеку высказывались противоречивые суждения» (Гак, 1997: 126) — о таких, что единственное, что принадлежит человеку, — это время, до таких, что из всего существующего менее всего принадлежит человеку время.

Исследование показало, что большое количество контекстов, в которых человек занимает активную роль по отношению ко времени, содержат метафорическую модель *время — ресурс*, которым обладают / не обладают: *иметь время / есть время* — *хостуг үе бар / нет времени* — *үе чок*; который утрачивают: *терять время* — *үе чидирер*; приобретают *найти время* — *хостуг үе тып алыр*; используют: *тратить время* — *үе-шак чарыыр*; сберегают: *экономить время* — *үе-шак камнаар*; которого лишают кого-л.: *отнимать время* — *хостуг үезин хилис чарыыр*; который предоставляют кому-л. в пользование: *давать / предоставлять время* — *үе бээр*.

Выражение *убивать время* основано на уподоблении времени жертве, но «метафоры "время как жертва" в русском языке в некотором смысле не существует, она мертва; есть только идиоматическое выражение, эксплуатирующее эту идею» (Плунгян, 1997: 162), «мы не можем сказать ни **умерщвлять время*, ни **приканчивать время*, ни чего-либо ещё в том же роде» (там же): *убивать время* — *үе өлүрер*.

¹ Время [Электронный ресурс] // Толковый онлайн-словарь русского языка Ушакова Д. Н. URL: <https://lexicography.online/explanatory/ushakov/v/время?ysclid=lr55jp1ts608284387> (дата обращения: 08.01.2024).

В модели Пути направление движения человека можно представить двояко: из прошлого в будущее и из будущего в прошлое. С одной стороны, человек движется из прошлого в будущее, и *прошедшее* время находится *позади*, а будущее — *впереди* человека. Прошлое оказывается связанным с пережитым, например, с памятью, с опытом, с переживаниями: *оглянуться на прожитые годы, чурттан эрткен чылдарын сактыр; за плечами годы учёбы, өөрөнгөн чылдары артында калган; за спиной пройденный путь; эрткен оруу артында калган*. Движение из прошлого в будущее связано с целеполаганием: «Цели (планы, замыслы, проекты и прогнозы) могут быть локализованы только в будущем. Движение к цели есть движение в будущее» (Аругюнова, 1997: 705). Будущее связано с предстоящими событиями, например, с планами, с тревогами, с ожиданиями, с предчувствиями, с чаяниями и надеждами: *на носу экзамены — шылгалдалар думчук кырында келген / шылгалдалар чоокишулап келген; перед лицом опасности — айыыл-халап мурнунда келген; лицом к лицу с неприятностями — эпчок байдалга таваржыр; смотреть судьбе в глаза — салым-чолче / амыдыралче удур көөр; на шаг от победы — тишлелгеге чедир эвээш үе; не за горами свадьба — удавас болур куда / шайлалга*.

С другой стороны, человек движется из будущего в прошлое, и, в понимании тувинцев, как пишет В. Ю. Сузукей, *будущее* время находится *позади*, а прошлое — *впереди* человека: хронологическое «движение, однако, идёт в сторону прошлого» (там же: 702); «события дней будущего времени “надвигаются” на человека сзади (*даарта* — завтра, *соңгузу хүн* — день, идущий позади завтрашнего дня; *соондаа хүн* — день, идущий позади послезавтрашнего дня) и он ещё не знает, какие события будут происходить в будущем (поскольку будущее находится за спиной и он его еще не «видит», так как на затылке у человека нет глаз)» (Сузукей 2009: 255).

Каждый человек, вступая на путь и делая первый шаг, удлиняет историю на одно поколение и уступает место поколению, *следующему* за ним. Движение времени воспринимается ретроспективно и соотносится с последовательностью прохождения своего пути каждым человеком: те люди, которые идут впереди, достигают прошлого раньше тех, кто идёт позади их: ср. рус. *предки, потомки*, идти по следам, последователи, *следующий* день (там же) и тув. *бурунгу хүн* ‘день, прошедший впереди вчерашнего дня’, *бурундаа хүн* ‘день, прошедший раньше или вперёд позавчерашнего дня’, *соңгузу хүн* ‘день, который придёт после завтрашнего дня или день, идущий сзади завтрашнего дня’, *соондаа хүн* ‘день, грядущий или идущий позади послезавтрашнего дня’ (там же).

Прошлое и будущее время, как пишет Н. Д. Аругюнова, соотносятся с различными темпоральными аспектами: «С прошлым человек связан памятью, сожалением и раскаянием, опытом и знанием фактов. К будущему отнесены желания и надежды, страхи и предчувствия, планы и замыслы» (Аругюнова, 1999: 701).

Поэтому важным ракурсом, позволяющим высветить трансформации времени и понять, каким образом хранится личное и семейное время, является тема памяти. Мы с коллегами уже писали:

«Принципиальная особенность в том, что в тувинском языке нет наименования, обозначающего способность хранить информацию, в противоположность русскому языку, содержащему такое слово (память). В тувинской лингвокультуре способность хранить информацию описывается таким наименованием, как *баш* ‘голова’, обозначающий орган тела, в котором локализируются умственные возможности человека, а также разум, умственные, когнитивные способности: *угаан* ‘рассудок’, *угаан-бодал* ‘ум’, *медел* ‘сознание’. Этот факт представляет несомненный интерес для лингвистов (и не только для них)» (Арсеньева, 2023: 141).

Отсутствие слова *память* в тувинском языке коллектив авторов монографии «Тува. Родная земля» объясняет тем, что «в тувинской культуре наличие памяти было не актуальным, поскольку в культуре для хранения информации, знаний были свои механизмы — традиции, наставления, — которыми тувинцы овладевали с малолетства. [...] Главным для людей было иметь твёрдый ум, сознание, чтобы понимать, познавать, принимать всё, что положено традициями» (Тува. Родная ... , 2023, 142). «Сама по себе память как способность людей помнить прошедшие времена с событиями, так же, как и обсуждение этой способности, её выражение — всё это оказалось не востребованным» (там же).

Сравнительно-сопоставительный анализ лексических средств

Метафорическая модель *Поток времени* — это: а) человек или животное, *передвигающееся, ступая ногами, делая шаги*; б) *текущая жидкость, или жидкость, льющаяся непрерывной струёй, потоком; струящаяся*.

Русский язык	Тувинский язык
время идёт	шак / үе эртин тур (настоящее конкретное время), шак келди (аффикс недавнопрошедшего времени в значении 'время приближается, подходит'), шак / үе кел чыдыр, чоокиулап олур (будущее время)
время течёт	шак / үе дүрген эртин тур
течение времени	үениң агымы
в течение времени	шак дургузунда
с течением времени 'постепенно'	үе эрткен тудум
время истекает	шак / үе төнүп тур
время истекло	шак / үе эрткен
много (или немало, столько и т. д.) воды утекло 'прошло много времени'	хөй (эвээш эвес) үе / шак эрткен

И в русском, и в тувинском языках движущееся время метафорически уподобляется идущему человеку или животному либо текущей жидкости, что выражается в русском языке глаголами *идти*, *течь*, существительным *течение*, производными предлогами *с течением*, *в течение*:

идти — 1. 'передвигаться, перемещаться в пространстве'; а) 'передвигаться, ступая ногами, делая шаги (о человеке и животном)'¹;

течь — 1. 'литься непрерывной струей, потоком; струиться 5. проходить, совершаться, протекать'²;

утечь — 1. 'вытекая, перестать заполнять собой (о жидкости). 2. разг. миновать, пройти (о времени, событиях)'³.

В тувинском языке движущееся время передается глаголами *эрттер* 'проходить', существительным *агым* 'течение', словосочетаниями *шак дургузунда*, *үе эрткен тудум*.

Наряду с метафорой линейности времени существует и метафора *необратимости* времени.

Русский язык	Тувинский язык
время не остановишь / не веротишь / не вернёшь	үе-шак эгиттинмес
время не стоит на месте	үе чаңгыс черге турбас
время (или дело) не ждёт / не терпит	үе-шак манап чытпас

Метафорическая модель время, движущееся *с высокой скоростью*, — это: а) человек (а также птица или животное), перемещающийся в каком-л. направлении, усиленно скорым движением, быстро перебирая ногами; б) птица, передвигающаяся по воздуху с помощью крыльев.

¹Идти [Электронный ресурс] // Малый академический словарь Евгеньевой А. П. (МАС). URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/и/идти> (дата обращения: 08.01.2024).

²Течь [Электронный ресурс] // Малый академический словарь Евгеньевой А. П. (МАС). URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/т/течь> (дата обращения: 08.01.2024).

³Утечь [Электронный ресурс] // Малый академический словарь Евгеньевой А. П. (МАС). URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/у/утечь> (дата обращения: 08.01.2024).

Русский язык	Тувинский язык
<p>время летит, время бежит, время несётся, время мчится</p>	<p>үе дыка дүрген эртип тур (букв. 'время очень быстро проходит'), например: Айлар, чылдар чанган куш дег шуужуп эртип тур 'Месяцы, годы проходят очень быстро один за другим как перелётные птицы'.</p>

В русском языке данная модель выражается с помощью глаголов движения *лететь*, *бежать*, *нести* и *мчаться*:

лететь — 1. 'передвигаться, перемещаться по воздуху с помощью крыльев'; ... 4. 'быстро проходить (о времени)'¹;

бежать — 1. 'усиленно скорым движением, быстро перебирая ногами, перемещаться в каком-л. направлении; 2. Быстро передвигаться (о средствах передвижения); 3. Быстро проходить, протекать (о времени)'²;

нести — 1. 'очень быстро двигаться, перемещаться; мчаться'; 2. 'быстро протекать, проходить (о времени, событиях и т. п.)'³;

мчаться — 'передвигаться с большой скоростью; нести'⁴.

В тувинском языке данная модель выражается с помощью словосочетаний, содержащих глагол движения *эртип* 'проходить' и наречия образа действия *дүрген* 'быстро'. Это наблюдение согласуется с мнением, что «значение времени в тувинском языке выражается наречиями, именными формами косвенных падежей, наречиями, придаточными предложениями и фразеологическими словосочетаниями» (Kuzhuget, 2017: 965).

Метафорическая модель *время*, движущееся с *низкой скоростью*, — это: а) человек, *передвигающийся, медленно, устало, с трудом передвигая ноги*; б) *пресмыкающееся*.

Русский язык	Тувинский язык
время плетётся	шак / үе оожум эртип тур
время ползёт	шак / үе оожум эртип

В русском языке данная модель выражается с помощью глаголов движения *плестись* и *ползть*:

плестись — 1. *разг.* 'идти медленно, устало, с трудом передвигая ноги; брести'⁵;

ползти — 1. 'передвигаться по поверхности всем телом (о пресмыкающихся)' [...] 4. 'медленно идти, протекать (о времени)'⁶.

¹ Лететь [Электронный ресурс] // Малый академический словарь Евгеньевой А. П. (МАС). URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/л/лететь> (дата обращения: 08.01.2024).

² Бежать [Электронный ресурс] // Малый академический словарь Евгеньевой А. П. (МАС). URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/б/бежать> (дата обращения: 08.01.2024).

³ Нести [Электронный ресурс] // Малый академический словарь Евгеньевой А. П. (МАС). URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/н/нести> (дата обращения: 08.01.2024).

⁴ Мчаться [Электронный ресурс] // Малый академический словарь Евгеньевой А. П. (МАС). URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/м/мчаться> (дата обращения: 08.01.2024).

⁵ Плестись [Электронный ресурс] // Малый академический словарь Евгеньевой А. П. (МАС). URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/п/плестись> (дата обращения: 08.01.2024).

⁶ Ползти [Электронный ресурс] // Малый академический словарь Евгеньевой А. П. (МАС). URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/п/ползти> (дата обращения: 08.01.2024).

В тувинском языке модель выражается с помощью словосочетания *шак / үе оожум эртин* (букв. ‘время медленно проходит’), состоящего из слов *шак / үе* ‘время’, глагола движения *эртер* ‘проходить’ и наречия образа действия *оожум* ‘медленно’.

Метафорическая модель *равная скорость движения человека относительно скорости движения Потока времени* — это движение, при котором *одновременно, в такт с другими ступают той ногой, которой ступают другие*. Метафорическая модель *замедление или превышение скорости движения человека относительно скорости движения Потока времени* — это *задержка в пути или обгон*.

Русский язык	Тувинский язык
<i>идти в ногу со временем</i>	<i>үе-биле деңге базар</i>
<i>отстать от времени</i>	<i>шак / үеден озалдаар</i>
<i>опередить / обогнать время</i>	<i>үени мурнаар</i>

Одинаковая скорость движения человека и времени в русском языке выражается фразеологизмом *идти* (или *шагать* и т. п.) (*нога*) *в ногу* — 1) ‘одновременно, в такт с другими ступать той ногой, которой ступают другие’¹; в тувинском языке — словосочетанием *үе-биле деңге базар* ‘идти в ногу со временем’. Движение человека с более низкой скоростью, чем скорость Потока времени, в русском языке выражается глаголом *отстать* — 1. ‘двигаясь медленнее других или задержавшись в пути, оказаться позади’², в тувинском — словосочетанием *шак / үеден озалдаар* ‘отставать во времени; опаздывать’. Движение человека с более высокой скоростью, чем скорость Потока времени, в русском языке выражается глаголами *опередить / обогнать* — ‘двигаясь в одном направлении с кем-, чем-л., оказаться впереди’³.

В ряде ситуаций человеку восприятие им времени таково, что ему кажется, что объекты начинают двигаться в замедленном темпе как в замедленной съёмке и что время начинает двигаться медленнее, либо, наоборот, — что время начинает двигаться быстрее.

Русский язык	Тувинский язык
<i>время замедляется / время замедляет свой ход</i>	<i>шак / үе оожум эртин тур</i> (букв. ‘время двигается медленно’)
<i>время ускоряется / время ускоряет свой ход</i>	<i>үе дүргей берди</i> (букв. ‘время двигается быстро’)

Данный смысл выражается в русском языке глаголами *замедлять(ся) / ускорять(ся)*, в тувинском языке — глаголом *эртин тур* ‘проходит’ и с наречиями *оожум* ‘медленно’ и *дүрген* ‘быстро’.

В восприятии человека время способно изменить скорость своего движения: ускориться, замедлиться и даже остановиться:

¹ Нога [Электронный ресурс] // Малый академический словарь Евгеньевой А. П. (МАС). URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/н/нога> (дата обращения: 20.01.2024).

² Отстать [Электронный ресурс] // Малый академический словарь Евгеньевой А. П. (МАС). URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/о/отстать> (дата обращения: 28.01.2024).

³ опередить [Электронный ресурс] // Малый академический словарь Евгеньевой А. П. (МАС). URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/о/опередить> (дата обращения: 28.01.2024).

Русский язык	Тувинский язык
<i>время пробежало / пролетело / пронеслось</i>	<i>үези дүрген төнө берген, үе дүрген эрте берген</i>
<i>время тянется</i>	<i>шак-үе шөйлүп туруп берген</i>
<i>время замерло</i>	<i>шак / үе турупкан</i>
<i>время застыло</i>	<i>шак / үе турупту</i>

Ускорение и замедление времени в русском языке выражается глаголами *пробежать, пролететь, пронестись; тянуться*; в тувинском языке — глаголами с наречиями *үе дүрген төнер* ‘быстро кончиться’; *шөйлүп туруп бээр* ‘долго тянуться’.

Метафорическая модель *время — правитель*.

Русский язык	Тувинский язык
<i>время требует</i>	<i>үе неген келген</i>
<i>время говорит / диктует</i>	<i>үе айтыр</i>
<i>время учит</i>	<i>үе өөредир</i>
<i>время лечит</i>	<i>үе эмнээр</i>
<i>время подтвердило</i>	<i>үе бадыйткаан</i>
<i>время подскажет</i>	<i>үе айты бээр</i>
<i>время рассудит</i>	<i>үези кээрге көөр</i>
<i>время решит</i>	<i>үези кээрге шиитпирлээр</i>
<i>время покажет</i>	<i>үе-шак көргүзер</i>

Данная метафорическая модель реализуется в русском языке глаголами *требовать* — 1. ‘просить чего-л. или предлагать сделать что-л. в настойчивой, категорической форме’¹, *диктовать* — 2. ‘предлагать, навязывать что-л. для безоговорочного выполнения; предписывать’², а также и глаголами *говорить, учить, лечить, подтверждать, подсказывать, показывать, рассудить, решить* и фразеологизмом *время покажет* ‘будет видно в будущем’³. В тувинском языке данная метафорическая модель выражается глаголами *негээр* ‘требовать’, *айтыр* ‘показывать’, *өөредир* ‘учить’, *эмнээр* ‘лечить’, *бадыйткаар* ‘утверждать, подтверждать’, *айтыр* ‘указывать’, *көргүзер* ‘показать’. Таким образом, в данных контекстах *время* метафорически выступает в качестве правителя. *Правитель* — 1. ‘лицо, правящее государством, страной, областью. || Тот, кто распоряжается, руководит чем-л.’⁴.

Метафорическая модель *время — ресурс*, которым *обладают / не обладают*; который *утрачивают; приобретают; используют; берегают*; в котором *испытывают потребность*; которого *лишают кого-л.*; который *предоставляют кому-л. в пользование; добровольно отдают кому-л.*

¹ Требовать [Электронный ресурс] // Малый академический словарь Евгеньевой А. П. (MAC). URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/т/требовать> (дата обращения: 08.01.2024).

² Диктовать [Электронный ресурс] // Малый академический словарь Евгеньевой А. П. (MAC). URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/д/диктовать> (дата обращения: 08.01.2024).

³ Время [Электронный ресурс] // Толковый онлайн-словарь русского языка Ушакова Д. Н. URL: <https://lexicography.online/explanatory/ushakov/в/время?ysclid=lr55jp1ts608284387> (дата обращения: 08.01.2024).

⁴ Правитель [Электронный ресурс] // Малый академический словарь Евгеньевой А. П. (MAC). URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/п/правитель> (дата обращения: 08.01.2024).

Русский язык	Тувинский язык
<i>иметь время / есть время</i>	<i>хостуг үе бар</i>
<i>располагать временем</i>	<i>үени таарыштырар</i>
<i>не иметь время / нет времени</i>	<i>үе чок</i>
<i>не хватает времени</i>	<i>үе чедишпес</i>
<i>не остаётся времени</i>	<i>хостуг үе артпас</i>
<i>терять время</i>	<i>үе чидирер</i>
<i>упускать время</i>	<i>үезин эрттирип алыр</i>
<i>искать время</i>	<i>хостуг үе тып алыр</i>
<i>найти время</i>	<i>хостуг үе тып алыр</i>
<i>выиграть время</i>	<i>үе ойнап алыр / үе-шак ойнап алыр</i>
<i>выкроить время</i>	<i>үе-шакты арай деп тып алыр</i>
<i>использовать время</i>	<i>үени (шын) ажыглаар</i>
<i>тратить время</i>	<i>үе-шак чарыыр</i>
<i>экономить время</i>	<i>үе-шак камнаар</i>
<i>беречь время</i>	<i>үе-шакты камнаар, камгалаар</i>
<i>распоряжаться своим временем</i>	<i>үени шын чарыгдаар</i>
<i>планировать время</i>	<i>үезин таарыштыр тургузар, аайлаар</i>
<i>рассчитывать время</i>	<i>үезин тарыштырып, аайлап алыр</i>
<i>отнимать время</i>	<i>хостуг үезин хилис чарыыр</i>
<i>красть время</i>	<i>хостуг үезин хилис чарыгдаар</i>
<i>давать / предоставлять время</i>	<i>үе бээр</i>
<i>отдавать своё время</i>	<i>үе чарыыр</i>
<i>жертвовать своим временем</i>	<i>өске кижиге бодунуң хостуг үезин өргүүр</i>

Метафорическая модель *время — ресурс*, которым *обладают / не обладают* реализуется в русском языке глаголами *иметь, располагать, не иметь, не хватать*, а в тувинском — прилагательным *хостуг* ‘свободный’, глаголом *таарыштырар* ‘регулировать’. Метафора *время — ресурс*, который *утрачивают*, в русском языке реализуется глаголами *терять, упускать, выкроить*, а в тувинском — глаголами *чидирер* ‘потерять’, *эрттирип алыр* ‘пропускать’. Метафора *время — ресурс*, который *приобретают*, в русском языке реализуется глаголами *искать / найти, выиграть*, а в тувинском — глаголами *тывар* ‘найти’, *ойнап алыр* ‘выиграть’, *арай деп тывар* (букв. ‘кое-как найти; выкроить’). Метафора *время — ресурс*,

который *используют, распоряжаться*, в русском языке реализуется глаголами *использовать, тратить, планировать, рассчитывать*, а в тувинском — глаголами *ажыглаар* ‘использовать’, *чарыыр* ‘тратить’, *чарыгдаар* ‘тратить, расходовать’, *таарыштырар* ‘регулировать’. Метафора *время — ресурс*, который *сберегают*, в русском языке реализуется глаголом *беречь*, а в тувинском — глаголами *камнаар* ‘беречь’, *камгалаар* ‘беречь’. Метафора *время — ресурс*, которого *лишают кого-л.*, в русском языке реализуется глаголами *отнимать, красть*, а в тувинском — глаголами *хилис чарыыр* ‘попусту тратить время’, *хилис чарыгдаар* ‘попусту тратить время’. Метафора *время — ресурс*, который *предоставляют кому-л. в пользование* в русском языке реализуется глаголами *давать / предоставлять, отдавать*, а в тувинском — глаголами *бээр* ‘давать’, *чарыыр* ‘тратить’, *хилис чарыгдаар* ‘попусту тратить (время)’.

Метафорическая модель *время — резина*.

Русский язык	Тувинский язык
<i>тянуть время / растягивать / оттягивать время, временить</i>	<i>үе-шак шөөр</i>
<i>время тянется</i>	<i>шак-үе шөйлүп туруп берген</i>
<i>время растягивается</i>	<i>шак / үе шөйлүп тур, шак / үе узап тур</i>

Данная метафора реализуется в русском языке фразеологизмом *тянуть время* сознательно медлить, не совершать активных действий¹ и глаголами *растягивать / оттягивать, временить, тянуться*, а в тувинском — выражениями *үе-шак шөөр* (букв. ‘тянуть время’), *шак-үе шөйлүп туруп берген* (букв. ‘время долго тянется’), *шак / үе шөйлүп тур* (букв. ‘время длится долго’), *шак / үе узап тур* (букв. ‘время становится длинным’).

Метафорическая модель *время — жертва*.

Русский язык	Тувинский язык
<i>убивать время</i>	<i>үе өлүрер</i>

Данная метафора реализуется в русском языке фразеологизмом *убить время* – ‘заняться каким-л. случайным делом для того, чтобы время прошло быстро, незаметно’², а в тувинском — глаголом *өлүрер* ‘убить’.

Представление о том, что *прошедшее* время находится *позади* человека, в русском языке находит подтверждение, например, в таких выражениях, как *оглянуться на прожитые годы* (‘вспомнить прошлое’), *за плечами годы учёбы, за спиной пройденный путь*, а в тувинском — в выражениях *чурттап эрткен чылдарын сактыр* (букв. ‘вспоминать прошлое’), *өөренген чылдары артында калган* (букв. ‘годы учёбы остались позади’), *эрткен оруу артында калган* (букв. ‘пройденный путь остался позади’):

Русский язык	Тувинский язык
<i>оглянуться на прожитые годы</i>	<i>чурттап эрткен чылдарын сактыр</i>
<i>за плечами годы учёбы</i>	<i>өөренген чылдары артында калган</i>
<i>за спиной пройденный путь</i>	<i>эрткен оруу артында калган</i>

Представление о том, что *будущее* время находится *впереди* человека, в русском языке находит подтверждение, например, в таких выражениях, как *на носу экзамены, перед лицом опасности, смот-*

¹ Тянуть [Электронный ресурс] // Малый академический словарь Евгеньевой А. П. (MAC). URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/т/тянуть> (дата обращения: 08.01.2024).

² Убить [Электронный ресурс] // Малый академический словарь Евгеньевой А. П. (MAC). URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/20/ma444420.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 14.01.2024).

реть судьбе в глаза, не за горами свадьба, а в тувинском — в выражениях *шылгалдалар думчук кырында келген / шылгалдалар чоокишулап келген* (букв. ‘скоро экзамены’), *айыыл-халап мурнунда келген, салым-чолче / амыдыралче удур көөр*.

Русский язык	Тувинский язык
на носу экзамены	<i>шылгалдалар думчук кырында келген / шылгалдалар чоокишулап келген</i>
перед лицом опасности	<i>айыыл-халап мурнунда келген</i>
смотреть судьбе в глаза	<i>салым-чолче / амыдыралче удур көөр</i>

Представление о том, что будущее время находится *впереди* человека, в русском языке находит подтверждение, например, в таких выражениях, *предки, потомки, идти по следам, последователи, следующий день*, а в тувинском — в выражениях *дүүн, дүүнү хүн* ‘день, прошедший вчера’; *бурунгу хүн* ‘день, прошедший впереди вчерашнего дня’; *бурундаа хүн* ‘день, прошедший раньше или вперёд позавчерашнего дня’; *даарта* ‘завтра’; *соңгузу хүн* ‘день, который придёт после завтрашнего дня или день, идущий сзади завтрашнего дня’; *соондаа хүн* ‘день, грядущий или идущий позади послезавтрашнего дня’. В тувинском языке слово *бурунгаар* означает движение вперёд, т. е. впереди человека. *Соо, соңгузу* в тувинском языке означает ‘сзади’, или ‘позади’, т. е. позади человека. Названия дней в прошедшем времени (*дүүн* ‘вчера’, *бурунгу хүн* ‘позавчера’, *бурундаа хүн* ‘позапозавчера’) обозначены как дни, ушедшие вперёд (*бурунгаар*). «Это логично, — объясняет В. Ю. Сузукей, — так как в реальной жизни “прошлое” действительно проходит «перед глазами» человека и все события прошедшего времени, как правило, известны человеку во всех деталях (Сузукей, 2009: 255).

Заключение

Таким образом, в работе рассмотрены две модели времени — модель, связанная непосредственно с самим временем (модель *Потока времени*) и модель, ориентированная на человека (модель *Пути человека*), и был проведён сравнительно-сопоставительный анализ лексических средств выражения описанных моделей в русском и тувинском языках.

Выявлено, как единое мыслительное содержание передаётся различными языковыми средствами в событийном флективном русском языке и статичном агглютинативном тувинском языке: в русском языке — с помощью глаголов либо фразеологизмов, в тувинском — с помощью словосочетаний, содержащих существительные, прилагательные, глагол и наречия.

Сходство выражения категории времени в русском и тувинском языках основано на присутствии в обоих языках универсальных метафорических моделей. В ситуациях, в которых время предстаёт активным участником, а человек — пассивным, в обоих языках присутствует метафорическая модель времени как правителя; в ситуациях противоположного толка, в которых активным участником предстаёт человек, а пассивным — время, в обоих языках присутствуют метафорическая модель времени как ресурса.

Благодарности

Выражаем сердечную благодарность анонимным рецензентам за внимательное и бережное отношение к тексту и за ценные замечания, которые помогли в работе над статьёй.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арсеньева, И. А., Поморцева, Н. В., Куулар, Е. М., Шеверина, О. В. (2023) Категория памяти по данным русского и тувинского языков // Новые исследования Тувы. № 4. С. 139–152. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.10>

- Арутюнова, Н. Д. (1999) Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М. : Языки русской культуры. 896 с.
- Арутюнова, Н. Д. (1997) Время: модели и метафоры // Логический анализ языка. Язык и время / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. М. : Индрик. 352 с. С. 5–16.
- Бахтикиреева, У. М., Валентинова, О. И. (2022) Особенности «языкового мышления» с позиций системной лингвистики // Russian Journal of Linguistics. Т. 26. № 1. С. 224–244. DOI: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30149>
- Берницкая, Н. В. (2019) О грамматической оппозиции глаголов движения типа идти / ходить в русском языке // Вопросы языкознания. № 1. С. 75–92. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0373658X0003596-4>
- Гак, В. Г. (1997) Пространство времени // Логический анализ языка. Язык и время / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. М. : Индрик. 352 с. С. 122–131.
- Кара-оол, Л. С. (2015) Понятие «час» по-тувински // Филологические науки: вопросы теории и практики. № 2 (44). С. 99–103.
- Красухин, К. Г. (1997) Три модели индоевропейского времени на материале лексики и грамматики // Логический анализ языка. Язык и время / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. М. : Индрик. 352 с. С. 62–78.
- Крейдлин, Г. Е. (1997) Время сквозь призму временных предлогов // Логический анализ языка. Язык и время / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. М. : Индрик. 352 с. С. 139–152.
- Кужугет, Ш. Ю. (2014) Лексико-семантическое поле «природное время» в прозе К.-Э. Кудажы // Филологические науки: вопросы теории и практики. № 5. Ч. 2. С. 119–122.
- Куулар, Е. М. (2016) Лексика народного календаря в юго-восточном диалекте тувинского языка // Вестник Калмыцкого университета. № 2. С. 110–116.
- Ламажаа, Ч. К. (2018) Тувинское время и экономическая культура тувинцев // Новые исследования Тувы. № 2. С. 4–21. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.1>
- Ламажаа, Ч. К. (2021) Очерки современной тувинской культуры. СПб. : Нестор-История. 192 с.
- Монгуш, Д. А. (1958) Настоящее заглазное время в тувинском языке // Учёные записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории / отв. ред. Н. А. Сердобов. Кызыл : Тувинское книжное издательство. Вып. 6. 307 с. С. 111–114.
- Монгуш, Д. А. (1959) О временных формах в тувинском языке // Учёные записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории / отв. ред. Н. А. Сердобов. Кызыл : Тувинское книжное издательство. Вып. 7. 302 с. С. 85–92.
- Ооржак, Б. Ч. (2014) Временная система тувинского языка. М. : Языки славянской культуры. 184 с.
- Плунгян, В. А. (1997) *Время и времена*: вопрос о категории числа // Логический анализ языка. Язык и время / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. М. : Индрик. 352 с. С. 159–170.
- Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 402 с.
- Сузукей, В. Ю. (2009) Пространство и время в традиционной тувинской культуре // Новые исследования Тувы. № 1–2. С. 250–267.
- Тува: Родная земля (2023) / Ламажаа Ч. К., Сувандии Н. Д., Кужугет Ш. Ю., Майны Ш. Б., Санчай Ч. Х. / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 344 с.
- Шамина, Л. А. (1987) Временные полипредикативные конструкции тувинского языка / отв. ред. М. И. Черемисина, Д. А. Монгуш. Новосибирск : Наука. 137 с.
- Шамина, Л. А. (2019) Лексема *шаг* 'время' и вопросы грамматикализации в тувинском языке // Новые исследования Тувы. № 2. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.2.16>
- Kuzhuget, Sh. Yu. (2017) Traditional Notion of Time of Nomadic Tuvinians // Journal Siberian Federal University. № 10 (7). С. 965–969.

Дата поступления: 06.01.2024 г.

Дата принятия: 12.02.2024 г.

REFERENCES

- Arsen'eva, I. A., Pomorceva, N. V., Kuular, E. M. and Sheverinova, O. V. (2023) Category of memory according to Russian and Tuvan languages. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 139–152. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.10>

- Arutjunova, N. D. (1999) *Language and the human world*. 2nd ed. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. 896 p. (In Russ.).
- Arutjunova, N. D. (1997) Time: models and metaphors. In: *Logical analysis of the language. Language and time* / ed. by N. D. Arutjunova and T. E. Janko. Moscow, Indrik. 352 p. Pp. 5–16. (In Russ.).
- Bahtikireeva, U. M. and Valentinova, O. I. (2022) Features of “linguistic thinking” from the standpoint of systemic linguistics. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 26, no. 1, pp. 224–244. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30149>
- Bernickaja, N. V. (2019) The grammatical opposition ‘determinate / indeterminate’ in Russian verbs of motion (idti / xodit’ type). *Voprosy Jazykoznanija*, no. 1, pp. 75–92. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S0373658X0003596-4>
- Gak, V. G. (1997) The space of time. In: *Logical analysis of the language. Language and time* / ed. by N. D. Arutjunova and T. E. Janko. Moscow, Indrik. 352 p. Pp. 122–131. (In Russ.).
- Kara-ool, L. S. (2015) Notion of “hour” in the Tuvan language. *Filologicheskie nauki: voprosy teorii i praktiki*. no. 2 (44), pp. 99–103. (In Russ.).
- Krasuhin, K. G. (1997) Three models of Indo-European time based on vocabulary and grammar. In: *Logical analysis of the language. Language and time* / ed. by N. D. Arutjunova and T. E. Janko. Moscow, Indrik. 352 p. Pp. 62–78. (In Russ.).
- Krejdlin, G. E. (1997) Time through the prism of temporary prepositions. In: *Logical analysis of the language. Language and time* / ed. by N. D. Arutjunova and T. E. Janko. Moscow, Indrik. 352 p. Pp. 139–152. (In Russ.).
- Kuzhuget, Sh. Yu. (2014) Lexico-semantic field «Natural time» in the prose of K.-E. Kudazhy. *Filologicheskie nauki: voprosy teorii i praktiki*, no. 5, part 2, pp. 119–122. (In Russ.).
- Kuular, E. M. (2016) The vocabulary of the national calendar in the Southeastern dialect of the Tuvan language. *Vestnik Kalmyckogo universiteta*, no. 2, pp. 110–116. (In Russ.).
- Lamazhaa, Ch. K. (2018) “Tuvan time” and economic culture of Tuvans. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 4–21. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.1>
- Lamazhaa, Ch. K. (2021) *Essays on modern Tuvan culture*. St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 192 p. (In Russ.).
- Mongush, D. A. (1958) The present tense in the Tuvan language. In: *Uchjonye zapiski Tuvinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta jazyka, literatury i istorii*. Ed. by N. A. Serdobov. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. Issue 6. 307 p. Pp. 111–114. (In Russ.).
- Mongush, D. A. (1959) About time forms in the Tuvan language. In: *Uchjonye zapiski Tuvinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta jazyka, literatury i istorii*. Ed. by N. A. Serdobov. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. Issue 7. 302 p. Pp. 85–92. (In Russ.).
- Oorzhak, B. Ch. (2014) *The temporal system of the Tuvan language*. Moscow, Yazyki slavjanskoj kul'tury. 184 p. (In Russ.).
- Plungjan, V.A. (1997) Time and times: the question of the number category. In: *Logical analysis of the language. Language and time* / ed. by N. D. Arutjunova and T. E. Janko. Moscow, Indrik. 352 p. Pp. 159–170. (In Russ.).
- Potapov, L. P. (1962) *The Tuvans: sketches of the folk lifestyle and related household activities*. Moscow, Nauka. 402 p. (In Russ.).
- Suzukej, V. Yu. (2009) Space and time in traditional culture of Tuvans. *New Research of Tuva*, no. 1–2, pp. 250–267. (In Russ.).
- Tuva: Native land* / ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 344 p. (In Russ.).
- Shamina, L. A. (1987) *Temporary polypredicative constructions of the Tuvan language* / ed. by M. I. Cheremisina and D. A. Mongush. Novosibirsk, Nauka. 137 p. (In Russ.).
- Shamina, L. A. (2019) The lexeme *shag* (‘time’) and the issues of grammatization in Tuvan language. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 182–192. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.2.16>
- Kuzhuget, Sh. Yu. (2017) Traditional Notion of Time of Nomadic Tuvans. *Journal Siberian Federal University*, no. 10 (7), pp. 965–969.

Submission date: 06.01.2024.

Accepted date: 12.02.2024.

DOI: 10.25178/nit.2024.1.8

ТУВА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Статья

Открытие Тувы в ориенталистской оптике (Сергей Минцлов и Отто Менхен-Хельфен)

Элеонора Ф. Шафранская*Московский городской педагогический университет; Российский государственный гуманитарный университет,
Российская Федерация,***Гульчира Т. Гарипова***Московский городской педагогический университет; Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина,
Российская Федерация,***Нурсулу Ж. Шаймерденова***Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан*

В статье исследуются литературные травелогии С. Р. Минцлова и О. Менхен-Хельфена, благодаря которым Тува в начале XX в. была открыта миру: американцам и европейцам, русским в том числе. Аналитика паттернов образа Тувы в ориенталистской оптике (корпус приемов и средств) — основная цель, которую ставят авторы статьи.

В травелогии русского писателя С. Р. Минцлова «Секретное поручение: Путешествие в Урянхай» (1915) Тува предстает как terra incognita. Отмечаются реперные точки в рецепции Тувы путешественником, которые впоследствии станут типологическими в изображении этого края: природа и быт с ритуальными артефактами, «нецивилизованность» и отличительные антропологические черты тувинцев.

Австрийский историк О. Менхен-Хельфен в своем травелогии «Путешествие в азиатскую Туву» (1931) идет по стопам С. Р. Минцлова, постигая культуру Тувы, ее будни и праздники, природу и хозяйство, ее инфраструктуру конца 1920-х гг., но с одним отличием: он, как и тувинцы, находится под бдительным контролем со стороны советской власти.

Ключевые слова: Тува; травелог; ориентализм; Сергей Минцлов; Отто Менхен-Хельфен

Для цитирования:

Шафранская Э. Ф., Гарипова Г. Т., Шаймерденова Н. Ж. Открытие Тувы в ориенталистской оптике (Сергей Минцлов и Отто Менхен-Хельфен) // Новые исследования Тувы. 2024, № 1. С. 121-134. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.8>

Шафранская Элеонора Федоровна — доктор филологических наук, профессор, профессор института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета; профессор кафедры истории русской литературы новейшего времени Российского государственного гуманитарного университета. Адреса: 129226, Российская Федерация, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, д. 4, к. 1; 125047, Российская Федерация, г. Москва, Миусская пл., д. 6. Эл. адрес: shafranskayaef@mail.ru

Гарипова Гульчира Талгатовна — доктор филологических наук, доцент, профессор института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета; профессор кафедры филологии и лингвокультурологии Российского государственного университета им. А. Н. Косыгина. Адреса: 129226, Российская Федерация, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, д. 4, к. 1; 119071, Российская Федерация, г. Москва, ул. Малая Калужская, д. 1. Эл. адрес: ggaripova2017@yandex.ru

Шаймерденова Нурсулу Жамалбековна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской филологии и мировой литературы, директор Научно-исследовательского института тюркологии и алтаистики Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: 050000, Республика Казахстан, г. Алматы, пр. аль-Фараби, д. 71/27. Эл. адрес: turkology.ri@gmail.com

TUVA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Article

Discovery of Tuva in Orientalist optics (Sergei Mintslov and Otto Maenchen-Helfen)

Eleonora F. Shafranskaya

Moscow City Pedagogical University; Russian State University for the Humanities, Russian Federation,

Gulchira T. Garipova

Moscow City Pedagogical University; A. N. Kosygin Russian State University, Russian Federation,

Nursulu Zh. Shaimerdenova

Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan

The article explores the literary travelogues by S. R. Mintsov and O. Menchen-Helfen, through whose writings Tuva came to be known to the world in the early 20th century, to Americans and Europeans alike, including Russians.

The authors set out to analyze Tuva's image as seen through the lens of Orientalist studies (a body of techniques and approaches), which constitutes the main focus of their work. In S. R. Mintsov's travelogue "Secret Assignment: A Journey to Uryanhai" (published in 1915), Tuva is presented as a mysterious land. The article notes the reference points that informed the traveler's perception of Tuva, which would later become hallmarks of the region's image: its natural beauty and its cultural artifacts, as well as its unique anthropological characteristics that distinguish it from other cultures.

The Austrian historian Otto Menchen-Helfen, in his travelogue "Journey to Asian Tuva", published in 1931, follows in the footsteps of Sergey Mintslov by understanding the culture of Tuva, including its daily life, holidays, nature, economy, and infrastructure from the late 1920s. However, one significant difference is that, like the people of Tuva, Menchen-Helfen is under the careful watch of the Soviet government.

Keywords: Tuva; travelogue; orientalism; Sergey Mintslov; Otto Menchen-Helfen

For citation:

Shafranskaya E. F., Garipova G. T. and Shaimerdenova N. Zh. Discovery of Tuva in Orientalist optics (Sergei Mintslov and Otto Maenchen-Helfen). *New Research of Tuva*, 2024, no. 1, pp. 121-134 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.8>

SHAFRANSKAYA, Eleonora Fedorovna, Doctor of Philology, Professor; Professor, Institute of Humanities, Moscow City University; Professor, Department of History of Russian Literature of Contemporary Times, Russian State University for the Humanities. Postal addresses: Office 1, 4 2nd Sel'skokhozyaistvennyi proezd, 1129226 Moscow, Russian Federation; 6 Miusskaya av., 125047, Moscow, Russian Federation. E-mail: shafranskayaef@mail.ru

GARIPOVA, Gulchira Talgatovna, Doctor of Philology, Associate Professor; Professor, Institute of Humanities, Moscow City University; Professor, Department of Philology and Linguoculturology, A. N. Kosygin Russian State University. Postal addresses: Office 1, 4 2nd Sel'skokhozyaistvennyi proezd, 1129226 Moscow, Russian Federation; 1 Malaya Kaluzhskaya St., 119071, Moscow, Russian Federation. E-mail: ggaripova2017@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-7675-2570

SHAIMERDENOVA, Nursulu Zhamalbekovna, Doctor of Philology, Professor, Professor, Department of Russian Philology and World Literature, Director, Research Institute of Turkic and Altaic Studies, Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: 71/27 Al-Farabi Av., 050000, Republic of Kazakhstan, Almaty. Email: turkology.ri@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-2830-8336

Введение

Тувиноведение продолжает пополняться новыми трудами, посвященными открытию Тувы внешними наблюдателями (Урянхай. Тыва ... , 2007–2008; Монгуш, 2010ас, 2012, 2014; Ламажаа, 2018, 2021b; и др.). Тем не менее для общественности за пределами республики Тува по-прежнему *terra incognita*. Как пишет Ч. К. Ламажаа, «в российских масс-медиа распространено даже представление о Туве не как о части российского государства, а как об отдельном “государстве в государстве”» (Ламажаа, 2021b: 181). Также она и ее коллеги отмечают: «Сегодня мы можем говорить о Туве как о российской территории, но, тем не менее, как об обособленной территории, о “неизвестной части” России, в том числе отчасти неизвестной и для самой России» (Тувинцы: Родные ... , 2022: 26). То же отмечают и другие исследователи (напр., Бахтикиреева, Шагимгереева, Амамбекова, 2023: 229).

Тува с момента ее «открытия» в начале XX века авторами, оставившими свои впечатления преимущественно в жанре травелога¹, описана ориенталистской палитрой. Это взгляд на иную культуру, другой мир, других людей — со стороны, с позиции *чужого*. Объект повествования — Тува — изображается в них как экзотический мир.

Аналитика того, как, какими средствами, сравнениями, аллюзиями, параллелями складывается образ Тувы в травелогах начала XX века — цель нашей статьи. Следует особо отметить, что изучение ориенталистского дискурса весьма продуктивно в современной науке, оно позволяет остраненно взглянуть на старые тексты и расставить в них новые акценты, продиктованные современностью.

Начиная с последних десятилетий XX века по сей день научный вектор в изучении ориентализма принято называть «постсаидовским», по фамилии автора книги «Ориентализм» Э. Саида (Said, 1978), а под самим ориентализмом понимать описание Востока европоцентричным человеком, взирающим на Восток и изображающим его с позиции превосходства. Как бы ни пытались оппоненты Э. Саида дезавуировать его концепцию, точку невозврата уже не преодолеть, Саид и его теория стали событием в истории научной гуманитарной мысли. Конвенционально на сегодняшний день ориентализм — это изображение *другого* в диапазоне от удивления, восхищения до презрения и осуждения (со всеми прочими разновидностями по этой эмоциональной шкале).

Для достижения цели нашей статьи намечены следующие задачи:

- рассмотреть и прокомментировать образ Тувы в оптике писателя С. Р. Минцлова; обозначить реперные точки в рецепции чужого взгляда на Туву как *terra incognita*;
- представить образ Тувы в восприятии австрийского историка О. Менхен-Хельфена;
- анализируя образ Тувы в этих травелогах, расставить акценты на его ориенталистских паттернах².

Теоретико-методологическая основа статьи — труды, посвященные изучению Тувы, ее истории и культуры (Ламажаа, 2018, 2021a; Монгуш, 2010b; Тувинцы: Родные ... , 2022; Бахтикиреева, Синячкин, 2023), аналитике травелогов С. Р. Минцлова (Четырова, Сахаров, 2023) и О. Менхен-Хельфена (Монгуш, 2010с, 2014); работа о постколониальном и деколониальном дискурсе М. Тлостановой (Тлостанова, 2020); всемирно известный труд «Ориентализм» Э. Саида (Саид, 2021), а также работы, на основе которых сопоставлены реалии Тувы и Средней Азии (Шафранская, 2016, 2019).

Объект исследования — изображенная в травелогах начала XX века Тува, рождающая в повествовании *образ Тувы*, со всей его архитектоникой, или паттернами: тувинцами, артефактами, ритуалами, бытом, устными нарративами. Предмет исследования — канонические ориенталистские коннотации образа Тувы.

Источниковая база: травелоги о Туве С. Р. Минцлова «Секретное поручение: Путешествие в Урянхай»³ и О. Менхен-Хельфена «Путешествие в азиатскую Туву» (в переводе на русский язык)⁴.

¹Травелог — литературный жанр путешествия, очерк-путешествие.

²Паттерн — «одно из слагаемых локального текста; паттерны, принадлежащие разным топонимическим текстам, типологичны; это могут быть культурные артефакты, особенности ландшафта, климата, архитектура, гастрономический ряд, специфическая городская ментальность, имена собственные как знаки-символы культурного и исторического пространства города, городские социальные институты и проч.» (Шафранская, 2017: 22).

³Минцлов С. Р. Секретное поручение: Путешествие в Урянхай. Рига: Сибирское книгоиздательство, 1915.

⁴Менхен-Хельфен О. Путешествие в азиатскую Туву // Урянхай. Тыва дептер: Антология: в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2014. Т. 6. С. 220–351.

С. Р. Минцлов. *Terra incognita*

Тува попадает в нон-фикшн дискурс только в начале XX в., несмотря на более ранние исследования, легшие в основание изучения этого края (см.: Ламажаа, 2018: 41–54).

Среди первопроходцев в Туву ярко заявил себя Сергей Рудольфович Минцлов — писатель, беллетрист, посланный в секретную командировку от Переселенческого управления для осмотра и изучения Урянхайского края в 1914 г.

Накануне отъезда он писал, что перерыл решительно все, чтобы найти информацию об Урянхае, и остался в полном убеждении, что край этот неведомый в полном смысле слова¹. И ему стоит верить, ведь Минцлов был библиофилом, библиографом, коллекционером, равных ему в России не было. В 1913 г. в Санкт-Петербурге вышла книга «Книгохранилище Сергея Рудольфовича Минцлова» — опись его библиотеки для изучения русской истории, где собраны исследования Поволжья и Сибири, Кавказа и Крыма, Закаспийского края и Новороссии, Бессарабии и Эстляндии, но работ по Урянхаю не было (см.: Пильский, 2022: 23).

Ценный в этнографическом аспекте труд Минцлова, который он написал по итогам поездки в Урянхай, содержит характерную почти для всех травелогов XIX–XX вв. ориенталистскую интенцию, а собственно русские травелогии о Востоке — еще и имперские обертоны. Оптика путешествующего Минцлова — русскоцентричная: мерилom «цивилизованности» чужого народа выступает поворот (во всех смыслах) в сторону России. Когда проводник сказал Минцлову, что нельзя к нойону² ехать с ружьем — может выпороть, Минцлов возмутился: такое «умаление» русского человека было для него недопустимо, оно задевало его национальную гордость³.

Почти трехсотстраничный травелог Минцлова — это взгляд чужестранца на экзотический край и людей, его населяющих. Суждения Минцлова, его наблюдения и умозаключения вписываются в классическую парадигму ориентализма, когда обозначается взгляд европейца на условный Восток. Русский ориентализм формировался в течение всего XIX в. — во времена завоевания Кавказа и Средней Азии. Например, среднеазиатский регион, или Туркестанский край, вошедший в состав Российской империи в XIX в., русскому читателю открывал писатель Н. Н. Каразин, чрезвычайно популярный во второй половине XIX в. автор (см.: Шафранская, 2019). Именно опыт Каразина, первооткрывателя Средней Азии, ощутим в повествовании Минцлова, оптика которого местами повторяет каразинскую.

Образ Тувы Минцлова складывается в первую очередь из «внешних» бытовых координат тувинского мира: деталей, бросающихся в глаза чужому, сравнивающему *другой* мир со своим привычным европейским. Такое одномерное бытовое восприятие чужого мира тоже способствует ориенталистскому акценту.

Минцлов подробно описывает дороги, которыми он передвигается по Урянхайскому краю вместе с женой и проводником, неудобные, необустроенные, в рытвинах и колдобинах. Дома, где их принимают. Гастрономический ряд угощений. Одежду богатых и бедных урянхов, их быт, их праздники, фольклор. Нельзя согласиться с Л. Б. Четыровой и А. С. Сахаровым, которые отказывают Минцлову во внимании к быту урянхов: так, исследователи, противопоставляя наблюдениям С. Р. Минцлова «женские» травелогии (К. Д. Минцловой и Е. К. Верещагиной), пишут: «...в женских сочинениях выявлен интерес к бытовой жизни колонизированных народов, чего нельзя сказать про тексты Минцлова» (Четырова, Сахаров, 2023: 151).

Далее — внимание Минцлова останавливается на конкретных личностях из круга русских поселенцев — с фамилиями и должностями. Но главное, что его привлекает, — природа, суровая, красивая, с тучным миром животных и птиц. От всего, что описывает, Минцлов испытывает неподдельный восторг, изумление — от встречающихся на каждом шагу артефактов древности медного века, бронзового века... Но к его восторженному и в меру объективному описанию примешано чувство брезгливости — и к урянхам, и к тамошним русским. К первым — за их «дикость», ко вторым — за корысть (Минцлов пишет, что с кем бы он ни говорил, даже с женщинами, во всех ощущалась корысть, которая привела их в этот край⁴).

¹ Минцлов С. Р. Секретное поручение... С. 5.

² Нойон — князь.

³ Минцлов С. Р. Секретное поручение... С. 135.

⁴ Там же. С. 82.

Минцлов упоминает топонимы и гидронимы Тувы (Енисей, Джакуль, Элегест, Брень, Арголик, Танну-Ола и др.), рисует картину строящейся столицы (на противоположном левом берегу Енисея белели начатые постройки, валялись бревна — строился Белоцарск¹), хотя называет ее тогдашним названием «Урянхай», а тувинцев (уряных) Минцлов называет сойотами². Такова была еще не сформированная и не закрепленная система этнонимов³.

Не все тувинцы из травелога Минцлова изображены одной краской, они разные. Приведем контрастные портретные характеристики:

«Во время вечернего чая в столовой показалось новое лицо — пожилой лама в халате кирпичного цвета: проделав обычную церемонию приветствий, он расположился около стола на полу, подогнув под себя ноги. Хозяйка дала ему одну из свежих, белых булочек, горой возвышающихся перед нами; он взял ее, откусил, чавкая на всю комнату, кусочка два и сунул остаток к себе за пазуху.

Я еще в первый раз видел человека в собачьем положении, сидящего на полу и жадными глазами следящего за каждым куском, отправляемым в рот другими. Было стыдно и жалко. Но ни лама — сойотский священник, ни хозяйка, ни Габаев ничего подобного не испытывали: все было в порядке вещей, и впоследствии и я привык к нему.

Габаев вынул из портсигара две папироски и кинул ламе; тот поймал их на лету, повертел в руках, затем сунул обе сразу в рот и закурил. Сделав две-три затяжки, он бережно загасил огонь и отправил полученное вслед за булкой за пазуху.

Жесты, движения, ухватки — все поразительно напоминало обезьяну. Это впечатление не изгладилось и впоследствии»⁴.

Подобное сравнение постколониальный дискурс относит к разряду колониальных стереотипов — «дискриминирующих образов, созданных на основе традиционных культурных норм и классификаций (“чернокожие обезьяны”, “хитрые азиаты”» (Баба, 2020: 34). Американский исследователь постколониализма Х. Баба излагает концепцию колониальности как род мимикрии, когда власть в колониальном дискурсе использует стратегию управления — апроприирует «Другого, демонстрируя свою силу» (там же: 30). К слову, эти зоологические сравнения — одна из черт ориентализма, ярко проявившаяся в некоем перформансе XIX в.: вывезенных в Европу самоедов показывали со сцены⁵. Это было некоей разновидностью «реалити-шоу». Как нам видится, отсюда, из этой радикальной формы ориентализма произрастает вектор самоориентализации — черта, свойственная по сей день большинству прежде колонизированных народов: пропагандистская идентификация обернулась самоориентализацией.

Второй пример: «Нойон, молодой человек с чрезвычайно приятным, круглым лицом, весьма чистенький и опрятный, встретил нас у порога и радушно подал нам руки. Тотчас же нас усадили на стулья, перед которыми уже стоял маленький столик и стаканы с чаем; нойон поместился против нас и тоже на стуле и, улыбаясь, глядел на нас»⁶.

Минцлову этот нойон приятен, потому что он «цивилизованный»: опрятный, воспитанный, сидит как европеец — на стульях.

Кстати, Минцлов в каком-то потрясении подчеркивает специфическую позу сидения урянхов — на *корточках*: всадники-сойоты, соскакивая с коней, усаживались на корточки, закуривая маленькие трубочки и расспрашивая друг друга о новостях⁷; под деревьями сидела «на корточках вереница этих

¹ Там же. С. 74.

² Современные исследователи выделяют сойотов в этническую группу, «оторванную от материнского этноса тувинцев» (Монгуш, 2010b: 183, 190–195; Ламажаа, 2021a: 103).

³ В «Списке народностей СССР» для переписи 1926 года (опубликован в 1927 году) значится следующее: «Сойоты (сойны, туба, урянхайцы) [тувинцы]» (Хирш, 2022: 438), где в круглых скобках — синонимы, включенные в оригинальный список, в квадратных — синонимы, не включенные в оригинальный список (там же).

⁴ Минцлов С. Р. Секретное поручение... С. 69–70.

⁵ «Плакаты сообщали, что в Вену с берегов Ледовитого океана прибыли самоеды с настоящей юртой и со своими оленями, а сопровождает их один русский» (Савицкий, 2020: 124). Кстати, О. Менхен-Хельфен пишет о связи тувинцев и самоедов: «Многие говорят, что отчасти тувинцы — это лишь отюреченные самоеды» (Менхен-Хельфен О. Путешествие в азиатскую Туву ... С. 257).

⁶ Минцлов С. Р. Секретное поручение... С. 234.

⁷ Там же. С. 120.

человекоподобных и угрюмо следила за всеми нашими действиями»¹; подозреваемого в преступлении сойота заводят в юрту, и он садится на корточки перед чиновником²; на корточки садятся «хемиляры»³, и еще много других ситуаций упомянуто Минцловым.

Это этнографическое наблюдение за физиологической особенностью (или кинесикой⁴) сидеть на корточках впервые в художественных текстах зафиксировал Н. Н. Каразин, наблюдавший и описавший жителей Средней Азии, — его взгляд профессионального художника сделал акцент на этой детали, несвойственной русской и европейской культуре (см. подробнее: Шафранская, 2019: 570–571). А о мучительном сидении среднеазиатов на стуле пишет мемуарист, в прошлом предприниматель (рубеж XIX–XX вв.) Н. А. Варенцов: он вспоминает о гостившем у него в имении купце из Средней Азии, которому пришлось долго сидеть на стуле — от непривычки у того затекли ноги. Когда зашли дети, в разговоре с ними гость рассказал, что в Хиве принято сидеть на полу, поджав ноги. Дети были удивлены, а гость, желая им показать на примере, вскочил со стула и уселся на ковре с довольным и счастливым лицом, и сидел так до конца визита⁵.

У урянхов тоже не было стульев. Минцлов описывает интерьер юрты, где висят над бурдюками седла, справа от входа помещается постель и посуда, а вот стульев нет. Для почетных гостей сиденьями служат раскрашенные сундучки или низенькие ножные скамеечки⁶.

Специалисты по физической антропологии следующим образом комментируют способность ряда азиатских народов сидеть на корточках: ступни сидящего плотно прижаты к земле, потому что в месте соединения голени и таранной кости (ступни) у них находится поверхность, позволяющая долго и удобно для человека сидеть на корточках на рисовых полях и базарах, а вот для большинства европеоидов это очень трудное дело. Такая «поверхность», пишут антропологи, отсутствует у людей, которым привычно и удобно сидеть на стульях (Стил, Линдли, Бландэн, 2002: 171–172). Эта антропологическая особенность объясняется также кочевым образом многовекового существования.

Минцлов неоднократно описывает святые места урянхов, называя их *авва* (в современном написании — *оваа*):

«Аввы — священные места у сойотов, на которых, как полагают они, обитают духи — властители окрестностей (Инезе). Каждый проезжающий сойот обязан прислонить свою веточку к авве или повесить против него узкую полоску тряпочки. Иногда в горах встречаются аввы в виде куч камней. Благополучный перевал через хребет, переправа через большую или опасную реку — все это знаменуется сойотом жертвой инезе — камушком, хворостиною, тряпочкой»⁷.

Описанные в начале XX в. места и артефакты тувинцев сопоставимы с аналогичными в Средней Азии; например, в Каракалпакстане на вершине зороастрийского холма-могильника Шылпык стоит трехногая геодезическая вышка, увешанная ленточками и тряпочными полосками; да и слово *авва/оваа* созвучно узбекскому *авлиё-жой* — святое место. Среднеазиатские (по нашим личным наблюдениям) и тувинские «точки», куда люди идут, по словам Ч. К. Ламажаа, «за поддержкой духов», существуют и в XXI в.: «...каменная насыпь *оваа* для водружения дерева рода <...> Установили кедр высокий, издалека видный шест с многочисленными развевающимися от ветра лентами и флагами, а все члены сбора, в том числе и дети, после этого, подобрав камни, в изобилии лежавшие здесь, добавили их для каменного *оваа*» (Ламажаа, 2021а: 45).

В разных местах путешествия русские переселенцы спрашивали Минцлова, с напряжением ожидая ответа, «Чья эта земля, наша или сойотская?» — коренной урянхайский вопрос. Единственное, что мог им ответить столичный путешественник: «Держитесь!»⁸ Совершенно очевидно, что рассказчик-путешественник взирает на просторы Урянхая как на земли, которые обязательно станут «русскими»⁹,

¹ Там же. С. 127.

² Там же. С. 202–203.

³ Певцы горлового пения (очевидно, от *хөөмей* ‘горловое пение’).

⁴ Кинесика — совокупность жестов, поз, телодвижений.

⁵ Варенцов Н. А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 152.

⁶ Минцлов С. Р. Секретное поручение... С. 69.

⁷ Там же. С. 84.

⁸ Там же. С. 160.

⁹ О том, каковы итоги подобного «цивилизаторства», отраженного в литературе, см. в статьях: (Шафранская, 2020; Гарипова, Шафранская, 2023; Гарипова, Шафранская, Токарева, 2023).

однако при этом он сохраняет в себе стержень гуманиста, осуждая жестокое обращение с урянхами. Вот одна из описанных Минцловым сцен: урядник, называя урянхов поголовно «ворами и мазуриками», говорит, что всех их надо «парить». «Как это парить?» — спрашивает Минцлов. — «А вот “средствие-с” — нагайка!»¹, — был ответ.

Минцлов не осуждает такие настроения и не восторгается ими — он воссоздает типичную ситуацию имперского фронта. Стоит на этом заострить внимание: все же Минцлов в ряде фрагментов своего повествования о тувинцах сочувствует им, поэтому нельзя согласиться с исследователями² того же травелога, которые пишут: Минцлов «выказывает подчеркнутое презрение и отвращение по отношению к местным» (Четырова, Сахаров, 2023: 148), и еще в той же тональности в ряде фрагментов (там же: 151).

Схожая с минцловской ситуация — об усмирении «местных» — описана Н. Н. Каразиным — но в художественном тексте. В романе «Погоня за наживой» персонажи делятся опытом усмирения жителей Средней Азии:

«Я делаю так, — начал рассказчик: — приезжаю на станцию или, правильнее сказать, в место, где предполагается станция, и с ямщика глаз не спускаю, сторожу его, как кот сторожит мышь, что высунула в щель свою голову. Ну-с, тот, конечно, сейчас лошадей выпрягать торопится, бестия, так что сбрую рвет зубами, а я тем временем из тарантаса вон; киргиз на лошадь, а я на него; сгреб за шиворот: стой! “Эй, тюра, кой!” — значит: оставь, пусти! — “Нет, врешь, не уйдешь: лошадей!” “Ат берды”³, каналья! “Где я лошадей возьму? — плачет мошенник: — Мои совсем пристали, дальше не пойдут, а других нет, где они — я не знаю, я с той станции, не мое дело!” А я сейчас бац! Вот этим самым инструментом! — Оратор приподнял нагайку. — Вой, вой! Я сейчас опять бац! А за воротник крепко держу; не вырвется. Благим матом визжит киргиз, на всю степь заливаются, а тут сейчас и благие результаты этого концерта: из-за одного бугра лошадей ведут, из-за другого хомуты несут, колеса у вашего тарантаса снимают, салом мажут, лошадей вам запрягают, прогонов не берут, разве сами что-нибудь дадите, и с поклонами вас провожают»⁴.

Очевидно, что обе сцены, описанные Минцловым и Каразиным, говорят о гуманистической позиции авторов, не высказанной, но существующей в самом факте изображенного.

Рефреном в тексте Минцлова проходит удивление и убежденность в том, что Урянхай был высококультурным ареалом за много веков до Рождества Христова, о чем свидетельствуют часто находимые артефакты из меди и бронзы, содержимое курганов и «мочаги» — древние оросительные каналы. Культура исчезла, земледелие исчезло, им на смену пришла «дикость» кочевников⁵ — рассуждает Минцлов, склонный с детства к таинственному и мистическому, что подчеркивает знавший его критик Петр Пильский (Пильский, 2022: 7). «Путешествие в Урянхай», по словам Пильского, книга не только общеполитического значения, она содержит много любопытного о природе края, она оценена по достоинству и за границу, будучи переведенной на немецкий язык, — завершает критик свой панегирик в 1930 г. (там же: 35).

С. Р. Минцлов, автор «Путешествия в Урянхай» — представитель элитарной, духовно богатой семьи, образованнейший человек своего времени. Тем не менее он не скрывает своего высокомерия к людям, не вписывающимся в его картину мира, в его представление о цивилизации. Пожалуй, это и есть «родимое пятно» европейской культуры, не изжитое по сей день, названное до поры безобидным термином «ориентализм».

¹ Минцлов С. Р. Секретное поручение... С. 85–86.

² Л. Б. Четырова и А. С. Сахаров, анализируя ряд травелогов, среди прочих и Минцлова, высказывают алогичную мысль, якобы «жанр травелога способствует формированию постколониальной оптики», но так происходит не всегда, пишут они, а только в том случае, когда имеет место «личный фактор» (Четырова, Сахаров, 2023: 146). К Минцлову это не имеет никакого отношения. И далее — еще более удивительное: «проза, написанная от первого лица, в филологии носит название лирической» (там же: 145), это утверждение — фактическая ошибка.

³ «Ат берды» — давай лошадей.

⁴ Каразин Н. Н. На далеких окраинах. Погоня за наживой: Романы / подгот. Э. Ф. Шафранская; отв. ред. Б. Ф. Егоров. М.: Наука, 2019. (Серия «Литературные памятники»). С. 243–244.

⁵ Минцлов С. Р. Секретное поручение... С. 61.

Отто Менхен-Хельфен. Путешествие в Центр Азии

Статус «земли неизвестной» к концу 1920-х гг. по-прежнему сопровождает Туву, когда туда отправляется австрийский исследователь Отто Менхен-Хельфен¹. Анна Менхен, жена путешественника, вспоминает, как она решила отправить мужу телеграмму — из Австрии в Туву летом 1929 г., в день его рождения. Указав место отправления (город — Кызыл-Хото, страну — Танну-Тува), она получила отказ в отправке телеграммы: по словам телеграфиста, окунувшегося в свои каталоги в поисках страны и города, такого места не существует. Анна Менхен решила отправить телеграмму через Вену — Вена ответила аналогично. В итоге телеграмму удалось отправить с пометкой: «через Новосибирск, к северо-западу от Монголии»².

Как было «засекречено» путешествие Минцлова, так и ко времени поездки в Туву Менхена не все было прозрачно: «Москва герметично “запечатала” Туву»³, — пишет он, объясняя читателю, что Тува — это уже заграница (для СССР). Чтобы туда попасть, надо получить разрешение в ГПУ⁴, времена-то были уже советские.

Постепенно приближаясь к Туве, Менхен останавливает внимание читателя на соседях тувинцев, в частности, на хакасах. Анализируя их быт и социальные институты в исторической ретроспективе и увязывая все с современностью, Менхен приходит к экзистенциальным умозаключениям, касающимся малых сибирских народов: «...рано или поздно они все обрусееют»⁵. Говоря о колонизации Урянхайского края сначала Российской империей, затем СССР, Менхен не делает оценочных суждений, он хладнокровно констатирует факты: с одной стороны, урянхи отчасти встают на путь потери идентификации, «отказа от собственного культурного прогресса»⁶, с другой — обретают письменность, грамотность, книги, возможность учиться в советских вузах. Путешественник отмечает важную экзистенциальную деталь: параллельно прогрессу растет среди малых народов чувство страха и недоверия — ко всем, но особенно все боятся «агентов ГПУ». Устрашающие слухи и сопутствующий им страх дополнили и до Тувы, утверждает Менхен.

По его словам, он «был первым нерусским, переступившим границу Тувинской Республики»⁷. Сам ли Менхен формирует свои наблюдения или находится под влиянием Минцлова — мы не знаем, но он так же, как и его предшественник, вычленяет особую позу отдыхающих урянхов — сидение *на корточках*: тувинские солдаты на привале⁸, полуслепая старуха у юрты⁹. Менхен не пытается рефлексировать по этому поводу, объяснить причины такой «привычки».

Менхен, как и Минцлов, говорит о страхе-оцепенении, в которое он впадал, когда ему предлагалось угощение («Гостю предлагают трубку и пиалу молока в каждой юрте»¹⁰), ведь не только слухи говорили о повальном распространении сифилиса среди тувинцев, но и облик многих — с проваленным носом¹¹.

Помимо опасения заразиться, Менхена преследует еще и страх перед органами ГПУ: вдруг его материалы попадут к ним? Успев переправить через границу часть своих записей, те, что были при нем, он сопровождает церемониальными поклонами-приседаниями в сторону советской власти.

В отличие от травелога Минцлова, повествование Менхена менее пристрастно, претендует на академизм, но также не лишено ориентальных стереотипов (он все время подчеркивает «дикий вид» тувинцев). Помимо этого, Менхен, в отличие от Минцлова 1914 г., не может быть объективным — он зависим от контекста.

Вот один из фрагментов его повествования, в котором можно видеть и сарказм с иронией, а можно — при желании — и реализацию программы «социалистического строительства» — речь идет

¹ См. информацию о личности Отто Менхен-Хельфена в статьях: (Монгуш, 2012, 2014).

² См.: Менхен-Хельфен О. Путешествие в азиатскую Туву ... С. 223.

³ Там же. С. 226.

⁴ Там же. С. 243. ГПУ — Государственное политическое управление при НКВД РСФСР (1922–1923), далее переименовано в ОГПУ при СНК СССР; в обиходе продолжали говорить ГПУ.

⁵ Там же. С. 239.

⁶ Там же. С. 239.

⁷ Там же. С. 227. Отто Менхен-Хельфен был не один — «первых нерусских» было двое: Менхен и Карл Шмюкле (см.: Шафранская, Должикова, 2024).

⁸ Там же. С. 244.

⁹ Там же. С. 246.

¹⁰ Там же. С. 245.

¹¹ Там же. С. 245–246.

о подготовке будущей партийной тувинской элиты. То, чему учат молодых тувинцев, повергло меня в шок, пишет Менхен. Мир, по их системе, делится на Советскую Россию (Царство Света) и прочие страны (Царство Тьмы). То, что делают русские, — всегда хорошо, то, что делают другие, — всегда плохо. Автор приходит к выводу, что русским нужны не пытливые и мыслящие, а верноподданные и покорные служаки. Партия большевиков в глазах колонизированного народа имеет божественный ореол, а попытка размышлять, всегда ли эта власть совершает благие и правильные поступки, расценивается как преступление¹. (Вспоминается Ч. Айтматов, его бессмертный образ манкурта²).

Менхен делает обзор хозяйственной деятельности урянхов: низкий уровень земледелия («...тувинцы — кто угодно, но не земледельцы»³), при этом им не учитывается фактор, что способы хозяйствования зависят от условий географии и климата; зато отмечает высокий уровень, достигнутый в оленеводстве и охоте; как профессиональный этнограф и фольклорист описывает праздники тувинцев, танец с масками, ритуал шамана, а также предпочтительные в их кругу лакомства: например, в ритуальную часть празднеств входит тувинский сыр (*быштак* и *курут*). В этом ряду опять напрашивается сопоставление с прозой Каразина и собственным фольклором повседневности, где фигурирует *курут* (или более распространенная форма произношения — *курт*, пришедшая в современный русский язык с территории Средней Азии). В текстах Каразина курт часто спасает его героев от голода и потери сил (см. подробнее: Шафранская, 2016: 86–88). В мемуарах бывших заключенных и на просторах интернета можно встретить сюжет о курте: в одном из лагерей, входящем в систему КарЛага — Алжире⁴ (Акмолинском лагере жен изменников родины), умирающих от голода женщин стали «обстреливать» извне маленькими круглыми белыми камешками. Вохровцы⁵ решили, что местное население настолько ненавидит заключенных, что закидывает камнями, но кто-то из любопытства лизнул «камешек» и понял: это был спасительный курт⁶.

Описание встреченных Менхеном захоронений подобно погребению умерших у другого кочевого народа — каракалпаков (по наблюдению авторов статьи). Мертвых оставляют лежать в степи, — пишет Менхен, — на откуп хищным птицам и волкам; по тому, как быстро труп бывает объеден, — пишет он, — можно определить, плохим или хорошим был человек при жизни: хороших людей животные съедают быстрее⁷. Похоже в прошлом хоронили своих покойников каракалпаки, только с одним отличием: труп поднимали на могильник (например, на упомянутый выше Шылпык), спустя время обглоданные животными кости помещали для захоронения в оссуарии.

Ни один из путешествующих по Туве не обходится без упоминания *оваа*. Менхен описывает этот объект остраненно: опускает его метафизический смысл, называя просто грудой камней, которая все время растет: каждый проходящий мимо тувинец кладет в нее свой камень; из этой горки, — пишет Менхен, — торчат палки с привязанными белыми лентами. Все же, справедливости ради, он замечает, что среди *оваа* встречаются настоящие шедевры⁸. (Кстати, еще одно межкультурное сопоставление — приносить камешки на могилу усопшего у иудеев; о присутствии семитского влияния говорит Менхен в контексте происхождения письма⁹.)

Отдельный параграф своего текста Менхен называет «Литература»¹⁰, рассматривая в нем фольклор тувинцев (надо заметить эту методологическую ошибку — не Менхена, а тогдашней научной мысли:

¹ Там же. С. 250–251.

² Исследовательница Д. Т. Кудайбергенова глубоко размышляет над понятием *манкурт*, составившим одно из звеньев официальной советской идеологии: помнить лишь то, что велит власть, остальное забыть. «Идентичность» остается одной из главных «интеллектуальных уловок старого центра» (Кудайбергенова, 2020: 175). Ответом на эту советскую «скрепу» становится современное казахстанское искусство перформанса и живописи. Так, Кудайбергенова описывает творчество казахского художника Куаныша Базаргалиева, который «переписывает» классическое искусство, меняя портреты европейцев на казахов, создает серию работ «Когда все люди были казахские» — своеобразный ответ колонизатору и процессу русификации (см.: там же: 176–184). О подобном «рикошете «возвращенных» взглядов» пишет и М. Тлостанова (Тлостанова, 2004: 126–136).

³ Менхен-Хельфен О. Путешествие... С. 268.

⁴ АЛЖИР — Акмолинский лагерь жен изменников родины (на территории советского Казахстана).

⁵ Вохровцы — надзиратели, от аббревиатуры ВОХР (военизированная охрана).

⁶ Токаева А. История лагеря с экзотическим названием «АЛЖИР» и его узниц // ЦенрАзия. 2011. 20 мая. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1305867060> (дата обращения: 28.12.2023).

⁷ Менхен-Хельфен О. Путешествие... С. 278–280.

⁸ Там же. С. 289–290.

⁹ Там же. С. 321.

¹⁰ Там же. С. 300–304.

фольклор и литература — это разные виды культуры; фольклор — не ранняя фаза литературы, фольклор существует всегда параллельно литературе). Менхен высказывает субъективное суждение об отсутствии у тувинцев способности к творчеству: «...говорить о развитом воображении и фантазии не приходится»¹, в качестве аргумента выдвигая свое наблюдение об отсутствии у тувинцев героического эпоса и заимствованном генезисе тувинских сказок². И еще из «вердикта» Менхена: «Дефицит воображения у тувинцев здесь снова бросается в глаза»³, «Порой кажется, что тюркские народы все душевные силы и творческий порыв раздали своим шаманам»⁴.

Менхен пишет, что не одни тувинцы такие «бесплодные», якобы сказки других тюркских народов ничуть не лучше, якобы все прочие тюркские сказки — заимствования⁵. Скорее всего, Менхен не был в контексте исследований по фольклористике, его суждения отражают общекультурный стереотип, вписанный в ориенталистскую парадигму.

Итоговый аккорд травелога Менхена сродни рассмотренному выше тексту Минцлова: приводя в качестве аргументов старинные медные рудники, построенные много веков назад оросительные каналы, Менхен задается вопросом: что все это значит? Ведь тувинцы сами не строили ни каналов, ни крепостей, не высекали рисунки на скалах, не возводили курганы, не отливали котлов и не обтесывали камни — все это досталось им от другой цивилизации, стоявшей на высоком уровне развития⁶. Менхен считает, что это была цивилизация кыргызов⁷. «Происхождение тувинцев туманно и неопределенно»⁸, — австрийский ученый вбрасывает в академическое пространство множество вопросов, ответы на которые стали появляться только во второй половине XX и XXI вв., когда сформировалась научная отрасль — тувиноведение.

Э. Саид задается вопросом: как ориентализм воспроизводит себя от автора к автору, от эпохи к эпохе (Саид, 2021: 41)? Ответом может служить травелог Менхена: его гуманитарное исследование имеет политическую интенцию, тиражируя постулат, что «они» не способны ни делать, ни понимать ничего (там же: 35).

Говоря о книге Менхена, современный историк Н. М. Моллеров отказывает ей в исторической и фактической значимости: «Предвижу, что со временем, по мере розыска и введения в научный оборот новых, прежде всего документальных, источников, ее ценность будет снижаться»⁹, и абзацем ниже совершенно противоположное: «она еще долгое время будет востребована как учеными, так и политиками, и уже навсегда останется в мировой и отечественной историографии»¹⁰. Так, отказывая Менхену в научности и объективности, упрекая его в политизированности, наш современник, с академическими регалиями, сам транслирует далеко не научный дискурс. А книга Менхена — не трактат, а травелог, для которого характерен очерковый стиль, характеризующийся такими чертами, как ярко выраженная организующая роль авторского «я», свободная композиция, совокупность сюжетного рассказа и сценки, статистики, поучения и публицистики (Гордеева, 2003: 707–708). Очерк содержит рассуждения о социальных проблемах, играет познавательную роль (Поспелов, 1987: 263). Всем этим чертам соответствует «Путешествие в азиатскую Туву» Отто Менхен-Хельфена, создавшего образ Тувы рубежа 1920–1930-х годов, ценное свидетельство неангажированного очевидца.

¹ Там же. С. 302.

² Там же.

³ Там же. С. 315.

⁴ Там же. С. 304.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 315.

⁷ Там же. С. 322.

⁸ Там же. С. 319.

⁹ Моллеров Н. М. Отто Менхен-Хельфен: вторая жизнь его книги о Туве // Люди и события Тувы: Календарь-хронограф 2016 / сост. Е. М. Аккыс; ред. Н. М. Моллеров. Кызыл: Национальная библиотека им. А. С. Пушкина Республики Тыва, 2015. С. 27.

¹⁰ Там же. С. 28.

Заключение

Мы рассмотрели образ Тувы, сложившийся в первой трети XX в. в двух травелогах: один (Минцлова) опубликован в 1915 г. в Риге, второй (Менхена) в 1931 г. — в Берлине. Перевод книги Менхена с немецкого языка был сделан почти сразу, однако не для широкого читателя, а только для работников НКВД¹. На Западе книга О. Менхен-Хельфена (наряду с трудом Д. Каррутерса «Урянхайский край») стала одной «из самых востребованных работ о Туве» (Монгуш, 2010с: 205).

В образе Тувы, созданном писателем С. Р. Минцловым, мы выявили реперные точки в рецепции Тувы. Будучи *terra incognita*, Тува открывается своей богатой природой, ритуальными жертвенниками (*авва/оваа*), особенностями быта, портретами несимпатичных автору своей «дикостью», невоспитанностью людей, артефактами былой неизвестной цивилизации, типологически родственными с деталями среднеазиатского быта и антропологическими характеристиками.

Анализируя образ Тувы, созданный историком О. Менхен-Хельфеном, мы вычленили те же паттерны, которые сложились у его предшественника Минцлова, за одним историко-контекстуальным отличием — в травелоге Менхена ощутимо присутствие новой власти, контролирующей, пока непрозрачно, все институты в Туве. Создается впечатление, что Менхен успел «унести ноги», чтобы уже из дома написать о своих «тувинских» впечатлениях и прогнозах.

Оба автора не поняли экзистенциальные составляющие тувинского народа, не отразили их культурную идентичность, определяющую неповторимость их этоса, свели культурные артефакты в основном к предметам быта, деталям внешнего мира, запечатлели ритуалы на уровне «игры», не уловив их онтологического смысла.

Наблюдения двух путешественников, авторов травелогов (Минцлова и Менхен-Хельфена), сформировали образ Тувы — экзотического места, куда можно отправиться в путешествие, чтобы почувствовать в себе «власть» (по концепции Саида), свое превосходство над «неразвитыми» тувинцами. Оба травелога (Минцлова и Менхена) относятся к колониальному периоду². В отличие от колониализма — исторического фактора, пишет М. Тлостанова, «колониальность является долговременным результатом, в котором мы существуем и по сей день» (Тлостанова, 2020: 72).

Так ли это в ситуации «по сей день»? Известный в русском интернете дизайнер, блогер и путешественник растиражировал свое впечатление о Туве в «Живом журнале», и в интервью, и на других интернет-платформах³ — мало того, что оно высказано с использованием обценной лексики, это впечатление ориенталистское по сути, причем находится на крайней точке рецептивной шкалы — презрительной и негативной. Почему? Подтверждается теория Э. Саида. Соотнесем ее с трактовкой, сделанной Тлостановой. По ее словам, имперскость базируется на иерархической природе колониальности, в основе которой лежит точка отсчета — степень близости к сердцу Европы (а ныне США) или удаленности (Тлостанова, 2020: 77). Иными словами, чем ближе к этой точке, тем «цивильнее», и, соответственно, наоборот. Теория спорная даже с географической точки зрения, однако вполне живучая в сознании обывателя.

Что же делать? Перефразируя фразу Чехова, выскажем свое видение: выдавливать из себя ориенталиста — это непростой и длительный процесс.

¹ НКВД — Народный комиссариат иностранных дел; второй раз перевод осуществлен для антологии «Урянхай. Тыва дептер» (Урянхай. Тыва ... , 2007–2008).

² Возражает, вопреки исторической правде, исследователь Н. М. Моллеров; анализируя травелога Менхен-Хельфена, он пишет об авторе: «Так, например, “независимую Туву” он назвал “советской колонией”. Тем самым он противоречиво соединил совершенно противоположные характеристики — государственную независимость и колониальную зависимость. Согласитесь, что такие логические кульбиты сейчас очень характерны для современных либеральных политиков» (Моллеров Н. М. Отто Менхен-Хельфен: вторая жизнь его книги о Туве... С. 27).

³ Речь идет об Артемии Лебедеве, см., напр.: Дизайнер Артемий Лебедев назвал Туву худшим местом в России // Новости общества Красноярска и Красноярского края. 2017. 6 декабря. URL: <https://newslab.ru/news/806734>, а также интервью в ютубе. URL: <https://yandex.ru/video/preview/12109484742979286914> (дата обращения: 09.01.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баба, Х. (2020) Мимикрия и человек. Двойственность колониального дискурса : пер. с англ. Д. Тимофеева // Новое литературное обозрение. № 1(161). С. 29–37.
- Бахтикиреева, У. М., Синячкин, В. П. (2023) Социокультурные особенности современного тувинского общества // Вестник РУДН. Серия: «Социология». Т. 23. № 1. С. 188–195. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-1-188-195>
- Бахтикиреева, У. М., Шагимгереева, Б. Е., Амалбекова, М. Б. (2023) Познание самих себя через познание культуры своего этноса // Новые исследования Тувы. № 4. С. 226–236. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.16>
- Гарипова, Г. Т., Шафранская, Э. Ф. (2023) Тувинский текст в аспекте транскulturации // Полилингвильность и транскulturные практики. № 3. С. 497–514. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2023-20-3-497-514>
- Гарипова, Г. Т., Шафранская, Э. Ф., Токарева, Н. А. (2023) Роман Сенчин: поэтика тувинского текста // Новые исследования Тувы. № 4. С. 6–21. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.1>
- Гордеева, Е. Ю. (2003) Очерк // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М. : Интелвак. 1597 стб. Стб. 707–709.
- Кудайбергенова, Д. Т. (2020) Призраки, манкурты и прочее: «постколониальное» искусство Центральной Азии : пер. с англ. Н. Михайлина // Новое литературное обозрение. № 1(161). С. 175–198.
- Ламажаа, Ч. К. (2018) Национальный характер тувинцев. М. ; СПб. : Нестор-История. 237 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2021a) Очерки современной тувинской культуры. СПб. : Нестор-История. 192 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2021b) Тува как лимитрофная зона: язык, религия и идентификация тувинцев // Новые исследования Тувы. № 3. С. 178–194. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>
- Монгуш, М. В. (2010a) Зарубежные исследователи Тувы (краткий обзор) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 203–237.
- Монгуш, М. В. (2010b) Один народ: три судьбы. Тувинцы России, Монголии и Китая в сравнительном контексте. Осака : Национальный Музей этнологии. 369 с.
- Монгуш, М. В. (2010c) Тува век спустя после Каррутерса и Менхен-Хельфена. Осака : Национальный Музей этнологии. 212 с.
- Монгуш, М. В. (2012) История австрийского сиолога: К вопросу о научном туризме // Сервис в России и за рубежом. № 4. С. 133–143.
- Монгуш, М. В. (2014) Кызыл глазами австрийского ученого Отто Менхен-Хельфена // Новые исследования Тувы. № 3. С. 166–171.
- Пильский, П. (2022) С. Р. Минцлов. Жизнь, личность, труды: Критико-биографический очерк // С. Р. Минцлов. То, чего мы не знаем / сост. И. Л. Великодная, Л. Н. Мараховская. М. : Арт. Собрание. 180 с. С. 7–51.
- Поспелов, Г. Н. (1987) Очерк // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М. : Советская энциклопедия. 752 с. С. 263–264.
- Савицкий, Е. (2020) Как купец Калинин в Вене в 1882 году самоедов показывал: покорность и сопротивление «все равно что животных» // Новое литературное обозрение. № 1(161). С. 124–139.
- Саид, Э. (2021) Ориентализм / науч. ред. А. Р. Ихсанов. М. : Музей современного искусства «Гараж». 560 с.
- Стил, Э. Дж., Линдли Р. А., Бландэн Р. В. (2002) Что, если Ламарк прав? Иммуногенетика и эволюция / пер. с англ. О. В. Кузнецовой; под ред. Л. А. Животовского. М. : Мир. 237 с.
- Тлостанова, М. В. (2004) Постсоветская литература и эстетика транскulturации. Жить никогда, писать ниоткуда. М. : Едиториал УРСС. 416 с.
- Тлостанова, М. (2020) Постколониальный удел и деколониальный выбор: постсоциалистическая медиация // Новое литературное обозрение. № 1(161). С. 66–84.
- Тувинцы: Родные люди (2022) / Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии, Ш. Ю. Кужугет, Ш. Б. Майны; под. ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 360 с.
- Урянхай. Тыва дептер (2007–2008) Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае-Танну-Тuve, урянхайцах-тувинцах, о древностях Тувы (II тысячелетие до н. э. — первая половина XX в.) : в 7 т. / редкол.: К. Д. Аракчаа, К. С. Шойгу. М. : Слово.

Хирш, Ф. (2022) Империя наций: Этнографическое знание и формирование Советского Союза / авториз. пер. с англ. Р. Ибатуллина. М. : Новое литературное обозрение. 473 с.

Четырова Л. Б., Сахаров А. С. (2023). Травелог в перспективе гендерного ориентализма (по материалам текстов К. Д. Минцловой, Е. К. Верещагиной, С. Р. Минцлова и Ю. Н. Рериха) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 141–152. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.10>

Шафранская, Э. Ф. (2016) Туркестанский текст в русской культуре: Колониальная проза Николая Каразина (историко-литературный и культурно-этнографический комментарий). СПб. : Свое издательство. 370 с.

Шафранская, Э. Ф. (2017) Вруны и фантазеры как паттерн локальных текстов XX века // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». № 1. С. 22–29.

Шафранская, Э. Ф. (2019) Каразин! Азия! // Каразин Н. Н. На далеких окраинах. Погоня за наживой: Романы / подгот. Э. Ф. Шафранская; отв. ред. Б. Ф. Егоров. М. : Наука. 629 с. С. 525–596.

Шафранская, Э. Ф. (2020) О русском ориентализме, «русском мире» в колониальной литературе и их переосмыслении в постколониальной литературе // Новое литературное обозрение. № 1(161). С. 291–306.

Шафранская, Э. Ф., Должикова, А. В. (2024) Карл Шмюкле — неизвестный соратник по тувинскому путешествию Отто Менхен-Хельфена // Новые исследования Тувы. № 1. С. 135–147. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.9>

Said, E. W. (1978). *Orientalism*. New York : Vintage Books. 368 p.

Дата поступления: 20.12.2023 г.

Дата принятия: 20.01.2024 г.

REFERENCES

Bhabha, H., (2020) *Of Mimicry and Man: The Ambivalence of Colonial Discourse*: Transl. from the English by D. Timofeev. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 1 (161), pp. 29–37. (In Russ.).

Bakhtikireeva, U. M. and Sinyachkin, V. P. (2023) Social-cultural features of the contemporary Tuvan society. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 23, no. 1, pp. 188–195. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-1-188-195>

Bakhtikireeva, U. M., Shagingereyeva, B. E. and Amalbekova M. B. (2023) Cognition of ourselves through cognition of the culture of our ethnic group. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 226–236. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.16>

Shafranskaya, E. F., Garipova, G. T. (2023) The Tuvan Text in the Aspect of Transculturation. *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 20, no. 3, pp. 497–514. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897x-2023-20-3-497-514>

Shafranskaya, E. F., Garipova, G. T. and Tokareva, N. A. (2023) Roman Senchin: The poetics of Tuvan text. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 6–21. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.1>

Gordeeva, E. Yu. (2003) Essay. In: *Literary Encyclopedia of Terms and Concepts*, ed. by A. N. Nikulyukin. Moscow, Inteltvak. 1597 p. Pp. 707–709. (In Russ.).

Kudaibergenova, D. T. (2020) Ghosts, Manqurts, and More: The ‘Postcolonial’ Art of Central Asia: transl. by N. Mikhailina. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 1 (161), pp. 175–198. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2018) *The National Character of Tuvans*. Moscow, St. Petersburg, Nestor-History. 237 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021a) *Essays on Modern Tuvan Culture*. St. Petersburg, Nestor-History. 192 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021b) Tuva as a limitrophe zone: language, religion and people’s identity. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 178–194 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>

Monguh, M. V. (2010a) Foreign researchers of Tuva: A brief review. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 203–237. (In Russ.).

Monguh, M. V. (2010b) *One nation, three destinies: Tuvans in Russia, Mongolia, and China in comparative context*. Osaka, National Museum of Ethnology. 369 p. (In Russ.).

Monguh, M. V. (2010c) *Tuva a century after Carruthers and Menkhen-Khel’fen*. Osaka, National Museum of Ethnology. 212 p. (In Russ.).

Mongush, M. V. (2012) The history of Austrian sinology: On the topic of scientific tourism. *Service in Russia and Abroad*, no. 4, pp. 133–143. (In Russ.).

Mongush, M. V. (2014) Kyzyl through the eyes of Austrian scientist Otto Menchen-Helfen. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 166–171. (In Russ.).

Pilsky P. (2022) S. R. Mintslov: Life, Personality, Works: A Critical and Biographical Essay. In: *Mintslov S. R.: What We Don't Know*, ed. by I. L. Velikodnaya and L. N. Marakhovskaya, Moscow, Art. Sobranie. 180 p. P. 7–51. (In Russ.).

Pospelov, G. N. (1987) An essay. In: *Literary encyclopaedic dictionary*. Ed. by V. M. Kozhevnikov and P. A. Nikolaev. Moscow, Soviet Encyclopedia. 752 p. Pp. 263–264. (In Russ.).

Savitsky, E. (2020) As a merchant, Kalintsov showed in Vienna in 1882: submission and resistance are like animals. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 1 (161), pp. 124–139. (In Russ.).

Said, E. (2021) *Orientalism*. Ed. by by A. R. Ihsanov. Moscow, Garage Museum of Modern Art. 560 p. (In Russ.).

Steele, E. J., Lindley, R. A., and Blandin, R. V. (2002) *What if Lamarck is right? Immunogenetics and Evolution*. Transl. from the English by O. V. Kuznetsova, ed. by L. A. Zhivotovsky. 2nd ed. Moscow, Mir. 237 p. (In Russ.).

Tlostanova, M. (2020) Postcolonial Destiny and the Decolonial Choice: Post-Socialist Mediation. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 1 (161), pp. 66–84. (In Russ.).

Tuvans: Native People (2022) / Ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suwandii. St. Petersburg, Nestor-History. 360 p. (In Russ.).

Urian Hai. Tuvan notebooks (2007–2008). An anthology of scientific and educational thoughts about the ancient Tuvan land and its people, Uriankhai, Tannu-Tuva and the antiquities in Tuva from the second millennium BC to the second half of the 20th century : in 7 volumes / ed. by K. D. Arakchaa and K. S. Shoigu. Moscow, Slovo. (In Russ.).

Hirsch, F. (2022) *Empire of Nations: Ethnographic. Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Transl. from English by R. Ibatullina. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 473 p. (In Russ.).

Chetyrova, L. B. and Sakharov, A. S. (2023) Travelogues in the perspective of gender Orientalism (A case study of texts by K. D. Mintslova, E. K. Vereshchagina, S. R. Mintslov and Yu. N. Roerich). *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 141–152. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.10>

Shafranskaya, E. F. (2016) *The Turkestan Text in Russian Culture: The Colonial Prose of Nikolai Karazin*. St. Petersburg, Svoe izdatel'stvo. 370 p. (In Russ.).

Shafranskaya, E. F. (2017) Liars and Dreamers as a Pattern of Local Texts of the Twentieth Century. *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University, Philology. Theory of Language. Language Education*, no. 1, pp. 22–29. (In Russ.).

Shafranskaya, E. F. (2019) Karazin! Asia! In: Karazin N. N. *On the Far Outskirts. The Pursuit of Profit: Novels*. Prep. by E. F. Shafranskaya, ed. by B. F. Egorov. Moscow, Nauka. 629 p. Pp. 525–596. (In Russ.).

Shafranskaya, E. F. (2020) On Russian Orientalism, the Russian World in Colonial Literature and their Reinterpretation in Post-Colonial Literature. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, no.1 (161), pp. 291–306. (In Russ.).

Shafranskaya, E. F. and Dolzhikova, A. V. (2024) Karl Schmückle is unknown companion on the Tuvan journey of Otto Menchen-Helfen. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 135–147. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.9>

Said, E. W. (1978) *Orientalism*. New York, Vintage Books. 368 p.

Submission date: 20.12.2023.

Accepted date: 20.01.2024.

DOI: 10.25178/nit.2024.1.9

Статья

Карл Шмюкле — неизвестный соратник по тувинскому путешествию Отто Менхен-Хельфена

Элеонора Ф. Шафранская

Московский городской педагогический университет; Российский государственный гуманитарный университет,
Российская Федерация,

Анжела В. Должикова

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

Настоящей статьёй в научный оборот вводится имя Карла Карловича Шмюкле, спутника Отто Менхен-Хельфена в путешествии в Туву 1929 года. Если о Менхен-Хельфене существует многообразная литература, начиная с его книги "Reise ins Asiatische Tuwa" (1931), то Шмюкле в истории XX века достался статус *persona non grata*.

Причина заключается в том, что он был арестован в 1937 г. и расстрелян в 1938 г. Авторство упоминаемой многими исследователями статьи, предшествовавшей книге Менхен-Хельфена, о поездке в Туву, априори приписывалось Менхен-Хельфену. Где эта статья была напечатана, кто же ее автор, каково заглавие — эта информация отсутствует в научном дискурсе или дается с искажением. Приводится полностью информация об этой статье, ее полный текст; представляется ее автор К. К. Шмюкле; а также дается небольшой биографический очерк о нем.

Ключевые слова: Тува; Отто Менхен-Хельфен; Карл Шмюкле; «Путешествие в Тувинскую республику»; история тувиноведения; репрессии 1930-х годов

Для цитирования:

Шафранская Э. Ф., Должикова А. В. Карл Шмюкле — неизвестный соратник по тувинскому путешествию Отто Менхен-Хельфена // Новые исследования Тувы. 2024, № 1. С. 135-147. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.9>

Шафранская Элеонора Федоровна — доктор филологических наук, профессор, профессор института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета; профессор кафедры истории русской литературы новейшего времени Российского государственного гуманитарного университета. Адреса: 129226, Россия, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 1; 125047, Россия, г. Москва, Миусская площадь, д. 6. Эл. адрес: shafranskayaef@mail.ru

Должикова Анжела Викторовна — кандидат химических наук, директор Института русского языка Российского университета дружбы народов; член Совета при Президенте Российской Федерации по русскому языку, вице-президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы, ведущий эксперт фонда «Русский мир». Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, к. 10, корпус 3. Эл. адрес: dolzhikova_av@p

SHAFRANSKAYA, Eleonora Fedorovna, Doctor of Philology, Professor, Professor, Institute of Humanities, Moscow City University; Professor, Department of History of Russian Literature of Contemporary Times, Russian State University for the Humanities. Postal address: Office 1, 4 2nd Sel'skokhozyaistvennyi proezd, 1129226, Moscow, Russia; 6 Miusskaya av., 125047, Moscow, Russia. E-mail: shafranskayaef@mail.ru

DOLZHIKOVA, Anzhela Viktorovna, Candidate of Chemical Sciences, Director, Russian Language Institute, RUDN University; member, Russian Language Council under the President of the Russian Federation, vice-president, Russian Society of Teachers of Russian Language and Literature, leading expert, Russkiy Mir Foundation. Postal address: 3/10, Miklukho-Maklay St., 117198, Moscow, Russia. Email: dolzhikova_av@pfur.ru

Karl Schmückle is unknown companion on the Tuvan journey of Otto Menchen-Helfen

Eleonora F. Shafranskaya

Moscow City Pedagogical University; Russian State Humanitarian University, Russian Federation,

Angela V. Dolzhikova

RUDN University, Russian Federation

The article introduces Karl Karlovich Schmückle, who was a companion of Otto Menchen-Helfen during their trip to Tuva in 1929. Although there is a rich literature about Menchen-Helfen, beginning with his book “Reise ins Asiatische Tuwa” (1931), Schmückle became a persona non grata figure in the history of the 20th century.

The reason for this is that he was arrested in 1937 and executed in 1938. Many researchers have attributed the authorship of an article about the trip to Tuva to Menchen-Helfen prior to his book. However, the origin of this article is often confused, as the identity of its author and the title are missing from scientific discourse or given with distortion. This article provides full information about the article, its full text, and its author, Karl K. Schmückle. A short biographical sketch of Schmuckler is also given in the article.

Keywords: Tuva; Otto Menchen-Helfen; Karl Schmückle; “Journey to the Tuvan Republic”; history of Tuvan studies; repressions 1930s

For citation:

Shafranskaya E. F. and Dolzhikova A. V. Karl Schmückle is unknown companion on the Tuvan journey of Otto Menchen-Helfen. *New Research of Tuva*, 2024, no. 1, pp. 135-147. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.9>

Введение

В монографии, посвященной известным в тувиноведении двум травелогам начала XX в. — Д. Каррутерса и О. Менхен-Хельфена, М. В. Монгуш подводит столетние итоги преобразований и изменений в Туве (Монгуш, 2010). В частности, она представляет взгляд Менхен-Хельфена на инфраструктуру Кызыла, столицы Тувы, — а затем свой, современного жителя и знатока города, который в XXI веке мало чем отличается от прочих. Судя по списку цитируемой в монографии литературы, М. В. Монгуш удалось попасть в архив Министерства внутренних дел РФ и прочитать первый «секретный» перевод берлинской книги “Reise ins Asiatische Tuwa” («Путешествие в Азиатскую Туву») (1931).

Одно из открытий, сделанных М. В. Монгуш и приведенных в ее книге, — это описание приложенной к первому переводу “Reise...” записки, которую составил А. Старков, консул СССР в Танну-Тува, где написано, что

«... в 1929 г. в Туву приезжало два немца (австрийских). Фамилии я их забыл. Один из них коммунист. Оба сотрудники московского Института Маркса и Энгельса, о чем имелась определенная документация. Целью посещения Тувы они назвали: 1) изучение ламаизма и шаманизма; 2) изучение феодализма. Приезд их в Туву в смысле паспортов, виз был надлежаще оформлен в Москве. Припоминаю, что они дали в “Прожекторе” (не то в конце 1929, не то в начале 1930 г.) небольшой очерк о Туве с иллюстрациями» (Монгуш, 2010: 85)¹.

¹ См. информацию о личности О. Менхен-Хельфена в статьях: (Монгуш, 2012, 2014).

Ссылаясь на калифорнийское издание путешествия Менхена¹, М. В. Монгуш комментирует эту записку:

«О втором немце, о котором упоминает А. Старков, в книге нет ни одного упоминания. У читателя может создаться впечатление, что Менхен-Хельфен был иностранцем в единственном числе, предпринявшем вояж в неведомую страну. Однако это было не так. В составе экспедиции был второй немец, которого звали Карл Шмюкель (Karl Schmückle)» (Монгуш, 2010: 85).

Больше М. В. Монгуш о нем ничего не пишет.

Кем был этот пока неведомый «Шмюкель» — об этом наша статья.

Цель настоящей публикации — ввести в научный оборот утраченное имя писателя, попавшего в Туву в 1929 г., «литературоведа и очеркиста»² Карла Шмюкле — именно так правильно пишется его фамилия. Задачи: представить случаи упоминания в тувиноведении (объективные и субъективные) статьи К. Шмюкле и его имени; познакомить современного читателя со статьей К. Шмюкле «Путешествие в Тувинскую республику»; на основе архивных документов (Государственного архива Российской Федерации — далее ГА РФ и Российского государственного архива литературы и искусства — далее РГАЛИ) составить очерк о биографии и творческой деятельности К. Шмюкле.

Объект исследования: личность Карла Шмюкле в историческом контексте первой трети XX века. Предмет исследования: биография К. Шмюкле, в том числе тувинские факты в ней.

Источниковая база: статья Карла Шмюкле «Путешествие в Тувинскую республику»³; «Дело по обвинению Шмюкле» из ГА РФ и рукописи Шмюкле из РГАЛИ; труды тувиноведов, посвященные книге О. Менхен-Хельфена “Reise ins Asiatische Tuwa”⁴ (Монгуш, 2010, 2012, 2014; и др.⁵).

Карл Шмюкле

Итак, «вторым немцем» был Карл Карлович Шмюкле (*фото 1*). Сначала приведем небольшую справку, касающуюся его принадлежности к кругу Менхен-Хельфена. Этой справки в печатном виде нет нигде, мы же нашли информацию в рукописном следственном деле, хранящемся в Государственном архиве РФ, из «расстрельного» фонда № 10035.

Подданный Германии, 1898 года рождения, в 1925 г. Шмюкле был командирован Германской коммунистической партией в Москву, в Институт Маркса и Энгельса, для работы над «международным изданием сочинений Маркса и Энгельса и немецкого популярного издания»⁶. Фраза «Один из них коммунист» относится к К. К. Шмюкле: он состоял «в ГКП [Германской коммунистической партии] с 1919 г. по 1926 г., ВКП(б) с 1926 по 1936⁷ г.»⁸ Прибыв в Москву, в институт, через некоторое время он познакомился с Отто Менхен-Хельфеном, с которым совершил путешествие в Туву в 1929 году.

Шмюкле был политэмигрантом, и, вероятнее всего, Отто Менхен-Хельфен не упоминает о нем в своей книге по обоюдной договоренности, чтобы не навредить тому⁹.

¹Manchen-Helfen O. Journey to Tuva: An Eye-Witness Account of Tannu-Tuva in 1929 / Transl. and annotated by Alan Leighton. Los-Angeles: Ethnographics Press, University of Southern California, 1992.

²Так указал сам К. К. Шмюкле в анкете 1936 г. (Дело обвиняемого: Шмюкле Карл Карлович // ГА РФ, ф. 10035, д. П-72312, л. 115).

³Шмюкле К. Путешествие в Тувинскую республику // Прожектор. 1930. № 1(223). 5 января. С. 26–27.

⁴Mänchen-Helfen O. Reise ins Asiatische Tuwa. Berlin: Verlag der Bücherkreis GmlH, 1931. 172 s.

⁵Моллеров Н. М. Отто Менхен-Хельфен: вторая жизнь его книги о Туве // Люди и события Тувы: Календарь-хронограф 2016 / сост. Е. М. Ак-Кыс; ред. Н. М. Моллеров. Кызыл: Национальная библиотека им. А. С. Пушкина Республики Тыва, 2015. С. 25–28.

⁶Дело по обвинению Шмюкле // ГА РФ, ф. 10035, д. П-72312, л. 73.

⁷«В 1936 году Шмюкле был исключен из рядов партии как троцкист» (ГА РФ, ф. 10035, д. П-72312, л. 3).

⁸Дело по обвинению Шмюкле // ГА РФ, ф. 10035, д. П-72312, л. 5.

⁹Автор очерка о Менхен-Хельфене Н. М. Моллеров имеет другое мнение (кстати, он не называет имя спутника Менхена, хотя М. В. Монгуш за пять лет до этого очерка его опубликовала): «...О. Менхен-Хельфен даже не упомянул о своем коллеге — еще одном австрийском ученом, тоже сотруднике Института Маркса-Энгельса, коммунисте, который побывал в Туве вместе с ним. В общем, австрийский исследователь, обозначая свой приоритет в посещении Тувы, что называется, сильно тянул одеяло на себя» (См.: Моллеров Н. М. Отто Менхен-Хельфен: вторая жизнь его книги о Туве // Люди и события Тувы: Календарь-хронограф 2016 / сост. Е. М. Ак-Кыс; ред. Н. М. Моллеров. Кызыл: Национальная библиотека им. А. С. Пушкина Республики Тыва, 2015. С. 27).

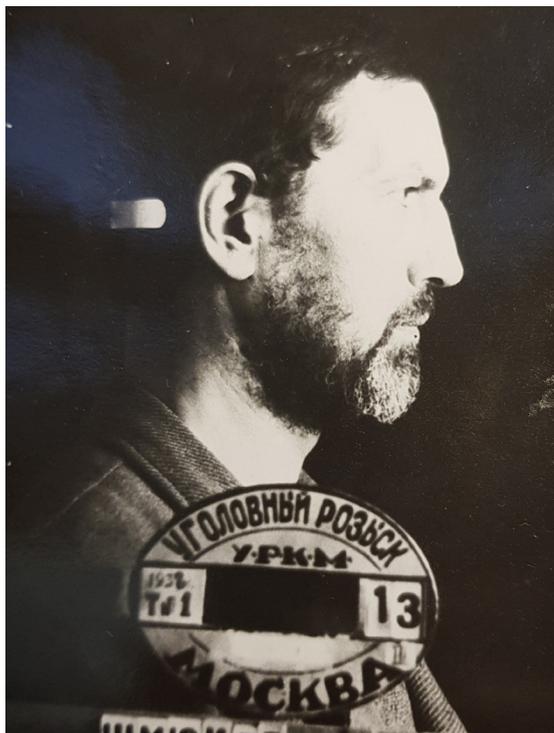

Фото 1. Карл Карлович Шмюкле. Фото из ГА РФ, ф. 10035, д. П-72312, л. 44.
Photo 1. Karl Karlovich Schmückle. Photo from GA RF, f. 10035, d. P-72312, l. 44.

Надо сказать об одной важной детали в связи с тувинской поездкой Шмюкле. Исследовательница М. В. Монгуш пишет: «По возвращении в Москву **Менхен-Хельфен опубликовал небольшую статью** о Туве в одной из московских газет. Она была оценена критиками идеологического фронта как просоветская, и ее автор никаких подозрений относительно своей политической благонадежности у советских спецслужб не вызвал» (Монгуш, 2012: 134; выделено нами. — Э. Ш., А. Д.).

Эту статью, или очерк, комментирует и историк Н. М. Моллеров, ссылаясь на записку консула, обнаруженную М. В. Монгуш, где сказано, что очерк «бессодержательный» и «невинный». Моллеров пишет: «Но в этот невинный научный материал О. Менхен-Хельфен позднее щедро добавил политических ингредиентов, и получилось то, что мы сейчас читаем»¹.

Теперь мы понимаем, что историк эту статью не видел и не читал.

Следуя тому, что написал консул А. Старков, мы нашли этот очерк — но не в газете, как растиражировано, а в журнале «Прожектор» (приложении к газете «Правда») за 1930 год. Ее автор — не Менхен-Хельфен, а Карл Шмюкле!

Да, очерк «просоветский», как пишет М. В. Монгуш (а иначе и быть не могло в советской печати), и выражает общую установку: счастье Туве дарит Октябрьская революция. Этот советский ориенталистский канон набирал обороты уже с конца 1920-х годов. Вспомним повесть Андрея Платонова «Джан»: «В аду твой народ уже был, пусть поживет в раю, а мы ему поможем всей нашей силой»², — сказано Чагатаеву в ЦК партии. Или реплики персонажей в более позднем тексте культуры — фильме Владимира Мотыля «Белое солнце пустыни»: «Час освобождения настает!», «Забудьте вы, к чертям, свое проклятое прошлое» (о подобных примерах см.: Шафранская, 2016: 21–22).

В своем очерке о тувинских впечатлениях Шмюкле не упоминает Менхен-Хельфена, как и Менхен в своей книге — Шмюкле (еще раз повторим: возможно, таков был уговор). Повествование ведется

¹ Моллеров Н. М. Отто Менхен-Хельфен: вторая жизнь его книги о Туве // Люди и события Тувы: Календарь-хронограф 2016 / сост. Е. М. Ак-Кыс; ред. Н. М. Моллеров. Кызыл : Национальная библиотека им. А. С. Пушкина Республики Тыва, 2015. С. 26.

² Платонов А. Избранные произведения / сост. М. А. Платонова. М.: Экономика, 1983. С. 503.

то от первого лица единственного числа («я»), то множественного («мы»). Ключевые слова очерка вынесены в первую строчку: «Что за талантливый народ!», далее усиленную словами «черт возьми», — это говорит о тувинцах русский крестьянин. Автор очерка комментирует: «черт возьми» — не ругательство, а выражение восторга¹.

В книге, которая выйдет годом позже, Менхен-Хельфен — напротив — отказывает тувинцам в творческом потенциале². Случился такой писательский дуэт: хвалящий тувинцев Шмюкле и критикующий их Менхен-Хельфен.

Чтобы тувиноведы могли самостоятельно судить о содержании очерка К. Шмюкле, мы вводим в научный оборот полный текст статьи, одновременно приводя и сканы двух страниц (*фото 2 и 3*), и текст.

Карл Шмюкле

ПУТЕШЕСТВИЕ В ТУВИНСКУЮ РЕСПУБЛИКУ

«Что за талантливый народ!» Говоривший был сыном русского крестьянина-колониста. Речь шла о тувинцах. Я прекрасно помню этот паляще-жаркий день в степи, недалеко от Кызыл-Хото, «Красного города», в Тувинской народной республике. Мы посвятили этот день поискам тех оригинальных, ценных для историка культуры рисунков на камнях, которые так часто попадают в Урянхае. В конце концов мы страшно проголодались, жажда мучила нас. Мы добрались до одинокой заимки и рассчитывали напиться там чаю и, быть может, поговорить о местных нравах и обычаях.

«Да, талантливый народ», — повторил молодой крестьянин и для большей убедительности подкрепил свое восхищение увесистым «черт возьми». Я глубоко убежден, что раньше, до последнего времени, внесшего большие перемены в жизнь этой маленькой азиатской страны, ни один «иностранец» — будь то китаец или русский — не отзывался так о презренных, угнетенных сойотах, как называли раньше тувинцев. Но революция обладает «чудесной» способностью давать жизни каждого народа толчок, будить дремлющие в нем, скрытые силы. (Поэтому не нужно думать, что «черт возьми» означало ругательство; наоборот — это было выражение восторга.)

Незадолго перед мировой войной англичанин Каррутерс путешествовал по этой стране степей и холмов. Она расположена у верховьев Енисея, между Сибирью и Монголией. С юга тянутся Саянские горы, с севера — хребет Танну-Ола. (Каррутерс написал тогда книгу «Неисследованная Монголия»³). С тех пор Тува совершенно переменила свой облик. В продолжение столетий «сойотские варвары» находились под господством китайских мандаринов и монгольских «нойонов» (князей). Ко всему этому прибавилось еще царское иго и «блага цивилизации», распространяемые капиталом по всему земному шару: в Туву они явились в образе русских искателей приключений, золотоискателей, спекулянтов, ростовщиков и, наконец, царских эмиссаров, когда царское правительство в 1914 году взяло Урянхай под свой протекторат. Страна была богата золотом, серебром, медью, асбестом, драгоценной пушниной, — но, несмотря на все эти богатства, скотоводы и неимущие «араты» жили в жестокой нужде.

Пришли иные дни. Наступила Октябрьская революция и гражданская война. Пришли годы, когда русские крестьяне и тувинские араты сообща повели жестокую борьбу против белогвардейских банд и армии китайских угнетателей. В 1921 году, когда, наконец, была отвоевана свобода, была основана «Тувинская народная республика», государство, построенное наподобие Монгольской республики.

Много раз, по вечерам, усталые, сидя у костра и дожидаясь шашлыка, мы слышали из уст друга и переводчика Шуры — он был в свое время самым молодым участником партизанского отряда — воспоминания и рассказы о героической борьбе в Урянхайском крае.

Я собираюсь рассказать не об «исторических» временах, не о древнем вожде тувинцев Субботае⁴, который, подобно Чингисхану, вел свое победное войско на запад, все дальше и дальше, пока не дошел до Германии; исследование курганов, каменных баб, древних рисунков и развалин, которых так много в

¹ Шмюкле К. Путешествие в Тувинскую республику // Прожектор. 1930. № 1(223). 5 января. С. 26.

² См. статью в этом номере: (Шаймерденова, Гарипова, Шафранская, 2024).

³ Каррутерс А. Д. Неведомая Монголия Том I. Урянхайский край / пер. с англ. Н. В. Турчанинова. Петроград, 1914. — ред.

⁴ Так автор написал имя Субэдэя (1175–1248) — монгольского полководца, соратника Чингисхана. — Э. Ш., А. Д.

Сергей Марков.

УССУРИЙСКАЯ БАЛЛАДА.

Можешь ты держать пари,
У него высокий чин,
Приезжал на Уссури
Самый главный мандарин.
Щелчи дерягит на оглет,
Глядя вышитый погон.
Десять шелковых знамен,
Бронированный вагон,
На площадке пулемет.
А ученый какаду,
Пестрый корм клевать устат,
Голосит на весь состав:
— Вырвем красную звезду!
Гаоляны высоки,
В гаолянах зреет злость,
Ест акулы плавники
В бронепоезде наш гость.
А в харбинский ресторан,
С круглым шрамом на щеке,
Входит Черный Атаман

В остинском башмаке.
Машет саблей дорогой,
А изнанники кричат:
— «Полегли по сотне в ряд
От клинков и от гранат
Добровольцы под Ургой!
Снег Москвы — теплой перин.
Снят в Кремле колокола,
Честь двуглавого орла
Защищает мандарин!»
Пулеметный чстокол,
По штыкам ползет туман,
Сторожат зеленый стол
Мандарин и атаман.
Пьют и спорят до зари,
В ожиданьи эстафет,
Прочертв на карте след,
Грозди бешеных торпед.
Разбросав по Уссури.
Шлет депешу Сахалян:

— Взять границу не могли
Кипарисы в гаолян
На рассвете полегли!
И кричит хунхузский волк:
— Атаман! За все труды
Просит мой особый полк
Вдвое денег и еды!
Не поможет динамит —
Зол китайский казначей...
За кордонами гремит
Круглый говор москвичей.
Взвыл по - волчи атаман,
Оступая на Гирин,
А учтивый мандарин,
Позабыв свой важный чин,
Сел в большой аэроплан.
А забытый какаду,
Видя сто багровых звезд,
На оконную слоду
Урони свой пестрый хвост.

Карл Шмюкле.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ТУВИНСКУЮ РЕСПУБЛИКУ.

«Что за талантливый народ!» Говоривший был сыном русского крестьянина-колониста. Речь шла о тувинцах. Я прекрасно помню этот паляще-жаркий день в степи, недалеко от Кызыл-Хото, «Красного города», в Тувинской народной республике. Мы посетили этот день поискам тех оригинальных, ценных для историка культуры, рисунков на камнях, которые так часто попадаются в Урянхасе. В конце концов мы страшно проголодались, жажда мучила нас. Мы добрались до одинокой замки и рассчитывали напиться там чаю, и, быть может, поговорить о местных нравах и обычаях.

Звериная маска на празднике Майдыр.

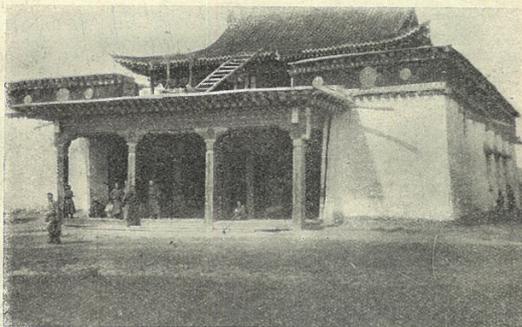
«Да, талантливый народ» — повторил молодой крестьянин и для большей убедительности подкрепил свое восхищение увесистым «черт возьми». Я глубоко убежден, что раньше, до последнего времени, внесшего большие перемены в жизнь этой маленькой азиатской страны, ни один «иностралец» — будь то китаец или русский — не отыскался так о презренных, угнетенных сойтах, как называли раньше тувинцев

Но революция обладает «чудесной» способностью давать жизни каждого народа толчок, будить дремающие в нем, скрытые силы. (Поэтому не нужно думать, что «черт возьми» означало обычное ругательство; наоборот — это было выражение восторга).

Незадолго перед мировой войной англичанин Каррутерс путешествовал по этой стране степей и холмов. Она расположена у верховьев Енисея, между Сибирью и Монголией. С юга тянутся Саянские горы, с севера — хребет Танну-Ола. (Каррутерс написал тогда книгу «Неисследованная Монголия»). С тех пор Тува совершенно переменила свой облик. В продолжение столетий «сойтские варвары» находились под господством китайских мандаринов и монгольских «ноянов» (князей). Ко всему этому прибавилось еще царское иго и «блага цивилизации», распространяемые капиталом по всему земному шару: в Туву они явились в образе русских искателей приключений, золотоискателей, спекулянтов, ростовщиков и, наконец, царских эмиссаров, когда царское правительство в 1914 году взяло Урянхай под свой протекторат. Страна была богата золотом, серебром, медью, асбестом, драгоценной пушницей — но, несмотря на все эти богатства, скотоводы и неумишле «араты» жили в жестокой нужде.

Пришли иные дни. Наступила Октябрьская революция и гражданская война. Пришли годы, когда русские крестьяне и тувинские араты сообща повели жестокую борьбу

бу против белогвардейских банд и армий китайских угнетателей. В 1921 году, когда, наконец, была отвоєвана свобода, была основана «Тувин-

Главный храм при монастыре Далай-ламы в Туве.

ская народная республика», государство, построенное наподобие Монгольской республики.

Много раз, по вечерам, усталые, сидя у костра и дожидаясь шашлыка, мы слышали из уст друга и переводчика Шурн — он был в свое время самым молодым участником партизанского отряда — воспоминания и рассказы о героической борьбе в Урянхайском крае.

Я собираюсь рассказать не об «исторических» временах, не о древнем вожде тувинцев Субботе, который подобно Чингис-хану вел свое победное войско на запад, все дальше и дальше, пока не дошел до Германии; исследование курганов, каменных баб, древних рисунков и развалин, которых так много в Тувинской республике, я предоставляю заслуженным ученым. (Тува — это поистине одновременно и исторический музей и колыбель будущего!). Я хочу лишь сказать несколько слов о том, что мы видели собственными глазами, раз'езжая в течение нескольких недель верхом, в автомобиле, в тарантасе и на плоту по Туве. Со времени войны и революции мы были первыми «людьми с Запада», появившимися в этих краях...

«Каменная баба» в степи у Комчик-реки. Вождь извращения — комсомолец, партизан гражданской войны.

Некоторое время мы жили в палатках в красивой степной долине, на берегу реки Чедан. Это на западе Тувы, в районе Кемчика. Тогда как раз праздновалось восьмилетие со дня основания Тувинской республики. Был устроен политический митинг и настоящий народный праздник. Мальчики (тувинские ковчиги — прекрасные наездники) скакали на соседственных лошадей. Состояния в борьбе тянулись со всеми церемониальными целями часами. Борьба — любимое развлечение монголов и тувинцев. В открытых палатках было расставлено угощение — сыр, кумыс и, — я

Фото 2. Статья К. Шмюкле «Путешествие в Тувинскую республику» в журнале «Прожектор» в 1930 г. 1-я страница. Photos 2. K. Schmückle's article "Journey to the Tuvan Republic" in the magazine "Prozhektor" in 1930. 1st page.

не собираюсь умолчать об этом.—арак, молочная водка, которую пьют на Тибете и в Монголии. В этом политическом празднестве принимали участие и русские колонисты, сибирские крестьяне, предпринявшие здесь закладку города в степи.

Тувинские женщины.

Какой контраст: когда мы несколькими неделями позже покинули равнины и горы западной Тувы и возвратились опять к реке Чедан, мы были свидетелями большого религиозного праздника Майдыр. В этой долине расположены два монастыря (куре), в которых живут ламы. Они устроили торжественные процессии с масками зверей и сожеств, с огромными зыбнами, с гонгами и барабанами, под звуки котоых громко повторялся тибетско-буддийский моитва «Ом мани падме хум».

Но и в Туве начался поход против религии: это видно было из того, что на праздник явилось мало народу. Нам рассказывали о случаях, когда довольно было одной встречи с партийным агитатором для того, чтобы целая группа молодых ламонахов сняла желтые халаты и покинула монастырь. Но все же вы еще увидите сегодня в каждой юрте буддийский алтарь рядом с железной и медной посудой, привезенной из Советского Союза.

Советский плауг уживается рядом с шаманским костюмом и бубном. Тяжела борьба, которую ведет новое со старым в отсталой, некультурной,

кочевой стране. В дальних уголках страны еще сеют руками просо и ячмень, а на первой государственной ферме уже разезжают тракторы. В молахнях и монастырях еще раздаются звуки медных рожков,—а из Москвы и Улады уже возвращаются первые группы тувинских студентов, чтобы поделить свои знаниями и уроками Советов с обитателями бедных юрт. Темной ночью еще можно увидеть в юрте шаманский танец, с помощью которого изгоняется «злой дух» из больного ребенка,—а на золотых принцах у Енисея уже работают вместе с рабочими — сибиряками первые кадры тувинского пролетариата.

И, в самом деле, какие контрасты! Но все эти контрасты тувинского быта, которые встречает путешественник во всех хошунах (районах), являются лишь продуктом классовой борьбы, которая проводится в свое культурное и социальное развитие примитивного коче-

Председатель «Малого Хурулдана».

вого народа. Национальная революция была лишь путем к «демократической», политической революции. Социальная революция должна наступить неизбежно. Уже во время борьбы за национальное освобождение вспыхнул противоречия между богатыми и бедными, между аратами, пастухами, не имеющими скота, с одной стороны, и ноюнами, владельцами больших стад — с другой. Политическое освобождение дало экономическую свободу в первую очередь богатому меньшинству, стала которых быстро размножаются. Классовая дифференциация быстрыми шагами пошла вперед. В конце — концов, классовые противоречия остро вскрылись в «Народной партии», в которой богатые круги в союзе с ламами обеспечили себе сильное влияние. В начале 1929 года радикальные элементы, опирающиеся на Коммунистический Интернационал, одержали победу на IV конгрессе революционного союза молодежи, а несколькими месяцами позже — на сезде Малого Хурулдана (исполнительный комитет республики) установлен новый, левый курс, который с течением времени превратится в курс социалистический.

В арате, в бедняке, разбужено политическое самосознание, и он на-

Тувинские комсомольцы.

чинает предъявлять свои экономические требования. В самой партии в настоящий момент предпринята радикальная чистка; многие государственные и партийные деятели отстранены от постов: в некоторых местах из партии исключено две трети членов.

Партия и союз молодежи должны быть полностью обновлены и превратиться в подлинную организацию бедноты. Основной лозунг дня: «Экспроприация крупных собственников скота».

Группа тувинцев на народном празднике в честь восьмилетнего существования Тувинской республики.

Тувинская республика стоит на рубеже новой эпохи своего экономического, социального и политического развития. Этап, начавшийся восемь лет тому назад национальным самоопределением, пройден. Тувинский бедняк знает, что Советский Союз и ВКП(б) помогут ему в его борьбе, как уже помог однажды русский крестьянин в борьбе против «белого царя».

Следующий номер „Прожектора“ выйдет 15 января

Фото 3. Статья К. Шмюкле «Путешествие в Тувинскую республику» в журнале «Прожектор» в 1930 г. 2-я страница.
Photos 3. K. Schmückle's article "Journey to the Tuvan Republic" in the magazine "Prozhektor" in 1930. 2st page.

Тувинской республике, я предоставляю заслуженным ученым. (Тува — это поистине одновременно и исторический музей, и колыбель будущего!) Я хочу лишь сказать несколько слов о том, что мы видели собственными глазами, разъезжая в течение нескольких недель верхом, в автомобиле, в тарантасе и на плоту по Туве. Со времени войны и революции мы были первыми «людьми с Запада», появившимися в этих краях...

Некоторое время мы жили в палатках в красивой степной долине, на берегу реки Чедан¹. Это на западе Тувы, в районе Кемчика. Тогда как раз праздновалось восьмилетие со дня основания Тувинской республики. Был устроен политический митинг и настоящий народный праздник. Мальчики (тувинские кочевники — прекрасные наездники) скакали на неоседланных лошадях. Состязания в борьбе тянулись со всеми церемониями целыми часами. Борьба — любимое развлечение монголов и тувинцев. В открытых палатках было расставлено угощение — сыр, кумыс и — я не собираюсь умолчать об этом — арак², молочная водка, которую пьют на Тибете и в Монголии. В этом политическом празднестве принимали участие и русские колонисты, сибирские крестьяне, предпринявшие здесь закладку города в степи.

Какой контраст: когда мы несколькими неделями позже покинули равнины и горы западной Тувы и возвратились опять к реке Чедан, мы были свидетелями большого религиозного праздника Майдыр. В этой долине расположены два монастыря (куре), в которых живут ламы. Они устроили торжественные процессы с масками зверей и божеств, с огромными знаменами, с гонгами и барабанами, под звуки которых громко повторялась тибетско-буддийская молитва «Ом мани падме хум».

Но и в Туве начался поход против религии, это видно из того, что на праздник явилось мало народу. Нам рассказывали о случаях, когда довольно было одной встречи с партийным агитатором для того, чтобы целая группа молодых лам-монахов сняла желтые халаты и покинула монастырь. Но все же вы еще увидите сегодня в каждой юрте буддийский алтарь с железной и медной посудой, привезенной из Советского Союза.

Советский плуг уживается рядом с шаманским костюмом и бубном. Тяжела борьба, которую ведет новое со старым в отсталой, некультурной, кочевой стране. В дальних уголках страны еще сеют руками просо и ячмень, а на первой государственной ферме уже разъезжают тракторы. В молельнях и монастырях еще раздаются звуки медных рожков, а из Москвы и Улады³ уже возвращаются первые группы тувинских студентов, чтобы поделиться своими культурными знаниями и уроками Советов с обитателями бедных юрт. Темной ночью еще можно увидеть в юрте шаманский танец, с помощью которого изгоняется «злой дух» из больного ребенка, — а на золотых приисках у Енисея уже работают вместе с рабочими-сибиряками первые кадры тувинского пролетариата.

И в самом деле, какие контрасты! Но все эти контрасты тувинского быта, которые встречает путешественник во всех хошунах (районах), являются лишь продуктом классовой борьбы, которая сопровождает всякое культурное и социальное развитие примитивного кочевого народа. Национальная революция была лишь путем к «демократической», политической революции. Социальная революция должна наступить неизбежно. Уже во время борьбы за национальное освобождение всплыли противоречия между богатыми и бедными, между аратами, пастухами, не имеющими скота, с одной стороны, и нойонами, владельцами больших стад — с другой. Политическое освобождение дало экономическую свободу в первую очередь богатому меньшинству, стада которых быстро размножаются. Классовая дифференциация быстрыми шагами пошла вперед. В конце концов классовые противоречия остро вскрылись в «Народной партии», в которой богатые круги в союзе с ламами обеспечили себе сильное влияние. В начале 1929 года радикальные элементы, опирающиеся на Коммунистический Интернационал, одержали победу на IV конгрессе революционного союза молодежи, а несколькими месяцами позже — на съезде Малого Хурулдана⁴ (исполнительный комитет республики) установлен новый, левый курс, который с течением времени превратится в курс социалистический.

В арате, в бедняке, разбужено политическое самосознание, и он начинает предъявлять свои экономические требования. В самой партии в настоящий момент предпринята радикальная чистка; многие государственные и партийные деятели отстранены от постов: в некоторых местах из партии исключено две трети членов.

¹Правильно — Чадан. — *ред.*

²Арака. — *ред.*

³Улады — топоним; город в Кяхтинском районе Республики Бурятия; см.: Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. Иркутск, 2018. Т. 20. С. 458.

⁴Малого хурала. — *ред.*

Партия и союз молодежи должны быть полностью обновлены и превратиться в подлинную организацию бедноты. Основной лозунг дня: «Экспроприация крупных собственников скота».

Тувинская республика стоит на рубеже новой эпохи своего экономического, социального и политического развития. Этап, начавшийся восемь лет тому назад национальным самоопределением, пройден.

Тувинский бедняк знает, что Советский Союз и ВКП(б) помогут ему в его борьбе, как уже помог однажды русский крестьянин в борьбе против «белого царя».

Биография Карла Шмюкле на основе архивных документов

Арестованный в ноябре 1937 г., Карл Шмюкле постановлением НКВД СССР от 24 января 1938 г. был приговорен к расстрелу, который приведен в исполнение на Бутовском полигоне Московской области 14 марта 1938 г.

Вот один из фрагментов протокола допроса из почти полутора сотен страниц «дела» Шмюкле:

«Вопрос: Следствию известно, что вы писали ряд троцкистских статей в журнале “Интернациональная литература”, вы этого признаете?

Ответ: Нет, никаких троцкистских статей я никогда не писал.

Вопрос: Следствию известно, что в 1935 г. вам был вынесен строгий выговор за написанные вами троцкистские статьи в журнале “Интернациональная литература”, вы это признаете?

Ответ: Мне был вынесен строгий выговор по партийной линии не за троцкистские статьи, как вы указываете, написанные мной, а за допущенную мной, как зам. редактора немецкого издания этого журнала, ошибку, которая выразилась в следующем. Вернувшись в конце января или начале февраля 1935 г. в Москву, после двух с половиной месячной командировки, я в срочном порядке дал разрешение печатать декабрьский журнал № 12, который был подготовлен к печати не мною и не под моей ответственностью; в этом номере был протест немецких писателей, написанный еще в начале декабря, против убийства С. М. Кирова, в написании протеста не были упомянуты убийцы — зиновьевцы и троцкисты, тогда как в это время уже было известно, что убийцами являлись зиновьевцы. За эту допущенную ошибку, которая на следующий день была исправлена, мне дали строгий выговор»¹.

Следствие Карлу Шмюкле не верит. Опять и опять задает вопросы вокруг этого инцидента.

Как мог человек, столь преданный делу социалистической революции, прославлявший ее устно и письменно, попасть под каток репрессий — с обвинением в контрреволюционной деятельности? Ответа на этот вопрос нет до сих пор — судьба Шмюкле подобна судьбам сотен тысяч его современников. Во-первых, он был иностранцем, во-вторых, у него был широкий круг иностранных сотрудников: авторов и друзей — он работал редактором в журнале «Интернациональная литература», издававшемся в Москве. Почти все его коллеги к моменту ареста Шмюкле были тоже арестованы или уже расстреляны.

В Москве Карл Шмюкле проживал по адресу: Выставочный переулок, дом 16а, квартира 28. Этот дом стал почти полностью «расстрельным»²: там, кроме немногочисленных русских жителей, в основном проживали этнически не русские люди: евреи, поляки, латыши, чехи, болгары, австрийцы, немцы, венгры, румыны³ — все жильцы были расстреляны в 1937–1938 гг. (Шмюкле среди них), их останки лежат в Бутовских рвах.

За тринадцать лет жизни в СССР Шмюкле много успевает: он с интересом изучает страну, особенно советский Восток, пытается понять новую жизнь, глобальный проект под названием строительство социализма, в результате “Schmückle’s ‘East’ is coloured by a Leninist optimism”⁴ (Kangal, 2018: 71), по словам исследователя его творчества.

Помимо Тувы, судя по информации из протоколов допросов, он много раз побывал в Таджикистане, Туркмении и Узбекистане (в деле приводится длинный перечень городов этих советских республик), а с одним из таджикских знакомцев, писателем, у него завязалась многолетняя дружба и пере-

¹ Дело по обвинению Шмюкле // ГА РФ, ф. 10035, д. П-72312, л. 13–14.

² Ныне улица Академика Петровского.

³ См.: Nilsky Nikolay. История одного дома [Электронный ресурс] // LiveJournal. Nilsky_Nikolay. URL: <https://nilsky-nikolay.livejournal.com/110763.html> (дата обращения: 01.02.2024).

⁴ Перевод: «“Восток” Шмюкле окрашен в ленинский оптимизм».

писка, его имя — Муртаза Алави, которого признали сотрудником «гестапо» и расстреляли в Таджикистане в 1937 г.¹

В анкете немецкой секции иностранной комиссии Союза советских писателей (1936), заполненной Шмюкле, сообщается, что секция, а с ней и Шмюкле, планирует составить и издать сборник репортажей, под условным названием “Zwei Welten” («Два мира»), о социалистическом строительстве в Средней Азии. Однако не случилось: все среднеазиатские коллеги, с кем Шмюкле находился в контакте и дружил, были расстреляны (все личности журналистов, писателей, корреспондентов перечислены в Деле Шмюкле из ГА РФ).

На родине Карла Шмюкле набирал обороты нацистский режим. Все, кто недавно побывал в Германии, в СССР были подвергнуты репрессиям. Частые поездки Шмюкле на родину тоже сыграли против него. Последний аккорд его сорокалетней жизни уложился в две даты и два места: Гампенштайнер, Германия, 1898 — Бутово, СССР, 1938. К этой конечной дате у Шмюкле осталась в Германии семья: отец (лесничий, пенсионер), брат и сестра, а в Москве — жена и девятилетний сын Михаил Шмюкле.

На исходе оттепели, в 1969 г., сын Шмюкле обратился в КГБ СССР с заявлением: просил пересмотреть дело его отца, в этом заявлении содержатся сведения о мытарствах, выпавших на его долю:

«Мои отец и мать были политэмигрантами-коммунистами. Мать² работала врачом в Москве. Отец был сотрудником института Маркса-Энгельса-Ленина и членом ВКП(б). Отец, мать и я занимали квартиру в Москве (Выставочный переулок, д. 16а, кв. 28) в кооперативном доме. На этой квартире отец и был арестован. Вскоре одна из трех комнат нашей квартиры была отобрана. Других подробностей сейчас не помню, ибо в те времена был школьником 2-го класса. Никаких известий об отце с тех пор я никогда больше не получал.

В 1941 году я с матерью был эвакуирован в г. Андижан УзССР, где мать вскоре погибла, а я попал в детдом. В 1943 г. вернулся в Москву. Квартира оказалась окончательно занятой. Взамен ее я впоследствии получил крохотную комнату. В дальнейшие годы работал на производстве и учился. В 1958 г. окончил вечернее отделение Московского горного института. В настоящее время работаю в качестве старшего инженера в управлении “Центроналадка”...»³.

Только благодаря заявлению сына Карл Шмюкле был реабилитирован, также было восстановлено и его членство в Союзе писателей СССР.

Научная деятельность Карла Шмюкле

Какое наследство оставил Карл Шмюкле в истории гуманитарной мысли?

Окончив университет в Йене, он сблизился в Карлом Коршем⁴, тогдашним идеологом Коммунистической партии Германии. Шмюкле называют учеником Корша и коллегой Георга Лукача⁵ (Kangal, 2018: 68). В своей диссертации «Логико-исторические элементы утопии» (1923) Шмюкле исследовал источники утопического дискурса Маркса и Энгельса и его генезис — в литературе утопистов XVII-XIX вв.: Томаса Мора, Томмазо Кампанеллы, Этьенна-Габриэля Морелли. По словам специалиста этой темы и периода, Каана Кангала, труд Шмюкле был одним из самых основательных и всеобъемлющих исследований марксизма (см.: Kangal, 2018: 72).

Именно поэтому Шмюкле, как знатока истории и генезиса марксизма, отправляют в Институт Маркса и Энгельса для работы с рукописями теоретиков — международным коммунистическим движением был задуман глобальный проект MEGA⁶, возглавленный Д. Б. Рязановым⁷, основателем Института Маркса и Энгельса. Но Рязанов критически относился к деятельности и политике Ленина, о чем высказывался публично в академическом сообществе. В 1931 г. он был смещен со своей должности,

¹ Дело по обвинению Шмюкле // ГА РФ, ф. 10035, д. П-72312, л. 76.

² Анна Соломоновна Бернфельд-Шмюкле (1892 г. р.).

³ Дело по обвинению Шмюкле // ГА РФ, ф. 10035, д. П-72312, л. 49.

⁴ Карл Корш (1886–1961) — немецкий философ-марксист.

⁵ Георг (Дьёрдь) Лукач (1885–1971) — венгерский литературовед-марксист.

⁶ MEGA — немецкая аббревиатура от Marx-Engels-Gesamtausgabe (где *Gesamtausgabe* — сложное слово, обозначенное двумя буквами GA, что переводится как собрание сочинений).

⁷ Давид Борисович Рязанов (Гольдендах) (1870–1938) — историк-марксист, академик.

арестован и в 1938 г. расстрелян. А Шмюкле входил в круг Рязанова (о чем свидетельствуют протоколы допросов¹). Таким образом, судьба Шмюкле была предreshена.

Имя Карла Шмюкле не забыто — во всяком случае в западной академии. Так, в деле К. Шмюкле хранится письмо от Тюбингенского профессора Манфреда Шмидта, письмо датировано январем 1988 г.: адресант обращается в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС:

«В настоящее время я занимаюсь сбором биографического материала о бывшем студенте из Тюбингена, Карле Шмюкле (1898–1941?).

Шмюкле, изучавший сначала теологию (1918–1920), был — подобно философу Георгу Фридриху Вильгельму Гегелю — членом известной Протестантской семинарии (Евангелический монастырь), он был тесно связан с немецкой коммунистической партией. По своим политическим убеждениям он переехал из Тюбингена в Берлин, затем — в Йену, чтобы изучать экономику и стать доктором философии. С 1926 г. по 1931 г. он был сотрудником Института Маркса-Энгельса в Москве и отвечал за издание ранних работ Маркса. После этого он работал журналистом в Москве до тех пор, пока не умер (1941), став жертвой сталинских репрессий.

Не могли бы вы сообщить точную дату его смерти? А также выслать фотографию Шмюкле и его жены, Анны Бернфельд, которая была сотрудником этого Института? <...>².

И Манфред Шмидт ответ получил — он тоже хранится в деле Шмюкле. Один фрагмент этого ответа считаем необходимым процитировать (ответ составлен на основе данных, предоставленных КГБ СССР): «был обвинен в троцкизме и осужден в январе 1938 года. Карл Шмюкле скончался в местах лишения свободы 14 марта 1938 года» (курсив наш. — Э. Ш., А. Д.). Повторим, это написано в 1988 г. — в России полным ходом шла «перестройка», с открытостью и гласностью, а здесь — опять полуправда. Если за несколько лет до этого родственникам и близким казненных на их запросы отвечали, что «скончался в 1942/43 году», то здесь дата указана точно, а причина смерти (а это — расстрел) отсутствует.

Манфреда Шмидта, сосредоточившегося на судьбе Карла Шмюкле в конце 1980-х гг., интернет-источники называют входящим в тройку ведущих и значительных политологов Германии (мы пока не нашли его работу о Шмюкле, но у других исследователей есть шанс).

В России сохранена большая подборка рукописей Шмюкле литературоведческого характера (например, «Роман Бруно Франка о Сервантесе»³; «Иван Канкар⁴: очерк творчества»⁵; «Томас Мор»⁶, «Киш в Новом Свете»⁷ и др. — все на немецком языке) и многочисленная переписка с писателями и деятелями коммунистического движения (хранится в РГАЛИ).

Что касается многочисленных поездок Шмюкле по «советскому Востоку» — в Туву, в республики Средней Азии, то, скорее всего, у него зрел план — тот самый, о двух мирах (“Zwei Welten”). В строящейся новой советской жизни Шмюкле увидел реализацию утопии как реакцию на социальные беды, и отсюда — фантазии о грядущем мире.

Реакцией на растущий в Западной Европе фашизм стали его эссе и рассказы: рецензия на роман Анны Зегерс «Путь через февраль» (1935), «История золотой книги: утопический репортаж» (1935), «Томас Манн против фашизма» (1936), «Встречи с Дон Кихотом» (1936), «Современный Дон Кихот» (1936). В последнем тексте Шмюкле пишет о романе Сервантеса, отражающем «борьбу и тенденции нашего века», и о том, что литературная классика должна быть критически и интеллектуально переосмыслена — это станет первым шагом против идеи расчеловечивания, исходящей от фашистского режима (см.: Kangal, 2018: 76).

Именно в Советском Союзе, в тех его национальных окраинах, по которым он путешествовал, увидел Шмюкле реализованную утопию (см.: Kangal, 2018: 77).

¹ Дело по обвинению Шмюкле // ГА РФ, ф. 10035, д. П-72312, л. 33, 73.

² Там же, л. 138.

³ Редакция журнала «Интернациональная литература». К. Шмюкле. Роман Бруно Франка о Сервантесе // ГА РФ, ф. 1397, оп. 5, ед. хр. 41.

⁴ Ivan Sankar / Иван Цанкар (1876–1918) — словенский писатель-модернист.

⁵ Редакция журнала «Интернациональная литература». К. Шмюкле. Иван Канкар (очерк творчества) // ГА РФ, ф. 1397, оп. 1, ед. хр. 273.

⁶ Schmückle, Karl. Thomas Morus // Deutsche Zentral-Zeitung (DZZ). 1935. 09.07.

⁷ Schmückle, Karl. Kisch in der Neuen Welt // Deutsche Zentral-Zeitung (DZZ). 1935. 29.04.

Так, благодаря находке М. В. Монгуш и доступу к архивным «расстрельным» делам (что стало возможным только в начале XXI века), восстановлено еще одно звено (имя) в тувинском культурном «десантировании».

Заключение

Таким образом, наша статья вводит в научный оборот забытое по ряду причин имя писателя Карла Карловича Шмюкле, литературоведа и очеркиста, который отправился в Туву в 1929 г. вместе с австрийским историком Отто Менхен-Хельфеном и который за год до выхода книги Менхена “Reise ins Asiatische Tuwa” опубликовал в московском журнале «Прожектор» статью — очерк «Путешествие в Тувинскую республику», также впервые вводимую в научный оборот тувиноведения.

Очерк жизни и деятельности Карла Шмюкле в историческом контексте 30-х годов XX века имеет не только фактологическую значимость, но и просветительскую: на судьбе одного человека показаны травматические события отечественной истории, которые могут войти в практику работы с горем¹, теоретически освещенную Александром Эткиндо (Эткинд, 2016).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кириллов, В. В., Токарева, Е. А., Шафранская, Э. Ф. (2020) К обсуждению темы репрессий 30-х годов XX века в современном образовательном процессе // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. № 3(39). С. 124–132.

Монгуш, М. В. (2010) Тува век спустя после Каррутерса и Менхен-Хельфена. Осака : Национальный Музей этнологии. 212 с.

Монгуш, М. В. (2012) История австрийского синолога: К вопросу о научном туризме // Сервис в России и за рубежом. № 4. С. 133–143.

Монгуш, М. В. (2014) Кызыл глазами австрийского ученого Отто Менхен-Хельфена // Новые исследования Тувы. № 3. С. 166–171.

Шафранская, Э. Ф. (2016) Туркестанский текст в русской культуре: Колониальная проза Николая Каразина (историко-литературный и культурно-этнографический комментарий). СПб. : Свое издательство. 370 с.

Шафранская, Э. Ф. (2021) Бутовский полигон vs Нукусский музей имени И. В. Савицкого // Знамя. № 7. С. 180-205.

Шафранская, Э. Ф., Гарипова, Г. Т., Шаймерденова, Н. Ж. (2024) Открытие Тувы в ориенталистской оптике (Сергей Минцлов и Отто Менхен-Хельфен) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 121-134. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.8>

Эткинд, А. М. (2016) Кривое горе: Память о непогребенных / авториз. пер. с англ. В. Макарова. М. : Новое литературное обозрение. 328 с.

Kangal, K. (2018) Karl Schmückle and Western Marxism // Revolutionary Russia. Vol. 31. № 1. P. 67–85. DOI: <https://doi.org/10.1080/09546545.2018.1478671>

Дата поступления: 25.01.2024 г.

Дата принятия: 01.02.2024 г.

REFERENCES

Kirillov, V. V., Tokareva, E. A. and Shafranskaya, E. F. (2020) On discussing the issue of 1930-s repressions within modern educational process. *MCU journal of philology. Theory of linguistics. Linguistic education*, no. 3(39), pp. 124–132. (In Russ.).

Mongush, M. V. (2010) *Tuva a century after Carruthers and Menchen-Helfen*. Osaka, National Museum of Ethnology. 212 p. (In Russ.).

Mongush, M. V. (2012) The history of the Austrian sinologist: On the issue of scientific tourism. *Service in Russia and abroad*, no. 4, pp. 133–143. (In Russ.).

¹ О «бутовских казнях» в литературе и в реальности см. также: Кириллов, Токарева, Шафранская, 2020; Шафранская, 2021.

Mongush, M. V. (2014) Kyzyl through the eyes of the Austrian scientist Otto Menchen-Helfen. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 166–171. (In Russ.).

Shafranskaya, E. F. (2016) *Turkestan text in Russian culture: Colonial prose of Nikolai Karazin (historical-literary and cultural-ethnographic commentary)*. St. Petersburg, Own publishing house. 370 p. (In Russ.).

Shafranskaya, E. F. (2021) Butovo training ground vs Nukus Museum named after I.V. Savitsky. *Znamya*, no. 7, pp. 180-205. (In Russ.).

Shafranskaya, E. F., Garipova, G. T. and Shaimerdenova, N. Zh. (2024) Discovery of Tuva in Orientalist optics (Sergei Mintslov and Otto Maenchen-Helfen). *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 121-134 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.8>

Etkind, A. M. (2016) *Crooked grief: Memory of the unburied* / transl. from English by V. Makarov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 328 p. (In Russ.).

Kangal, K. (2018) Karl Schmückle and Western Marxism. *Revolutionary Russia*, vol. 31, no. 1, pp. 67–85. DOI: <https://doi.org/10.1080/09546545.2018.1478671>

Submission date: 25.01.2024.

Accepted date: 01.02.2024.

DOI: 10.25178/nit.2024.1.10

Статья

Традиционная лексика свадебной трапезы в тувинском языке

Любовь С. Кара-оол

Тувинский государственный университет, Российская Федерация,

Игорь В. Кормушин

Институт языкознания РАН, Российская Федерация

В статье анализируется традиционная лексика свадебной трапезы в тувинском языке. Материалом исследования послужили слова, извлеченные из изученной литературы, а также данные диалектологических и комплексных экспедиций одного из авторов по Туве в 1999–2023 гг., в ходе которых опрашивались респонденты старшего поколения, чьи свадьбы справлялись до 1960-х гг.

Исследуемую лексику можно анализировать по следующим лексико-семантическим группам: названия мясных блюд, названия молочных блюд, названия растительной пищи. Для мясных блюд свадебного пира тувинцы традиционно использовали баранину, в пищу шли мясо, кровяные изделия, внутренности (потроха), поэтому собрана соответствующая лексика. Также показана лексика молочных продуктов из сквашенного или сброшенного молока коровы, овцы, козы, яка, кобылы; растительной пищи.

В структурном отношении данную лексику составляют простые и сложные слова из двух компонентов, а также устойчивые выражения. В этимологическом отношении это общетюркские слова, собственно-тувинские слова и устойчивые выражения, в которых есть общетюркские компоненты, тюрко-монгольские компоненты, тюрко-китайские компоненты, монголизмы, тюрко-монгольские слова, а также были отмечены китаизм и арабизм.

Ключевые слова: лексика; тувинцы; тувинский язык; свадебная трапеза; мясная пища; растительная пища; молочная пища

Статья подготовлена в рамках научного проекта «Комплексные этногенетические, лингвоантропологические исследования родовых групп Тувы: универсальность, локальность, трансграничье» при финансовой поддержке РФФ (грант № 22-18-20113).

Для цитирования:

Кара-оол Л. С., Кормушин И. В. Традиционная лексика свадебной трапезы в тувинском языке // Новые исследования Тувы. 2024, № 1. С. 148-165. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.10>

Кара-оол Любовь Салчаковна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики языкового образования и логопедии Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 36. Эл. адрес: lkaraool61@mail.ru

Кормушин Игорь Валентинович — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института языкознания РАН. Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Большой Кисловский переулок, д. 1. E-mail: kormushin@iling-ran.ru

KARA-OOL, Lyubov Salchakovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Theory and Methods of Language Education and Speech Therapy, Tuvan State University. Postal address: 36 Lenina St., 667000, Kyzyl, Russian Federation. Email: lkaraool61@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-9270-2912

KORMUSHIN, Igor Valentinovich, Doctor of Philology, Professor, Chief Research Associate, Institute of Linguistics of the RAS. Postal address: 1, Bolshoi Kislovsky Lane, 125009 Moscow, Russian Federation. E-mail: kormushin@iling-ran.ru

Traditional lexis of a wedding meal in the Tuvan language

Lyubov S. Kara-ool

Tuvan State University, Russian Federation,

Igor V. Kormushin

Institute of Linguistics RAS, Russian Federation

The article analyzes the traditional lexis related to wedding feasts in the Tuvan language. The research material consists of words extracted from the studied literature and data obtained during dialectological and comprehensive expeditions conducted by one of the authors in Tuva from 1999 to 2023. Respondents of the older generation, whose weddings were celebrated before the 1960s, were interviewed during these expeditions.

The examined lexis can be analyzed based on the following lexical-semantic groups: names of meat dishes, names of dairy dishes, names of plant-based food. For meat dishes of the wedding feast, Tuvans traditionally used lamb, including meat, blood products, and internal organs (offal), hence the corresponding vocabulary has been compiled. The lexis of dairy products from fermented or curdled milk of cows, sheep, goats, yaks, and mares, as well as plant-based food, is also presented.

In terms of structure, this lexis consists of simple and compound words with two components, as well as fixed expressions. Etymologically, these are Common Turkic words, specifically Tuvan words and fixed expressions containing Common Turkic components, Turkic-Mongolian components, Turkic-Chinese components, Mongolisms, Turkic-Mongolian words. Additionally, instances of Chinese and Arabic influence were noted.

Keywords: *lexicon; Tuvans; Tuvan language; wedding feast; meat food; plant-based food; dairy food*

Financing

The article was prepared within the framework of the scientific project "Complex ethnogenetic, linguoanthropological studies of clan groups of Tuva: universality, locality, transborder" with the financial support of the Russian Science Foundation (grant No. 22-18-20113).

For citation:

Kara-ool L. S. and Kormushin I. V. Traditional lexis of a wedding meal in the Tuvan language. *New Research of Tuva*, 2024, no. 1, pp. 148-165. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.10>

Введение

Исследование лексики пищевой символики свадебной обрядности представляет большой интерес не только с лингвистической точки зрения, но и в плане изучения особенностей питания любого народа. Свадебная еда тувинцев сочетает в себе мясные, молочные и растительные блюда, характерные для скотоводческой и земледельческой культуры (Яковлев, 2007; Грумм-Гржимайло, 2007; Кон, 1934; Вайштейн, 1961; Прокофьева, 2011; Потапов, 1969; Кенин-Лопсан, 1994, 1999; Ламажаа, Кужугет, Монгуш, 2022; и др.). Исходя из этого, анализ лексики свадебной пищи авторы данной статьи систематизировали по лексико-семантическим группам: лексика мясных блюд; лексика молочных блюд и лексика растительной пищи.

В историко-этнографических и культурологических работах пища тувинцев рассматривалась прежде всего как основа традиций питания, как предмет социокультурных практик народа. Традиционная же лексика праздничной пищи с точки зрения лингвистики отдельно не изучалась. Поэтому основной целью данного исследования является лингвистический анализ традиционной лексики свадебной трапезы в тувинском языке до 1960-х гг. с кратким описанием приготовления пищи. Для достижения цели решаются следующие задачи: 1) сделан краткий обзор литературы по теме исследования; 2) систематизированы традиционные названия блюд свадебного пира; 3) проведен лингвистический анализ выявленных названий.

Лексические материалы исследования извлечены из изученной этнографической литературы, также использованы полевые материалы Л. С. Кара-оол, собранные во время диалектологических и комплексных экспедиций по Туве и Монголии с 1999 по 2023 гг., в ходе которых опрашивались тувинцы — респонденты старшего поколения, чьи свадьбы справлялись до 1960-х гг.

Из истории изучения традиционной лексики свадебной трапезы

Обзор литературы по лексике свадебных обрядов в тувинском языке сделан автором в предыдущих статьях (Кара-оол, 2015, 2020, 2021). В данной статье в краткой форме остановимся только на тех работах, в которых в той или иной форме зафиксирована или анализируется традиционная лексика тувинской кухни, в том числе свадебной трапезы.

Первые этнографические сведения по теме исследования зафиксированы в трудах этнографов Е. К. Яковлева, Ф. Я. Кона, а также географа-путешественника Г. Е. Грумм-Гржимайло. Е. К. Яковлев, описывая семейный и общественный быт, традиции и свадебные процедуры тувинского народа (Яковлев, 2007), изучил также вопросы, связанные с питанием. Он рассмотрел их в специальном разделе «Место диких растений в пищевом бюджете инородцев. Молоко. Мясо. Культурные растения. Напитки» (там же: 216–220). Г. Е. Грумм-Гржимайло, подробно описывая скотоводство и земледелие, писал и о традиционной тувинской кухне. Он подчеркнул, что молоко и продукты из него составляют главнейший элемент питания сойотской семьи и кратко описал способы приготовления молочных продуктов (Грумм-Гржимайло, 2007). Ф. Я. Кон отметил, что «главной пищей для большинства сойотов является чай, сваренный на молоке с солью» и подробно написал, какие продукты готовят из молока (Кон, 1934: 171–172).

С 1960-х гг. свадебные обряды и слова, связанные с ними, нашли отражение в работах С. И. Вайнштейна, Е. Д. Прокофьевой, Л. П. Потапова, М. Б. Кенин-Лопсана и др.

В историко-этнографических очерках С. И. Вайнштейна «Тувинцы-тоджинцы» описывается значение мясных, молочных и рыбных продуктов в жизни оленеводов и скотоводов, а также о разных способах применения сараны в качестве еды (Вайнштейн, 1961: 101–106).

В монографии Е. Д. Прокофьевой, основанной на материалах, собранных автором в 1950-х гг., анализируется традиционная пища охотников-олeneводов и скотоводов (Прокофьева, 2011: 330–347). Автор отметила, что «пищевые продукты, входившие в рацион тувинцев, были разнообразны и полноценны, но количественно очень незначительны для большей части населения» (там же: 330). Описывая мясные продукты, Е. Д. Прокофьева, знакомит также со способами разделки туши домашних и диких животных, обращает внимание на значение собирательства в жизни оленеводов, особенно сараны и других съедобных дикорастущих растений и ягод, подробно пишет о месте молочной пищи в жизни тувинцев-скотоводов, растительной еды — *далган* 'муки из жареного ячменя или пшеницы', а также приготовления чая.

В «Очерках народного быта тувинцев» Л. П. Потапова (Потапов, 1969) есть отдельная глава «Пища и способы ее приготовления» (там же: 168–202), в которой описывается приготовление традиционной молочной, мясной и растительной пищи. В главе о свадебных обрядах тувинцев из родоплеменных групп, проживающих в районах Монгун-Тайги и Кара-Холя (западный), Сут-Холя (центральный) и Эрзина (юго-восточный), автор пишет, чем угощали гостей свадебного пира (там же: 242, 251, 259, 261, 263).

Изучая этнографию тувинцев, М. Б. Кенин-Лопсан освещает вопросы, связанные с продуктами питания (Кенин-Лопсан, 1994: 24–35; 1999: 12–21; 35–46; 2006: 22–33, 113–117; 2017: 283–300). Автор подробно описывает, как готовили ту или иную еду (Кенин-Лопсан, 2017: 283–295), также дает информацию о древних традициях, связанных с «белой», т. е. молочной пищей: правила, запреты (там же: 295–300).

В работе С. Ч. Донгак об этических нормах и поведенческих аспектах свадебных обрядов тувинцев затронуты вопросы, связанные с преподнесением отцу невестки курдюка барана, а матери — плиточного зеленого чая (Донгак, 2012: 15). В. Т. Ликтан и Е. В. Айыжы анализируют особенности традиционной системы питания тувинцев (Ликтан, 2015).

В статьях Ч. К. Ламажаа, Ш. Б. Майны (Ламажаа, Майны, 2020), Ш. Ю. Кужугет, А. В. Монгуш (Ламажаа, Кужугет, Монгуш, 2022) рассматриваются проблемы расточительного потребления тувинцами баранины — «курдюкомании» — в современном свадебном обряде (там же: 166–169). Во второй главе

коллективной монографии «Тувинцы. Родные люди» (Тувинцы. Родные ... , 2022) есть раздел «Куда: свадьба, создание семьи, новые родственные связи» (там же: 138–161). Авторы данной лингвокультурологической работы, начинают исследование традиций свадьбы с анализа терминов тувинского языка. Тем не менее, они не анализировали всю лексику, а ограничились исследованием ключевого концепта куда 'свадьба', также кратко описали особенности современной свадебной трапезы. В последней монографии этих же авторов «Мал-маган. Тувинцы — скот — мясо» (Мал-маган ... , 2023) в разных аспектах и на богатом иллюстративном материале, на русском и тувинском языках исследована культура мясоедения тувинцев. В ней авторы остановились и на традиционной кухне тувинцев: использовании баранины в повседневной еде и на праздничных торжествах (там же: 8–45; 98–111).

Как видно, в историко-этнографических и лингвокультурологических работах, посвященных пище тувинцев, в том числе во время свадебных обрядов, лексические вопросы затрагивались мало.

Лексике свадебной обрядности тувинцев посвящены работы Л. К. Хертек (Хертек, 2008), а также одного из соавторов данной статьи Л. С. Кара-оол (Кара-оол, 2015, 2020, 2021). В них изучается лексика, связанная с другими аспектами свадебных обрядов — предсвадебных, свадебных и послесвадебных.

На основе краткого обзора литературы авторы данного исследования пришли к заключению о необходимости изучения традиционной лексики свадебной трапезы с привлечением значительного языкового материала с его систематизацией и этнолингвистическим анализом.

Лексика мясных блюд

Исторически сложившаяся система питания тувинцев-кочевников построена на основе мясных продуктов — баранины, козлятины, говядины, конины, верблюжатины, оленины, мяса яка и диких животных, добытых во время охоты. Тоджинцы и кунгуртугцы, жители таежных тундровых зон Тувы, пользовались также продуктами рыбной ловли. Мясо употребляли преимущественно в вареном виде *дүлген эт* 'вареное мясо'. В теплые времена года свежее мясо быстро портилось, поэтому готовили вяленое мясо *хеңме*, когда куски мяса вешали на веревке на солнечном ветреном месте. У тувинцев есть поговорка: *Хеңме эддим кадыг-даа бол, чаагай. Хеймер карам ырак-даа бол, эргим* 'Вяленое мясо хоть и твердое, но вкусное. Любимая хоть и далека, но мила'. Сушенное таким образом мясо хранили во вьючных сумках *барба*, а при приготовлении еды разламывали на куски или после толчения на камне получали муку. Летом или осенью мяса готовили впрок только к свадьбе, потому что во время этой церемонии все съедалось сразу.

Для свадебного пира тувинцы забивали только барана, т. е. предпочтение, как и другие тюркские народы, отдавали мясу домашнего скота с «горячим дыханием». В пищу шло *э́т* 'мясо', *хан* 'кровь' и *ижин-хырын* 'внутренности', т. е. потроха.

Обязательным и главным церемониальным мясным блюдом было *хой ужазы* 'бараний курдюк', который отваривали в большом котле: преподносили отцу невестки на *деспи* — деревянном 'корыте'. По некоторым сведениям, бараний курдюк сопровождали другими частями туши барана: *эзилер* 'парными ребрами', *чода* 'берцовой костью', а также *баскан быштак* букв. 'спрессованным сыром' или *шөйген быштак* букв. 'удлиненным сыром'¹.

Хой(нуң) ужазы [*хой у́жазы*²] букв. 'бараний курдюк'. Собственно тувинское устойчивое выражение состоит из следующих общетюркских компонентов: *хой* 'овца//овечий; баран//бараний'³, **qoj* 'овца'⁴ (см. также: Рассадин, 1971: 189); *ужазы* ~ *ужа* 'курдюк', 'зад, задняя часть' (животных)⁵, см. *у́жа* 'крестец', 'задняя часть тела животных', 'курдюк'⁶.

¹ Полевые материалы Л. С. Кара-оол 1999 г.

² Здесь и в последующих словах специфический фарингализованный гласный при транскрипции обозначается знаком «ъ». При артикуляции этого звука «мускулы в стенках глотки, в том числе и мускулы корня языка, сближаются, отделяя собой нижнюю часть глотки в виде особого резонатора, а гортань отходит вниз, увеличивая тем объем нижнего глоточного резонатора» (Кунаа, 1957: 23).

³ Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 479.

⁴ Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, 1969. С. 453.

⁵ Тувинско-русский словарь : 22 000 слов. / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 435.

⁶ Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные / ред. Р. М. Залесковская. М.: Наука, 1974. С. 566.

Хой ужазы для тувинца-кочевника — почетная еда, символизирующая достаток и сытую, благополучную жизнь, поэтому преподносится отцу невестки *хой ужазы*, родители жениха выражают не только почтение, но желают им обеспеченную богатую жизнь.

У цэнгэльской тувинцев Монголии курдюк как почетная еда имеет две разновидности: *улуг ёзулал ужазы* букв. ‘большой церемонии курдюк’ (для больших торжеств, например, свадьба) и *бичии ёзулал ужазы* букв. ‘маленькой церемонии курдюк’ (например, сватания невестки) (Серен, 2006: 57; и др.¹).

Проба данного блюда имело особый ритуал. Отец невестки или уважаемый мужчина из рода невестки, обычно, это *даай* ‘дядя по матери’ нарезали *хой ужазы* кусками, прямо в преподнесенном *дести* ‘корыте’ и пускали по кругу, чтобы каждый гость со стороны невестки отведал его. Сначала угощали родителей невестки, кровных родственников по принципу старшинства, а затем всех остальных родственников. И когда спрашивали: «*Боларларның уруунуң кудазы болган бе?*» ‘Была ли свадьба у дочери того-то?’, отвечали: «*Ийе, ужазының чаан чидим*» ‘Да, я отведал курдючного сала’, т. е. получил символическую долю мясного дара, преподнесенного сватами².

У этнических тувинцев Монголии почетной была сваренная овечья голова *хой бажы*, символизирующая сытую, благополучную жизнь³.

Хой(нуң) бажы [*хой паъжы*⁴] букв. ‘баранья голова’. Собственно тувинское устойчивое выражение состоит из следующих общетюркских компонентов: *хой* ‘овца//овечий; баран//бараний’ см. выше; *бажы* ~ *баи* ‘голова // головной’, ‘впереди’ (животных)⁵, общетюркское, см. *баи* ‘голова, глава’, ‘вершина, макушка’, ‘начало, источник’⁶.

Вторыми ритуальными блюдами были *төш* ‘баранья грудина’ и *чарын* ‘лопатка’ — наиболее почетные части туши баранины, которые преподносили почетным гостям пира, сопровождая *эгилер* ‘парными ребрами’, *чода* ‘берцовой костью’.

Төш ‘баранья грудина’, общетюркское, см. *дөш* ‘грудь’, ‘грудной’, ‘передняя часть’ и т. д.⁸

Чарын ‘лопатка’, общетюркское слово, см. *йагырын* или *йарын* ‘спина’, ‘плечо’, ‘лопатка’, ‘холка’⁹.

Мясо бараньей грудины и лопатки нарезали на куски и угощали других гостей торжества. Тувинцы говорят: *Чарын эгдин чааскаан чивес* ‘Мясо бараньей лопатки один (человек) не ест’. По сведениям респондентов из разных районов Тувы, так говорят, чтобы одному не нести бремя¹⁰. Поэтому, если преподнесли мясо, например, дяде по матери, он нарезал мяса лопатки на куски, и делился со всеми, кто сидел рядом с ним.

Баранина *хой эди* была важнейшим атрибутом праздничного торжества (Мал-маган ..., 2023: 8–45; 98–111).

Хой эди букв. ‘мясо барана’, т. е. ‘баранина’¹¹: компоненты собственно тувинской изафетной конструкции являются общетюркскими, см. др.-тюрк. *qoj* ‘овца’¹², **koj* ‘овца’, см. *қой* ‘овца’ во всех источниках¹³ (см. также: Сравнительно-историческая ..., 2001: 431–432). Данная лексема зафиксирована

¹ Полевые материалы Л. С. Кара-оол 2002 г.

² Полевые материалы Л. С. Кара-оол 1999 г.

³ Полевые материалы Л. С. Кара-оол 1999 г.

⁴ Здесь и в последующих словах несоответствие буквы «б» и звука [п] в начале слов объясняется тем, что в анлауте слова слабая фонема произносится «с весьма слабым озвончением», т. е. реализуется как ненапряженный непродыхательный глухой или полувзвонкий аллофон (Сравнительно-историческая ..., 2002: 624).

⁵ Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 94.

⁶ Севортьян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на букву “Б” / отв. ред. Н. З. Гаджиева. М.: Наука, 1978. С. 85–88; Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2000. Т. I. С. 1999.

⁷ Полевые материалы Л. С. Кара-оол 1999 г.

⁸ Севортьян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на буквы “В”, “Г”, “Д” / отв. ред. Н. З. Гаджиева. М.: Наука, 1980. С. 286.

⁹ Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы “Ж” и “Ж”, “Й” / отв. ред. Л. С. Левитская. М.: Наука, 1989. С. 65–67.

¹⁰ Полевые материалы Л. С. Кара-оол 2002 г. 1999 по 2023 г.

¹¹ Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 621.

¹² Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, 1969. С. 453.

¹³ Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на букву “К” / отв. ред. Г. Ф. Благова. М.: Индрик. Вып. 2. С. 24–25.

в монгольских и тургусо-манчжурских языках, но исходным считается тюркские формы, рано заимствованные в монгольские, а оттуда — тунгусо-маньчжурские (там же: 431); *эди* / *эйт* ‘мясо // мясной’¹, др.-тюрк. *em* ‘мясо’, ‘плоть, тело’², см. *em* ‘мясо’, ‘тело, плоть’, ‘говядина’ и под.³ (там же: 455).

Перед варкой баранину разделявают *эйт бузар*; обычно это делают мужчины. Для праздничного стола варят *дүлүп чиир*: *эзилер* ‘ребра’, *моюн сөөктери* ‘шейные позвонки’, *хендирбе* ‘грудные позвонки’, *чода* ‘берцовая кость’, *чарын* ‘лопатка’, *үттүг чарын* ‘подвздошную кость’, *сакпактыг төш* ‘грудину с рудиментарными ребрами’. Не полагалось угощать гостей следующими частями баранины: *кыры* ‘локтевая кость’, *өжүн* ‘предплечье’, *молдурук* ‘атлант (первый шейный позвонок)’, *көзүр ээги* ‘верхнее ребро’, их оставляли для себя и ели только члены семьи⁴.

Например, *кыры* ‘локтевая кость’ у тувинцев — это оберег. В народе существует поверье о том, что *кыры* животного может оберегать, так как, защищаясь человек, в первую очередь, подставляет свою локоть, и, поэтому мясо *кыры* должен есть только член семьи, и кость оставить дома. А в семье животновода *кыры* давали пастуху — он пасет и стережет скот, на котором держится семья, т. е. в данном случае пастух — это «рука», опора семьи.

Есть следующая легенда о локтевой кости барана: мать положила в мешок сына *кыры*, чтобы та защищала его во время охоты от бед, а сын, забыв об этом, выбросил *кыры*, и его настигла беда.

Современные тувинцы даже подвешивают кость *кыры* в салоне своего автомобиля как оберег⁵.

Вместе с вареной бараниной подавали блюда, приготовленные из внутренностей барана:

1) *согажа* ‘шашлык из печени и сала’⁶, ср. хак. *сохачы* ‘шашлык из печени’⁷, монг. *согож* ‘рубец, жаренная в сальнике печенка’⁸, монголизм, см. *согажа* ‘шашлык из печени и сала’⁹.

Печень *‘баар’* сначала варят до полуготовности, затем режут на небольшие куски толщиной до сантиметра, заворачивают каждый кусок висцелярным жиром *‘эдир чаа’* барана, нанизывают на вертел и запекают, переворачивая, на угле огня.

2) *чөрөме* ‘кушанье в виде колбасы-жгута, приготовленное из кишок, брюшины и мяса’¹⁰, общетюркское, см. *жөргөм* ‘кушанье (приготовленное) из легких и желудка...’¹¹, *йөрме* ‘вид бараньей колбасы’¹².

Хорошо вычищенную брюшину *улуг хырын* нарезают полосками и вместе с салом поджелудочной железы *баарзык чаа* переплетают с черевом *чиңге шөйүндү* или *көк шөйүндү*. Получается своеобразная тувинская колбаса в виде плетенки, которую варят в бульоне до полной готовности, подают с диким луком *кулча*.

3) *кургулдай анат*. ‘прямая кишка’¹³, ‘толстая кишка убитого животного, употребляемая в пищу’¹⁴, монголизм, см. *гургулдай* ‘начиненная мясом и сваренная прямая кишка’¹⁵.

Кургулдай — кушанье в виде колбасы: хорошо вычищенную прямую кишку начинают разрезанными в полоски мясом брюшного пресса *шандыр эди*, диафрагмой *баар эди* и сеткой *кергиек*. Затем варят в бульоне и подают с диким луком *кулча*.

¹ Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 621.

² Древнетюркский словарь ... С. 186.

³ Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные / ред. Р. М. Залесковская. М.: Наука, 1974. С. 311–312.

⁴ Полевые материалы Л. С. Кара-оол 1999 г.

⁵ Полевые материалы Л. С. Кара-оол 1999 г.

⁶ Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 379.

⁷ Бутанаев В. Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь / ред. Б. И. Татаринцев. Абакан: УПП «Хакасия», 1999. С. 118.

⁸ Большой академический монгольско-русский словарь Т. III. Θ–Ф. С. 104.

⁹ Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2018. Т. V. С. 99.

¹⁰ Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 544.

¹¹ Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы “Ж” и “Ж”, “Й” / отв. ред. Л. С. Левитская. М.: Наука, 1989. С. 33.

¹² Там же. С. 235–236.

¹³ Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 265.

¹⁴ Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2004. Т. III. С. 312.

¹⁵ Большой академический монгольско-русский словарь Т. I. А–Г. С. 463.

4) **тырткан** [ты́рткан] ‘фарш; сычуг (блюдо); колбаса домашнего приготовления’¹.

Основа слова *тырткан* от *тырт-* ‘тянуть, тащить, волочить’, ‘мелко крошить (мясо); пропустить через мясорубку’, ‘курить’ и т. д.²: *тырт-*+афф.-кан, общетюркское слово, см. тоф. *тырт-* ‘тянуть; крошить мясо двумя ножами; курить’, хак., як., башк., тат., каз., кирг. *тарт-* ‘тянуть, тащить; курить’ (Рассадин, 1971: 236).

Тырткан — кишка, начиненная мелко нарубленной бараниной с жиром, заправленная диким луком ‘*кулча*’ и диким укропом ‘*койнут*’. Во время варки *тырткан* нельзя втыкать вертел в кишку, чтобы бульон не вытек и *тырткан* не стал сухим.

5) **мүн** ‘суп’, ‘бульон’³, **bün* ‘похлебка’ (Сравнительно-историческая ... , 2001: 729; и др.⁴), др.-тюрк. *bün* ‘похлебка’, ‘суп’⁵, *мүн*, скорее всего, является исконно тюркским, хотя в Этимологическом словаре 2003 г. приводятся различные версии, сближающие *мүн* ~ *бүн* с разными иноязычными формами. Слово удовлетворительной этимологии не имеет⁶;

Мүн — это крепкий жирный бульон, на котором варили баранину; *кара мүн* букв. ‘черный бульон’ — наваристый бульон, на котором варили потроха. Иногда бульон могли заправить с крупой пшена *чиңге-тараа*.

6) **далган үскен мүн** [талълган⁷ үскэн мүн] букв. ‘бульон с нарезанной лапшой’ — мясной бульон с лапшой. Собственно тувинское устойчивое выражение состоит из сочетания общетюркских основ: *далган* (таълган) см. др.-тюрк. *talqan* ‘поджаренная мука’, ‘толокно’⁸; *үскен* от *үзер* ‘разрывать’⁹ см. *үз-рвать*¹⁰; *мүн* ‘бульон’ см. выше.

Далган үскен мүн — крепчайший бульон с кусками баранины и тонко нарезанной лапшой.

7) **изиг хан** [изъизг хан] букв. ‘горячая кровь’, т. е. ‘кровяная колбаса’. Устойчивое собственно-тувинское выражение *изиг хан* состоит из общетюркских компонентов: *изиг* (*изъизг*) *прям.* и *перен.* ‘жара, жар // жаркий’, ‘горячий’, ‘зной // знойный’¹¹, ‘имеющий высокую температуру’, *перен.* ‘полный чувств, горячий, сильный’, *перен.* ‘горячий, вспыльчивый’, *перен.* ‘проходящий в напряженном темпе, напряженный’¹², др.-тюрк. *isig* ‘горячий’, ‘теплый, приветливый’, ‘лихорадка, жар’¹³, *ысык* / *isiq* ‘жаркий’ и под.¹⁴ В рассматриваемом примере прилагательное *изиг* используется в значении ‘только что сваренная, горячая, т. е. свежая’; *хан* ‘кровь, кровяной, кровеносный’, ‘кровный’, ‘кровяная колбаса’¹⁵, др.-тюрк. *qan* ‘кровь’¹⁶, см. *қа:н* ‘кровь’, ‘месть’, ‘кровяная колбаса’¹⁷. Данная лексема в значении ‘кровяная колбаса’ употребляется также в якутском языке¹⁸.

¹ Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 430.

² Там же.

³ Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 304.

⁴ Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы “Л”, “М”, “Н”, “П”, “С” / отв. ред. А. В. Дыбо. М.: Восточная литература, 2003. С. 89.

⁵ Древнетюркский словарь ... С. 132.

⁶ Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2008. Т. IV. С. 201–203.

⁷ Здесь и в последующих словах несоответствие буквы «д» и звука [т] в начале слов объясняется тем, что в анлауте слова слабая фонема произносится «с весьма слабым озвончением», т. е. реализуется как ненапряженный непридыхательный глухой или полувзвонкий аллофон (Сравнительно-историческая ... , 2002: 624).

⁸ Древнетюркский словарь С. 529.

⁹ Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 445.

¹⁰ Севортьян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные / ред. Р. М. Залесковская. М.: Наука, 1974. С. 621.

¹¹ Тувинско-русский словарь: 22 000 слов. / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 203.

¹² Толковый словарь тувинского языка: в 2 т. / ред. Д. А. Монгуш. Новосибирск: Наука, 2003. Т. I: А–Й. С. 581.

¹³ Древнетюркский словарь ... С. 213.

¹⁴ Севортьян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные / ред. Р. М. Залесковская. М.: Наука, 1974. С. 668–671.

¹⁵ Тувинско-русский словарь: 22 000 слов. / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 467.

¹⁶ Древнетюркский словарь / ред. В. М. Надеяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, 1969. С. 416.

¹⁷ Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы “К” (~Г) и “Қ” (~“К” ~“К”). / отв. ред. Г. Ф. Благова. М.: Языки русской культуры, 1997. Вып. 1. С. 251.

¹⁸ Там же.

Особого внимания заслуживает *изиг хан* — кровяная колбаса, которую готовили из свежей крови забитого барана. Очистив кишки забитого животного, тувинцы заполняли их кровью, заправленной диким луком *черлик кулча* с солью и остатками нутряного жира *эдир чаа*. Некоторые могут в баранью кровь добавить молоко, чтобы было мягким. Подавали *изиг хан* свежий, т. е. только что сваренный, горячий. Это особый деликатес не только тувинцев, но и других тюркоязычных народов. Когда тувинец хочет есть баранину, обычно говорит: «*Изиг хандан чизе*» — букв. ‘Съесть бы горячей крови’, т. е. он выражает желание не только полакомиться колбасным деликатесом из свежей крови барана, но и поесть свеже сваренного мяса.

Кровяная колбаса бывает трех видов — *чумур*, *дескинчек*, *мөөн*. Разновидности зависят от того, в какой кишок залили заправленную кровь:

а) *чумур* ‘сычуг’¹, ‘кровяная колбаса’ — данное значение не зафиксировано в словарях тувинского языка, общетюркское, см. *жумур* ‘книжка (один из отделов желудка жвачных животных)’, ‘сычуг (часть желудка жвачных животных)’².

Чумур — вид кровяной колбасы: сычуг заливают кровью без свернувшейся части, концы *чумура* затыкают остроконечной палочкой ‘*шиш*’, завертывают нутряным салом и закрепляют с черевом. Колбаса в *чумуре* в вареном виде очень мягкая и вкусная, один из любимых деликатесов тувинцев.

б) *дескинчек* [тэскинчэк] ‘двенадцатиперстная кишка (животного)’, ‘кровяная колбаса’³, дериват слова *дескин* — ‘вращаться, кружиться’, ‘объезжать’⁴, др.-тюрк. *tegzin* — ‘вращаться, кружиться’, ‘обходить...’⁵, тоф. *дэскинэр* ‘кружиться’⁶, возможно древнетюркское слово.

Дескинчек ‘кровяная колбаса из части двенадцатиперстной кишки с жиром’ — заливают кровью без свернувшейся части, концы *дескинчек* завязывают ниточкой или конским волосом. *Дескинчек* в вареном виде очень мягкая и вкусная, колбасу в *дескинчеке* очень любят дети. Данный вид кровяной колбасы еще называют *чымчак хан* букв. ‘мягкая кровь’.

в) *мөөн* ‘двенадцатиперстная кишка’⁷; значение ‘кровяная колбаса’ не зафиксировано в словарях тувинского языка; см. алт. *мөдн* ‘двенадцатиперстная кишка’⁸, хак. *пöөн* ‘слепая кишка’⁹, общетюркское, см. *бөвен* ‘двенадцатиперстная кишка’, ‘толстая кишка’, ‘сычуг’, ‘слепая кишка’¹⁰.

Мөөн ‘кровяная колбаса из части двенадцатиперстной кишки, соединенной с брюшиной’ — заливают остатками крови, поэтому в вареном виде часть колбасы может быть жестковатой, концы *моон* затыкают остроконечной палочкой *шиш*, завертывают нутряным салом и закрепляют с черевом. *Моон* еще называют *дес хан* букв. ‘свернувшаяся кровь’.

8) *манчы* [магнчы] ‘пельмени’¹¹, монголизм, см. *баниш* ‘пельмени’ (с переходом начального б>м), и в то же время допускается, что слово могло быть заимствовано непосредственно из китайского и восходит к форме *binshi* ‘разновидность пельменей’¹².

В давние времена пельмени были праздничной едой, готовили к большим торжествам. Фарш для пельменей рубили в деревянном корытце ‘*деспи*’ на мелкие куски топориком или двумя ножами,

¹ Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 547.

² Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы “Ж” и “Ж”, “Й” / отв. ред. Л. С. Левитская. М.: Наука, 1989. С. 33–34.

³ Тувинско-русский словарь: 22 000 слов. / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 160.

⁴ Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2002. Т. II. С. 146.

⁵ Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, 1969. С. 549.

⁶ Рассадин В. И. Тофаларско-русский словарь. Русско-тофаларский словарь / отв. ред. И. Д. Буряев. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1995. С. 171.

⁷ Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 301.

⁸ Алтайско-русский словарь = Алтай-орус сөзлик / редкол.: А. Э. Чумакаев (отв. ред.), Н. В. Екеев и др. Горно-Алтайск, 2018. С. 476.

⁹ Хакаско-русский словарь = Хакас-орыс сөстiк / глав. ред. Н. Н. Широкова. Новосибирск: Наука, 2006. С. 388.

¹⁰ Севортыан Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на букву “Б” / отв. ред. Н. З. Гаджиева. М.: Наука, 1978. С. 205.

¹¹ Тувинско-русский словарь: 22 000 слов. / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 288.

¹² Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2008. Т. IV. С. 66.

заправляли диким луком, салом баранины, солили по вкусу. Обычно делали размер средней пиалы, поэтому их называют кулак манчы букв. ‘ухо-пельмени’, т. е. большие пельмени.

Таким образом, в названиях мясных блюд свадебного пира зафиксирована лексика, связанная с едой, приготовленной из баранины, внутренностей барана и свежей крови. В структурном отношении данную лексику составляют простые слова (*төш* ‘грудина’, *чарын* ‘лопатка’, *согажа* ‘шашлык из печени и сала’, *чөреме* ‘кушанье в виде колбасы-жгута’, *кургулдай* ‘кушанье в виде колбасы’, *тырткан* ‘колбаса домашнего приготовления’, *мүн* ‘мясной бульон’, *чумур*, *дескинчек*, *мөөн* ‘разные виды кровяной колбасы’, *манчы* ‘пельмени’), а также устойчивые выражения (*хой эьди* ‘баранина’, *хой ужазы* ‘курдюк’, *хой бажы* ‘баранья голова’, *изиг хан* ‘кровяная колбаса’, *далган үскен мүн* ‘мясной бульон с лапшой’). В этимологическом отношении — это общетюркские слова: *төш*, *чарын*, *чөреме*, *тырткан*, *мүн*, *чумур*, *мөөн*; б) собственно-тувинские устойчивые выражения: *хой эьди*, *хой ужазы*, *хой бажы*, *далган үскен мүн*, *изиг хан*; в) монголизмы: *согажа*, *кургулдай* и китаизм — *манчы*.

Лексика молочных блюд ‘ак чем’ и напитков

Помимо баранины и блюд, приготовленных из внутренностей животного, на свадебный пир обильно представлялись молочные продукты из сквашенного или сброшенного молока коровы, овцы, козы, яка, кобылы — *ак чем* букв. ‘белая еда’:

Сүт ‘молоко / молочный’¹, общетюркское слово, см. *сүйт* ‘молоко’².

Во время свадьбы совершались несколько ритуальных жестов с использованием молока: а) старшая родственница жениха девятиглазкой кропила молоко (или *аржаан* ‘аржан, минеральная целебная вода’, смешанный с молоком) свадебный кортеж, призывая благополучия и счастья молодоженам;

б) у коновязи жена старшего брата жениха *чеңге* снимала невестку с коня, когда она спешивалась, и преподносила ей пиалу с молоком;

в) во время свадьбы свекровь обращаясь к невестке, говорила: *Даи октаан черинге чыдар, кыс берген черинге чурттаар* ‘Камень лежит там, где его бросили, девушка живет там, где ее выдали’. И преподносит пиалу с молоком невестке и сыну (Потапов, 1969: 241, 261; и др.³).

У тувинцев существовал устоявшийся церемониал приема гостей: сначала угощали свежим молочным чаем, затем приглашали отведать еду, а после угощали молочной водкой.

Сүттүг шай букв. ‘чай с молоком’⁴, собственно тувинское устойчивое выражение состоит из следующих компонентов: *сүттүг* ‘молочный, с молоком’⁵, общетюркское, см. выше; *шай* ‘чай’⁶, см. *чай* ‘чай’, китайское заимствование⁷.

Молочный чай готовят из плиточного спрессованного зеленого чая, процеженное молоко с солью добавляют в кипящую воду и доводят до кипения. Чай забеливали в основном молоком коровы, могли использовать молоко козы, овцы, яка, верблюда.

Сүттүг шай — основной напиток в рационе кочевника, сопровождающий тувинца на протяжении всей жизни. Чай так прочно вошел в тувинский быт, что стал мерилем качества жизни: не забеленный молоком чай *кара шай* — признак крайней нужды, еле забеленный молоком *бора шай* — признак пограничного состояния семьи *бора бүдүн* букв. ‘посредственная, серая жизнь’ (Курбатский, 2001: 28; Дамчай, Уйну-оол, 2016: 81).

Молочный чай могут чуть-чуть заправить по своему усмотрению топленным маслом или курдючным жиром, мукой крупного помола из прожаренных зерен ячменя и пшеницы, или крупой проса⁸.

¹ Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 394.

² Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы “Л”, “М”, “Н”, “П”, “С” / отв. ред. А. В. Дыбо. М.: Восточная литература, 2003. С. 346.

³ Полевые материалы Л. С. Кара-оол 1999 г.

⁴ Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 394.

⁵ Там же.

⁶ Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 564.

⁷ Большой академический монгольско-русский словарь / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: ACADEMIA, 2002. Т. IV. X–Я. С. 246.

⁸ Полевые материалы Л. С. Кара-оол 1999 г.

Арага ‘арака (алкогольный напиток)’, ‘вино, водка’, ‘алкоголь’¹, арабизм, см. *арақы* ‘водка’, ‘вино’, ‘спирт’, ‘арака (спиртной напиток)’², ср. п.-монг. *araqı*³, сойот. *арана* ‘водка’, ‘вино’ (Rassadin, 2010: 75);

Для приготовления араки использовали *хойтпак* (особым образом заквашенное коровье или кобылье молоко), а для перегонки использовали котел *улуг паиш* для хойтпака, специальный перегонный аппарат *шууруун* из ствола дерева, внутри которого круглая дощечка *таалай* с желобком *шорга*, небольшой котел-охладитель *чылапча*, войлочная прокладка *ораалда*. Перегонка араки (молочной водки) подробно описана Л. П. Потаповым (Потапов, 1969: 171).

На традиционной свадьбе люди, не достигшие 37 лет, вообще не пили араку, а те, кому было до 49 лет пили не более двух чарок (Кенин-Лопсан, 2017: 31).

На традиционной свадьбе молодым людям кроме молочного чая могли подавать следующие безалкогольные напитки:

1) *хымыс* ‘кумыс’⁴, общетюркское, см. *қымыз* ‘кумыс (напиток из кислого кобыльего молока)’⁵.

Кумыс — чисто тюркский напиток, традиционно изготавливаемый только из кобыльего кислого молока. Кобылье молоко и кумыс из него считается полезным, и давали каждый день детям.

2) *тарак* ‘простокваша’⁶, монголизм, см. *тараг* ‘род простокваши’⁷.

Тарак готовили из смеси молока разных видов, например, овечьего, козьего или коровьего. Молоко разогревали, затем остужали и вливали закваску — сметану или *хойтпак*, закрывали крышку посуды. Сбраживали в течение суток и кисломолочный продукт готов к употреблению⁸.

3) *хойтпак* ‘особым образом заквашенное молоко’⁹, алт. *койтпак* ‘напиток из заквашенного молока’¹⁰, хак. *хойтпах* ‘гуща’¹¹, каз., ног. *қойртпақ* ‘кислое молоко, смешанное со свежим’ < * *қойрт* ‘сгущать’, баш. диал. *қойырмақ* ‘пища, приготовленная из свежего курута с молоком’, кирг. *қойултмақ* ‘питье из айрана, смешанного с кислым молоком’¹². Скорее всего, общетюркское слово с дериватом *хойт-* ~ *хойут-* ‘делать густым, сгущать’, ‘месить, смешивать’¹³, т. е. смешивать кислое молоко со свежим, чтобы стало густым.

Традиционный способ приготовления закваски хойтпака: готовят кислый водный раствор из ветки молодой ивы *анай-хаак* в период образования сока. В деревянную бочку из ствола тополя наливали нагретое обезжиренное молоко и готовый кислый раствор-закваску и перемешивали. Обычно на пять литров молока могут налить пол-литра раствора кислой водной добавки. Полученную смесь тщательно перемешивали¹⁴. Для закваски использовали и пророщенную пшеницу (Потапов, 1969: 169). Выделение пузырьков говорит о начале сквашивания и брожения, а прекращение выделения пузырьков — о готовности закваски *хөреңги*. Затем ежедневно, интенсивно перемешивая, добавляли обезжиренное нагретое молоко.

¹ Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 64.

² Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные / ред. Р. М. Залесковская. М.: Наука, 1974. С. 166.

³ Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2000. Т. I. С. 126.

⁴ Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 500.

⁵ Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на букву “Қ” / отв. ред. Г. Ф. Благова. М.: Индрик, 2000. Вып. 2. С. 214–215.

⁶ Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 408.

⁷ Большой академический монгольско-русский словарь / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: АCADEMIA, 2001. Т. III. Θ–Ф. 440 с. С. 191.

⁸ Полевые материалы Л. С. Кара-оол 2000 г.

⁹ Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 479.

¹⁰ Алтайско-русский словарь = Алтай-орус сөзлик / редкол.: А. Э. Чумакаев (отв. ред.), Н. В. Екеев и др. Горно-Алтайск, 2018. С. 338.

¹¹ Бутанаев В. Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь / ред. Б. И. Татаринцев. Абакан: УПП «Хакасия», 1999. С. 187.

¹² Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на букву “Қ” / отв. ред. Г. Ф. Благова. М.: Индрик, 2000. Вып. 2. С. 32–33.

¹³ Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 486.

¹⁴ Полевые материалы Л. С. Кара-оол 2000 г.

4) *божа* ‘остатки хойтпака после изготовления араки’¹, в др. тюркских языках наиболее распространена форма *боза* ‘напиток’², которую Б. И. Татаринцев считает собственно тюркским, а тув. *божа* связывает с монгольским *бозо* ‘подонки, осадок (гуща) после перегонки’³, см. *боз* ‘остаток квашеного молока после перегонки вина’⁴.

Божа используют как пищу, и как напиток. Его разбавляют водой и пьют для утоления жажды⁵.

А теперь рассмотрим названия молочных блюд, которые подавали как десерт:

1) *быштак* [*пывштак*] ‘особый вид сыра и брынзы’, ‘сыр’, ‘брынза’⁶, общетюркское, см. *пыслак* ‘местный сыр’, ‘сыр’, ‘быштак, вид сыра’, ‘творог’, ‘свернувшееся молоко’, дериват *быштак* — *быш-* ‘взбивать’ + афф. *-лақ/-дақ*⁷.

Быштак — тувинская разновидность сыра, обычно бывает двух видов: *баскан* или *кыскан быштак* ‘прессованный сыр’ и *шөйген быштак* ‘удлиненный сыр’, высушенный на палке. Тувинский *быштак*, в отличие от сыра других тюркоязычных народов, не соленый.

2) *курут* ‘вид сушеного творога, изготавливаемого из продукта *божа* после перегонки’⁸, общетюркское, см. др.-тюрк. *qurut* ‘курут, высушенный творог’⁹, *курут* (> *курт*) отмечено как отглагольное имя со значением результата действия, образованное при помощи афф. *-т* от гл. *куру-* / *куру-* ‘сушить’, см. *курт* ‘вид / сорт сыра’, ‘отжатый и высушенный йогурт’, ‘сушеный творог’, ‘творог’, заимствован в монгольский, персидский и др. языки (Сравнительно-историческая ... , 2001: 451–453; и др.¹⁰).

В отличие от *курт* народов Средней Азии тувинский *курут* не соленый. Готовят из кисломолочного остатка *божа* после перегонки молочной водки *арага* или *хойтпак арагазы*. Кисломолочный остаток заливают в холщовый мешок *таар* и подвешивают, когда сыворотка *сарыг суг* вытекает, из оставшейся массы *божа* или *өл божа* лепят шарики или квадратики, высушивают на солнце в течение трех-четырех дней. Высушенный *курут* хранят в мешочках, используют как обычную еду или как десерт во время пира *дой*.

3) *ааржы* ‘процеженная гуща кислого молока *хойтпака*’¹¹, ‘употребляемая в пищу гуща процеженного в холщовом мешке кислого молока, оставшегося после перегонки молочной водки’¹², тюрко-монгольское слово, ср. алт. *аарчы* ‘творог; творожистый осадок, оставшийся после перегонки молочной водки’, хак. *аарчы* ‘творожистый осадок от айрана (оставшийся после перегонки молочной водки)’, бур. *аарса(н)* ‘род творога, получаемого посредством кипячения кислого молока’¹³, *аарц* ‘творог, приготовленный из свежезаквашенного молока’, ‘творожная масса (остающаяся после перегонки молочной водки)’, ‘кипячёный тарак, кумыс’¹⁴.

Сухой творог *ааржы* ели как десерт или добавляли в муку крупного помола из прожаренных зерен ячменя или пшеницы *далган*.

¹ Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 108.

² Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на букву “Б” / отв. ред. Н. З. Гаджиева. М.: Наука, 1978. С. 173–175.

³ Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2000. Т. I. С. 238–239.

⁴ Большой академический монгольско-русский словарь / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: ACADEMIA, 2001. Т. I. А–Г. С. 254.

⁵ Полевые материалы Л. С. Кара-оол 2000 г.

⁶ Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 132.

⁷ Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на букву “Б” / отв. ред. Н. З. Гаджиева. М.: Наука, 1978. С. 309; Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2000. Т. I. С. 336.

⁸ Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 266.

⁹ Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, 1969. С. 470.

¹⁰ Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на букву “К” / отв. ред. Г. Ф. Благова. М.: Индрик, 2000. Вып. 2. С. 166–167; Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2004. Т. III. С. 316.

¹¹ Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 28.

¹² Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2000. Т. I. С. 40.

¹³ Там же.

¹⁴ Большой академический монгольско-русский словарь / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: ACADEMIA, 2001. Т. I. А–Г. С. 10.

4) *өреме* ‘сливки, пенки (с кипячёного молока)¹, тоф. *өреме* ‘сливки, пенки², хак. *өреме* ‘пенка’, ‘молочное блюдо, снятое с кипячёного молока³, алт. *өрөмө* ‘топленые сливки⁴, як. *өрүмэ* ‘пенка, пленка на поверхности какой-либо жидкости⁵. Сибирские тюркские формы *өреме* относят монголизмам, восходящим к монг. *ögüte* ‘пенка с кипяченого молока’ (Татаринцев, 1976: 104; Рассадин, 1980: 27), ср. *өрөм* ‘пенка’, ‘плёнка на жидкости’, ‘сливки’, ‘молочная пенка (запёкшаяся сливочная плёнка на молоке)’, ‘накипь⁶, но есть мнение о том, что *өреме* и его соответствия, скорее тюркского, нежели монгольского происхождения, т. к. **örü* — тюркского, а не монгольского по своему происхождению основа⁷.

Өреме — десерт из молочных пенек: после долгого томления жирного молока снимают пенку, которую едят в чистом виде, замазывают кусок сыра *быштак* сверху или замешивают в муку крупного помола из прожаренных зерен ячменя или пшеницы *далган*.

5) *чөкпек* [чөкпэк] ‘лакомство из гущи, оставшейся после топления масла⁸, ср. тоф. *чөкпек* ‘осадок от перетопки сливочного масла⁹.

В раскаленном казане на оставшуюся гущу после топленного масла *саржаг* добавляют муку крупного помола из прожаренных зерен ячменя или пшеницы *далган*, сухой творог *ааржы*, все замешивают до однообразной массы, заливают чуть-чуть молочным чаем, доводя до кипения. Затем могут добавить сушеную молотую черемуху, тогда получается *чодураалыг чөкпек* ‘лакомство из гущи, оставшейся после топления масла, с черемухой’ или молотые зерна дикой гречишки *үүргене* — *үүргенелиг чөкпек* ‘лакомство из гущи, оставшейся после топления масла, с гречишкой’ или молотую сарану *ай* — *айлыг чөкпек* ‘лакомство из гущи, оставшейся после топления масла, с сараной’.

Таким образом, молочные продукты, в основном, готовят из сквашенного или сброшенного молока коровы. В структурном отношении это простые слова: *сүт* ‘молоко’, *арага* ‘алкогольный напиток, молочная водка’, *хымыс* ‘кумыс’, *тарак* ‘простокваша’, *хойтпак* ‘особым образом заквашенное молоко’, *божа* ‘остатки заквашенного молока после приготовления молочной водки’, *быштык* ‘особый вид сыра’, *курут* ‘вид сушеного творога’, *ааржы* ‘гуща процеженного кислого молока после перегонки молочной водки’, *өреме* ‘пенка’, *чөкпек* ‘лакомство из гущи после топления масла’. В этимологическом отношении — это общетюркские слова, как *сүт*, *хымыс*, *хойтпак*, *быштак*, *курут*, *чөкпек*; б) собственно-тувинское устойчивое выражение *сүттүг шай*; в) тюрко-монгольские слова: *божа*, *ааржы*; д) монголизмы *тарак*, *өреме* и арабизм — *арага*.

Лексика растительной пищи

В системе питания тувинца-кочевника помимо его исконных мясомолочных продуктов была и растительная пища *далган-тараа*, которую готовили, используя молочные и животные жиры.

Для тувинской кухни характерно применение муки пшеницы *кызыл-тас далганы* и ячменя *арбай далганы*, а также крупы проса *чиңге-тараа*.

¹ Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 339.

² Рассадин В. И. Тофаларско-русский словарь. Русско-тофаларский словарь / отв. ред. И. Д. Бураев. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1995. С. 56.

³ Хакаско-русский словарь = Хакас-орыс сөстiк / глав. ред. Н. Н. Широбокова. Новосибирск: Наука, 2006. С. 328.

⁴ Алтайско-русский словарь = Алтай-орус сөзлик / редкол.: А. Э. Чумакаев (отв. ред.), Н. В. Екеев и др. Горно-Алтайск, 2018. С. 531.

⁵ Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. Л.: Российская государственная академическая типография, 1925. Т. III. Ч. I. Вып. 7 (О, П, Р, С). С. 1967.

⁶ Большой академический монгольско-русский словарь / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: АCADEMIA, 2001. Т. III. Θ-Ф. С. 41.

⁷ Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2008. Т. IV. С. 412.

⁸ Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 542.

⁹ Рассадин В. И. Тофаларско-русский словарь. Русско-тофаларский словарь / отв. ред. И. Д. Бураев. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1995. С. 90.

Далган-тараа — обобщенное название мучных изделий, букв. ‘мука-хлеб, зерно’. Собственно тувинское сложное слово состоит из следующих компонентов: 1) *далган* (*таълкан*) ‘мука // мучной’, разг. ‘лепёшка’, ‘далган (мука из жареного ячменя или пшеницы)’¹, общетюркское, др.-тюрк. *talqan* ‘пожаренная мука, толокно’, тоф. *dalhan* ‘мука’, алт., кирг. *талкан* ‘толокно’, хак. *талған* ‘толокно’, башк., каз., уйг. *талқан* ‘толокно’ (Рассадин, 1971: 169), есть предположение о вторичном заимствовании из монгольской лексики тув. *далган*², см. монг. *талх(ан)* I ‘хлеб’, ‘хлебный’³;

1) **далган** или **тыва далган** букв. ‘тувинская мука’ — мука крупного помола из прожаренных зерен ячменя *арбай далганы* или пшеницы *кызыл-тас далганы*, которые составляли основу тувинской кухни из мучных изделий. В традиционной кухне тувинцев хлеб не пекли, его заменял *далган*. Перед едой *далган* замешивают молочным чаем или молоком, могут добавить тепленое масло *саржаг* или сушеный творог *ааржы*, или замащивают только теплым маслом или пенкой молока *өреме*. Детям готовую *далган* обычно давали в виде закатанных шариков.

Далган — священный продукт, используемый также в шаманских и буддийских обрядах не только у тувинцев, но и у других тюркских народов Сибири.

2) **тараа** ‘хлеб, зерно // хлебный, зерновой’, ‘просо’, ‘жареное толченое просо, употребляемое как продукт питания’, ‘злак’⁴, ‘хлебный’, тоф. *дараа* ‘хлебные посевы’, ‘спелое зерно’, алт. *тараан* ‘просо’, ‘пшено’, (Рассадин, 1971: 169), монголизм (Татаринцев, 1976: 70), см. монг. *тариа(н)* ‘хлеб’, ‘хлебный’, ‘зерновой’⁵, бур. *таряа(н)*, калм. *таран* ‘хлеб’, ‘зерно’, предполагается, что дериватом монгольской основы является др.-тюрк. *tarī-* ‘сеять, засеивать’ (Рассадин, 1971: 169).

3) **каржаң** [*каържаң*] ‘дробленая крупа (из жареной пшеницы или ячменя)’⁶, ‘дробленные зерна, оставшиеся после приготовления *далгана* муки из жареного ячменя или пшеницы’, близких соответствий тув. *каржаң* в тюркских языках не обнаружено⁷, как и в монгольском языке, поэтому можно заключить, что это собственно тувинское слово.

Каржаң — любимая еда детей, едят *каржаң* без ничего или замешивают молоком или со сливками, т.е. пенками молока ‘*өреме*’.

4) **чиңге-тараа** букв. в перен. ‘мелкое зерно’ — ‘просо // просяной’.

Собственно-тувинское слово *чиңге-тараа* состоит из следующих компонентов: *чиңге* ‘тонкий’⁸, общетюркское, см. *йинчге* / *йинчке* ‘тонкий’⁹, *и:нче* ‘тонкий’, ‘мелкий’ и т. д.¹⁰; *тараа* ‘хлеб, зерно // хлебный, зерновой’, ‘просо’, монголизм, см. выше.

Чиңге-тараа как продукт питания используют в жаренном толченом виде. Перед едой *чиңге-тараа* замешивают горячим молоком или молочным чаем, могут добавить тепленое масло *саржаг* или сушеный творог *ааржы*.

Боова-боорзак букв. ‘лепёшка-баурсаки’¹¹, обобщенное название жаренных или печеных мучных изделий, собственно-тувинское сложное слово состоит из следующих компонентов:

1) **боова** ~ **пова** ‘пресная лепешка, жаренная в масле; лепешка’¹², **боова** ‘пресная лепешка, жаренная в масле’¹³, монголизм, см. *боов(он)* ‘мучное изделие’, ‘печенье’, ‘сладости, кондитерские изделия’¹⁴.

¹ Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 145.

² Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2002. Т. II. С. 75–76.

³ Большой академический монгольско-русский словарь ... Т. III. Θ–Ф. С. 183.

⁴ Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 407.

⁵ Большой академический монгольско-русский словарь ... Т. III. Θ–Ф. С. 193.

⁶ Тувинско-русский словарь: 22 000 слов. / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 229.

⁷ Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2004. Т. III. С. 111.

⁸ Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 534.

⁹ Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы “Ж” и “Ж”, “Й” / отв. ред. Л. С. Левитская. М.: Наука, 1989. С. 203.

¹⁰ Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные / ред. Р. М. Залесковская. М.: Наука, 1974. С. 364.

¹¹ Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2000. Т. I. С. 281.

¹² Тувинско-русский словарь: 22 000 слов. / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 111.

¹³ Толковый словарь тувинского языка: в 2 т. / ред. Д. А. Монгуш. Новосибирск: Наука, 2003. Т. I: А–Й. С. 281.

¹⁴ Большой академический монгольско-русский словарь ... Т. I. А–Г. С. 262.

2) *боорзак* ‘печенье в виде жаренных в масле кусочков теста’¹, ‘кушанье в виде жаренных в масле мелконарезанных кусочков пресного теста’², тюрко-монгольское слово, см. *баурсак* ‘маленькие куски (кислого или пресного) теста (в виде шариков, квадратиков), жаренные в бараньем сале или масле’³; монг. *боорцог* ‘борцок (фигурки из теста, жареные в кипящем жире)’⁴.

В традиционной еде тувинцев *боова-боорзак* — это праздничная еда, которую простые тувинцы-скотоводы или земледельцы не могли позволить себе каждый день как зажиточные люди или баи.

1) *боова* ~ *поова* — лепешки в виде косичек: тесто раскатывают на тонкие лепешки-полоски, посередине лепешки делают разрез, выворачивают бантиком и жарят в топленом масле, в зависимости от раскатанного теста получаются хворостинки или мягкие лепешки.

2) *боорзак* — небольшие шарики, квадратик или ромбик из пресного теста, жаренные в топленом масле или в бараньем жире. В тесто могут добавить топленое масло, молоко или пенку. *Боорзак* считается традиционным мучным изделием алтайцев, казахов, кыргызов и других тюркских народов, а также монголов.

В тувинской кухне есть следующие разновидности пресной лепешки:

а) *быжырган* [*пыжырган*] *далган* или *хаарган далган* букв. ‘жаренная мука’, т. е. ‘жареная лепешка, пова’⁵, собственно тувинское устойчивое выражение: дериват *быжырган* ‘запеченный, жаренный’ от *быжыр-* ‘печь, жарить, стряпать’⁶, общетюркское, см. II *быш-* ‘давать созреть, зреть’, ‘варить’, ‘стряпать’, ‘печь’⁷; *далган* общетюркское, см. выше *talqan* ‘пожаренная мука, толокно’; *хаарган* ‘жаренный’ см. *хаарар* ‘жарить, поджаривать’, ‘жечь, обжигать’⁸, зафиксировано в тюркских языках Сибири, см. тоф. *хаарар* ‘жарить’⁹, хак. *хаарарға /хаар-/* ‘жарить, поджаривать, зажаривать’¹⁰, алт. *каарар* ‘жарить, поджаривать’, ‘обжаривать, припекать’¹¹.

Пресное тесто раскатывают на тонкие круглые лепешки, делают надрезы и жарят в масле до хрустящей золотистой корочки.

б) *кадырган* [*каъдырган*] букв. ‘вяленный’ или *кадаң боова* букв. ‘затвердевшая лепешка’, т. е. ‘пресная лепешка’: дериват *кадырган* от *кадыр-*, см. тув. *кадырар* ‘сушить, вялить’¹², тоф. *қақтырар* ‘вялить’¹³, алт. *кадыр-* ‘затвердеть, сушить’¹⁴; *кадаң* (каъдаң) ‘высохший’¹⁵, тоф. *қақтыр-* ‘вялить’¹⁶, алт. от *кат-* ‘затвердеть, сушить’¹⁷. Дериват *кадырган* и *кадаң* зафиксирован в тюркских языках Сибири.

¹ Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 112.

² Толковый словарь тувинского языка: в 2 т. / ред. Д. А. Монгуш. Новосибирск: Наука, 2003. Т. I: А–Й. С. 284.

³ Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на букву “Б” / отв. ред. Н. З. Гаджиева. М.: Наука, 1978. С. 23.

⁴ Большой академический монгольско-русский словарь / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: ACADEMIA, 2001. Т. I. А–Г. С. 264.

⁵ Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 145.

⁶ Там же. С. 129.

⁷ Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на букву “Б” / отв. ред. Н. З. Гаджиева. М.: Наука, 1978. С. 163–164.

⁸ Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 459.

⁹ Рассадин В. И. Тофаларско-русский словарь. Русско-тофаларский словарь / отв. ред. И. Д. Бураев. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1995. С. 148.

¹⁰ Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөзстік / гл. ред. Н. Н. Ширококова. Новосибирск: Наука, 2006. С. 766.

¹¹ Алтайско-русский словарь = Алтай-орус сөзлик / редкол.: А. Э. Чумакаев (отв. ред.), Н. В. Екеев и др. Горно-Алтайск, 2018. С. 244.

¹² Толковый словарь тувинского языка: в 2 т. / ред. Д. А. Монгуш. Новосибирск: Наука, 2011. Т. II: К–С. С. 30.

¹³ Рассадин В. И. Тофаларско-русский словарь. Русско-тофаларский словарь / отв. ред. И. Д. Бураев. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1995. С. 137.

¹⁴ Алтайско-русский словарь = Алтай-орус сөзлик / редкол.: А. Э. Чумакаев (отв. ред.), Н. В. Екеев и др. Горно-Алтайск, 2018. С. 249.

¹⁵ Толковый словарь тувинского языка: в 2 т. / ред. Д. А. Монгуш. Новосибирск: Наука, 2011. Т. II: К–С. С. 24.

¹⁶ Рассадин В. И. Тофаларско-русский словарь. Русско-тофаларский словарь / отв. ред. И. Д. Бураев. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1995. С. 137.

¹⁷ Алтайско-русский словарь = Алтай-орус сөзлик / редкол.: А. Э. Чумакаев (отв. ред.), Н. В. Екеев и др. Горно-Алтайск, 2018. С. 249.

Кадырган или *кадаң поова* — тесто пресной лепешки, которое раскатывают на тонкие круглые лепешки и готовят на разогретой поверхности железной печи (буржуйки) или на углях костра.

в) *карттап чиир* [казртап] букв. 'есть слоями', т. е. 'лепешка слойка'. Собственно тувинское устойчивое выражение состоит из следующих компонентов: *карттап* см. *карттаар* / *картта* 'сдирать кору', 'чистить', 'переплетать'¹, дериват слова *карт* 'корка; переплет', 'обертка'². Данное слово зафиксировано в тюркских языках Сибири, см. алт. *карта* 'чистить, очищать', 'снимать кожуру, соскабливать'³, тоф. *қазртта*- 'расслаивать', 'сдирать кору с кустарников', 'снимать'⁴; *чиир* | *чи*- 'есть, кушать'⁵, общетюркское, см. *his*='есть, кушать' (Рассадин, 1971: 196), *je ~ ji* 'есть'⁶, *ий*- 'есть, кушать'⁷.

В муку для прослаивания теста *карттап чиир* добавляют топленое масло и тесто раскатывают, затем складывают в несколько слоев, затем снова раскатывают на тонкие круглые лепешки, ср. тат. *катлама* — спрессованная лепёшка из уложенного улиткой двухслойного рулета.

3) *хуужуур* 'пирожок'⁸, монголизм, см. *хуушуур* 'род мясного пирожка'⁹.

Хуужуур — пирожок небольшого размера, начиненный мелко нарезанным мясом или мелко нарезанной печенью, легких с салом. *Хуужуур* обжаривают на бараньем жире или на *саржаг* 'топленом масле'.

Тувинская свадебная пища небогата специями, мясную еду в основном заправляли диким луком или укропом.

Кулча 'дикий лук (растущий в степных и сухих гористых местах)¹⁰; 'дикий лук, растущий в степных и сухих гористых местах и имеющий маленькую луковичку'. Небесспорных соответствий в др. языках нет, этимология слова неясна¹¹, скорее всего, собственно тувинское слово. В качестве приправы используются толченые головки дикого лука или маленькие луковки.

Койнут 'дикий укроп / укропный'¹², монголизм, см. монг. *гонид* 'тмин бурятский, анис'¹³ или *гоньд* 'тьмин', 'анис', 'укроп'¹⁴. В качестве приправы используются семена дикого укропа.

Таким образом, растительную пищу готовили, используя молочные и животные жиры, из муки пшеницы, ячменя и крупы проса.

В структурном отношении это простые слова: *тараа* 'жареное толченое просо', *далган* 'мука крупного помола из прожаренных зерен ячменя, пшеницы', *каржаң* 'дробленая крупа из жаренной пшеницы или ячменя', *боорзак* 'баурсаки', *боова* 'лепешки', *кадырган* 'пресная лепешка', *хуужуур* 'пирожок'; сложные слова: *далган-тараа* 'обобщенное название мучных изделий', *чиңге-тараа* 'просо', *боова-боорзак* 'обобщенное название жареных или печеных мучных изделий'; устойчивые выражения: *быжырган* или *хаарган далган* 'жареная лепешка', *кадаң боова* 'пресная лепешка', *карттап чиир* 'лепешка слойка'. В этимологическом отношении — это а) общетюркское слово *кадырган*; б) собственно-тувинские слова: *каржаң*, *чиңге-тараа*, *боова-боорзак*, *далган-тараа* и устойчивые выражения:

¹ Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 230.

² Там же.

³ Алтайско-русский словарь = Алтай-орус сөзлик / редкол.: А. Э. Чумакаев (отв. ред.), Н. В. Екеев и др. Горно-Алтайск, 2018. С. 290.

⁴ Рассадина В. И. Тофаларско-русский словарь. Русско-тофаларский словарь / отв. ред. И. Д. Бураев. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1995. С. 30.

⁵ Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 533.

⁶ Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы "Ж" и "Ж", "Й" / отв. ред. Л. С. Левитская. М.: Наука, 1989. С. 165.

⁷ Севортьян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные / ред. Р. М. Залесковская. М.: Наука, 1974. С. 333–335.

⁸ Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 495.

⁹ Большой академический монгольско-русский словарь / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: ACADEMIA, 2002. Т. IV. X–Я. С. 180.

¹⁰ Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 264.

¹¹ Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2004. Т. III. С. 292.

¹² Тувинско-русский словарь: 22 000 слов / ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 246.

¹³ Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2004. Т. III. С. 179.

¹⁴ Большой академический монгольско-русский словарь / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: ACADEMIA, 2001. Т. I. А–Г. С. 434.

быжырган или хаарган далган, карттап чиир; в) тюрко-монгольское слово боорзак; д) монголизмы: тараа 'жареное толченое просо', боова 'лепешка', хуужуур 'пирожок'.

Из специй в мясной еде использовали дикий лук и укроп. Названия данных дикоросов выражены простыми словами собственно-тувинского и монгольского происхождения.

Заклучение

В результате анализа традиционной лексики свадебной трапезы определили следующие особенности.

Исследуемую лексику можно анализировать по следующим лексико-семантическим группам: названия мясных блюд, названия молочных блюд, названия растительной пищи. В структурном отношении данную лексику составляют простые и сложные слова из двух компонентов, а также устойчивые выражения. В этимологическом отношении мы отмечаем следующий состав: а) общетюркские названия свадебной еды — 15; б) собственно-тувинские слова — 4 и устойчивые выражения — 13, из них с общетюркскими компонентами — 8; тюрко-монгольскими компонентами — 4, тюрко-китайскими компонентами — 1; в) монгольские заимствования — 8; г) тюрко-монгольские слова — 2; д) по одному заимствованию из китайского и арабского языков. Для мясных блюд свадебного пира забивали барана, т. е. предпочтение отдавали мясу домашнего скота с «горячим дыханием», как и другие тюркские народы. В пищу шло всё: *э́т* 'мясо', *хан* 'кровь' и *ижин-хырын* 'внутренности', т. е. потроха.

На свадебный пир обильно представлялись молочные продукты из сквашенного или сброшенного молока коровы, овцы, козы, яка, кобылы — *ак чем* букв. 'белая еда'. Растительную пищу готовили, используя молочные и животные жиры и для тувинской кухни характерно применение муки пшеницы *кызыл-тас далганы* и ячменя *арбай далганы*, а также крупы проса '*чиңге-тараа*'. Тувинская пища небогата специями, мясную еду в основном заправляли диким луком или укропом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вайнштейн, С. И. (1961) Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М. : Наука. 217 с.
- Грум-Гржимайло, Г. Е. (2007) Западная Монголия и Урянхайский край. Антропологический и этнографический очерк этих стран // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае-Танну-Тове, урянхайцах-тувинцах, о древностях Тувы: в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М. : Слово. Т. 2. Племена Саяно-Алтая. Урянхайцы (IV в. — начало XX в.). 664 с. С. 570–576.
- Дамчай, О. М., Уйнук-оол, Е. С. (2016) Культура традиционной тувинской семьи. Кызыл : Институт развития национальной школы. 120 с.
- Донгак, С. Ч. (2012) Тыва куда ёзулалдары = Традиции тувинской свадьбы. 2-е изд. Кызыл: Изд-во ТувГУ. 72 с. (На тув. и рус. яз.)
- Кара-оол, Л. С. (2015) Лексика предсвадебных обрядов в тувинском языке // Урало-алтайские исследования. № 4 (19). С. 17–31.
- Кара-оол, Л. С. (2020) Лексика традиционных послесвадебных обрядов в тувинском языке // Новые исследования Тувы. № 4. С. 169–199. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.12>
- Кара-оол, Л. С. (2021) Лексика традиционных свадебных обрядов в тувинском языке // Российская тюркология. № 1–2 (30–31). С. 126–143. DOI: <https://doi.org/10.37892/2712-8121-2021-30-31-126-143>
- Кенин-Лопсан М. Б. (1994) Тыва чоннуң бурунгу ужурлары [Традиционная этика тувинцев]. Кызыл : Новости Тувы. 192 с. (На тув. яз.)
- Кенин-Лопсан М. Б. (1999) Тыва чаңчыл. Тыва чоннуң ыдыктыг чаңчылдары. 2-ая книга. [Тувинские традиции. Священные традиции тувинского народа]. Кызыл : Новости Тувы. 352 с. (На тув. яз.)
- Кенин-Лопсан, М. Б. (2006) Традиционная культура тувинцев. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 232 с.
- Кенин-Лопсан, М. Б. (2017) Тыва чаңчыл [Тувинские традиции] : в 2 ч. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 360 с. (На тув. яз.)
- Кон, Ф. Я. (1934) За пятьдесят лет: Собрание сочинений: в 3 т. М. : Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев ; тип. Профиздата. Т. 3. Экспедиция в Сойотию. 293 с.
- Кунаа, А. Ч. (1957) Звуковая система современного тувинского языка / ред. Ш. Ч. Сат. Кызыл : Типография управления культуры. 56 с.

- Курбатский, Н. Г. (2001) Тувинцы в своем фольклоре. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 463 с
- Ламажаа, Ч. К., Майны, Ш. Б. (2020) Свадебная обрядность тувинцев: от установления семейных связей до социальной презентации // *Oriental Studies*. Т. 13. № 2. С. 405–421. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-48-2-405-421>
- Ламажаа, Ч. К., Кужугет, Ш. Ю., Монгуш А. В. (2022) *Хой эьди* для тувинцев. Идентичность, удобство, ответственность // *Этнография*. № 4 (18). С. 151–174. DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4\(18\)-151-174](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4(18)-151-174)
- Ликтан, В. Т., Айыжы, Е. В. (2015) Особенности традиционной системы питания тувинцев // *Japanese Educational and Scientific Review*. Т. XI. № 1. С. 254–259.
- Мал-маган. Тувинцы — скот — мясо (2023) / Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии, Ч. Х. Санчай, Ш. Ю. Кужугет, Ш. Б. Майны, А. В. Монгуш; под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл : б. и. 152 с.
- Тувинцы. Родные люди (2022) / Ламажаа, Ч. К., Сувандии, Н. Д., Кужугет, Ш. Ю., Майны, Ш. Б.; под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нектор-История. 360 с.
- Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 402 с.
- Прокофьева, Е. Д. (2011) Процесс национальной консолидации тувинцев. СПб. : Наука. 538 с.
- Рассадин, В. И. (1971) Фонетика и лексика тофаларского языка / отв. ред. Ц. Б. Цыдендамбаев. Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство. 252 с.
- Рассадин, В. И. (1980) Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М. : Наука. 115 с.
- Серен, П. (2006) Моолда сенгел тываларының чаңчылдары (дылының, культуразының материалдары) [Обычай цэнгэльских тувинцев в Монголии (материалы языка, культуры)]. Кызыл : ОАО «Тываполиграф». 104 с. (На тув. яз.).
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика (2001) / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М. : Наука. 824 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции (2002) / отв. ред. Э. Р. Тенишев М. : Наука. 768 с.
- Татаринцев, Б. И. (1976) Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 132 с.
- Хертек, Л. К. (2008) Устойчивые формулы и терминология свадебной обрядности тувинцев // *Эртем бижиктери [Учёные записки]* / отв. ред. М. В. Бавуу-Сюрюн. Кызыл : ТывГУ. Вып. II. 174 с. С. 80–91.
- Яковлев, Е. К. (2007) Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае-Танну-Туве, урянхайцах-тувинцах, о древностях Тувы: в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. Т. 5. Урянхайский край: от Урянхая к Танну-Туве (конец XIX — первая половина XX в.). М. : Слово. 736 с. С. 236–242.
- Rassadin, V. I. (2010) *Soyotica* / ed. by V. Kempf. Szeged : Univ., Dep. of Altaic Studies. 230 p.

Дата поступления: 10.09.2023 г.

Дата принятия: 22.11.2023 г.

REFERENCES

- Weinstein, S. I. (1961) *Tozhu tuvans: historical and ethnographic essays*. Moscow, Nauka. 218 p. (In Russ.).
- Grumm-Grzhimailo, G. E. (2007) Western Mongolia and Uriankhayskii krai. Vol. 3. An anthropological and ethnographic study of these countries. In: *Uryankhay. Tyva depter: in 7 vols.* / comp. S. K. Shoigu. Moscow, Slovo. Vol. 2. The tribes of the Sayan-Altai: the Uriyankhai (4th — early 20th century). 664 p. Pp. 496–639. (In Russ.).
- Damchai, O. M. and Uinuk-ool, E. S. (2016) *Culture of a traditional Tuvan family*. Kyzyl, National School Development Institute. 120 p. (In Russ.).
- Dongak, S. Ch. (2012) *The tradition of Tuvan wedding*. Kyzyl, TuvGU Publ. 72 p. (In Tuv. and Russ.).
- Kara-ool L. S. (2015) Lexicon of pre-wedding rituals in Tuvan. *Uralo-altaiskie issledovaniia*, no. 4 (19), pp. 17–31. (In Russ.).
- Kara-ool, L. S. (2020) Traditional post-wedding ceremonial vocabulary in Tuvan language. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 169–179. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.12>
- Kara-ool, L. S. (2021) Lexis of traditional wedding rites in the tuvan language. *Russian turcology*, no. 1–2 (30–31), pp. 126–143. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.37892/2712-8121-2021-30-31-126-143>
- Kenin-Lopsan, M. B. (1994) *Traditional ethics of Tuvans*. Kyzyl, Novosti Tuvy. 192 p. (In Tuv.).
- Kenin-Lopsan M. B. (1999) *Tuvan traditions. Sacred traditions of the Tuvan people. Second book*. Kyzyl, Novosti Tuvy. 352 p. (In Tuv.).

- Kenin-Lopsan, M. B. (2006) *Traditional culture of Tuvans*. Kyzyl, Tuvan Book Publisher. 232 p. (In Russ.).
- Kenin-Lopsan, M. B. (2017) *Tuvan traditions*. Kyzyl, Tuvan Book Publisher. 232 p. (In Tuv.).
- Kon, F. Ya. (1934) *In fifty years : collected works : in 3 vols*. Moscow, Publishing House of the All-Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers. Vol. 3: An expedition to Soyotia. 293 p. (In Russ.).
- Kunaa, A. Ch. (1957) *Sound system of the modern Tuvan language* / ed. by Sh. Ch. Sat. Kyzyl, Tipografiia upravleniia kul'tury. 56 p. (In Russ.).
- Kurbatskii, G. N. (2001) *Tuvans in their folklore: Historical and ethnographic aspects of Tuvan folklore*. Kyzyl, Tuva book publishing house. 464 p. (In Russ.).
- Lamazhaa, Ch. K. and Mainy, Sh. B. (2020) Tuvan Wedding Rites: from Establishment of Family Ties to Social Presentation. *Oriental Studies*, vol. 13, no. 2, pp. 405–421. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-48-2-405-421>
- Lamazhaa, Ch. K., Kuzhuget, Sh. Yu. and Mongush, A. V. (2022) *Khoi edi* for Tuvans. Identity, convenience, responsibility. *Etnografiia*, no. 4 (18), pp. 151–174. (In Russ.). DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4\(18\)-151-174](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4(18)-151-174)
- Liktan, V. T. and Aiyzhy, E. V. (2015) Features of the traditional Tuvan food system. *Japanese Educational and Scientific Review*, vol. XI, no. 1, pp. 254–259. (In Russ.).
- Mal-magan. Tuvans — cattle — meat* (2023) / Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii, Ch. Kh. Sanchai, Sh. Yu. Kuzhuget, Sh. B. Mainy, A. V. Mongush; ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. Kyzyl, s. n. 152 p. (In Russ. and Tuv.).
- Tuvans. Native people* (2022) / Lamazhaa, Ch. K., Suvandii, N. D., Kuzhuget, Sh. Yu. and Mainy, Sh. B.; ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. St. Petersburg, Nektor-Istoriia. 360 p. (In Russ.).
- Potapov, L. P. (1969) *The Tuvans: sketches of the folk lifestyle and related household activities*. Moscow, Nauka, GRVL. 402 p. (In Russ.).
- Prokof'eva, E. D. (2011) *The Process of National Consolidation of the Tuvans*. St. Petersburg, Nauka. 538 p. (In Russ.).
- Rassadin, V. I. (1971) *Phonetics and lexics of the Tofalar language*. Ulan-Ude, Buryat Book Publisher 252 p. (In Russ.).
- Rassadin, V. I. (1980) *Mongolian-Buryat loanwords in Siberian Turkic languages*. Moscow, Nauka. 116 p. (In Russ.).
- Seren, P. (2006) *Customs of Tsengel Tuvans in Mongolia: materials of language and culture*. Kyzyl, Resp. tip-ia. 104 p. (In Tuv.).
- Comparative and historical grammar of the Turkic languages. Lexis* (2001) / ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Nauka. 824 p. (In Russ.).
- Comparative and historical grammar of the Turkic languages. Regional reconstructions* (2002) / ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Nauka. 767 p. (In Russ.).
- Tatarincev, B. I. (1976) *Mongolian language influence on the Tuva lexicon*. Kyzyl, Tuvan book publishing house. 129 p. (In Russ.).
- Khertek, L. K. (2008) Stable formulas and terminology of Tuvan wedding rituals. In: *Scientific notes* / ed. by M. V. Bavuu-Surun. Kyzyl, TuvSU. Issue II. 174 p. Pp. 80–91. (In Russ.).
- Yakovlev, E. K. (2007) An ethnographic review of the South Yenisei Valley. In: *Uryankhay. Tyva depter*: in 7 vols. / comp. S. K. Shoigu. Moscow, Slovo. Vol. 5. Uriankhai region: from Uriankhai to Tannu-Tuva (end of the 19th — first half of the 20th century). Moscow, Slovo. 736 p. Pp. 236–242. (In Russ.).
- Rassadin, V. I. (2010) *Soyotica* / ed. by B. Kempf. Szeged, Univ., Dep. of Altaic Studies. 230 p.

Submission date: 10.09.2023.

Accepted date: 22.11.2023.

DOI: 10.25178/nit.2024.1.11

Статья

Семейные ценности населения республик Южной Сибири в оценках алтайцев, тувинцев, хакасов (по данным социологического исследования 2022 г.)

Ирина Н. Трошкина

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Российская Федерация,

Тана М. Ойду

Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН, Российская Федерация,

Сурайя Д. Дилекова

Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова, Российская Федерация

В статье анализируется структура семейных ценностей алтайцев, тувинцев, хакасов — коренных жителей трех южносибирских республик России: Алтай, Тува и Хакасия. Эмпирической базой исследования являются результаты социологического опроса, проведенного авторами в мае — июне 2022 г. в регионах. Выявлены доминирующие семейно-ценностные установки в зависимости от этнокультурных традиционных представлений.

Система доминирующих семейных ценностей представлена в первую очередь ценностью супружества, ее значимого компонента — равенства полоролевых позиций супругов; признания ценностей родительства и родства (со значимостью своих и приемных детей, ориентацией на большую семью, ценностью старшего поколения).

Установлено, что для тувинцев более характерна приверженность эгалитаризму, многодетность, поддержка родственников; для алтайцев — стремление к сохранению традиционной роли женщины в семье, поддержка свободного воспитания детей, они менее ценят родственников дальнего круга; для респондентов-хакасов более важны ценность приоритета семьи у женщин, значимость детей, забота о старшем поколении.

Ключевые слова: семейная ценность; родство; родительство; супружество; алтайцы; тувинцы; хакасы; Южная Сибирь; Республика Алтай; Республика Тыва; Республика Хакасия

Для цитирования:

Трошкина И. Н., Ойду Т. М., Дилекова С. Д. Семейные ценности населения республик Южной Сибири в оценках алтайцев, тувинцев, хакасов (по данным социологического исследования 2022 г.) // Новые исследования Тувы. 2024, № 1. С. 166-183. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.11>

Трошкина Ирина Николаевна — кандидат философских наук, заведующая сектором экономики и социологии Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Адрес: 655017, Россия, г. Абакан, ул. Щетинкина, д. 23. Эл. адрес: i.troschkina2012@yandex.ru

Ойду Тана Михайловна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов СО РАН. Адрес: 667007, Россия, г. Кызыл, ул. Интернациональная, д. 117а. Эл. адрес: tana_o@mail.ru

Дилекова Сурайя Дмитриевна — научный сотрудник отдела истории и этнографии Научно-исследовательского института алтаистики им. С. С. Суразакова. Адрес: 649000, Россия, г. Горно-Алтайск, ул. Социалистическая, д. 6. Эл. адрес: dilekova_s@mail.ru

Family values of the population of the republics of Southern Siberia in the estimates of the Altaians, Tuvans, Khakass (according to the data of the sociological study of 2022)

Irina N. Troshkina

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russian Federation,

Tana M. Oydup

Tuvanian Institute for Exploration of Natural Resources of Siberian Branch of RAS, Russian Federation,

Suraya D. Dilekova

Scientific Research Institute of Altaistics named after S. S. Surazakov, Russian Federation

The article examines the structure of family values among the Altai, Tuvan, and Khakass peoples, the indigenous inhabitants of three southern Siberian republics of Russia: Altai, Tuva, and Khakassia. The empirical basis of the research consists of the results of a sociological survey conducted by the authors in May – June 2022 in the regions. Dominant family value orientations are identified based on ethnocultural traditional beliefs.

The system of dominant family values is primarily represented by the value of marital union, with a significant component being the equality of gender roles between spouses. Recognition of the values of parenthood and kinship (with emphasis on one's own and adopted children, orientation towards extended family, and the value of the older generation) is also prominent.

It is established that Tuvans tend to be more committed to egalitarianism, large families, and support for relatives. Altai people exhibit a preference for preserving the traditional role of women in the family, supporting free child-rearing practices, and placing less emphasis on distant relatives. Respondents of Khakass origin prioritize the value of women's family role, the significance of children, and the care for the older generation.

Keywords: family values; parenthood; marital union; Altaians; Tuvans; Khakass; Southern Siberia; Altai Republic; Tuva Republic; Khakassia Republic

For citation:

Troshkina I. N., Oydup T. M. and Dilekova S. D. Family values of the population of the republics of Southern Siberia in the estimates of the Altaians, Tuvans, Khakass (according to the data of the sociological study of 2022). *New Research of Tuva*, 2024, no. 1, pp. 166-183. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.11>

TROSHKINA, Irina Nikolaevna, Candidate of Philosophy, Head, Department of Economics and Sociology, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History. Postal address: 23 Shchetinkina St., 655017, Abakan, Russia. E-mail: i.troshkina2012@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-1650-0590

OYDUP, Tana Mihailovna, Candidate of Sociology, Leading Researcher, Tuvanian Institute for Exploration of Natural Resources of Siberian Branch of RAS. Postal address: 117a Internatsionalnaya St., 667007, Kyzyl, Russia. E-mail: tana_o@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-3125-3361

DILEKOVA, Suraya Dmitrievna, Researcher, Department History and Ethnography, Scientific Research Institute of Altaistics named after S.S. Surazakov. Postal address: 6 Sotsialisticheskaya St., 649000, Gorno-Altaiisk, Russia. E-mail: dilekova_s@mail.ru

ORCID ID: 0009-0008-7540-7899

Введение

На сегодняшний день российское общество переживает кризис в социально-духовной сфере, связанный с дезорганизацией общественного сознания, дисбалансом личностных, семейных, общественных ценностных систем. Кризис семейных ценностей приводит к невыполнению институтом семьи основных функций (репродуктивной, воспитательной, хозяйственно-экономической), что обуславливает снижение уровня рождаемости, социальной адаптации, материальной, уходовой поддержки членов семьи. Поскольку семья является основным транслятором духовно-нравственных ориентиров, семейные ценности несут в себе консолидирующее этнокультурное начало, роль последних в сохранении и воспроизводстве ценностных основ общества весьма значима. Снижение значимости основных семейных ценностей (родительства, родства) и повышение внесемейных (сексуальное партнёрство, образование, профессиональная деятельность, статусные характеристики) изучается учеными (Винивидова, 2008; Пьянов, 2011, Черникова, Мазаева, 2019; и др.). Отмечается, что противоречие между семейными и внесемейными ценностными системами (фамилизма и индивидуализма) проявляется все сильнее (Галкина, Кадничанская, 2015: 195).

Под традиционными семейными ценностями исследователи понимают в целом совокупность значимых смысловых категорий, отражающих представления о семейном укладе, семейной культуре, сформировавшихся в более ранний исторический период, определяющих цели и жизненные ориентиры индивидуальной семьи, приводящие к ее консолидации (Винивидова, 2008, Пьянов, 2011, Черникова, Мазаева, 2019, Трошкина, 2022). Отдельно речь идет о современных семейных ценностях или внесемейных ценностях, понимаемых как совокупность значимостей о замещающих ценностях (сексуальное партнёрство, образование, профессиональная деятельность, статусные характеристики), направленных на удовлетворение индивидуальных интересов членов семьи, приводящих к дезинтеграции социума и социального института (Антонов, Медков, 1996; Медкова, 2003, Ковалева, 2010). Выделяются три основных компонента: отношение к браку и добрачному поведению — ценность супружества (значимость оформления брака и постоянство брачных отношений, устойчивый приоритет сохранения брака над разводом), отношение к деторождению и социализации — ценность родительства (рождение и воспитание детей), отношение к взаимодействию членов большой семьи — ценность родства (распределение традиционных ролей, взаимоуважение всех членов семьи).

Анализируется, что изменение баланса семейных и внесемейных ценностей влияет на жизнь общества. Отмечается снижение численности населения, придерживающихся семейных, преобладание в обществе индивидуальных ценностей (Баранцева, 2015; Беликова, Каркусова, 2021; Ростовская, Кара-Мурза, Егорычев, 2019). При этом исследователи отмечают сохраняющуюся высокую значимость семьи и супружества, ценность родительства, при одновременном снижении значимости родства. Данные тенденции, выявленные по результатам социологических исследований, исследователи обуславливают с увеличением в повседневной жизни числа разводов при сокращении количества официальных браков (Лагойда, 2017); нестабильными показателями коэффициента суммарной рождаемости¹, ростом числа сложных многопоколенных домохозяйств в общей структуре семей (Прокófьева, 2013; Трошкина, Кырашпай, Сат, 2020).

Отношение индивидов к семейным ценностям является объектом пристального внимания исследователей (Беяева, 2008; Черникова, Мазаева, 2019, Остапенко, 2013; Бурханова, 2021; Абрамов, Лю, 2022; и др.). Исследователи приходят к выводу о снижении коллективистских и повышении индивидуалистских значимостей, необходимости укрепления традиционных семейных ценностных компонентов супружества, родительства, родства.

Данная тема представляет интерес для ученых с целью понимания значимых семейных ценностей жителей российских регионов. Исследование семейных ценностей республик Алтай, Тувы и Хакасии позволяет дополнить имеющиеся научные знания по этносоциальным процессам в Сибири и в целом по России. Цель данной статьи заключается в исследовании структуры семейных ценностей в представлениях алтайцев, тувинцев, хакасов, в том числе в зависимости от их этнокультурных особенностей, соответственно — в сравнении показателей. Для достижения поставленной цели были поставлены задачи: выявить смысловые ценности титульных этносов Южной Сибири,

¹ Щербакoва Е. М. Демографические итоги I полугодия в России. Часть 1. [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2022. № 957–958. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2022/0957/barom05.php> (дата обращения: 19.04.23).

изучить структуру семейных ценностей, выяснить их компонентную основу, сравнить данные по этносам. Теоретической базой исследования являются общие положения концепции жизненных ценностей Н. И. Лапина (Лапин, 1994), структура ценностей анализировалась на основе концепций М. Рокича (Rokeach, 1973), С. Шварца (Schwartz, 1994, 2005), В. А. Ядова (Ядов, 1995), Д. В. Медкова (Медкова, 2003). Основные компоненты супружества, родительства, родства выделены Д. В. Медковой и Н. В. Кулаженковой (Медкова, 2003; Кулаженкова, 2015).

Ценность супружества включает ценность брака, равноправия супругов / доминирования одного из них, различных половых ролей в семье, межличностных коммуникаций между супругами, отношений взаимоподдержки и взаимопонимания супругов; ценность родительства выражена в ценности детей, включающей в себя значимость многодетности или малодетности, а также ценность воспитания и социализации детей в семье; ценность родства представлена значимостью наличия родственников, взаимодействия и взаимопомощи между ними (Трошкина, 2022).

Анализ базируется на материалах авторского социологического исследования, который проводился в 2022 г. методом анкетирования на основе вопросника, составленного авторами. Анкета ориентирована на выявление мнения респондентов о ценностях супружества, родительства и родства, содержит 25 вопросов, 14 из которых позволяют раскрыть основные задачи исследования, 11 — социально-демографические характеристики респондентов. Анкетирование велось дистанционным способом через адресное распространение ссылки на электронную анкету, размещенную на платформе Google Forms. Выборка квотная (при расчете объема выборки использовались данные официальной статистики), опросом охвачено 1000 человек — представители титульных этносов Южной Сибири — трех республик: Алтай (алтайцы), Тувы (тувинцы), Хакасии (хакасы). Первичные данные обрабатывались методом математической статистики в программе IBM SPSS Statistics 23.

Обзор литературы

Актуальность темы связана с отсутствием на современном этапе сравнительных исследований по данной проблематике, изучением отдельных вопросов на уровне трех регионов.

Стоит выделить исследования, проводившиеся в регионах Южной Сибири, в частности, новосибирской научной школой этносоциологов, акцентирующих внимание на семейных-брачных отношениях (Михеева, 1993; Гончарова, Савельев, 2004; Гончарова, 2010), жизненных ценностях (Попков, Костюк, Тюгашев, 2007; Попков, 2009; Иванов и др., 2007; Евразийский мир ... , 2010); а также работы З. В. Анайбан, Г. Ф. Балакиной, С. П. Тюхтеновой, раскрывающие этнокультурную основу населения Южной Сибири (Балакина, Анайбан, 1995, Анайбан, Тюхтенева, 2008).

Наиболее важным исследованием в изучении семейных ценностей народов Сибири постсоветского времени стала работа Г. С. Гончаровой, Л. Я. Савельева «Семейно-брачные отношения у народов Сибири: проблемы, тенденции, перспективы» (Гончарова, Савельев, 2004). Авторы в том числе анализировали отношение к ценности семьи, брака, детей у народов республик Тыва, Хакасия, сравнивая их ответы с мнениями представителей русского этноса Сибири.

В Республике Алтай эти проблемы исследовались с позиции динамики комплекса обычаев, практик и верований, составляющих основу традиционных семейных ценностей (Шатинова, 1981; Енчинов, 2009), семейных традиций (Тадина, 1995; Екеева, 2011), формирования национальных культурно-духовных ценностей¹.

В Республике Тыва значимый блок публикаций посвящен семейно-брачным отношениям (Ондар, Ондар, 2016; Биче-оол, 2018; Доржу, 2019; и др.²), образу жизни, ценностям и идеалам тувинцев (Анжиганова, Ак-Лама, 2016; Ламажаа, 2021; Ростовская, Золотарева, Давлетшина, 2023; Багирова, Шубат, 2023; Ноянзина, Максимова, Омельченко, 2023; и др.).

¹ Боаги Н. М. Формирование национальных культурно-духовных ценностей старшекласников в современной школе Республики Алтай: дис... канд. пед. наук. М., 2002.

² Мышлявцев Б. А. (2002) Современная Тува: нормативная культура (конец XX — начало XXI вв.) [Электронный ресурс] URL: https://samlib.ru/m/myshljawcew_boris_aleksandrowich/tuva-1.shtml (дата обращения: 09.03.23); Хольшина М. А., Бутанаев Ю. В. Семейно-брачные отношения у населения Республики Тыва [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2011. № 11 (34). Т. 2. С. 55–58. URL: <https://moluch.ru/archive/34/3922/> (дата обращения: 09.03.23).

В Республике Хакасия изучались женские ценности (Анжиганова, 2016, 2017), особенности развития иерархии семейных ценностей молодой семьи¹, ценности хакасского этноса (Трошкина, 2009), представления о семейных ценностях различных групп населения (Баранцева, 2015; Горбунова, Султанбаева, 2019).

Менее исследованным вопросом оказалась структура семейных ценностей в понимании людей, что и обуславливает научную новизну нашей работе.

Смысложизненные ценности

Смысложизненные ценности россиян представляют собой важнейшие значимые ценности с индивидуалистической (открытость изменениям, самоутверждение) / коллективистской (сохранение, забота о людях и природе) ориентациями (Магун, Руднев, Шмид, 2015). При этом семья на протяжении продолжительного времени остается одной из базовых общекультурных ценностей россиян (Барсукова, 2017).

Результаты нашего исследования также отмечают приоритет семьи (87,8%) и в то же время ценности здоровья (82,2%), вторичность позиции сохранения или безопасности, порядка, законности у представителей титульных этносов Южной Сибири² (табл. 1). Около половины респондентов посчитали важными порядок и законность (49,4%), материальное благополучие (45,5%), личную свободу (45,5%). Менее значимой ценностью является общественное признание (17,3%).

Основным фактором, обуславливающим статистическую разницу в ответах респондентов, стоит назвать местность проживания. Так, горожане в отличие от сельчан отдают приоритет семье, здоровью, материальному благополучию, личной свободе, в то время как жители сельской местности — порядку и законности, общественному признанию.

В этническом плане семью оценивают выше опрошенные тувинцы, в отличие от алтайцев и хакасов (N=26,782, p=0,000). Отмечается статистически значимые различия в ценности материального благополучия, которое больше ценят алтайцы, чем тувинцы и хакасы (N=19,069, p=0,000), то же самое касается и общественного признания (N=37,562, p=0,000), личной свободы (N=21,114, p=0,000). Ценность здоровья является статистически значимой для женской половины опрошенных, нежели чем для мужской.

Таблица 1. Ответы респондентов на вопрос: «Какие смысложизненные ценности являются для Вас наиболее важными?», в %

Table 1. Respondents' answers to the question: "What are the most important life values for you?", in %

Варианты ответов	Очень значимо	Значимо	Незначимо
<i>Семья</i>			
Алтайцы	76,5	23,5	0
Тувинцы	91,1	7,0	1,9
Хакасы	86,0	14,0	0
<i>Здоровье</i>			
Алтайцы	86,0	14,0	0
Тувинцы	80,7	14,9	4,4
Хакасы	84,8	15,2	0
<i>Материальное благополучие</i>			
Алтайцы	55,9	41,9	2,2
Тувинцы	42,6	43,2	14,2
Хакасы	46,3	51,5	2,2
<i>Общественное признание</i>			
Алтайцы	26,8	62,6	10,6
Тувинцы	15,6	51,7	32,7
Хакасы	13,2	66,9	19,9

¹ Анафьянова Т. В. Особенности развития иерархии семейных ценностей молодой семьи // Современные наукоемкие технологии. 2010. № 8. С. 119–122.

² В данном случае анализ строился по варианту ответа «Очень значимо».

<i>Личная свобода</i>			
Алтайцы	55,3	41,9	2,8
Тувинцы	40,7	44,1	15,2
Хакасы	33,8	65,4	0,8
<i>Порядок, законность</i>			
Алтайцы	49,2	49,2	1,6
Тувинцы	49,7	36,9	13,4
Хакасы	48,5	50,7	0,8

Прим.: сумма процентов равная 100% в составе этнических групп, исходя из методики опроса, по вариантам ответа («Очень значимо», «Значимо», «Незначимо»).

В целом, для абсолютного большинства титульных этносов Южной Сибири семья, наряду со здоровьем, остается главнейшими смысложизненной ценностью. Среди иных ценностей наши респонденты отметили важность безопасности / социального порядка, связанной с потребностями общества в ощущении защищенности. Кроме того, ценность самоутверждения, самовозвышения, достижений, выраженные в категориях общественное признание, личная свобода занимают последние позиции в общем рейтинге. Это вполне объяснимо, поскольку в регионах Южной Сибири сохранение культуры, а с ним, и смысложизненных ценностей, связано с особенностями культурогенеза титульных этносов Южной Сибири.

Семейные ценности

Семейные ценности, как установила Д. В. Медкова, имеют трехчленную структуру (родительство, супружество, родство) (Медкова, 2003). При этом исследователи приходят к выводу о приоритетности ценности супружества, сохранении ценности родительства и некоторой девальвацией ценности родства (Черникова, Мазаева, 2019). Результаты нашего исследования также подтверждают выявленную структуру, в которой видна и этническая специфика.

Значимость прочного брака и крепких семейных уз отметило 69,7% всех опрошенных, чуть ниже показатель ценности родительства (суждение «продолжение рода, фамилии, рождение детей») — 60,4%, менее значимыми ценностями является родство (55,9%) и следование семейным традициям (46,9%) (табл. 2). Стоит отметить, что около половины респондентов (46,9%) отметили большую значимость традиционалистским основам в семье.

Кроме этого, респонденты при ответе на открытый вопрос об иных семейных ценностях подчеркнули важность: уважения — 31,6%, почитания и заботы о старших — 8%, воспитания детей — 6,4%, любви — 6,4%, здорового образа жизни — 4,8%, взаимоподдержки — 4,3%.

Несмотря на то, что ценность супружества обладает наибольшей значимостью в иерархии семейных ценностей респондентов, представление об ее компонентах (супружестве, родительстве и родстве) у этносов разнятся.

Значимость супружества, родительства более выражена у опрошенных представителей хакасского этноса, родства — у респондентов тувинского, следование образу жизни родительской семьи — проинтервьюированных алтайцев.

Отличительной особенностью опрошенных алтайцев является наличие явно полярных точек зрения мужчин и женщин в отношении места женщины в семье. Так, мужчины больше, чем женщины, придерживаются мнения о том, что жена должна брать на себя больше домашних обязанностей (44% мужчин, 25,3% женщин), также на первое место ставить семью вместо карьеры (58,3% мужчин, 33,7% женщин), деньгами должен распоряжаться тот, кто больше зарабатывает (38,1% мужчин, 10,5% женщин), перед свадьбой следуют получить одобрение родителей (79,8% мужчин, 56,8% женщин). Позиция мужчины по положению, обязанности женщины (жены) более традиционна, по иным ценностям (с родственниками, детьми, старшим поколением) их мнения схожи.

Для тувинцев, опрошенных в ходе исследования, характерна более демократичная модель взаимоотношений между супругами, 87% респондентов-тувинцев высказались за равное распределение обязанностей в быту. Местность проживания и гендерный фактор являются значимыми в распределении ответов о взаимодействии с родственниками, старшим поколением, детьми. Так, по данным позициям мужчины в большей степени привержены традиционным взглядам (подтвержда-

ется расчетом непараметрического критерия U Манна-Уитни для двух независимых выборок, показавшем наличие статистически значимых различий для следующих высказываний: «муж и жена должны поровну распределять обязанности по дому между собой» ($U=51665$, $p=0,000$), «жена должна больше брать обязанности по дому на себя» ($U=48671$, $p=0,000$), «идеальная жена на первое место должна ставить семью, а не работу» ($U=53861$, $p=0,036$). Кроме того, мужчины также более склонны считать, что «дети в праве самостоятельно выбирать друзей» ($U=54352,5$, $p=0,024$), «членам семьи необходимо часто общаться с родственниками» ($U=53325$, $p=0,005$), «забота о старшем поколении — долг каждого человека» ($U=53371,5$, $p=0,002$), горожане выше оценивают возможность воспитания ребенка в неполной семье, жители сельской местности более склонны рассматривать ведущую роль в семье в зависимости от уровня дохода.

Таблица 2. Ответы респондентов на вопрос: «Оцените значимость семейных ценностей?», в %
Table 2. Respondents' answers to the question: "Please, assess the importance of family values?", in %

Варианты ответов	Очень значимо	Значимо	Незначимо
<i>Крепость семейных уз, прочный брак</i>			
Алтайцы	70,4	29,1	0,5
Тувинцы	68,3	21,3	10,4
Хакасы	75,7	22,1	2,2
<i>Продолжение рода, фамилии, рождение детей</i>			
Алтайцы	54,2	43,6	2,2
Тувинцы	60,4	30,9	8,7
Хакасы	68,4	31,6	0
<i>Взаимоподдержка родственников, крепость родственных уз</i>			
Алтайцы	48,6	46,9	4,5
Тувинцы	57,5	35,1	7,4
Хакасы	57,4	41,2	1,4
<i>Следование семейным традициям, обычаям, образу жизни родительской семьи</i>			
Алтайцы	49,7	45,3	5,0
Тувинцы	46,1	39,6	14,3
Хакасы	47,1	48,5	4,4

Прим.: сумма процентов равная 100% в составе этнических групп, исходя из методики опроса, по вариантам ответа («Очень значимо», «Значимо», «Незначимо»).

Хакасы, участвующие в нашем опросе, в отличие от иных этносов, обладают более общими ценностными позициями по отношению к членам семьи, родственникам, детям, которые не зависят от места жительства и пола респондентов. Это, вероятно, связано как со стиранием культурных границ между селом и городом, так и устоявшейся полоролевой системой ценностей. Между тем, в общей доле опрошенных хакасов меньше всего интереса проявляют к вопросу распоряжения семейным бюджетом — 6,6%, больше — к заботе о старшем поколении (94,9%).

Таким образом, семейные ценности опрошенных алтайцев, тувинцев и хакасов представлены следующей структурой: на первом месте ценности супружества, на втором — родительства, на третьем — родства. В целом, они соответствуют структуре общероссийских семейных ценностей. Наличествуют различия по этническому основанию: алтайцы и тувинцы в большей степени привержены традиционно-коллективным основам в выборе семейных ценностей (доминирование ценности родства), хакасы в большей степени придают значимость ценности супружества. Семейные ценности обусловлены местом жительства у тувинцев, полом у алтайцев и тувинцев, у хакасов данные факторы не оказывают существенного влияния.

Компонентная основа семейных ценностей (супружества, родительства, родства)

Мы рассматриваем наиболее значимые ценностные предпочтения внутри трехчленной структуры семейных ценностей, по направлению ценности супружества — полоролевые позиции; по линии родительства — дети, предпочитаемая численность, замещающие семьи; родства — родственники, их статус, взаимоподдержка между родственниками.

В отношении супружества. Отход от традиционных гендерных ролей в семье приводит к равнозначным позициям в сфере супружества, эгалитарной модели организации семейной жизни. Ценность супружества исследовалась нами в отношении к полоролевым позициям.

Большинство опрошенных всех трех республик отмечают примат эгалитарного супружества, что отражается в выборе высказывания «Муж и жена должны поровну распределять обязанности по дому» (85,9%). Это свидетельствует о распространении внесемейных ценностных основ по направлению полоролевые позиции. Они в равной степени выражены у трех рассматриваемых этносов.

Респонденты демонстрируют сохраняющуюся приверженность традиционалистским убеждениям о том, что в брак надо вступать при одобрении родителей. 63,2% всех опрошенных выбрали высказывание «Перед свадьбой обязательно нужно получить одобрение родителей», при этом этнических различий в общем распределении ответов не было выявлено (табл. 3). Кроме того, данные ценностные ориентации выражены в брачных установках респондентов относительно возможности проживания в неполной семье, незначительное количество респондентов (36,2%) отмечает такую возможность, среди них преимущественно горожане, в этническом соотношении — представители алтайского этноса. Оценки мужчин, особенно в отношении роли жены, являются более традиционными. Так, они чаще склонны к тому, чтобы женщина брала на себя больше обязанностей по дому, занималась семьей, а не работой.

Таблица 3. Согласие респондентов со следующими высказываниями в отношении супружества, в %
Table 3. Respondents' agreement with the following statements regarding matrimony, in %

Высказывание	Все опрошенные	Алтайцы	Тувинцы	Хакасы
Муж и жена должны поровну распределять обязанности по дому	85,9	83,2	87,0	85,9
Жена должна больше брать обязанности по дому на себя	25,8	34,1	25,1	18,4
Деньгами в семье должен распоряжаться тот, кто их больше зарабатывает	14,3	23,5	13,4	6,6
Идеальная жена на первое место должна ставить семью, а не работу	58,1	45,3	59,4	68,4
Один родитель может вырастить гармоничного ребенка	36,2	41,9	35,3	32,4
Перед свадьбой обязательно нужно получить одобрение родителей	63,2	67,6	61,5	66,2

Прим.: сумма процентов равная 100% в составе этнических групп, исходя из методики опроса, по вариантам ответа («Очень значимо», «Значимо», «Незначимо»).

В сравнении с другими представителями весомая часть опрошенных алтайцев демонстрирует полярные точки зрения в отношении к месту женщины в семье по гендерному признаку. Мужчины в большей степени, чем женщины придерживаются мнения о том, что жена должна брать на себя больше домашних обязанностей (44% мужчин, 25,3% женщин), также на первое место ставить семью вместо карьеры (58,3% мужчин, 33,7% женщин), деньгами должен распоряжаться тот, кто больше зарабатывает (38,1% мужчин, 10,5% женщин), перед свадьбой следуют получить одобрение родителей (79,8% мужчин, 56,8% женщин).

У опрошенных тувинцев в большей степени, нежели чем у иных этносов, выражено стремление к равному распределению домашних обязанностей, так как 87% респондентов высказались за их уравнительное разделение между мужем и женой. На понимание ряда семейных ценностей тувинцев влияет как гендерный аспект, так и место жительства. Стоит отметить, что, как и у алтайцев, к эгалитарной модели семьи более склоняются женщины, так как 92,5% из них высказались за равное распределение обязанностей, мужчины демонстрируют более традиционные взгляды в отношении супружества (80,9%). Почти вдвое больше мужчин (34% мужчин против 17,2% женщин) считают, что жене следует брать больше дел по дому на себя. Помимо этого, 63,6% респондентов мужского пола характеризуют идеальную жену как женщину, ставящую семью превыше карьеры. Расхождение позиций опрошен-

ных отмечается по месту жительства. Горожане на 10% выше оценивают возможность одному родителю достойно воспитывать ребенка.

Хакасы, из числа опрошенных, несмотря на представление о том, что у идеальной жены приоритетом должна являться семья (68,4%), выражают довольно демократичные взгляды относительно обязанностей женщин. В отличие от иных этносов они меньше всего проявляют интерес к вопросу распоряжения семейным бюджетом (6,6%), также женщины-хакаски придерживаются более традиционных представлений относительно гендерных ролей в семье. Среди согласных с вариантом «жена должна больше брать обязанностей по дому на себя» вдвое больше женщин — 24,3% против 12,1% мужчин. Кроме того, 8,6% опрошенных женщин считают, что деньгами следует распоряжаться тому, кто имеет больший заработок. В сравнении с опрошенными алтайками (56,8%) и тувинками (58,4%) хакаские женщины выразили наибольшее согласие, а именно 70%, с необходимостью пары получить одобрение родителей перед свадьбой, что даже превышает долю ответивших так мужчин, чего не наблюдается у других этносов.

В целом, можно отметить, что среди супружеских ценностей преобладает значимость равного распределения обязанностей (эгалитарная основа), характерно стремление этносов к неполной семье. Несмотря на это, респонденты сохраняют приверженность традиционализму в добрачных и брачных установках (признание значимой роли мужчины в семье). У опрошенных алтайцев в большей степени, чем у иных этносов, отмечается стремление к неполному типу семьи, в то же время характерно более традиционное понимание значимости главы и распределение ролей в семье, добрачного поведения. Тувинцы оказались более привержены эгалитаризму, признают важность для женщины семейной сферы. Хакасы также отмечают значимость для женщины приоритета хозяйственно-бытовой над экономической сферой, отличаются более демократичными взглядами относительно ролей в семье. Семейно ориентированные супружеские установки в целом более характерны для сельчан, мужчин алтайского и тувинского этносов, женщин хакаской национальности.

В отношении родительства. Родительство рассматривается как стержень семейно-ценностной системы, поскольку позволяет раскрыть установки на рождение и воспитание детей, взаимоотношение с социумом и воспроизводство социокультурных констант (Антонов, 1992; Антонов, Медков, 1996; Голод, 1984; Гурко, 2003 и др.¹; Мацковский, 1989; Харчев, Мацковский, 1978). Ценность родительства изучалась нами в аспектах значимости детей, предпочитаемой их численности, ценности замещающей формы семьи.

Абсолютное большинство респондентов (89,8%) согласны с утверждением, что дети необходимы для каждой семьи (табл. 6). Биологические многодетные и замещающие семьи² популярны у опрошенных алтайцев, тувинцев и хакасов, при этом более значимы для тувинского этноса.

Из всех опрошенных 60,6% считают, что приемные семьи популярны в обществе и приемные родители — герои нашего времени. Половина (48,9%) считает идеальной моделью — семью с тремя и более детьми, треть — с одним или двумя. Стоит отметить, что многодетные семье чаще высказывались в пользу трех и более детей, а бездетные и малодетные семьи — в пользу одного или двух.

Достаточно высокие позиции утверждений об идеальной семье как домохозяйстве с тремя и более детьми, а также семье с включением приемных детей, свидетельствуют о традиционно-ценностной приверженности этносов по направлению родительство. Стоит отметить, что тувинцы чаще других соглашались по данным пунктам (табл. 4). Что касается ценности воспитания и социализации детей в семье, можно отметить приоритет свободного воспитания ребенка, который более характерен для алтайского этноса.

На семейные ценности, связанные со значимостью детей, влияют как гендерный аспект, так и место проживания, в большей степени — состав семьи, количество детей в ней.

Опрошенные алтайцы обоих полов вне зависимости от места проживания, количества детей в семье в целом признают детей важным элементом семьи и семейных ценностей. Мужчины и женщины расходятся во мнении о том, что большое количество детей является признаком идеальной семьи, так

¹ Также: Гурко Т. А. Трансформация института родительства в постсоветской России: дис... д. соц. наук. М., 2008.

² Биологическая семья основана на кровнородственных отношениях, замещающая — некровная семья, возникающая в результате усыновления, опеки.

считают 54,8% мужчин против 31,6% женщин. Вероятно, это связано с тем, что на женщин ложится больше нагрузки по воспитанию и ежедневному обеспечению детей, чем на мужчин, следовательно, они иначе смотрят на взаимосвязь между благополучием семьи и количеством детей в ней, что также отражается в непопулярности (20%) представления о малодетной семье как более счастливой. В остальных вопросах представители обоих полов сходятся относительно рождения / появления детей в семье.

Таблица 4. Согласие респондентов со следующими высказываниями относительно родительства, в %
Table 4. Respondents' agreement with the following statements regarding parenthood, in %

Высказывание	Все опрошенные	Алтайцы	Тувинцы	Хакасы
Дети очень нужны для каждой семьи	89,8	84,9	90,7	91,9
Идеальной считается семья с тремя и более детьми	48,9	42,5	53,7	33,1
Более счастливыми являются семьи с одним или двумя детьми	27,2	20,7	30,5	19,1
Приемные семьи популярны в обществе, приемные родители — герои нашего времени	60,6	49,7	63,9	58,1

Прим.: сумма процентов равная 100% в составе этнических групп, исходя из методики опроса, по вариантам ответа («Очень значимо», «Значимо», «Незначимо»).

Среди опрошенных алтайцев сельской местности прослеживается ориентация на многодетность и представление о детях как неотъемлемой части каждой семьи. В то время как алтайцы, проживающие в городе, реже связывают счастье семьи с наличием детей и их количеством, что может говорить о снижении популярности / распространенности детоцентрических моделей семей. Городские жители (69%) более высоко оценивают популярность практики усыновления детей и ее социальной значимости, чем сельские жители (43,8%).

Опрошенные тувинцы отдают предпочтение многодетным семьям с тремя и более детьми, согласие с тем, что такая семья является идеальной, высказали 51% опрошенных женщин и 56,8% мужчин. Третьим суждением стало «более счастливыми являются семьи с одним или двумя детьми» — как у женщин (29,6%), так и у мужчин (31,5%). В целом представители обоих полов солидарны, их ответы распределились пропорционально относительно всех высказываний, кроме последнего про приемные семьи: мужчины (70,7%) значительно позитивнее оценили популярность и особенность таких семей, чем женщины (57,9%).

Городские тувинцы из числа опрошенных считают детей необходимостью для каждой семьи чуть реже сельских — 88,8% и 92,5% соответственно. Однако статистически значимой разницей и связью с местом проживания обладают мнения респондентов относительно приемных семей: как и в случае с алтайцами, городские жители чаще соглашаются с данным суждением ($U=53428, p=0,015$).

Разнятся ответы опрошенных тувинцев в зависимости от состава семьи. Представляют идеальную семью в виде многодетной преимущественно не имеющие детей супруги, а именно 83,3%; такая же значимая доля из них согласна с высказыванием о приемных родителях. Солидарны с предложенным суждением об идеальной семье только 56,3% опрошенных с полным составом семьи, 34,9% имеющих в составе детей и одного родителя, 23,5% одиноко проживающих, 69,6% имеющих в составе детей, одного родителя и родственников. Не менее спорным оказалось высказывание о том, что малодетные семьи более счастливы, с которым в наибольшей степени согласны бездетные супруги (58,3%), далее расположились члены полных семей (33,8%) и семей с одним родителем и родственниками (34,8%), наконец, в наименьшей степени выразили согласие родители, воспитывающие детей в одиночку. К приемным семьям лояльнее всего относятся одинокие люди, бездетные супруги.

Наличие детей также влияет на выбор родительских семейных ценностей. Респонденты с самым разным количеством детей солидарны в вопросе их необходимости. Идеальной посчитали семью около 60% респондентов с 3 и более детьми, а также не имеющие детей, значительно меньше ответивших с 1–2 детьми согласны с данным суждением. Однако мнение о том, что малодетные семьи более счастливы, пользуется еще меньшей популярностью среди опрошенных тувинцев, несмотря на это все

же прослеживается закономерность, справедливая для всех групп, кроме респондентов с 5 детьми: чем больше детей в составе семьи, тем выше степень согласия с высказыванием. Как не парадоксально приемные семьи оценивают схожим образом опрошенные с 2, 4, 5 и 6 детьми (согласие каждой группы составляет около 65%), больше всего выразили позитивную оценку респонденты, не имеющие детей (73,8%), а меньше — с одним ребенком (51,3%).

В результате анализа социологических показателей, связанных с ценностными установками семейных ценностей тувинцев, можно сделать ряд выводов. Состав семьи и количество детей имеют сильное влияние на мнение обо всех представленных в вопросе суждениях. Пол и место жительства обуславливают представление о приемных семьях и родителях, в частности, в остальных вопросах респонденты демонстрируют однородные взгляды.

Опрошенные хакасы в абсолютном большинстве признают детей необходимостью для семьи. Около трети выступают за модель идеальной семьи в виде многодетной. Около 60% считают популярными приемные семьи. Респонденты выразили в схожих пропорциях согласие со всеми высказываниями не зависимо от пола и места жительства.

Бездетные супруги (75%), одинокие люди (50%), а также имеющие семьи с одним родителем (80%) в несколько раз чаще респондентов с полными семьями признавали многодетную семью образцом идеального домохозяйства. Аналогичная ситуация наблюдается при анализе по переменной «количество детей». Так, респонденты с большим количеством детей и не имеющие их чаще выражали согласие с тем, что «идеальной считается семья с тремя и более детьми», однако эти данные являются статистически незначимыми.

Отличительной позицией хакасов из числа опрошенных является наличие фактически единого мнения по поводу родительских семейных ценностей, независящих от различных факторов, в сравнении с алтайцами и тувинцами, что может свидетельствовать о более однообразных и общераспространенных ценностях у хакасов.

В целом, преобладающими ценностями родительства, среди опрошенных хакасов, являются — наличие детей и свободное воспитание. Отмечается значимость идеальной семьи как многодетной, большое значение имеет ценность свободного воспитания детей. Особенностью ценностной основы родительства алтайцев является значимая демократическая основа в воспитании детей; тувинцев — признание ценности многодетности, ассоциации малодетной со счастливой семьей, важности замещающих семей, приверженность традиционному воспитанию; хакасов — наличие самих детей.

В отношении родства. Изучение вопроса о ценности родства позволяет рассмотреть, насколько близка связь респондентов с родственниками, крепки кровные, некровные узы¹. Исследователи отмечают наличие дистанции во взаимоотношениях нуклеарной семьи и родственников в регионах с полиэтничным составом населения — «ценность родства значима, при этом желательно поддерживать родственные отношения на расстоянии» (Ильиных, 2022: 58).

Рассмотрим отношение к ценности родства у респондентов. Около 90% всех опрошенных высказались в пользу того, что родственники являются поддержкой, а также, что необходимо поддерживать старшее поколение (прародителей) — 86,0%, общие традиции объединяют семьи. В то же время лишь 79,2% признают необходимость взаимодействия с родственниками, половина респондентов согласна с утверждениями «Родственники по крови ближе, чем приобретенные в браке» и «Родственники дальнего круга (троюродные, четвероюродные и проч.) для меня очень значимы» (табл. 5). Существенной разницы между респондентами по критерию пола и местности не обнаружено.

Опрошенные алтайцы считают родственников важной частью жизни (81,0%), однако скорее родственников кровных и из ближнего круга. Большое значение во взаимодействии между родственниками отводится проявления ответственности, заботы по отношению к старшему поколению (84,4%). В отличие от женщин иных этносов женщины алтайского этноса более склонны признавать значимость традиций в сплочении родственников. Женщины и горожане, семьи, состоящие из значительного количества человек (6 и более) придают большую ценность общению с родственниками дальнего круга. Для семей с незначительным количественным составом характерна значимость родственников, приобретенных в браке (свойственники).

¹ Речь идет о свойственниках.

Таблица 5. Согласие респондентов со следующими высказываниями в отношении родства, в %
Table 5. Respondents' agreement with the following statements regarding kinship, in %

Высказывание	Все опрошенные	Алтайцы	Тувинцы	Хакасы
Родственники — это большая поддержка	87,3	81,0	89,1	86,8
Общие традиции объединяют семьи родственников	85,6	91,6	82,8	91,9
Родственники по крови ближе, чем приобретенные в браке	53,2	48,6	56,1	44,9
Родственники дальнего круга (троюродные, четвероюродные и проч.) для меня очень значимы	45,1	39,7	44,4	55,9
Членам семьи необходимо часто общаться с родственниками	79,2	73,7	78,7	89,0
Забота о старшем поколении — долг каждого человека	86,0	89,4	83,4	94,9

Прим.: сумма процентов равная 100% в составе этнических групп, исходя из методики опроса, по вариантам ответа («Очень значимо», «Значимо», «Незначимо»).

Респонденты-тувинцы больше других склонны считать, что родственники являются большой опорой (89,1%), а родственники по крови ближе приобретенных в браке (56,1%), в то же время они менее привержены мнению о том, что общие традиции позволяют объединить семьи (82,8%). Высоко оценивается поддержка старшего поколения (83,4%).

В ходе анализа у опрошенных тувинцев была выявлена гендерная асимметрия в ответах. Самым спорным оказалось первое высказывание, «родственники — это большая поддержка», с которым согласно 93,5% мужчин и только 58% женщин. Также мнения разошлись относительно сплочения семей посредством общих традиций, почти 95% мужчин выражают согласие с данным суждением и 80,9% женщин. Сельские жители больше всего согласны с тем, что родственники оказывают поддержку, так высказались 94,2% опрошенных проживающих в селе и 83,8% — в городе.

Респонденты-хакасы в отличие от других опрошенных этносов придают большую значимость заботе о старшем поколении — 94,9% (опрошенные алтайцы — 89,4%, тувинцы — 83,4%), традициям как объединяющей основе родственников — 91,9% (алтайцы — 73,7%, тувинцы — 82,8%), ценности частого взаимодействия с родственниками — 89,0% (алтайцы — 89,4%, тувинцы — 78,7%), в большей степени с представителями дальнего круга — 55,9% (алтайцы — 39,7%, тувинцы — 44,4%).

Разница ответов представителей разных этносов свидетельствует о некоторых этнокультурных различиях в отношениях к родственникам. Установлено, что значимым фактором, влияющим на представление о родственниках, выступает численный состав семьи у алтайцев, тувинцев (чем больше численность нуклеарной семьи, тем больше респонденты ценят родственные связи); у тувинцев также на ценность родства оказывает влияние гендерная принадлежность, место проживания; у хакасов не выявлены данные факторы из-за незначительной разницы в ответах и однообразного численного состава семьи.

В целом, абсолютное большинство опрошенных признают ценность наличия родственников, традиций, объединяющих семьи, почитание старших. В большей степени таковая позиция характерна для тувинцев; для хакасов значима ценность старшего поколения, в то же время традиция оценивается как важная основа, объединяющая родственников, высока потребность в частом общении между ними; у алтайцев в меньшей степени отмечается значимость родственников дальнего круга. Выбор ценностей родства у алтайцев и тувинцев зависит от численности семьи, у тувинцев, кроме этого, он обусловлен половой принадлежностью, у хакасов представления в целом монолитные, различными факторами не обусловлены. Можно отметить, что значимость родства в большей степени зависит от размера семьи: чем больше ее численность, тем более респонденты ценят родственные связи.

Заключение

Резюмируя все выше сказанное, можно заключить, что структура семейных ценностей опрошенных алтайцев, тувинцев, хакасов представлена доминирующей ценностью супружества, ее значимого компонента — равенства полороловых позиций супругов; на втором месте — ценность родительства (преобладающий компонентом являются значимость своих и приемных детей, ориентация на большую семью), на третьем — ценность родства (в которой доминирует значимость старшего поколения). Ценностные ориентации по основным параметрам выделяются у опрошенных тувинцев, в т. ч. по стержневой ценности — родительству, что связано с их этнокультурными особенностями. Структура семейных ценностей титульных этносов Южной Сибири сформировалась под влиянием процесса индивидуализации, выражающегося в стремлении к профессиональной самореализации, достижению высокого социального статуса.

Значимость ценности супружества доминирует у опрошенных представителей хакасского этноса, далее по нисходящей — алтайского, тувинского, что обусловлено уровнем урбанизации населения регионов, особенностями социокультурных процессов в субъектах Южной Сибири. Структура компонентов супружества представлена наиболее значимыми ценностями, выражающимися в равноправии партнеров, при этом образ женщины, в представлениях опрошенных, более связан с раскрытием их потенциала в семейной сфере, нежели чем в профессиональной. К менее разделяемым супружеским значимостям относится ценность брака (позволяет оценить отношение к разводу), которая выше оценивается респондентами хакасской национальности, далее по нисходящей — опрошенными тувинцами, алтайцами. Соотношение ценностных супружеских ориентаций свидетельствует о приверженности эгалитаризму (показатель более выражен у опрошенных тувинцев, в меньшей степени — алтайцев), в тоже время признание важности для женщины семейной сферы (более значим для респондентов хакасского этноса, в меньшей степени — алтайского), актуальности проблемы двойной занятости женщин (профессиональной самореализации и эффективной семейной жизни), неполных семей (значим для опрошенных алтайцев, в меньшей степени — респондентов-хакасов). Можно говорить о сложившейся противоречивой системе ценностных ориентаций относительно полороловых позиций супругов среди опрошенных тувинцев и хакасов, актуальности ценности брака у респондентов алтайского этноса. По всей видимости, схожие позиции у опрошенных тувинцев, хакасов связаны с частым этнокультурным взаимодействием, территориальной обособленностью респондентов алтайской национальности.

Вторую позицию в структуре семейных ценностей занимает ценность родительства. Она более значима для опрошенных хакасской национальности, что связано с низким уровнем воспроизводства этноса, в меньшей степени — алтайского. Среди ценностей родительства приоритетной является наличие детей в семье — своих, приемных (более значимо для опрошенных тувинского этноса). Стоит отметить, что респонденты также высоко оценивают значимость многодетной семьи (показатель более выражен у опрашиваемых тувинцев). Высокие показатели по основным компонентам родительских семейных ценностей у опрошенных тувинцев обусловлены консолидационными процессами внутри этноса, внутренней политикой семей на большее воспроизводство, семейной политикой государства.

Ценность родства занимает третью позицию структуре семейных ценностей алтайцев, тувинцев, хакасов. Наибольшая значимость данной ценности выражена у опрашиваемых тувинцев, хакасов, что вполне очевидно, в первом случае это связано с воспроизводством в обществе традиции взаимодействия и поддержки родственников, в силу сохранности этнокультурных традиций, во втором — высокой потребности в укреплении внутривидовых и межвидовых уз, в результате снижения уровня взаимодействия между родственниками, метисации. Высокая значимость из компонентов родства — ценность старшего поколения (более значимо для опрашиваемых хакасов), кровных родственников (показатель выше у респондентов тувинского этноса). Также высоки позиции ценности традиций как объединяющей силы в обществе (более значимо для опрашиваемых алтайцев, хакасов), общения с родственниками (показатель выше у респондентов хакасского этноса).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамов, А. П., Лю, Ц. (2022) Современные и традиционные семейные ценности межпоколенного взаимодействия в России и Китае // Социологические исследования. № 2. С. 107–116. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250016202-5>

- Анайбан, З. В. Тюхтенева, С. П. (2008) Этнокультурная адаптация населения Южной Сибири (современный период). М. : Ин-т востоковедения РАН. 217 с.
- Анжиганова, Л. В. (2016) Женский мир: традиционные смыслы и новые вызовы. Абакан : Изд-во Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 98 с.
- Анжиганова, Л. В. (2017) Женский мир: эволюция ценностей, символов и ритуалов. Абакан : Изд-во Дом литераторов Хакасии. 175 с.
- Анжиганова, Л. В., Ак-Лама, С. М. (2016) Мир женщины современной Тувы // Новые исследования Тувы. № 2. С. 105–115.
- Антонов А. И. (1992) Кризис семьи и родительство // Проблемы родительства и планирования семьи / отв. ред. А. И. Антонов. М. : Институт социологии РАН. 156 с. С. 11–27.
- Антонов, А. И., Медков, В. М. (1996) Социология семьи. М. : Изд-во МГУ: Изд-во Международного университета бизнеса и управления («Братя Карич»). 304 с.
- Балакина, Г. Ф., Анайбан, З. В. (1995) Современная Тува: социокультурные и этнические процессы. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение. 140 с.
- Баранцева, Н. А. (2015) Семейные ценности (по материалам анкетирования студентов и школьников Республики Хакасия) // Инновационная наука. № 11–3. С. 89–92.
- Барсукова, С. А. (2017) Базовые общекультурные ценности россиян // Наука. Общество. Государство. Т. 5. № 1(17). С. 1–7.
- Беликова, С. Б., Каркусова, А. В. (2021) Семья и семейные ценности как основа формирования личностных качеств // Инновации. Наука. Образование. № 29. С. 482–487.
- Беляева, А. Б. (2008) Традиционные семейные ценности // Вестник ТГУ. Серия: Гуманитарные науки. № 11(67). С. 170–175.
- Биче-оол, С. М. (2018) Традиционные брачно-семейные отношения у тувинцев и их трансформация в советский период. Абакан : Журналист. 128 с.
- Бурханова, Ф. Б. (2021) Семейные ценности населения Башкортостана на фоне других регионов: между традиционностью и современностью // Социологическая наука и социальная практика. № 2. Т. 9. С. 115–130. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.2.8103>
- Винивидова, Е. П. (2008) Структура семейных ценностей молодых супругов // Интеграция образования. № 2 (51). С. 97–101.
- Галкина, Е. П., Кадничанская, М. И. (2015) Трансформация института семьи в условиях современных модернизационных процессов // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. № 3. С. 193–200.
- Голод, С. И. (1984) Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. Л. : Наука. 136 с.
- Гончарова, Г. С. (2010) Изменение семейно-брачных отношений и проблема устойчивости этнокультурных традиций // Новые исследования Тувы. № 3. С. 117–131.
- Гончарова, Г. С., Савельев, Л. Я. (2004) Семейно-брачные отношения у народов Сибири: проблемы, тенденции, перспективы. Новосибирск : Нонпарель. 286 с.
- Горбунова, О. Ф., Султанбаева, К. И. (2019) Исследование представлений о семейных ценностях у современных воспитателей дошкольного образования // Проблемы современного образования. № 3. С. 91–98.
- Гурко, Т. А. (2003) Родительство: социологические аспекты. М. : Институт социологии РАН. 164 с.
- Доржу, З. Ю. (2019) Межэтническое взаимодействие русских и тувинцев в советской и постсоветской Туве (на примере национально-смешанных семей) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 144–156. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.11>
- Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация (2010) / А. В. Иванов, Ю. В. Попков, Е. А. Тюгашев, Л. Б. Четырова, М. Ю. Шишин, Х. Цооху, Х. Цэдэв; под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск : Нонпарель. 449 с.
- Екеева, Э. В. (2011) Традиции семейного воспитания у алтайцев // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. Е. Амосова. Т. 8. № 3. С. 103–106.
- Енчинов, Э. В. (2009) Семейные ценности алтайцев: трансформация обычного права в современной культуре. Горно-Алтайск : ИП Г. Г. Высоцкая. 226 с.
- Иванов, А. В., Попков, Ю. В., Тюгашев, Е. А., Шишин, М. Ю. (2007) Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты. Барнаул : Изд-во «Азбука». 243 с.

- Ильиных, С. И. (2022) Ценности супружества, родительства, родства: смыслы и трактовка // *Caucasian Science Bridge*. 5. № 2. С. 52–59. DOI: <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.2.4>
- Ковалева, А. В. (2010) Интерпретация системы семейных ценностей и ее компонентов в современном обществе // *Ученые заметки Тихоокеанского государственного университета*. Т. 2. № 1. С. 28–36.
- Кулаженкова, Н. В. (2015) К вопросу о трансформации семейных ценностей в современном российском обществе // *Вестник государственного муниципального управления* № 1 (16). С. 18–27.
- Лагойда, Н. Г. (2017) Проблемы стабильности брака и роста числа разводов в современном обществе // *Вестник Бурятского государственного университета*. Вып. 2. С. 86–96.
- Ламажаа, Ч. К. (2021) *Очерки современной тувинской культуры*. СПб : Нестор-История. 192 с.
- Лапин, Н. И. (1994) Ценности как компоненты социокультурной эволюции современной России // *Социологические исследования*. № 5. С. 3–8.
- Магун, В. С., Руднев, М. Г., Шмидт, П. (2015) Европейская ценностная типология и базовые ценности россиян // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. Т. 121. № 3–4. С. 74–93.
- Мацковский, М. С. (1989) *Социология семьи: Проблемы, теории, методология и методики*. М. : Наука. 112 с.
- Медкова, Д. В. (2003) Семейные ценности как объект социологического анализа // *Ломоносовские чтения*. Т. 2. С. 55–67.
- Михеева, А. Р. (1993) *Сельская семья в Сибири: жизненный цикл и благосостояние*. Новосибирск : ИЭиОПП СО РАН. 160 с.
- Ондар, Л. М., Ондар А-А. А. (2016) Подходы к изучению тувинской семьи в тувиноведении // *Современные наукоемкие технологии*. № 7–1. С. 177–180.
- Остапенко, А. А. (2013) Духовно-нравственное или духовное и нравственное? // *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*. № 4 (12). С. 237–240.
- Попков, Ю. В. (2009) Базисные ценности народов Евразийской цивилизации в условиях глобализации // *Новые исследования Тувы*. № 1–2. С. 51–64.
- Попков, Ю. В., Костюк, В. Г., Тюгашев, Е. А. (2007) Народы Сибири в социокультурном пространстве Евразии: ценностные предпочтения и межэтнические установки // *Социологические исследования*. № 5. С. 62–69.
- Прокофьева, Л. М. (2013) Семейная структура населения России: тенденции последнего десятилетия // *Народонаселение*. № 2. С. 72–84.
- Пьянов, А. И. (2011) Об изменении соотношения семейных и внесемейных ценностей и методах его измерения // *Наука и современность*. № 13–2. С. 156–164.
- Ростовская, Т. К., Кара-Мурза, С. Г., Егорычев, А. М. (2019) От кризиса нравственности до возрождения традиционных семейных ценностей россиян // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. Т. 19. № 2. С. 167–171.
- Современная семья и ее проблемы (1982) / А. Г. Харчев, М. С. Мацковский. Ереван : Айастан. 271 с.
- Тадина, Н. А. (1995) *Алтайская свадебная обрядность (XIX–XX вв.)*. Горно-Алтайск : Горно-алтайское книжное издательство «Юч-Сюмер». 207 с.
- Трошкина, И. Н. (2009) Трансформация семьи в Хакасии (аксиологический аспект) // *Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе*. № 3. С. 236–245.
- Трошкина, И. Н. (2022) Семейные ценности: категория, структура // *Философская мысль*. № 12. С. 1–9. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2022.12.39219>
- Трошкина, И. Н., Карашпай, С. М., Сат, А. В. (2020) Динамика структуры семьи как ведущий фактор снижения уровня рождаемости (на примере республик Тыва и Хакасия) // *Социодинамика*. № 6. С. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2020.6.32986>
- Черникова, В. Е., Мазаева, Н. И. (2019) Динамика семейных ценностей: от традиционных до постсовременных // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. Т. 8. № 1А. С. 267–275.
- Шатинова, Н. И. (1981) *Семья у алтайцев*. Горно-Алтайск : Горно-алтайское отделение Алтайского книжного издательства. 182 с.
- Ядов, В. А. (1995) *Социологическое исследование: методология, программа, методы*. Самара : Самар. ун-т. 328 с.
- Rokeyach, M. (1973) *The Nature of Human Values*. New York : The Free Press. 438 p.

Schwartz, S. H. (1994) Are there universal aspects in the content and structure of values? // *Journal of Social Issues*. P. 19–45.

Schwartz, S. H. (2005) Basic human values: Their content and structure across countries // *Valores e Comportamento nas / ed. by A. Tamayo, J. B. Porto. Petrópolis, Brazil : Vozes*. P. 21–55.

Дата поступления: 28.03.2023 г.

Дата принятия: 21.09.2023 г.

REFERENCES

Abramov, A. P. and Liu, Ts. (2022) Modern and Traditional Family Values of Intergeneration in the Russia and China. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 2, pp. 107–116. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250016202-5>

Anaiban, Z. V. and Tiukhteneva, S. P. (2008) *Ethnocultural adaptation of the population of Southern Siberia in the contemporary period*. Moscow, Institut Vostokovedeniia RAN. 217 p. (In Russ.).

Anzhiganova, L. V. (2016) *Women's world. Traditional meanings and new challenges*. Abakan, Publishing house of State University. 98 p. (In Russ.).

Anzhiganova, L. V. (2017) *Women's world: evolution of values, symbols and rituals*. Abakan, Izd-vo Dom literatorov Khakasii. 175 p. (In Russ.).

Anzhiganova, L. V. and Ak-Lama, S. M. (2016) The world of a woman in modern Tuva. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 105–115. (In Russ.).

Antonov A. I. (1992) Family crisis and parenting. In: *Problems of parenthood and family planning / ed. by A. I. Antonov*. Moscow, Institut sotsiologii RAN. 156 p. Pp. 11–27. (In Russ.).

Antonov, A. I. and Medkov, V. M. (1996) *Sociology of the family*. Moscow, Izd-vo MGU, Izd-vo Mezhdunarodnogo universiteta biznesa i upravleniia («Brat'ia Karich»). 304 p. (In Russ.).

Balakina, G. F. and Anaiban, Z. V. (1995) *Contemporary Tuva: Socio-cultural and ethnic processes*. Novosibirsk, Nauka Publ. 137 p. (In Russ.).

Barantseva, N. A. (2015) Family values (based on materials from a survey of students and schoolchildren of the Republic of Khakassia). *Innovatsionnaia nauka*, no. 11–3, pp. 89–92. (In Russ.).

Barsukova, S. A. (2017) Basic general cultural values of Russians. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*, vol. 5, no. 1(17), pp. 1–7. (In Russ.).

Belikova, S. B. and Karkusova, A. V. (2021) Family and family values as the basis for the formation of personal qualities. *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie*, no. 29, pp. 482–487. (In Russ.).

Beliaeva, A. B. (2008) Traditional family values. *Vestnik TGU. Seriya: Gumanitarnye nauki*, no. 11(67), pp. 170–175. (In Russ.).

Biche-ool, S. M. (2018) *Traditional matrimonial and family relations among the Tuvans and their transformation during the Soviet era*. Abakan, Zhurnal'ist. 125 p. (In Russ.).

Burkhanova, F. B. (2021) Family Values of the Population of Bashkortostan Against the Background of Other Russian Regions: Between Tradition and Modernity. *Sotsiologicheskaia nauka i sotsial'naiia praktika*, no. 2, vol. 9, pp. 115–130. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.2.8103>

Vinividova, E. P. (2008) The structure of family values of young spouses. *Integratsiia obrazovaniia*, no. 2 (51), pp. 97–101. (In Russ.).

Galkina, E. P. and Kadnichanskaia, M. I. (2015) Transformation of the family institution in the conditions of modern modernization processes. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Ekonomika*, no. 3, pp. 193–200. (In Russ.).

Golod, S. I. (1984) *Family stability: sociological and demographic aspects*. Leningrad, Nauka. 136 p. (In Russ.).

Goncharova, G. S. (2010) Changes in family and marriage relations and the problem of sustainability of ethnocultural traditions. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 117–131. (In Russ.).

Goncharova, G. S. and Saveliev, L. Ya. (2004) *Family-marriage relations among the peoples of Siberia: Problems, trends, and prospects*. Novosibirsk, Nonparel'. 288 p. (In Russ.).

Gorbunova, O. F. and Sultanbaeva, K. I. (2019) The research into representation of family values by preschool educators. *Problemy sovremennogo obrazovaniia*, no. 3, pp. 91–98. (In Russ.).

Gurko, T. A. (2003) *Parenthood: sociological aspects*. Moscow, Institut sotsiologii RAN. 164 p. (In Russ.).

Dorzhu, Z. Yu. (2019) Interethnic interaction of Russian and Tuvans in Soviet and Post-Soviet Tuva: the case of ethnically mixed families. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 144–156. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.1.11>

Eurasian world: values, constants, self-organization (2010) / ed. by Yu. V. Popkov. Novosibirsk, Nonparel'. 449 p. (In Russ.).

Ekeeva, E. V. (2011) Traditions of family education among Altai people. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im M. E. Amosova*, vol. 8, no. 3, pp. 103–106. (In Russ.).

Enchinov, E. V. (2009) *Family values of Altaians: transformation of customary law in modern culture*. Gorno-Altai, IP G. G. Vysotskaia. 226 p. (In Russ.).

Ivanov, A. V., Popkov, Yu. V., Tiugashev, E. A. and Shishin, M. Yu. (2007) *Eurasianism: key ideas, values, political priorities*. Barnaul, Azbuka Publ. 243 p. (In Russ.).

Il'inykh, S. I. (2022) Values of matrimony, parenthood, kinship: meanings and interpretation. *Caucasian Science Bridge*, vol. 5, no. 2, pp. 52–59. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.2.4>

Kovaleva, A. V. (2010) Interpretation of the family value system and its components in modern society. *Uchenye zametki Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 2, no. 1, pp. 28–36. (In Russ.).

Kulazhenkova, N. V. (2015) On the issue of transformation of family values in modern Russian society. *Vestnik gosudarstvennogo munitsipal'nogo upravleniia*, no. 1 (16), pp. 18–27. (In Russ.).

Lagoida, N. G. (2017) Problems of marriage stability and the growing number of divorces in modern society. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta*, issue 2, pp. 86–96. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021) *Essays on modern Tuvan culture*. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 192 p. (In Russ.).

Lapin, N. I. (1994) Values as components of the sociocultural evolution of modern Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 3–8. (In Russ.).

Magun, V. S., Rudnev, M. G. and Shmidt, P. (2015) European value typology and basic values of Russians. *Vestnik obshchestvennogo mneniia. Dannye. Analiz. Diskussii*, vol. 121, no. 3–4, pp. 74–93. (In Russ.).

Matskovskii, M. S. (1989) *Sociology of the family: Problems, theories, methodology and techniques*. Moscow, Nauka. 112 p. (In Russ.).

Medkova, D. V. (2003) Family values as an object of sociological analysis. *Lomonosovskie chteniia*, vol. 2, pp. 55–67. (In Russ.).

Mikheeva, A. R. (1993) *Rural family in Siberia: life cycle and welfare*. Novosibirsk, IEiOPP SO RAN. 160 p. (In Russ.).

Ondar, L. M. and Ondar A.-A. A. (2016) Approaches to the study of the Tuvan family in Tuvan studies. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii*, no. 7–1, pp. 177–180. (In Russ.).

Ostapenko, A. A. (2013) Spiritual and moral or spiritual and moral? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiia i iskusstvovedenie*, no. 4 (12), pp. 237–240. (In Russ.).

Popkov, Yu. V. (2009) Basic values of the peoples of Eurasian civilization in the context of globalization. *New Research of Tuva*, no. 1–2, pp. 51–64. (In Russ.).

Popkov, Yu. V., Kostiuk, V. G. and Tiugashev, E. A. (2007) The peoples of Siberia in the sociocultural space of Eurasia: value preferences and interethnic attitudes. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 62–69. (In Russ.).

Prokof'eva, L. M. (2013) Family structure of the Russian population: trends of the last decade. *Narodonaselenie*, no. 2, pp. 72–84. (In Russ.).

P'ianov, A. I. (2011) On the change in the ratio of family and extra-family values and methods for measuring it. *Nauka i sovremennost'*, no. 13–2, pp. 156–164. (In Russ.).

Rostovskaia, T. K., Kara-Murza, S. G. and Egorychev, A. M. (2019) From the crisis of morality to the revival of traditional family values of Russians. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Seriia: Sotsiologiia. Politologiia*, vol. 19, no. 2, pp. 167–171. (In Russ.).

Modern family and its problems (1982) / A. G. Kharchev and M. S. Matskovskii. Erevan, Aiastan. 271 p. (In Russ.).

Tadina, N. A. (1995) *Altai wedding rituals (XIX–XX centuries)*. Gorno-Altai, Gorno-Altai book publishing house “Yuch-Sumer”. 207 p. (In Russ.).

Troshkina, I. N. (2009) Transformation of the family in Khakassia (axiological aspect). *Mirovozzrenie naseleniia Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v istoricheskoi retrospective*, no. 3, pp. 236–245. (In Russ.).

Troshkina, I. N. (2022) Family Values: Category and Structure. *Philosophical Thought*, no. 12, pp. 1–9. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2022.12.39219>

Troshkina, I. N., Karashpai, S. M. and Sat, A. V. (2020) The dynamics of family structure as a leading factor of decline in birth rate (on the example of Tuva Republic and Republic of Khakassia). *Sociodynamics*, no. 6, pp. 1–18. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2020.6.32986>

Chernikova, V. E. and Mazaeva, N. I. (2019) Dynamics of family values: from traditional to post-modern. *Kontekst i refleksii: filosofii o mire i cheloveke*, vol. 8, no. 1A, pp. 267–275. (In Russ.).

Shatinova, N. I. (1981) *Altai family*. Gorno-Altai, Gorno-Altai branch of the Altai Book Publishing House. 182 p. (In Russ.).

Yadov, V. A. (1995) *Sociological research: methodology, program, methods*. Samara, Samara University. 328 p. (In Russ.).

Rokeach, M. (1973) *The Nature of Human Values*. New York, The Free Press. 438 p.

Schwartz, S. H. (1994) Are there universal aspects in the content and structure of values? *Journal of Social Issues*, pp. 19–45.

Schwartz, S. H. (2005) Basic human values: Their content and structure across countries. In: *Valores e Comportamento nas* / ed. by A. Tamayo, J. B. Porto. Petrópolis, Brazil, Vozes. Pp. 21–55.

Submission date: 28.03.2023.

Accepted date: 21.09.2023.

DOI: 10.25178/nit.2024.1.12

Статья

Социологический портрет неполной семьи в Республике Тыва

Анна Д.-Б. Самба

*Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;
Научно-исследовательский институт медико-социальных проблем и управления Республики Тыва,*

Российская Федерация,

Юлия В. Голиусова

*Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук, Российская Федерация,*

Александр А. Демидов

Московский институт психоанализа, Российская Федерация,

Кристина И. Ананьева

Институт психологии Российской академии наук; Московский институт психоанализа, Российская Федерация,

Надежда Д. Ондар

Правительство Республики Тыва, Российская Федерация

В статье представлен социологический портрет современной неполной семьи (имеющей детей до 18 лет и одного из родителей) в Республике Тыва. В основе анализа лежат результаты социологического исследования «Проблемы неполных семей в Республике Тыва», проведенного авторами в 2022 г. (выборка 1539 чел.), а также материалы дискуссий с экспертами органов социальной защиты по работе с семьей и детьми в Республике Тыва. Приняты во внимание коэффициенты брачности и разводов в республике, они проанализированы в сравнении с общероссийскими.

По статистическим данным доля неполных семей в общей численности семей — 6%, но эти данные не учитывают разные формы сожительства и пр. Среди участников опроса, состоящих в зарегистрированном браке и имеющих детей до 18 лет (группа полных семей) — 63,1%, имеющих детей, но не состоящих в зарегистрированном браке — 35,1%. В общей выборке представителей неполных семей — 17,1%. Это сопоставимо с общероссийскими показателями, но структура неполных семей по причинам их образования существенно отличается.

Неполные семьи характеризует более уязвимое положение, и они в большей степени находятся в зоне риска бедности и социальной исключенности из-за гендерного неравенства. В неполной семье единственный родитель — это работающая и нередко дополнительно подрабатывающая мать или отец, которой приходится компенсировать отсутствие ресурсов второго родителя. Как родитель, она реже берет кредиты, но может их взять на покупку предметов первой необходимости. Для обеспечения семьи этот родитель может продать или заложить личные вещи. В трети случаев она готова на сезонную миграцию ради дополнительного заработка.

Для неполной семьи в Тыве более чем в 70% случаев характерно наличие одно-двух несовершеннолетних детей. Более чем в половине случаев эти дети рождены вне брака. Отец известен; в трети случаев он поддерживает семью материально, менее чем в половине — поддерживает какой-то эмоциональный контакт с детьми, однако на алименты подает даже не каждая десятая мать-одиночка. Предвзятого отношения со стороны окружающих представитель неполной семьи, как взрослый, так и ребенок не чувствует.

Ключевые слова: Республика Тыва; тувинцы; неполная семья; родитель; внебрачное рождение; социология семьи; одинокий родитель

Для цитирования:

Самба А. Д.-Б., Голиусова Ю. В., Демидов А. А., Ананьева К. Е., Ондар Н. Д. Социологический портрет неполной семьи в Республике Тыва // Новые исследования Тувы. 2024, № 1. С. 184-196. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.12>

Самба Анна Демир-Баадыровна — младший научный сотрудник отдела социальной структуры Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; старший научный сотрудник лаборатории социально-демографических исследований Научно-исследовательского института медико-социальных проблем и управления Республики Тыва. Адреса: 117218, Российская Федерация, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5; 667000, Российская Федерация г. Кызыл, ул. Красноармейская, д. 76. Эл. адрес: sundui2012@yandex.ru

Голиусова Юлия Вячеславовна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, ученый секретарь Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Адрес: 117218, Российская Федерация, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5. Эл. адрес: yugoliusova@yandex.ru

Демидов Александр Александрович — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии, первый проректор Московского института психоанализа. Адрес: 121170, Российская Федерация, г. Москва, ул. Кутузовский пр-т, д. 34, стр. 14. Эл. адрес: demidov@inpsycho.ru

Ананьева Кристина Игоревна — кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории познавательных процессов и математической психологии Института психологии Российской академии наук; доцент кафедры общей психологии Московского института психоанализа. Адреса: 129366 Российская Федерация, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13; 121170, Российская Федерация, г. Москва, Кутузовский пр-т, д. 34, стр. 14. Эл. адрес: ananueva@inpsycho.ru

Ондар Надежда Даш-ооловна — руководитель секретариата заместителя Председателя Правительства Республики Тыва. Адрес: 667001, Российская Федерация, г. Кызыл, ул. Чульдум, д. 18. Эл. адрес: Ondarnd@yandex.ru

Sociological portrait of the single-parent family in the Republic of Tuva

Anna D.-B. Samba

Institute of Sociology, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences; Research Institute of Medical and Social Problems and Management of the Republic of Tuva, Russian Federation,

Yulia V. Goliusova

Institute of Sociology, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation,

Alexander A. Demidov

Moscow Institute of Psychoanalysis, Russian Federation,

Kristina I. Ananyeva

Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; Moscow Institute of Psychoanalysis, Russian Federation,

Nadezhda D. Ondar

Government of the Republic of Tuva, Russian Federation

The article presents a sociological portrait of the contemporary single-parent family (having children under 18 and one of the parents) in the Republic of Tuva. The analysis is based on the results of the sociological study "Issues of single-parent Families in the Republic of Tuva", conducted by the authors in 2022 (sample size 1539 individuals), as well as materials from discussions with experts from social protection agencies on family and child welfare in the Republic of Tuva. Marriage and divorce coefficients in the republic were considered and analyzed in comparison with nationwide data.

According to statistical data, the proportion of incomplete families in the total number of families is 6%, but these data do not account for various forms of cohabitation, etc. Among survey participants who are in a registered marriage and have children under 18 (complete family group), 63.1% are represented, while those having children but not in a registered marriage constitute 35.1%. In the overall sample of incomplete family representatives, the figure stands at 17.1%. This is comparable to nationwide indicators, but the structure of incomplete families in terms of the reasons for their formation significantly differs.

The single-parent families are characterized by a more vulnerable position, and they are more likely to be at risk of poverty and social exclusion due to gender inequality. In the single-parent family, the sole parent is typically a working and often additionally part-time employed mother or father who has to compensate for the lack of resources of the other parent. As a parent, she is less likely to take out loans, but may do so for purchasing essential items. To support the family, this parent may sell or pawn personal belongings. In one-third of cases, she is willing to engage in seasonal migration for additional income.

In Tuva, for an incomplete family, the presence of one or two minors is characteristic in more than 70% of cases. In over half of cases, these children are born out of wedlock. The father is known; in one-third of cases, he provides financial support to the family, in less than half – maintains some emotional contact with the children, however, alimony is provided by not even every tenth single mother. Prejudiced attitudes from the surrounding community towards representatives of the single-parent families are not felt by both the adult and the child.

Keywords: Republic of Tuva; Tuvans; single-parent family; parent; extramarital birth; family sociology; single parent

For citation:

Samba A. D.-B., Goliusova Yu. V., Demidov A. A., Ananyeva K. I. and Ondar N. O. Sociological portrait of the single-parent family in the Republic of Tuva. *New Research of Tuva*, 2024, no. 1, pp. 184-196. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.12>

SAMBA, Anna Demir-Baadyrovna, Junior Researcher, Department of social structure, Center for the Study of Social Structure and Social Stratification, Institute of Sociology, Federal Research Sociological Center, Russian Academy of Sciences; Senior Researcher, Laboratory of socio-demographic research, Research Institute of Medical and Social Problems and Management of the Republic of Tuva. Postal addresses: building 5, 24/35, Krzhizhanovskogo St., 117218, Russian Federation, Moscow; 76 Krasnoarmeyskaya St., 667000, Russian Federation, Kyzyl. E-mail: sundui2012@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-6525-2442

GOLIUSOVA, Yulia Vyacheslavovna, Candidate of Sociology, Leading Researcher, Scientific Secretary, Center for the Study of Social Structure and Social Stratification, Institute of Sociology, Federal Research Sociological Center, Russian Academy of Sciences. Postal address: building 5, 24/35, Krzhizhanovskogo St., 117218, Russian Federation, Moscow. E-mail: ygoliusova@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-4970-6963

DEMIDOV, Alexander Aleksandrovich, Candidate of Psychology, Associate Professor, Department of General Psychology, First Vice-Rector, Moscow Institute of Psychoanalysis. Postal address: building 14, 34, Kutuzovsky Av., 121170, Russian Federation, Moscow. Email: demidov@inpsycho.ru

ORCID ID: 0000-0002-6660-5761

ANANYEVA, Kristina Igorevna, Candidate of Psychology, Researcher, Laboratory of Cognitive Processes and Mathematical Psychology, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Department of General Psychology, Moscow Institute of Psychoanalysis. Postal addresses: 13, Yaroslavskaya St., 129366 Russian Federation, Moscow; building 14, 34, Kutuzovsky Av., 121170, Russian Federation, Moscow. Email: ananyeva@inpsycho.ru

ORCID ID: 0000-0002-1666-3269

ONDAR, Nadezhda Dash-oolovna, Head, Secretariat, Deputy Chairman, Government of the Republic of Tuva. Postal address: 18 Chuldum St., 667001 Russian Federation, Kyzyl. E-mail: Ondarnd@yandex.ru

Введение

В социальной структуре современного российского общества происходят изменения разного генезиса и характера. Изменения претерпевает и институт семьи; появляются новые формы семейно-брачных отношений, поскольку социальные, культурные, политические, экономические преобразования затрагивают все сферы жизни современного человека, и семейные отношения не исключение (Нафикова, 2009; Нусхаева, 2016; Субботин, 2016; и др.). Тува, являясь частью Российской Федерации, в той или иной степени подвержена влиянию всех происходящих в стране процессов. Самыми заметными тенденциями в Туве можно назвать рост числа разводов, которые не компенсируются последующим вступлением в брак, рост числа внебрачных рождений, численное преобладание конкубинатов¹ перед официально зарегистрированными браками. Все вышеперечисленное становится причинами формирования неполных семей (Аквазба, Скокк, 2020: 235), что и актуализирует тему данной статьи.

Под термином *неполные семьи* мы понимаем такие категории семей, в которых одинокий родитель проживает с ребенком (детьми) несовершеннолетнего возраста и несет за него (них) основную ответственность (Гурко, 1992: 4). В исследовании этого вопроса в Туве термин неполные семьи рассматривается нами как семьи, где имеются дети до 18 лет, т. е. несовершеннолетние, и один из родителей, не состоящий в зарегистрированном браке. Это определение соответствует республиканскому законодательству: в редакции Закона Республики Тыва № 913-ЗРТ от 24.03.2023 г., неполная семья — семья, имеющая детей, в которой присутствует один из родителей (одинокая мать, вдова, вдовец, разведенная мать, разведенный отец)².

Целью данной статьи является определение социологического портрета неполной семьи в Туве, анализ социально-экономического положения неполных семей в период с 2020 по 2022 гг., выявление тенденций формирования неполных семей в демографической структуре населения республики

В соответствии с поставленной целью авторы на основе статистических данных и результатов социологического исследования проводят анализ количественных показателей численности неполных семей, причин их формирования, описывают различные формы семейных отношений, существующих в тувинском обществе; проводят сравнительный анализ материального положения неполных и нормативных семей; анализируют стратегии и способы адаптации неполных семей к кризисным ситуациям.

Объектом исследования является социальная группа — неполная семья Республики Тыва. Предмет исследования — особенности социально-экономического положения и социально-демографических характеристик неполной семьи в Республике Тыва.

В работе над статьей использованы два метода сбора информации — количественный опрос (2022 г., N=1539) населения Тувы и проведение групповых дискуссий с экспертами (2022 г., N=16) органов социальной защиты по работе с семьей и детьми в Республике Тыва. Генеральную совокупность, положенную в основу подготовки дизайна выборки для осуществления социологического исследования, в республике составило 327383 ед., выборочная совокупность при ошибке ±3% должна составлять 1099 ед., но с учетом погрешности метода исходя из требуемой точности (±3%) было принято решение увеличения выборки до 1200 ед. Однако общая численность реализованной выборки превысила ее расчетные показатели и в итоге составила 1539 ед. Будучи проведенным в 88 населенных пунктах Республики Тыва, географически исследование охватило практически все сельские и городские районы.

Количество опрошенных полных семей 63,1% и неполных семей 36,9%. Этнический состав неполных семей: тувинцев 96,4% (2,3% русские, 1,3% другие национальности).

¹ Конкубинат — фактическое сожительство мужчины и женщины, порождающими семейные отношения, так же, как и в зарегистрированном браке в органах ЗАГС, включая имущественные и алиментные обязательства (Серегин, 2020).

² Закон Республики Тыва от 24.03.2023 № 913-ЗРТ «О внесении изменений в статью 1 Закона Республики Тыва «О государственной социальной помощи отдельным категориям граждан» [Электронный ресурс] // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/1700202303270003> (дата обращения: 20.07.2023).

Реализованная выборка репрезентировала генеральную совокупность по нескольким статистически значимым параметрам, что позволило распространить выводы на население республики в целом. Группы по семейному статусу — «полные семьи» и «неполные семьи» — определялись из числа опрошенных, имеющих детей до 18 лет.

Наш анализ основывается на теоретико-методологических работах отечественных ученых (Гурко, 1992; Нафикова, 2009; Нусхаева, 2016; Субботин, 2016).

Помимо основного источника исследования (результатов собственного социологического исследования) проведена аналитическая работа с данными Федеральной службы статистики и результатами выборочных исследований по вопросам бракоразводных процессов.

Обзор литературы

Научная литература по теме статьи свидетельствует о том, что исторически семья для тувинцев являлась не просто малой группой в демографической структуре, но и важнейшей средой формирования личности, отвечающей за социальное воспроизводство населения и воссоздание ценностных ориентиров в жизни и отношениях. Таковой она была и несмотря на многочисленные изменения современности, как показывает ряд исследований (Резников, Товуу, 2002). Человек вовлекается в многосторонние отношения с родственниками, базирующиеся на таких началах, как взаимопонимание, взаимодоверие и взаимопомощь, которые по сей день стоят в ряду ключевых ценностей в тувинской семье (там же: 68). В целом родственная привязанность семьи, во многом сохраняющаяся до сих пор, — одна из отличительных особенностей тувинской семьи. Народная мудрость утверждает, что связь с родней делает человека сильным, уверенным в себе (Курбатский, 2001: 217). Исследователи традиционной тувинской семьи О. М. Дамчай и Е. С. Уйнук-оол пишут, что «семья была и боевым подразделением, способным защитить свой “аал”, и приютом для сирот и престарелых, и больницей, и детским садом, и школой жизни для детей. Это самоорганизующаяся, саморазвивающаяся социально-экономическая ячейка общества, в которой по традиции сохраняются и передаются от поколения к поколению способы самовывживания, самосохранения»¹.

Тувинская семья как объект научных исследований вызывает интерес у ученых разных направлений — социологов, историков, педагогов, психологов, этнологов и др. К примеру, Л. М. Ондар выделяет шесть подходов к изучению тувинской семьи: историко-этнографический, историко-политический, этнопедагогический, этнопсихологический, культурологический и социологический². В работах отечественных и зарубежных авторов также отмечается, что необходимо учитывать специфику условий конкретного региона³.

В условиях социально-экономических изменений, происходящих в современном мире и России, произошли значительные метаморфозы и в основах традиционной тувинской семьи. Исторический срез этих изменений в 1980–1990-х гг. проанализировала и описала Е. А. Козлова (Козлова, 2020).

На текущем этапе исследователи отмечают, что, в частности, произошло снижение значения семейно-брачных ценностей. По свидетельству специалистов, под семьей в большей степени понимается «родительство» и «родство»⁴. В связи с этим особое значение приобретает научное осмысление явления неполных семей в Республике Тыва с учетом ее специфических социально-экономических и этносоциальных условий.

¹ Дамчай О. М., Уйнук-оол Е. С. Роль отца в традиционной тувинской семье на рубеже XIX–XX веков // Культура традиционной тувинской семьи : учеб.-метод. пособие. Кызыл : Изд.-полигр. отдел «Билиг» ИРНИШ, 2016. С. 52.

² Ондар Л. М., Ондар А.-А. А. Подходы к изучению тувинской семьи в тувиноведении [Электронный ресурс] // Современные наукоемкие технологии. 2016. № 7–1. С. 177–180. URL: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=36085> (дата обращения: 21.07.2023).

³ Хольшина М. А., Бутанаев Ю. В. Семейно-брачные отношения у населения Республики Тыва // Молодой ученый. 2011 Т. 2. № 11. С. 56.

⁴ Кан В. С. Республика Тыва в цифрах и фактах // Плюс Информ (газета). 2011. № 12–28. С. 28.

Социально-демографические показатели неполных семей

При сравнении социально-демографических характеристик подвыборок полных и неполных семей значимыми отличиями являются: распределение по полу (группа неполных семей представлена в основном женщинами — 68,2%), возрасту (в группе неполных семей больше респондентов возраста до 34 лет — 43%), группа неполных семей имеет более низкий уровень образования (имеющих высшее образование меньше, а имеющих среднее общее — больше) (табл. 1).

Таблица 1. Социально-демографические показатели членов неполных семей в Туве, в %
Table 1. Socio-demographic indicators of members of single-parent families in Tuva, in %

Социально-демографические показатели	Полная семья	Неполная семья
<i>Пол</i>		
Мужской	49,3	31,8
Женский	50,7	68,2
<i>Возраст</i>		
18–24	2,7	7,2
25–34	27,9	36,6
35–44	39,7	30,3
45–54	20,4	18,3
55–64	5,3	2,2
65 и старше	1,5	1,7
Не ответили	2,6	3,7
<i>Образование</i>		
Высшее образование / неоконченное высшее образование	49,4	44,4
Среднее специальное	37,9	38,1
Среднее общее (8/9 классов или 10/11 классов)	10,9	15,4
Неполное среднее (7–9 классов)	1,0	0,9
Начальное образование (1–4 классов)	0,0	0,0
Не имеет начального образования	0,0	0,0
Не ответили	0,8	1,3
<i>Городское/сельское население</i>		
Городское	58,4	56,0
Сельское	41,6	44,0

По таблице 1 если сделать расчет всех участников опроса, которые вошли в группу монородительских семей, то получится, что из них: никогда не состоявших в браке — 75%, разведенных — 18% и овдовевших — 8%. Гендерный состав опрошенных, никогда не состоявших в браке: 20% мужчин и 80% женщин.

В Российской Федерации за последние три года с 2019–2021 гг. динамика заключения браков была очень неровной. Например, в 2020 г. по сравнению с 2019 г. в целом по стране уменьшилось число браков (табл. 2). А в 2021 г. по отношению к 2020 г., напротив, выросло и почти достигло уровня 2019 г. по числу браков на 1000 человек населения. Основной причиной роста количества регистраций браков эксперты считают снятие ограничений, которые действовали в 2020 г. в связи с пандемией коронавируса.

¹ Составлено авторами по материалам Росстата см: Семья и дети в России [Электронный ресурс] // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Semia_i_deti.pdf (дата обращения: 01.08.2023); Статистика браков и разводов в Республике Тыва: по годам [Электронный ресурс] // Gogov. URL: <https://gogov.ru/marriage-divorce/tva> (дата обращения: 01.08.2023).

Таблица 2. Статистика браков и разводов в Российской Федерации и Республике Тыва (2019–2021 гг.)¹
Table 2. Statistics of marriages and divorces in the Russian Federation and the Republic of Tuva (2019–2021)

Год	Число браков	на 1000 чел.	Число разводов	на 1000 чел.	Число браков в Туве	Число разводов в Туве
2019	950167	6,5	620730	4,2	2135	608
2020	770857	5,3	564704	3,9	1627	618
2021	923550	6,3	644209	4,4	1525	1042

При этом ситуация с разводами в указанный период развивалась схожим образом — уменьшение числа в 2020 г. и увеличение с небольшим перекрытием показателей 2019 г. в 2021 г. Западение показателей 2020 г. имеет, очевидно, те же причины, что и для коэффициента брачности, так как с 2004 г. коэффициент разводов в РФ колеблется в интервале от 4,2 до 4,9 разводов на 1000 человек.

Тем временем, как видно из материалов *таблицы 1*, в Республике Тыва ситуация несколько иная. В течение последних двух десятилетий вплоть до 2020 г. количество разводов в Туве оставалось практически на одном уровне и даже снижалось. В 2020 г. уровень разводов был одним из самых низких в стране. А в 2021 г. произошёл резкий рост количества разводов — на 78,2%. Это взрывной прирост, превышающий общероссийские показатели почти в 5 раз. В 2022 г. показатель несколько снизился, но абсолютные цифры в разных официальных источниках — разные. Если опираться на данные Росстата, показатель числа разводов в Туве вновь опустился на одно из самых низких значений в стране¹.

Независимо от изменения браков и разводов население Тувы демонстрирует высокий уровень самовоспроизводства (*табл. 3*). По данным Федеральной службы статистики и Управления Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва (Красноярскстат), в 2021 г. и общий прирост, и естественный по республике выразились в положительных числах.

Таблица 3. Динамика прироста численности населения в РФ и Тыве в 2021 г.²
Table 3. Dynamics of population growth in the Russian Federation and Tuva in 2021

Регион	Общий прирост населения	в т. ч. естественный	в т. ч. миграционный
Россия	- 613 439	- 1 043 341	+ 429 902
Республика Тыва	+ 2 41	+ 3 599	- 1 358

Помимо этого тренда, по *таблице 3* важно отметить еще один специфический признак демографической картины республики — стабильно высокий уровень числа рождений детей у матерей, не состоящих в браке. И это обстоятельство — один из самых существенных факторов развития тенденции к формированию неполных семей.

Среди участников опроса, состоящих в зарегистрированном браке и имеющих детей до 18 лет (группа полных семей) — 63,1%, имеющих детей, но не состоящих в зарегистрированном браке — 35,1%. В общей выборке представителей неполных семей — 17,1%. Если рассматривать статистические данные социально-демографического паспорта Республики Тыва, то доля неполных семей в общей численности семей — 6%. Однако опора на эти данные некорректна, так как расчет в двух этих случаях был сделан по разным основаниям. В исследовании неполными считались монородительские семьи, в которых родитель не состоит в зарегистрированном браке. Росстат в число семей включает и бездетные семьи, таким образом меняется расчетное основание в 100% семей.

Для сравнения приведем показатели численности неполных семей в России на основании результатов микропереписи 2015 г.: «Если рассматривать только домохозяйства с детьми до 18 лет, то среди

¹ Костенко Я. Росстат назвал регионы с наибольшим числом разводов [Электронный ресурс] // Ведомости. 2023, 27 июня. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/06/27/982427-rosstat-nazval-regioni-s-naibolshei-dolei-razvodov> (дата обращения: 01.08.2023).

² Численность и миграция населения Российской Федерации [Электронный ресурс] // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 01.08.2023).

них неполные семьи составляют 22,5% и в подавляющем большинстве своем — это матери с детьми» (Прокофьева, Корчагина, 2020: 173).

Эти цифры подтверждаются субъективным ощущением опрошенных в нашем исследовании. Респондентам не кажется, что вокруг много таких семей. Доля тех, у кого в окружении «очень много» / «много» неполных семей, в сумме составляет 29,1%; «не очень много» — 19,7%, и «мало/нет таких семей» — 38,5%. Эти данные не свидетельствуют о широком распространении исследуемого явления в представлении опрошенных о собственной социальной среде.

Далее обратим внимание на данные «Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах» Росстата 2017 г. по семейному положению матери, которая воспитывает ребенка в неполной семье. Среди общей численности таких матерей: разведенных — 55%, вдов — 10%, никогда не состоявших в браке — 22%. Эти же показатели в Туве: разведенных — 18%, вдов — 8%, никогда не состоявших в браке — 74%.

Можно сделать вывод, что численность неполных семей (несмотря на минимальные показатели разводов) в Республике Тыва сравнима с общероссийскими показателями, но структура неполных семей по причинам их образования (смерть супруга, распад брака, внебрачное рождение ребенка) отличается самым существенным образом.

Отметим, что никогда не состоявшие в браке матери являются доминирующим большинством. Как следует из результатов социологического исследования Республики Тыва 2022 г., в группе неполных семей доминируют респонденты, никогда не состоявшие в браке (74%), то есть представители (точнее — представительницы) семей с детьми внебрачного рождения. Этот факт подтвердил традиционную высокий процент внебрачных рождений в республике. Например, в 2018 г., по данным Росстата, 60,4% от общего числа родившихся в Туве детей были рождены вне брака. По данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Тыва, в 2019 г. доля внебрачных рождений составила 59,3% от общего числа родившихся.

О высокой доле внебрачной рождаемости исследователи говорили и ранее. Так, например, по наблюдениям Т. А. Гурко на 2013 г., внебрачная рождаемость в России имеет выраженную этно-региональную специфику, наиболее высокие показатели отмечены в Республике Тыва (68%)¹. Тремя годами позднее, республиканская статистика фиксирует, что в 2015 г. 65,3% детей родились у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке. Сравнивая показатели последнего десятилетия (2010-2020 гг.), можно говорить о снижении числа внебрачных рождений, но этот показатель по-прежнему является в целом парадоксально высоким на фоне общероссийских показателей.

Дети для тувинцев считаются даром божьим (Ламажаа, Сувандии, Кужугет, 2022: 162–195). В народе по сей день считают, что у кого много детей, тот богатый и счастливый человек. Ребенок — это самое сокровенное и лучшее, что может пожелать себе каждая тувинская семья и их род. Например, неудачные роды, потеря детей, прерывание беременности всегда воспринимались как большое несчастье.

В *таблице 4* показано, что многодетных родителей — респондентов в группе полных семей в два раза больше, чем в неполных.

Таблица 4. Распределение по числу детей в семьях
Table 4. Distribution by number of children in families

Количество детей, чел.	Полная семья, в %	Неполная семья, в %
1–2	35,7	66,3
3–4	52,8	26,2
5–8	10,0	4,4
Не ответили	1,6	3,0

¹ Гурко Т. А. Семья и родительство в России на фоне постиндустриальных обществ // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса. М.: РОС, 2012. 1 CD ROM. С. 3343. [Электронный ресурс] // Институт социологии ФНИСЦ РАН. URL: <http://www.isras.ru/files/File/congress2012/part21.pdf> (дата обращения: 20.07.2023).

Младше 18 лет		
1–2	62,1	78,7
3–4	31,7	15,3
5–8	4,5	1,1
Не ответили	1,8	5,0

Этот вывод по *таблице 4* касается и общей численности детей в семье, и численности несовершеннолетних детей. Как известно, что традиционные тувинские семьи всегда были многодетными. К примеру, Т. Т. Мунзук отмечала, что большой воспитательный потенциал такого типа семьи: спаянная общностью хозяйственных интересов и забот друг о друге, она формирует у всех своих членов человеческие взаимоотношения, уважение к старшим, ощущение взаимопомощи, необходимости совместного труда родителей и детей¹.

Подавляющее большинство представителей неполных семей, проживают вместе со своими детьми — 88,6%, не проживает — 10% (в основном, это мужчины). Строго говоря, эти 10% не могут быть атрибутированы как представители неполных семей, так как совместного хозяйства с детьми они не ведут и не несут за них ответственность в полной мере.

Вопрос о поддержке детей родителем, не проживающим с ними, задавался респондентам, которые проживают вместе со своими детьми. Как правило, это матери детей из неполных семей, 47,6% из них отметили, что второй родитель поддерживает отношения с детьми, 37,8% — отметили отсутствие отношений. Материальную помощь получает 39,8%, но алименты оформлены только у 9% из этой группы опрошенных. Этот факт нуждается в дополнительном исследовании; мотивы женщин, испытывающих материальные трудности и не подающих при этом на алименты, не очевидны. На уровне гипотез показатель может свидетельствовать или о юридической неграмотности, или об отсутствии воли к решению экономических проблем, или о каких-то мотивах этического плана.

Также данные опроса позволяют констатировать, что полные семьи в большей степени характеризуются многодетностью (у 36% респондентов более 3 детей), тогда как в группе неполных семей численность многодетных — 16%. Этот вывод касается как общей численности детей в семье, так и численности несовершеннолетних детей.

Социально-экономические положение неполных семей

У подавляющего большинства (70%) из группы опрошенных из неполных семей настоящие отцы писаны в свидетельство о рождении детей, но у четверти опрошенных (25%) в графе «отец» стоит прочерк. Этот факт за редкими исключениями вовсе не означает, что отец ребенка неизвестен. Были респонденты из этой группы, которые прямо указывали, что отец поддерживает отношения с детьми. Причины данного явления также нуждаются в отдельном исследовании.

В числе главных проблем респонденты из неполных семей назвали дефицит материального обеспечения, его отметило 60,2% опрошенных этой группы. Это типично для страны в целом.

Следующая по значимости проблема, также имеющая широкое распространение, — сложность совмещения профессиональной и родительской социальных ролей. Еще одна проблема, в такой степени связанная с предыдущей, что целесообразно их объединить, сформулирована респондентами, как нехватка времени на воспитание детей.

Проблемы предвзятого отношения к детям/матерям из неполных семей не нашли весомого подтверждения (см. *табл. 5*).

¹ Мунзук Т. Т. Прогрессивные идеи и опыт тувинской народной педагогики и их использование в семейном воспитании: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Казань, 1990. С. 9.

Таблица 5. Проблемы, выделяемые родителем в неполной семье, в %
Table 5. Problems identified by parents in single-parent families, in %

Проблемы	Результаты
Не хватает денег для материального обеспечения семьи	60,2
Сложно совмещать работу и воспитание детей	35,0
Не хватает времени для воспитания детей	23,7
Маленький размер пособий на детей	18,8
Отец, мать не участвует в воспитании детей	10,6
Конфликтные отношения отца и матери детей в неполной семье	8,3
Неуплата алиментов	7,1
Предвзятое отношение к ребенку из неполной семьи со стороны родственников/знакомых	4,9
Предвзятое отношение к ребенку из неполной семьи со стороны ровесников	4,8
Предвзятое отношение к ребенку из неполной семьи со стороны воспитателей/учителей	4,6
Предвзятое отношение к матери-одиночке среди родственников	2,4
Предвзятое отношение к матери-одиночке среди друзей/знакомых	2,0
Предвзятое отношение к матери-одиночке при устройстве на работу	1,5
Маленький размер алиментов	1,3
Предвзятое отношение к матери-одиночке со стороны коллег по работе/начальства	1,2
Нет таких проблем	9,6
Не ответили	15,7

Полученные в результате опроса данные в *таблице 5* свидетельствуют о том, что, по мнению всех респондентов, статус матери-одиночки является барьером в устройстве ее личной жизни. Такого мнения придерживается 52% опрошенных представителей неполных семей, причем среди них 16% составляют мужчины. Устроить свою личную жизнь без регистрации отношений удалось 40% респондентов этой группы и не смогли найти партнера — 41%. С учетом примерно равного распределения долей вступивших и не вступивших в брак одиночек можно утверждать, что восприятие барьера является скорее субъективным, чем объективным фактором.

Вопрос «Кто проживает в вашей семье вместе с вами?» адресовался всем опрошенным представителям неполных семей. Планировалось получить косвенные данные не только о составе семей, но и численности «мнимых неполных семей», которые обеспечили себе этот статус в целях получения расширенного пакета государственных пособий (см. *табл. 6*).

Таблица 6. Состав опрошенных семей с детьми, в %
Table 6. Composition of surveyed families with children, in %

Состав семьи	Результаты
Мама ваших детей	10,3
Отец ваших детей	10,5
Ваш гражданский муж	10,1
Ваша гражданская жена	6,7
Ваши родители	14,9
Близкие родственники: сестры, братья, бабушка, дедушка, племянник	9,5
Дальние родственники	1,0
Знакомые	0,0
Ваши дети	92,4
Дети родственников	1,3
Никто, я проживаю один/одна	8,7
Другое	0,3
Не ответили	0,2

В таблице 6 суммарно таких семей, то есть неполных семей обнаружилось 17%. По условию причисления к этой группе они не находятся в браке, но второй родитель проживает вместе с семьей. Данный случай можно отметить, как особенность семейной жизни в тувинском обществе.

Кроме того, в рамках социально-экономического положения неполных семей нам удалось анализировать жилищно-бытовые аспекты. Исследование показало, что 61% опрошенных представителей неполных семей имеет в собственности жилую недвижимость. У представителей полных семей этот показатель еще больше (86,5%). Еще 19,2% респондентов из неполных семей жилье снимают. Считают острым вопрос обеспеченности жильем больше половины — 57,7% представителей неполных семей. Со слов респондентов отметим, что данную проблему они подчеркнули тем, что главная причина в том, что нет финансовых средств на приобретения своего жилья.

Далее, по результатам исследования отметим, что ухудшение материального положения семьи в связи с экономической ситуацией в стране, вызванной пандемией коронавируса, зафиксировано у 35,8% всех респондентов. А в полных семьях этот показатель составляет — 38%, в неполных — 42%. Наиболее распространенной мерой борьбы с ухудшающимся положением является общее сокращение расходов (46,7%) и экономия на питании, на покупке одежды и обуви в частности (41,1%). Распространенной мерой в группе неполных семей оказалась продажа и заклад личных вещей и ценностей — 15,5% среди опрошенных.

По итогам опроса выявлено, что 56,2 % опрошенных имеют кредитные обязательства и 41,1% их — не имеют. Закредитованность среди респондентов из неполных семей ниже на 9%, чем у представителей полных семей. Разница не критичная. Она может быть связана с низкой привлекательностью родителя-одиночки для кредитора, худшей кредитной историей, низкой финансовой грамотностью и наличием опасений по выплате кредита, поскольку кормилец в неполной семье один, без опоры на партнера. Тем не менее, четверть неполных семей (25,1%) если и берет кредит, то в отчаянной ситуации — для покупки предметов первой необходимости.

В качестве дополнительных ресурсов для улучшения материального обеспечения семьи респонденты указывали наличие земельного участка, сельскохозяйственных животных, занятия по сбору дикоросов, охоту, рыбалку, пчеловодство и родственную взаимопомощь.

Резюмируя, можно сказать, что неполные семьи хуже обеспечены, их потребности удовлетворены в меньшей степени по сравнению с представителями полных семей, а ресурсов для изменения ситуации мало.

Занятость граждан на рынке труда является неотъемлемой частью социально-экономического положения региона. В 2022 г. в Туве наблюдался рост численности занятых, по сравнению с 2021 г. количество занятых увеличилось на 15%. В полных семьях 79,5% имеют постоянную работу, в неполных семьях — 77,8%. Имеют свой бизнес 20,5% в полных семьях, в неполных семьях — 22,2%. Сходство и высокие значения показателей занятости связаны с тем, что в подвыборки попали люди только молодого и зрелого трудоспособного возрастов, каковыми являются обычно родители несовершеннолетних детей.

Работают в организациях государственной, муниципальной собственности 87,2% занятых из полных семей и 86,2% — из неполных семей, в частном секторе работают 11,2% в полных и 12,9% — в неполных семьях.

Среди незанятых исследование зафиксировало незначительное уменьшение доли безработных. В 2021 г. численность безработных (зарегистрированных и не зарегистрированных в Центрах занятости населения) составляла 19,4%, в 2022 г. — 13,6%. В полных семьях безработных респондентов — 12,1%, в неполных — 15,1%.

Также наблюдается некоторый рост численности (по сравнению с 2021 г.) опрошенных, имеющих подработку. В 2021 г. — 18,9%, в 2022 г. — 24,3%. В полных семьях подработку или дополнительную работу имеют 29,4%, в неполных — 23,8%. В полных семьях на 5,6% больше имеющих подработку.

Миграционные установки в полных и неполных семьях характерны для 30% опрошенных, в неполных семьях варианты сезонной и региональной миграции готовы рассматривать с большей заинтересованностью.

В числе главных проблем респонденты из неполных семей назвали дефицит материального обеспечения, его отметило 60,2% опрошенных этой группы. Это типично для страны в целом. Следующая

по значимости проблема, также имеющая широкое распространение, — сложность совмещения профессиональной и родительской социальных ролей. Еще одна проблема, в такой степени связанная с предыдущей, что целесообразно их объединить, сформулирована респондентами, как нехватка времени на воспитание детей. Тем более, что у современных тувинских женщин традиционные семейные ценности, связанные с семейно-брачными отношениями (иметь семью, детей, быть замужем), конкурируют с ценностями, вовлекающими женщин в производственные отношения, то есть иметь работу, профессию, хороший заработок и хорошее образование. Это было отмечено еще исследователями начала 2000-х гг. (Гончарова, Савельев, 2004: 193–202).

Причины возникновения неполных семей с точки зрения населения

Рейтинг причин возникновения неполных семей с точки зрения населения в общей выборке идентичен рейтингу в анализируемых семейных группах (см. табл. 7). Первое место занимает разводы, второе — рождение детей вне брака, третье — смерть одного из родителей и четвертое — ранние половые связи. Исследователи отмечают и такой фактор, как фиктивные разводы или сознательный конкубинат. На эти шаги граждане идут для упрощения доступа к разным программам социальной поддержки неполных семей, получению государственных пособий. То есть существует значительное количество пар, считающихся неполной семьей лишь формально.

Таблица 7. Причины возникновения неполных семей с точки зрения населения, в % от всех опрошенных
Table 7. Causes of single-parent families from the point of view of the population, as a percentage of all simplified

Причины	Общая выборка от ответивших	Статус семьи	
		Полная	Неполная
Разводы	47,2	48,7	50,8
Девушки рожают детей до вступления в брак	32,1	34,0	32,8
Смерть одного из родителей	32,1	34,9	31,9
Ранние половые контакты молодежи	24,6	23,5	26,4
Молодые люди не хотят вступать в брак	18,3	17,9	17,5
Пары специально разводятся или не регистрируют свой брак для получения социальных пособий от государства	16,8	15,8	18,3
Молодые женщины не могут найти себе подходящую пару	15,7	14,6	21,5
Мужчин меньше, чем женщин	10,8	10,5	16,4
Затрудняюсь ответить	9,1	9,2	4,7
Не ответили	6,4	4,3	5,2

В таблице 7 приведены данные о причинах возникновения неполных семей с точки зрения населения. С одной стороны, респонденты указали, что причины разводов в основном являются бытового характера-отсутствие финансовых и материальных средств для содержания семьи, безработица и алкоголизация. С другой стороны, ранние половые контакты у молодых девушек приводят к рождению ребенка вне брака. Можно отметить как социальный факт в современной Туве: доля женщин, считающих, что важно быть замужем, уменьшается¹.

Нами было также изучена реакция населения на рождение детей вне брака в современной Туве. Как было отмечено выше, Республика Тыва занимает лидирующее положение в РФ по числу детей, рожденных вне брака. Опрошенным был задан вопрос «Если в семье девушка рождает ребенка вне брака, чаще всего ее знакомые, родственники одобряют, осуждают или никак не реагируют на рождение ребенка вне брака?». В общей выборке респондентов, отметивших осуждающую реакцию, — 41,8%, реакцию одобрения — 14,7% и отсутствие реакции — 21,7%.

¹ Хольшина М. А., Бутанаев Ю. В. Семейно-брачные отношения у населения Республики Тыва // Молодой ученый. 2011 Т. 2. № 11. С. 58.

Анализ ответов на этот вопрос респондентов — представителей полных и неполных семей — демонстрирует более терпимое отношение к данной проблеме опрошенных из неполных семей. Реакцию одобрения среди них отмечает 19,8%. Большинство участников опроса воспитывалось до 18 лет в полных семьях (62,1%). Представителей полных семей родом из полных семей — 67,2%, среди представителей неполных семей их — 58,4%.

За исключением затруднившихся с ответом, доля участников опроса, у которых родители состояли в браке, равна 75,5%. Численность респондентов из семей разведенных родителей — 3%, вдовых семей — 6%, из семей с детьми внебрачного рождения — 10,2%. Заметна разница семейного положения родителей в группах полных/неполных семей: состояли в браке — 81%/69,3%, «мама не была замужем» — 7,2%/16,4%.

Преобладание осуждающей реакции слабо соотносится со статистикой внебрачных рождений или она на деле формальна. Согласно же тувинским традициям, как писал Л. П. Потапов, в Туве к внебрачному ребенку относились как к родному, ни в чем не ущемляя и не упрекая его (Потапов, 1969: 276–277). Также существует у тувинцев поговорка «*Сукас уруг суму баштаар, азыранды уруг аал баштаар*», то есть 'Внебрачный ребенок возглавит село, взятый ребенок на воспитание возглавит дом'. Кроме того, сохранилась традиция родственной помощи между членами семьи.

Заключение

Таким образом, результаты исследования позволяют составить социологический портрет неполной тувинской семьи.

Социально-экономическое положение полных и неполных семей не особенно отличается, им присущи схожие проблемы. Но степень остроты этих проблем различна, неполные семьи характеризует более уязвимое положение, и они в большей степени находятся в зоне риска бедности и социальной исключенности из-за гендерного неравенства. В неполной семье единственный родитель — это работающая и в трети случаев дополнительно подрабатывающая мать, которой приходится компенсировать отсутствие ресурсов второго родителя. Как родитель, она реже берет кредиты, но может их взять на покупку предметов первой необходимости. Для обеспечения семьи этот родитель может продать или заложить личные вещи. В трети случаев она готова на сезонную миграцию ради дополнительного заработка.

Для неполной семьи в Туве более чем в 70% случаев характерно наличие одно-двух несовершеннолетних детей. Более чем в половине случаев эти дети рождены вне брака. Отец известен; в трети случаев он поддерживает семью материально, менее чем в половине — поддерживает какой-то эмоциональный контакт с детьми, однако на алименты подает даже не каждая десятая мать-одиночка. Предвзятого отношения со стороны окружающих представитель неполной семьи, как взрослый, так и ребенок не чувствует.

В неполных семьях для родителя (маме) не хватает времени на воспитание ребенка, совместный отдых с ребенком, так как у современного родителя (женщины, мужчины) имеет особую остроту установка выжить в современных условиях жизни, иметь работу, содержать ребенка и себя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аквазба, Е. О., Скок, Н. И. (2020) Современные неполные семьи: социальный аспект // Russian economic bulletin. № 6. С. 235–238.

Гурко, Т. А. (1992) Программа социальной работы с неполными семьями. М.: Министерство социальной защиты населения РФ, Центр общечеловеческих ценностей. 56 с.

Гончарова, Г. С., Савельев Л. Я. (2004) Семейно-брачные отношения у народов Сибири: проблемы, тенденции, перспективы / отв. ред. Ю. В. Попков. Новосибирск : Nonparel. 288 с.

Козлова, Е. А. (2020) Особенности воспроизводства населения Республики Тыва в конце 1980-х — 1990-х гг. // Манускрипт. Т. 13. № 9. С. 39–43. DOI: <https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.9.7>

Курбатский, Г. Н. (2001) Туинцы в своем фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл : Тувинское книжное издательство. 464 с.

Нафикова, Г. З. (2009) Понятие неполной семьи и ее типы // Вестник Башкирского университета. Т. 14. № 1. С. 241–243.

Нусхаева, Б. Б. (2016) Семья с одним родителем в Калмыкии (на материалах статистических данных) // *Oriental Studies*. Т. 24. Вып. 2. С. 167–175.

Потапов, Л. П. (1969) *Очерки народного быта тувинцев*. М. : Наука. 400 с.

Прокофьева, Л. М., Корчагина, И. И. (2020) Неполные семьи с детьми в России: масштабы распространения и материальная поддержка // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. № 9–1 (48). С. 172–179. DOI: <https://doi.org/10.24411/2500-1000-2020-11006>

Резников, Е. Н., Товуу, Н. О. (2002) *Этнопсихологические характеристики народа тыва: теория и практика*. М. : Per Se. 223 с.

Серегин, А. В. (2020) Возрождение брака sine manu и concubinatus в семейном праве XX–XXI вв.: сравнительно-правовой анализ // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. Т. 7. № 1. С. 101–104.

Субботин, С. В. (2016) Тувинская семья и ее функции. Традиции и инновации // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Т. 9. № 6 (28). С. 159–171.

Тувинцы. Родные люди (2022) / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 344 с.

Дата поступления: 19.09.2023 г.

Дата принятия: 15.12.2023 г.

REFERENCES

Akvazba, E. O. and Skok, N. I. (2020) Modern single-parent families: social aspect. *Russian economic bulletin*, no. 6, pp. 235–238. (In Russ.).

Gurko, T. A. (1992) *Social work program with single-parent families*. Moscow, Ministry of Social Protection of the Population of the Russian Federation, Center for Universal Human Values. 56 p. (In Russ.).

Goncharova, G. S. and Savelyev L. Ya. (2004) *Family and marriage relations among the peoples of Siberia: problems, trends, prospects* / ed. by Yu. V. Popkov. Novosibirsk, Nonpareil. 288 p. (In Russ.).

Kozlova, E. A. (2020) Specificity of Population Reproduction in the Tyva Republic at the End of the 1980–1990s. *Manuscript*, vol. 13, no. 9, pp. 39–43. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.9.7>

Kurbatsky, G. N. (2001) *Tuvans in their folklore (historical and ethnographic aspects of Tuvan folklore)*. Kyzyl, Tuvan book publishing house. 464 p. (In Russ.).

Nafikova, G. Z. (2009) The concept of an incomplete family and its types. *Bulletin of the Bashkir University*, vol. 14, no. 1, pp. 241–243. (In Russ.).

Nuskhaeva, B. B. (2016) Family with one parent in Kalmykia (based on statistical data). *Oriental Studies*, vol. 24, issue 2, pp. 167–175. (In Russ.).

Potapov, L. P. (1969) *The Tuvans: sketches of the folk lifestyle and related household activities*. Moscow, Nauka. 400 p. (In Russ.).

Prokofieva, L. M. and Korchagina, I. I. (2020) Single parent families in Russia: level of spread and material support. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, no. 9–1 (48), pp. 172–179. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24411/2500-1000-2020-11006>

Reznikov, E. N. and Tovuu, N. O. (2002) *Ethnopsychological characteristics of the Tyva people: theory and practice*. Moscow, Per Se. 223 p. (In Russ.).

Seregin, A. V. (2020) Revival of marriage sine manu and concubinatus in family law of the XX–XXI centuries: comparative legal analysis. *Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University*, vol. 7, no. 1, pp. 101–104. (In Russ.).

Subbotin, S. V. (2016) Tuvan family and its functions. Traditions and innovations. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Research of the Russian Academy of Sciences*, vol. 9, no. 6 (28), pp. 159–171. (In Russ.).

Tuvans. Native people (2022) / ed. by C. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. St. Petersburg, Nestor-History. 344 p. (In Russ.).

Submission date: 19.01.2023.

Accepted date: 15.12.2023.

DOI: 10.25178/nit.2024.1.13

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ТУВИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Статья

Стрельба из тувинского традиционного лука: история возрождения и технология изготовления лука и стрел в современной Туве

Сонамаа Н. Куулар

Центр развития тувинской традиционной культуры и ремёсел им. К. Б. Ондара,
Российская Федерация

Статья представляет процесс возрождения стрельбы из традиционного лука и технологии изготовления традиционного лука и стрелы в Туве современными материалами, начатый с 2010-х гг. Данный вид национального твоеборья наравне с борьбой хуреш и конными скачками был довольно популярным и распространенным в республике, но был полностью забыт во второй половине XX века.

Для возрождения были предприняты усилия специалистов Центра развития тувинской традиционной культуры и ремёсел. Были проведены экспедиции, приглашены мастера — этнические тувинцы из Монголии, которые до сих пор владеют технологией изготовления урянхайского лука. Обученные ими тувинские мастера стали далее обучать местных умельцев. Подробно описаны технологии изготовления лука, тетивы, мишени с использованием современных материалов и инструментов.

В Туве организованы турниры по стрельбе, которые стали с тех пор проводиться регулярно. Современные виды турниров по стрельбе из традиционного тувинского лука: стрельба в ремень и стрельба в мишень на традиционных лыжах. С 2021 года спортсменам начали присваивать почетные звания в соответствии с законом Республики Тыва о государственных наградах.

Ключевые слова: тувинцы; традиционный тувинский лук; стрельба из лука; технология изготовления лука; тетива

Для цитирования:

Куулар С. Н. Стрельба из тувинского традиционного лука: история возрождения и технология изготовления лука и стрел в современной Туве // Новые исследования Тувы. 2024, № 1. С. 197-212. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.13>

Куулар Сонамаа Николаевна — начальник отдела народно-художественных промыслов и декоративно-прикладного искусства Центра развития тувинской традиционной культуры и ремёсел им. К. Б. Ондара. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 7. Эл. адрес: s.kuular@gmail.com

KUULAR, Sonamaa Nikolaevna, Head, Department of folk arts and crafts and decorative arts, Center for the Development of Tuvan Traditional Culture and Crafts. Postal address: 7 Lenin St., 667000, Russia, Kyzyl. E-mail: s.kuular@gmail.com

ENCYCLOPEDIA OF TUVAN CULTURE

Article

Shooting from a Tuvan traditional bow: history of revival and technology for making bows and arrows in modern Tuva

Sonamaa N. Kuular*Center for the Development of Tuvan Traditional Culture and Crafts, Russian Federation*

The article explores the revival process of traditional archery and the technology of manufacturing traditional bows and arrows in Tuva using modern materials, initiated since the 2010s. This form of national triathlon, alongside wrestling (*khuresh*) and horse racing, was quite popular and widespread in the republic but fell into complete oblivion in the second half of the 20th century.

Efforts to revive this tradition were undertaken by specialists from the Center for the Development of Tuvan Traditional Culture and Crafts. Expeditions were conducted, and master artisans — ethnic Tuvans from Mongolia, who still possessed the technology of crafting Uryanhai bows, were invited. These Mongolian masters subsequently trained local craftsmen. The article provides a detailed description of the technologies involved in making bows, bowstrings, and targets using both modern materials and tools.

Tournaments were organized for archery, which have since been held regularly. Modern forms of traditional Tuvan archery tournaments include shooting at a target while riding and shooting at a target on traditional skis. Since 2021, athletes have been awarded honorary titles in accordance with the laws of the Republic of Tuva on state awards.

Keywords: Tuvans; traditional Tuvan bow; archery; bow manufacturing technology; bowstring

For citation:

Kuular S. N. Shooting from a Tuvan traditional bow: history of revival and technology for making bows and arrows in modern Tuva. *New Research of Tuva*, 2024, no. 1, pp. 197-212. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.13>

Введение

Данная работа представляет собой системно-аналитическое исследование современного состояния традиционной стрельбы из лука тувинцев, пути возрождения данного вида национальных игр. Актуальность работы обусловлена тем, что в последние годы растет интерес к стрельбе из традиционного лука в республике, однако отсутствует систематический анализ данного вида традиционного троеборья. Под традиционным троеборьем тувинцев понимаются национальные игры: *хүреш* 'борьба', *ча адары* 'стрельба из лука' и *аът чарыжы* 'конные скачки'. Целью исследования является анализ современного состояния игры по стрельбе из традиционного лука, а также описание современной технологии изготовления тувинского лука, стрельбы и мишени.

Объект исследования — тувинский традиционный лук. Предмет исследования — технология изготовления традиционного лука и его развитие в современной Туве. Для достижения указанной цели автором были поставлены следующие задачи: описать особенности возрождения стрельбы из традиционного лука в современной Туве; рассмотреть поэтапно технологию изготовления традиционного лука (в том числе стрел и кожаной мишени *баг*); описать правила проведения турниров по стрельбе из традиционного лука в Туве.

Хронологические рамки исследования — XX–XXI вв. Используются следующие методы: интервьюирование, наблюдение, сравнительный метод, описание.

В целом тема традиционного тувинского лука, как стрельбы из него, так или иначе затрагивалась многими тувиноведами. В особенности среди научных трудов по традиционной культуре, в частности

вопрос о применяемых тувинцами луках как метательном оружии, выделяется работа В. К. Даржа (Даржа, 2013), где были описаны технология изготовления, о видах лука и стрелы. Стрельба из лука рассматривалась Е. Д. Прокофьевой (Прокофьева, 2011), Л. П. Потаповым (Потапов, 1969), С. И. Вайнштейном (Вайнштейн, 1961), И. У. Самбу (Самбу, 1992), А. В. Гаськовым, И. Э. Мендотом, О. Ч. Ондаром (Гаськов, Мендот, Ондар, 2012), Ш. Б. Майны (Майны, 2013) и др. Кроме того, нами были изучены научные труды Д. Н. Анучина (Анучин, 1887), А. Ф. Медведева (Медведев, 1966), Д. Г. Савинова (Савинов, 1981) для сравнительного изучения рассматриваемого вопроса.

Материал для практической части статьи был собран в ходе интервью с мастерами народных художественных промыслов в мае 2015 г. с Бямбажав (этническим тувинцем, проживающим в Монголии) и Чимеддорж Ганзоригом (этническим тувинцем, проживающим в Монголии), в феврале 2023 г. — с Эдуардом Валерьевичем Дамдыном (тувинцем, проживающим в Туве), в июле 2023 г. — с Артышем Борбак-ооловичем Монгушем (тувинцем, проживающим в Туве) для описания технологии традиционного урянхайского лука, общего для тувинцев Тувы и Монголии. Выбор мастеров, этнических тувинцев, которые проживают на территории Монголии, продиктован тем фактом, что многие традиции, утраченные тувинцами в Туве в советское время, сохранились у них. Также автор опирался на материалы Центра развития тувинской традиционной культуры и ремесел им. К. Б. Ондара¹ (далее — ЦРТТКР), который с целью возрождения многих элементов тувинской традиционной культуры, начал проводить и организовывать различные мероприятия, в том числе фольклорно-этнографические экспедиции, в числе которых оказались сказительское искусство, многочисленные семейные обряды как самые массовые, а также национальная игра по стрельбе из лука.

Забвение и возрождение

В научной литературе описание стрельбы из лука, чаще всего, встречается в разделе, посвященном традиционному виду хозяйства — охоты.

Стрельба из лука как элемент спорта у тувинцев приводится в работе Г. Е. Грумма-Гржимайло, в виде “паг-адар”, где выступали не индивидуально, а сумоны или роды (Грумм-Гржимайло, 1926). У Л. П. Потапова лук со стрелами описывается в разделе «Орудия труда, применяемые в охоте» где в одном абзаце мы имеем возможность составить представление о структуре сложного лука (Потапов, 1969: 98). С. И. Вайнштейн также указывает материал для изготовления лука: «...ствол ели или лиственницы, тетива — из кожи лошади, лося или марала» (Вайнштейн, 1961: 48).

В. К. Даржа описывает технологию изготовления лука до возрождения данного вида троеборья в республике (Даржа, 2013). В другой своей работе он отмечает, что стрельбой из лука как третьим видом национального троеборья, владели все, вне зависимости от пола, по сравнению с борьбой *хүреш*, которая выступает прерогативой мужчин (Даржа, 2007). Данную же мысль развивает и Е. Д. Прокофьева, указывая на возможность занятия стрельбой из лука женщинами и детьми для поддержания жизни семьи более постоянным верным способом, чем мужская охота, не всегда дававшая ожидаемый результат (Прокофьева, 2011: 191).

Архаические элементы тувинского лука сформировались в эпоху гуннов и в уйгурский период. Как отмечено у В. К. Даржа, тувинский лук *ча* относится к композитным, сложносоставным, рефлексирующим лукам «центрально-азиатского» типа (Даржа, 2013: 16). Там же автор отмечает, что по своей конструкции он был схож с луками соседних народов, разница была лишь в используемых материалах, что отмечают и нынешние мастера.

До 1920–1930 гг. в Туве игра по стрельбе из лука в традиционном виде еще была распространена, но в 1950-е гг. она была полностью забыта. Это наблюдение высказал Когел Мижитеевич Саая, лауреат государственной премии РФ имени Е. Репина, Народный художник Тувы, член Союза художников России, герой Почетной книги «Люди 20 века», ветеран труда, в ходе интервью М. В. Ондар во время экспедиции сотрудников ЦРТТКР в Бай-Тайгинский район в 2014 г. Это забвение было связано с тем, что в 1940–1950 гг. в соответствии с советской государственной политикой упор властей был

¹ О Центре развития тувинской традиционной культуры и ремесел [Электронный ресурс] // Центр тувинской культуры. Официальная страница ВКонтакте. 2020, 25 марта. URL: https://vk.com/tuvacenter?w=wall-64833533_6852 (дата обращения: 07.08.2023).

сделан на развитие общей физической культуры и спорта. Для этого в республику начали направляться специалисты со средним и высшим образованием из других республик СССР. С 1961 г. начали открываться первые секции при спортивных школах, среди которых и секции спортивного вида стрельбы из лука (Мендот Эм., Мендот Эл., Мендот И., 2014), но традиционный вид не входил в данную программу.

В 2014 г., через 60 лет после периода забвения, руководство ЦРТТКР решило пригласить из Монголии мастера Бямбажав из рода Сарыглар и лучников из числа этнических тувинцев по стрельбе из урянхайского традиционного лука (Чимеддорж Ганзориг), которые провели показательные занятия для интересующихся стрельбой из традиционного лука. Первоначально было приобретено 6 луков для проведения занятий и турниров. Вместо мишеней использовались пустые бутылки из-под соков, обрезанные посередине, в которые засыпали песок для веса.

В целях сбора информации о стрельбе из лука также были организованы под руководством заместителя директора М. В. Ондар несколько экспедиций в период с 2014 по 2019 гг. в Монголию (г. Улан-Батор, сумон Цэнгэл), а также в Сут-Хольский, Кызылский и Бай-Тайгинский кожууны (районы) Тувы, также были записаны интервью с тренерами по классической стрельбе из лука в г. Кызыл.

Результатом той совместной работы является выпуск издания правил национальной игры по стрельбе из лука на тувинском языке¹ (фото 1).

В 2015 г. ЦРТТКР повторно пригласил монгольских коллег в Туву, но уже для обучения тувинских мастеров технологии изготовления традиционного лука. Среди мастеров, первыми прошедших обучение, были: Э. В. Дамдын, художественный руководитель фольклорно-этнографического ансамбля «Тыва», Народный хоомейжи Республики Тыва, мастер народных художественных промыслов; А. Б. Монгуш, мастер народных художественных промыслов, обладатель звания «Шагаа Мергени» (2022); С. Г. Монгуш, мастер народных художественных промыслов, обладатель звания «Мерген Адыгжы Республики Тыва» (2021); А. Н. Хомушку, мастер народных художественных промыслов, обладатель звания «Мерген Адыгжы Республики Тыва» (2021). В настоящее время они не только являются сами спортсменами по стрельбе из традиционного лука, но и обучают всех желающих технологии изготовления лука, делятся своим опытом.

Структура традиционного лука

Различные части лука выполняют различные работы и испытывают различную нагрузку. Физические особенности лука определяются требованиями, при которых лук должен обладать эластичностью и максимальной силой натяжения, иметь минимальную массу. Произвольное увеличение размеров лука само по себе не может увеличить его эффективность. Исходя из этих требований, традиционно использовались различные материалы при изготовлении лука.

По традиционной технологии каркас лука готовили из нескольких кусков берёзы. Склеить хороший лук из составных частей проще, чем выполнить его из одного куска дерева, т. к. с одной стороны,

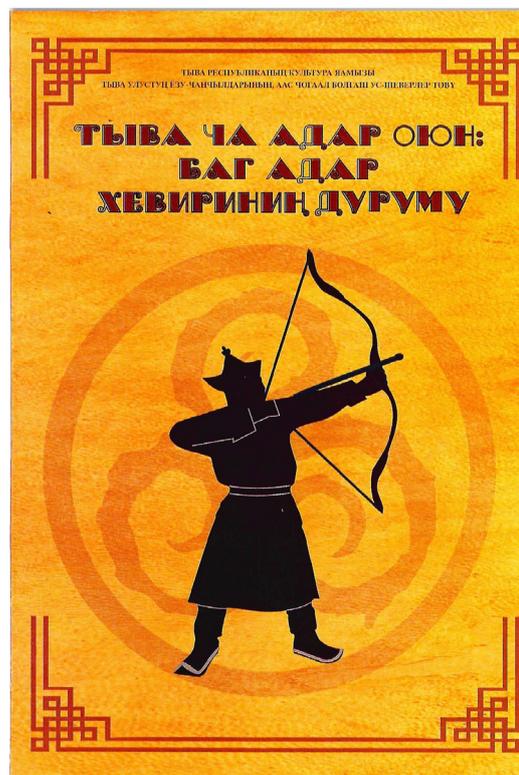

Фото 1. Обложка брошюры М. В. Ондар «Тыва ча адар оюн: баг адар хевириниң дүрүмү» (2018).
Photo 1. Cover of the brochure by M. V. Oндар "Tuvan national game of traditional archery: archery with a belt" (2018).

¹ Ондар М. В. Тыва ча адар оюн: баз адар хевириниң дүрүмү [Тувинская национальная игра стрельбы из традиционного лука: стрельба из лука в ремень]. Кызыл, 2018. 38 с. (На тув. и русс. яз.).

подобрать один качественный кусок древесины большого размера было сложно, с другой — добиться правильной работы всех частей лука, при их функциональных различиях, выполнением из одного куска дерева, также достаточно сложно. Для защиты от влаги лук обклеивали берестой, корой карликовой караганы, шкурой налива или тайменя клеем из рогов марала или шкур копытных животных. Помимо древесины использовали пластины из рога козерога или домашних полорогих животных.

Тетива, изготовленная из сухожилий и шкур коровы и лошади, должна обладать достаточной прочностью, чтобы не разрываться от постоянно действующих на разрыв концов лука. Она также не должна подвергаться какой-либо деформации под влиянием климатических условий.

Стрела изготовлялась с учетом индивидуальных размеров стрелка. Длина стрелы равнялась 2 локтям с вытянутыми пальцами. В структуре стрелы выделяются следующие части: *согун бажы* 'наконечник', *уну* 'древко', *согуннуң чүү* 'оперение', *кес* 'хвостовик'.

По этнографическим и изобразительным источникам мы знаем, что у различных народов имелось пять основных способов натяжения лука. Большинство авторов в своих работах по данному вопросу ссылаются на монографию Д. Н. Анучина (Анучин, 1887), также описание ручного метательного оружия народов Древней Руси представлено в работе А. Ф. Медведева (Медведев, 1966), Е. В. Черненко (Черненко, 1981), в которых даны описания не только структуры и изготовления лука и стрел, но и техники стрельбы скифов. В монографии С. Г. Жамбалова (Жамбалов, 1991) мы можем ознакомиться с особенностями бурятского традиционного лука и с процессом его изготовления и техники стрельбы. В работе Ф. Ф. Васильева (Васильев, 1995) дано описание якутского лука и техники стрельбы. Общее описание лука и стрел народов Древнего Востока мы встречаем в работе М. В. Горелика (Горелик, 1993). Для защиты большого пальца от трения при натяжении лука использовалось специальное кольцо из твердого материала (Акматов, 2016)¹.

Опираясь на эти сведения, рассмотрим, как специалисты восстанавливают традиционные технологии сегодня.

Современные технологии изготовления тувинского традиционного лука

В феврале 2023 г. автор статьи провела цикл интервью с Э. В. Дамдыном. Он предоставил нам информацию о восстановленной технологии, над которой он работал на протяжении 9 лет — с 2014 г.

В настоящее время при изготовлении традиционных луков используются современные материалы. Как сообщил Э. В. Дамдын: «Если бы мы сейчас следовали традиционной технологии, то на изготовление одного лука могло бы уйти около 3 лет, с учетом подготовки материала. А использование современных материалов также продлевает срок службы инвентаря». Материалы для изготовления рукоятки и плеч лука следующие: кусок высушенной берёзы длиной около 1 м, шириной в 30 см и толщиной в 3 см; карбон длиной в 120 см, шириной в 3 см и толщиной в 6 мм; клей «Космофен»; обувной клей; кусок кожи длиной около 90 см; капроновая лента; клей «Момент». Инструменты: рейсмусовый станок, ручная или электрическая пила, дрель.

Карбон — полимерный, прочный композитный материал, состоящий из эпоксидной или другой смолы, используется вместо рога. Длина используемого карбона 120 см, ширина 3 см, толщина — 6 мм. Чем больше длина карбона, тем мягче сила натяжения лука. Для крепления частей используется клей «Космофен». Рукоятка и плечи делаются из предварительно высушенной и выравненной по всей поверхности берёзы. Если взять влажную древесину, то в процессе сушки древесина может искривиться.

Первым шагом необходимо провести через рейсмусовый станок деревянную заготовку из берёзы, чтобы подровнять со всех сторон и обрезать до нужной толщины. Толщина подготовленной доски должна равняться ширине карбона (около 3 см).

¹ В настоящее время при стрельбе из тувинского традиционного лука пользуются двумя способами: 1) «средиземноморский», когда тетива захватывается согнутым указательным, средним и безымянным пальцами руки, а наконечник располагается между указательным и средним пальцами. Для защиты пальцев руки используется напальчник из кожи; 2) «монгольский», когда тетива натягивается согнутым большим пальцем, а указательный и средний пальцы располагаются над большим, нажимая на него сверху, что усиливает захват и процесс натягивания тетивы.

Фото 2. Нанесение очертаний рукоятки и плеч по шаблонам на деревянной основе.

Фото А. В. Соян, 2023. Архив ЦРТТКР.

Photo 2. Drawing the outlines of the handle and shoulders using templates on a wooden base.

Photo by A. V. Soyán, 2023. CRTTKR Archive.

Далее на подравненной доске чертятся формы будущих деталей по подготовленным шаблонам — плеч и рукоятки лука. Перед нанесением следует обратить внимание на отсутствие сучков, трещин и других повреждений на поверхности доски. Учитывается и структура доски. Рукоятка и плечи вырезаются вдоль доски, а не поперек. Также следует располагать детали для вырезки по краям, а не посередине доски, так как по краям структура дерева более прочная, чем посередине (фото 2).

Детали вырезаются по начерченным шаблонам и шлифуются со всех сторон.

Деталь рукоятки дополнительно шлифуют наждачной бумагой с той стороны, которая будет крепиться на остов лука — на карбон. Она должна иметь ровные края, иначе весь лук будет искривленный. Рукоятка получается под углом в несколько градусов с внутренней стороны.

Длина рукоятки мужских луков составляет около 26–30 см, у женских и детских луков длина чуть короче.

Рукоятка, вогнутая в сторону живота лука, должна быть зафиксирована ровно посередине карбона. Для этого отмечается середина остова лука (на карбоне) и рукоятки (на деревянной заготовке). Так как на шершавой поверхности клей лучше держится, на карбоне место склеивания очищается от стекловолокна наждачной бумагой. Для этого его проводят вдоль структуры карбона, а не поперек, для предотвращения в будущем поломок карбона на рукоятке. В качестве клея используется «Космофен». При нанесении клея на карбон по краям рукоятки сверху и снизу отступают на несколько миллиметров. Это делается для уменьшения напора на рукоятку при натяжении и предотвращения повреждений рукоятки в процессе стрельбы. Если рукоятка будет полностью наклеена на карбон, то при выстреле могут пойти трещины на карбоне или на дереве. Свободное, хоть и на несколько миллиметров пространство служит «воздушной подушкой».

Каркас будущего лука фиксируется на слесарных тисках. Дополнительно рукоятка обматывается тугой резиной по всей поверхности и оставляется на 30 мин до полного впитывания клея (фото 3).

После крепления деревянной основы на карбон ее необходимо отшлифовать по бокам, чтобы придать ей удобную форму при захвате рукоятки.

Плечи лука должны быть одинаковыми по всем параметрам, иначе во время выстрела они будут работать по-разному. По форме плечи широкие у основания и постепенно сужаются к концам. Основание каждого плеча также подравнивается наждачной бумагой, как у рукоятки, чтобы при фиксации на карбон не было никаких искривлений. Ручкой или карандашом отмечается середина каждой заготовки, и по ним проводится линия, разделяющая плечо ровно посередине. Получается чертеж равнобедренного треугольника, по которому шлифуются края плеч (фото 4). Края плеч необходимо обрезать ножом, постепенно сужая их, чтобы не было острых краев.

*Фото 3. Каркас лука, зафиксированный на слесарных тисках.
Фото А. В. Соян, 2023. Архив ЦРТТКР.
Photo 3. Bow frame fixed on a bench vice.
Photo by A. V. Soyán, 2023. CRTTKR archive.*

*Фото 4. Заготовка плеча после выравнивания.
Фото С. Н. Куулар, 2023. Архив ЦРТТКР.
Photo 4. Shoulder preparation after alignment.
Photo by S. N. Kuular, 2023. CRTTKR archive.*

Карбон по краям также шлифуется наждачной бумагой, чтобы очистить от защитного слоя стекловолокна перед нанесением клея. Клей наносится на поверхность длиной около 8 см, отступив около 5 мм с краев. Для лука с силой натяжения 24–25 кг расстояние между краем рукоятки и до основания плеча равняется 36 см. Основания плеч клеятся на концы карбона на противоположную от рукоятки стороны.

Наклеенные плечи также завязываются резиной и оставляются на 30 минут, пока клей полностью не впитается. После этого резина убирается и на станке шлифуются концы карбона у основания плеч, чтобы не было острых углов.

После того, как клей впитался, для дополнительной фиксации рукоятки и плеч к карбону, их обматывают капроновой лентой по отдельности. Обмотку рукоятки следует начинать не с края, а с самого карбона, отступив от рукоятки на 1 см. На карбон наносится клей «Космофен», на который обматывается туго лента. В конце на карбон также наносится клей, чтобы зафиксировать ленту. На рукоятке не должно быть лишних бугров, чтобы было удобно держать лук при стрельбе. Поэтому ленту необходимо зафиксировать очень туго, чтобы она легла ровно.

Таким же образом обматываются основания плеч. Лента должна покрывать плечо не полностью, а лишь те места, где соприкасается деревянная часть плеч и карбон. Для дополнительной фиксации клей наносят и по всей внешней поверхности ленты.

Так как в составе карбона есть стекло, на нем не должно быть никаких царапин, иначе от царапины могут пойти трещины, что приведет к поломке лука, а осколки от стекловолокна могут нанести большой вред здоровью спортсмена. Для защиты поверхности лука и самого стрелка, вся поверхность карбона обклеивается кусочками кожи при помощи обувного клея. Кожа обрезается в соответствии с размерами карбона (фото 5). Для одной стороны, с основания плеча и до основания рукоятки требуется кожа шириной в 6 см и длиной в 35 см. Кожа закрывает только те части, на которых есть карбон без капроновой ленты.

Фото 5. Обклеивание кожей каркаса лука. Фото А. В. Соян, 2023. Архив ЦРТТКР.
Photo 5. Covering the bow frame with leather. Photo by A. V. Soyán, 2023. CRTTKR archive.

Рукоятка также обклеивается куском кожи размером 10×10 см, чтобы рука стрелка не соскальзывала при стрельбе. Главное — следить за тем, чтобы кожа легла ровно без лишних бугров и выступов.

Место стыка кожи также следует заклеить маленьким куском кожи (10 см в длину и 1 см в ширину), иначе в процессе использования лука кожа на этом месте начнет отклеиваться.

Поверх ленты в верхней и нижней части рукоятки наносится обувной клей, на который обматывается капроновый шнур длиной в 110 см. Данный шнур выступает в качестве дополнительной защиты и фиксации рукоятки к карбону. Этот же шнур обматывается и вокруг оснований плеч, для дополнительной фиксации на карбон. Для одной стороны необходимо около 108 см шнура.

Далее необходимо сделать на плечах специальные выемки для тетивы. Дрелью просверливается отверстие на расстоянии около 3 см с конца верхнего основания плеч. Отверстие должно быть с широким основанием, поэтому дрель держится под небольшим наклоном, чтобы обработать сразу и края отверстия. Если края будут острыми, тетива может порваться. Края отверстия необходимо отшлифовать со всех сторон.

Когда отверстие будет готово, необходимо сделать перпендикулярно к краю плеча «проход» под тетиву, в верхнем и нижнем плече. Края также нужно подровнять, чтобы они не были острыми.

Под конец плечи также шлифуются наждачной бумагой и резакром.

Для дополнительной защиты оснований плеч от поломок при стрельбе, концы плеч вокруг выемок обматываются капроновой ниткой, толщина обмотки около 0,8 см.

Сила натяжения для мужских луков может составлять от 20 до 25 кг, для женских луков — около 15 кг. Чем больше длина лука, тем мягче его сила натяжения. Для увеличения силы натяжения лука плечи укорачивают. Например, если спортсмен понимает, что ему необходимо увеличить силу натяжения, то мастер может укоротить плечи и подобрать новую тетиву.

Изготовление тетивы

Материалы для тетивы: можно использовать нитки дакрон В-50/лавсан/кевлар/пропилен или можно заменить рыболовной плетеной леской, нитка обычная. Инструменты для работы: станок для обмотки тетивы, приспособление для намотки тетивы, клей «Момент».

По традиционной технологии, которую описал В. К. Даржа, при изготовлении тетивы в степных и равнинных кожуунах использовали шкуры коровы, коня, на востоке республики шкуры диких животных — козерога или медведя (Даржа, 2013: 32–35). Шкуру животного закапывали в сырой *өдөк* 'навоз', предварительно смазав внутреннюю часть шкуры густой пересоленной кашицей из дробленой

пшеницы и ячменя. На одну шкуру требовалось ведро сваренной кашицы, в которую закладывали две большие пиалы каменной соли. По истечению приблизительно двух недель, когда шерсть начинала отходить, ее удаляли руками. Отделив волос, разрезали брюшную часть на ремни, тщательно выравнивали ремень по толщине, для чего аккуратно подрезали ножом только с внутренней части. Тетиву плели скручиванием. Петли фиксировали узлом *баг*, который должен был точно приходиться на подставку с внутренней стороны рога лука. По возможности плотно скручивали ремень винтом, придавая ему округлую форму и вешали под потолком юрты, привязав к стропилу приготовленные тетивы тщательно коптили. Внизу привязывали груз, чаще всего камни жернова ручной мельницы. В теплое время около юрты устанавливали треногу из трех жердей, навешивали к вершине треноги одну тетиву или несколько, снизу к ним привязывали кожаные переметные сумы, наполненные песком или камнями. Груз привязывали, чтобы вытянуть кожу ремня на максимально возможную длину для того, чтобы тетива не амортизировала при натяжении.

В настоящее время технология изготовления тетивы такая же, как и для спортивного классического лука. Для этого используется станок для намотки тетивы, конструкция которого позволяет настроить нужную длину и обмотать нужное количество ниток в тетиве. Для данного лука делается 5 полных оборотов вокруг станка. Нитки обматываются туго, чтобы не терялась сила натяжения ниток. Далее обмотать концы тетивы, которые будут располагаться на плечах, чтобы сделать дополнительный защитный слой обмоточной машиной. Для этого стойку располагают перпендикулярно основной длине. Для обмотки часто употребляются плетеный нейлон, монопнить и FastFLIGHT.

Далее обматывают, соединив две стороны тетивы в одну, около 15 см. Таким образом необходимо обмотать с двух концов тетивы, чтобы получить петли тетивы для натягивания на плечи длиной около 10 см.

Готовая тетива натягивается на лук и обматывается, как и по краям, предохранительной центральной обмоткой также посередине для создания узла стыковки тетивы в месте установки стрелы (*фото 6*).

Тетива, надетая на лук, не должна иметь провисающих нитей, наличие их говорит о некачественном изготовлении тетивы. Как правило, это случается, если обмотка производится не с одинаковым натяжением.

В соответствии с размерами хвостовика стрелы на узле стыковки тетивы в месте установки стрелы устанавливается гнездо. Гнездо следует устанавливать так, чтобы хвостовик стрелы сидел не слишком туго на тетиве. Идеальной посадкой является такая, при которой гнездо лишь выдерживает вес стрелы, висящей на тетиве. Плотная посадка хвостовика на тетиве может ухудшить полет стрелы, уменьшить ее скорость.

Фото 6. Обмотка тетивы посередине обмоточной машиной.

Фото А. В. Соян, 2023. Архив ЦРТТКР.

Photo 6. Winding the bowstring in the middle with a winding machine.

Photo by A. V. Soyán, 2023. CRTTKR archive.

Гнездо ограничивается утолщением с обеих сторон и это приводит к тому, что появляется возможность сжатия хвостовика при растягивании лука, поэтому необходим небольшой зазор до 0,2-0,4 мм. Для установления гнезда наносится клей «Момент» на тетиву, на месте будущего гнезда. Далее обычной ниткой наматываются два бугорка — с верхней и нижней части.

Современная технология изготовления стрелы

Материалы: высушенный кусок берёзы, черенок для лопаты березовый диаметром приблизительно в 3 см, перья крупных птиц (глухарь, коршун, индюк, гусь) 3 шт. или синтетические перья 3 шт. на одну стрелу. Инструменты: дрель, плашка диаметром в 12 или 14 мм, наждачная бумага, пероклейка, клей «Момент» или «Супер-клей», нитка обычная, бесцветный лак для дерева

Подготовленную доску берёзы обрезают на станке на полоски шириной от 1 до 2,5 см и длиной около 74 см для женских стрел или около 85 см — для мужских. Окончательная длина зависит от длины рук лучника и силы натяжения лука. Получившиеся полоски надо проверить на отсутствие сколов и трещин. Из них следующим шагом изготавливаются древки стрел. Для этого заготовки пропускают через плашку диаметром в 12 или 14 мм (12 мм — для женских, 14 мм — для мужских стрел).

Так как от плашки на древке остаются кольцевые следы, ее стороны шлифуют наждачной бумагой. Таким же способом уменьшают при необходимости диаметр древка.

Для стрельбы по мишеням *баг* на стрелы надевается деревянный наконечник удлиненной овальной формы. Для удобства изготовления наконечника в настоящее время берут готовый черенок для лопаты. Черенок обрезают на цилиндры длиной в 6 см.

После обрезки концы цилиндров с обеих сторон необходимо подровнять на станке. Обрезки с меньшим диаметром используются в качестве наконечников для женских стрел.

При изготовлении хвостовика конец древка обрезается на станке на глубину около 0,9 мм — 1,2 см, ширина 0,3 мм ровно по центру. Для гладкости внутренней стороны хвостовика ее также полируют наждачной бумагой.

В подготовленных наконечниках по центру делается отверстие глубиной в 2 см, в соответствии с диаметром древка. Древко вставляют в наконечник, если древко сидит не плотно, необходимо нанести клей, если плотно, можно без клея. Далее наконечнику необходимо придать овальную форму (*фото 7*).

Последний этап при изготовлении стрел — это оперения. Можно использовать готовые синтетические оперения или использовать перья птиц. Из перьев птиц подходят перья глухаря, коршуна, индюка,

Фото 7. Придание овальной формы наконечнику.

Фото А. В. Соян, 2023. Архив ЦРТТКР.

Photo 7. Giving the tip an oval shape.

Photo by A. V. Soyán, 2023. CRTTKR archive.

Фото 8. Конечный вид стрелы с оперением и хвостовиком.
Фото А. В. Соян, 2023. Архив ЦРТТКР.
Photo 8. The final view of the arrow with fletching and shank.
Photo by A. V. Soyán, 2023. CRTTKR archive.

гуся. Длина перьев может быть около 13,5 см. Перо разрезается ножницами вдоль ствола, и затем при необходимости от него отрезаются куски заданного размера.

При наклеивании пера используется пероклейка как и для стрел спортивного лука. Древко стрелы в месте приклеивания перьев обезжиривают и вставляют в пероклейку. Перо зажимают двумя пластинками, намазывают клеем («Момент» или «Супер-момент») и прижимают к древку на несколько секунд, чтобы перо лучше схватилось. После высыхания его поворачивают на 90° или 120°, приклеивается второе, а затем третье перо.

Когда оперение будет готово, основание наконечника обматывают тонкой ниткой, чтобы при стрельбе конец древка не лопнул после удара о поверхность. Также обматывается ниткой основание оперения, чтобы при стрельбе концы перьев не задевали за одежду и не царапали руку лучника (фото 8).

На готовую стрелу наносят тонкий слой лака, чтобы предохранить ее от набухания при влажной погоде.

Современная технология изготовления мишени «баг»

Кожаная мишень *баг* представляет собой шарообразную мишень общим весом около 45–60 гр. и диаметром 10 см. Материалы: кусок кожи быка или коня, обмоток войлока. Инструменты: плоскогубцы, рог, молоток.

Раньше в качестве мишени использовались закрученные стремена от седла. Тот стрелок, который попадал в мишень и выбивал ее за пределы поля, забирал стремена себе. В настоящее время спортсмены делают специальные шарообразные мишени *баг* из шкуры быка или коня. Отличие будет лишь в расходе материала. По структуре кожа коня более мягкая и меньше расходует.

Сразу после закаливания животного шкура отделяется от туши, закручивается в рулон шерстью вверх и тщательно запаковывается в пластиковый пакет. В таком виде необходимо продержать ее в течение трех дней при комнатной температуре — если передержать, то шкура начнет портиться. Как только шерсть начнет сама отделяться от шкуры, ее расстилают на ровной поверхности, и острым ножом соскребают шерсть. После чистки шкуру расстилают и оставляют на открытом воздухе для сушки и проветривания от запаха на неделю. После этого кожу замачивают в жидкости с чистящим средством на 1–2 часа. Ее необходимо хорошенько отстирать и прополоскать. Оставшийся жир на коже осторожно соскребают резакон, чтобы случайно не испортить кожу. Кожу обрезают на ленты шириной в 1 см, общей длиной около 5 м, толщина лент около 0,5 см.

На первом этапе кусок войлока обматывается в шар диаметром в 10 см. Далее подготовленные кожаные ленты туго обматываются вокруг этого войлочного мяча. Кожаные ленты заплетаются вокруг «мяча», добиваясь максимально плотного прилегания кожи. Лента заплетается в виде сетки вокруг мяча.

Концы кожаной ленты лучше обрезать по диагонали, чтобы было легче заплетать. В процессе заплетания необходимо периодически вбивать молотком с разных сторон «мяча», чтобы держалась нужная форма. Кожа должна максимально плотно прилегать к «мячу», поэтому используются плоскогубцы, чтобы вытягивать и затягивать кожу, рог используется для прodelывания ее конца под предыдущий ряд.

Фото 9. Готовая мишень «баг». Фото О. В. Сат, 2023. Архив ЦРТТКР.
Photo 9. Finished "bag" target. Photo by O. V. Sat, 2023. CRTTKR archive.

«Мяч» заплетается кожаной лентой по всей поверхности (фото 9). В конце, если кожаная лента осталась, лишний кусок отрезается, а конец ленты продевается также под предыдущий ряд.

Всего во время турнира для одного стрелка используется 13 мишеней, которые располагаются в один ряд вплотную друг к другу.

Правила проведения турниров

С 1960-х гг. в Туве в рамках развития современной физкультуры и спорта практиковался спортивный вид стрельбы из классического лука¹.

В 1977 г. мастерами спорта СССР стали тувинские спортсмены В. Б. Сырат и Р. С. Тутатчикова, была открыта секция для подготовки спортсменов. Наилучшие достижения связаны с именами Е. Е. Достай, заслуженного мастера спорта РФ, участницы XXVI и XXVIII летних Олимпийских игр в 1996 г. в г. Атланта (США) и 2004 г. в г. Афины, и М. К. Оюном, бронзовым призером в личном зачете Паралимпиады-2012 в г. Лондон (Гаськов, Мендот, Ондар, 2012).

Турниры в Туве по стрельбе из традиционного лука на систематической основе стали проводиться с лета 2015 г. Тогда был проведен первый турнир в рамках программы национального праздника животноводов Наадым, где спортсмены стреляли именно по кожаным мишеням *баг*. Победителем тогда стал Евгений Ондар, тренер отделения стрельбы из лука спортивной школы «ЦСКА-Тыва». В 2016 г. на стадионе «Хуреш» в столице Тувы г. Кызыле состоялось первое открытое занятие по обучению стрельбе из традиционного лука для всех желающих. И летом во время проведения спортивно-художественного праздника «Хараар-Тей» в Улуг-Хемском кожууне стрельба из традиционного лука была включена в программу состязаний, хотя из-за отсутствия луков турнир проходил с использованием только одного лука для всех желающих. С 2017 г. данный праздник приобрел статус республиканского и турнир по стрельбе из лука стал его обязательной частью².

¹ Классический лук в отличие от традиционного обладает разборной конструкцией. В нем допускается использование дополнительных приспособлений, например полочки, на которую перед выстрелом укладывается стрела. Изготавливается из современных материалов — сплав металлов, стеклопластик.

² «Хараар-Тей» [Электронный ресурс] // Центр тувинской культуры. Официальная страница ВКонтакте. 2017, 24 апреля. URL: https://vk.com/tuvacenter?w=wall-64833533_2146 (дата обращения: 07.08.2023).

В 2018 г. для ознакомления широкого круга людей с основными правилами традиционной стрельбы из лука была издана уже упомянутая нами брошюра под авторством М. В. Ондар, где были описаны правила проведения турниров, права и обязанности спортсменов¹.

16 декабря 2019 г. для дальнейшего развития и популяризации национальной игры по стрельбе из тувинского традиционного лука по всей республике на базе ЦРТТКР прошли курсы повышения по программе «Технология изготовления тувинского традиционного лука». Занятия в рамках данного курса проводили Э. В. Дамдын и А. Б. Монгуш, кто был в числе первых мастеров, прошедших обучение в 2015 г. На сегодняшний день, по данным ЦРТТКР, в республике изготовлением лука занимаются 13 мастеров.

В 2020 г., по инициативе ЦРТТКР, начался проект «Алдын согун»², в рамках которого четыре раза в год между кожуунами республики проводятся турниры по стрельбе из традиционного лука. Республиканские власти поддержали работу специалистов ЦРТТКР. В соответствии с законом Республики Тыва от 2 августа 2021 г. № 743-ЗРТ «О государственных наградах Республики Тыва», спортсмену, занявшему первое место три раза в абсолютном чемпионате Республики Тыва по национальному виду спорта «Стрельба из национального лука» на празднике «Наадым» присваивается почетное звание «Улустуң Мергени Республики Тыва», а спортсмену, занявшему первое место один раз на абсолютном чемпионате Республики Тыва по национальному виду спорта «Стрельба из национального лука» на национальном празднике «Наадым» присваивается почетное звание «Мерген адыгжы Республики Тыва»³.

В настоящее время возрождены виды: *баг адары* ‘стрельба в ремень’, *кара адары* ‘стрельба в мишень на традиционных лыжах’ и *аът кырындан кара адары* ‘стрельба в мишень верхом на лошади’.

Основная цель турнира при стрельбе в ремень — это из места стрельбы *салыш* попасть в кожаную мишень *баг*, которые выстроены посередине площадки для стрельбы *хараачыгай*, при этом стрелок должен выбить их за задний вал *өдемик*. Длина передних и задних валов равняется 4 метрам. Расстояние от линии стрельбы и до мишеней составляет 30 м для женщин и 40 м — для мужчин. Кожаные мишени ставятся в 3 метрах от переднего вала. Задний также насыпается в 3 метрах за мишенями. Высота валов 18 см (фото 10).

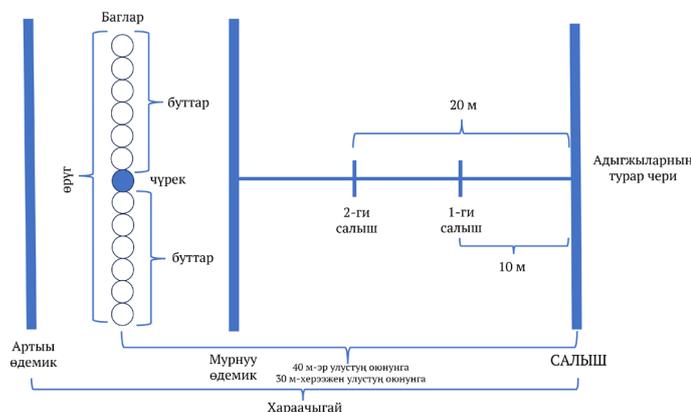

Фото 10. Схема поля при стрельбе по мишеням “баг”.

На основе рисунка брошюры «Тыва ча адар оюн: баг адар хевириниң дүрүмү». Photo 10. Diagram of the field when shooting at targets called “bag”. Based on the brochure picture “Tuvan national game of traditional archery: archery with a belt”.

¹ Ондар М. В. Тыва ча адар оюн: баг адар хевириниң дүрүмү [Тувинская национальная игра стрельбы из традиционного лука: стрельба из лука в ремень]. Кызыл, 2018. 38 с. (На тув. и русс. яз.).

² Проект «Алдын согун» [Электронный ресурс] // Центр тувинской культуры. Официальная страница ВКонтакте. 2020, 20 августа. URL: https://vk.com/tuvacenter?w=wall-64833533_8883 (дата обращения: 07.08.2023).

³ Закон Республики Тыва от 2 августа 2021 года №743-ЗРТ «О государственных наградах Республики Тыва». Статья 48, 49. [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/574831921> (дата обращения: 07.08.2023).

Участники турнира стреляют по очереди в зависимости от возраста: первым стреляет самый старший участник, а последним — самый молодой участник. Очко засчитывается, когда кожаная мишень перелетает за задний вал. Если стрела задевает и выбивает сразу 2 или 3 мишени, то стрелку присуждается 2 и 3 очка соответственно. Победитель выявляется суммой всех очков за 27 выстрелов. Максимальное количество очков может быть 27. Если количество очков у участников сравнивается, то для выявления победителя стрелки с равным количеством приглашаются на перестрелку — повторную стрельбу с целью выявить сильнейшего.

Большая часть турниров, которые проводятся в настоящее время, проводятся именно по стрельбе в ремень. Среди таких турниров и отмеченный ранее проект турнира с передвижным кубком «Алдын согун». Первый турнир проходил 21 августа 2020 г. в Барун-Хемчикском кожууне, в нем принял участие 21 участник. Наибольшее количество участников было зафиксировано в 2023 г., когда турнир проходил в Овюрском кожууне. Количество участников тогда составило 60 человек.

На праздновании Наадыма в 2022 г. в турнире приняло участие 121 участник (мужчин и женщин). Как мы видим, количество участников с каждым годом растет, популярность этого вида спорта расширяется.

Еще один вид турнира, который проходит в честь национального праздника Шагаа — стрельба из тувинского традиционного лука в мишень на традиционных лыжах *кара адары*. Данный вид стрельбы описан был описан С. И. Вайштейном (Вайнштейн, 1961: 44) и Е. Д. Прокофьевой (Прокофьева, 2011: 195). В данном виде каждый участник стартует отдельно, по одному. Участники проходят на традиционных лыжах дистанцию длиной около 2 км, с привязанным к ним грузом — свернутой шкурой барана. Посреди дистанции стрелку необходимо поразить мишень, установленную на дистанции 20 м. При определении результатов учитывается время прохождения дистанции и попадание в мишень. Если участник попадает в мишень, то дистанция сокращается, если промахивается — ему приходится пройти штрафной круг.

Турниры данного вида проводились три года подряд с 2020 по 2022 г. В среднем, количество участников составляет около 16 человек и это число пока не возрастает, так как от участников требуется не только меткость, но и в общем хорошая физическая подготовка.

В 2019 г. прошел первый турнир по стрельбе из традиционного лука верхом на лошади¹, пока называемый любительским. Данный вид турнира проходил также и в 2020 гг. Участник проходит 110 метров верхом на коне, далее он должен поразить три мишени, расположенные на расстоянии 25 метров друг от друга. Каждому лучнику дается три попытки, в каждой по 3 выстрела. Для прохождения маршрута отводится максимум 14 секунд.

Заключение

В прошлом стрельба из лука использовалась преимущественно для охоты, а также как вид традиционного троеборья. С середины XX в. в республике начал развиваться только классический вид стрельбы из лука, что привело к забвению традиционной стрельбы. Специалистам пришлось приложить серьезные усилия для возрождения традиционного вида стрельбы, восстановления традиционных технологий изготовления лука с учетом современных материалов и их адаптации, а также обучению технологиям тувинских мастеров. В настоящее время в республике уже насчитывается 13 мастеров, которые занимаются изготовлением традиционного лука. Хотя они используют современные материалы, но сам лук и стрелы сохранили свой традиционный вид.

На регулярной основе теперь проводятся турниры *баг адары* 'стрельба в ремень', *кара адары* 'стрельба в мишень на традиционных лыжах' и *аът кырындан кара адары* 'стрельба верхом на лошади'. Общее количество участников турниров составляет в среднем 40 человек.

В целом можно отметить, что тувинцы положительно приняли третий вид традиционного троеборья. Также процесс подкреплен на законодательном уровне: с 2021 г. спортсменам начали присваивать почетные звания в соответствии с законом Республики Тыва о государственных наградах.

¹ В Тыве после многолетнего перерыва пройдет Первый любительский турнир по стрельбе из традиционного лука [Электронный ресурс] // News. 2019, 31 мая. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/211528825> (дата обращения: 13.09.2023).

Благодарности

Автор выражает благодарность Эдуарду Валерьевичу Дамдыну, художественному руководителю фольклорно-этнографического ансамбля «Тыва», Народному хоомейжи РТ, мастеру народных художественных промыслов; Игорю Михайловичу Кошкендею, директору ЦРТТКР, Народному хоомейжи РТ, обладателю премии Правительства Российской Федерации «Душа России», Менги Васильевне Ондар, заместителю директора ЦРТТКР, кандидату филологических наук; Андрею Алдын-ооловичу Монгушу, Народному Хоомейжи РТ, Заслуженному артисту РТ, обладателю Государственной премии Главы РТ «Гордость Тувинского народа», Артышу Борбак-ооловичу Монгушу, мастеру народных художественных промыслов, обладателю звания «Шагаа Мергени»; Шончалай Валерьевне Чолдак-оол, научному сотруднику ЦРТТКР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акматов, К. Т. (2016) О способе натягивания тетивы лука у средневековых кочевников Средней и Центральной Азии // Вестник Новосибирского государственного университета. № 7. Т. 15. Серия: История. Филология. С. 129-139.

Анучин, Д. Н. (1887) Лук и стрелы. Археолого-этнографический очерк. М. : Типография А. И. Мамонтова и К°. 76 с.

Вайнштейн, С. И. (1961) Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М. : Издательство восточной литературы. 218 с.

Васильев, Ф. Ф. (1995) Военное дело якутов. Якутск : Нац. кн. изд-во «Бичик». 224 с.

Гасков, А. В., Мендот, И. Э., Ондар, О. Ч. (2012) История стрельбы из лука как средства физической культуры тувинцев // Вестник Бурятского государственного университета. № 13. С. 60–65.

Горелик, М. В. (1993) Оружие Древнего Востока, IV тысячелетие — IV в. до н. э. М. : Наука. 349 с.

Грумм-Гржимайло, Г. Е. (1926) Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 3. Антропологический и этнографический очерк этих стран. Ленинград : Типография главного ботанического сада. 424 с.

Даржа, В. К. (2007) Тайны мировоззрения тувинцев-номадов. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 256 с.

Даржа, В. К. (2013) Традиционные мужские занятия тувинцев. Кызыл : Тувинское книжное издательство. Т. I. Хозяйство. Охота. Рыбалка. 592 с.

Жамбалов, С. Г. (1991) Традиционная охота бурят. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение. 175 с.

Майны, Ш. Б. (2013) Народные игры в традиционной праздничной культуре Тувы // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. № 4 (36). С. 87–92.

Медведев, А. Ф. (1966) Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. М. : Наука. 183 с.

Мендот, Эм. Э., Мендот, Эл. Э., Мендот, И. Э. (2014) Развитие физической культуры и спорта в Туве // Вестник Тувинского государственного университета. № 4. С. 191–198.

Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 402 с.

Прокофьева, Е. Д. (2011) Процесс национальной консолидации тувинцев. СПб. : Наука. 538 с.

Савинов, Д. Г. (1981) Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии / отв. ред. Ю. С. Худяков. Новосибирск : Наука. 200 с. С. 146–162.

Самбу, И. У. (1992) Тыва оюнар [Тувинские игры]: историко-этнографический очерк. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 112 с. (На тув. яз.).

Черненко, Е. В. (1981) Скифские лучники. Киев : Наукова думка. 178 с.

Дата поступления: 15.09.2023 г.

Дата принятия: 12.11.2023 г.

REFERENCES

Акматов, К. Т. (2016) On an arrow drawing method of medieval nomads in central and innermost Asia. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 7, vol. 15, issue Istoriia. Filologiiia, pp. 129–139. (In Russ.).

- Anuchin, D. N. (1887) *Bow and arrows. Archaeological and ethnographic essay*. Moscow, Tipografii A. I. Mamontova i K°. 76 p. (In Russ.).
- Weinstein, S. I. (1961) *Tozhu tuvans: historical and ethnographic essays*. Moscow, Nauka. 218 p. (In Russ.).
- Vasil'ev, F. F. (1995) *Military affairs of the Yakuts*. Yakutsk, Bichik Publ. 224 p. (In Russ.).
- Gas'kov, A. V., Mendot, I. E. and Ondar, O. Ch. (2012) History of archery as a means of physical culture for Tuvans. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 13, pp. 60–65. (In Russ.).
- Gorelik, M. V. (1993) *Weapons of the Ancient East, IV millennium – IV century. BCe*. Moscow, Nauka. 349 p. (In Russ.).
- Grumm-Grzhimailo, G. E. (1926) *Western Mongolia and the Uriankhai Territory*. Vol. 3. Part 1. An anthropological and ethnographical sketch of these countries by G. Grum-Grzhimailo. Leningrad, State (Russian) Geographical Society. 412 p. (In Russ.).
- Darzha, V. K. (2007) *Secrets of the Tuvan nomad worldview*. Kyzyl, Tuvan publishing house. 255 p. (In Russ.).
- Darzha, V. K. (2009) *Traditional Tuvan male pursuits*. Kyzyl, Tuvan publishing house. 592 p. (In Russ.).
- Zhambalov, S. G. (1991) *Traditional hunting of the Buryats*. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 175 p. (In Russ.).
- Mainy, Sh. B. (2013) Games in traditional folk culture holiday Tuva. *Vestnik Cheliabinskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstv*, no. 4 (36), pp. 87–92. (In Russ.)
- Medvedev, A. F. (1966) *Hand-held throwing weapons. Bow and arrows, crossbow VIII–XIV centuries*. Moscow, Nauka. 183 p. (In Russ.).
- Mendot, Em. E., Mendot, El. E. and Mendot, I. E. (2014) Development of physical culture and sports in Tuva. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4, pp. 191–198. (In Russ.)
- Potapov, L. P. (1969) *The Tuvans: sketches of the folk lifestyle and related household activities*. Moscow, Nauka, GRVL. 402 p. (In Russ.).
- Prokof'eva, E. D. (2011) *The Process of National Consolidation of the Tuvans*. St. Petersburg, Nauka. 538 p. (In Russ.).
- Savinov, D. G. (1981) New materials on the history of the compound bow and some questions of its evolution in Southern Siberia. In: *Military affairs of the ancient tribes of Siberia and Central Asia* / ed. by Yu. S. Khudiakov. Novosibirsk, Nauka. 200 p. Pp. 146–162. (In Russ.).
- Sambuu, I. U. (1992) *Tuvan games*. Kyzyl, Tuvan Book Publisher. 108 p. (In Tuv.).
- Chernenko, E. V. (1981) *Scythian archers*. Kiev, Naukova dumka. 178 p. (In Russ.).

Submission date: 15.09.2023.

Accepted date: 12.11.2023.

DOI: 10.25178/nit.2024.1.14

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЙ МИР

Статья

Когнитивно-семантические типы калмыцких пословиц

Евгений Е. Иванов

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

В статье рассматривается когнитивная семантика калмыцких пословиц с точки зрения категоризации ее отношения к действительности, которая отражается в пословичной картине мира в эмпирическом, аксиологическом, онтологическом и логическом аспектах. Материалом исследования послужили 312 пословиц из сборника В. Л. Котвича «Калмыцкие загадки и пословицы» (1905).

Установлено, что калмыцкие пословицы в соответствии с различными аспектами отношения их содержания к действительности разграничиваются на когнитивно-семантические категории (типы пословиц): номологические и сентенциональные (эмпирический аспект), трюистические и грегерические (аксиологический аспект), парадоксальные (логический аспект), абсурдные (онтологический аспект). Пословицы разных когнитивно-семантических типов имеют разную количественную представленность (зафиксировано больше всего сентенциональных, меньше всего абсурдных), несходную логико-семантическую структуру (логически и/или семантически детерминированы чаще абсурдные и парадоксальные, реже — все остальные), различную по сложности понятийно-образную организацию (наиболее осложнены трюистические, парадоксальные и абсурдные, наименее — номологические), неодинаковую степень этнокультурной обусловленности (маркированы чаще сентенциональные и абсурдные, реже — номологические и трюистические).

Ключевые слова: паремиология; пословица; калмыцкий язык; когнитивная семантика; категоризация действительности; когнитивно-семантический тип пословицы; этнокультурная семантика

Исследование выполнено благодаря Системе грантовой поддержки научных проектов РУДН, научный проект D.2-F/S2022 (Российская Федерация).

Для цитирования:

Иванов Е. Е. Когнитивно-семантические типы калмыцких пословиц // Новые исследования Тувы. 2024, № 1. С. 213-229. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.14>

Иванов Евгений Евгеньевич — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: ivanov-rudn@mail.ru

IVANOV, Eugene Eugenevich, Doctor of Philology, Professor, Leading Research Fellow, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University. Postal address: 6 Miklouho-Maclay St., 117198, Moscow, Russian Federation. Email: ivanov-rudn@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-6451-8111

Cognitive-semantic types of Kalmyk proverbs

Eu. Eu. Ivanov

RUDN University, Russian Federation

The article explores the cognitive semantics of Kalmyk proverbs from the perspective of categorizing their relationship to reality, as reflected in the proverbial worldview across empirical, axiological, ontological, and logical aspects. The research material consists of 312 proverbs from V. L. Kotvich's collection "Kalmyk Riddles and Proverbs" (1905).

It is established that Kalmyk proverbs, in accordance with various aspects of their content's relation to reality, are differentiated into cognitive-semantic categories (types of proverbs): nomological and sentential (empirical aspect), truistic and gregarious (axiological aspect), paradoxical (logical aspect), and absurd (ontological aspect). Proverbs of different cognitive-semantic types exhibit varying quantitative representation (sentential ones being the most frequent and absurd ones the least), diverse logical-semantic structure (absurd and paradoxical proverbs more frequently determined logically and/or semantically, while others less so), varying conceptual-imagistic organization in terms of complexity (truistic, paradoxical, and absurd proverbs being the most intricate, while nomological ones are the least), and different degrees of ethno-cultural conditioning (sentential and absurd proverbs being more marked, while nomological and truistic ones are less so).

Keywords: paremiology; proverb; Kalmyk language; cognitive semantics; categorization of reality; cognitive-semantic type of proverb; ethno-cultural semantics

Financing

The research was carried out thanks to the Grant Support System for Scientific Projects of the RUDN University, scientific project D.2-F/S2022 (Russian Federation).

For citation:

Ivanov Eu. Eu. Cognitive-semantic types of Kalmyk proverbs. *New Research of Tuva*, 2024, no. 1, pp. 213-229. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.14>

Введение

Одной из наиболее актуальных проблем изучения пословиц как единиц языка и речи является релевантное описание их плана содержания, в частности пословичной семантики, которая до сих пор не имеет однозначной трактовки в современном языкознании. Именно отсутствие адекватного лингвистического описания семантики пословиц послужили причиной их квалификации как «паралингвистических единиц, значение которых формируется за пределами собственно языковой структуры» (Общее языкознание: ..., 1972: 512).

Показательным в этой связи является то, что семантика пословиц, как правило, не рассматривается в рамках лингвистических теорий идиоматичности. Так, в последней наиболее авторитетной монографии по общей фразеологии рассмотрению пословичной семантики отведено две страницы, где пословицы прямо противопоставляются идиомам (Баранов, Добровольский, 2008: 69–70). А в монографии по основам общей теории идиоматики пословичной семантике посвящено всего восемь строк (Савицкий, 2006: 115).

Вместе с тем новейшие исследования пословиц, в том числе на материале тувинского языка, показывают, что от правильной интерпретации пословичной семантики непосредственно зависит не

только глубина, но также объективность описания пословиц как предмета лингвистического анализа (Бочина, 2022; Иванов, Марфина, Шкуран, 2022; Колесникова, 2022), лингвокультурологии (Болат-оол, Пелевина, 2017; Егорова, Кондакова, Кужугет, 2020; Иванов, Ломакина, Петрушевская, 2021; Бредис и др., 2022; Селиверстова, 2022), лингвоаксиологии (Бредис, Иванов, 2021; Ломакина, 2022; Нелюбова, 2022), этнолингвистики (Кужугет и др., 2019; Зиновьева, Алёшин, 2022, 2023; Николаева и др., 2023; Сувандии, 2023), сопоставительного языкознания (Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021; Петрушевская, 2022ab), лингвистической типологии (Петрушевская, 2023), теории и практики перевода (Бредис, Иванов, 2022b), двуязычной и полилингвальной лексикографии (Бредис и др., 2021; Бредис, Иванов, 2022a; Иванов, 2023a).

Калмыцкие пословицы достаточно широко исследуются в семантическом плане. Так, основное внимание уделяется изучению их идейно-тематического содержания (Оконов, 1973), их образной семантики (Борлыкова, Меньев, Басанова, 2022), собственно лингвистического аспекта пословичного значения, что реализовано в рамках толкового словаря калмыцких пословиц (Хальмг үлгүрмүдин ..., 2011), аксиологического потенциала пословичной семантики (Горяева, 2014; Менкенова, Баринаова, Салькова, 2020), отражения гендерных стереотипов в содержании пословиц (Бяряева, 2014), в том числе на фоне иных лингвокультур (Есенова Т., Есенова Г., 2016; Очирова, Омакаева, 2022) и др. Заметный интерес вызывает также изучение семантики отдельных лексических компонентов пословиц в проекции на этноязыковую картину мира калмыков, в частности зоонимов (Ванькаева, Каруева, Омакаева, 2019), в том числе в сопоставлении с другими лингвокультурами (Чеджиева, Никитина, 2008; Утунашэн, Кичикова, 2016).

Одним из наиболее перспективных в изучении пословичной семантики является когнитивный подход, который позволяет выявлять представленность плана содержания пословиц в сознании носителей языка, реконструировать на этом основании пословичную картину мира и последовательно соотносить ее с реальной действительностью под различными углами зрения и в различных когнитивно-, семантически и прагматически значимых аспектах (Иванова, 2002, 2006; Семененко, 2011; Абакумова, 2013).

Однако лишь единичные исследования посвящены лингвокогнитивному описанию семантики калмыцких пословиц на фоне иных языков (Чеджиева, Очирова, Мучкаева, 2020; Чеджиева и др., 2022)¹. Проблемы категоризации пословичной семантики в когнитивном аспекте (по характеру отношения к действительности) никогда ранее не рассматривались на материале калмыцкого языка.

Цель исследования — описать когнитивно-семантические категории (типы) калмыцких пословиц по их отношению к действительности в эмпирическом, аксиологическом, онтологическом и логическом аспектах.

Фактическим материалом для исследования послужили 312 калмыцких пословиц, зафиксированные в сборнике В. Л. Котвича «Калмыцкие загадки и пословицы» (1905)². Выбор именно данного сборника в качестве источника фактического материала обусловлен тем, что в нем представлен аутентичный материал, достаточно полно и цельно отражающий этническую картину мира калмыцкого народа до периода его массовой русификации во времена СССР (предварительный анализ собрания пословиц В. Л. Котвича показал минимальное количество русскоязычных пословичных заимствований и влияний). Большая часть калмыцких паремий в сборнике записаны «ясным письмом» (системой письменности, созданной в середине XVII в. на основе старомонгольского письма), которая перестала использоваться после 1920-х гг., поэтому в данной статье пословицы из этого сборника приводятся для удобства восприятия в форме буквальная передачи их содержания на русском языке, сделанного составителем.

Методологической основой исследования послужили представленные в новейших исследованиях основные положения семантической теории пословиц как фразовых текстов (Паремииология ... , 2020, 2021) и как языковых (афористических) единиц (Иванов, 2019ab, 2020, 2022cd), а также авторская

¹ Также см.: Голубева Е. В. Базовый концепт «дом» в пословицах // Молодой ученый. 2009. № 12(12). С. 235–236; Голубева Е. В. Отражение наивной картины мира в калмыцких и якутских пословицах // Молодой ученый. 2013. № 12(59). С. 843–846.

² Котвич В. Л. Калмыцкие загадки и пословицы. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1905. (Далее в тексте при ссылке на данное издание используется сокращение с указанием принятого в нем порядкового номера пословицы — КЗП).

методика категоризации семантики афористических устойчивых фраз (литературных афоризмов, паремий и др.) по ее отношению к действительности (Иванов, 2003, 2004), апробированная на материале пословиц разных языков (Иванов, 2023b; Иванов, 2023), в том числе тувинского языка (Иванов, 2022ab; Ершов, Иванов, Ломакина, 2022; Иванов, Комова, Нелюбова, 2022; Иванов, Гишкаева, 2023).

Когнитивно-семантические категории пословиц

Когнитивно-семантическая категоризация пословиц предполагает их дифференциацию по критерию отношения их содержания к действительности в соответствии с тем, как это отношение представлено в сознании носителей языка. Как показал когнитивно-семантический анализ тувинских пословиц, отношение к действительности в пословичной картине мира может иметь четыре аспекта: «эмпирический» и «аксиологический» (Иванов, 2022a), «логический» и «онтологический» (Иванов, 2022b). Эмпирический и аксиологический аспекты отношения к окружающему миру манифестируют его в пословицах как объект, соответственно, познания и оценки, а логический и онтологический аспекты — как объект верификации. Конечно, не стоит исключать и иные аспекты, однако только выделенные четыре можно считать основными, поскольку именно они позволяют наиболее полно репрезентировать все многообразие представлений об отношении пословиц к действительности, закодированных в пословичной семантике, «выявить характер их отношения к окружающему миру как объекту познания, оценки, верификации» (Иванов, 2023b: 738).

Когнитивно-семантический анализ пословиц тувинского и других языков показал, что каждый из указанных аспектов отношения пословичной семантики к действительности реализуется в определенных когнитивно-семантических категориях (типах) пословиц, строго упорядоченных в языковом сознании и образующих отдельную подсистему в парадигматической организации плана содержания единиц пословичного фонда каждого языка.

На этом основании в тувинском языке было выделено и описано шесть когнитивно-семантических категорий (типов) пословиц. Их них четыре типа не противоречат действительности: «номологические» и «сентенциальные» (в эмпирическом аспекте), «трюистические» и «грегерические» (в аксиологическом аспекте) (Иванов, 2022a). В свою очередь, два типа пословиц противоречат действительности: «парадоксальные» (в логическом аспекте) и «абсурдные» (в онтологическом аспекте) (Иванов, 2022b).

Исследование калмыцких пословиц показало, что в них представлены все аспекты провербиальной категоризации действительности, в соответствии с которыми пословичная семантика дифференцируется на когнитивно значимые категории: номологическая и сентенциальная (в эмпирическом аспекте), трюистическая и грегерическая (в аксиологическом аспекте), парадоксальная (в логическом аспекте) и абсурдная (в онтологическом аспекте).

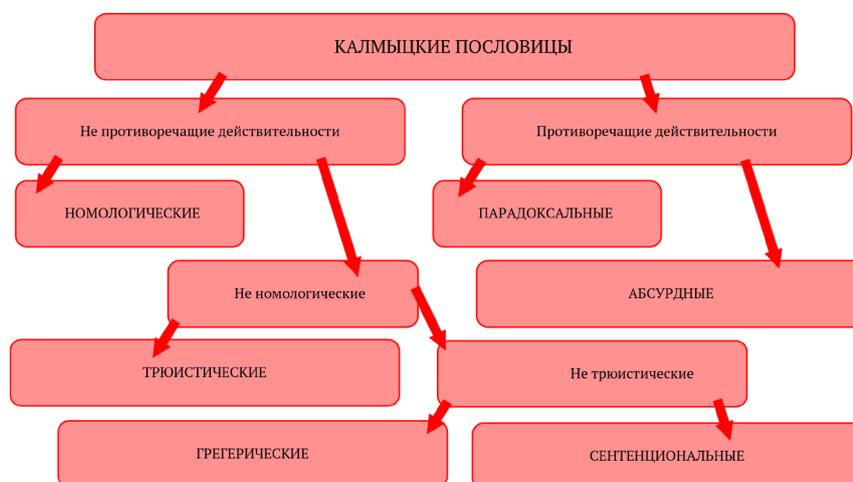

Рис. 1. Когнитивно-семантические категории (типы) пословиц калмыцкого языка по отношению их содержания к действительности.

Fig. 1. Cognitive-semantic categories (types) of Kalmyk proverbs in relation to their content and reality.

Каждый их выделенных когнитивно-семантических типов калмыцких пословиц имеет разную количественную представленность, а также целый ряд качественных особенностей, обусловленных как структурно-семантическими свойствами пословиц в калмыцком языке (их логико-семантической структурой, понятийно-образной организацией), так и лингвокультурной и этнокультурной спецификой пословичной картины мира калмыков, отражающей этнический менталитет, мировосприятие, культуру, историческое прошлое, традиционный уклад жизни и ценностные доминанты калмыцкого народа.

Номологические пословицы

Понятие «номологический» (от греч. *nomos* ‘закон’) означает ‘связанный с общими законами природы и общества’. Поэтому такие пословицы, в которых отражаются законы действительности (взаимосвязи и взаимовлияния предметов, признаков, явлений, необходимо существующие и регулярно выполняющиеся безотносительно воли и желания человека), целесообразно квалифицировать как номологические.

Номологические по семантике калмыцкие пословицы немногочисленны и составляют свыше 9,3% от всех проанализированных единиц (т. е. почти каждая десятая пословица обладает номологическим содержанием либо полностью, либо частично — только одна из ее композиционных частей).

В номологических по семантике калмыцких пословицах представлены самые разнообразные эмпирически проверенные проявления закономерного упорядочивания и взаимосвязи предметов и явлений природной среды, реалий социальной действительности и существования человека. Напр.:

‘Верхом на теленке не доедешь до кочевья; читая сказки, не сделаешься ученым’ (КЗП: 19);

‘Как бы ни был свиреп бык, но он был теленком у привязи’ (КЗП: 69);

‘На телеге нельзя догнать зайца’ (КЗП: 288);

‘Хорошие качества лошади узнают при езде, хорошие качества серебра узнают при плавке’ (КЗП: 194);

‘Чем больше плавить золото, тем больший появляется блеск, медь же теряет блеск’ (КЗП: 196) и т. п.

Часто номологической по своей семантике является только одна из двух композиционных частей в двухчастных калмыцких пословицах.

Первая композиционная часть с номологической семантикой в пословице выражает эмпирически полученное и опробованное знание о действительности (которому безусловно необходимо доверять) и предназначена для придания аналогичного качества содержанию второй части, заключающей в себе ту или иную мораль (чем достигается прагматический эффект убедительности всего содержания двухчастной пословицы в целом). Напр.:

‘На обрыв, обращенный к северу, не падают солнечные лучи; на злонамеренного человека не падает свет от Бога’ (КЗП: 16);

‘Хорошая медь не ржавеет, племянник и дядя (по матери) не забывают друг друга’ (КЗП: 86);

‘От рождения дурного нельзя научить; заблудившегося дурного нельзя докликаться’ (КЗП: 11);

‘Рыба собирается, где хорошая тина; люди — где хорошие нравы’ (КЗП: 10) и т. п.

В большинстве случаев вторая композиционная часть с номологической семантикой выступает главной в содержательном плане, несет в себе основную дидактическую нагрузку в двухчастных пословицах, обладающих как правило, общим иносказательным смыслом. Напр.:

‘Отправившийся на ногах приходит; придавленный лопатой (похороненный) не приходит’ (КЗП: 157);

‘После полудня не бывает жары, после смерти не бывает радости’ (КЗП: 155) и т. п.

Формально вторая композиционная часть с номологической семантикой находится в риторически слабой позиции, однако всегда выступает в качестве надежного эмпирического обоснования достоверности пословичной морали, заключенной в первой части двухчастной пословицы. Напр.:

‘Мужчина раз ошибается, обрыв раз обрушивается’ (КЗП: 55);

‘Совершенное деяние имеет тяготение к хозяину (действующему лицу), а вода покатоности стремится в лощину’ (КЗП: 129) и т. п.

Калмыцкие пословицы с номологической семантикой, как можно видеть, в большинстве своем этнокультурно не маркированы (в единичных лексических компонентах отражаются этнокультурные реалии), однако репрезентируют избирательный характер пословичной картины мира калмыков в познании и эмпирическом отражении закономерностей действительности, действующих в природе и обществе.

Трюистические пословицы

Понятие «трюизм» (от англ. *truism*) означает 'суждение, которое настолько очевидно, что его истинность не подвергается сомнению'. Поэтому пословицы, в которых содержатся самоочевидные, стереотипные, банальные, «избитые» истины, квалифицируются как трюистические.

Трюистические пословицы одни из самых малочисленных в калмыцком языке и составляют около 8,7% от общего количества проанализированных единиц (т. е. каждая двенадцатая калмыцкая пословица обладает трюистической семантикой либо полностью, либо частично — только одна из ее композиционных частей).

В пословицах с трюистической семантикой выражаются общеизвестные, очевидные и стереотипные связи между объектами действительности. Напр.:

'Небо далеко, земля тверда' (КЗП: 304);

'Против вши не обнажают меча' (КЗП: 227);

'Упавший на землю встает, опираясь на землю' (КЗП: 191);

'У палки два конца' (КЗП: 292) и т. п.

Одним из формальных средств выражения в пословицах трюистической семантики является широкое употребление единиц основного лексического фонда языка, значения которых в своей совокупности образуют семантическую базу для когнитивной категоризации действительности в языковой картине мира (ср.: 'небо', 'земля', 'далекий', 'твердый', 'упасть', 'встать', 'два', 'конец' и т. п.).

Трюистическая семантика свойственна также и двухчастным калмыцким пословицам, в которых либо обе части, либо преимущественно только первая часть являются трюизмами. Напр.:

'Если говорит, являются слова; если рубят, щепки летят' (КЗП: 167);

'Раз обе ноги (седока) не достигают земли, значит — средство передвижения; раз прошло через горло — пища' (КЗП: 232);

'Чтобы пить, воды наливают; чтобы ехать, камень седлают' (КЗП: 280) и т. п.

В тех немногих случаях, когда в двухчастной пословице трюистическая семантика свойственна только второй композиционной части, использование трюизма предназначено для оценки содержания первой части, которая с его помощью опровергается, подтверждается, доказывается и т. д. Напр.:

'Как бы коренные зубы у жующего ни были остры, глотка у глотающего мягка' (КЗП: 246);

'Человек — помощью, птица — крыльями (живет)' (КЗП: 250);

'Нельзя постоянно говорить на том основании, что под носом находится рот' (КЗП: 160) и под.

Пословицы с трюистической семантикой всегда обладают переносным значением, поскольку в своем прямом смысле (как собственно трюизмы) сразу утрачивают эпистемологическую значимость, свойственную пословицам как фольклорному жанру и как фразовым единицам языка, что еще раз подтверждает отсутствие у трюизмов дискурсивной самостоятельности.

Однако в составе двухчастных калмыцких пословиц трюизмы нередко используются в прямом значении, но в теснейшей смысловой связи с другой композиционной частью (не трюистической) в качестве ее дополнения в разных риторических функциях (противопоставления, аргумента, сравнения, усиления, иллюстрации и др.).

Калмыцкие пословицы с трюистической семантикой (как и пословицы с номологической семантикой) не являются этнокультурно маркированными (не имеют в своем составе лексических компонентов, отражающих этнокультурные реалии), но своим составом репрезентируют ту часть пословичной картины мира калмыков, которая предназначена отражать базовые, опорные представления о действительности, критично необходимые для восприятия и осмысления человеком самого себя и всего того, что его окружает в реальном мире.

Грегерические пословицы

Понятие «грегерия» (от исп. *gregeria*) означает ‘изречение, нацеленное на изображение мелких сторон жизни’ и было предложено (как и сам термин) в середине XX в. испанским писателем Рамоном Гомесом де ла Серна, который создал и так назвал новый жанр таких литературных изречений, содержание которых, в отличие от афоризмов, не предназначено для отображения важных, значимых, глобальных проблем бытия человека и природы. Поэтому пословицы, в которых выражаются частные и малозначимые стороны жизни, целесообразно квалифицировать как грегерические.

Грегерические пословицы довольно многочисленны и составляют 17,5% от всех проанализированных единиц (т. е. каждая шестая калмыцкая пословица обладает грегерической семантикой либо полностью, либо частично — только одна из ее композиционных частей).

Грегерические пословицы в калмыцком языке отображают конкретные типичные ситуации действительности в рамках трех когнитивно-семантически значимых количественно неравновесных предметных сфер.

1. События с участием человека (чаще), когда тот или иной обыденный случай, в котором участвует тот или иной пословичный персонаж, те или иные его повседневные действия или поступки, расцениваются как заслуживающие внимание в проекции на более значимые случаи, действия, поступки. Напр.:

‘Если руки запачкал, то и рукав запачкает’ (КЗП: 177);

‘У горбатого постель приспособлена к его телу’ (КЗП: 206);

‘Молитву Мани не считают молитвою; низкой лошади не считают средством передвижения’ (КЗП: 231);

‘Овцы не считают скотиною; хормн [‘персик’] — не считают кушаньем’ (КЗП: 233);

‘Бей (кнутом) лошадь, пока она бежит’ (КЗП: 263);

‘Отнимай мясо, когда подавился (другой)’ (КЗП: 264);

‘Человек, едущий верхом на чужой лошади, стоит на стремях при езде рысью’ (КЗП: 269);

‘Короткой веревки не хватает для завязки’ (КЗП: 275);

‘Раз шея поднимает, то (иметь) большую голову хорошо; малые ноги хороши, раз они поднимают туловище’ (КЗП: 276);

2. События без участия человека (реже), когда преимущественно объектом наблюдения являются домашние и дикие животные, их повадки, видотипичное поведение, различные качества. Напр.:

‘Кость, попавшая в пасть собаки, не выходит целой’ (КЗП: 183);

‘Как ни прыгает лягушка, она все в своей луже’ (КЗП: 243);

‘Лошадь, павшая от сибирской язвы, — добыча для собаки’ (КЗП: 253);

‘Для бега кобыла быстра; когда сила нужна, жеребец быстр; на короткое время 2-годовалый жеребенок быстр’ (КЗП: 262);

‘Если собака раз поскользнется, она поскользнется и сто раз’ (КЗП: 271);

‘Для плохой лошади туча в тягость’ (КЗП: 276);

‘Незаметен огонь, находящийся под золою’ (КЗП: 285);

‘Позже появившиеся рога (вырастают) больше раньше появившихся ушей’ (КЗП: 309) и т.п.

3. События без участия человека, которые тем не менее оказывают на него прямое либо косвенное влияние тем или иным образом (совсем редко). Напр.:

‘Когда два орла борются, перья для стрелка’ (КЗП: 254);

‘Лисица для следа, водка для приятеля’ (КЗП: 307);

‘Хозяин верблюда, упавшего в грязь, трудится больше (других)’ (КЗП: 272) и т. п.

Грегерическое содержание может иметь только одна из композиционных частей двухчастных калмыцких пословиц, как правило, первая. Напр.:

‘У иноходца нет жира, у беспутного нет спокойствия’ (КЗП: 164);

‘После полудня не бывает жары, после смерти не бывает радости’ (КЗП: 155);

‘Рана от плети заживает, рана от языка не изглаживается’ (КЗП: 163);

‘Голове приятно в хорошо прилаженной шапке; сердцу приятны правильные речи’ (КЗП: 164) и т. п. В единичных случаях грегерической является вторая композиционная часть пословицы. Напр.:

‘Хорошие речи хороши, даже если исходят от служанки; приятный запах приятен, даже если исходит от мыши’ (КЗП: 168) и т. п.

Композиционная часть с грегерической семантикой выполняет в составе двухчастной пословицы функцию сравнения по аналогии, которое призвано с помощью либо отождествления, либо противопоставления с содержанием другой композиционной части усилить прагматический эффект воздействия содержания всей пословицы на адресата.

Грегерические пословицы, как можно видеть, характеризуются достаточно редкой, но весьма яркой этнокультурной маркированностью (употреблением компонентов, отражающих этнокультурные реалии, например, ‘молитва Мани’, ‘персик’ и под.). Вместе с тем в грегерических пословицах наиболее значимы в этнокультурном плане их прототипы (образцы типичных ситуаций жизни), в которых широко и разнообразно отражены реалии повседневного быта и традиционного уклада жизни калмыцкого народа.

Сентенциальные пословицы

Понятие «сентенция» (от лат. *sententia*, буквально ‘мнение, суждение’) означает ‘нравоучительное или поучительное изречение’. Поэтому пословицы, содержание которых характеризуется морализаторством или дидактичностью и обладает значимостью как в эпистемологическом, так и в эмпирическом плане, квалифицируются как сентенциальные.

Сентенциальные по семантике пословицы в калмыцком языке наиболее многочисленны и составляют 46,9% от всех проанализированных единиц (т. е. почти каждая вторая калмыцкая пословица обладает сентенциальным содержанием полностью либо частично — только одна из ее композиционных частей).

Сентенциальные пословицы с точки зрения своего соотношения с типичными ситуациями действительности разграничиваются на две основные количественно неравновесные предметные сферы.

1. Антропоцентрические по содержанию сентенциальные пословицы (подавляющее большинство), которые отражают типичные ситуации в мире людей и имеют, как правило, прямое общее значение. Напр.:

‘Человека узнают по тому, что его окружает’ (КЗП: 1);

‘Дурной человек говорит о том, что он пил и ел; а хороший — о том, что он видел и слышал’ (КЗП: 7);

‘Думающий о будущем — умен, чинящий дырявое — мастер’ (КЗП: 23);

‘Умный раз отведывает, глупый отведывает дважды’ (КЗП: 26);

‘Не меткий человек сваливает вину на свои рукава’ (КЗП: 40);

‘Если боек, найдется пища; если скор, найдется подвода’ (КЗП: 43);

‘Юноша, не имеющий отца, — распутен; девушка, не имеющая матери, — распутна’ (КЗП: 82);

‘Хорошая жена — украшение дома, плохая жена — враг дома’ (КЗП: 98);

‘Мать астролога в аду, мать врача в раю’ (КЗП: 114);

‘Если скуп в кушаньях, друзья далеко’ (КЗП: 123);

‘Много говорить — нет толку, мало говорить — мудро’ (КЗП: 159);

‘Просить дурно; просимого не дать еще хуже’ (КЗП: 249);

‘Вор не считается человеком’ (КЗП: 257);

‘Пьяного бешеный боится’ (КЗП: 284);

‘Ночлежник выбирает (хозяина), вор пренебрегает (хозяином)’ (КЗП: 306) и т. п.

2. Натуралистические по содержанию сентенциальные пословицы (заметное меньшинство), которые отражают типичные ситуации вне мира людей (в живой и неживой природе) и имеют, как правило, переносное значение. Напр.:

- ‘Вблизи сажи — сажа, вблизи жира — жир’ (КЗП: 2);
 ‘Ворона чистит с себя грязь о землю’ (КЗП: 192);
 ‘Золото не закрывается пылью’ (КЗП: 197);
 ‘Бодливой корове не дано рогов’ (КЗП: 199);
 ‘В стеклянном сосуде нет грязи’ (КЗП: 211);
 ‘Муравей мал, а гору копает’ (КЗП: 219);
 ‘Для океана и капля — прибавление’ (КЗП: 220);
 ‘Как дерево ни крепко, но оно раз согнется под тяжестью своих плодов’ (КЗП: 238);
 ‘Чем упрямый бык, лучше смелый барсук’ (КЗП: 300) и т. п.

Следует отметить, что антропоцентрическая и натуралистическая сферы действительности самым тесным образом связаны между собой в калмыцких пословицах с сентенциональной семантикой.

В частности, образность в сентенциональных калмыцких пословицах с антропоцентрическим содержанием имеет, как правило, натуралистический (преимущественно анималистический) характер. Напр.:

- ‘Дурной человек — чурбан, хороший человек — иноходец’ (КЗП: 5);
 ‘Если дурной человек заупрямится, он хуже коровы’ (КЗП: 12);
 ‘Чем родить дурного сына, лучше (иметь) корову с теленком’ (КЗП: 13);
 ‘Хороший мужчина, попавший под суд, то же, что белая лошадь, упавшая в грязь’ (КЗП: 54);
 ‘Плохой врач и плохой бык разносят заразу’ (КЗП: 116);
 ‘Начало ссоры — кровь, начало мира — масло’ (КЗП: 126);
 ‘У счастливого человека — жеребая кляча’ (КЗП: 133);
 ‘Человек, не имеющий ни юрты ни скота, хуже (бродячего) пса’ (КЗП: 140);
 ‘Лицо мертвого — как зола, лицо живого — как золото’ (КЗП: 156);
 ‘Чем счастье (богатство), превращающееся в пыль, лучше священное учение, от которого протекает масло (материальные выгоды)’ (КЗП: 308) и т. п.

В двухчастных сентенциональных пословицах одна композиционная часть может быть антропоцентрического содержания, а другая — натуралистического, при этом они выступают как равноправные (выражают одинаково содержательно значимые в рамках традиционного уклада жизни типичные ситуации). Напр.:

- ‘Будет ли человеком, (видно) с детства, будет ли хорошею лошадыю, (видно) по жеребенку’ (КЗП: 4);
 ‘Гнев мучает тело (человека), гора мучает лошадь’ (КЗП: 45);
 ‘Зарубки на дереве не изглаживаются, сказанное слово не забывается’ (КЗП: 169) и т. п.

В качестве содержательно доминантной в двухчастных калмыцких пословицах выступает, как правило, та композиционная часть, которая выражает антропоцентрическую типичную ситуацию (в то время как часть, выражающая натуралистическую типичную ситуацию, используется только в качестве дополнительной для сравнения по аналогии или для подтверждения сказанного о человеке по модели «что в мире природы, то и в мире людей»). Напр.:

- ‘После дождя солнце жгуче, после лжи стыд жгуч’ (КЗП: 34);
 ‘От мужчины дело не отстанет, от горы туча не уйдет’ (КЗП: 51);
 ‘Бело-синяя туча — зачинщица бури, бледно-белая женщина — зачинщица ссор в хотоне¹’ (КЗП: 99);
 ‘Очень красивый цвет линяет, искренний друг меняется (отдаляется)’ (КЗП: 121);
 ‘Конец ветра — буря, конец забавы — ссора’ (КЗП: 125);
 ‘Если слова противоположны — ссора; если тучи идут против (ветра) — буря’ (КЗП: 161) и т. п.

¹ Хотон (калм. хотн) — село, деревня, см.: Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 601.

Лишь в единичных случаях в двухчастных пословицах содержательно доминантной выступает композиционная часть, в которой антропоцентрическая типичная ситуация выражается с помощью натуралистических образов. Напр.:

‘Если думать о страдании, грудь наполняется (печалью); если варить тощее мясо, котел (все-таки) будет полон’ (КЗП: 149) и т. п.

Большинство сентенциональных пословиц этнокультурно маркированы как лексическими компонентами (обозначающими этнокультурные реалии и лингвокультурные концепты), так и своими прототипами (отражающими основы мировоззрения и нравственных принципов традиционного социума). Благодаря этому пословицы с сентенциональной семантикой занимают центральное место в составе не противоречащих действительности единиц пословичного фонда, которые логически либо онтологически противопоставлены противоречащим действительности пословицам.

Парадоксальные пословицы

Понятие «парадокс» (от греч. *пара* ‘против, вопреки’ и *δόξα* ‘мнение; представление; предположение’) означает в узком смысле (в рамках формальной логики) ‘противоречие, которое возникает в процессе логического мышления’, а в широком смысле ‘всякое суждение, которое противоречит общественному мнению либо здравому смыслу’. Поэтому пословицы, которые противоречат по своему содержанию действительности в рамках ее рационального осмысления, квалифицируются как парадоксальные.

Парадоксальные по семантике калмыцкие пословицы немногочисленны и составляют 11,2% от всех проанализированных единиц (т. е. каждая девятая калмыцкая пословица обладает парадоксальным содержанием либо полностью, либо частично — только одна из ее композиционных частей).

Противоречие содержания парадоксальных пословиц действительности реализуется в одной из трех возможных когнитивных моделей парадокса.

1. Эпистемологический парадокс, возникающий в результате намеренного искажения типичных ситуаций действительности и порождения таких ситуаций, существование которых невозможно. Напр.:

‘При отсутствии собаки лает (и) свинья’ (КЗП: 237), где парадоксальная семантика обусловлена тем, что свинье приписывается способность собаки лаять (а также связанное с данной способностью полезное качество собаки охранять жилище и имущество человека, а равно и бесполезное качество собаки лаять только для выражения своего эмоционального состояния) и т. п.;

2. Семантический парадокс, возникающий в случае двойственного смысла одного из лексических компонентов пословицы, в результате чего порождается ситуация, которая воспринимается как не-реальная. Напр.:

‘Вор не считается человеком’ (КЗП: 257), где парадоксальная семантика возникает только в случае интерпретации лексического компонента «человек» только в значении как ‘живое существо’ (парадокс нейтрализуется в случае актуализации для компонента «человек» значения ‘личность как воплощение высоких моральных качеств’) и т. п.;

3. Логический парадокс, возникающий в результате опущения одной из композиционных или предикативных частей пословицы, обеспечивающей истинность ее содержания (соответственно, в случае отсутствия данной части содержание пословицы осмысливается как ложное). Напр.:

‘Лучше цепь, чем собака’ (КЗП: 297), где парадоксальная семантика порождается только в усеченной форме пословицы и нейтрализуется в полной форме (ср.: ‘Лучше цепь, чем собака: собака умрет, а цепь останется’) и т. п.

Парадоксальные пословицы в калмыцком языке, как можно видеть, крайне редко характеризуются этнокультурной спецификой лексических компонентов, однако своими прототипами репрезентируют в аномальной логической форме те фрагменты действительности, которые являются значимыми в пословичной картине мира калмыков.

Абсурдные пословицы

Понятие «абсурд» (от лат. *absurdus* ‘нестройный, нелепый’) означает ‘что-либо бессмысленное, нелогичное’. Поэтому пословицы, содержание которых не может быть истолковано в рамках рационального осмысления действительности, целесообразно квалифицировать как абсурдные.

Абсурдные пословицы самые малочисленные в калмыцком языке и составляют 6,4% от всех проанализированных единиц (т. е. каждая шестнадцатая калмыцкая пословица имеет абсурдную семантику либо полностью, либо частично — только одна из ее композиционных частей).

В абсурдных пословицах невозможно интерпретировать их содержание ни как истинное, ни как ложное, поэтому оно находится за рамками логического мышления. Напр.:

‘Для сына астролога не остается места мочиться’ (КЗП: 113);

‘При слухе о свадьбе катятся сухие (пустые) головы’ (КЗП: 188);

‘Чем пестрота мерина, лучше пестрота чаши’ (КЗП: 298) и т. п.

Абсурдное содержание может иметь и только одна из композиционных частей двухчастных калмыцких пословиц, как правило, вторая. Напр.:

‘Беспутный не знает спокойствия, горькое не замерзает’ (КЗП: 41), где бессмыслица в том, что ‘Горькое не замерзает’ (?!);

‘Не умирает тот, о котором говорить, что умрет; умирает имеющий лисью шубу’ (КЗП: 150), где абсурдно утверждение, что ‘Умирает имеющий лисью шубу’ (?!) и т. п.

В ряде случаев первая композиционная часть двухчастной калмыцкой пословицы является объяснением смысла второй композиционной части, которая без такого объяснения воспринимается как абсурдная. Напр.:

‘Умный во время учения мучится; сидя спокойно, не сделаешься умным’ (КЗП: 41), где вторая часть ‘Сидя спокойно, не сделаешься умным’, будучи оторванной от первой, утрачивает логическую объяснимость (из суждения «Некто сидит спокойно» ни по правилам формальной логики, ни согласно логике здравого смысла не выводимо умозаключение «Некто сделался умным»);

‘Говорить слова человеку, не понимающему их, то же, что бросать зерно на рога коровы’ (КЗП: 41), где вторая часть ‘бросать зерно на рога коровы’ без первой становится бессмыслицей (не имеет приемлемого объяснения в рамках рациональной интерпретации действительности) и т. п.

Подобное расположение в пословице композиционных частей, когда вторая без первой утрачивает смысл, можно рассматривать как специфическую особенность калмыцкого языка, поскольку обычно бывает наоборот, когда первая композиционная часть пословицы становится бессмыслицей без второй части, которая отпадает (сокращается) в процессе исторической динамики речевого употребления данной паремии (например, в русском языке абсурдная пословица ‘Голод не тетка’ образовалась в результате сокращения второй части когда-то двухчастной паремии ‘Голод не тетка: пирожка не подсунет’ и т. п.).

Сам факт наличия в калмыцком языке абсурдных пословиц является, с одной стороны, проявлением универсального характера семантики абсурда, которая фиксируется в пословичных фондах генетически, типологически и ареально далеких языков, а с другой стороны, имеет в каждом языке, в том числе и в калмыцком, ярко выраженное этнокультурное своеобразие.

Так, для многих абсурдных калмыцких пословиц этнокультурные реалии и особенности жизни народа являются тем ситуативным контекстом, который позволяет дешифровать провербиальные бессмыслицы. Напр.:

‘Оторвавшееся мясо, брызнувшая кровь’ (КЗП: 79), где бессмыслица, построенная на предметной образности (основанной на реалиях скотоводов-кочевников), обретает смысл только по отношению к конкретной ситуации своего употребления — «говорится о поссорившихся родственниках» (КЗП: 78)

‘Поднимающие (что-либо) рога между собою (ссорятся)’ (КЗП: 282), где абсурдное содержание (с использованием реалий скотоводов-кочевников) нейтрализуется, если имеется в виду размолвка между теми, кто связан общим делом, а также между родственниками (как и в предыдущей пословице);

‘Хотя так силен, что может гору поднять, но такой дурак, что может в воду испражняться’ (КЗП: 30), где вторая композиционная часть пословицы ‘Такой дурак, что может в воду испражняться’ вос-

принимается как бессмыслица, если не знать этнокультурный контекст ее прототипа, поскольку «к числу сохранившихся у калмыков остатков шаманских воззрений относится запрещение испражняться в воду и лить ее в огонь» (КЗП: 71).

‘Голова козы не идет на рассмотрение; кривая служанка не идет в дело’ (КЗП: 97), где первая композиционная часть пословицы ‘Голова козы не идет на рассмотрение’ имеет абсурдную семантику, которая нейтрализуется в случае обращения к этнокультурно маркированной типичной ситуации, отраженной в пословичном прототипе: «некоторые кости убитых животных калмыки рассматривают, причем по их особенностям выводят разные предзнаменования; чаще всего для этой цели служат лопаточная кость и один из позвонков спинного хребта» (КЗП: 81) и т. п.

Содержание абсурдных пословиц занимают особое место в этнической картине мира калмыцкого народа, традиционный уклад жизни которого требует в процессе как восприятия, так и осмысления окружающей действительности опираться прежде всего на объективный и логически объяснимый порядок вещей.

Заключение

Калмыцкие пословицы, содержание которых не противоречит действительности, подразделяются в эмпирическом аспекте на номологические (9,3%) и сентенциальные (46,9%), а в аксиологическом аспекте на трюистические (8,7%) и грегериические (17,5%). Пословицы, содержание которых противоречит действительности, разграничиваются на основании противопоставления логического и онтологического аспектов противоречия реальному миру, соответственно, на парадоксальные (11,2%) и абсурдные (6,4%).

Категоризация отношения к действительности в пословицах калмыцкого языка характеризуется количественной и содержательной гетерогенностью как в когнитивном, так и в этнокультурном плане. В наибольшей степени в калмыцких пословицах представлено отношение к действительности как к объекту познания и оценки (сентенциальные, трюистические, грегериические пословицы), в наименьшей степени — как к предмету верификации (номологические, парадоксальные, абсурдные пословицы).

Ближайшей перспективой дальнейшего изучения категоризации действительности в калмыцких пословицах является выявление представленности и описание особенностей каждого их семантического типа в составе всего калмыцкого пословичного фонда, а также проведение сопоставительных исследований на широком языковом фоне с целью установления в калмыцком языке типологически общих и этнокультурно специфических черт провербиальной категоризации окружающего мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абакумова, О. Б. (2013) Пословицы в языке, сознании и коммуникации: когнитивно-дискурсивное моделирование смысла пословицы в дискурсе и референциально-оценочная типология русских, английских, испанских, французских и чешских пословиц о правде и лжи. СПб. : Алеф-Пресс. 353 с.
- Баранов, А. Н., Добровольский, Д. О. (2008) Аспекты общей теории фразеологии. М. : Знак. 656 с.
- Болат-оол, Р. В., Пелевина, Н. Н. (2017) Формирование образа женщины в тувинских и немецких пословицах // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. № 21. С. 29–32.
- Борлыкова, Б. Х., Меняев, Б. В., Басанова, Т. В. (2022) Образные параллелизмы в сарт-калмыцких пословицах // Традиционная культура. Т. 23. № 3. С. 124–134. DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2022.23.3.010>
- Бочина, Т. Г. (2022) Контраст в тувинских пословицах // Новые исследования Тувы. № 1. С. 37–46. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.3>
- Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2021) Типология пословиц прибалтийско-финских народов России о богатстве и бедности (на европейском паремиологическом фоне) // Вестник угроведения. Т. 11. № 4. С. 607–615. DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615>
- Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2022а) Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц // Вопросы лексикографии. № 26. С. 5–29. DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>
- Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2022б) Провербиальные факторы перевода тувинских пословиц в аспекте нормативной и полилингвальной паремиографии (на фоне русского и английского языков) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 17–36. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю., Кужугет, Ш. Ю. (2021) Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 143–160. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>

Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Борисова, А. С., Лазарева, О. В. (2022) Числовой код тувинской лингвокультуры в пословицах (на фоне ряда тюркских и монгольских языков народов России) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 276–293. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.20>

Бяряева, Н. Н. (2014) Особенности коммуникативного поведения женщины (на материале калмыцких пословиц и поговорок) // Русская речь в инациональном окружении. № 8. С. 172–174.

Ванькаева, Е. В., Каруева, В. В., Омакаева, Э. У. (2019) Лексико-семантическая группа «домашние животные» в калмыцких фразеологизмах и пословицах // Успехи гуманитарных наук. № 9. С. 206–211.

Горяева, Б. Б. (2014) Калмыцкие народные пословицы и поговорки в аспекте аксиологии // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Т. 7. № 2. С. 151–156.

Егорова, А. И., Кондакова, А. П., Кужугет, М. А. (2020) Гендерные стереотипы в тувинских пословицах и поговорках // Новые исследования Тувы. № 1. С. 18–31. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.2>

Ершов, В. И., Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В. (2022) Категоризация пословичной семантики: номологические пословицы // Когнитивные исследования языка. № 4 (51). С. 112–116.

Есенова, Т. С., Есенова, Г. Б. (2016) Образ мужчины в русском и калмыцком языковом сознании (на материале пословиц) // Языки. Культуры. Перевод. № 1. С. 113–119.

Зиновьева, Е. И., Алёшин, А. С. (2022) Семья в компаративных паремиях тувинского, шведского и русского языков // Новые исследования Тувы. № 1. С. 131–145. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.9>

Зиновьева, Е. И., Алёшин, А. С. (2023) Тувинские паремии сравнительной семантики с компонентом сөс на иноязычном фоне // Новые исследования Тувы. № 3. С. 21–35. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.2>

Иванов, Е. Е. (2019а) Аспекты эмпирического понимания афоризма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 2. С. 381–401. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401>

Иванов, Е. Е. (2019б) О рекуррентности афористических единиц в современном русском языке // Русистика. Т. 17. № 2. С. 157–170. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170>

Иванов, Е. Е. (2020) Афоризм как объект лингвистики: основные признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. № 11 (4). С. 659–706. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706>

Иванов, Е. Е. (2022а) Семантическая типология тувинских пословиц (эмпирический и аксиологический аспекты) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 317–337. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22>

Иванов, Е. Е. (2022б) Абсурдные и парадоксальные пословицы в тувинском языке (онтологический и логический аспекты категоризации пословичной семантики) // Oriental Studies. Т. 15. № 6. С. 1373–1389. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388>

Иванов, Е. Е. (2022с) Афоризм в кругу малых текстовых форм в устном, письменном и электронном дискурсах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 13. № 4. С. 898–924. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-898-924>

Иванов, Е. Е. (2022д) Функции афористических единиц в русском языке // Русистика. Т. 20. № 2. С. 167–185. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-167-185>

Иванов, Е. Е. (2023а) Лингвокультурологический комментарий в тувинско-русско-английском паремиологическом словаре // Новые исследования Тувы. № 1. С. 243–258. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.14>

Иванов, Е. Е. (2023б) Категоризация отношения к действительности в паремиологических единицах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 14. № 4. С. 1154–1177. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1154-1177>

Иванов, Е. Е., Гишкаева, Л. И. (2023) Категоризация пословичной семантики: грегериические пословицы // Когнитивные исследования языка. № 4 (55). С. 724–728.

Иванов, Е. Е., Комова, Д. Д., Нелюбова, Н. Ю. (2022) Категоризация пословичной семантики: «триистические пословицы» // Когнитивные исследования языка. № 3 (50). С. 214–218.

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю. (2021) Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 220–233. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Петрушевская, Ю. А. (2021) Национальная специфичность пословичного фонда (основные понятия и методика выявления) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 12. № 4. С. 993–1032.

Иванов, Е. Е., Марфина, Ж. В., Шкурац, О. В. (2022) Номинации животных в тувинских пословицах и поговорах: аспекты реализации и проблематика изучения // Новые исследования Тувы. № 1. С. 47–68. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

Иванова, Е. В. (2002) Пословичные картины мира (на материалах английских и русских пословиц). СПб. : Изд-во СПбГУ. 155 с.

Иванова, Е. В. (2006) Мир в английских и русских пословицах. СПб. : Изд-во СПбГУ. 280 с.

Иваноў, Я. Я. (2003) Семантычная тыпалогія афарызма ў славянскіх і германскіх мовах // Frazeologické štúdie. T. III. S. 43–60. (На белорус. яз.)

Иваноў, Я. Я. (2004) Семантыка афарыстычных выказванняў (на матэрыяле славянскіх і германскіх моў) // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 4: Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. № 1. С. 63–68. (На белорус. яз.)

Иваноў, Я. Я. (2023) Кагнітыўна-семантычная катэгарызацыя парэміялагічных адзінак паводле адносін да рэчаіснасці // Ученые записки ВГУ имени П. М. Машерова. Т. 38. С. 140–150.

Колесникова, С. М. (2022) Градуальная семантика русских и тувинских пословиц // Новые исследования Тувы. № 1. С. 90–103. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.6>

Кужугет, Ш. Ю., Сувандии, Н. Д., Дамбаа, Ш. В., Ламажаа, Ч. К. (2019) Концепт *төрөл* ‘родственник’ в языковой картине мира тувинцев // Новые исследования Тувы. № 3. С. 149–157. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.12>

Ломакина, О. В. (2022) Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал // Новые исследования Тувы. № 1. С. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Менкенова, К. В., Баринаова, Б. В., Салыкова, В. В. (2020) Отражение буддийских ценностей в калмыцких пословицах и поговорках // Успехи гуманитарных наук. № 5. С. 239–242.

Нелюбова, Н. Ю. (2022) Аксиологические доминанты паремий как типологические маркеры тувинской, русской и французской этнокультур // Новые исследования Тувы. № 1. С. 146–163. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>

Николаева, Е. К., Селиверстова, Е. И., Ломакина, О. В., Сувандии, Н. Д. (2023) Образ горы в тувинской паремии как проявление этномаркированной ментальности (на фоне алтайских, хакасских, бурятских и калмыцких пословиц) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 51–64. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.4>

Общее языкознание: внутренняя структура языка (1972) / отв. ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука. 564 с.

Оконов, Б. Б. (1973) Об идейно-тематическом содержании калмыцких пословиц и поговорок // Филологические вести. Вып. 3 / отв. ред. П. Ц. Биткеев, З. Б. Улюмджиева. Элиста : Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. 108 с. С. 37–61.

Очирова, В. С., Омакаева, Э. У. (2022) Лингвокультурный образ мужчины в личностном, возрастном и семейном измерениях: на материале англоязычных и калмыцких пословиц // Успехи гуманитарных наук. № 12. С. 186–193.

Паремиология без границ (2020) / под ред. М. А. Бредиса, О. В. Ломакиной. М. : Изд-во РУДН. 244 с.

Паремиология на перекрестках языков и культур (2021) / под ред. Е. Е. Иванова, О. В. Ломакиной. М. : Изд-во РУДН. 246 с.

Петрушевская, Ю. А. (2022a) Белорусские параллели вепсских пословиц: в поисках типологически общего и этноспецифического // Вестник угроведения. Т. 12. № 3. С. 497–505. DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-3-497-505>

Петрушевская, Ю. А. (2022b) Тувинские и белорусские пословичные параллели (типологическая общность на фоне этнокультурной специфичности) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 241–263. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.16>

Петрушевская, Ю. А. (2023) Провербиальные универсалии в тувинском пословичном фонде (на фоне современных европейских языков) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 259–279. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.15>

Савицкий, В. М. (2006) Основы общей теории идиоматики. М. : Гнозис. 208 с.

Селиверстова, Е. И. (2022) Бинарные структуры в тувинских пословицах как проявление национально-маркированного видения мира // Новые исследования Тувы. № 1. С. 115–130. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.8>

Семененко, Н. Н. (2011) Русские паремии: функции, семантика, прагматика. Старый Оскол : ПОСА. 355 с.

Сувандии, Н. Д. (2023) Чер ‘земля’ в паремиях тувинцев // Новые исследования Тувы. № 1. С. 26–37. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.2>

Утунашэн, Ц., Кичикова, Н. А. (2016) Зоонимы как отражение ментальности в калмыцком и русском языках (на материале калмыцких и русских пословиц и поговорок // Русская речь в инонациональном окружении. № 9. С. 3–39.

Хальмг үлгүрмүдин болн товчта үгмүдин тээлвртэ толь [Калмыцкие пословицы и поговорки, загадки] (2011) / сост. У. У. Очиров, Л. С. Сангаев. Элиста : Джангар. 224 с.

Чеджиева, Ж. Д., Мушаев, В. Н., Биткеев, П. Ц., Ковалева, Т. И. (2022) Концептосфера «труд» в калмыцкой и английской лингвокультурах (на материале пословиц и поговорок) [Электронный ресурс] // Мир науки. Социология, филология, культурология. Т. 13. № 4. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/39FLSK422.pdf> (дата обращения: 15.10.2023).

Чеджиева, Ж. Д., Никитина, Л. А. (2008) Пословицы с компонентом-зоонимом (на материале английского и калмыцкого языков) // Вестник Калмыцкого университета. № 5. С. 57–59.

Чеджиева Ж. Д., Очирова В. С., Мучкаева, Г. М. (2020) Концепты «ум» и «глупость» в калмыцком и английском языках (на материале пословиц и поговорок) // Вестник Иссyk-Кульского университета. № 48. С. 274–277.

Дата поступления: 27.10.2023 г.

Дата принятия: 25.11.2023 г.

REFERENCES

Abakumova, O. B. (2013) *Proverbs in language, consciousness and communication: cognitive-discursive modeling of the meaning of a proverb in discourse and a referential-evaluative typology of Russian, English, Spanish, French and Czech proverbs about truth and lie*. St. Petersburg, Alef-Press. 353 p. (In Russ.).

Baranov, A. N. and Dobrovolskii, D. O. (2008) *Aspects of the general theory of phraseology*. Moscow, Znack. 656 p.

Bolat-ool, R. V. and Pelevina, N. N. (2017) On woman's image in Tuvan and German proverbs. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova*, no. 21, pp. 29–32. (In Russ.).

Borlykova, B. Kh., Meniaev, B. V. and Basanova, T. V. (2022) Figurative Parallelisms in Sart-Kalmyk Proverbs. *Traditional Culture*, vol. 23, no. 3, pp. 124–134. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2022.23.3.010>

Bochina, T. G. (2022) Contrast in Tuvan Proverbs. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 37–46. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.3>

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2021) Typology of proverbs of the Baltic-Finnish peoples of Russia about wealth and poverty (on the European paremiological material). *Bulletin of Ugric Studies*, vol. 11, no. 4, pp. 607–615. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615>

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2022a) Linguoculturological commentary in polylingual dictionaries of proverbs. *Russian Journal of Lexicography*, no. 26, pp. 5–29. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2022b) Proverbial factors in translating Tuvan proverbs in the light of normative and poly-lingual paremiography (as contrasted to Russian and English languages). *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 17–36. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>

Bredis, M. A., Ivanov, E. E., Lomakina, O. V., Neliubova, N. Yu. and Kuzhuget, Sh. Yu. (2021) A lexicographical description of Tuvan proverbs: Principles, structure and an ethnolinguoculturological commentary as compared to European paremies. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 143–160. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>

Bredis, M. A., Lomakina, O. V., Borisova, A. S. and Lazareva, O. V. (2022) Numerical code of Tuvan linguistic culture in proverbs (as contrasted to a number of Turkic and Mongolian languages of the peoples of Russia). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 276–293 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.20>

Biariaeva, N. N. (2014) Features of a woman's communicative behavior (based on Kalmyk proverbs and sayings). *Russkaia rech' v inonatsional'nom okruzhении*, no. 8, pp. 172–174. (In Russ.).

Van'kaeva, E. V., Karueva, V. V. and Omakeeva, E. U. (2019) Lexico-semantic group “pets” in Kalmyk phraseological units and proverbs. *Uspekhi gumanitarnykh nauk*, no. 9, pp. 206–211. (In Russ.).

Goriaeva, B. B. (2014) Kalmyk folk proverbs and sayings in the aspect of axiology. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*, vol. 7, no. 2, pp. 151–156. (In Russ.).

Egorova, A. I., Kondakova, A. P. and Kuzhuget, M. A. (2020) Gender stereotypes in Tuvan proverbs and sayings. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 18–31. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.2>

Ershov, V. I., Ivanov, E. E. and Lomakina, O. V. (2022) Category of proverbial semantics: nomological proverbs. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*, no. 4 (51), pp. 112–116. (In Russ.).

Esenova, T. S. and Esenova, G. B. (2016) The image of a man in Russian and Kalmyk linguistic consciousness (based on proverbs). *Yazyki. Kul'tury. Perevod*, no. 1, pp. 113–119. (In Russ.).

Zinovieva, E. I. and Alyoshin, A. S. (2022) The family in comparative paremies of Tuvan, Swedish and Russian languages. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 131–145. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.9>

Zinovieva, E. I. and Alyoshin, A. S. (2023) Tuvan paroemias of comparative semantics with the component cec as compared to foreign language material. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 21–35. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.2>

Ivanov, E. E. (2019a) Aspects of empirical understanding of aphorism. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 10, no. 2, pp. 381–401. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401>

Ivanov, E. E. (2019b) Aphoristic units recurrence in modern Russian language. *Russian Language Studies*, vol. 17, no. 2, pp. 157–170. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170>

Ivanov, E. E. (2020) Aphorism as an Object of Linguistics: the Main Properties. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, no. 11 (4), pp. 659–706. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706>

Ivanov, E. E. (2022a) Semantic typology of Tuvan proverbs (empirical and axiological aspects). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 317–337. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22>

Ivanov, E. E. (2022b) Absurd and Paradoxical Proverbs in Tuvan: Ontological and Logical Aspects of the Categorization of Proverbial Semantics. *Oriental Studies*, vol. 15, no. 6, pp. 1373–1389. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388>

Ivanov, E. E. (2022c) Aphorism in the Circle of Small Text Forms in Oral, Written and Electronic Discourses. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 13, no. 4, pp. 898–924. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-898-924>

Ivanov, E. E. (2022d) Functions of aphoristic units in the Russian language. *Russian Language Studies*, vol. 20, no. 2, pp. 167–185. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-167-185>

Ivanov, E. E. (2023a) Linguoculturological commentary in the Tuvan-Russian-English Paremiological Dictionary. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 243–258. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.13>

Ivanov, E. E. (2023b) Categorization of attitude to reality in paremiological units. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 14, no. 4, pp. 1154–1177. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1154-1177>

Ivanov, E. E. and Gishkaeva, L. I. (2023) Categorization of proverbial semantics: Gregorian proverbs. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*, no. 4 (55), pp. 724–728. (In Russ.).

Ivanov, E. E., Komova, D. D. and Neliubova, N. Yu. (2022) Categorization of proverbial semantics: “truistic proverbs”. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*, no. 3 (50), pp. 214–218. (In Russ.).

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Nelyubova, N. Yu. (2021) Semantic analysis of Tuvan proverbs: models, imagery, concepts (against the European paremiological background). *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 232–248. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Petrushevskaya, Yu. A. (2021) National specificity of the proverb fund (basic concepts and identification methods). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 12, no. 4, pp. 993–1032. (In Russ.).

Ivanov, E. E., Marfina, Zh. V. and Shkuran, O. V. (2022) Animal nouns in Tuvan proverbs and sayings: problems of studying and aspects of functioning. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 47–68. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

Ivanova, E. V. (2002) *Proverb pictures of the world (based on materials from English and Russian proverbs)*. St. Petersburg, SPbGU Publ. 155 p. (In Russ.).

Ivanova, E. V. (2006) *Peace in English and Russian proverbs*. St. Petersburg, SPbGU Publ. 280 p. (In Russ.).

Ivanou, I. A. (2003) Semantic typology of aphorism in Slavic and Germanic languages. *Frazeologické štúdie*, vol. III, pp. 43–60. (In Belarussian)

Ivanou, I. A. (2004) Semantics of aphoristic expressions (in Slavic and Germanic languages). *Vesnik Belaruskaga dziazhzhaynaga Źniversiteta. Seriya 4: Filalogiia. Zhurnalistyka. Pedagogika*, no. 1, pp. 63–68. (In Belarussian)

Ivanou, I. A. (2023) Cognitive-semantic categorization of paremiological units according to their relationship to reality. *Uchenye zapiski VGU imeni P. M. Masherova*, vol. 38, pp. 140–150. (In Belarussian)

Kolesnikova, S. M. (2022) Gradable semantics in Russian and Tuvan proverbs. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 90–103. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.6>

Kuzhuget, Sh. Yu., Suvandii, N. D., Dambaa, Sh. V. and Lamazhaa, Ch. K. (2019) The concept of *törel* (‘relative’) in the Tuvan linguistic world picture. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 149–157. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.12>

Lomakina, O. V. (2022) Tuvan paremiology: its linguoculturological and linguoaxiological potential. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–16. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Menkenova, K. V., Barinova, B. V. and Salykova, V. V. (2020) Reflection of Buddhist values in Kalmyk proverbs and sayings. *Uspekhi gumanitarnykh nauk*, no. 5, pp. 239–242. (In Russ.).

Neliubova, N. Yu. (2022) Axiological dominants of paremies as typological markers in Russian, Tuvan and French ethnic cultures. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 146–163 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>

Nikolaeva, E. K., Seliverstova, E. I., Lomakina, O. V. and Suvandii, N. D. (2023) The image of a mountain in Tuvan paroemias as a manifestation of ethno-marked mentality (as compared to Altai, Khakas, Buryat and Kalmyk proverbs). *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 51–64. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.4>

General linguistics: the internal structure of the language (1972) / ed. by B. A. Serebrennikov. Moscow, Nauka. 564 p. (In Russ.).

Okonov, B. B. (1973) About the ideological and thematic content of Kalmyk proverbs and sayings. In: *Philological news*. Issue 3 / ed. by P. Ts. Bitkeev and Z. B. Ulyumdzieva, Elista, Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History. 108 p. Pp. 37–61. (In Russ.).

Ochirova, V. S. and Omakaeva, E. U. (2022) Linguistic image of a man in personal, age and family dimensions: on the material of English and Kalmyk proverbs. *Uspekhi gumanitarnykh nauk*, no. 12, pp. 186–193. (In Russ.).

Paremiology without borders (2020) / ed. by M. A. Bredis and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 244 p. (In Russ.).

Paremiology at the crossroads of languages and cultures (2021) / M. A. Bredis et al.; ed. by E. E. Ivanov and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 246 p. (In Russ.).

Petrushevskaya, Yu. A. (2022a) Belarusian parallels of Vepsian proverbs: in search of typologically common and ethno-specific. *Bulletin of Ugric Studies*, vol. 12, no. 3, pp. 497–505. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-3-497-505>

Petrushevskaya, Yu. A. (2022b) Tuvan and Belarusian proverbial parallels (typological community amid ethnocultural specificity). *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 241–263. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.16>

Petrushevskaya, Yu. A. (2023) Universals in the Tuvan proverbial fund (as compared to modern European languages). *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 259–279. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.15>

Savitskii, V. M. (2006) *Fundamentals of the general theory of idioms*. Moscow, Gnozis. 208 p. (In Russ.).

Seliverstova, E. I. (2022) Binary structures in Tuvan proverbs as a manifestation of the nationally marked vision of the world. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 115–130. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.8>

Semenenko, N. N. (2011) *Russian proverbs: functions, semantics, pragmatics*. Staryi Oskol, ROSA. 355 p. (In Russ.).

Suvandii, N. D. (2023) *Cher* ‘earth’ in Tuvan paroemias. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 26–37. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.2>

Utunashen, Ts. and Kichikova, N. A. (2016) Zoonyms as a reflection of mentality in the Kalmyk and Russian languages (based on Kalmyk and Russian proverbs and sayings). *Russkaia rech' v inonatsional'nom okruzhenii*, no. 9, pp. 33–39. (In Russ.).

Kalmyk proverbs and sayings, riddles (2011) / comp. by U. U. Ochirov and L. S. Sangaev. Elista, Dzhangar. 224 p. (In Kalm.).

Chedzhieva, Zh. D., Mushaev, V. N., Bitkeev, P. Ts. and Kovaleva, T. I. (2022) Conceptosphere of “labor” in Kalmyk and English linguistic cultures (based on proverbs and sayings). *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya*, vol. 13, no. 4 [online] Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/39FLSK422.pdf> (access date: 15.10.2023). (In Russ.).

Chedzhieva, Zh. D. and Nikitina, L. A. (2008) Proverbs with a zoonym component (based on the English and Kalmyk languages). *Vestnik Kalmytskogo universiteta*, no. 5, pp. 57–59. (In Russ.).

Chedzhieva Zh. D., Ochirova V. S. and Muchkaeva, G. M. (2020) Concepts of “mind” and “stupidity” in the Kalmyk and English languages (based on proverbs and sayings). *Vestnik Issyk-Kul'skogo universiteta*, no. 48, pp. 274–277. (In Russ.).

Submission date: 27.10.2023.

Accepted date: 25.11.2023.

DOI: 10.25178/nit.2024.1.15

Статья

Чувашские параллели белорусских пословиц (аналогичные единицы и тождественные пословичные модели)

Юлия А. Петрушевская

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация;
Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова, Республика Беларусь

В статье рассматриваются соответствия тюркских и славянских пословиц на материале чувашского и белорусского языков на основе структурно-семантического моделирования межъязыковых пословичных параллелей. Материалом исследования послужили 2 500 чувашских пословиц из сборника «Ваттисен самахёсем, каларашем, сунмалли юмахсем» Н. Р. Романова (2012) и свыше 12 000 пословиц белорусского языка из сборника «Прыказкі і прымаўкі» М. Я. Грынבלата (1976).

Установлено, что в чувашском и белорусском пословичных фондах есть аналогичные единицы, которые дифференцируются на универсальные, интернациональные, а также общие для чувашского, белорусского и русского языков. Часть чувашских и белорусских пословиц имеют тождественные структурные модели, которые дифференцируются по степени расхождений в лексико-семантической организации и/или в синтаксической форме. Подавляющее большинство чувашских пословиц, которые коррелятивны белорусским пословицам, в той или иной степени характеризуются этнолингвокультурным своеобразием. Неожиданно большое количество прямых совпадений в структуре и семантике чувашских и белорусских пословиц свидетельствует о типологической близости пословичных фондов данных языков. В то же время этнокультурная маркированность чувашских аналогов и коррелятивов белорусских пословиц говорит о наличии тесной взаимосвязи типологически общего и этнокультурно специфического в пословичном фонде чувашского языка.

Ключевые слова: паремиялогия; пословица; чувашский язык; белорусский язык; пословичное соответствие; провербиальная типология; этнокультурная специфика

Исследование выполнено благодаря Системе грантовой поддержки научных проектов РУДН, научный проект D.2-F/S2022 (Российская Федерация). Публикация выполнена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, научный проект № 20231303 (Республика Беларусь).

Для цитирования:

Петрушевская Ю. А. Чувашские параллели белорусских пословиц (аналогичные единицы и тождественные пословичные модели) // Новые исследования Тувы. 2024, № 1. С. 230-246. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.15>

Петрушевская Юлия Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент, младший научный сотрудник кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики факультета иностранных языков Могилёвского государственного университета имени А. А. Кулешова. Адреса: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; 212022, Беларусь, г. Могилёв, ул. Космонавтов, д. 1. Эл. адреса: ypetrushevskaya@inbox.ru; petrushevskaya@msu.by

PETRUSHEVSKAYA, Juliya Anatolievna, Candidate of Philology, Associate Professor, Researcher, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University; Associate Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Foreign Language, Mogilev State A. Kuleshov University. Postal addresses: 6 Miklouho-Maclay St., 117198 Moscow, Russian Federation; 1 Kosmonavtov St., 212022 Mogilev, Republic of Belarus. Emails: ypetrushevskaya@inbox.ru; petrushevskaya@msu.by

ORCID ID: 0000-0002-7855-8309

Chuvash parallels of Belarusian proverbs (analogous units and identical proverbial models)

Yulia A. Petrushevskaya

RUDN University, Russian Federation;
Mogilev State A. Kuleshov University, Republic of Belarus

The article examines correspondences between Turkic and Slavic proverbs based on structural-semantic modeling of interlingual proverbial parallels, utilizing Chuvash and Belarusian languages as the material. The research draws upon 2,500 Chuvash proverbs from the collection “Vattisen samakhsem, kalarashsem, sutmalli yumakhsem” by N. R. Romanov (2012) and over 12,000 Belarusian proverbs from the collection “Prykazki i prymaŭki” by M. Ya. Hrynblat (1976).

It has been established that both Chuvash and Belarusian proverbial repertoires contain analogous units, differentiating into universal, international, as well as those common to Chuvash, Belarusian, and Russian languages. Some Chuvash and Belarusian proverbs exhibit identical structural models, varying in the degree of disparities in lexical-semantic organization and/or syntactic form. The majority of Chuvash proverbs correlating with Belarusian proverbs to some extent are characterized by ethno-linguistic and cultural distinctiveness. The unexpectedly high number of direct correspondences in the structure and semantics of Chuvash and Belarusian proverbs indicates a typological similarity in the proverbial repertoires of these languages. Simultaneously, the ethnocultural markedness of Chuvash analogs and correlates of Belarusian proverbs suggests a close interconnection between typologically common and ethnoculturally specific elements in the proverbial repertoire of the Chuvash language.

Keywords: paremiology; proverb; Chuvash language; Belarusian language; proverbial correspondence; proverbial typology; ethnocultural specificity

Financing

The research was carried out thanks to the Grant Support System for Scientific Projects of the RUDN University, scientific project D.2-F/S2022 (Russian Federation). The publication was supported by the Belarusian Republican Foundation for Basic Research, scientific project No. 20231303 (Republic of Belarus).

For citation:

Petrushevskaya Yu. A. Chuvash parallels of Belarusian proverbs (analogous units and identical proverbial models). *New Research of Tuva*, 2024, no. 1, pp. 230-246. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.15>

Введение

Одной из актуальных задач сопоставительной паремиологии является выяснение того, что в этнокультурном пословицном фонде является общим с другими языками, а что — уникальным для данного языка. От того, насколько изучены пословицы каждого языка в сопоставительном плане, непосредственно зависит объективность описания не только их типологических (общих в плане межъязыковой корреляции) характеристик, но и их этнокультурной семантики как в теоретическом, так и в прикладном аспекте (Паремиология на ... , 2021).

Так, новейшие исследования пословиц такого тюркского языка России, как тувинский язык, убедительно показали, что знание их иноязычных аналогов и соответствий позволяет более глубоко и более достоверно интерпретировать этническое своеобразие пословицкого фонда на разных уровнях его описания: собственно лингвистическом (Бочина, 2022; Иванов, Марфина, Шкуран, 2022; Колесникова, 2022), лингвокогнитивном (Иванов, 2022ab), лингвокультурологическом (Болат-оол, Пелевина, 2017; Егорова, Кондакова, Кужугет, 2020; Бредис и др., 2022; Ломакина, 2022; Селиверстова, 2022), лингвоаксиологическом (Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021; Нелюбова, 2022), этнолингвистическом (Кужугет и др., 2019; Зиновьева, Алёшин, 2022, 2023; Николаева и др., 2023;

Сувандии, 2023), лексикографическом (Бредис и др., 2021; Иванов, 2023), переводоведческом (Бредис, Иванов, 2022b) и др.

В отличие от пословиц тувинского языка пословицы чувашского языка пока ещё недостаточно изучены как в описательном, так и в сопоставительном аспекте. В новейших работах исследуются особенности пословичной семантики (Семенова, Якимова, 2022), функционирования пословиц в тексте (Поликарпова, 2017), аксиологический аспект пословичного плана содержания (Терентьева, 2013; Инюшкина, 2017; Пушкина, 2022), некоторые предметно-тематические классы пословиц (Афанасьева, 2017; Димитриева, Михеева, 2019), отдельные пословичные концепты (Карпова, 2014, 2016) и др. В единичных исследованиях чувашские пословицы сравниваются в различных аспектах своего плана содержания с турецкими пословицами (Павлов, 2003, 2004 и др.¹; Сорокина, Якимова, 2016), а также с русскими и/или с английскими пословицами (Волкова, Карпеева, 2012, 2013; Пушкина, Игнатьева, 2021).

Не существует ни одного отдельного чувашско-иноязычного словаря пословиц. Чувашские пословицы лишь представлены в справочнике «Türk Dünyası Ortak Atasözleri Sözlüğü» О. Чобаноглу (2004), где приводятся паремии 40 тюркских языков².

Значимым в плане типологии языков в этой связи представляется сопоставление пословиц чувашского языка с пословицами белорусского языка, поскольку данные языки принадлежат к разным языковым семьям (чувашский — к тюркской семье языков, а белорусский — к индоевропейской семье языков), являются ареально далёкими и никогда не имели прямых либо опосредованных контактов друг с другом. Аналогичное сопоставление проводилось нами ранее на материале тувинского и белорусского языков (Петрушевская, 2022b).

Белорусские пословицы, в отличие от чувашских, исследованы гораздо шире и глубже и в описательном, и в сопоставительном аспекте. Лингвистическое описание пословиц как устойчивых единиц белорусского языка представлено в ряде фундаментальных работ (Ivanov, 2002; Лепешаў, 2006; Иваноў, 2017). В пословичном фонде белорусского языка описаны уникальные и общие с другими языками (универсальные и интернациональные) единицы (Петрушэўская, 2021). Белорусские пословицы широко представлены в двуязычных и полилингвальных паремиологических справочниках. Вместе с тем пословицы белорусского и чувашского языков никогда не были предметом отдельного сопоставительно-типологического изучения.

Цель исследования — установить в чувашских пословицах типологически значимые межъязыковые корреляции и этнокультурную специфичность в сравнении с пословицами белорусского языка (на широком языковом фоне).

Фактическим материалом для исследования послужили 2 500 чувашских пословиц из сборника «Ваттисен самахёсем, каларашсем, сутмалли юмахсем» Н. Р. Романова (2012)³ и свыше 12 000 пословиц белорусского языка из сборника «Прыказкі і прымаўкі» М. Я. Грынблата (1976)⁴. При необходимости отражения формальной вариантности чувашских пословиц использовалось фундаментальное издание «Чăваш халăх пултарулахĕ. Ваттисен сăмахёсем» (2007)⁵, а также чувашско-русский словарь (1985)⁶. Для верификации формальной вариантности белорусских пословиц привлекались также другие паре-

¹ См. также: Павлов В. В. Сравнительно-сопоставительный анализ структуры и семантики турецких и чувашских пословиц: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2004.

² Çobanoğlu Ö. Türk Dünyası Ortak Atasözleri Sözlüğü. Ankara: AYK Atatürk Kültür Merkezi Başkanlığı, 2004. (На турец. яз.).

³ Романов Н. Р. Ваттисен сăмахёсем, каларашсем, сутмалли юмахсем = Чувашские пословицы, поговорки и загадки. Шупашкар: Чаваш кёнеке изд-ви, 2012. (Далее в тексте при ссылке на данное издание используется сокращение с указанием страницы — ЧП 2012).

⁴ Грынблат М. Я. Прыказкі і прымаўкі: в 2 т. Мінск: Навука і тэхніка, 1976. Т. 1.; Т. 2. (На белорус. яз.). (Далее в тексте при ссылке на данное издание используется сокращение с указанием тома и страницы — ПП 1976, 1: страница или ПП 1976, 2: страница).

⁵ Чăваш халăх пултарулахĕ. Ваттисен сăмахёсем. Шупашкар: Чăваш кёнеке изд-ви, 2007. (На чуваш. яз.). (Далее в тексте при ссылке на данное издание используется сокращение с указанием страницы — ВС 2007).

⁶ Чувашско-русский словарь / под ред. М. И. Скворцова. М.: Русский язык, 1985. (Далее в тексте при ссылке на данное издание используется сокращение с указанием страницы — ЧРС, 1985).

миологические словари¹. При дифференциации чувашско-белорусских пословичных соответствий по характеру межъязыковой общности использовались наиболее репрезентативные полилингвальные словари пословиц², белорусско-иноязычные паремиологические словари³, а также наиболее полное на сегодняшний день собрание русских пословиц⁴.

Методологической основой исследования послужили представленные в новейших исследованиях основные положения теории пословиц как фразовых текстов (Бредис, Ломакина, Мокиенко, 2019; Паремиология без ... , 2020) и как языковых (афористических) единиц (Иванов, 2019ab, 2020, 2022cd), теории сопоставительно-типологического изучения пословиц различных языков мира (Seliverstova, 2020; Бредис, Иванов, 2021), в том числе пословичного фонда белорусского языка на фоне других языков (Иванов, 2011; Иванов, Руис-Соррилья Крусате, 2021; Алёшин, Иванов, 2022; Alyoshin, Ivanov, 2023). В исследовании применяется сопоставительный метод с опорой на новейшие методики структурно-семантического моделирования пословиц (Иванов, Петрушэўская, 2021, 2022; Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021), дифференциации общего с другими языками и этнокультурно специфичного в пословичном фонде (Иванов, Ломакина, Петрушевская, 2021), лингвокультурологического анализа пословиц (Бредис, Ломакина, Мокиенко, 2020; Бредис, Иванов, 2022a).

Использование указанных методов апробировано автором статьи в ряде предварительных исследований по сопоставлению белорусского языка и других языков народов Российской Федерации — вепского (Петрушевская, 2022a) и тувинского (Петрушевская, 2022b), а также направленных на выявление провербиальных универсалий в тюркских языках коренных народов России (Петрушевская, 2023).

¹ См.: Іваноў Я. Я. Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з іншамоўных літаратурных і фальклорных крыніц VIII ст. да н. э. — XX ст.: тлумачальны слоўнік. Магілёў: МДУ, 2011. (На беларус. яз.). (Далее в тексте при ссылке на данное издание используется сокращение с указанием страницы — КАБМ 2011); Лепешаў І. Я., Якалцэвіч М. А. Тлумачальны слоўнік прыказак. Гродна: ГрДУ, 2011. (На беларус. яз.). (Далее в тексте при ссылке на данное издание используется сокращение с указанием страницы — ТСП 2011); Иванова С. Ф., Іваноў Я. Я. Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў. Мінск: БФС, 1997. (На беларус. яз.). (Далее в тексте при ссылке на данное издание используется сокращение с указанием страницы — СБПКВ 1997).

² См.: Paczoly G. European Proverbs in 55 Languages, with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese, and Japanese. Veszprém: Veszprémi Nyomda, 1997. (Далее в тексте при ссылке на данное издание используется сокращение с указанием страницы — EP 1997); Proverbia et dicta: шасцімоўны слоўнік прыказак, прымавак і крылатых слоў / пад рэд. Н. А. Ганчаровай. Мінск: Універсітэцкае, 1993. (На беларус. яз.). (Далее в тексте при ссылке на данное издание используется сокращение с указанием страницы — PD 1993); Петрушэўская Ю. А. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамоўны слоўнік. Магілёў: МДУ, 2020. (На беларус. яз.). (Далее в тексте при ссылке на данное издание используется сокращение с указанием страницы — БІС 2020); Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках: в 2 т. / под ред. Е. Е. Иванова, В. М. Мокиенко, Д. Балаковой, Х. Вальтера. Могилев: МГУ, 2019. Т. 1; Т. 2. (Далее в тексте при ссылке на данное издание используется сокращение с указанием тома и страницы — ЛБМ 2019, 1: страница и ЛБМ 2019, 2: страница); Мудрость слова сквозь века и народы: десятиязычный словарь фразеологических эквивалентов / под ред. Н. А. Гончаровой. Минск: Беларуская навука, 2015. (Далее в тексте при ссылке на данное издание используется сокращение с указанием страницы — МС 2015); Котова М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц (с английскими соответствиями). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. (Далее в тексте при ссылке на данное издание используется сокращение с указанием страницы — РССП 2000).

³ См.: Англа-беларускі парэміялагічны слоўнік / пад рэд. Я. Я. Іванова. Магілёў: МДУ, 2009. (На беларус. яз.). (Далее в тексте при ссылке на данное издание используется сокращение с указанием страницы — АБПС 2009); Іваноў Я. Я., Раманава Н. К. Беларуска-нямецкі парэміялагічны слоўнік. Магілёў: МДУ, 2006. (На беларус. яз.). (Далее в тексте при ссылке на данное издание используется сокращение с указанием страницы — БНПС 2006); Иванов Е. Е., Мокиенко В. М. Русско-белорусский паремиологический словарь. Могилёв: МГУ, 2007. (Далее в тексте при ссылке на данное издание используется сокращение с указанием страницы — РБПС 2007); Иванов Е. Е. Русско-белорусский словарь пословиц: в 2 т. Могилев: Брама, 2001. Т. 1; Т. 2. (Далее в тексте при ссылке на данное издание используется сокращение с указанием тома и страницы — РБСП 2001, 1: страница и РБСП 2001, 2: страница); Иванова С. Ф., Іваноў Я. Я. Польска-беларускі парэміялагічны слоўнік. Магілёў: МДУ, 2007. (На беларус. яз.). (Далее в тексте при ссылке на данное издание используется сокращение с указанием страницы — ПБПС 2007).

⁴ Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. (Далее в тексте при ссылке на данное издание используется сокращение с указанием страницы — БСПП 2010).

Пословицы-аналоги в чувашском и белорусском языках

В результате сопоставительно-типологического анализа чувашских и белорусских пословиц установлено, что из избранных для сравнения 2 500 чувашских пословиц 886 единиц (т. е. 35,4% или каждая третья пословица) имеют разного типа соответствия в белорусском языке. Такой количественный показатель межъязыковой общности является весьма неожиданным в типологическом плане, поскольку в тувинском языке пословичных корреляций с белорусским языком было зафиксировано лишь 12,6 % (Петрушевская, 2022b: 245). Однако это объяснимо в лингвокультурном плане, поскольку чувашаи в отличие от тувинцев, в составе Российской империи (как и другие коренные народы Поволжья) находятся дольше, они подверглись массовой русификации, в результате чего оказались в значительной степени приобщенными к элементам традиционной русской культуры, в том числе к пословицам русского языка, в составе которых много общего с пословичными фондами других восточнославянских народов — белорусского и украинского.

Как показывают новейшие исследования, межъязыковые пословичные соответствия характеризуются различной типологической значимостью. Наиболее существенными в этом плане можно считать пословицы-аналоги, тождественные структурно-семантические модели пословиц, идентичные понятия и образы в пословицах (Иванов, Ломакина, Петрушевская, 2021: 1015–1016). Симптоматично, что в чувашском и белорусском языках зафиксированы все указанные типологически значимые разновидности межъязыковых соответствий пословиц.

Как известно, «наиболее очевидным типом межъязыковых пословичных соответствий являются пословицы-аналоги, к которым целесообразно относить такие пословицы, которые имеют в разных языках тождественные содержание и форму (характеризуются идентичными значениями, максимально близкими синтаксическими структурами, лексико-грамматическими организациями, образно-понятийными планами)» (Петрушевская, 2022b: 245).

В проанализированных чувашских пословицах зафиксировано 537 (21,5%) единиц, которые являются аналогичными белорусским пословицам. Пословичные аналоги в чувашском и белорусском языках дифференцируются по характеру межъязыковой общности на четыре типа: универсальные, интернациональные, общие также с русским языком, общие только с белорусским языком.

Универсальные пословицы-аналоги. Универсальные пословицы функционируют в языках, не связанных между собой генетически и не имеющих прямых ареальных и/или культурных контактов. Такого рода пословицы абсолютно совпадают по смыслу, но довольно часто имеют этнокультурно маркированные вариации в разных языках. Универсальных пословиц немного, но именно такого рода единицы наиболее ярко свидетельствуют «о существовании принципиально общего в человеческом мышлении способа обобщения действительности в форме пословиц при всем различии вербальных и образных средств выражения обобщенной мысли, детерминированных национальной спецификой языка и менталитета каждого народа» (Петрушевская, 2023: 266). Сама возможность наличия универсальных единиц в пословичных фондах разных языков мира обусловлена характером их семантики как афористических единиц, которым свойственно обобщенно-универсальное отражение действительности (Иванов, 2019a: 391; Иванов, 2020: 672–677), употребление «во всех основных функциях языка и речи» (Иванов, 2022d: 170), а также регулярное «свободное порождение в стереотипных контекстах» (Иванов, 2019b: 391).

Среди пословиц-аналогов в чувашском и белорусском языках зафиксировано 106 универсальных единиц (что составляет 19,8% от общего количества проанализированных чувашских пословиц, имеющих аналоги в белорусском языке). Напр.:

Курак кушне курак чавмасть 'Грач грачу глаз не выклюет' (BC 2007: 87), *Џахан кушне ѓахан сажмасть* 'Ворон ворону глаз не выклюет' (ЧП 2012: 24), *Џахан кушне сажан чавмасть* 'Ворон ворону глаз не выклюет' (ЧП 2012: 167; ЧРС 1985: 401), *Сажан сажан кушне шатармасть* 'Ворон ворону глаз не выклюет' (BC 2007: 88) — бел. *Воран ворану (Груган гругану, Крумкач крумкачу) вачэй (вока) не выдзеўбе (не выключе, не дзяўбе, не кляе)* 'Ворона вороне (ворон ворону) глаза (око) не выклюет (не кляет)' (ПП 1976, 1: 344; ТСП 2011: 145; РССП 2000: 274) *Грач грачу не дзярэ ачу* 'Грач грачу не выклюет глаз' (ПП 1976, 1: 344), *Драч драчу не дзярэ ачу* 'Коростель коростелю не выклюет глаз' (ПП 1976: 1: 344), ср. модель универсальной пословицы «Ravens / Crows / Hawks / Eagles / Jackdaws / Magpies / will not / never pick out ravens' / crows' etc. eyes; or One raven / crow etc. will not pick out another raven's / crow's etc. eyes» (EP

1997: 96–99), где не зафиксирована чувашская вариация с компонентом *rook* ‘грач’ (как и белорусские вариации с компонентами *rook* ‘грач’ и *crake* ‘коростель’);

Куса хирёс кус, чёлхене хирёс чёлхе ‘Око за око, язык за язык’ (ЧП 2012: 98) — бел. *Вока за вока, зуб за зуб* ‘Око за око, зуб за зуб’ (ЛБМ 2019, 1: 278), *Зуб за зуб* ‘Зуб за зуб’ (ПП 1976, 2: 468), *Кроў за кроў, а смерць за смерць* ‘Кровь за кровь, а смерть за смерть’ (СБПКВ 1997: 86–88), ср. модель универсальной пословицы «An eye for an eye and a tooth for a tooth» (EP 1997: 356–358), которая приобрела широкую употребительность в языках христианских народов благодаря её наличию в библейских текстах (ЛБМ 2019, 1: 278–281), при этом в ней не зафиксирована чувашская вариация с компонентом *tongue* ‘язык’ (как и белорусская вариация с компонентами *blood* ‘кровь’ и *death* ‘смерть’);

Тумла тумла-тумла чул шйтарасть ‘И капли, капая одна за другой, долбят камень’ (ЧП 2012: 76), *Тумлам тумлать те чул алтать* ‘Капля камень точит’ (ЧРС 1985: 493) — бел. *Вада <i>камень прабівае (точыць)* ‘Вода <i>камень пробивает (протачивает)’ (ПП 1976, 1: 57; КАБМ 2011: 63), *Кропля камень дзяўбе (крышыць)* ‘Капля камень долбит (крошит)’ (ТСП 2011: 286; КАБМ 2011: 62), *Кропля на кроплі і камень ламае* ‘Капля по капле и камень ломает’ (ПП 1976, 2: 489), ср. модель универсальной пословицы «Constant / Long dropping (or Many drops or Drop by drop) wear(s) away the stone [or make(s) a hole in the stone]» (EP 1997: 349–352), где не зафиксирована чувашская вариация с компонентом *drip* ‘капать’ (в форме повтора *drip-drip* ‘капать-капать’ для выражения значения многократности действия);

Более половины (около 60%) чувашских вариаций универсальных пословиц являются этнокультурно маркированными, имеют специфические компоненты и композиционные части, которые не отражены в полилингвальной паремиографии (при этом белорусские аналоги чувашских вариаций универсальных пословиц характеризуются почти в два раза меньшей этнокультурной маркированностью).

Интернациональные пословицы-аналоги. Интернациональные пословицы функционируют в существенно меньшем количестве языков, чем универсальные, и являются «результатом генетической общности языков или заимствования из других языков (преимущественно из одного во все), а также из какого-либо известного текстового источника (фольклорного, литературного, сакрального)» (Петрушевская, 2022b: 247), поэтому, как правило, «у интернациональных пословиц, по сравнению с универсальными, гораздо меньшая вариативность в разных языках» (там же).

Среди пословиц-аналогов в чувашском и белорусском языках зафиксировано 152 интернациональные единицы (около 28,3% от общего количества проанализированных чувашских пословиц, имеющих аналоги в белорусском языке). Напр.:

Пёчэк ача — пёчэк хуйхă, пысăк ача — пысăк хуйхă ‘С малыми детьми малые заботы, взрослые дети — заботы велики’ (ЧП 2012: 136) — бел. *Малыя дзеткі — малыя бедкі <надрастуць дзеткі — надрастуць і бедкі>* ‘Малые дети, малые заботы <подрастут дети — подрастут и заботы>’ (ПП 1976, 2: 120; ТСП 2011: 316), *Малыя дзеткі — дробныя бедкі, вялікія дзеткі — вялікія бедкі* ‘Малые дети — мелкие заботы, большие дети — большие заботы’ (РССП 2000: 278), *Малыя дзеці — малы клопат, большыя дзеці — большы клопат* ‘Малые дети — мало хлопот, большие дети — много хлопот’ (ПП 1976, 2: 120), ср.: в английском языке *Small children — small worries, big children — big worries*, в испанском *Los hijos, cuando son pequeños, entontecen a los padres; y cuando son mayores, los enloquecen*, в итальянском *Figli piccolo, guai piccolo; figli grande, guai grandi*, в латышском *Mazi berni — maza beda, lieli berni — liela beda*, в литовском *Mazi vaikai — mazi vargai, dideli vaikai — dideli vargai*, в немецком *Kleine Kinder — kleine Sorgen, große Kinder — große Sorgen*, в польском *Małe dzieci — mały kłopot, duże dzieci — duży kłopot*, в русском *Маленькие детки — маленькие бедки, выросли детки — прибавились бедки, Малые детки — малые бедки, а большие детки — большие и бедки*, в украинском *Малі діти — малий клопіт, великі діти — великий клопіт*, в французском *Petits enfants — petite peine (petits soucis), grand enfants — grande peine (grands soucis), Petits enfants, petits tourments; grands enfants, grands tourments* (БИС 2020: 206);

Пускил хурънташрăн хаклă ‘Соседи дороже родственника’ (ЧП 2012: 148) — бел. *Блізкі сусед лепі дальняй радні* ‘Близкий сосед лучше дальней родни’ (ПП 1976, 1: 386), *Лепі блізкі сусед, чым далёкі родзіч* ‘Лучше близкий сосед, чем дальний родственник’ (ПП 1976, 1: 386), *Добры сусед раднейшы за роднага брата* ‘Хороший сосед роднее родного брата’ (ТСП 2011: 183), ср.: в английском языке *Better is a neighbour that is near than a brother far off*, в испанском *Más vale vecino cercano que pariente lejano*, в итальянском *Meglio un buon vicino che un parente*, в латышском *Labāk labs kaimiņš tuvumā nekā rads tālumā*, в литовском *Kaimynas artimesnis už giminaitį*, в немецком *Ein Nachbar in der nehe ist besser denn ein Bruder*

in der fern, в польском *Sąsiad dobry za brata stoi, Lepszy sąsiad bliski, niżli brat daleki*, в русском *Ближкий (Ближний) сосед лучше дальней родни, Лучшие сосед вблизи, нежели брат вдали*, в украинском *Добрий сусід дорожчий від брата, Добрий сусід — найближча родина*, во французском *Mieux vaut un voisin proche qu'un frère éloigné* (БИС 2020: 157–158);

Хёвел сиче те пӓнчӓ пур 'И на солнце есть пятна' (ЧП 2012: 169) — бел. *І на сонцы ёсць плямы 'И на солнце есть пятна'* (АБПС 2009: 73), ср.: в английском языке *There are spots (even) in (on) the sun* (АБПС 2009: 73), в латышском *Arī uz saules ir plankumi*, в литовском *Ir ant saulės yra tašku*, в немецком *Auch die Sonne hat ihre Flecken*, в польском *I na słońcu są plamy*, в русском *И на солнце есть пятна*, в украинском *І на сонці є плями*, в французском *Le soleil lui-même n'a t'il pas des taches* (БИС 2020: 177).

Следует отметить, что в некоторых случаях распространение интернациональных пословиц сопоставимо с представленностью универсальных пословиц в различных языках, а глубина ассимиляции интернациональных пословиц в отдельных языках может детерминировать разительные отличия формальных вариаций одной интернациональной пословицы в разных языках.

Так, в чувашской пословице *Сёрёк сӓка сёр сул ларать 'Прелая липа сто лет стоит'* (ЧП 2012: 122), как и в ее белорусских аналогах *Скрыплівае дрэва доўга стаіць (скрыпіць) 'Скрипучее дерево долго стоит (скрипит)'* (ПП 1976, 2: 216), *Скрыплівае дрэва стаіць, а здаровае ляціць 'Скрипучее дерево стоит, а здоровое падает'* (ПП 1976, 2: 216), *Скрыпучая вярба два вякі жыве 'Скрипучая верба долго живет'* (ТСП 2011: 482), используется этноспецифический компонент-фитоним (в чувашском языке *сӓка* 'липа', в белорусском *вярба* 'верба'), которого нет в иноязычных вариантах этой интернациональной пословицы, ср.: в английском языке *A creaking gate hangs long on its hinges*, в итальянском *Albero cigolante due secoli vive*, в латышском *Čikstošs koks ātri nelūst*, в литовском *Girgždantis medis ilgiau stovi*, в немецком *Der knarrende Baum steht am längsten*, в польском *Skrzypiące drzewo najdłużej trwa, Stary dąb, choć skrzypi, długo trwa, Drzewo, które skrzypi, dłużej w lesie stoi*, в русском *Скрипучее дерево два века живет, Скрипучее дерево долго (дольше) скрипит (стоит), Скрипучая береза дольше стоит*, в украинском *Скрипливе дерево найдовше стоїть, Скрипуче дерево на світі довго живе* и др. (БИС 2020: 264–265).

Заметное количество (более 25%) чувашских вариантов интернациональных пословиц являются этнокультурно маркированными, имеют уникальные компоненты, которые не отражены в иноязычных пословичных аналогах (при этом, что показательно, белорусские аналоги чувашских вариаций интернациональных пословиц в гораздо меньшей степени характеризуются этнокультурной специфичностью).

Пословицы-аналоги, общие для чувашского, белорусского и русского языков. Общие для чувашского и белорусского, а также русского языков пословицы — это гетерогенная по характеру межъязыковой корреляции группа единиц, в которую входят заимствования из русского языка в чувашский и в белорусский языки (за исключением интернациональных пословиц), а также пословицы, общие для белорусского и русского языка как следствие их близкого языкового родства. И чувашский язык, и белорусский язык испытали в свое время сильнейшее языковое и культурное влияние русского языка, что не могло не сказаться на наличии довольно существенного в количественном плане русского адстрата¹ в пословичном фонде как чувашского, так и белорусского языка. Помимо этого русский язык и русская культура оказали значительное влияние на языки, ареально близкие белорусскому, поэтому в некоторых случаях общие для чувашского, белорусского и русского языков пословицы фиксируются еще и в украинском языке, реже — в польском, латышском и литовском языках. Конечно, не меньшее влияние оказали русский язык и культура на языки, генетически или ареально близкие чувашскому, в которых фиксируется заметное количество общих с русским и чувашским языками пословиц, как, например, в тувинском языке (Петрушевская, 2022b: 248–249). Однако русский адстрат в пословичных фондах языков коренных народов России описан еще недостаточно полно и заслуживает специального сопоставительного изучения, поэтому в данной статье рассматриваться не будет.

Среди пословиц-аналогов в чувашском и белорусском языках зафиксировано 273 единицы, общие также с русским языком, исключая универсальные и интернациональные пословицы (свыше 50,8% от общего количества проанализированных чувашских пословиц, имеющих аналоги в белорусском языке). Напр.:

¹ Адстрат — результат влияния одного языка на другой при длительных языковых контактах в условиях долгого сосуществования двух народов, говорящих на этих языках.

Кӱлүххой пунийн икӱ хут чан сапмацсӱ ‘Для глухого попа два раза не звонят (Отказ повторить сказанное)’ (ЧП 2012: 34) — бел. *Глухім два разы ў касцёле не звоняць* ‘Глухим два раза в костеле не звонят’ (ТСП 2011: 136), *Глухому дзве абедні (два малебны) не служаць* ‘Глухому две обедни (два молебна) не служат’ (ПП 1976, 2: 166; ТСП 2011: 136), *Для глухого дзвюх абедзень не служаць* ‘Для глухого две обедни не служат’ (ТСП 2011: 136), ср. в русском языке *Глухим два раза в колокол не звонят* (БСРП 2010: 745), *Глухому двух обедней не служат* (БСРП 2010: 612), *Глухим две обедни не служат* (БСРП 2010: 612), а также заимствование из русского в украинском *Для глухого дві обідні не правлять* (БІС 2020: 141);

Кӱрекас тӱлне пӱлмесӱр шыва ан кӱр ‘Не зная, где брод, в воду не суйся’ (ЧП 2012: 77) — бел. *Не ведаеш (Не змераўшы, не спазнаўшы) броду, не кідайся (не прыгай, не сунься) у воду* ‘Не знаешь (Не измерив, Не узнав) броду, не кидайся (не прыгай, не суйся) в воду’ (ПП 1976, 2: 455; ТСП 2011: 361), ср. в русском языке *Не знаешь (Не изведавши, Не испытыв, Не спросив) броду, не суйся в воду* (БСРП 2010: 954; РБПС 2007: 86), а также заимствование из русского в украинском *Не спитавши броду, не сунься у воду* (БІС 2020: 221), *Не йди у воду, не спитавши броду* (БІС 2020: 221), *Не лізь у воду, не знаючи броду* (БІС 2020: 221);

Сын аллинчи кукӱль пысӱккӱн курӱннӱ ‘Пирог в чужих руках кажется большим’ (ЧП 2012: 114) — бел. *У чужых руках пірог вялік* ‘В чужих руках пирог велик’ (ПП 1976, 2: 264), ср. в русском языке *В чужих руках <всегда> пирог велик* (БСРП 2010: 772), а также заимствование из русского в украинском *В чужих руках завше більший шматок* (БІС 2020: 284). При этом в чувашском языке данная пословица имеет этнокультурно маркированный аналог *Сын аллинчи курка тутлӱ* ‘Ковш в чужих руках кажется вкусным’ (ЧП 2012: 114);

Чавса сывӱх та, савӱрса сьртмалла мар ‘Близок локоть, но не повернешь и не укусишь’ (ЧП 2012: 39) — бел. *Блізка локать, ды не ўкусиш* ‘Близко локоть, да не укусишь’ (ПП 1976, 1: 471), ср. в русском языке *Близок локоть (Локоть близок), да не укусишь* (БСРП 2010: 492), а также заимствование из русского в украинском *Близько лікоть — та не вкусиш* (БІС 2020: 123), в польском *Choć blisko łokieć, ale go nie ugryziesz* ‘Хоть близко локоть, но его не укусишь’ (БІС 2020: 123). При этом в чувашской пословице присутствует специфический компонент *савӱр* ‘поворачивать’.

Сравнительно небольшое количество (около 18%) чувашских аналогов белорусских и русских пословиц являются этнолингвокультурно маркированными, имеют специфические компоненты или формальные варианты (белорусские аналоги чувашских пословиц, общих с русскими, имеют сопоставимую этнолингвокультурную специфику — более 21%).

Пословицы-аналоги, общие только для чувашского и белорусского языков. Общие только для чувашского и белорусского языков пословицы представляют собой наиболее малочисленную группу — всего 6 единиц, выделение которых характеризуется, как и для любой пары языков, скорее как ad hoc, поскольку для надежной верификации требует проверки на максимально широком паремиологическом фоне (прежде всего тюркских языков). Тем не менее избранный в данной статье европейский вектор сопоставления позволил зафиксировать уникальные парные пословичные аналоги для чувашского и белорусского языков (всего 1,1% от общего количества проанализированных чувашских пословиц, имеющих аналоги в белорусском языке). Напр.:

Ашӱ сӱмах — су кунӱ, сивӱ сӱмах — хӱл кунӱ ‘Доброе слово как летний день, суровое слово как зимний день’ (ЧП 2012: 87), *Ырӱ сӱмах лайӱх кун нек* ‘Доброе слово, что ясный день’ (ЧП 2012: 88) — бел. *Ласкавае слова, што веснавы дзень* ‘Ласковое слово — как весенний день’ (ПП 1976, 2: 9), где и чувашские, и белорусские пословицы-аналоги этнокультурно маркированы (имеют специфические лексические компоненты, характеризующие «день» как «летний», «зимний», «ясный» в чувашском языке и как «весенний» — в белорусском);

Икӱ хуӱсана ыр пулаймӱн ‘Двум хозяевам не угодить’ (ЧП 2012: 23) — бел. *Адзін двум панам не ўгодзіць* ‘Один двум господам не угодит’ (ПП 1976, 1: 316), также ср. в белорусском языке близкие по смыслу пословицы *Двум панам не службы* ‘Двум господам не служи’ (ПП 1976, 1: 316), *Двум панам службыць не можна* ‘Двум господам служить нельзя’ (ПП 1976, 1: 316), восходящие к библейскому выражению *слугаваць двум панам* ‘служить двум господам’, которое широко распространено в языках христианских европейских народов (ЛБМ 2019, 1: 90–93);

Калаӱссине сахал калаӱ, ёлессине нумайрах ёсле ‘Меньше говори, больше работай’ (ЧП 2012: 80) — бел. *Больш рабі, а мени гавары* ‘Больше работай, меньше говори’ (ПП 1976, 2: 278), *Мени гавары, а больш рабі* ‘Меньше говори, больше работай’ (ПП 1976, 2: 279), при этом в других языках есть близкие

по смыслу пословицы, ср. в английском языке *Speak little, do much* 'Говори мало, делай много' (В. Franklin, «Poor Richard's Almanack», 1733–1758), в русском *Меньше говори, да больше делай* (БСРП 2010: 181);

Мён пёсерен, а́на с́имесё́рех х́аварма́н 'Что сварить, то и съешь' (ЧП 2012: 156) — бел. *Што наварыў, тое і з'еў* 'Что наварил, то и съел' (ПП 1976, 1: 243), *Як зварыш, так і з'ясі* 'Как сварить, так и поешь' (ПП 1976, 1: 243), *Як наварылі, так і паелі* 'Как наварили, так и поели' (ПП 1976, 1: 243);

Сынтан куличчен малтан х́ав́антан кул 'Чем насмеяться над другими, смейся над собой' (ЧП 2012: 113) — бел. *Не смейся з людзей, ты сам смяшней* 'Не насмехайся над людьми, ты сам смешной' (ПП 1976, 2: 399), где и чувашские, и белорусские пословицы-аналоги этнокультурно маркированы (имеют специфические вторые композиционные части);

Тиркекене тирёк тёпё тивнё 'Слишком разборчивому достанутся подонки' (ЧП 2012: 144), *Тиркекене тирёк хё́рри* 'Слишком разборчивому край блюда' (ЧП 2012: 144) — бел. *Ад выбораў — ні лапцэй, ні абораў* 'От разборчивости — ни лаптей, ни обор' (ПП 1976, 2: 30), *За пераборы — лапці ды аборы* 'Разборчивому лапти и оборы' (ПП 1976, 2: 30), *З вялікіх выбораў — лапці ды аборы* 'Слишком разборчивому — лапти и оборы' (ПП 1976, 2: 30), *Праз вялікія пераборы асталіся насталы ды аборы* 'Слишком разборчивому остались лапти и оборы' (ПП 1976, 2: 30), где и чувашские, и белорусские пословицы-аналоги этнокультурно маркированы (имеют специфические лексические компоненты, образно передающие то, что именно достанется «слишком разборчивому» человеку — *тирёк тёпё* 'подонки на блюде', т. е. *тёпё* 'ничего', *тирёк хё́рри* 'край блюда' в чувашском языке и *лапці* 'лапти' и *аборы* 'оборы' в белорусском).

Как можно видеть, каждая вторая чувашская пословица, имеющая аналоги только в белорусском языке, этнокультурно маркирована (включает специфические лексические компоненты). И хотя выделение пословиц, общих только для чувашского и белорусского языков, как уже говорилось, носит скорее диагностический характер, тем не менее, как показали наши предыдущие исследования, «имеет весьма высокую значимость, позволяя оценить и сравнить типологическую близость / отдаленность качественного состава единиц пословичных фондов разных языков по отношению к данному языку» (Петрушевская, 2022а: 500).

Тождественные по структурной модели чувашские и белорусские пословицы

Под структурной моделью в паремиологии следует понимать такой «эмпирически верифицируемый идеальный образец формы и содержания данной пословицы» (Иванов, Ломакина, Петрушевская, 2021: 1015), который выступает «инвариантом для всех вариантных и факультативных форм её лексико-семантического состава и грамматической организации, а также всех вариантов её общего значения» (там же).

В случае сопоставления двух или более языков структурная модель используется в качестве идеального межъязыкового образца (инварианта) для аналогичных или близких по структурным моделям пословиц (вариантов) в разных языках, что доказано в новейших исследованиях на материале пословиц различных языков (Паремиология без ... , 2021: 12–55), белорусских пословиц на широком языковом фоне (Петрушэўская, 2021: 32–88), а также белорусских пословиц в сравнении с пословицами вепского языка (Петрушевская, 2022а: 500–501) и тувинского языка (Петрушевская, 2022b: 250–253).

В разных языках пословицы, которые тождественны по своим структурным моделям (т. е. имеющие общую, инвариантную структурную модель), могут совпадать либо не совпадать по своему плану содержания. В первом случае такие пословицы являются межъязыковыми аналогами (см. выше), во втором случае — межъязыковыми коррелятами в формальном плане.

С точки зрения провербиальной типологии языков мира, межъязыковое тождество пословичных структурных моделей указывает во втором случае на существование универсальных моделей лексико-синтаксической организации пословиц в разных языках, что было показано нами на примере белорусского языка (Петрушэўская, 2021: 93–107) и тувинского языка (Петрушевская, 2023: 266–270).

Для создания полного списка универсальных пословичных моделей значимым является каждый установленный факт тождества структурных моделей, далеких по содержанию, но коррелятивных в формальном плане пословиц в каждой паре языков, избранных для анализа.

В проанализированных чувашских пословицах зафиксировано 131 единица (5,2%), которые являются не тождественными по смыслу, однако тождественными по структурной модели белорусским

пословицам. Чувашские и белорусские пословичные параллели такого рода можно разграничить на несколько групп по степени возрастания различий как в составе лексических компонентов, так и в синтаксических формах пословиц.

Первую группу составляют чувашские и белорусские пословицы, которые формально различаются только одним семантически доминантным лексическим компонентом. Напр.:

Кашкӓра шӓлӓ тӓрантарать 'Волка зубы кормят' (ЧП 2012: 167) — бел. *Воўка ногі кормяць* 'Волка ноги кормят' (ПП 1976, 1: 60);

Юрланипе юпах тиха самӓртаймӓн 'Пением жеребенка не накормишь' (ЧП 2012: 80) — бел. *Салаўя песнямі не кормяць* 'Соловья песнями не кормят' (ТСП 2011: 465; РССП 2000: 281).

Вторую группу составляют чувашские и белорусские пословицы, которые формально различаются уже двумя семантически доминантными лексическими компонентами, тесно связанными по смыслу между собой. Напр.:

Ватӓ ӓынна ӓмахпа улталаймӓн 'Старого человека словами не проведешь' (ЧП 2012: 132) — бел. *Старога верабӓя на мякӓну не ашукаеш* 'Старого воробья на мякине не проведешь' (ПП 1976, 2: 226);

Качакан сухалӓ вӓрӓм та, ӓсӓ кӓске 'У козы борода длинная, а ум короток' (ЧП 2012: 166) — бел. *У бабы валасы доўгія, а розум кароткі* 'У женщины волосы длинные, а ум короток' (ТСП 2011: 511).

Третью группу составляют чувашские и белорусские пословицы, которые формально различаются целой предикативной частью, в которой сочетание новых лексических компонентов создает специфическую образность. Напр.:

Ашӓ ӓмах ӓшаланӓ ашран та тутлӓ 'Ласковое слово вкуснее жареного мяса' (ЧП 2012: 88), *Бӓрӓ ӓмах тутлӓ апатран та лайӓх* 'Доброе слово лучше вкусной пищи' (ЧП 2012: 88) — бел. *Ласкавае слова, што веснавы дзень* 'Ласковое слово — как весенний день' (ПП 1976, 2: 9);

Пуянӓн вӓкӓрӓ те ӓмарта тӓватӓ 'У богатея и бык несется' (ЧП 2012: 20), *Пуян ӓынӓн кушакӓ те пулӓ тытатӓ* 'У богатого и кошка рыбу ловит' (ЧП 2012: 20) — бел. *Багатаму і скрыпка сама грае, а мая і смычком не хоча* 'Богатому и скрипка сама играет, а моя и смычком не хочет' (ПП 1976, 1: 432), *Багатаму чорт дзяцей калыша* 'Богатому черт детей колышет, а бедному из колыбели выбрасывает' (ПП 1976, 1: 422), *Багатаму і чорт у кашу маслам кӓдае* 'Богатому и черт в кашу маслом кидает' (ПП 1976, 1: 422).

Четвертую группу составляют чувашские и белорусские пословицы, которые формально различаются всем лексическим составом, кроме одного семантически доминантного лексического компонента. Напр.:

Лайӓх лашана пӓр пушӓ, чуман лашана ӓр пушӓ 'Хорошей лошади один кнут, ленивой лошади — сто кнутов' (ЧП 2012: 84) — бел. *Добры чалавек пабаіцца і кӓва, а благі не баіцца і кӓя* 'Хороший человек боится и кивка, а плохой не боится и палки' (СБПКВ 1997: 66);

Чӓрӓ ӓын чӓри чӓн мар 'Сердце человека не ремень' (ЧП, 2012: 110) — бел. *Сэрца не камень* 'Сердце не камень' (ПП 1976, 2: 255).

Пятую группу составляют чувашские и белорусские пословицы, которые формально различаются всем лексическим составом, кроме двух структурно связанных семантически доминантных лексических компонентов. Напр.:

Ватӓ ӓынтан ан кул, хута ватӓ пулӓн 'Не смейся над старым, и сам будешь старым' (ЧП 2012: 131) — бел. *Не смейся, брат, сам будзеш салдат* 'Не смейся, брат, сам будешь солдат' (ПП 1976, 1: 498), *Не смейся, брудзе, бо ӓ табе будзе* 'Не смейся над другими, и тебе будет то же самое' (ПП 1976, 2: 400).

Шестую группу составляют чувашские и белорусские пословицы, которые формально различаются всем лексическим составом, сохраняя при этом базовую синтаксическую структуру. Напр.:

Атӓл хӓрне ӓитмесӓр атта хывса ӓӓтас мар 'Не дойдя до Волги, не снимай сапоги' (ЧП 2012: 77), *Атӓла курмасӓр аттуна ан хыв* 'Не увидевши Волги, не снимай сапоги' (ЧП 2012: 77), *Атӓл хӓррине ӓитмесӓр аттуна ан хыв* 'Пока не дошел до Волги, сапог не скидывай' (ЧП 2012: 77), *Тинӓс хӓррине ӓитмесӓр аттуна ан хыв* 'Пока не дошел до моря, сапоги не снимай' (ЧП 2012: 77) — бел. *Рӓчкі не перапльӓ — няма чаго панчохі сушыць* 'Речки не переплыл — нечего портянки сушить' (СБПКВ 1997: 130);

Кӓлтунипе кӓлет лартаймӓн 'Молитвой клеть не построишь' (ЧП 2012: 80) — бел. *Базіканнем работы не зробіш* 'Болтовней работу не сделаешь' (ПП 1976, 2: 278).

Седьмую группу составляют чувашские и белорусские пословицы, которые формально различаются как по лексическому составу, кроме одного (или нескольких) семантически доминантных лексических компонентов, так и по синтаксической структуре. Напр.:

Пёр тус сёр нуьрӓн хакӓрах ‘Один друг дороже ста голов скота’ (ЧП 2012: 14) — бел. *Не май сто коп, май сто сяброў* ‘Не имей сто стогов сена, имей сто друзей’ (ПП 1976, 1: 382), ср. аналог белорусской пословицы в украинском языке *Не май сто кін, як сто друзів* (БІС 2020: 227), *Не май сто кін у полі, а май друзів доволі* (БІС 2020: 227);

Ят куҫа кӓмест, тӓтӓм куҫа кӓрет ‘Брань глаза не ест, дым глаза ест’ (ЧП 2012: 113) — бел. *Сорам не дым, вачэй не выеҫць* ‘Стыд не дым, глаз не выест’ (ТСП 2011: 489).

Все чувашские пословицы, тождественные белорусским по структурной модели, являются этнокультурно маркированными, поскольку имеют в своем лексическом составе специфические компоненты. Такой характер межъязыковой корреляции пословиц типичен для пословиц многих языков, однако всегда отличается количественно и качественно для каждой данной пары языков, что позволяет дифференцировать национальные пословичные фонды по типологической близости / отдаленности в лексико-синтаксической организации их единиц. Так, по количественному показателю тождественных структурных моделей и характеру их межъязыковых лексико-синтаксических различий пословицы чувашского языка типологически ближе белорусскому, чем тувинский язык, в котором меньше общее количество таких параллелей, и они ограничиваются в основном одной композиционной частью пословицы (вторая часть не учитывается при межъязыковом сопоставлении в силу преимущественно двухчастной структуры тувинских пословиц (Петрушевская, 2022b: 250–253).

Заключение

Сопоставление пословичных фондов чувашского и белорусского языков в аспекте выявления межъязыковых параллелей позволило установить, во-первых, пословицы-аналоги (тождественные или максимально близкие как по форме, так и по содержанию единицы), во-вторых, тождественные по структурной модели пословицы (в отношении семантически нетождественных или далеких по содержанию единиц).

Пословицы-аналоги в чувашском и белорусском языках дифференцируются по характеру межъязыковой общности на общие для чувашского, белорусского и многих других языков, не имеющих с ними близкого родства, ареальных и/или культурных контактов (универсальные), общие для чувашского, белорусского и ряда родственных, ареально или культурно контактирующих языков (интернациональные), общие для чувашского, белорусского и русского языков (заимствованные), а также общие только чувашского и белорусского языков (уникальные для данной пары языков).

Тождественные по структурной модели чувашские и белорусские пословицы дифференцируются на семь групп по степени возрастания различий в составе лексических компонентов и в синтаксических формах пословиц (от межъязыковых коррелятов, различающихся только одним лексическим компонентом, до коррелятивных в двух языках пословиц, отличающихся почти все лексическим составом и синтаксической структурой).

Результаты исследования показали, с одной стороны, неожиданно значительное количество прямых совпадений в структуре и семантике чувашских и белорусских пословиц, что свидетельствует о типологической близости пословичных фондов данных языков (поскольку каждая третья пословица в чувашском языке имеет аналогичную или коррелятивную по форме и смыслу пословицу в белорусском языке), а с другой стороны, высокую степень этнокультурной маркированности чувашских пословиц, что указывает на тесную связь типологически общего и специфического в пословичном фонде чувашского языка (более половины чувашских аналогов и коррелятов белорусских пословиц имеют в своем составе этнокультурно маркированные компоненты).

Ближайшей перспективой дальнейшего сопоставительного изучения пословичного фонда чувашского языка является характеристика в его составе пословиц и идентичными концептами и образами в белорусском языке, выявление провербиальных универсалий, интернационального корпуса единиц (на широком паремиологическом фоне), а также исчерпывающее описание пословичных аналогов и коррелятов в русском языке. Это позволит разработать необходимые теоретико-методологические основания и фактическую базу для последовательного сопоставительного исследования чувашских

пословиц с пословицами как отдельных индоевропейских, так алтайских языков, в том числе тувинского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алёшын, А. С., Иваноў, Я. Я. (2022) Матэрыялы да ўкладання беларуска-шведскага слоўніка прыказак // Труды Белорусского государственного технологического университета. Серия 4: Принт- и медиатехнологии. № 1(255). С. 86–95.

Афанасьева, Л. А. (2017) Чувашские пословицы и поговорки в контексте похоронно-поминальной обрядности // Современный учёный. № 5. С. 124–129.

Болат-оол, Р. В., Пелевина, Н. Н. (2017) Формирование образа женщины в тувинских и немецких пословицах // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. № 21. С. 29–32.

Бочина, Т. Г. (2022) Контраст в тувинских пословицах // Новые исследования Тувы. № 1. С. 37–46. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.3>

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю., Кужугет, Ш. Ю. (2021) Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 143–160. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>

Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Борисова, А. С., Лазарева, О. В. (2022) Числовой код тувинской лингвокультуры в пословицах (на фоне ряда тюркских и монгольских языков народов России) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 276–293. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.20>

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2021) Типология пословиц прибалтийско-финских народов России о богатстве и бедности (на европейском паремиологическом фоне) // Вестник угроведения. Т. 11. № 4. С. 607–615. DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615>

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2022a) Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц // Вопросы лексикографии. № 26. С. 5–29. DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2022b) Провербильные факторы перевода тувинских пословиц в аспекте нормативной и полилингвальной паремиографии (на фоне русского и английского языков) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 17–36. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>

Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2019) Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 3. С. 34–43.

Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2020) Русинская фразеология как пример культурно-языкового трансфера в славянских языках (на материале нумеративных единиц) // Русин. № 60. С. 198–212. DOI: <https://doi.org/10.17223/18572685/60/12>

Волкова, А. В., Карпеева, О. Я. (2012) Когнитивные средства репрезентации каузативной связи в пословицах английского и чувашского языков // Вестник Чувашского университета. № 4. С. 226–230.

Волкова, А. В., Карпеева, О. Я. (2013) Глагольная каузация как когнитивный способ выражения причинно-следственных связей в чувашских и английских пословицах // Вестник Чувашского университета. № 2. С. 162–165.

Димитриева, О. А., Михеева, С. Л. (2019) Чувашские пословицы о вере и верованиях // Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах / отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, М. Л. Ковшова. М.: Гнозис. 856 с. С. 453–463.

Егорова, А. И., Кондакова, А. П., Кужугет, М. А. (2020) Гендерные стереотипы в тувинских пословицах и поговорках // Новые исследования Тувы. № 1. С. 18–31. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.2>

Зиновьева, Е. И., Алёшин, А. С. (2022) Семья в компаративных паремиях тувинского, шведского и русского языков // Новые исследования Тувы. № 1. С. 131–145. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.9>

Зиновьева, Е. И., Алёшин, А. С. (2023) Тувинские паремии сравнительной семантики с компонентом *сөс* на иноязычном фоне // Новые исследования Тувы. № 3. С. 21–35. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.2>

Иванов, Е. Е. (2019a) Аспекты эмпирического понимания афоризма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 2. С. 381–401. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401>

Иванов, Е. Е. (2019b) О рекуррентности афористических единиц в современном русском языке // Русистика. Т. 17. № 2. С. 157–170. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170>

Иванов, Е. Е. (2020) Афоризм как объект лингвистики: основные признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. № 11 (4). С. 659–706. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706>

Иванов, Е. Е. (2022a) Семантическая типология тувинских пословиц (эмпирический и аксиологический аспекты) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 317–337. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22>

Иванов, Е. Е. (2022b) Абсурдные и парадоксальные пословицы в тувинском языке (онтологический и логический аспекты категоризации пословичной семантики) // Oriental Studies. Т. 15. № 6. С. 1373–1389. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1389>

Иванов, Е. Е. (2022c) Афоризм в кругу малых текстовых форм в устном, письменном и электронном дискурсах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 13. № 4. С. 898–924. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-898-924>

Иванов, Е. Е. (2022d) Функции афористических единиц в русском языке // Русистика. Т. 20. № 2. С. 167–185. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-167-185>

Иванов, Е. Е. (2023) Лингвокультурологический комментарий в тувинско-русско-английском паремиологическом словаре // Новые исследования Тувы. № 1. С. 243–258. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.14>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю. (2021) Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 220–233. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Петрушевская, Ю. А. (2021) Национальная специфичность пословичного фонда (основные понятия и методика выявления) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 12. № 4. С. 993–1032. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-993-1032>

Иванов, Е. Е., Марфина, Ж. В., Шкуран, О. В. (2022) Номинации животных в тувинских пословицах и поговорах: аспекты реализации и проблематика изучения // Новые исследования Тувы. № 1. С. 47–68. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

Иванов, Е. Е., Руис-Соррилья Крусате, М. (2021) Принципы и структура испанско-белорусского паремиологического словаря // Труды Белорусского государственного технологического университета. Серия 4: Принт- и медиатехнологии. № 2. С. 104–111.

Инюшкина, Н. В. (2017) Формирование духовно-нравственных ценностей и приобщение к традициям своего народа посредством чувашских пословиц и поговорок // Традиции и новации в дошкольном образовании. № 3 (3). С. 32–33.

Иваноў, Я. Я. (2011) Парэміялагічныя сістэмы беларускай і рускай моў: падабенствы і разыходжанні // Філолагічны студыі. № 6. Ч. 2. С. 53–63. (На беларус. яз.).

Иваноў, Я. Я. (2017) Афарыстычныя адзінкі ў беларускай мове. Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова. 208 с. (На беларус. яз.).

Иваноў, Я. Я., Петрушэўская, Ю. А. (2021) Асноўныя кампаненты прыказкі як моўнай адзінкі: прыказкавая структурна-семантычная мадэль // Весці БДПУ. Серыя 1: Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. № 4. С. 44–52. (На беларус. яз.).

Иваноў, Я. Я., Петрушэўская, Ю. А. (2022) Асноўныя кампаненты прыказкі як моўнай адзінкі: лексічны склад, граматычная арганізацыя, фармальныя і структурна-семантычныя варыянты // Весці БДПУ. Серыя 1: Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. № 1. С. 75–79. (На беларус. яз.).

Карпова, Н. С. (2014) Концепт «дорога» во фразеологических единицах чувашского языка // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. № 3 (83). С. 92–96.

Карпова, Н. С. (2016) Концепт «труд» в чувашских пословицах (на материале Аургазинского района) // Чуваши Башкортостана: язык, фольклор, культура: сб. науч. тр. / отв. ред. И. С. Мансуров. Стерлитамак : Филиал БашГУ. 99 с. С. 79–86.

Колесникова, С. М. (2022) Градуальная семантика русских и тувинских пословиц // Новые исследования Тувы. № 1. С. 90–103. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.6>

Кужугет, Ш. Ю., Сувандии, Н. Д., Дамбаа, Ш. В., Ламажаа, Ч. К. (2019) Концепт *төрөл* ‘родственник’ в языковой картине мира тувинцев // Новые исследования Тувы. № 3. С. 149–157. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.12>

Лепешаў, І. Я. (2006) Парэміялогія як асобны раздзел мовазнаўства. Гродна: ГрДУ. 279 с. (На беларус. яз.).

Ломакина, О. В. (2022) Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал // Новые исследования Тувы. № 1. С. 6–16. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Нелюбова, Н. Ю. (2022) Аксиологические доминанты паремий как типологические маркеры тувинской, русской и французской этнокультур // Новые исследования Тувы. № 1. С. 146–163. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>

Николаева, Е. К., Селиверстова, Е. И., Ломакина, О. В., Сувандии, Н. Д. (2023) Образ горы в тувинской паремике как проявление этномаркированной ментальности (на фоне алтайских, хакасских, бурятских и калмыцких пословиц) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 51–64. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.4>

Павлов, В. В. (2003) Чăваш гата туркă ваттисен сĕмахĕсен ушкăнĕсем [Смысловые группы чувашских и турецких пословиц] // Чăваш чĕлхипе литератури. Теори тата методика [Чувашский язык и литература. Теория и методика] / отв. ред. Л. П. Сергеев. Шупашкар : ЧГПУ. 154 с. С. 86–90. (На чуваш. яз.)

Павлов, В. В. (2004) Туркă тата чавăш ваттисен сĕмахĕсене пĕлтерĕшĕ тĕлĕшĕнчен хаклани // Весптак ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. № 1(39). С. 75–79. (На чуваш. яз.)

Паремиология без границ (2020) / под ред. М. А. Бредиса, О. В. Ломакиной. М. : Изд-во РУДН. 244 с.

Паремиология на перекрестках языков и культур (2021) / под ред. Е. Е. Иванова, О. В. Ломакиной. М. : Изд-во РУДН. 246 с.

Петрушевская, Ю. А. (2022a) Белорусские параллели вепсских пословиц: в поисках типологически общего и этноспецифического // Вестник угроведения. Т. 12. № 3. С. 497–505. DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-3-497-505>

Петрушевская, Ю. А. (2022b) Тувинские и белорусские пословичные параллели (типологическая общность на фоне этнокультурной специфичности) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 241–263. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.16>

Петрушевская, Ю. А. (2023) Провербиальные универсалии в тувинском пословичном фонде (на фоне современных европейских языков) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 259–279. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.15>

Петрушэўская, Ю. А. (2021) Моўная спецыфічнасць і нацыянальная адметнасць прыказак беларускай мовы. Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова. 220 с. (На белорус. яз.)

Поликарпова, С. Ю. (2017) Значение и функции пословицы в стилевой структуре произведения Хведера Сюина «Улып. Чувашский эпос» // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. № 3–2 (95). С. 116–121.

Пушкина, К. В. (2022) Семейные ценности в русских и чувашских пословицах и поговорках // Проблемы современного педагогического образования. № 74. Ч. 4. С. 208–211.

Пушкина, К. В., Игнатьева, Т. С. (2021) Сравнительно-сопоставительный анализ концепта «здоровье» в английских, русских и чувашских пословицах // Филология: научные исследования. № 9. С. 73–82. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2021.9.34343>

Селиверстова, Е. И. (2022) Бинарные структуры в тувинских пословицах как проявление национально-маркированного видения мира // Новые исследования Тувы. № 1. С. 115–130. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.8>

Семенова Г. Н., Якимова Н. И. (2022) Феномен репрезентации обобщенного субъекта пословиц и поговорок в чувашском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 15. № 8. С. 2531–2535. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20220435>

Сорокина, О. В., Якимова, Н. И. (2016) Паремия с компонентом модальности в чувашском и турецком языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 12(66). Ч. 4. С. 182–184.

Сувандии, Н. Д. (2023) Чер 'земля' в паремиях тувинцев // Новые исследования Тувы. № 1. С. 26–37. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.2>

Терентьева, О. Н. (2013) Чувашские пословицы и поговорки: аксиологический аспект // Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа / отв. ред. А. В. Кузнецов. Чебоксары : ЧГИГН. Вып. 2. 307 с. С. 124–150.

Alyoshin, A., Ivanov, E. (2023) Swedish parallels of Belarusian proverbs: Structural-semantic modeling // Scandinavian Philology. Vol. 21. № 1. P. 5–23. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.101>

Ivanov, E. (2002) Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian). Prague : RSS. 136 p.

Seliverstova, E. I. (2020) Levels of Manifestation of Typological Similarity in Proverbs of Different Languages // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. Vol. 11. № 2. P. 198–212. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-198-212>

Дата поступления: 23.10.2023 г.

Дата принятия: 19.11.2023 г.

REFERENCES

- Aleshin, A. S. and Ivanou, Ya. Ya. (2022) Materials for the Belarusian-Swedish dictionary of proverbs. *Proceedings of BSTU*, issue 4, no. 1 (255), pp. 86–95. (In Belarusian).
- Afanaseva, L. A. (2017) Chuvash proverbs and sayings in the context of the funeral and memorial rites. *Sovremenniy ucheniy*, no. 5, pp. 124–129. (In Russ.).
- Bolat-ool, R. V. and Pelevina, N. N. (2017) On woman's image in Tuvian and German proverbs. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova*, no. 21, pp. 29–32. (In Russ.)
- Bochina, T. G. (2022) Contrast in Tuvan proverbs. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 37–46. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.3>
- Bredis, M. A., Ivanov, E. E., Lomakina, O. V., Nelyubova, N. Yu. and Kuzhuget, Sh. Yu. (2021) A lexicographical description of Tuvan proverbs: Principles, structure and an ethnolinguoculturological commentary as compared to European paremies. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 143–160. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>
- Bredis, M. A., Lomakina, O. V., Borisova, A. S. and Lazareva, O. V. (2022) Numerical code of Tuvan linguistic culture in proverbs (against the background of a number of Turkic and Mongolian languages of the peoples of Russia). *New Research of Tuva*, no 4, pp. 276–293. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.20>
- Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2021) Typology of proverbs of the Baltic-Finnish peoples of Russia about wealth and poverty (On the European paremiological material). *Bulletin of Ugric Studies*, vol. 11, no. 4, pp. 607–615. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615>
- Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2022a) Linguoculturological commentary in polylingual dictionaries of proverbs. *Russian Journal of Lexicography*, no. 26, pp. 5–29. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>
- Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2022b) Proverbial factors in translating Tuvan proverbs in the light of normative and poly-lingual paremiography (As contrasted to Russian and English languages). *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 17–36. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>
- Bredis, M. A., Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2019) A proverb in modern linguistics: definition, status, functioning. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 34–43. (In Russ.)
- Bredis, M. A., Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2020) Rusin phraseology as an example of cultural and linguistic transfer in slavic languages (based of numerative units). *Rusin*, no. 60, pp. 198–212. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/18572685/60/12>
- Volkova, A.V. and Karpeeva, O. Ya. (2012) Cognitive representation means of cause in english and chuvash proverbs. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, no. 4, pp. 226–230. (In Russ.).
- Volkova, A.V. and Karpeeva, O. Ya. (2013) Verbal cognitive causation as a way of expressing cause-effect relationship in the chuvash and english proverbs. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, no. 2, pp. 162–165. (In Russ.).
- Dimitrieva, O. A. and Mikheeva, S. L. (2019) Chuvash proverbs about faith and believes. *Logical analysis of language. The concept of faith in different languages and cultures*. Ed. by N. D. Arytyunova and M. L. Kovshova. Moscow, Gnozis. 856 p. Pp. 453–463. (In Russ.).
- Egorova, A. I., Kondakova, A. P. and Kuzhuget, M. A. (2020) Gender stereotypes in Tuvan proverbs and sayings. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 18–31. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.2>
- Zinovieva, E. I. and Alyoshin, A. S. (2022) The family in comparative paremies of Tuvan, Swedish and Russian languages. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 131–145. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.9>
- Zinovieva E. I. and Alyoshin A. S. (2023) Tuvan paroemias of comparative semantics with the component cec as compared to foreign language material. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 21–35. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.2>
- Ivanov, E. E. (2019a) Aspects of empirical understanding of aphorism. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, no. 10(2), pp. 381–401. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401>
- Ivanov, E. E. (2019b) Aphoristic units recurrence in modern Russian language. *Russian Language Studies*, no. 17(2), pp. 157–170. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170>
- Ivanov, E. E. (2020) Aphorism as an object of linguistics: the main properties. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, no. 11(4), pp. 659–706. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706>
- Ivanov, E. E. (2022a) Semantic typology of Tuvan proverbs (Empirical and axiological aspects). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 317–337. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.22>

Ivanov, E. E. (2022b) Absurd and paradoxical proverbs in Tuvan: Ontological and logical aspects of the categorization of proverbial semantics. *Oriental Studies*, vol. 15, no. 6, pp. 1373–1388. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1389>

Ivanov, E. E. (2022c) Aphorism in the circle of small text forms in oral, written and electronic discourses. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 13, no. 4, pp. 898–924. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-4-898-924>

Ivanov, E. E. (2022d) Functions of aphoristic units in the Russian language. *Russian Language Studies*, vol. 20, no. 2, pp. 167–185. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-2-167-185>

Ivanov, E. E. (2023) Linguoculturological commentary in the Tuvan-Russian-English Paremiological Dictionary. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 243–258. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.14>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Nelyubova, N. Yu. (2021) Semantic analysis of Tuvan proverbs: models, imagery, concepts (against the European paremiological background]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 232–248. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Petrushevskaya, Yu. A. (2021) The national specificity of the proverbial fund: Basic concepts and procedure for determining. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 12, no. 4, pp. 993–1032. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-993-1032>

Ivanov, E. E., Marfna, Zh. V. and Shkuran, O. V. (2022) Animal nouns in Tuvan proverbs and sayings: Problems of studying and aspects of functioning. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 47–68. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

Ivanov, E. E. and Ruiz-Zorrilla Cruzate, M. (2021) Principles and structure of Spanish-Belarusian paremiological dictionary. *Proceedings of BSTU*, issue 4, no. 2 (244), pp. 104–111 (In Russ).

Inyushkina, N.V. (2017) Formation of spiritual and moral values and familiarization with the traditions of one's people through Chuvash proverbs and sayings. *Traditions and innovations in preschool education*, no. 3 (3), pp. 32–33. (In Russ.).

Ivanou, Ya. Ya. (2011) Paremiological systems of the Belarusian and Russian languages: similarities and differences. *Philological studies: Scientific Bulletin of Kryvyi Rih State Pedagogical university*, no 6, vol. 2, pp. 53–63. (In Belarusian).

Ivanou, Ya. Ya. (2017) *Aphoristic units in the Belarusian language*. Mogilev, MSU named after A. A. Kuliashova. 208 p. (In Belarusian).

Ivanou, Ya. Ya. and Petrusheuskaya, Yu. A. (2021) The main components of a proverb as a linguistic unit: A proverbial structural and semantic model. *BDPU Bulletin. Series 1: Pedagogic. Psychology. Philology*, no. 4, pp. 48–52. (In Belarusian)

Ivanou, Ya. Ya. and Petrusheuskaya, Yu. A. (2022) Main components of a proverb as a language unit: Lexical content, grammatical organization, formal and structural and semantic variants. *BDPU Bulletin. Series 1: Pedagogic. Psychology. Philology*, no. 1, pp. 75–79. (In Belarusian)

Karpova, N. S. (2014) Concept “doroga” in phraseological units of the chuvash language. *I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*, no. 3 (83), pp. 92–96. (In Russ.).

Karpova, N. S. (2016) The concept “trud” in the Chuvash proverbs (on the material of the Aurgazinsky district). *Chuvash of Bashkortostan: language, folklore, culture*. Ed. by I. S. Mansurov. Sterlitamak, Filial BashSU. 99 p. Pp. 79–86. (In Russ.).

Kolesnikova, S. M. (2022) Gradable semantics in Russian and Tuvan proverbs. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 90–103. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.6>

Kuzhuget, Sh. Yu., Suvandii, N. D., Dambaa, Sh. V. and Lamazhaa, Ch. K. (2019) The concept *törel төрөл* (‘relative’) in the Tuvan linguistic world picture. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 149–157. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.12>

Lepeshau, I. Ya. (2006) *Paremiology as a separate branch of linguistics*. Grodno, GrSU. 279 p. (In Belarusian).

Lomakina, O. V. (2022) Tuvan paremiology: Its linguoculturological and linguoaxiological potential. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–16. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

Nelyubova, N. Yu. (2022) Axiological dominants of paremies as typological markers in Russian, Tuvan and French ethnic cultures. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 146–163. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>

Nikolaeva, E. K., Seliverstova, E. I., Lomakina, O. V. and Suvandii N. D. (2023) The image of a mountain in Tuvan paroemias as a manifestation of ethno-marked mentality (as compared to Altai, Khakas, Buryat and Kalmyk proverbs). *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 51–64. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.4>

Pavlov, V. V. (2003) Semantic groups of Chuvash and Turkish proverbs. In: *Chuvash language and literature. Theory and Methods*. Ed. by L. P. Sergeev. ChSPPU. 154 p. Pp. 86–90. (In Chuvash).

Pavlov, V. V. (2004) Evaluative semantics of Turkish and Chuvash proverbs. *I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*, no. 1 (39), pp. 75–79. (In Chuvash).

Paremiology without Borders (2020) / ed. by M.A. Bredis, O.V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 244 p. (In Russ.)

Paremiology at the crossroads of languages and cultures (2021) / ed. by E. E. Ivanov and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 246 p. (In Russ.).

Petrushevskaya, Yu. A. (2022a) Belarusian parallels of Vepsian proverbs: in search of typologically common and ethno-specific. *Bulletin of Ugric Studies*, no. 12 (3), pp. 497–505. DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-3-497-505>

Petrushevskaya, Yu. A. (2022b) Tuvan and Belarusian proverbial parallels (Typological community amid ethnocultural specificity). *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 241–263. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.3.16>

Petrushevskaya, Yu. A. (2023) Universals in the Tuvan proverbial fund (as compared to modern European languages). *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 259–279. (In Russ.). DOI: [10.25178/nit.2023.1.15](https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.15)

Petrushevskaya, Yu. A. (2021) *Belarusian Proverbs: Language Specifics and Ethnic Features*. Mogilev, MSU named after A. A. Kuliashova. 220 p. (In Belarusian)

Polikarpova, S. Yu. (2017) Significance and Function of proverbs in stylistic structure in “Ulyp. Chuvash Epic” by Khveder Syuin. *I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*, no. 3–2 (95), pp. 116–121. (In Russ.).

Pushkina, K. V. (2022) Family values in Russian and Chuvash proverbs and sayings. *Problems of modern pedagogical education*, no. 74, issue 4, pp. 208–211. (In Russ.).

Pushkina, K. V. and Ignatieva, T. S. (2021) Comparative Analysis of the concept of “health” in the English, Russian and Chuvash proverbs. *Filologia: nauchniye issledovaniya*, no. 9, pp. 73–82. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2021.9.34343>

Seliverstova, E. I. (2022) Binary structures in Tuvan proverbs as a manifestation of the nationally marked vision of the world. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 115–130. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.8>

Semenova, G. N. and Yakimova, N. I. (2022) Phenomenon of Representing Generalized Subject of Proverbs and Sayings in the Chuvash Language. *Philology. Theory and Practice*, vol. 15, no. 8, pp. 2531–2535. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20220435>

Sorokina, O. V. and Yakimova, N. I. (2016) Paroemia with modal component in Chuvash and Turkish. *Philology. Theory and Practice*, vol. 12 (66), issue 4, pp. 182–184. (In Russ.).

Suvandii, N. D. (2023) *Cher ‘earth’ in Tuvan paroemias*. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 26–37. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.2>

Terentieva, O. N. (2013) Chuvash proverbs and sayings: axiological aspect. In: *Current issues in the history and culture of the Chuvash people*. Ed. by A. V. Kuznetsov. Cheboksary, ChSIHS. Vol. 2, 307 p. Pp. 124–150. (In Russ.).

Alyoshin, A. and Ivanov, E. (2023) Swedish parallels of Belarusian proverbs: Structural-semantic modeling. *Scandinavian Philology*, no. 21(1), pp. 5–23. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.101>

Ivanov, E. (2002) *Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian)*. Prague, RSS. 136 p.

Seliverstova, E. I. (2020) Levels of Manifestation of Typological Similarity in Proverbs of Different Languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol 11, no. 2, pp. 198–212. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-198-212>

Submission date: 23.10.2023.

Accepted date: 19.11.2023.

DOI: 10.25178/nit.2024.1.16

БУДДИЙСКИЙ МИР

Статья

Экологическая этика в буддизме: традиции и современный опыт**Мерген С. Уланов, Валерий Н. Бадмаев, Василий Х. Хомутников***Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова, Российская Федерация*

Статья посвящена специфике экологической этики буддизма. В работе рассматривается дискурс, связанный с феноменом эcobуддизма, исследуется отношение к природе в традиционном буддизме, анализируется взгляд современных буддистов на экологическую проблематику, рассматриваются буддийские экологические движения и организации, показана экологическая деятельность буддийского духовенства в России.

Источниковая база исследования разделена на две группы. К первой группе относятся древние буддийские тексты, содержащие элементы экологической этики. Ко второй группе источников можно отнести труды современных буддийских мыслителей. Многие современные буддологи и буддийские активисты считают, что буддизм обладает значительным потенциалом для решения современных экологических проблем. В их трудах можно обнаружить появление нового теоретического измерения буддийской традиции — эcobуддизма. Существуют и более скептические точки зрения на данный вопрос. Критики эcobуддизма подчеркивают, что традиционный буддизм служит в первую очередь сотериологической цели, и что попытка экологизации искажает исторические традиции и доктринальные установки. Однако, даже признание факта определённой реинтерпретации и модификации буддийского учения, не отменяет того факта, что идеи эcobуддизма не противоречат духу и основным принципам буддийского мировоззрения. Анализ таких важных положений буддизма как учения о всеобщей взаимозависимости, карме, ненасилии и сострадании показывает, что они несут в себе серьёзный экологический потенциал, что позволяет говорить о существовании буддийской экологической этики.

Сегодня многие буддисты принимают активное участие в борьбе за сохранение окружающей среды, опираясь на экологические установки буддийской традиции. Большой вклад в дело охраны окружающей среды вносят авторитетные буддийские лидеры, в частности, Его Святейшество Далай-лама XIV. Необходимо отметить и деятельность буддийского духовенства Бурятии, Калмыкии и Тувы, которое принимает участие в экологических акциях, а также ведет работу по формированию экологического сознания у местного населения.

Ключевые слова: буддизм; экология; эcobуддизм; экологическая этика; ахимса; учение о взаимозависимости; Далай-лама XIV; буддийское экологическое движение; буддизм в России

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (№075-03-2023-121/2 «Буддизм и глобальные вызовы современного мира»).

Для цитирования:

Уланов М. С., Бадмаев В. Н., Хомутников В. С. Экологическая этика в буддизме: традиции и современный опыт // Новые исследования Тувы. 2024, № 1. С. 247-264. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.16>

Уланов Мерген Санджиевич — доктор философских наук, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и культурологии Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова. Адрес: 358000, Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11, каб. 111. Эл. адрес: ulanov1974@mail.ru

Бадмаев Валерий Николаевич — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и культурологии Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова. Адрес: 358000, Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11, каб. 111. Эл. адрес: badmav07@yandex.ru

Хомутников Василий Хонгорович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова. Адрес: 358000, Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11, каб. 111. Эл. адрес: erdni08@yandex.ru

BUDDHIST WORLD

Article

Ecological ethics in Buddhism: traditions and modern experience

Mergen S. Ulanov, Valery N. Badmaev, Vasily Kh. Khomutnikov

Kalmyk State University, Russian Federation

The article explores the specifics of ecological ethics in Buddhism. The discourse related to the phenomenon of Eco-Buddhism is examined, and the attitude towards nature in traditional Buddhism is investigated. The views of contemporary Buddhists on ecological issues are analyzed, along with Buddhist ecological movements and organizations. The ecological activities of Buddhist clergy in Russia are also highlighted.

The research is based on two groups of sources. The first group includes ancient Buddhist texts containing elements of ecological ethics. The second group comprises works by modern Buddhist thinkers. Many contemporary Buddhologists and Buddhist activists believe that Buddhism has significant potential to address modern ecological problems. In their works, a new theoretical dimension of Buddhist tradition, known as Eco-Buddhism, emerges. However, there are more skeptical perspectives on this matter. Critics of Eco-Buddhism emphasize that traditional Buddhism primarily serves soteriological goals and that attempts to environmentalize it distort historical traditions and doctrinal principles.

Nevertheless, even acknowledging a certain reinterpretation and modification of Buddhist teachings does not negate the fact that Eco-Buddhism's ideas align with the spirit and fundamental principles of Buddhist worldview. Analyzing crucial tenets of Buddhism, such as the doctrine of interdependence, karma, non-violence (ahimsa), and compassion, reveals a serious ecological potential, indicating the existence of Buddhist ecological ethics.

Today, many Buddhists actively participate in environmental conservation efforts, drawing on the ecological principles of Buddhist tradition. Significant contributions to environmental preservation are made by authoritative Buddhist leaders, particularly His Holiness the 14th Dalai Lama. The activities of Buddhist clergy in Buryatia, Kalmykia, and Tuva are noteworthy, as they engage in ecological actions and work towards fostering ecological awareness among the local population.

Keywords: Buddhism; ecology; Eco-Buddhism; ecological ethics; ahimsa; doctrine of interdependence; 14th Dalai Lama; Buddhist ecological movement; Buddhism in Russia

Financing

The work was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (No. 075-03-2023-121/2 "Buddhism and global challenges of the modern world").

For citation:

Ulanov M. S., Badmaev V. N. and Khomutnikov V. Kh. Ecological ethics in Buddhism: traditions and modern experience. *New Research of Tuva*, 2024, no. 1, pp. 247-264. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.16>

ULANOV, Mergen Sandzhievich, Doctor of Philosophy, Candidate of History, Head, Department of Philosophy and Cultural Studies, Kalmyk State University. Postal address: office 111, Pushkin St. 11, 358000, Elista, Russia. E-mail: ulanov1974@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-6749-7424

BADMAEV, Valeriy Nikolaevich, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Cultural Study, Kalmyk State University. Postal address: office 111, Pushkin St. 11, 358000, Elista, Russia. E-mail: badmav07@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-1066-8314

KHOMUTNIKOV, Vasily Khongorovich, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Cultural Study, Kalmyk State University. Postal address: office 111, Pushkin St. 11, 358000, Elista, Russia. E-mail: erdni08@yandex.ru

Введение

В современную эпоху возникает необходимость поиска новых моделей взаимоотношения человека и природы. Экологические проблемы являются наиболее важными и неотложными для всего мира. И религия справедливо считается одним из ресурсов для формирования новых путей решения экологического вопроса. Религиозные организации всего мира сегодня оказывают значительную поддержку инициативам и проектам, направленным на защиту глобальной экологии. В этой связи следует отметить, что буддизм, являясь одной из мировых религий, обладает широким потенциалом ценностных установок по отношению к природе. В последние десятилетия представители буддийского духовенства и буддийские активисты-миряне начинают все большее внимание уделять решению экологических проблем, возникло новое теоретическое измерение буддийской традиции — экобуддизм. Под ним можно понимать одно из направлений социально вовлеченного буддизма, целью которого является сохранение окружающей среды и привлечение буддистов к решению экологических проблем. Не остаются в стороне от этого дискурса и буддисты России, представляющие прежде всего такие традиционно буддийские регионы, как Бурятия, Калмыкия и Тува.

Цель данной статьи — рассмотреть особенности экологической этики в традиционном буддизме и его современных практиках. В соответствии с указанной целью ставятся следующие задачи: рассмотреть дискурс, связанный с феноменом экобуддизма; исследовать отношение к природе в традиционном буддизме; проанализировать взгляд современных буддистов на экологическую проблематику; рассмотреть деятельность буддийских экологических движений и организаций; изучить экологическую деятельность буддийского духовенства в России.

Объектом настоящего исследования является экологическая этика буддизма. Предметом исследования выступают религиозно-философские основания экологической этики буддизма, которые определили специфику ее формирования, а также ее современное состояние и практическое выражение.

Источниковую базу исследования в соответствии с целью охвата разных временных периодов можно разделить на две группы. К первой группе относятся древние буддийские тексты, содержащие элементы экологической этики. Это, в частности, махаянские «Махапаринирвана-сутра»¹ и «Ланкаватара-сутра»², тхеравадинская «Кутаданта сутта»³, поэма великого индийского махаянского мыслителя Шантидевы «Путь Бодхисаттвы» (VIII в.)⁴, а также сборник буддийских рассказов «Гирлянда джатак» индийского поэта Арья Шуры⁵ (ок. IV в.). Ко второй группе источников относятся труды известных современных буддийских мыслителей: Его Святейшества Далай-ламы XIV⁶, Тхить Няг Хана⁷, Дайсаку Икеды⁸. Большая часть данных работ использовалась нами в русском переводе.

В основу теоретико-методологической базы данного исследования были положены комплексный, системный и междисциплинарный подходы. Комплексный подход предполагает исследование объекта во всей его многогранности и многоаспектности. Системный подход предполагает рассмотрение любого изучаемого феномена как определённого комплекса взаимосвязанных частей или элементов. При междисциплинарном подходе, как правило, используется теоретико-методологический инструментарий сразу нескольких научных дисциплин, в нашем случае, истории, философии и культурологии. Исследование экологической этики буддизма в разные исторические периоды и в

¹ Махапаринирвана-сутра. Сутра о Великой Нирване [Электронный ресурс] // Сайт abhidharma.ru. URL: <https://abhidharma.ru/A/Vedalla/Content/TK/Mahaparinirvana/0001.htm> (дата обращения: 01.09.2023).

² Ланкаватара-сутра или Сутра явления [Благого Закона] на Ланке [Электронный ресурс] // Сайт daolao.ru. URL: http://daolao.ru/Lankavatara/lanka_full/lanka08.htm (дата обращения: 01.09.2023).

³ Кутаданта сутта [Электронный ресурс] // Колесо Дхаммы. Сайт учения Будды в его исходном виде. URL: <https://dhamma.ru/canon/dn/dn05.htm> (дата обращения: 01.09.2023).

⁴ Шантидева. Путь Бодхисаттвы. СПб.: Шанг-Шунг, 1999. 232 с.

⁵ Арья Шура. Гирлянда джатак, или Сказания о подвигах Бодхисаттвы. 2-е изд., доп. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000.

⁶ Далай-лама XIV. Глобальная ответственность и климатический кризис // Буддийский ответ на климатический кризис. М.: Ганга, 2021. С. 49–64; Далай-лама. Этический подход к охране окружающей среды // Далай-лама. Политика доброты : сборник. М.: ТОО «Путь к себе», 1996. С. 108–110.

⁷ Hanh T. N. The world we have: A Buddhist approach to peace and ecology. Berkeley, CA: Parallax Press, 2008.

⁸ Тойнби А. Дж., Икеда Д. Избери жизнь. Диалог Арнольда Дж. Тойнби и Дайсаку Икеды. М.: Изд-во Московского ун-та, 2007.

разных регионах мира предполагает применение сравнительно-исторического подхода. Кроме того, взгляд буддизма на экологическую проблему нуждается в комплексном философском рассмотрении.

Обзор литературы

Многие современные буддологи и буддийские активисты¹ считают, что буддизм обладает значительным потенциалом для решения современных экологических проблем (Harvey, 2000; Brown, 1993; Масу, 1990; Sponberg, 1997; и др.). Эти убеждения получили отражение в их монографиях, статьях, в научных и научно-популярных журналах, посвященных экологической проблематике в буддизме. В этих трудах появилась новейшая социальная тенденция эcobуддизма, сторонников которых можно назвать эcobуддистами.

Эcobуддисты используют множество аргументов: буддийские доктрины, тексты, этические ценности и ритуальные практики. Обычно, в качестве примера экологичности буддизма приводят такие доктринальные положения буддизма, как концепция взаимозависимости, учение о природе Будды, этические идеи любящей доброты и сострадания, на которых могла бы строиться современная экологическая этика. Так, по мнению буддийской эcobуддистки Джоанны Мэйси, в буддизме эгоистическое понятие личности заменяется более широкой моделью идентичности, которую можно определить как «экологическое я» или «эко-я» (Масу, 1990: 53). В качестве аргумента в защиту мнения о традиционной эcobуддизма можно привести факты из ранней истории буддизма, в частности, деятельность индийского царя Ашоки (III век до н. э.), в эдиктах которого, наряду с буддийскими принципами, содержатся призывы к заботе о природе и животных. Известно, что он приказал строить лечебницы не только для людей, но и для животных. Исследователи отмечают, что по его приказу «для удовольствия животных и людей» повсеместно рылись колодцы и сажались деревья (Алексеева, 2005: 87).

Современные эcobуддисты нашли в одной из центральных идей буддизма — принципе взаимозависимости — экологическую установку, объединяющую все аспекты экосферы. В рамках этой онтологической модели все существа по своей природе связаны друг с другом отношениями (Босенко, Хан, 2023: 15). Эcobуддисты также указывают на идеал бодхисаттвы, который учит, что высшей целью буддизма является счастье всех живых существ. Этот идеал призывает развивать в высшей степени альтруистическое и сострадательное сознание, способное посвятить себя деятельности, направленной на благополучие всех существ. Буддийские экологические активисты также полагают, что охрана окружающей среды — это форма накопления заслуг, которая является важной практикой в буддизме. Накапливая заслуги посредством защиты живой природы, буддисты обеспечивают лучшее перерождение и делают серьезный шаг к просветлению.

Социально вовлеченные буддисты отмечают: для того, чтобы стать действенной силой социальных преобразований, традиционный буддизм, с его ориентацией на индивидуальное духовно-нравственное преобразование личности, должен быть дополнен экологической этикой и экологическим активизмом. Они считают, что буддисты должны бороться с такими негативными чертами, как невежество, привязанность, алчность, гнев и т. д., которые буддизм определяет как коренные причины страданий человека, не только на личностном, но и на социальном, институциональном уровнях. Придерживаясь принципа простого и нравственного образа жизни, буддийские активисты применяют свою критику и практику к конкретным социальным и экологическим проблемам (Perasso, 2019: 16–18).

Однако существуют и более скептические точки зрения. Критики эcobуддизма утверждают, что традиционный буддизм не был таким уж экологическим, как его представляют сегодня. Так, Л. Шмитхаузен, рассматривая раннюю буддийскую литературу, признает, что в раннем буддизме трудно обнаружить экологическую этику в силу наличия в ней противоположных взглядов на природу (Schmithausen, 1985). Дж. Б. Калликотта также отмечает, что экологическая этика основывается на мироутверждающем отношении к природе, в то время как индийские философские системы, включая буддизм, демонстрируют нам равнодушие к миру природы (Callicott, 1987: 125). Я. Харрис полагает, что буддийские канонические тексты не всегда соответствуют положениям современной экологической этики (Harris, 1991: 101). По его мнению, экологически ориентированный буддизм

¹ Необходимо отметить, что разграничить работы буддологов и буддийских активистов достаточно сложно, так как многие буддологи на Западе являются буддистами.

представляет собой попытку западных буддистов сформулировать буддийский ответ на современные экологические проблемы. Харрис указывает на сотериологические идеалы буддизма, которые оставляют мало места для положительных оценок природы как части сансары (Harris, 1995: 205). М. Блум также считает, что в раннем буддизме не было установки на принятие и почитание природы; здесь предлагалось устранить в себе всякую привязанность к природе (Blum, 2009: 215).

В целом, критики эcobуддизма подчеркивают, что традиционный буддизм служит в первую очередь сотериологической цели, и что попытка экологизации искажает исторические традиции и доктринальные установки.

Российские исследователи данной проблемы, в целом, разделяют точку зрения о том, что буддизм располагает оригинальной экологической этикой и «способен оказать значительное влияние на формирование экологического сознания у населения» (Ленхобоева, 2022: 8). Так, по мнению О. В. Доржигушаевой, такие ключевые концепты буддизма, как карма, ахимса, бодхичитта, сформировали специфическую экологическую этику, которая оказала позитивное влияние на культуру многих народов Востока, «прививая бережное отношение к окружающему миру» (Доржигушаева, 2013: 254). О. В. Доржигушаева также делает вывод о том, что «буддийское мировоззрение может использоваться в качестве аргументации для решения современных проблем экологии» (Доржигушаева, 2022: 57). Н. Ц. Хантургаева и О. В. Доржигушаева отмечают определенное влияние экологической этики буддизма и на религиозное сознание современных буддистов Бурятии (Хантургаева, Доржигушаева, 2019: 191).

Более подробно экологические аспекты буддизма рассматриваются в монографии «Экологическая этика: буддизм и современность», авторы которой, В. В. Мантатов и О. В. Доржигушаева, видят в буддийской культуре определенный экологический компонент (Мантатов, Доржигушаева, 1997). В данной работе анализируются философские основания и ключевые идеи буддийской экологической этики, а также перспективы устойчивого развития человечества в контексте буддийского мировоззрения.

В монографии Н. В. Абаева и У. П. Опей-оол «Тэнгрианство, буддизм и экологические культы в Центральной Азии и Транс-Саянии» делается вывод о том, что народы Центральной Азии и Саянского региона имеют традиционную экологическую культуру, которая основывается на буддийских и тэнгрианских принципах и ценностях (Абаев, Опей-оол, 2009). Схожие взгляды на экологическую этику буддизма можно найти в работе Н. В. Абаева и В. Р. Фельдмана «Этноконфессиональные традиции и экологическая культура народов Центральной Азии и Алтай-Байкальского региона» (Абаев, Фельдман, 2007). С. В. Гречишкина отмечает, что в основу современной «экофосфской концепции также могут лечь такие идеи буддизма, как отказ от убийства, отказ от жадности, ненависти и эгоизма, а также идея единства и взаимосвязи всех явлений и предметов» (Гречишкина, 2015: 32). К. И. Шилин, разработавший оригинальную концепцию экософии, даже определяет буддизм как «глобальную экософию будущего» (Шилин, 1997: 245).

В целом, можно отметить, что в современной зарубежной и отечественной буддологии накоплен значительный эмпирический материал, связанный с экологическими аспектами буддийской культуры. В то же время существует необходимость в философско-религиоведческом анализе имеющихся сведений, что и определяет научно-исследовательскую задачу нашей работы.

Что же касается дискурса вокруг феномена эcobуддизма, то даже если признать факт некоторой реинтерпретации и модификации эcobуддистами традиционных доктрин и практик, необходимо отметить, что данные попытки не противоречат общему буддийскому мировоззрению. Подобного рода примеры модификации доктрин с учетом изменившейся социальной и экологической ситуации можно наблюдать и в практике других традиционных религий. Кроме того, эcobуддизм не представляет собой лишь западное явление, его идеи разделяют многие духовные лидеры буддийского Востока, в том числе и Его Святейшество Далай-лама XIV.

Отношение к природе в традиционном буддизме

В буддийской культуре можно выделить ряд учений и аспектов, которые тесно связаны с его экологической этикой. Несмотря на то, что данные идеи и аспекты уже отчасти рассматривались в вышеперечисленных работах, они, на наш взгляд, нуждаются в более подробном философско-религиоведческом анализе, особенно с учетом упомянутого дискурса и критики эcobуддизма.

Учение о ненасилии. Ахимса — это идея непричинения вреда, которая получила широкое распространение в буддизме, а также в других религиях индийского происхождения. Понятие ахимсы встречается уже в ранних текстах Упанишад (VIII в. до н. э.), где она входит в число пяти добродетелей. Однако основной добродетелью она стала уже в учении джайнов и буддистов, которые осуждали кровавые жертвоприношения брахманизма.

Буддийские сутры дают конкретные определения ахимсы, такие, как воздержание от лишения жизни других существ, включая животных. Во многих буддийских культурах понимание ахимсы в основном связано с воздержанием от лишения жизни других, первой из пяти главных заповедей буддизма. Но, по сути, ахимса означает не причинение вреда другим. Поскольку мир вокруг нас постоянно меняется, определение ахимсы можно интерпретировать таким образом, чтобы оно отвечало современной ситуации и потребностям современных людей. Сегодня ахимсу можно понимать и с экологической позиции, как традиционную экологическую этику. В этом случае на первое место выходит ненасильственный подход к животным, к природе, в целом. Экологическая этика подразумевает гармоничное сосуществование людей и природы. Это, по мнению эcobуддистов, возможно только тогда, когда человек соблюдает ахимсу по отношению к другим живым существам.

Хотя в буддийском нравственном кодексе для монахов нет прямых запретов на употребление мяса, вегетарианство в буддизме, несомненно, приветствуется. В то же время, в некоторых традициях буддизма, например, в китайском буддизме, вегетарианство является обязательной нормой для монахов. В некоторых текстах, таких как Ланкаватара-сутра, прямо утверждается необходимость отказа от мяса: «...бодхисаттвы, милосердные по сути своей, не едят какого-либо мяса в силу неисчислимых причин...»¹. В Ланкаватара-сутре есть даже специальная глава «О поедании мяса», где «всё [мясное] запрещается [к употреблению в пищу] для всех — в какой бы то ни было форме, каким-либо образом, в каком-либо месте и при каких бы то ни было обстоятельствах»². Впрочем, некоторые исследователи (в частности, Д. Судзуки) ставят под сомнение аутентичность данной главы и полагают, что она является поздним китайским добавлением к сутре³. Призыв к вегетарианству можно найти и в Махапаринирвана-сутре, где Будда говорит, «что впредь всем тем, кто близок ко мне, следует воздерживаться от мяса»⁴. В целом, широкое распространение буддизма в Индии способствовало снижению здесь роли скотоводства и уменьшению потребления мяса среди населения (Уланов, 2017: 160).

При этом следование идее ахимсы в буддизме не принимает крайних форм, как это, например, принято в некоторых других религиозных традициях. Так, буддийские монахи в тибето-монгольском регионе и в России, исходя из принципа «срединного пути», как правило, не придерживались вегетарианства, поскольку по причине достаточно суровых климатических условий в рационе жителей данных областей преобладала животная пища. Однако, даже в этих условиях в Тибете были ламы, которые избегали мясной пищи. Среди них можно выделить таких известных буддийских мастеров, как Джецун Миларепа (1052–1135), Долпопа Шераб Гьялцен (1292–1361), Нгорчен Кунга Занпо (1382–1456), 1-й Сангье Ньенпа (1457–1525), 4-й Кармапа (1340–1383), 8-й Кармапа (1507–1554). По словам Барстоу, автора книги «Пища грешных демонов: мясо, вегетарианство и пределы буддизма в Тибете», между XII и XX веками в тибетской литературе зафиксированы «десятки людей, принявших вегетарианство и одновременно ставших монахами» (Barstow, 2019: 52). Кроме того, значительную часть года, когда в избытке была растительная и молочная пища, тибетцы и монголы, а также буряты, калмыки и тувинцы фактически избегали забоя животных. Таким образом, мясо здесь было сезонной пищей, а не основным продуктом питания.

С учением о ненасилии тесно связаны идеи любви и сострадания, которые также занимают важное место в буддизме, особенно в махаяне, получившей распространение в Восточной и Центральной Азии, а также в России. Социально вовлеченные буддисты нередко указывают на идеал сострадательного бодхисаттвы, который учит, что высшей целью буддизма является не личное спасение, а альт-

¹ Ланкаватара-сутра или Сутра явления [Благого Закона] на Ланке [Электронный ресурс] // Портал даосского знания. URL: http://daolao.ru/Lankavatara/lanka_full/lanka08.htm (дата обращения: 01.09.2023).

² Там же.

³ См. об этом: The Lankavatara Sutra. A mahayana text translated from the sanskrit by Daisetz Teitaro Suzuki. Boulder: Brands Press, 1978. P. 211.

⁴ Махапаринирвана-сутра. Сутра о Великой Нирване [электронный ресурс] // Сайт abhidharma.ru. URL: <https://abhidharma.ru/A/Vedalla/Content/TK/Mahaparinirvana/0001.htm> (дата обращения: 01.09.2023).

руистическое стремление спасти от страданий всех живых существ, включая животных, от которых мы по существу не отделены. Как пишет один самых известных мыслителей махаянского буддизма Шантидева (VIII в.) в поэтическом труде «Путь бодхисаттвы»:

«Великую радость я нахожу
В добродетели, облегчающей страдания
Существ низших миров
И наделяющей счастьем страждущих»¹.

Отношение к животным и растениям. Согласно «Кутаданта Сутте» Будда запретил принесение в жертву животных и советовал последователям уважительно относиться ко всем живым существам:

«Как же, брахман, монах предан нравственности. Вот, брахман, отказываясь уничтожать живое, и избегая уничтожать живое, без палки и без оружия, скромный, полный сострадания, монах пребывает в доброте и сочувствии ко всем живым существам. Это и есть часть его нравственности»².

Там же Будда в качестве примера правильного жертвоприношения приводит историю о великом жертвоприношении царя Махавиджиты, в ходе которого «не убивали быков, не убивали коз и овец, не убивали петухов и свиней, не повергали уничтожению каких-либо живых существ, не срубали деревьев для установления жертвенного столба...»³.

В «Джатаках», сборнике рассказов о предыдущих воплощениях Будды, говорится, что сам Будда в прошлых жизнях неоднократно рождался в облике животного. В Джатаках много рассказов повествуют о животных, которые жертвуют собственной жизнью, чтобы спасти других. Так, в «Джатаке о зайце» заяц-бодхисаттва бросается в огонь дабы накормить своим телом голодного человека. «Таким образом, добродетельные великосущные даже в облике животных проявляют щедрость, соответственно своим силам...», — говорится в джатаке⁴.

Критики экобуддизма, однако, отмечают, что животные в этих историях антропоморфизированы и их аллегорические образы служат для мотивации людей развивать такие добродетели, как сострадание (Gowans, 2015: 282). Фактически животные здесь не являются животными в общепринятом смысле этого слова, поскольку в конце каждой истории Будда говорит, что центральным персонажем был он сам, бодхисаттва в прошлой жизни (Harris, 2000: 121). Однако, само то, что животные здесь наделяются человеческими добродетелями, а в облике одного из животных воплощается бодхисаттва, свидетельствует об уважительном отношении к ним.

Уважительное отношение к животным в буддизме напрямую связано с идеей реинкарнации. В отличие от науки, буддийская концепция перерождения связывает человеческие и животные виды. Хотя буддизм подчеркивает особенность человеческого существования и ставит людей выше животных в сансарической иерархии, здесь подчеркивается, что все формы жизни взаимосвязаны в условном сансарическом континууме. Согласно буддизму, все живые существа в течение бесконечного существования сансары много раз были друг другу родственниками: матерью, отцом, сыном, дочерью и т. д. В Ланкаватара-сутре говорится:

«Здесь, [в этом мире,] Махамати, в длинной цепи смертей и рождений сансары среди чувствующих существ нет такого воплощённого существа, кое [некогда] не было бы [твоим] отцом или матерью, или братом, или сестрой, либо неким иным родственником или близким. Либо — в другом существовании — они явятся среди диких зверей, домашних животных, птиц либо им подобных, но жаждущих возвратиться к изначальной [пробуждённой] природе всех существ»⁵.

Кроме того, в буддийской культуре есть животные, которые имеют для нее особое значение. Так, слон, олицетворяющий мудрость, доброту и справедливость, традиционно считается символом буд-

¹ Шантидева. Путь Бодхисаттвы. СПб.: Шанг-Шунг, 1999. С. 48.

² Кутаданта сутта [Электронный ресурс] // Колесо Дхаммы. Сайт учения Будды в его исходном виде. URL: <https://dhamma.ru/canon/dn/dn05.htm> (дата обращения: 01.09.2023).

³ Там же.

⁴ Арья Шура. Гирлянда джатак, или Сказания о подвигах Бодхисаттвы. 2-е изд., доп. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. С. 69.

⁵ Ланкаватара-сутра или Сутра явления [Благого Закона] на Ланке [Электронный ресурс] // Портал даосского знания. URL: http://daolao.ru/Lankavatara/lanka_full/lanka08.htm (дата обращения: 01.09.2023).

дизма. Согласно легенде, перед рождением Будды его мать видела во сне белого слона. Также сакральными животными считаются львы и тигры, скульптуры которых часто изображают у входа в буддийские храмы. Особое отношение у буддистов к оленям, которые обычно изображаются вместе с колесом Дхармы. В буддизме считается, что именно олени стали первыми слушателями учения Будды. В региональных традициях буддизма имеются свои священные животные и птицы. Так, тувинцы и монгольские народы почитали огарей, цвета оперения которых (красный и желтый) напоминают одеяния буддийского духовенства (Аракчаа, 2015: 96).

В Виная-питаке буддийским монахам и монахиням также запрещено рубить деревья и кустарники. Монахам нельзя преднамеренно срывать или срезать семена или плоды, которые вот-вот прорастут.

В «Кутаданта Сутте» отмечается, что монах должен избегать

«наносить вред семенам и растениям всех видов. ... В то время, как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности наносить подобным образом вред семенам и растениям всех видов, а именно: плодящимся от корня, плодящимся от ветки, плодящимся от колена, плодящимся от верхушки и, в-пятых, плодящимся от семени — он избегает наносить подобным образом вред семенам и растениям. Это и есть часть его нравственности»¹.

В буддизме особо почитается дерево Бодхи или Фигус религиозный (Nugteren, 2005). Считается, что именно под деревом Бодхи Будда обрел просветление во время длительной и интенсивной медитации. Хотя изображение Будды, сидящего под деревом просветления, традиционно не интерпретировалось как парадигма экологического мышления, современные буддийские активисты-экологи отмечают, что с момента рождения и до смерти Будды многие важные этапы в его жизни были связаны с деревьями. Будда родился, достиг просветления и умер под деревьями. На протяжении всей своей жизни он часто медитировал и учил в рощах деревьев, лесах, горах и пещерах. Кроме того, буддийские тексты свидетельствуют о важности лесов не только как среды, предпочтительной для духовных практик, таких как медитация, но и как места, где миряне искали наставления.

В знак почтения к особым деревьям буддийская литература перечисляет 21 видов деревьев, под которыми 25 будд достигли просветления. Почитание и защита этих видов деревьев является естественным следствием этой веры. Ранняя буддийская община жила в лесу под большими деревьями. Напрямую завися от природы, ранние буддийские монахи культивировали бережное и уважительное отношение к деревьям.

Будда также призывал к бережному и уважительному отношению к деревьям, замечая, что они являются естественной защитой для существ, которые живут в лесу. Существует известная история о монахе, срубившем главную ветвь дерева. Тогда дух, живший на этом дереве, вышел из него и пожаловался Будде. С тех пор монахам было запрещено рубить деревья. В другом случае Будда упрекнул неких путешественников, которые, отдохнув под баньяновым деревом, решили его срубить. Будда сравнил дерево, давшее путникам защиту от солнца, с другом, оказавшим помощь. Навредить другу, помогающему тебе, представляет собой факт откровенной неблагодарности (Kabilsingh, 2004: 117).

Большим уважением в буддийской традиции пользуется цветок лотоса, который является символом просветления. Лотос часто появляется в буддийской мифологии, искусстве и писаниях. В буддийском изобразительном искусстве Будду чаще всего изображают сидящим на лотосе. Легенда гласит, что, когда он родился, на месте его следов выросли лотосы. Один из важных текстов в буддизме Махаяны даже называется Лotosовой сутрой. Буддийская мантра, популярная в Тибете, Монголии и буддийских регионах России, Ом Мани Падме Хум, также содержит упоминание цветка лотоса (Гупта, 2019: 92–94).

Сакрализация природных объектов. В буддизме также есть традиция признания священными природных объектов, что может свидетельствовать о его экологичности. Прежде всего, это касается культа священных гор. Одной из таких гор, еще во времена раннего буддизма стала гора Гридхракута (Орлиная гора). Именно на этой горе, согласно традиции махаяны, Будда совершил «второй поворот Колеса Учения» и поведал миру учение Праджняпарамиты (совершенной мудрости). Считается, что здесь были проповеданы такие известные махаянские буддийские сутры, как «Сутра сердца» и «Лotosовая сутра».

¹ Кутаданта сутта [Электронный ресурс] // Колесо Дхаммы. Сайт учения Будды в его исходном виде. URL: <https://dhamma.ru/canon/dn/dn05.htm> (дата обращения: 01.09.2023).

Священные горы имеют важное религиозное значение и в тибето-монгольском регионе. Важно отметить, что буддийское почитание гор здесь наложило на древние автохтонные культы почитания гор. Культы гор являются частью анимистической и шаманской традиции¹. Вместе с распространением буддизма здесь происходила адаптация священных мест бона и шаманизма к новой религии (Беляева-Савчук, 2015: 38). Многие горы тибетцы традиционно считали священными и верили, что они являются жилищами буддийских божеств. Одной из самых известных священных гор Тибета является гора Кайлаш, которая почитается не только буддистами, но и индусами, джайнами и представителями бонпо. Священной горой для тибетцев является и гора Эверест, самая высокая вершина в мире. Другие священные горы Тибета включают гору Намча Барва, гору Гонга и гору Ньенчен Тангла.

В монгольской буддийской традиции священными объектами считаются такие горы, как Бурхан-Халдун, Богдо-Хан-Уул, Отгон-Тэнгэр (Wallace, 2015). Эти горы почитались в Монголии с древности, но с распространением буддизма стали связываться с различными буддийскими божествами. Так, гора Отгон-Тэнгэр почитается как место, связанное с божеством силы Ваджрапани.

Буддисты Забайкалья традиционно почитают гору Алханай, которая, по их мнению, является мандалой (дворцом) божества Чакрасамвары. В Туве священным местом для буддистов и шаманистов является гора Хайыракан, которая в 1992 г. была освящена Его Святейшеством Далай-ламой XIV (Ламажаа, Сувандии, Монгуш, 2023: 226). Почитается тувинскими буддистами и гора Суме, «где в XV в. была вырублена в скале ниша с барельефом Будды, двух его учеников, двух охранителей веры» (Семенов, 2010: 143). В Туве есть и другие горные святилища, в нишах и гротах которых «часто хранятся буддийские книги и свитки» а «на стенах ниш и отдельных скалах бывают выбиты буддийские мантры» (там же).

Священные горы Тибета, Монголии, Южной Сибири имеют большое значение в культуре данных регионов. Они не только почитаются как место проявления буддийских божеств, но и служат объектом паломничества, причем не только у буддистов, но и у последователей шаманизма. Отдельные буддисты из этих регионов добирались даже до священной горы Утайшань в Китае. Так, например, есть сведения о паломничестве туда тувинских буддистов (Ламажаа, Бичелдей, 2021: 12).

У местных буддистов священные горы традиционно вызывают чувство благоговения и вдохновения, что, несомненно, способствует бережному отношению к ним. В целом, исследователи отмечают, что экологическая «культура кочевников Евразии была направлена на поддержание гармонического равновесия с природой» и имела связь с их религиозными воззрениями (Байдаров, 2011: 118, 122).

Учение о взаимозависимости. Как известно, одной из центральных идей буддизма является учение о всеобщей взаимозависимости, которое фактически предстает как форма экологического видения, объединяющая все аспекты экосферы (людей, животных и растительный мир) на основе принципа взаимозависимости². Буддизм утверждает, что все вещи взаимосвязаны. В существовании нет ничего, что существовало бы как отдельная, фиксированная, изолированная сущность. Вещи существуют только в отношениях и в связи с другими вещами. Границы между вещами являются лишь условными, и ни в коем случае не абсолютными. В рамках этой мировоззренческой модели все живые существа по своей природе связаны друг с другом. Такой подход подрывает парадигму противопоставления субъекта и объекта, идею противопоставления автономного «Я» и «Другого», будь то человек, животное или растение. Как отмечает И. С. Урбанаева, «в силу взаимозависимого возникновения, конституирующего реальность», все живые существа «связаны с нами тесными узами родства» (Урбанаева, 2012: 17).

Идея взаимозависимости человека и природы лежит и в основе современной экологической этики, на которую оказала влияние теория систем, исходящая из того, что все в этом мире сплетено в тонкую и запутанную паутину отношений (подр.: Капра, 2003). К сожалению, современное общество не всегда

¹ Studley J. Perpetuating Tibetan Spiritscapes as unique refuge and examples of spiritual governance [Электронный ресурс] // Cambridge School of Visual & Performing Arts (CSVPA). URL: <https://csvpa.org/library/tibetan-spiritscapes/> (дата обращения: 01.09.2023).

² Edelglass W. Buddhism and the Environment locked [Электронный ресурс] // Oxford Research Encyclopedia of Religion. URL: <https://oxfordre.com/religion/display/10.1093/acrefore/9780199340378.001.0001/acrefore-9780199340378-e-721> (дата обращения: 01.09.2023).

учитывает тесные связи внутри экосистемы, связи между человеком и миром, что отрицательно сказывается на функционировании сложных экологических систем. В более поздних школах буддийской мысли космологическое видение взаимозависимой причинности превратилось в более существенное ощущение онтологического единства.

Однако отдельные критики подвергают сомнению утверждение о том, что понимание всеобщей взаимозависимости побуждает человека ценить природу и заботиться о ней. Так, К. Гованс отмечает: «то, что все вещи взаимозависимы, само по себе не означает, что эти вещи имеют какую-то ценность, о которой мы должны заботиться, ценить или уважать» (Gowans, 2015: 287). В ответ на этот аргумент можно заметить, что взаимозависимость человека и природы дает понимание, что, нанося вред природе, мы автоматически наносим вред себе.

Таким образом, буддизм обладает широким потенциалом ценностных установок, идей и практик, которые можно рассматривать как часть своеобразной экологической этики.

Современный буддизм и экологическая проблематика

Современные буддисты, находясь перед вызовом глобальных проблем, в том числе экологических, по-новому осмысливают традиционные установки своей религии, и выдвигают их в качестве обоснования экологической этики. Сегодня многие буддисты принимают активное участие в борьбе за сохранение окружающей среды, опираясь на экологические установки буддийской традиции.

Значительный вклад в дело охраны окружающей среды вносят авторитетные буддийские лидеры, в частности, Его Святейшество Далай-лама XIV (род. 1935 г.). Миссия по сохранению дикой природы и защите окружающей среды является одним из основных аспектов деятельности духовного лидера буддистов. В течение последних семи десятилетий Далай-лама постоянно проявлял различного рода инициативы, направленные на сохранение окружающей среды. Еще в период своего правления в Тибете он издал приказы о мерах по охране лесов, запрету охоты и прекращению птицеводства. В последующий индийский период своей жизни Далай-лама оказывал поддержку движению за вегетарианство в тибетской общине в Индии, неоднократно призывал к посадке деревьев и защите дикой природы в Тибете. Он подчеркивает экологическую важность Тибетского нагорья и призывает мировых лидеров к глобальному сотрудничеству в борьбе с изменением климата (Доржигушаева, 2013: 264–265).

После отхода от политической деятельности Далай-лама заявил, что он будет продолжать посвящать свою жизнь нескольким основным обязательствам: продвижению общечеловеческих ценностей, содействию религиозной гармонии, сохранению духовного наследия Тибета и защите его окружающей среды (Колосова, 2022: 2370). Последнее обязательство еще раз подтвердило приверженность Далай-ламы делу сохранению окружающей среды. Столь важное обещание Далай-ламы, всемирно известного духовного лидера, несомненно, способствует усилению внимания буддистов всего мира к экологическим проблемам. В 2020 г. Далай-лама призвал мировых лидеров принять срочные меры против изменения климата на планете, предупредив об экологическом разрушении, затрагивающем жизни миллиардов людей и разрушающем планету. Далай-лама также отметил, что если бы ему пришлось вступить в какую-либо политическую партию, то он бы выбрал партию зеленых¹.

При этом основную причину экологических проблем, в соответствии с буддийской традицией, он видит в человеческих пороках и негативных состояниях ума, а также в недостатке уважения к другим живым существам. «Миру и сохранению жизни на Земле, как нам известно, — отмечает Далай-лама, — угрожает деятельность людей, недостаточно приверженных гуманитарным ценностям. Уничтожение природы и природных ресурсов происходит из невежества, жадности и недостатка уважения ко всему живому на планете»².

В своих трудах и выступлениях, посвященных проблемам экологии, Далай-лама ссылается на традиционные буддийские идеи, в частности, на учение о взаимозависимости. Так, в работе «Глобальная

¹ «Buddha would be green»: Dalai Lama calls for urgent climate action [Электронный ресурс] // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/nov/11/buddha-would-be-green-dalai-lama-calls-for-urgent-climate-action> (дата обращения: 01.09.2023).

² Далай-лама. Этический подход к охране окружающей среды // Далай-лама. Политика доброты. Сборник. М.: ТОО «Путь к себе», 1996. С. 108.

ответственность и климатический кризис, духовный лидер буддистов отмечает, что «ум, сердце человека и окружающая среда неразрывно взаимосвязаны. ... Непонимание взаимозависимости наносит ущерб не только окружающей среде, но и человеческому обществу»¹. Далай-лама также подчеркивает важность ненасильственного и уважительного подхода не только к людям, но и животным, ко всей окружающей среде:

«В том, что касается права на существование, на счастливую жизнь, то здесь все существа обладают равными правами. Единственное, что нас отличает от других животных, — это разум. ... Но во всем остальном, все живые существа одинаково испытывают боль и радость, а потому они все равны в правах»².

Известный буддийский мыслитель и деятель социально вовлеченного буддизма Тхить Ньят Хань (1926–2022) также большое внимание уделял проблемам экологии. Он отмечал, что каждый практикующий буддист должен быть защитником окружающей среды. Тхить Ньят Хань — автор целого ряда работ, посвященных экологии, таких как «Любовное письмо планете», «Любовное письмо на Землю», «Колокола осознанности», «Мир, который у нас есть» и т. д. В своих трудах Тхить Ньят Хань подчеркивает необходимость выйти за рамки концепции «окружающей среды», поскольку она заставляет людей воспринимать себя и природу как две отдельные сущности и видеть планету только с точки зрения того, что она может сделать для них. Современный буддизм, по его мнению, должен быть направлен на восстановление всеобщей гармонии, защиту всех видов живых существ на планете, предотвращение вырубки лесов и уменьшение выброса токсичных газов (Hanh, 2008: 8).

В своих выступлениях и трудах он пытался применить традиционные буддийские идеи ненасилия, взаимозависимости и уважительного отношения ко всему живому по отношению к проблемам экологии:

«Мы не должны вредить себе и не должны причинять вред природе. На самом деле, причинить вред природе — значит нанести вред самому себе. ...

Мы должны глубоко поклониться орхидее и улитке и почтительно сложить ладони перед бабочкой-монархом и деревом магнолии. Чувство уважения ко всем видам поможет нам распознать в себе благороднейшую природу. ...

Когда мы поймем, что мы взаимосвязаны с деревьями, мы осознаем, что от нас зависит, как сохранить деревья живыми»³.

Большое внимание проблемам окружающей среды уделяет известный буддийский мыслитель и общественный деятель из Японии Дайсаку Икеда (род. в 1922 г.), который является автором многих статей, докладов и предложений на эту тему.

В беседе с А. Дж. Тойнби (1889–1975), он, в частности отмечает, что

«в соответствии с буддийским взглядом, мир природы ... в целом является жизнью. И для человека важно жить в гармонии с окружающей его природой. Только выбрав для себя этот путь сосуществования и получения благ от нее, человек может поддерживать свою жизнедеятельность и проявлять созидательное начало» (Тойнби, Икеда, 2007: 44).

По мнению Икеды, «главное учение буддизма и идеал, к которому оно стремится, состоит в утверждении самостоятельного созидательного “Я” во взаимозависимых началах существования. ... Это также указывает на его ответственность за социальную и природную окружающую среду» (там же: 404). Икеда подчеркивает, что в буддизме отношения между человеком и природой определяются не как противостояние, а как взаимозависимость:

«Эти отношения описываются термином эшофуни. Шо (или шохо) означает жизнь в форме “Я”, которая, являясь центром мира, познает остальную часть мира как окружающую среду. А э или эхо — окружающую среду, которая поддерживает эту жизнь. Поскольку жизнь оказывает влияние на окружающую среду и зависит от нее, они обе (э и шо) неразделимы — фуни» (там же: 44).

¹ Далай-лама XIV. Глобальная ответственность и климатический кризис // Буддийский ответ на климатический кризис. М.: Ганга, 2021. С. 50.

² Далай-лама и ученые обсуждают экологическую этику [Электронный ресурс] // Официальный сайт Канцелярии Его Святейшества Далай-ламы XIV. URL: <https://ru.dalailama.com/messages/transcripts-and-interviews/public-talks/mind-and-life-dialogue/session4-part2> (дата обращения: 01.09.2023).

³ Thich Nhat Hanh. Environmental Interbeing [Электронный ресурс] // Parallax Press. URL: <https://www.parallax.org/mindfulnessbell/article/environmental-interbeing/> (дата обращения: 01.09.2023).

Таким образом, современные буддийские мыслители, опираясь на фундаментальные буддийские идеи ненасилия, сострадания и уважения ко всему живому, вносят важный вклад, как в формирование экологического сознания, так и в конкретную природоохранную практику.

Экологическая деятельность буддийских движений и организаций

В современном мире существует целый ряд буддийских движений и организаций, которые активно занимаются решением проблем экологии. Среди них можно выделить Международную сеть вовлеченных буддистов, буддийское движение в защиту лесов, организацию «Живи, чтобы любить», движение «Хорьюг» и т. д.

Международная сеть вовлеченных буддистов (INEB) возникла в Таиланде, но имеет свои представительства в других странах. Членами INEB являются монахи, монахини, активисты, ученые и социальные работники из более чем 25 стран Австралии, Азии, Европы и Северной Америки. Представляя собой организацию социально вовлеченного буддизма, INEB занимается вопросами защиты окружающей среды и борьбой с изменением климата. Одним из проектов INEB является организация Эко-храмов. Главной целью данного проекта является формирование экологически ориентированных сообществ, центром которых станет буддийский храм. Проект подразумевает экологическую структуру храма; его гармоничную интеграцию в окружающую среду; взаимодействие с обществом и государством в деле охраны природы; просветительскую деятельность и т. д.¹

Свое практическое выражение экологические принципы буддийской культуры находят в движении в защиту лесов. Так, из-за крупномасштабной вырубке лесов в Камбодже и Таиланде буддийское монашеское сообщество активно включилось в экологическое движение. В обеих странах буддийские монахи и защитники окружающей среды создали экологические организации для защиты исчезающих лесов в регионе. В Таиланде монахи работают совместно с государственными органами по защите окружающей среды и другими экологическими организациями. Они также привлекают внимание местных и мировых СМИ, которые часто называют их «эко-монахами». Эко-монахи активно взаимодействуют с бизнес структурами и поощряют фермеров использовать экологически чистые удобрения. Некоторые монахи пытаются найти решение экологических проблем, внедряя солнечные батареи в храмы и помогая сельским жителям строить дешевые хижины из глины и природных материалов. Естественно, что экологические инициативы буддийских монахов встречают сопротивление со стороны ряда крупных компаний, которым данное движение мешает получать прибыль. В результате некоторые тайские монахи подверглись административному и уголовному давлению. Для некоторых из них экологическая деятельность связана с угрозой жизни. Однако даже перед лицом этих опасностей многие монахи продолжают свою экологическую деятельность, которую поддерживают местные университеты и неправительственные организации².

В тибетском буддизме можно выделить организацию «Живи, чтобы любить» («Live to Love International»). Возглавляет эту организацию духовный лидер одной из школ тибетского буддизма Гьялванга Друкпа, которого часто называют «хранителем Гималаев». Деятельность организации охватывает сферы образования, предпринимательства, гуманитарной помощи, а также включает в себя проекты по сохранению культурного наследия. Особое место в деятельности организации занимает экологическая проблематика³. Можно также отметить основанное Кармапой XVII Ургьен Тинлеем экологическое движение «Хорьюг», которое объединяет ряд буддийских монастырей разных государств.

В целях защиты окружающей среды буддийские общины также активно сотрудничают с различными международными организациями и структурами. Так, в Монголии монастырь Гандан, который является главным и самым крупным в стране монастырским комплексом, вместе со Всемирным Банком, Альянсом религий и сохранения, а также Всемирным фондом природы, разработал несколько

¹ Eco-Temple Community Development Project [Электронный ресурс] // Japan Network of Engaged Buddhists (JNEB). URL: <https://jneb.net/activities/buddhistenergy/eco-templeproject/> (дата обращения: 01.09.2023).

² Price K. Ecology monks in Thailand seek to end environmental suffering [Электронный ресурс] // Mongabay.org Environmental Journalism and Education. URL: <https://news.mongabay.com/2018/08/ecology-monks-in-thailand/> (дата обращения: 01.09.2023).

³ Live to Love. Social Entrepreneurship [Электронный ресурс] // Live to Love International. URL: <https://www.livetolove.org/projects> (дата обращения: 01.09.2023).

экологических проектов. В ходе совместной деятельности удалось выявить экологические проблемы, в решении которых может принять участие буддийская община. Кроме того, были разработаны действенные способы влияния буддийского духовенства на общество с целью распространения в нем экологических ценностей (Дондуков, 2020: 124).

Свой вклад в дело охраны окружающей среды вносит и буддийское духовенство России. По мнению Б. Ц. Дондукова, в буддийских республиках России в экологической деятельности буддийских священнослужителей можно выделить сакрально-религиозный аспект, который тесно связан с буддийскими учениями и обрядовыми действиями, которые направлены на обеспечение стабильной экологической ситуации (Дондуков, 2022: 60). Так, в Калмыкии для энергетического очищения местности и выпадения осадков периодически в разных районах республики проводится обряд *тенту юльту*. Интересно, что с просьбой о проведении обряда к ламам обращаются не только рядовые сельские жители, но и чиновники Минсельхоза. «Проведение тенту юльту демонстрирует взгляд буддийской сангхи на проблему засухи и опустынивания, которая причину экологических проблем видит не только во внешних факторах, но и во внутреннем состоянии энергетики земли и проживающих на ней людей» (там же: 62).

К сакрально-религиозному аспекту экологической деятельности сангхи можно отнести и обряд *амин долиг*, связанный со спасением жизни живых существ. Он направлен не только на улучшение кармы людей и предотвращение разных стихийных бедствий. Он имеет самое прямое отношение к экологической деятельности, поскольку чаще всего духовенство и простые верующие выкупают определенное количество живой рыбы и выпускают ее в естественные водоемы. В Калмыкии по инициативе буддийского духовенства нередко проводятся крупные «акции выкупа большого количества рыбы у фирм, разводящих мальков для продажи в качестве наживки для рыбалки. За 2020 г. под руководством сангхи выпущено около 10 тысяч мальков, с помощью чего удалось зарыбить несколько водоемов» (там же: 63).

Сакрально-религиозный аспект деятельности буддийского духовенства России связан также с обрядами освящения водоемов, которые совершаются с целью умилоствления духов воды и установления гармонии между людьми и духами, связанными с водной стихией. Так, в Туве в 2021 г. в местечке, где происходит слияние рек Бий-Хем и Каа-Хем, прошел обряд *хем бажы дагыры* (освящение реки). «Данный обряд состоял из зачитывания особых молитв и дарения подношений духам водных стихий (санскр. нагам), хозяевам указанных двух рек, а также хозяйке Улуг-Хема. Предводителем обряда выступил буддийский лама-астролог, выходец из племени хонгодоров Лопсан Чойзин...» (Дагылга ..., 2021: 52).

Кроме сакрально-религиозного в экологической деятельности буддийского духовенства России можно выделить и организационно-деятельный аспект, связанный с участием буддийского духовенства в экологических акциях и проектах совместно с государственными институтами и СМИ. Так, лето 2015 г. в Бурятии было отмечено обширными лесными пожарами, значительная часть которых имела антропогенный характер. Тогда с обращением к народу с просьбой бережнее относиться к лесам выступили такие авторитетные духовные лица республики, как Пандито Хамбо лама Дамба Аюшеев и геше Джампа Тинлей, возглавляющий общероссийскую буддийскую организацию «Дже Цонкапа» и являющийся духовным наставником многих буддистов России (Дондуков, 2020: 125). Данные призывы, распространявшиеся органами власти с помощью средств массовой информации, рекламных баннеров и листовок, в определенной степени смогли смягчить остроту проблемы.

Еще одной проблемой, на которую обратило внимание буддийское духовенство России, стал вопрос о бесконтрольном развешивании ритуальных лент, которые вредят деревьям. «Если раньше, в старые времена ленты делались из тканей натуральных и могли не вредить деревьям (истончаясь, разлагаясь и отвязываясь; к тому же их повязывалось не столь много), то сегодня массовое распространение лент из искусственного шелка вкуче с их доступностью и желанием большого числа людей вести себя в соответствии с традициями, все это стало приводить практически к экологическим бедствиям. Повязанные ветви, стволы деревьев стали деформировать растения» (Ламажаа, Санчай, Монгуш, 2023: 362). Так, в мае 2023 г. к жителям Тувы через СМИ обратился Камба-Лама республики Гелек Нацык-Доржу, который попросил отказаться от традиции повязывать на стволах и ветках деревьев разноцветные кадаки (шарфы), флажки и ленты, наносящие им значительный вред. По словам Камбы-Ламы, развешивать кадаки и ленты лучше на специальных шестах. По его мнению, «заставлять стра-

дать другие живые существа — это однозначно наказуемое деяние. ... Призываем вас беречь природу, — говорится в обращении. Мы верим, что любовь и бережное отношение к природе — обязательное условие достойной жизни»¹. Схожие акции проходят и на территории Бурятии. «Представители Буддийской традиционной сангхи на местах почитания сейчас устанавливают специальные конструкции, железные или деревянные, чтобы избежать завязывания ходаков на ветви деревьев» (Доржигушаева, Киплюкс, 2023: 335).

В 2019 г. по инициативе ламы Кунделинга Ринпоче и буддийской сангхи Калмыкии была проведена акция «Зеленый пояс». В акции также приняли участие государственные и общественные организации. В результате за один день вокруг хурула в п. Аршань под Элистой было высажено 6000 деревьев. «Проект посадки деревьев, инициированный буддийской сангхой, стал по-настоящему народной акцией, в которой общество, власть и религия в равных условиях объединились для осуществления экологического проекта» (Дондуков, 2022: 64).

Кроме того, буддийские священнослужители Бурятии, Калмыкии и Тувы ведут работу по формированию экологического сознания у местного населения. С помощью средств массовой информации буддийское духовенство не только транслирует традиционные религиозные ценности, но и формирует определенную экологическую культуру. Одним из таких священнослужителей является Еши Намжил лама, настоятель Курумканского дацана Бурятии, который регулярно публикует свои посты в Интернете. «В своих постах Еши Намжил лама провозглашает буддийское мировоззрение, согласно которому любые антиэкологичные действия способны ухудшить перспективы сансарного существования человека» (Ленхобоева, 2022: 63).

Таким образом, современные буддийские движения и организации, опираясь на экологические установки буддийской традиции, а также идеи ведущих буддийских мыслителей, принимают активное участие в борьбе за сохранение окружающей среды.

Заключение

Итак, можно отметить, что буддизм обладает значительным ценностно-мировоззренческим потенциалом для формирования экологического сознания и экологической этики, что может внести вклад в решение современных экологических проблем. Традиционный буддизм обладает широким потенциалом ценностных установок, идей и практик, которые можно рассматривать как часть своеобразной экологической этики. Среди них можно выделить учения о ненасилии и сострадании, всеобщей взаимозависимости, уважительное отношение к животному миру, сакрализацию природных объектов и т. д.

Такие современные буддийские мыслители, как Далай-лама XIV, Дайсаку Икеда, Тхить Ньят Хань, опираясь на фундаментальные буддийские идеи ненасилия, сострадания и уважения ко всему живому, вносят важный вклад, как в формирование экологического сознания, так и в конкретную природоохранную практику. Под влиянием идей данных буддийских деятелей в рамках социально вовлеченного буддизма сформировался так называемый эcobуддизм, который вносит значительный вклад в дело экологической безопасности. Миссией эcobуддизма является сохранение окружающей среды и привлечение буддистов к решению экологических проблем.

Несмотря на критику со стороны скептиков, современный эcobуддизм имеет тесную связь с традиционным буддийским подходом к окружающей среде. Даже признание наличия в эcobуддизме попыток определенной реинтерпретации и модификации традиционных учений и практик, отнюдь не отменяет того факта, что данные попытки не противоречат буддийскому мировоззрению и вполне соответствуют общему ненасильственному духу буддизма. Такие ключевые положения буддизма, как учения о всеобщей взаимозависимости, ненасилии (ахимса) и сострадании ко всему живому несут в себе значительный экологический потенциал и вносят свой вклад в дело сохранения окружающей среды.

¹ Камбы-Лама Тувы пояснил, нужно ли вешать кадаки, флажки и ленточки на живые деревья [Электронный ресурс] // ИА «Тува-онлайн». 2023, 23 мая. URL: <https://www.tuvaonline.ru/2023/05/23/kamby-lama-tuvy-poyasnil-nuzhno-li-veshat-kadaki-flazhki-i-lentochki-na-zhivye-derevyva.html?ysclid=llgo3q03oa979731850> (дата обращения: 01.09.2023).

Сегодня многие буддисты принимают активное участие в борьбе за сохранение окружающей среды, опираясь на экологические установки буддийской традиции. Большой вклад в дело охраны окружающей среды вносят духовные лидеры буддийского мира, в частности, Его Святейшество Далай-лама XIV, а также буддийские экологические движения и организации. В целях защиты окружающей среды буддийские общины также активно сотрудничают с различными международными организациями и структурами. Буддийское духовенство современной России также принимает участие в экологических акциях и мероприятиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев, Н. В., Опей-оол, У. П. (2009) Тэнгрианство, буддизм и экологические культы в Центральной Азии и Транс-Саянии. Кызыл : Типография КЦО «Аныяк». 144 с.
- Абаев, Н. В., Фельдман, В. Р. (2007) Этноконфессиональные традиции и экологическая культура народов Центральной Азии и Алтай-Байкальского региона. Изд-е 2-е. Кызыл : Изд-во ТывГУ. 115 с.
- Алексеева, Н. Н. (2005) Экологические аспекты социально-культурных традиций Индии // Этноэкологические аспекты духовной культуры / ред.: В. И. Козлов, А. Н. Ямсков, Н. И. Григулевич. М. : ИЭиА РАН. 324 с. С. 81–101.
- Аракчаа, Л. К. (2015) Этноэкология Тувы / отв. ред. С. С. Курбатская. Кызыл : ТувГУ ; ТувИКОПР СО РАН. 162 с.
- Байдаров, Е. У. (2011) Экологический аспект культуры кочевников Евразии // Новые исследования Тувы. № 4. С. 117–123.
- Беляева-Савчук, В. А. (2015) Буддийское влияние на современный культ гор у тункинских бурят // Учение Будды в России: 250 лет институту Пандито Хамбо-лам / отв. ред. А. В. Зорин. СПб. : Центр «Петербургское востоковедение». 186 с. С. 37–47.
- Босенко, Е. А., Хан, Н. Р. (2023) Учение буддизма об экологии // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. Т. 23. № 2. С. 14–18.
- Гречишкина, С. В. (2015) Формирование философской концепции на основе буддийских и даосских воззрений // Вестник Томского государственного университета. № 398. С. 30–34. DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/398/4>
- Гупта, П. (2019) Этика в эстетике: эко духовная символика в живописи танка // Искусство Евразии. № 4(15). С. 86–140.
- Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке (2021) / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл : б. и. 182 с.
- Дондуков, Б. Ц. (2020) Экологические инициативы буддийских деятелей Бурятии: актуальные проблемы, локальные решения // Desertum Magnum: studia historica. № 2. С. 122–131.
- Дондуков, Б. Ц. (2022) Инициативы Центрального хурула, направленные на улучшение экологической ситуации в Республике Калмыкия // Кунсткамера. № 4(18). С. 58–66. DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8619-2022-4\(18\)-58-66](https://doi.org/10.31250/2618-8619-2022-4(18)-58-66)
- Доржигушаева, О. В. (2013) Экологическая этика буддизма // Биосфера. Т. 5. № 2. С. 254–272.
- Доржигушаева, О. В. (2022) Буддизм и шаманизм: экология как сфера влияния // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации / отв. ред. Г. Ф. Габдрахманова Казань: Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан. 267 с. С. 54–57.
- Доржигушаева, О. В., Киплюкс, А. В. (2023) Экологизация традиции завязывания зурам, ходаков и хий-морин на местах поклонения в Республике Бурятия // Новые исследования Тувы. № 4. С. 328–343. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.23>
- Капра Ф. (2003) Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем. К. : София; М. : ИД «София». 336 с.
- Колосова, И. В. (2022) Далай-лама Тензин Гьяцо — посол мира и межрелигиозного согласия // Вопросы политологии. Т. 12. №7(83). С. 2366–2373. DOI: <https://doi.org/10.35775/PSI.2022.83.7.023>
- Ламажаа, Ч. К., Бичелдей, У. П. (2021) Основные характеристики тувинского буддийского паломничества рубежа XIX–XX веков // Новые исследования Тувы. № 2. С. 6–17. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.1>
- Ламажаа, Ч. К., Сувандии, Н. Д., Монгуш, А. В. (2023) Святое в тувинской культуре: прошлое и современность // Новые исследования Тувы. №3. С.220-241. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.14>
- Ламажаа, Ч. К., Санчай, Ч. Х., Монгуш, А. В. (2023) Ритуальные ленты и флаги в практике современных тувинцев // Новые исследования Тувы. № 4. С. 344–370. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.24>

Ленхобоева, Т. Р. (2022) Рецепция экологической этики буддизма в трудах ученых Бурятии, Калмыкии, Тувы // *Философская мысль*. № 10. С. 7–22. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2022.10.38933>

Ленхобоева, Т. Р. (2022) Роль священнослужителей в формировании экологического сознания населения (на примере Республики Бурятия) // *Litera*. № 8. С. 57–65. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2022.8.38587>

Мантатов, В. В., Доржигушаева, О. В. (1997) *Экологическая этика: буддизм и современность*. Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство. 160 с.

Семенов, А. В. (2010) Горные святилища Тывы // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. № 4. С. 140–146.

Тойнби, А. Дж., Икеда, Д. (2007) *Избери жизнь. Диалог Арнольда Дж. Тойнби и Дайсаку Икеды*. М. : Изд-во Московского ун-та. 448 с.

Уланов, М. С. (2017) Буддийская культура и экологическое сознание // *Вестник Калмыцкого университета*. № 2(34). С. 157–162.

Урбанаева, И. С. (2012) Значение философско-этического потенциала буддизма для человечества в ситуации вызовов третьего тысячелетия // *Буддизм в общественно-политических процессах Бурятии и стран Центральной Азии / отв. ред. Л. Е. Янгутов*. Улан-Удэ : Бурятский государственный университет. 160 с. С. 6–20.

Хантургаева, Н. Ц., Доржигушаева, О. В. (2019) Религиозное сознание и экологическая этика буддистов Улан-Удэ (по материалам социологических исследований) // *Культура и цивилизация*. Т. 9. № 6А. С. 185–193.

Шилин, К. И. (1997) *Буддизм — глобальная экософия будущего*. М. : Очар. 470 с.

Barstow, G. (2019) *Food of Sinful Demons. Meat, Vegetarianism and the Limits of Buddhism in Tibet*. New York : Columbia University Press. 289 p.

Blum, M. (2009) The Transcendentalist Ghost in EcoBuddhism // *TransBuddhism: Transmission, Translation, Transformation*. Ed. by N. Bhushan, J. Garfield, and A. Zablock. Amherst : University of Massachusetts Press. 272 p. P. 209–238.

Brown, B. (1993) Toward a Buddhist Ecological Cosmology // *Bucknell Review*. № 37(2). P. 124–137.

Callicott, J. B. (1987) Conceptual Resources for Environmental Ethics in Asian Traditions of Thought: A Propaedeutic // *Philosophy East and West*. № 37. P. 115–130.

Gowans, C. W. (2015) *Buddhist Moral Philosophy: An Introduction*. New York : Routledge. 344 p.

Hanh, T. N. (2008) *The world we have: A Buddhist approach to peace and ecology*. Berkeley, CA : Parallax Press. 142 p.

Harris, I. (1991) How environmentalist is Buddhism? // *Religion*. № 21. P. 101–114.

Harris, I. (1995) Buddhist Environmental Ethics and Detraditionalization: The Case of EcoBuddhism // *Religion*. № 25(3). P. 199–211.

Harris, I. (2000) Buddhism and Ecology // *Contemporary Buddhist Ethics*. Ed. by D. Keown. London : Curzon Press. 230 p. P. 113–135.

Harvey, P. (2000) *An introduction to Buddhist ethics: Foundations, values and issues*. New York: Cambridge University Press. 478 p.

Kabilsingh, C. (2004) Early Buddhist Views on Nature // *This Sacred Earth: Religion, Nature, Environment*. 2nd Edition. Ed. by R. S. Gottlieb. New York and London : Routledge. 784 p. P. 116–119.

Macy, J. (1990) The Greening of the Self // *Dharma Gaia: A Harvest of Essays in Buddhism and Ecology*. Ed. by A. H. Badiner. Berkeley : Parallax. 265 p. P. 53–63.

Nugteren, A. (2005) *Belief, Bounty, And Beauty: Rituals Around Sacred Trees in India*. Leiden ; Boston : BRILL. 509 p.

Perasso, A. L. (2019) Buddhism and Ecology // *The Journal of The International Buddhist Studies College*. № 5(1). P. 16–24.

Schmithausen, L. (1985) Buddhismus und Natur // *Die Verantwortung des Menschen für eine bewohnbare Welt in Christentum, Hinduismus und Buddhismus*. Hrsg. von R. Panikkar und W. Stolz. Freiburg ; Basel ; Vienna : Herder. 191 p. P. 100–133.

Sponberg, A. (1997) The Buddhist conception of an ecological self // *Western Buddhist Review*. № 2. P. 1–14.

Wallace, V. A. (2015) Buddhist Sacred Mountains, Auspicious Landscapes and Their Agency // *Buddhism in Mongolian History, Culture, and Society*. Ed. by V. A. Wallace. Oxford : Oxford University Press. 352 p. P. 221–240.

Дата поступления: 15.09.2023 г.

Дата принятия: 16.10.2023 г.

REFERENCES

- Abaev, N. V. and Opei-ool, U. P. (2009) *Tengrism, Buddhism and ecological cults in Central Asia and Trans-Sayania*. Kyzyl, Tipografiia KTso «Anyiak». 144 p. (In Russ.).
- Abaev, N. V. and Fel'dman, V. R. (2007) *Ethno-confessional traditions and ecological culture of the peoples of Central Asia and the Altai-Baikal region*. 2nd ed. Kyzyl, TuvSU Publ. 115 p. (In Russ.).
- Alekseeva, N. N. (2005) Ecological aspects of socio-cultural traditions of India. In: *Ethnoecological aspects of spiritual culture* / ed. by V. I. Kozlov, A. N. Iamskov and N. I. Grigulevich. Moscow, IEiA RAN. 324 p. Pp. 81–101. (In Russ.).
- Arakchaa, L. K. (2015) *Ethnoecology of Tuva* / ed. by S. S. Kurbatskaia. Kyzyl, TuvGU; TuvIKOPR SO RAN. 162 p. (In Russ.).
- Baidarov, E. U. (2011) Ecological aspect of the culture of nomads of Eurasia. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 117–123. (In Russ.).
- Beliaeva-Savchuk, V. A. (2015) Buddhist influence on the modern cult of mountains among the Tunka Buryats. In: *The Teachings of Buddha in Russia: 250 years of the Institute of Pandito Hambo Lamas* / ed. by A. V. Zorin. St. Petersburg, Tsentr «Peterburgskoe vostokovedenie». 186 p. Pp. 37–47. (In Russ.).
- Bosenko, E. A. and Khan, N. R. (2023) Buddhism's teachings on ecology. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiiskogo Slavianskogo universiteta*, vol. 23, no. 2, pp. 14–18. (In Russ.).
- Grechishkina, S. V. (2015) Formation of a philosophical concept based on Buddhist and Taoist views. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 398, pp. 30–34. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/398/4>
- Gupta, P. (2019) Ethics in aesthetics: eco-spiritual symbolism in thangka painting. *Iskusstvo Evrazii*, no. 4(15), pp. 86–140.
- Dagylda: Tuvan rites of consecration in the 21st century* (2021) / ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. Kyzyl, s. n. 188 p. (In Russ. and Tuv.). (In Russ.).
- Dondukov, B. Ts. (2020) Environmental initiatives of Buddhist figures of Buryatia: current problems, local solutions. *Desertum Magnum: studia historica*, no. 2, pp. 122–131. (In Russ.).
- Dondukov, B. Ts. (2022) Initiatives of the Central Khurul Aimed at Improving the Environmental Situation in the Republic of Kalmykia. *Kunstkamera*, no. 4(18), pp. 58–66. (In Russ.). DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8619-2022-4\(18\)-58-66](https://doi.org/10.31250/2618-8619-2022-4(18)-58-66)
- Dorzhiushaeva, O. V. (2013) Environmental ethics of Buddhism. *Biosfera*, vol. 5, no. 2, pp. 254–272. (In Russ.).
- Dorzhiushaeva, O. V. (2022) Buddhism and shamanism: ecology as a sphere of influence. In: *Positive experience in regulating ethnosocial and ethnocultural processes in the regions of the Russian Federation* / ed. by G. F. Gabdrakhmanova Kazan', Institute of History named after Shigabutdin Mardzhani of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. 267 p. Pp. 54–57. (In Russ.).
- Dorzhiushaeva, O. V. and Kiplyuks, A. V. (2023) Ecologization of the tradition of tying zurams, khadaks and khii-morins at places of worship in the Republic of Buryatia. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 328–343. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.23>
- Kapra F. (2003) *Web of life. New scientific understanding of living systems*. Kiev, Sofia; Moscow, Sofia Publ. 336 p. (In Russ.).
- Kolosova, I. V. (2022) Dalai-lama Tenzin Gyatso — ambassador of peace and interreligious cohesion. *Voprosy politologii*, vol. 12, no. 7(83), pp. 2366–2373. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.35775/PSI.2022.83.7.023>
- Lamazhaa, Ch. K. and Bicheldey, U. P. (2021) The Main Characteristics of Tuvan Buddhist Pilgrimage at the Turn of the 19th — 20th Centuries. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 6–17. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.1>
- Lamazhaa, Ch. K., Suvandii, N. D. and Mongush, A. V. (2023) The Sacred in Tuvan Culture: Past and Modernity. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 220–241. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.14>
- Lamazhaa, Ch. K., Sanchai, Ch. Kh. and Mongush, A. V. (2023) Ritual ribbons and flags in the practical activities of contemporary Tuvans. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 344–370. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.24>
- Lenkhoboeva, T. R. (2022) Reception of the Ecological Ethics of Buddhism in the Works of Scientists from Buryatia, Kalmykia, Tuva. *Philosophical Thought*, no. 10, pp. 7–22. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2022.10.38933>
- Lenkhoboeva, T. R. (2022) The role of the clergy in the formation of ecological consciousness of the population (on the example of the Republic of Buryatia). *Litera*, no. 8, pp. 57–65. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2022.8.38587>

Mantatov, V. V. and Dorzhigushaeva, O. V. (1997) *Environmental Ethics: Buddhism and Modernity*. Ulan-Ude, Buryat book publishing house. 160 p. (In Russ.).

Semenov, A. V. (2010) Mountain sanctuaries of Tuva. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorii*, no. 4, pp. 140-146. (In Russ.).

Toinbi, A. Dzh. and Ikeda, D. (2007) *Choose life. Dialogue between Arnold J. Toynbee and Daisaku Ikeda*. Moscow, Moscow University Publ. 448 p. (In Russ.).

Ulanov, M. S. (2017) Buddhist culture and environmental consciousness. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*, no. 2(34), pp. 157–162. (In Russ.).

Urbanaeva, I. S. (2012) The importance of the philosophical and ethical ability of Buddhism for humanity in the situation of challenges of the third millennium. In: *Buddhism in the socio-political processes of Buryatia and the countries of Central Asia* / ed. by L. E. Iangutov. Ulan-Ude, Buryat State University. 160 p. Pp. 6–20. (In Russ.).

Khanturgaeva, N. Ts. and Dorzhigushaeva, O. V. (2019) Ecological ethics of buddhism in daily practices of residents of Buryatia. *Culture and Civilization*, vol. 9, issue 6A, pp. 185–193. (In Russ.).

Shilin, K. I. (1997) *Buddhism is the global ecosophy of the future*. Moscow, Ochag. 470 p. (In Russ.).

Barstow, G. (2019) *Food of Sinful Demons. Meat, Vegetarianism and the Limits of Buddhism in Tibet*. New York, Columbia University Press. 289 p.

Blum, M. (2009) The Transcendentalist Ghost in EcoBuddhism. In: *TransBuddhism: Transmission, Translation, Transformation*. Ed. by N. Bhushan, J. Garfield, and A. Zablock. Amherst, University of Massachusetts Press. 272 p. Pp. 209-238.

Brown, B. (1993) Toward a Buddhist Ecological Cosmology. *Bucknell Review*, no. 37(2), pp. 124–137.

Callicott, J. B. (1987) Conceptual Resources for Environmental Ethics in Asian Traditions of Thought: A Propaedeutic. *Philosophy East and West*, no. 37, pp. 115–130.

Gowans, C. W. (2015) *Buddhist Moral Philosophy: An Introduction*. New York, Routledge. 344 p.

Hanh, T. N. (2008) *The world we have: A Buddhist approach to peace and ecology*. Berkeley, CA, Parallax Press. 142 p.

Harris, I. (1991) How environmentalist is Buddhism? *Religion*, no. 21, pp. 101–114.

Harris, I. (1995) Buddhist Environmental Ethics and Detraditionalization: The Case of EcoBuddhism. *Religion*, no. 25(3), pp. 199–211.

Harris, I. (2000) Buddhism and Ecology. In: *Contemporary Buddhist Ethics*. Ed. by D. Keown. London, Curzon Press. 230 p. Pp. 113–135.

Harvey, P. (2000) *An introduction to Buddhist ethics: Foundations, values and issues*. New York, Cambridge University Press. 478 p.

Kabilsingh, C. (2004) Early Buddhist Views on Nature. In: *This Sacred Earth: Religion, Nature, Environment*. 2nd ed. Ed. by R. S. Gottlieb. New York; London, Routledge. 784 p. Pp. 116–119.

Macy, J. (1990) The Greening of the Self. In: *Dharma Gaia: A Harvest of Essays in Buddhism and Ecology*. Ed. by A. H. Badiner. Berkeley, Parallax. 265 p. Pp. 53–63.

Nugteren, A. (2005) *Belief, Bounty, And Beauty: Rituals Around Sacred Trees in India*. Leiden; Boston, BRILL. 509 p.

Perasso, A. L. (2019) Buddhism and Ecology. *The Journal of The International Buddhist Studies College*, no. 5(1), pp. 16-24.

Schmithausen, L. (1985) Buddhismus und Natur. In: *Die Verantwortung des Menschen für eine bewohnbare Welt in Christentum, Hinduismus und Buddhismus*. Hrsg. von R. Panikkar und W. Stolz. Freiburg; Basel; Vienna, Herder. 191 p. Pp. 100–133.

Sponberg, A. (1997) The Buddhist conception of an ecological self. *Western Buddhist Review*, no. 2, pp. 1–14.

Wallace, V. A. (2015) Buddhist Sacred Mountains, Auspicious Landscapes and Their Agency. In: *Buddhism in Mongolian History, Culture, and Society*. Ed. by V. A. Wallace. Oxford, Oxford University Press. 352 p. Pp. 221–240.

Submission date: 15.09.2023.

Accepted date: 16.10.2023.

DOI: 10.25178/nit.2024.1.17

Статья

Миротворческий потенциал тантрического буддизма в российском социокультурном пространстве

Юлия Ю. Эрендженова

Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова, Российская Федерация

В статье анализируется воздействие мировотворческих тантрических практик на социокультурное пространство России. На основе анализа буддийских текстов определено, что суть тантрических практик заключается в познании пустотной природы бытия и обретения абсолютной силы (буддовости) для помощи всем живым существам. Пройдя процесс тантрического посвящения, буддисты практикуют йогу божества, осознают взаимозависимость и развивают сострадание. Тантрическая умиротворяющая огненная пуджа щиве джинсег проводится для удаления различных препятствий и созидания всеобщего благополучия. Тантрический ритуал освящения рабнэ и тантрические ритуальные танцы в сознании буддистов запускают процесс гармонизации окружающего пространства.

Тантрическая йога божества в представлениях традиционных российских буддистов (калмыков и бурят) могла способствовать укреплению их отношений с императорской династией России, когда последней приписывали божественную сущность и особую духовную миссию. Свидетельства о постройках буддийских ступ и исполнении ритуального танца Цам доказывают использование миротворческих ресурсов тантрического буддизма в дореволюционной России.

В настоящее время в Калмыкии, Бурятии и Туве, а также в других российских регионах регулярно проводятся массовые тантрические посвящения, преимущественно медитационного божества Калачакры, осуществляются умиротворяющие огненные пуджи, освящаются религиозные объекты, исполняются ритуальные танцы (мистерия Цам, Танец Ваджры, Радостные танцы Кайта). Общая цель этих практик связана с распространением идеалов всемирного блага.

Таким образом, тантрический буддизм можно считать «мягкой силой» в современных условиях развития общества и культуры.

Ключевые слова: тантрический буддизм; миротворческий потенциал; мягкая сила; буддийская этика; тантрическая практика; буддизм в России

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-18-00118, <https://rscf.ru/project/19-18-00118/> «Россия и буддийский мир в дискурсе философского востоковедения».

Для цитирования:

Эрендженова Ю. Ю. Миротворческий потенциал тантрического буддизма в российском социокультурном пространстве // Новые исследования Тувы. 2024, № 1. С. 265-275. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.17>

Эрендженова Юлия Юрьевна — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник лаборатории «Комплексные буддологические исследования» Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова. Адрес: 358000, Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11. Эл. адрес: yulia.er16@gmail.com

ERENDZHENOVA, Yulia Yurievna, Candidate of Philosophy, Leading Research Associate, Laboratory "Comprehensive Buddhist Studies", Kalmyk State University. Postal address: 11 Pushkin St., 358000, Elista, Russian Federation. E-mail: yulia.er16@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-5387-9731

Article

Peacemaking potential of Tantric Buddhism in the Russian sociocultural space

Yulia Yu. Erendzhenova

Kalmyk State University, Russian Federation

The article examines the impact of tantric worldview practices on the socio-cultural space of Russia. Based on the analysis of Buddhist texts, it is determined that the essence of tantric practices lies in the realization of the emptiness nature of existence and the attainment of absolute power (Buddhahood) to aid all sentient beings. Following the process of tantric initiation, Buddhists engage in deity yoga, recognize interdependence, and cultivate compassion. The tantric pacifying fire puja of Shiva Jinseg is performed to eliminate various obstacles and promote universal well-being. Tantric consecration rituals for rabne and tantric ritual dances in the awareness of Buddhists initiate the harmonization process of the surrounding space.

Tantric deity yoga, as perceived by traditional Russian Buddhists (Kalmyks and Buryats), could have contributed to strengthening their relations with the imperial dynasty of Russia, to which the latter was attributed divine essence and a special spiritual mission. Evidence of the construction of Buddhist stupas and the performance of the Tsam ritual dance attests to the use of peace-building resources of tantric Buddhism in pre-revolutionary Russia.

Currently, in Kalmykia, Buryatia, Tuva, and other Russian regions, regular mass tantric initiations are conducted, predominantly for the meditational deity Kalachakra. Pacifying fire pujas are performed, religious objects are consecrated, and ritual dances are executed (Tsam mystery, Vajra Dance, Joyful dances of Kaita). The overarching goal of these practices is associated with the dissemination of ideals of global well-being.

Thus, tantric Buddhism can be considered as a “soft power” in contemporary conditions of societal and cultural development.

Keywords: tantric Buddhism; peacebuilding potential; soft power; Buddhist ethics; tantric practices; Buddhism in Russia

Financing

The study was funded by Russian Science Foundation according to the research project No.19-18-00118, <https://rscf.ru/project/19-18-00118/> «Russia and the Buddhist World in the discourse of Philosophical Oriental Studies».

For citation:

Erendzhenova Yu. Yu. Peacemaking potential of Tantric Buddhism in the Russian sociocultural space. *New Research of Tuva*, 2024, no. 1, pp. 265-275. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.17>

Введение

Разнообразные социальные, политические конфликты по-прежнему остаются одной из важнейших проблем современного мира. В поисках способов их преодоления исследователи обращают внимание на религиозную этику как «мягкую силу» (*soft power*), предполагающую сотрудничество в противовес насильственным методам принуждения. Буддийская этика, основанная на идеалах сострадания, ненасилия и толерантности, служит основой феномена буддийской дипломатии (Бадмаев, 2021). Более того, А. Агаджанян заметил, что в настоящее время в силу специфики религиозно-философской системы и гибкости буддизм превратился в открытый интеллектуально-духовный ресурс, способный стать «мягкой» альтернативой глобализму (Агаджанян, 2005). Так, эта религия, по-прежнему оставаясь значимой на Востоке, постепенно расширяет свое влияние на Западе.

Исследователи подчеркивают, что интеграция буддизма за пределами восточного региона во многом связана с большой популярностью его тантрической формы (также известны наименования *Тантраяна*, *Ваджраяна*, *Мантраяна*), во второй половине XX в., адаптированной тибетскими эми-

грантами (Аюшеева, 2011). Если обратиться к истории, то тантрический буддизм стал частью западного социокультурного пространства еще с XVII в., когда калмыки вошли в состав Российского государства и расселились на его европейской части территории. Незадолго до этого представители данного монголоязычного народа стали последователями тантрического буддизма вследствие тесных контактов с тибетцами, среди которых доминирует именно это направление буддийской религии. В настоящее время эта форма получила распространение во многих российских крупных городах, включая Москву, Санкт-Петербург, Самару и др. (Уланов, 2009: 71–78; 163). В российских центрах тибетской буддийской традиции совершаются различные практики, включая тантрические ритуалы (Эрендженова, 2021).

Необходимо отметить, что методы Ваджраяны вызывают скепсис по поводу их этического основания. К примеру, исследователи К. Гиллберг и Дж. Далтон в своих работах подчеркнули, что достаточно сложно увидеть в тантрическом праксисе непосредственную связь с традиционно провозглашаемыми в буддизме идеями сострадания и ненасилия (Gillberg, 2006: 77–78; Dalton, 2011: 1–22). Мы уже писали ранее, что внушительные эзотерические ритуалы с поклонением грозным тантрическим божествам при неверной интерпретации в традиционных представлениях буддистов могли привести к обратному эффекту — применению насилия и даже его оправданию (Erendzhenova, 2022).

Из данного противоречия вытекает вопрос о том, можно ли тантрический буддизм считать «мягкой силой», способной быть значимой в современных условиях развития конфликтов. Исходя из поставленной проблематики, целью настоящего исследования является анализ сути тантрических буддийских практик на предмет возможности их применения для миротворчества в социокультурном пространстве, например России. Для достижения поставленной цели необходимо установить хронологию интеграции тантрического буддизма в российское социокультурное пространство, выявить специфику буддийского тантрического праксиса с акцентом на миротворчество и проследить его возможное применение на территории России в истории и современности.

В качестве основных материалов для исследования выбраны две группы источников. К первой группе источников относятся канонические тексты тибетских авторов, поскольку тибетцы в полной мере сохранили буддийскую тантрическую традицию и считаются ее основными популяризаторами. Трактат «Большое руководство к этапам пути мантры»¹ Чже Цонкапы (1357–1419) представляет собой квинтэссенцию тантры для последователей тибетской школы Гелуг, среди которых находятся традиционные российские буддисты. Текст «Системы буддийской тантры. Нерушимый путь тайной мантры»² Джамгон Конгтрула (1813–1899) является одним из основополагающих источников для сторонников тибетских школ Ньингма, Кагью, Сакья, имеющих своих адептов в России в настоящее время. Наряду с каноническими текстами, в работе упоминается произведение калмыцкого буддиста Данбо Ульянова (1844–1913) «Предсказания Будды о доме Романовых и краткий очерк моих путешествий в Тибет в 1904–1905 гг.»³, представляющего интерес для анализа применения тантрических техник калмыцкими буддистами при взаимоотношениях с российскими правителями.

Вторая группа источников включает публикации интернет-ресурсов о религиозных организациях, опирающихся на тантрическую форму буддизма и действующих на территории России в настоящее время. Содержательному анализу были подвергнуты сайты буддийских монастырей России, а также религиозных организаций, членами которых являются буддисты-неофиты.

Постановка исследовательской проблемы обоснована обращением к методологии межкультурной философии, провозглашающей равенство западных и восточных культур, их равноценность для определения вектора развития современной цивилизации и поиска решений общечеловеческих проблем (Степанянц, 2020). Так, межкультурная философия позволяет рассматривать тантрический буддизм через призму его миротворческого потенциала для преодоления конфликтов в российском обществе.

¹ Цонкапа Чже Большое руководство к этапам пути мантры (Нагрим Ченмо): в 3-х т. / пер. А. Кутявичуса. СПб.: Изд-е А. Терентьева, 2019.

² Kongtrul J. The Treasury of Knowledge. Book Six, Part Four: Systems of Buddhist Tantra. The Indestructible Way of Secret Mantra / Transl. by E. Guarisco and I. McLeod. Ithaca, New York; Boulder, Colorado: Snow Lion Publ., 2005.

³ Ульянов Д. Предсказания Будды о доме Романовых и краткий очерк моих путешествий в Тибет в 1904–1905 гг. СПб.: Центр. типо-лит., 1913.

В основе методологии исследования лежит социокультурный подход, при котором тантрический буддизм изучается в контексте единства культурных и общественных феноменов в России. Применение диалектического метода дает возможность обратить внимание на тантрический праксис в историческом развитии российского общества. Материалы для исследования изучаются посредством контент-анализа на предмет упоминания в них тантрических практик, имеющих мировоззренческий потенциал.

Интеграция тантрического буддизма в российское социокультурное пространство

Проблема отправления тантрического культа в России в подавляющем большинстве исследований не рассматривается отдельно от истории распространения буддизма и его интеграции в социокультурное пространство. Исходя из имеющихся данных в исследовательских работах, можно представить хронологию интеграции тантрического буддизма в российское социокультурное пространство.

С начала XVII в. на южных рубежах России калмыки развивали свою религиозную традицию, поклоняясь тантрическим божествам и отправляя тантрический культ. В XVIII в. российскими подданными стали буряты, чьи религиозные представления к тому времени во многом были обусловлены тантрическим буддизмом. М. С. Уланов убедительно продемонстрировал, что калмыцкая и бурятская религиозные традиции возникли на основе тибетского (тантрического) буддизма (Уланов, 2009: 71–81).

К тому времени западные мыслители уже имели некоторое представление о тантрическом буддизме тибетцев, однако воспринимали его довольно негативно. Ю. Офферманнс сообщает, что первые иезуитские миссионеры, опубликовав свои отчеты о пребывании в Тибете, спровоцировали полемику в защиту христианских догматов в противовес атеизму, содомии и квиетизму тибетских буддистов (Offermanns, 2005).

При этом в исследовании М. А. Поличетти отмечено, что миссионер Ипполито Дезидери (1684–1733) в своих работах старался убедить современников в обоснованности таких обвинений в отношении тантрического буддизма. Долгое время находясь в Тибете, иезуит смог проникнуть в природу базовых буддийских концептов, понять специфику тантрического культа и изучить особенности буддийской тантрической иконографии (Polichetti, 2018).

Необходимо отметить, что тибетский буддизм положительно влиял на российских буддистов в социокультурном плане. На основе дореволюционных материалов М. С. Уланов и А. А. Андреева пришли к выводу, что в XVIII–XIX вв. буддизм являлся фактором этнической самоидентификации и трансляции национальной культуры для донских калмыков-казаков, проживавших в окружении иноязычного и иноконфессионального населения (Уланов, Андреева, 2021). В одном из недавних исследований Ц. П. Ванчиковой выявлено, что во второй половине XIX в. буддийские монастыри способствовали консолидации калмыков и бурят, их культурному диалогу с представителями соседних стран и народов (Ванчикова, 2023).

Вдохновившись общением с калмыками и знакомством с тибетским буддизмом, российская подданная Елена Блаватская (1831–1891) изучила различные религиозные системы и стала одним из основателей Теософского общества в Нью-Йорке. Известно, что воззрения этого общества включали эзотерические элементы буддизма, что впоследствии оказало влияние на распространение многих оккультных учений на Западе (Уланов, 2009: 137–139).

В XX в. тантрические идеи спровоцировали реформаторское движение бурятов Лубсан-Сандана Цыденова и Бидии Дандарона (там же: 118–119, 126–128, 176). Интересно, что С. П. Нестеркин рассматривает акцент Л.-С. Цыденова на интенсивной тантрической йоге как попытку реформирования буддизма для его адаптации в условиях культуры России (Nesterkin, 2019). В 1944 г. количество последователей тантрического буддизма значительно возросло за счет тувинцев, исповедовавших буддизм тибетского толка с XVIII в., в связи с вхождением Тувы в состав СССР (Монгуш, 2001: 132–134).

В конце XX в. на территории постсоветской России начался процесс возрождения тантрического буддизма среди калмыков, бурят и тувинцев (История буддизма ... , 2011). Наряду с этим интерес к тантрическим практикам среди буддистов-неофитов повлек за собой создание буддийских организаций в Москве, Санкт-Петербурге и других регионах. Е. С. Сафронова пишет, что в современной Рос-

сии превалирует количество традиционных буддистов, которые остаются последователями тибетской школы Гелуг, и в то же время постепенно растет численность сторонников тибетских школ Ньингма, Сакья, Кагью (Сафронова, 2006).

А. С. Колесников поясняет, что распространение тантрического буддизма за пределами буддийского мира обусловлено тем, что в его формировании во многом преуспели последователи тибетских школ Ньингма, Сакья и Кагью, чья тантрическая традиция больше ориентирована на практику, нежели на основательную теоретическую подготовку, как это принято в школе Гелуг (Колесников, 2016). А. М. Разоренова обращает внимание на то, что тантрический буддизм, в особенности в форме «Алмазного пути», оказался довольно адаптивным в условиях секулярного общества (Разоренова, 2020).

Сравнительный анализ форм буддизма на территории России, проведенный М. В. Монгуш, показал, что около 200 буддийских организаций основаны на «западном» направлении буддизма (Монгуш, 2016). Тем не менее, несмотря на предположенную обособленность этого направления от тибето-буддийских прототипов, исследователь признает их ориентацию на тантрический праксис.

Таким образом, следует признать, что тантрический буддизм достаточно широко распространен в социокультурном пространстве России. Между тем в приведенных работах нет четкого обозначения миротворческого потенциала тантрического буддизма и его возможного применения, что и обуславливает актуальность настоящего исследования.

Миротворческий потенциал буддийского тантрического праксиса

В текстах тибетских буддистов смысл тантры сводится к высшей цели, а именно достижению состояния Будды. Чже Цонкапа указывает, что становление Буддой предполагает познание пустотной природы бытия и обретение абсолютной силы для спасения всех живых существ. Благодаря тантрическим методам появляется возможность ускорить этот процесс за счет трансформации негативных ментальных установок в позитивные. Поскольку буддийская тантра предполагает лишь изменения на ментальном уровне, то все тантрические образы, включая гневных божеств с военными атрибутами, носят символический характер¹. Джамгон Конгтрул дополняет, что в процессе тантрической практики происходит обретение великого совершенства (тиб. *дзогчен*) посредством «очищения» изначально чистого сознания, которое воспринимает всю окружающую действительность такой же чистой².

Учитывая альтруистическую направленность и символизм буддийской тантры, можно признать все ее методы созидательными и гуманными. Однако, в буддийских текстах можно выделить несколько практик, которые прямо или косвенно демонстрируют миротворческую направленность тантры. Среди них йога божества, умиротворяющая огненная пуджа *циве джинсег*, ритуал освящения религиозных объектов *рабнэ*, ритуальные танцы.

Чже Цонкапа и Джамгон Конгтрул соглашаются, что любая тантрическая практика начинается с обязательного ритуала инициации, когда адепт получает право не только лицезреть медитационное божество (тиб. *идам*), но и самоотождествляться с ним для осознания взаимозависимости и развития сострадания³. К. Л. Цомо поясняет, что самообожествление, называемое йогой божества, является «искусным средством» буддистов для очищения собственного сознания от омрачений и преобразования ментального отражения окружающей действительности (Tsomo, 2018).

¹ Цонкапа Чже/ Большое руководство к этапам пути мантры (Наgrim Ченмо): в 3-х т. Т. I. / пер. А. Кутявичуса. СПб. : Изд-е А. Терентьева, 2019. С. 51–57; Kongtrul J. The Treasury of Knowledge. Book Six, Part Four: Systems of Buddhist Tantra. The Indestructible Way of Secret Mantra / Transl. by E. Guarisco and I. McLeod. Ithaca, New York; Boulder, Colorado: Snow Lion Publ., 2005. P. 75–77.

² Kongtrul J. The Treasury of Knowledge. Book Six, Part Four: Systems of Buddhist Tantra. The Indestructible Way of Secret Mantra / Transl. by E. Guarisco and I. McLeod. Ithaca, New York; Boulder, Colorado: Snow Lion Publ., 2005. P. 349–350.

³ Цонкапа Чже/ Большое руководство к этапам пути мантры (Наgrim Ченмо): в 3-х т. Т. I. / пер. А. Кутявичуса. СПб. : Изд-е А. Терентьева, 2019. С. 103–104; Kongtrul J. The Treasury of Knowledge. Book Six, Part Four: Systems of Buddhist Tantra. The Indestructible Way of Secret Mantra / Transl. by E. Guarisco and I. McLeod. Ithaca, New York; Boulder, Colorado : Snow Lion Publ., 2005. P. 116–118.

В текстах объясняется, что умиротворяющая огненная пуджа (тиб. *щиве джинсег*) входит в один из видов огненных ритуалов, совершаемых по окончании затворничеств и связанных с удалением различных препятствий на духовном пути тантрических буддистов. Считается, что отсутствие трудностей способствует всеобщему благополучию¹. Р. Небески-Войковиц уточняет, что буддийская огненная пуджа представляет собой обряд поклонения божествам-защитникам путем вбрасывания в огонь различных субстанций и сопровождается медитацией на пустотную реальность бытия (Nebesky-Wojkowitz, 1996: 528).

О ритуале освящения религиозных объектов *рабнэ* сказано, что он предназначен для наделения буддийских изображений, статуй, текстов, ступ и других объектов особой силой, способной позитивно влиять на расположенные близ них объекты. Ритуал *рабнэ* относится к локализации божеств мудрости в реальном мире, где они могут быть доступны для любого живого существа, придерживающегося буддийского пути². Миротворческий потенциал *рабнэ* проявляется при освящении буддийских храмов и ступ — монументальных сооружений, символизирующих ум Будды и приносящих пользу всем, кто оказывается поблизости и обходит их по часовой стрелке (Bentor, 1996: 13).

Чже Цонкапа и Джамгон Конгтрул приводят сведения о ритуальном танце, который, как правило, исполняется буддистами во время тантрических посвящений для того, чтобы условно «запустить» процесс гармонизации окружающего пространства³. Наиболее известным и масштабным тантрическим ритуальным танцем является мистерия *Цам*. Мистерия представляет собой театрализованное представление, в котором персонажи в разноцветных масках и костюмах движутся в ритмичном танце. Отождествляя себя с тантрическими божествами, танцоры изрекают нравственные наставления о сострадании ко всем живым существам (Pearlman, 2002: 32).

Таким образом, краткий обзор текстов тибетских буддистов показал, что суть тантрических практик заключается в познании пустотной природы бытия и обретении абсолютной силы (буддовости) для помощи всем живым существам. Пройдя процесс тантрического посвящения, буддисты практикуют йогу божества, осознают взаимозависимость и развивают сострадание. Тантрическая умиротворяющая огненная пуджа *щиве джинсег* проводится для удаления различных препятствий и создания всеобщего благополучия. Тантрический ритуал освящения *рабнэ* и тантрические ритуальные танцы в сознании буддистов запускают процесс гармонизации окружающего пространства.

Миротворческие буддийские тантрические практики на территории России в истории и современности

Выделенные тантрические практики в той или иной степени получили отражение в религиозной традиции российских буддистов. Их обширная культовая система сложилась на основе тантрического пантеона, необходимого для тантрических посвящений и йоги божества. Возможно, что буддисты, не заинтересованные в интенсивной духовной практике, воспринимают *идамов* как субстанциальных божеств, обладающих силой для претворения чаяний верующих. Несмотря на отсутствие явного миротворческого потенциала в самом культе, есть сведения о том, как поклонение тантрическим божествам способствовало развитию буддийской дипломатии.

В бурятском фольклоре сохранились сведения о том, что в 1767 г. буряты объявили Екатерину II воплощением тантрического божества — Белой Тары (Цыремпилов, 2009: 122–123). В 1913 г. калмыцкий буддийский монах Данбо Ульянов опубликовал труд под названием «Предсказание Будды о доме

¹ Цонкапа Чже. Большое руководство к этапам пути мантры (Нагрим Ченмо): в 3-х т. Т. I. / пер. А. Кугявичуса. СПб.: Изд-е А. Терентьева, 2019. С. 336; Kongtrul J. The Treasury of Knowledge. Book Six, Part Four: Systems of Buddhist Tantra. The Indestructible Way of Secret Mantra / Transl. by E. Guarisco and I. McLeod. Ithaca, New York; Boulder, Colorado: Snow Lion Publ., 2005. P. 100–101.

² Цонкапа Чже. Большое руководство к этапам пути мантры (Нагрим Ченмо): в 3-х т. Т. II. / пер. А. Кугявичуса. СПб.: Изд-е А. Терентьева, 2019. С. 375–394; Kongtrul J. The Treasury of Knowledge. Book Six, Part Four: Systems of Buddhist Tantra. The Indestructible Way of Secret Mantra / Transl. by E. Guarisco and I. McLeod. Ithaca, New York; Boulder, Colorado: Snow Lion Publ., 2005. P. 277–278.

³ Цонкапа Чже. Большое руководство к этапам пути мантры (Нагрим Ченмо): в 3-х т. Т. II. / пер. А. Кугявичуса. СПб.: Изд-е А. Терентьева, 2019. С. 114–119; Kongtrul J. The Treasury of Knowledge. Book Six, Part Four: Systems of Buddhist Tantra. The Indestructible Way of Secret Mantra / Transl. by E. Guarisco and I. McLeod. Ithaca, New York; Boulder, Colorado: Snow Lion Publ., 2005. P. 221.

Романовых...», где обосновал божественное происхождение всех российских правителей с 1613 г. Проанализировав канонические тексты на тибетском языке, Д. Ульянов пришел к выводу, что Будда Шакьямуни и известный тантрический мастер Гуру Падмасамбхава (8 в.) предрекли рождение Михаила Федоровича Романова и его восхождение на российский престол. Более того, калмыцкий буддист сопоставил Россию с мифической страной Шамбалой и объявил о ее особой миссии в дальнейшем развитии буддизма¹.

Оба случая приписывания российским правителям божественной сущности могут быть примерами того, как религиозные представления калмыков и бурят помогали им выстраивать конструктивные отношения с правящей династией.

В связи с упоминанием Шамбалы следует отметить, что эта мифическая страна имеет ключевое значение для тантристов, практикующих йогу божества Калачакры (Стрелков, 2008). Эта тантра акцентирует внимание на том, что внутренние изменения адепта влекут за собой трансформации макрокосмоса. Калачакра является также крайне популярным среди российских буддистов, поскольку обосновывает используемую ими астрологию. В Бурятии в 1878 г. была основана специализированная школа Дуйнхор, где осуществлялась соответствующая йога божества, проводились ритуалы и астрологические расчеты (Жамсуева, Лувсан, 2019).

Свидетельством широкого распространения учения Калачакры среди калмыков служат печати калмыцких правителей, выполненных с изображением монограммы, состоящей из слогов мантры Калачакры. Считалось, что данный сакральный знак способствовал преобразованию всего в благое и благоприятное (Митруев, Гедеева, 2021).

Буддийские тантристы продолжают проводить ритуалы инициации ради блага всех живых существ в современности. Во второй половине XX в. духовный глава тибетского буддизма Его Святейшество Далай-лама XIV стал проводить массовые тантрические посвящения Калачакры (Аюшеева, 2011: 78–79). Вследствие этого появились даже специализированные ретритные центры для тантрической практики Калачакры².

Последователи разных школ тибетского буддизма в мире проводят массовые посвящения и затворничества. К примеру, в Париже один из иерархов тибетской буддийской традиции Сакья даровал тантрическое посвящение махасиддхи Тангтонга Гьялпо во время крупномасштабного молебна во имя всеобщего мира и счастья³. Сторонники школы Кагью занимаются углубленными тантрическими практиками во время длительных затворничеств (вплоть до трех лет и трех месяцев) (Леонтьева, 2018). Интересно, что тибетские буддийские учителя проводят тантрические посвящения и в интернет-пространстве как в режиме трансляции, так и в режиме просмотра записи в любое время (Дондуков, Дондукова, 2021: 151–153).

По поводу применения тантрической умиротворяющей огненной пуджи *щиве джинсег* в истории российских буддистов нет достоверных свидетельств. В полевых заметках П. Небольсина сообщается, что в XIX в. калмыки ежегодно совершали обряд *гал тьялгн* (с калм. 'жертвоприношение огню'), заключающийся в сожжении части туши барана на костре для выражения признательности огню и солнцу⁴. Судя по описанию ритуала, скорее всего его природа и регламент продиктованы добуддийскими верованиями, поэтому нельзя однозначно соотносить его с буддийской огненной пуджей.

Между тем, в современной Калмыкии монашеская община ежегодно проводит именно тантрический ритуал *щиве джинсег* для того, чтобы устранить препятствия на пути к просветлению и создать условия для всеобщего благоденствия⁵. В Бурятии умиротворяющая огненная пуджа включена в

¹ Ульянов Д. Предсказания Будды о доме Романовых и краткий очерк моих путешествий в Тибет в 1904–1905 гг. СПб.: Центр. типо-лит., 1913. С. 84–93.

² Bienvenue au Centre Kalachakra [Электронный ресурс] // Centre Kalachakra. URL: <https://centre-kalachakra.com/> (дата обращения: 15.06.2023).

³ Second European Sakya Monlam for Universal Peace & Happiness Concludes in Paris [Электронный ресурс] // Central Tibetan Administration. URL: <https://tibet.net/second-european-sakya-monlam-for-universal-peace-happiness-concludes-in-paris/> (дата обращения: 15.06.2023).

⁴ Небольсин П. Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб.: Типография Карла Крайя, 1852. С. 125–126.

⁵ Еще Лодой Ринпоче возглавит ежегодные тантрические ритуалы в Центральном хуруле Калмыкии [Электронный ресурс] // Сохраним Тибет. 2022, 9 сентября. URL: <http://savetibet.ru/2022/09/09/tantric-rituals-in-kalmykia.html> (дата обращения: 13.06.2023).

ежемесячное расписание главного буддийского храма¹. По традиции тувинцы также регулярно проводят огненные пуджи, одну из которых возглавил известный в тибетском буддизме тантрический мастер Тацак Кунделинг Ринпоче².

В исследовательской литературе нет точных сведений и о проведении ритуалов *рабнэ* в России в дореволюционное время, однако косвенно об этом свидетельствует большое количество буддийских монастырей и ступ, ставших сакральными объектами (Бакаева и др., 2015: 10–13; Буддизм в ... , 2014: 202). Наделение этих объектов особой силой через ритуал *рабнэ* может послужить одним из аргументов при объяснении феномена массового паломничества к ним среди российских буддистов, представленного в работах отечественных исследователей (Ламажаа, Бичелдей, Монгуш, 2020; Очирова и др., 2021).

С начала периода возрождения буддизма в российских регионах возводятся храмы со всей необходимой атрибутикой, что, соответственно, требует проведения ритуалов *рабнэ*. Так, например, в апреле 2023 г. в Туве состоялся тантрический ритуал освящения главного храма «Тубтен Шедруб Линг», приобретшего статус самого большого буддийского монастыря в России³.

Ритуал *рабнэ* стал частой практикой и в европейских странах в связи со строительством буддийских ступ. Как правило, они возводятся членами буддийских организаций исключительно в религиозных целях. Однако, со временем основанный на рационализме европейский прагматизм вносит соответствующие ему корректировки в функциональное значение буддийских ступ. К примеру, построенная в рамках проекта «Garden of Human Rights» («Сад человеческих прав») буддийская ступа в бременском Парке Рододендронов (Германия), является не столько объектом религиозного поклонения, сколько служит символом религиозной свободы и межконфессионального диалога (Seegers, 2017).

Применение тантрических ритуальных танцев подтверждается сведениями о том, что с XIX в. на территории России на постоянной основе исполняется мистерия *Цам* в разных буддийских храмах (Жамсуева, Лувсан, 2019). Эта традиция сохраняется в современности как в Бурятии⁴, так и в Калмыкии⁵ и Туве. Так, театрализованное представление мистерии *Цам* стало частью программы торжественного открытия главного тувинского буддийского храма «Тубтен Шедруб Линг»⁶.

С 1990-х гг. в России популярными стали особые тантрические танцы, связанные с практикой *дзогчен*, Танец Ваджры⁷ и Радостные танцы Кайта⁸. Главным идейным вдохновителем к практике *дзогчен* стал тибетский наставник Чогьял Намкай Норбу Ринпоче (1938–2018). Он же, будучи признанным эзотерическим мастером, разработал инструкции по исполнению танцев. В начале изготавливается тканевое панно с изображением пятицветной мандалы из концентрических кругов и треугольников. Затем на этом панно последователи Чогьяла Намкай Норбу Ринпоче в ритуальных костюмах совершают ритмичные движения под звучание священных мантр. Замысел заключается в том, что через цвет, движение и звук тантристы обретают гармонию со своей истинной природой и тем самым развивают сострадание, способствуют достижению всеобщего счастья.

Вышеизложенные аргументы в определенной степени доказывают, что в представлениях буддистов тантрические методы применяются для созидания и гармонии, что получило отражение в социокультурной истории России.

¹ Расписание хуралов — Жуд дуган [Электронный ресурс] // Иволгинский дацан. URL: <https://ivolgdatsan.ru/about/hurals/zud-dugan/> (дата обращения: 13.06.2023).

² Ритуал Чензириг (Огненная пуджа) [Электронный ресурс] // Агентство по делам национальностей Республики Тыва. URL: <http://нацполитика-тыва.рф/ritual-chenzirig-ognennaya-pudzha/> (дата обращения: 13.06.2023).

³ Церемония открытия буддийского монастыря «Тубтен Шедруб Линг» в Республике Тыва [Электронный ресурс] // Youtube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xQIYbit6Fzw> (дата обращения: 19.06.2023)

⁴ Мистерия Цам состоялась в улан-удэнском Дуйнхор дацане [Электронный ресурс] // Буряад Унэн. URL: <https://burunen.ru/news/society/56762-misteriya-tsam-sostoyalas-v-ulan-udenskom-duynkhor-datsane/> (дата обращения: 19.06.2023).

⁵ Мистерия Цам в Элисте [Электронный ресурс] // Kalmykia-online. URL: <http://kalmykia-online.ru/multimedia/photo/8700> (дата обращения: 19.06.2023).

⁶ Церемония открытия буддийского монастыря «Тубтен Шедруб Линг» в Республике Тыва [Электронный ресурс] // Youtube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xQIYbit6Fzw> (дата обращения: 19.06.2023).

⁷ Танец Ваджры [Электронный ресурс] // Московская Дзогчен община Ринченлинг. URL: <https://rinchenling.ru/uchenie/dance-of-vajra/> (accessed: 19.06.2023).

⁸ Радостные танца Кайта [Электронный ресурс] // Московская Дзогчен община Ринченлинг. URL: <https://rinchenling.ru/uchenie/khaita-joyful-dances/> (дата обращения: 19.06.2023).

Заключение

Таким образом, можно заключить, что тантрический буддизм, обосновавшийся в пределах российского социокультурного пространства как в прошлом, так и в современности, можно считать «мягкой силой», способной быть значимой в современных условиях развития общества и культуры. Тантрическими практиками, применяемыми для миротворчества, можно считать тантрические посвящения и йогу божества, умиротворяющую огненную пуджу, ритуалы освящения *рабнэ* и тантрические танцы. В соответствии с сущностным содержанием буддийской тантры, тантрические посвящения и йога божества побуждают к «чистому» видению окружающего мира и развитию сострадания. Умиротворяющая огненная пуджа, ритуалы освящения *рабнэ* и тантрические танцы исполняются с целью гармонизации пространства и достижения всеобщего блага. Сделанные выводы могут быть приняты во внимание при дальнейшем изучении миротворческого потенциала буддизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агаджанян, А. (2005) Буддизм в современном мире: мягкая альтернатива глобализму // Религия и глобализация на просторах Евразии / ред. А. Малашенко, С. Филатов. М. : Неостром. 343 с. С. 222–255.
- Аюшеева, Д. В. (2011) Основные особенности и тенденции распространения тибетского буддизма на Западе // Религиоведение. № 4. С. 74–80.
- Бадмаев, В. Н. (2021) Буддийская дипломатия: идеи и практика // Вестник Калмыцкого университета. № 1(49). С. 111–117.
- Бакаева, Э. П., Орлова К. В., Хишигт Н., Энхчимэг Ц. (2015) Буддийская традиция в Калмыкии и Западной Монголии: сакральные объекты. М. : Восточная литература. 238 с.
- Буддизм в истории и культуре бурят (2014) / ред. И. Гарри. Улан-Удэ : Буряад-Монгол Ном. 417 с.
- Ванчикова, Ц. П. (2023) Буддийская конфессия в Российской империи во второй половине XIX в. // Монголоведение. Т. 15. № 1. С. 95–114. DOI: <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2023-1-95-114>
- Дондуков, Б. Ц., Дондукова, Г. П. (2021) Буддизм в Интернете: возможности и препятствия // Новые исследования Тувы. № 2. С. 145–155. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.12>
- Жамсуева, Д. С., Лувсан, О. (2019) Ритуальный аспект мистерии Цам в бурятских дацанах // Власть. № 3. С. 189–193.
- История буддизма в СССР и Российской Федерации в 1985–1999 гг. (2011) / под общ. ред. Н. Г. Очировой. Элиста : Министерство образования, культуры и науки Республики Калмыкия. 392 с.
- Колесников, А. С. (2016) Прошлое и настоящее буддизма Ваджраяны // Буддизм Ваджраяны в России: традиции и новации / отв. ред. А. М. Алексеев-Апраксин. Астрахань : Алмазный путь. 700 с. С. 94–103.
- Ламажаа, Ч. К., Бичелдей, У. П., Монгуш, А. В. (2020) Тувинское буддийское паломничество: от традиции к вере // Новые исследования Тувы. № 4. С. 135–155. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.10>
- Леонтьева, Е. В. (2018) Практика медитационных ретритов в традиции Кагью. Краткий обзор // Буддизм Ваджраяны в России: на перекрестке культур / отв. ред. Е. В. Леонтьева. Красноярск : Алмазный путь. 590 с. С. 80–86.
- Митруев, Б. Л., Гедеева, Д. Б. (2021) Печати на калмыцких деловых документах XVII–XVIII вв. как источник для изучения калмыцко-тибетских связей // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. № 4. С. 23–43. DOI: <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2021-4-20-23-43>
- Монгуш, М. В. (2001) История буддизма в Туве (вторая половина VI — конец XX в.). Новосибирск : Наука. 200 с.
- Монгуш, М. В. (2016) Традиционный и западный буддизм в современной России: опыт сравнительного анализа // Новые исследования Тувы. № 1. С. 5–19.
- Очирова, О. А., Антонов, В. И., Бадмаев, В. Н., Пурэвсүрэн, Б., Петрова, А. А. (2021) Социальный портрет буддиста-паломника Бурятии: от традиционного к онлайн формату (по результатам социологического исследования) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 79–91. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.2>
- Разоронова, А. М. (2020) Особенности адаптации буддизма в секулярном обществе // Буддизм Ваджраяны в России: актуальная история и социокультурная аналитика / отв. ред. А. М. Алексеев-Апраксин. СПб. : Алмазный путь. 766 с. С. 367–373.
- Сафронова, Е. С. (2006) Современный буддизм в России на нетрадиционных территориях распространения // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Т. 24. № 1–2. С. 175–188.
- Степанянц, М. Т. (2020) Межкультурная философия: истоки, методология, проблематика, перспективы. М. : Восточная литература. 183 с.
- Стрелков, А. М. (2008) Мифическая история и эсхатология учения Калачакра в буддийской легенде о Шамбале // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. № 5. С. 5–19.

- Уланов, М. С. (2009) Буддизм в социокультурном пространстве России. Элиста : Изд-во КалмГУ. 236 с.
- Уланов, М. С., Андреева, А. А. (2021) Буддизм и донские калмыки-казаки в социокультурном пространстве России // Новые исследования Тувы. № 2. С. 100–114. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.9>
- Цыремпилов, Н. (2009) За святую дхарму и белого царя: российская империя глазами бурятских буддистов XVIII — начала XX веков // Ab imperio. № 2. С. 105–130.
- Эрендженова, Ю. Ю. (2021) Российские центры тибетской буддийской традиции: особенности и значение религиозных практик // Новые исследования Тувы. № 2. С. 156–168. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.13>
- Bentor, Y. (1996) Consecration of images and stupas in Indo-Tibetan Tantric Buddhism. Leiden ; New York ; Koln : Brill. 415 p.
- Dalton, J. P. (2011) The Taming of the Demons: Violence and Liberation in Tibetan Buddhism. New Haven & London : Yale University Press. 311 p.
- Erendzhenova, Yu.Yu. (2022) Buddhist's Traditional Views on Violence and Non-Violence (On the Example of the Kalmyks of the Russian Empire) // Bylye Gody. № 17(4). P. 1596-1604. DOI: <https://doi:10.13187/bg.2022.4.1596>
- Gillberg, C. (2006) Warriors of Buddhism: Buddhism and violence as seen from a Vajrayana Tibetan Buddhist perspective // Scripta Instituti Donneriani Aboensis. № 19. P. 77–92. DOI: <https://doi.org/10.30674/SCRIPTA.67302>
- Nebesky-Wojkowitz, de. R. (1996) Oracles and Demons of Tibet. The Cult and Iconography of the Tibetan Protective Deities. Delhi : Book Faith India. 666 p.
- Nesterkin, S. P. (2019) The main trends in the renewal movement of Russian Buddhism in early 20th century // Sententia: European Journal of Humanities and Social Sciences. № 1. P. 16–23. DOI: <https://doi.org/10.25136/1339-3057.2019.1.28385>
- Offermanns, J. (2005) Debates on atheism, quietism, and sodomy: the initial reception of Buddhism in Europe // Journal of Global Buddhism. № 6. P. 16–35.
- Pearlman, E. (2002) Tibetan Sacred Dance: A Journey into the Religious and Folk Traditions. Rochester : Inner Traditions. 200 p.
- Polichetti, M. A. (2018) The Sorrowful Fates of Rebirth: Ippolito Desideri Encounters Tibetan Sacred Art // Buddhist-Christian Studies. № 38(1). P. 97–108. DOI: <https://doi:10.1353/bcs.2018.0008>
- Seegers, E. (2017) A Tibetan stupa within the flow of cultural transformations: the opportunities and challenges of transplanting Buddhist architecture from Asia to Europe // Journal of Asian Humanities at Kyushu University. № 2. P. 67-84.
- Tsomo, K. L. (2018) Imagining Enlightenment: Icons and Ideology in Vajrayana Buddhist Practice // Journal of Dharma Studies. № 1. P. 31–43. DOI: <https://doi.org/10.1007/s42240-018-0011-7>

Дата поступления: 13.09.2023 г.

Дата принятия: 18.10.2023 г.

REFERENCES

- Agadzhanian, A. (2005) Buddhism in the Modern World: A Soft Alternative to Globalism. In: *Religion and Globalization in Eurasia* / ed. by A. Malashenko, S. Filatov. Moscow, Neostrom. 343 p. Pp. 222–255. (In Russ.).
- Aiusheeva, D. V. (2011) The main features and trends in the spread of Tibetan Buddhism in the West. *Religiovedenie*, no. 4, pp. 74–80. (In Russ.).
- Badmaev, V. N. (2021) Buddhist diplomacy: ideas and practice. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*, no. 1(49), pp. 111–117. (In Russ.).
- Bakaeva, E. P., Orlova K. V., Khishigt N. and Enkhchimeg, Ts. (2015) *Buddhist tradition in Kalmykia and Western Mongolia: sacred objects*. Moscow, Nauka, Vostochnaya literatura. 238 p. (In Russ.).
- Buddhism in the history and culture of the Buryats* (2014) / ed. by I. Garri. Ulan-Ude, Buriad-Mongol Nom. 417 p. (In Russ.).
- Vanchikova, Ts. P. (2023) Buddhism in the Mid-to-Late Nineteenth-Century Russian Empire. *Mongolovedenie*, vol. 15, no. 1, pp. 95–114. (In Russ.). DOI: <https://doi:10.22162/2500-1523-2023-1-95-114>
- Dondukov, B. Ts. and Dondukova, G. P. (2021) Buddhism on the Internet: Opportunities and Obstacles. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 145–155. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.12>
- Zhamsueva, D. S. and Luvsan, O. (2019) Ritual aspects of Tsam mystery in the Buryat Datsans. *Vlast'*, no. 3, pp. 189–193. (In Russ.).
- History of Buddhism in the USSR and the Russian Federation in 1985–1999* (2011) / ed. by N. G. Ochirova. Elista, Ministry of Education, Culture and Science of the Republic of Kalmykia. 392 p. (In Russ.).
- Kolesnikov, A. S. (2016) The Past and Present of Vajrayana Buddhism. In: *Vajrayana Buddhism in Russia: traditions and innovations* / ed. by A. M. Alekseev-Apraksin. Astrakhan', Almaznyi put'. 700 p. Pp. 94–103. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K., Bicheldei, U. P. and Mongush, A. V. (2020) Tuvan Buddhist pilgrimage: from tradition to the faith. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 135–155. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.10>

Leont'eva, E. V. (2018) The practice of meditation retreats in the Kagyu tradition. Brief review. In: *Vajrayana Buddhism in Russia: at the crossroads of cultures* / ed. by E. V. Leont'eva. Krasnoiar'sk, Almaznyi put'. 590 p. Pp. 80–86. (In Russ.).

Mitruiev, B. L. and Gedeeva, D. B. (2021) Kalmyk-Tibetan Relations, 17th–18th Centuries: Seals on Kalmyk Official Documents as a Research Source. *Biulleten' Kalmyt'skogo nauchnogo tsentra RAN*, no. 4, pp. 23–43. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2021-4-20-23-43>

Mongush, M. V. (2001) *History of Buddhism in Tuva (second half of the 6th — end of the 20th century)*. Novosibirsk, Nauka. 200 p. (In Russ.).

Mongush, M. V. (2016) Traditional and Western Buddhism in Russia: a comparative study. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 5–19. (In Russ.).

Ochirova, O. A., Antonov, V. I., Badmaev, V. N., Purevsuren, B. and Petrova, A. A. (2021) Social portrait Buddhist pilgrim of Buryatia: from traditional to online format (based on the results of a sociological study). *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 79–91 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.7>

Razorenova, A. M. (2020) Features of the adaptation of Buddhism in a secular society. In: *Vajrayana Buddhism in Russia: Current History and Sociocultural Analytics* / ed. by A. M. Alekseev-Apraksin. St. Petersburg, Almaznyi put'. 766 p. Pp. 367–373. (In Russ.).

Safronova, E. S. (2006) Modern Buddhism in Russia in non-traditional distribution territories. *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, vol. 24, no. 1–2, pp. 175–188. (In Russ.).

Stepaniants, M. T. (2020) *Intercultural philosophy: origins, methodology, problems, perspectives*. Moscow, Nauka, Vost. lit. 183 p. (In Russ.).

Strelkov, A. M. (2008) Mythical history and eschatology of the Kalachakra teaching in the Buddhist legend about Shambhala. *Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'*, no. 5, pp. 5–19. (In Russ.).

Ulanov, M. S. (2009) *Buddhism in the sociocultural space of Russia*. Elista, KalmSU Publ. 236 p. (In Russ.).

Ulanov, M. S. and Andreeva, A. A. (2021) Buddhism and the Don Kalmyk Cossacks in the Sociocultural Space of Russia. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 100–114. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.9>

Tsyrempilov, N. (2009) For the holy Dharma and the white king: the Russian empire through the eyes of Buryat Buddhists of the 18th — early 20th centuries. *Ab imperio*, no. 2, pp. 105–130. (In Russ.).

Erendzhenova, Yu. Yu. (2021) Russian Centers of the Tibetan Buddhist Tradition: Features and Significance of Religious Practices. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 157–168. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.13>

Bentor, Y. (1996) *Consecration of images and stupas in Indo-Tibetan Tantric Buddhism*. Leiden; New York; Koln, Brill. 415 p.

Dalton, J. P. (2011) *The Taming of the Demons: Violence and Liberation in Tibetan Buddhism*. New Haven & London: Yale University Press. 311 p.

Erendzhenova, Yu. Yu. (2022) Buddhist's Traditional Views on Violence and Non-Violence (On the Example of the Kalmyks of the Russian Empire). *Bylye Gody*, no. 17(4), pp. 1596–1604. DOI: <https://doi.org/10.13187/bg.2022.4.1596>

Gillberg, C. (2006) Warriors of Buddhism: Buddhism and violence as seen from a Vajrayana Tibetan Buddhist perspective. *Scripta Instituti Donneriani Aboensis*, no. 19, pp. 77–92. DOI: <https://doi.org/10.30674/SCRIPTA.67302>

Nebesky-Wojkowitz, de. R. (1996) *Oracles and Demons of Tibet. The Cult and Iconography of the Tibetan Protective Deities*. Delhi, Book Faith India. 666 p.

Nesterkin, S. P. (2019) The main trends in the renewal movement of Russian Buddhism in early 20th century. *Sententia: European Journal of Humanities and Social Sciences*, no. 1, pp. 16–23. DOI: <https://doi.org/10.25136/1339-3057.2019.1.28385>

Offermanns, J. (2005) Debates on atheism, quietism, and sodomy: the initial reception of Buddhism in Europe. *Journal of Global Buddhism*, no. 6, pp. 16–35.

Pearlman, E. (2002) *Tibetan Sacred Dance: A Journey into the Religious and Folk Traditions*. Rochester, Inner Traditions. 200 p.

Polichetti, M. A. (2018) The Sorrowful Fates of Rebirth: Ippolito Desideri Encounters Tibetan Sacred Art. *Buddhist-Christian Studies*, no. 38(1), pp. 97–108. DOI: <https://doi.org/10.1353/bcs.2018.0008>

Seegers, E. (2017) A Tibetan stupa within the flow of cultural transformations: the opportunities and challenges of transplanting Buddhist architecture from Asia to Europe. *Journal of Asian Humanities at Kyushu University*, no. 2, pp. 67–84.

Tsomo, K. L. (2018) Imagining Enlightenment: Icons and Ideology in Vajrayana Buddhist Practice. *Journal of Dharma Studies*, no. 1, pp. 31–43. DOI: <https://doi.org/10.1007/s42240-018-0011-7>

Submission date: 13.09.2023.

Accepted date: 18.10.2023.

DOI: 10.25178/nit.2024.1.10

ГОЛОСА АЗИИ

Статья

Дом бытия полилингвальных личностей (интервью с Т. Г. Боргояковой и З. А. Кучуковой)

Улданай М. Бахтикиреева

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

Многолетнее изучение множественной языковой идентичности инонационально-русских полилингвальных личностей подвели автора (этническую казашку) к выводу о необходимости изучения отдельных «языковых биографий». Каждый конкретный кейс — это уникальная мировоззренческая позиция. Проецирование отдельного опыта на лингвокультурное состояние конкретного этноса предоставляет возможность осмыслить общее через частное, встроенность миноритария в общий социальный контекст. В настоящей работе посредством интервьюирования представлен опыт осмысления не единичного языкового бытия полилингвальных личностей: этнической хакаски (Т. Г. Боргояковой) и балкарки (З. А. Кучуковой), филологов, ученых, по базовому образованию — германистов (английский язык), родившихся в СССР, ныне живущих в разных республиках Российской Федерации.

Исследование направлено на выявление индивидуального для осмысления типического. Сопутствующей целью является познание своего не единичного языкового бытия путем сравнения с опытом интервьюируемых. Беседы показывают, что этническая и языковая идентичность могут не совпадать, но при этом личность с не единичной языковой идентичностью, с глубокой мировоззренческой позицией не впадает в позицию «жертвы», не позволяет себе допускать ни виктимных lamentаций, ни пессимизма, ни какого бы то не было негативизма, противостояния, «ярости». Напротив, их иноязыковое бытие — достойные примеры конструирования позитивных жизненных моделей самоощущения, преодолевающих несправедливость и несовершенство окружающей действительности.

Ключевые слова: языковое бытие; иноязыковое бытие; билингвизм; множественная языковая идентичность; языковая биография; русский язык; родной язык; беркутёнок

Для цитирования:

Бахтикиреева У. М. Дом бытия полилингвальных личностей (интервью с Т. Г. Боргояковой и З. А. Кучуковой) // Новые исследования Тувы. 2024, № 1. С. 276-290. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.18>

Бахтикиреева Улданай Максutowна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Института русского языка Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10А, каб. 283. Эл. адрес: uldanai@mail.ru

BAKHTIKIREEVA, Uldanai Maksutovna, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University. Postal address: Off. 283, 10a Miklukho-Maklay St., 117198 Moscow, Russia. Email: uldanai@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-5088-7568

House of being of multilingual personalities: interview with T. G. Borgoyakova and Z. A. Kuchukova

Uldanay M. Bakhtikireeva

RUDN University, Russian Federation

A long-term study into the multiple linguistic identities of foreign-speaking multilingual people led the author, an ethnic Kazakh, to the conclusion that it was necessary to study the individual “linguistic biographies” of these people. Each individual case represents a unique worldview. Projecting the individual experience onto the linguistic and cultural status of a particular ethnic group allows us to understand the general through the specific, the embeddedness of minorities within the general social environment. In this work, the experience of comprehending the non-singular linguistic existence of multilingual individuals is presented through interviews with two individuals: ethnic Khakass T. G. Borgoyakova and Balkar Z. A. Kuchukova, both philologists and scientists who have a basic education in German, and who were born in the former Soviet Union and now live in different regions of the Russian Federation.

The research aims to identify the individual’s typical linguistic behaviour by comparing it with that of the interviewees. It also aims to understand the interviewer’s non-singular linguistic existence by comparing it with the experience of the interviewee. Conversations reveal that ethnic and linguistic identities may not always coincide. However, a person with a unique linguistic identity who has a strong worldview position does not feel like a “victim” and does not allow themselves to be victimized, pessimistic, or negative. Instead, they see their foreign language as an opportunity to construct positive life models and self-perceptions that transcend the injustices and imperfections of their surroundings.

Keywords: *linguistic existence; multilingual existence; bilingualism; multiple language identity; language biography; Russian language; native language; berkutenok*

For citation:

Bakhtikireeva U. M. House of being of multilingual personalities: interview with T. G. Borgoyakova and Z. A. Kuchukova. *New Research of Tuva*, 2024, no. 1, pp. 276-290. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.18>

Введение

Научный интерес к творческой билингвальной — инонационально-русской — личности на протяжении более трех десятков лет обусловил два моих диссертационных исследования (1995, 2005)¹ и ряд опубликованных работ, в частности — интервью с Мадиной В. Тлостановой², Анатолием А. Кимом (Бахтикиреева, Валикова, 2020), и научных статей, посвященных (ино)языковому бытию: Олжас О. Сулейменов (Бахтикиреева, 2011), Бахыт Г. Каирбеков (Бахтикиреева, Шагимгереева, 2020), Елена И. Зейферт (Бахтикиреева, 2016). Думаю, что этот интерес укреплялся благодаря процессу смены классического знания на постнеклассическое, опирающееся на дискретность, плюрализм локальных

¹ Бахтикиреева У. М. Художественные функции лексики с национально-культурным компонентом семантики в романе Ч. Айтматова «И дольше века длится день»: дисс. ... канд. филол. наук. М., 1995; Бахтикиреева У. М. Художественный билингвизм и особенности русского художественного текста писателя-билингва: дис. ... д. филол. наук. М., 2005.

² Улданай Бахтикиреева. Встречи с Мадиной [Электронный ресурс] // Тамыр. № 1(30), 2012. С. 3–13. URL: <https://tamyr.org/?p=1771> (дата обращения: 05.12.2023).

истин и допущения пристрастности самого исследователя¹ (Степин, 2003: 634, 636, 662, 679–680). Качественный скачок постнеклассического периода развития науки сделал возможным изучение объекта анализа в качестве субъекта. Ссылаясь на М. М. Бахтина, В. С. Степин особо отмечает этот факт:

«М. М. Бахтин довольно точно подметил эти специфические особенности методологии естественного и гуманитарного знания. “Точные науки, — писал он, — это монологичная форма знания: интеллект созерцает вещь и высказывается о ней. Здесь только один субъект — познающий (созерцающий) и говорящий (высказывающийся). Ему противостоит только безгласная вещь. Любой объект знания (в том числе человек) может быть воспринят и познан как вещь. Но субъект как таковой не может восприниматься и изучаться как вещь, ибо как субъект он не может, оставаясь субъектом, стать безгласным, следовательно, познание его может быть только диалогическим”» (Степин, 2003: 668; курсив мой. — У. Б.).

Устойчивость моего желания продолжать научные исследования в этом проблемном поле усиливается не только в силу необходимости изучения моей этнически нерусской, но преимущественно русскоязычной личности, но и за счет личностного пристрастия — постоянного стремления осмыслить своё лингвистическое бытование, не единичное, а множественное языковое бытие. Являясь продуктом «советской креолизации», этнической казашкой (казахский язык относится к коренным языкам РФ), родившейся в Оренбуржье и, соответственно, формировавшейся в силу асимметричного взаимодействия казахской, русской и советской культур преимущественно в русскоязычном языковом и культурном континууме, у меня не было острой нужды с такой же частотностью использовать язык народа, к которому принадлежу по праву рождения. Сфера его использования в детские и школьные годы была сужена до разговоров с родителями, разговоров и чтением казахских книг с дедушкой Бахтыгереем. Не удивительно, что в моём лингвистическом багаже доминирующим /доминантным во всех сферах использования языка стал русский.

И это вполне закономерно, ведь, любой народ, не сумевший в историческом процессе самостоятельно отстоять свою независимость, «обречен», как минимум, на двуязычие ради своего выживания в полиэтничном социуме, в границах новой метрополии. (Здесь я не затрагиваю профессиональные и разные социальные признаки, которые подверглись у некоторых этносов изменениям или наслоениям на имевшиеся.). Вполне закономерной неизбежностью является и другой лингвистический факт: любое государство в своей языковой политике поддерживает язык государственный, объединяющих все разноязыкие этносы и этнические группы в единый социум. И такое положение дел нередко нас, представителей не титульных этносов, приводит к позиции «жертвы», ощущению второстепенного положения. Собственный опыт преодоления «обида» за положение своего языка и культуры для меня также показательный пример.

Таким образом, мой казахский, несмотря на владение устной и письменной речью с раннего детства, по репертуару уступает русскому в силу несрабатывания «закона частотности» его использования в разных сферах. Приобретенный язык — английский, невзирая на наличие диплома переводчика и использование его на протяжении нескольких десятков лет в основном в научных целях, безусловно, тоже проигрывает русскому по той же причине. Для перехода казахского или английского из субдоминантной / подчиненной позиции в доминирующую необходима мотивация, поскольку именно мотивационные предпочтения конкретного человека определяют которому из языков играть партию «первой скрипки».

Итак, получается, что *ана тілі* (казахск.) ‘язык материнский’ — не есть дом моего бытия, если отталкиваться от ставшего уже хрестоматийным выражения М. Хайдеггера: «Язык — Дом бытия» (кото-

¹ В. С. Степин писал: «Постнеклассический тип научной рациональности расширяет поле рефлексии над деятельностью. Он учитывает соотношенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами. Причем эксплицируется связь внутринаучных целей с вненаучными, социальными ценностями и целями» (Степин, 2003: 634). «Современная наука — на переднем крае своего поиска — поставила в центр исследований уникальные, исторически развивающиеся системы, в которые в качестве особого компонента включен сам человек. Требование экспликации ценностей в этой ситуации не только не противоречит традиционной установке на получение объективно-истинных знаний о мире, но и выступает предпосылкой реализации этой установки. Есть все основания полагать, что по мере развития современной науки эти процессы будут усиливаться. Техногенная цивилизация ныне вступает в полосу особого типа прогресса, когда гуманистические ориентиры становятся исходными в определении стратегий научного поиска» (там же: 636).

Фото 2. Зухра Ахметовна Кучукова.
 Фото из архива З. А. Кучуковой.
 Photo 2. Zuhra Akhmetovna Kuchukova.
 Photo from the archive of Z. A. Kuchukova.

Фото 1. Тамара Герасимовна Боргоякова.
 Фото из архива Т. Г. Боргояковой.
 Photo 1. Tamara Gerasimovna Borgoyakova.
 Photo from the archive of T. G. Borgoyakova.

рое, кстати говоря, понимается мной не буквально, не в отрыве от философской концепции немецкого философа). Но живу с постоянным ощущением «беркутёнка в моем подъязычии», о котором писал русскоязычный поэт, этнический бурят Намжил Нимбуев¹, имея в виду свой этнический язык.

Поиски ответов на вопрос о собственном неоднозначном языковом бытовании и в общем инационально-русской личности подвели меня к выводу о том, что исследований, посвященных изучению русской языковой личности (далее — РЯЛ), накоплено немало (Караулов, 2010; Бубнова, 2015; Бурмакина, 2021; Шапошникова, 2022; и др.²). Сейчас уже можно констатировать факт наличия нарратива о РЯЛ в русском языкознании. Личность же дву(мно)язычная, в данном случае — инационально-русская — пока остается на периферии актуальных дебатов в современной гуманитаристике, и в частности — российском лингвистическом дискурсе. Тем не менее, отсутствие постоянно действующей контекст³-площадки не делает билингвальную личность *quod ignotum*. Представляется, что активизация обсуждений, посвященных *двуязычному «нацмену»* (выражение Г. Д. Гачева, см.: Гачев, 1988: 37), возможна при окончательном преодолении постулатов, выстроенных теорией языковых контактов и билингвизма в изводе советского периода, например, своего рода симулякры — тезисы: о «двух родных языках», равноправии всех наций и языков, носящий сугубо идеологический характер и т. п. (Сулейменова, 2011: 53–66).

Как творческих би(поли)лингвальных личностей, к которым я обращалась в своих работах, так и коллег, которых я могу назвать соавторами данной работы, Тамару Герасимовну Боргоякову и Зухру Ахметовну Кучукову отношу к типу личностей, воспринимающих свою этническую культуру извне и снаружи, крупномасштабно, в силу их кросс-культурного личностного и научно-профессионального бытия.

Тамара Герасимовна Боргоякова (фото 1) — авторитетный лингвист, профессор, доктор филологических наук, директор Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии

¹ Нимбуев Н. Русский язык // Стреноженные молнии. Стихи. Переводы. Проза. М.: Галерея «Ханхалаев», 2003. С. 79.

² См. также: Млечко Т. П. Русская языковая личность в поликультурном пространстве ближнего зарубежья : дисс. ... докт. филол. н. М., 2014.

³ Контекст — зд. дискуссия, обсуждение, спор.

Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (г. Абакан, Республика Хакасия РФ) и профессор кафедры зарубежной лингвистики и теории языка того же вуза.

Зухра Ахметовна Кучукова (фото 2) — известный ныне литературовед, профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и мировой литературы, Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова (г. Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика РФ).

Личное знакомство, как и знакомство с научно-профессиональной деятельностью моих нынешних респондентов — соответственно этнической *хакаска*, проживающей и работающей в столице Республика Хакасия, и этнической *балкарки*, проживающей и работающей в столице Кабардино-Балкарской Республики, а по базовому образованию обеих — германистов, позволяет мне определить их, прежде всего как субъектов культур этносов, к которому они относятся по праву рождения. Их вполне могли волновать те же вопросы, ответы на которые я пыталась сформулировать для своего личного и профессионального бытования. Осмысление не единичных языковых идентичностей героев всех моих интервью, думаю, предоставляют возможность понять, как конкретная жизненная траектория — индивидуальное бытие встроено в социальный контекст. Таким образом, основная цель настоящего проекта состоит в выявлении индивидуального для осмысления типического — в обнаружении общего в частном опыте. Сопутствующая цель — познание своего языкового бытования путем сравнения с опытом интервьюируемых.

Именно поэтому статья строится как диалог с каждой из них, обсуждение волнующих нас вопросов. После чего осуществляется попытка сформулировать актуальность изучения инонационально-русской языковой личности с не единичной, нередко и множественной языковой идентичностью. Основной используемый метод интервью¹ — метод сбора информации для исследования, основывающийся на получении письменных ответов респондентов на вопросы интервьюера в рамках темы обсуждения (январь 2024 г.). Сам характер работы обусловил также необходимость использования автором таких методов самопознания, как: рефлексия, самонаблюдение, самоанализ, самокритика, самооценка.

Опыт разработки проблемного поля

Нельзя сказать, что волнующие меня вопросы были предметами только собственного изучения, ныне уже кандидаты наук — мои бывшие аспиранты: Е. Н. Кремер (Россия), С. А. Гринберг (Беларусь), Л. П. Дианова (Россия)² и др., исследовавшие иноязыковое бытие билингвальной личности, выстраивали свои диссертационные проекты, уже опираясь на монографию М. М. Ауэзова (Ауэзов, 1997). Именно благодаря М. М. Ауэзову, прежде всего, мне самой удалось преодолеть экзистенциальный конфликт «гадкого утенка», по Э. Д. Сулейменовой (Сулейменова, 2006: 15–26), между своей этнической и языковой идентичностями.

Объективности ради, следует особо отметить, что М. М. Ауэзов использует термин «языковое инобытие» (Ауэзов, 1997: 82). Я его определяю как «*иноязыковое бытие*», имея в виду под этим термином то же самое, что и М. М. Ауэзов, т. е. бытие одной сущности через другое, но усиливая первую смысловую часть: *иной (не этнический) язык*. Опираясь таким термином как «маргинальная личность», М. М. Ауэзов имеет в виду личность пограничную — би(поли)лингвальную, появление которой неизбежно при взаимодействии различных языков и культур. Рассматривая литературное бытие разных «подчиненных» народов на языке метрополии (напр.: ирландскую на английском и др.), он обосновывает обусловленность появления творческих би(поли)лингвов — поэтов, писателей, ученых. С деятельностью таких личностей, считает М. М. Ауэзов, существенно связано состояние

¹ Формат интервью основывается на полученных письменных ответов респондентов: Т. Г. Боргояковой и З. А. Кучуковой на отправленные по электронной почте вопросы интервьюера — У. М. Бахтикиреевой. Вся переписка хранится в личном архиве интервьюера и респондентов. В период между вопросами и ответами мы обменивались мнениями в ходе телефонных разговоров.

² Кремер Е. Н. Проблемы русско-инонационального билингвизма (языковая и этническая идентичность билингвальной личности): автореф. ... канд. филол. наук. М., 2010; Гринберг С. А. Белорусско-русский художественный билингвизм в когнитивно-дискурсивном и лингвокультурологическом аспектах: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2011; Дианова Л. П. Русский язык в речевой культуре билингвов: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2011; Шагимгереева Б. Е. Переводческая стратегия билингвального автора: на материале переводов Бахыта Каирбекова с казахского языка на русский: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2021.

ситуации с этническим языком в определенные исторические периоды, её негативная или позитивная перспектива. Этот особый тип личности воспринимает этническую культуру «как бы извне, со стороны и потому — крупномасштабно. В случае сознательной ориентации на участие в судьбах этой культуры она обладает ценнейшей предрасположенностью к целостному осмыслению её состояния и перспективы в соотношении с другими культурами» (Ауэзов, 1997: 108), что, кстати сказать, удачно продемонстрировано в новейших работах, в частности — тувинских исследователей (Дагылга: тувинские ... , 2021; Ламажаа, 2021; Тувинцы : Родные ... 2022; Тува : Родная ... , 2023). «Благодаря этому качеству они неоднократно исполняли в истории роль активных деятелей как в развитии одной, отдельно взятой культуры, так и в процессе её взаимосвязей с другими культурами» (там же).

Пограничная ситуация, как отмечает М. М. Ауэзов, обуславливает различие таких понятий, как *сознание этнической принадлежности и национальное самосознание*. «Подлинно творческая личность с глубокой мировоззренческой позицией в маргинальной ситуации восходит к национальному самосознанию, преодолевая в себе двойственную неопределённость маргинальности. Национальный язык в этом случае становится объектом, на повышение общественной роли которого направлены его усилия, хотя в собственной практике он может предпочесть тот язык, которым лучше владеет как средством достижения своих мировоззренческих целей» (там же: 208–209).

На сегодняшнем этапе своего бытования полагаю, что выражение научного и личностного мировоззрения на более витальном языке — языке титульного народа — осознанная необходимость, несмотря на возникающие в разные периоды жизни ощущения его вторичности по отношению к четко позиционируемой этнической идентичности. Жизненно важной для меня стала необходимость владения этим языком на всех его уровнях (от фонетического до синтаксического) и использования во всех сферах его применения, а главное — делать то, что ты можешь для позиционирования себя как представителя своего этноса, для поддержания своего этнического языка на этом, более витальном и распространенном языке. Да, мой казахский «беркутёнок» количественно уступает по сферам использования доминирующему языку. Из этого не следует, что границы моего этнического языка ограничиваются сферой разговорно-бытовой, межличностной, однако реализация себя на языке науки, искусства или нормативно-законодательных актов и в других сферах использования казахского языка не обходится без основательной, предварительной работы с соответствующими академическими словарями. Так зачастую и бывает, что подготовка научного выступления в казахской аудитории требует время-затратной и кропотливой работы.

Значит ли это, что подобный опыт способен закрепить в долговременной памяти научные термины, специальные клише на этническом языке? Конечно, нет, если частотность использования тех или иных лексических единиц не доведена до автоматизма как в случае с приобретенным языком, поскольку для этого нет жизненной необходимости. Отсюда и не закреплённость тех или иных лексических единиц в долговременной памяти.. Следует ли отсюда, что в природе не встречаются амбилингвы? Предполагаю, что практически нет, если речь идет обо всех сферах использования языка. Даже В. В. Набоков, «совершенно владея с младенчества и английским, и французским», писал о муках «перевоплощения», когда в 1940 году он «решил перейти на английский язык» как язык творчества¹.

Социализация би(поли)лингвов

У. М. Бахтикиреева (далее — У. Б.): *Возникал ли на вашем жизненном пути вопрос иноязыкового бытия? Не было ли ощущения (некоторой) вины за не владение этническим языком на том же уровне, что и доминирующим — русским? Не винули ли в этом сложившуюся языковую ситуацию и языковую политику?*

Т. Г. Боргоякова (далее — Т. Б.): *Чтобы ответить на заданные вопросы, начну со своей языковой биографии.*

¹ «Долголетняя привычка выражаться по-своему не позволяла довольствоваться на новоизбранном языке трафаретами, — и чудовищные трудности предстоявшего перевоплощения, и ужас расставания с живым, ручным существом ввергли меня сначала в состояние, о котором нет надобности распространяться; скажу только, что ни один стоящий на определенном уровне писатель его не испытывал до меня» (см.: Набоков В. Другие берега: сборник. М.: Кн. Палата, 1989. С. 18).

Мои родители были репрессированы (раскулачены) в 1930 году. После ссылки и принудительных работ отца на шахтах Иркутской области семья жила в Красноярске, откуда отец ушел на фронт. Вернувшись, он нашел маму с двумя детьми у ее родителей в хакасском аале. Начинать новую жизнь решили в только присоединившейся соседней Туве, куда отца пригласили экономистом в районной потребкооперации в г. Чадан. Там прошло мое детство и школьные годы.

Население было смешанным — преимущественно русские и тувинцы. Хакасская диаспора состояла из примерно 20 семей — друг друга они знали, вместе отмечали праздники и говорили по-хакасски. В семье родители тоже чаще говорили на родном. Однако за пределами семьи везде использовался русский. В отдельных русской и тувинской средних школах были соответственно два языка обучения. В русской школе тувинского компонента в те годы не было вообще.

В результате я выросла билингвом с пассивным знанием хакасского языка (на уровне понимания), но с убеждением, что он мой родной язык. В то же время было и понимание, что для взрослой жизни и успешной социализации у меня есть русский язык, язык большинства и власти, более привычный для меня во всех видах речевой деятельности. Выбор Иркутского института иностранных языков для поступления совпал было с выбором испанского, но отец, хорошо знавший географию, в том числе по дорогам войны, привел аргументы в пользу прагматической выгоды изучения английского как основного.

После вуза начала преподавать английский в Абаканском пединституте (ныне — ХГУ). Планы поступления в соответствующую московскую аспирантуру были изменены под влиянием Михаила Ивановича Боргоякова, возглавлявшего тогда сектор языка в ХакНИИЯЛИ и говорившего: «Тысячи людей по всему миру исследуют английский язык, а в хакасском языкознании нет ничего, например, по фразеологическому разделу и некому этим заниматься!»

По итогам моего изучения практически всего фонда художественной литературы, изданной к тому времени на хакасском языке (кроме героических сказаний), был собран и впоследствии издан хакасско-русский фразеологический минимум, апробированный, прежде всего, на муже и его многочисленных родственниках, прекрасно владеющих родным языком. В результате этой работы значительно обогатился мой словарный (в основном пассивный) лексический запас хакасского языка, но еще появилось осознание удивительного богатства его выразительных средств. Например, негативная оценка зависти и завистливого человека очень емко отражается в фразеологизмах *ic̄ti k̄ōjče* ‘внутренность горит’ или *ic̄ti chox* ‘без внутренности’. Тяжесть переживаний от разлуки передается через фразеологическую единицу *naap xurupcha* ‘печень высыхает/засыхает’, а испытать трудности *xara k̄ōjče chalgırҕa* ‘черную сажу/золу лизать’ и т. п.

Следом возник тревожный вопрос о причинах и перспективах его будущего, что привело меня в поле языковой политики и билингвизма, а затем к теме докторской диссертации, посвященной проблемам развития социальных функций государственных тюркских языков Южной Сибири (в Институте языкознания РАН в 2002 г.¹). В ней приводятся горькие размышления и вопросы ушедшего из жизни классика хакасской литературы, автора прекрасных поэм и романов М. Р. Баинова о тревожных симптомах языкового сдвига в хакасском языке, на которые он не находит ответа: «Кто виноват? Есть ли силы и способы остановки этого процесса? Может быть это идет свыше? Ведь подобное происходит и с другими языками ... Или это наша судьба?»²

Для изучения международного опыта остановки языкового сдвига выиграла грант и прошла научную стажировку в университете Аризоны (США) в 2003 г. под руководством профессора П. Гилмор. Там смогла улучшить научный и разговорный уровень английского, с одной стороны, и убедиться, что западный опыт контактов миноритарных (автохтонных) доминантных языков оказался печальнее, чем опыт развития хакасско-русского билингвизма — с другой. В то же время познакомилась с авторитетными зарубежными работами, посвященными проблематике языкового сдвига, что поддерживает мой интерес к теории и практике языковой политики, языковой (не)справедливости и би-, полилингвизма. Это привело к значительно более активному уровню владения родным хакасским языком, как на разговорном, так и официальном уровне общения.

¹ Боргоякова Т. Г. Развитие социальных функций государственных тюркских языков республик Южной Сибири : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2002.

² Там же. С. 218.

С учетом интенсивности и качества моего нынешнего билингвального бытия языковой функционал русского компонента значительно превосходит хакасский компонент. Здесь речь идет, наверное, больше об инструментально-прагматической весомости и ценности русского языка, как языка рационального «хлеба насущного», как архиважного инструмента адаптации и встроенности в широкое и важное российское и экс-советское социальное пространство. «Языком сердца» или языком этнической идентичности для меня остается хакасский язык. Возможно осознание реальной опасности / угрозы, нависшей над его будущим сегодня и в исторической перспективе, обостряют эту мою глубинно-сердечную привязанность к родному языку, которая побеждает осознание инструментально-функциональной ограниченности его бытования в моей личной и профессиональной жизни. Это понимание его хрупкости и беззащитности живет в подсознании, тревожит и заставляет снова и снова пытаться глубже понять тенденции, перспективы и резервные механизмы укрепления витальности таких языков. Это как, если бы кто-то тяжело заболел в семье, все остальные бы стали прилагать все усилия для его лечения и спасения.

Сожалею ли я том, что недостаточно хорошо / бегло владею родным языком? Конечно, да, и виню в этом, прежде всего, себя. Виню ли языковую политику в области определенного и явного государственного принижения / пренебрежения миноритарными этническими языками в течение долгих лет? Тоже да. Это признание вины государств за неадекватность его языковой политики по устранению несправедливости по отношению к языкам коренных народов в прошлом представлено, например, в материалах, посвященных объявленному ООН Международному году и Международной декаде языков коренных народов (2022–2032).

З. А. Кучукова (далее — **З. К.**): У каждого человека своя уникальная языковая биография, предопределенная судьбой, историческим временем, жизненными обстоятельствами. Как сказал Стивен Келлман, «every translanguing person is translanguing in its own way». В моем случае выражение «иноязыковое бытие» сразу хочется заменить на «полиязыковое бытие», которое сопровождает меня всю жизнь. Судите сами. Родилась в 1960 году в семье кавказских спецпереселенцев в Казахской ССР, в Целиноградской области, которую в тот период вполне могли бы назвать и «Вавилонской областью», поскольку она была заполнена разноплеменными «колумбами» — невольными покорителями целинных земель. Среди друзей моих родителей были русские, украинцы, немцы, греки, чеченцы, ингуши, я слышала их речь, их песни. На особом счету был казахский язык, который в силу общетюркских корней, нами, балкарцами, воспринимался как «двоюродный» язык, понятный приблизительно на 70%.

В шестилетнем возрасте, в 1966 году, будучи полуносителем родного и русского языков и законченным «интернационалистом», я перебралась на Кавказ в дедовский дом, который по иронии судьбы располагался в кабардинском селе Нижняя Жемтала¹. В Жемтале как-то совершенно незаметно для себя я выучила кабардинский язык, относящийся к адыго-абхазской группе. Вот что значит чистая языковая среда и юный возраст, идеальный для освоения нового языка!

Еще одно наречие, которое в детстве постоянно звучало в моих ушах и «стояло» перед моими глазами в виде книжных полок — это был арабский язык, которым отлично владел мой дед — священнослужитель (мулла, эфенди). Он постоянно читал, писал и как вокалист исполнял ближневосточные песенные поэмы, попутно переводя каждый куплет на родной балкарский язык для слушателей. Помню, как меня завораживали эти виртуозные кодовые переключения.

В довершение ко всему я закончила романо-германский факультет Кабардино-Балкарского государственного университета (отделение английского языка).

Бесспорно, над всеми перечисленными мной языками, как Эльбрус над Большим Кавказским хребтом, всегда возвышался русский язык. Констатирую, в моем сознании всегда доминировал не родной, а русский язык (хотя есть нюансы). Чувства личной вины или обиды на политиков за это у меня никогда не было, поскольку тем же дедом мне было привито фаталистическое мировоззрение, подкрепленное этическим принципом «Пиши обиды на песке, а благодарения — на камне!» Но с годами я стала больше прислушиваться к другому своему любимому «деду» — философу Георгию Дмитриевичу Гачеву (1929–2008), который считал, что в мире нет «лишних этнокультурных единиц» и

¹ Был период, когда балкарским репатриантам властями было запрещено возвращаться в свои прежние труднодоступные высокогорные аулы, и они обосновывались в равнинных кабардинских селениях. — *З. К.*

мы, разумные люди, должны делать все от нас зависящее для того, чтобы сохранить в целости «все-человеческий оркестр» языков и национальных культур.

У. Б.: *Насколько я знаю, ваши родители владели этническим языком. Как относились ваши родители к сложившейся языковой ситуации в период вашего детского и последующего становления? Не ощущали ли вы сожаления ваших родителей, дедушек и бабушек по данному поводу? Повлиял ли опыт ваших отцов и / или матерей на формирование вашего лингвистического багажа на этническом языке?*

Т. Б.: В родительском доме, как я уже отмечала, использовался хакасский язык. Помню, что отец делал замечания, если дети переходили на русский. Однако у них было понимание, что живем не в Хакасии и что язык образования и будущего у детей — русский. Но основа родного языка, заложенная в детстве, очень помогла мне вернуть язык из пассивного этническогоклада в активный в плане инструментальной ценности тоже. Сегодня я горжусь тем, что мне удалось его вернуть хотя бы в таком усеченном, но активном варианте.

З. К.: Поколение моих родителей, а также дедушек-бабушек по праву можно назвать героическими этнофорами, поскольку они умудрились даже в условиях депортации сохранить свой родной язык. Яркий тому пример — балкарские поэты Кайсын Кулиев (1917–1985) и Танзиля Зумакулова (р. 1936), которые вопреки репрессивным мерам (было время, когда официально нельзя было публиковаться на родном языке!), вернулись из мест выселения с готовыми высококачественными рукописями на родном языке.

Наше поколение попало в промежуток «золотой середины», когда русская культура была в большом почете, но и престиж родных языков еще сохранялся, особенно в горных аулах. Напомню, в школе мне не довелось изучать балкарский язык. Колоссальное влияние на меня оказал языковой опыт бабушки-дедушки, от которых я узнавала не только архаичные слова верхнебалкарского цокающего (нелитературного) языка (диалекта), но и фольклорные тексты, приметы, присказки, суеверия, поговорки, поговорки.

Особо ценное мое приобретение — древнебалкарская (а может, древнетюркская?) версия таблицы умножения, производимая пальцами рук. К примеру, я до сих пор использую в речи слово *кишти-кен* ‘паук’, которого вообще нет в словаре. Или фразеологизм *кзула тюзде*, трактуемый просто как ‘в далеком, смертельно опасном месте’, дед объяснял с апелляцией на трагический факт из далекой истории — «на Куликовом поле».

Резюмирую: в моем конкретном случае отец и мать были исключены из числа наставников; в кабардинской школе, естественно, вообще не изучался балкарский язык, но весь этот дефицит с лихвой компенсировался добротными языковыми уроками дедушки и бабушки.

«Беркутёнок» в нас

У. Б.: *Как вы полагаете «беркутёнок» имеет место быть в вашем языковом сознании, прорывается ли он в вашей речи, в каких случаях?*

Т. Б.: Я бы сказала, что «беркутёнок» расправляет крылья и летит, когда я нахожусь среди родственников и друзей в хакасско-язычной культурной среде, когда понимаю и наслаждаюсь исполнением хакасских песен и героических сказаний, когда сама как полноценный человек могу уверенно встать и поделиться с окружающими мыслями / чувствами на родном языке.

З. К.: Нимбуевский «беркутёнок» крепко сидит в сердцевине моего артикуляционного аппарата. У него свои особенности: он говорит только на цокающем диалекте, с иронией относится к балкарскому литературному языку, особенно к газетно-журнальным публикациям, поскольку это сплошная калька с русского языка, с искусственными фразами, типа «*кафедраны заведующийси*» или «*стимулла эм гарантияла*». Как видите, тут даже перевод не нужен. В балкарском (тюркском) языке можно найти десяток лексических единиц с семантическим значением «глава», «заведующий» (*башчы, тамата, орунбасар* и др). Но журналисты не утруждают себя поиском эквивалентов.

И еще насчет «беркутёнка» отмечу такой феноменальный момент: со своими детьми в пору их младенчества какая-то инстинктивная, иррациональная сила заставляла меня говорить только на балкарском языке, мне почему-то казалось, что никакого другого языка они не поймут. Как будто это говорила не я, а условный «беркутёнок». Но, скажу я вам, это длится только до детского садика. Как

только дети «привязываются» к общественному учреждению, мы все дружно переходим на русский язык — официальный язык межнационального общения.

У. Б.: *Согласны ли вы с мнением Мурата Мухтаровича Ауэзова о том, что инонационально-русская билингвальная личность воспринимает этническую культуру крупномасштабно?*

Т. Б.: Да, согласна. Думаю, дело не только в масштабе, а в умении / способности оценить ее глубину и уникальность благодаря взгляду как бы извне, отстраненно — так, как не могут сделать монолингвы. Билингвальная личность — это и бикультурная личность, более продвинутая и открытая миру, новым языкам и культурам. К сожалению, часто этого не понимают родители, принимая за своих детей решение не передавать им родной язык, обрекая их на чувство неполноценности от осознания обедненности их неродного монойзычия. Судьба / участь миноритарных этносов быть би-, полилингвами и, если одним из компонентов является/сохраняется родной язык, то это великое благо, приносящее максимальные дивиденды/выгоды (моральные, интеллектуальные / эмоциональные), позволяющее уверенно лететь с двумя крыльями и быть не беркутёнком, а сильным свободным беркутом.

З. К.: Абсолютно согласна. Расул Гамзатов в «Моем Дагестане» пишет: «Плох тот орел, который никогда не вылетает из гнезда в дальние просторы. Плох и тот орел, который, улета в дальние края, не возвращается в свое родное гнездо!». Если эту орнитогенную метафору развернуть в сторону лингвистики, выходит, что монолингв — плохо, и космополит — плохо, а вот хороша би-, полилингвальная личность, которая после освоения нескольких разносистемных языков со знанием дела приступает к изучению «онтологии и техники» собственного языка. Ауэзовское определение «крупномасштабно» идеально подходит к данному случаю. Если бы я не знала несколько языков, вряд ли смогла написать свою книгу о балкарских метакодах, выраженных через оригинальные языковые формулы. Все же умозаключения построены на сравнениях-сопоставлениях горских реалий с другими языками, без этого как научишься различать универсальное и уникальное, вселенское и локальное? Кстати, основоположник нашей национальной литературы Кязим Мечиев (1859–1945), кроме родного языка, знал арабский, персидский и целый «веер» тюркских языков, но как же он жалел, что не знал русского! Но для полноты картины тут следует привести справедливейшее мнение Нины Шалвовны Александровой о том, что «монолингвальная личность сохраняет язык, билингвальная содействует взаимодействию!».

У. Б.: *Кстати сказать, Мурат Мухтарович смог ревитализировать свой этнический язык. Его казахская речь и последняя книга на казахском свидетельствует, с моей точки зрения, о высоком уровне этим языком, которым могу только восхищаться. По крайней мере, речевые тексты, которые удавалось услышать, научные и литературно-публицистические тексты можно было бы поставить в пример и для казахоязычных ученых. Как вы считаете, может ли билингвальный индивид в достаточно зрелом возрасте активизировать этнический язык до уровня доминирующего — русского? Для этого должны быть какие-то критерии?*

Т. Б.: Прежде всего это зависит от мотивации. Думаю, что может и приведенный Вами выше пример это подтверждает. Я тоже знаю такие примеры. Чаще это случается, если была возможность полного погружения в родную языковую среду и затем — возможность использования в определенной сфере особенно в профессиональной, приносящей определенные эмоциональные или прагматические дивиденды. В результате человек обретает новый уровень языкового бытия с взаимодополняющими двумя родными языками.

З. К.: Всем нам, «нерусским россиянам», потратившим молодые годы на «странствия в дальние края», следовало бы повторить академический подвиг Мурата Ауэзова и с высоты своего опыта в зрелом возрасте заняться постижением своих родных «языковых гнезд». В нашей республике знаю одного такого профессионального ученого-билингва-русоведа, который поставил перед собой цель и довел до совершенства владение родным языком. По его словам, начать надо с малого: приучить себя с носителями балкарского языка разговаривать только на балкарском, не переходя на более привычный и легкий в плане общения русский язык. Критерий или «контрольный тест» свободного владения родным языком один — если к вам после конференции с микрофоном в руках подошел корреспондент из местной студии телевидения или радиокомитета с предложением экспромтом дать интервью, вы с радостью соглашаетесь, поскольку у вас нет проблем с языком научного самовыражения. Пока я больше вижу капитулянтов, которые слезно умоляют поговорить на русском или просто, молча, убегают.

Профессиональное бытие

У. Б.: Ваше профессиональное бытие имеет ли целью повышение общественной роли этнического языка и культуры? Расскажите об этом подробнее.

Т. Б.: Да, имеет, и я рада этому обстоятельству. Мне по-прежнему важно понять причины, последствия, механизмы и перспективы языкового (не)равенства, чтобы по возможности предупредить от неверных решений в локальной языковой политике, снова ведущих к чувству разочарования, пессимизма и обреченности. Надо ведь еще продержаться, особенно языкам, имеющим официальный статус на региональном уровне, т. к. появились позитивные изменения в языковой политике на международном, российском и региональном уровне — они дают надежду на развитие активного билингвизма.

З. К.: Современные дети растут с ощущением, что их национальные языки неполноценные, профнепригодные, имеют очень ограниченное культурное пространство.

Простой пример. Я, как репетитор английского языка, на одном из уроков, ломая шаблон, прошу школьника перевести английский текст не на привычный русский, а на его родной — балкарский. Первая реакция — смех, смущение. Ребенку кажется, что это несовместимые категории, что слабая «мускулатура» его родного языка не вытянет тяжесть и прелесть английских высказываний. Тот же ступор в вузе, если на семинаре по зарубежной литературе предложишь студенту рассказать о философской идее трагедии «Фауст» Гёте на кабардинском или балкарском языке. Итог: мало-помалу, с помощью педагога и «беркутёнка» (куда ж без него!) студенты начинают другими глазами смотреть на экспрессивные возможности родных языков.

Другой эффективный метод повышения престижа национальных языков в глазах детей — слово авторитетного человека со стороны. Так нашим первокурсникам надолго запомнился организованный 9 марта 2020 г. в КБГУ научный «семинарий» Улданай Максutowны Бахтикиреевой, т. е. ваш, где речь шла об актуальности срочно составлять каталог базисных аксиологем родного языка, «овнешнять» формулы приветствия, метакоды, названия созвездий, определять их внутреннюю связь с менталитетом этноса.

Столь же впечатляющей была и встреча с полиглотом, экспертом по состоянию национальных языков в РФ — Алексеем Андреевичем Арзамазовым (20 мая 2021 г.) Студенты часто цитируют его слова. Кабардинцам он сказал: «Учите свой родной, красивейший, мета-метафорический язык, в котором каждое слово расцветает как роза!» К балкарцам он обратился с таким призывом: «Вам неслыханно повезло! Выучив свой родной, балкарский, вы будете знать двадцать шесть тюркских языков!».

Я же, обычно, пробуждая совесть молодых космополитов (а также спящих в их подъязычьях беркутят), задаю им риторический вопрос: «Эх, вы, даже птицы умудряются сохранить свой язык, а вы?»

Контекстуальная обусловленность разных подходов к изучению множественной языковой идентификации

Как мне представляется, ответы Т. Г. Боргояковой и З. А. Кучуковой, репрезентирующие их частные, индивидуальные «языковые биографии», показывают их мировоззренческие позиции в отношении не только собственно языкового бытия, но и транскультурного бытия конкретного этноса. Транскультурное бытие этнически нерусской личности зачастую остается за рамками российской лингвокультурологии, формулирующей основания своей работы так: «Известно, что человек только тогда становится человеком, когда он с детства усваивает язык и вместе с ним культуру своего народа. Все тонкости культуры народа отражаются в его языке, который специфичен и уникален, так как по разному фиксирует в себе мир и человека в нем» (Маслова, 2010: 3).

Первое же предложение делает сомнительным «человеческий облик» этнически нерусского человека, коими являются мои нынешние респонденты и предыдущие, и я. Такое видение, основанное на ложном основании, преломляется в работах начинающих исследователей и ведут их заведомо к логической ошибке *petition principii*. Отсюда и появление диссертации, в которой русскоязычная, транскультурная литература — в частности — произведения армянской русскоязычной писательницы Наринэ Абгарян представлены «русской современной художественной литературой»¹. В целом приве-

¹ Грунина Е. О. Языковая личность ребенка в русской современной художественной литературе (на материале романов Н. Абгарян) : дисс. ... канд. филол. наук. М., 2022.

денный фрагмент из «Лингвокультурологии» В. А. Масловой невольно подводит к выводу о том, что его автор в процессе написания работал в рамках примордиалистской теории, основанной на понимании не дисперсного, но компактного проживания конкретного этноса на автохтонной территории испокон веков по сию пору.

Другое впечатление производят работы ученых, в которых сформулированы смыслообразующие идеи для обозначенного в этой работе проблемного поля. Фокусирование внимания И. А. Бубновой и В. В. Красных на перспективах комплексного подхода к изучению современного человека в совокупности его индивидуально-психических характеристик отвечает моим поискам:

«<...> комплексный анализ, не игнорирующий как культурные реалии, так и данные об образах мира в различных группах, может, на наш взгляд, служить достоверным источником для прогнозирования развития событий в критические для того или иного лингвокультурного сообщества моменты. <...> такой подход позволяет исследовать проблему этнического своеобразия, идя не только от культуры, но и от человека во всей его целостности, учитывая все стороны его жизнедеятельности. Более того, как нам представляется, такой подход отвечает требованиям сегодняшней реальной жизни, так как дает возможность объяснять своеобразие поведения человека и всего народа не только с точки зрения культурных доминант того или иного этноса, но и исходя из индивидуальности отдельных членов лингвокультурного сообщества» (Бубнова, Красных, 2014: 134–135).

Как этнокультурное, так и эпистемологическое многообразие конкретного человека, микро- и макросоциумов требует выработки адекватного методологического инструментария. Позиции, обозначенные И. А. Бубновой и В. В. Красных десять лет назад, расценивается мной как *контекстный текст*, целью которого является преодоление методологических затруднений и повышения эффективности научных исследований в вопросе индивидуальных особенностей отдельной личности, онтологии ее бытования, в том числе — би(поли)лингвальной личности, инонационально-русской.

Основополагающей для изучения такой личности считаю работу «Языковая биография личности» крупного ученого Вяч. Вс. Иванова в его книге «Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему», изданной двадцать лет назад (Иванов, 2004). В ней он обозначает параметры исследований в данном направлении: от развития новорожденного (и даже эмбрионального развития) до «геронтологической лингвистики» (условное название). Анализируя яркие особенности языковой биографии известных творческих личностей, учёный отмечает актуальность исследований языковых периодов, иллюстрирующих разные времена в жизни человека, оставившего о себе словесные свидетельства, в том числе отдельные трагические повороты его языковой судьбы (там же: 124–127).

Другая работа, представляющая интерес, это монография Т. П. Млечко, в которой обосновывается актуальность изучения «языкового портрета». Выявление типологических черт РЯЛ в соотношении с десятилетними преобразованиями языкового пространства в Молдове после распада единой культурно-исторической советской общности (Млечко 2013: 330–336) производится ученым в лицах конкретных прототипов, живущих в реальной языковой действительности ближнего зарубежья с присущей ему внеязыковой действительностью (там же: 363–420). Это еще одно свидетельство о динамике би(поли)лингвальных и транскультурационных процессов на постсоветской территории, когда уже этнически русский человек испытывает необходимость в дву(много)язычной коммуникации.

Полагаю, что *комплексный подход* к изучению своеобразия поведения человека и всего народа, исходя из индивидуальности отдельных членов лингвокультурного сообщества — миноритариев (И. А. Бубновой и В. В. Красных), *языковой портрет* личности (Т. П. Млечко) тесно коррелируют с понятием *языковая биография личности* Вяч. Вс. Иванова. Как эти, а также другие, и в том числе мои, посвященные онтологии иноязыкового бытия отдельных личностей выкристаллизовывают актуальное мета-направление, преследующее цель — изучение индивидуальных особенностей отдельной личности. Конечно, не каждый миноритарий в частности — в силу не владения этническим языком во всех сферах его использования может влиять на решение этнического большинства, как влияют своей профессиональной деятельностью и личностным мировоззрением Т. Г. Боргоякова и З. А. Кучукова. Однако каждый миноритарий обладает собственным «пакетом акций», который необходимо учитывать при конструировании модели целого этноса. Контекстуальная обусловленность представленных подходов позволяет расценивать их как *контекстные тексты*, от которых можно и нужно оттолкнуться, осмыслить и переосмыслить, и создать дискурс, расширяющий, превосходящий сегодняшние возможности теории языковых контактов и би(поли)лингвизма. Ведь,

таким путем еще фиксируется и доказывается витальность / жизнеспособность русского языка функционировать в качестве языка межэтнического общения, транснационального и языка мирового.

Заключение

Обе мои собеседницы (Т. Г. Боргоякова и З. А. Кучукова) еще раз убедили меня в справедливости вывода о том, что этническая и языковая идентичность могут не совпадать, но при этом личность с не единичной языковой идентичностью, с глубокой мировоззренческой позицией не впадает в позицию «жертвы», не позволяет себе допускать ни виктимных lamentаций, ни пессимизма, ни какого-бы то не было негативизма, противостояния, «ярости». Напротив, их иноязыковое бытие — достойные примеры конструирования позитивных жизненных моделей самоощущения, преодолевающих несправедливость и несовершенство окружающей действительности.

С коллегами и моими последователями, заинтересованными в продолжении этого исследовательского маршрута, я готова сотрудничать с целью познания особенностей инационально-русской би(поли)лингвальной личности — его субъектности, как и собственной субъектности, в многоэтническом российском социуме. И каждый отдельный опыт следует расценивать как объективный документ, живой голос, озвучивающий заметную интеллектуальную «немоту» в описании русскоязычной нерусской личности. Каждый должен быть услышан и вовлечен в диалог. Тем более, что обстоятельства, складывающиеся на этом этапе развития науки, актуализируют необходимость сохранения, возрождения, качественной трансформации гуманитарного измерения в науке, системе образования и в обществе в целом.

Благодарности

Мне хотелось бы выразить свое глубокое уважение моим респондентам, любезно согласившимся ответить на волнующие меня вопросы: Тамаре Герасимовне Боргояковой и Зухре Ахметовне Кучуковой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ауэзов, М. М. (1997) Иппокрена. Хождение к колодезю времен. Алматы : Жибек жолы. 170 с.
- Бахтиреева, У. М. (2011) «Но людям я не лгал...» К 75-летию Олжаса Омаровича Сулейменова // Вестник РУДН. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика. № 3. С. 5–17.
- Бахтиреева, У. М. (2016) О транслингвизме и транскulturации через призму одной языковой биографии // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. № 2(50). С. 76–80.
- Бахтиреева, У. М., Валикова, О. А. (2020) «Собиратель слов»: интервью с Анатолием Кимом // Полилингвальность и транскulturные практики. Т. 17. № 2. С. 271–278. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2020-17-2-271-278>
- Бахтиреева, У. М., Шагимгереева, Б. Е. (2020) Языковое бытие творческой личности: Бахыт Каирбеков // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке Т. XVII. Вып. 1. С. 83–89.
- Бубнова, И. А. (2015) Эволюция русской языковой личности // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. № 3 (19). С. 34–41.
- Бубнова, И. А., Красных, В. В. (2014) Неопсихоллингвистика: аргументы в защиту национально-культурного своеобразия // Вопросы психоллингвистики. № 3 (21). С. 128–135.
- Бурмакина, Н. А. (2021) Философия русской языковой личности: от гуманизма к трансгуманизму (постановка проблемы) // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. Т. 10. № 5А. С. 125–131.
- Гачев, Г. Д. (1988) Национальные образы мира. М. : Советский писатель. 448 с.
- Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке (2021) / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл : б. и. 188 с.
- Иванов, Вяч. Вс. (2004) Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему. М. : Языки славянской культуры. 208 с.
- Караулов, Ю. Н. (2010) Русский язык и языковая личность. М. : Издательство ЛКИ. 264 с.
- Ламажаа Ч. К. (2021) Очерки современной тувинской культуры. СПб. : Нестор-История. 192 с.

Маслова, В. А. (2010) Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 4-е изд., стер. М. : Издательский центр «Академия». 202 с.

Млечко, Т. П. (2013) Русская языковая личность ближнего зарубежья. Кишинев : Славянский университет Республики Молдова. 437 с.

Степин, В. С. (2003) Теоретическое знание. М. : Прогресс — Традиция. 744 с.

Сулейменова, Э. Д. (2006) Архетип «гадкого утенка» и языковая идентичность // Язык и этническая идентичность: Международная конференция «Ахановские чтения» под эгидой МАПРЯЛ (Материалы докладов и сообщений) / отв. ред. Э. Д. Сулейменова. Алматы : Қазақ университеті. 362 с. С. 15–26.

Сулейменова, Э. Д. (2011) Языковые процессы и языковая политика. Алматы : Қазақ университеті. 117 с.

Тува : Родная земля (2023) / Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии, Ш. Ю. Кужугет, Ш. Б. Майны, Ч. Х. Санчай ; под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 344 с.

Тувинцы : Родные люди (2022) / Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии, Ш. Ю. Кужугет, Ш. Б. Майны : под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 360 с.

Шапошникова, И. В. (2022) Русская языковая личность в актуальной диахронии: новая база ассоциативно-вербальных данных (2014–2021) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 3. С. 648–665. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-648-665>

Дата поступления: 30.01.2024 г.

Дата принятия: 05.02.2024 г.

REFERENCES

- Auezov, M. M. (1997) *Hippocrene. Journey to the Well of Time*. Almaty, Zhibek Zhol. 170 p. (In Russ.).
- Bakhtikireeva, U. M. (2011) “But I Didn’t Lie to People...” On the 75th Anniversary of Olzhas Omarovich Suleimenov. *RUDN Bulletin. Series: Language Theory. Semiotics. Semantics*, no. 3, pp. 5–17. (In Russ.).
- Bakhtikireeva, U. M. (2016) On Translingualism and Transculturation Through the Prism of One Language Biography. *Sotsial’nye i gumanitarnye nauki na Dal’nem Vostoke*, no. 2(50), pp. 76–80. (In Russ.).
- Bakhtikireeva, U. M. and Valikova, O. A. (2020) “Word Collector”: Interview with Anatoly Kim. *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 17, no. 2, pp. 271–278. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2020-17-2-271-278>
- Bakhtikireeva, U. M. and Shagimgerieva, B. E. (2020) Linguistic Being of a Creative Personality: Bakhyt Kairbekov. *Sotsial’nye i gumanitarnye nauki na Dal’nem Vostoke*, vol. XVII, issue 1, pp. 83–89. (In Russ.).
- Bubnova, I. A. (2015) Evolution of the Russian Language Personality. *Bulletin of Moscow City Pedagogical University. Series: Philology. Language Theory. Language Education*, no. 3 (19), pp. 34–41. (In Russ.).
- Bubnova, I. A. and Krasnykh, V. V. (2014) Neopsycholinguistics: Arguments in Defense of National-Cultural Specificity. *Voprosy psikholingvistiki*, no. 3 (21), pp. 128–135. (In Russ.).
- Burmakina, N. A. (2021) Philosophy of the Russian Language Personality: From Humanism to Transhumanism (Problem Statement). *Kontekst i refleksii: filosofii o mire i cheloveke*, vol. 10, no. 5A, pp. 125–131. (In Russ.).
- Gachev, G. D. (1988) *National World Images*. Moscow, Sovetskii pisatel’. 448 p. (In Russ.).
- Daghylga: Tuvan Rituals of Consecration in the 21st Century* (2021) / Ed. by Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii. Kyzyl, s. n. 188 p. (In Russ. and Tuv.).
- Ivanov, Vyach. Vs. (2004) *Linguistics of the Third Millennium: Questions to the Future*. Moscow, Iazyki slavianskoi kul’tury. 208 p. (In Russ.).
- Karaulov, Yu. N. (2010) *Russian Language and Language Personality*. Moscow, LKI Publishing House. 264 p. (In Russ.).
- Lamazhaa Ch. K. (2021) *Essays on Modern Tuvan Culture*. St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 192 p. (In Russ.).
- Maslova, V. A. (2010) *Linguaculturology: Textbook for Higher Education Students*. 4th ed., rev. Moscow, Academy Publishing Center. 202 p. (In Russ.).
- Mlechko, T. P. (2013) *Russian Language Personality in the Near Abroad*. Kishinev, Slavic University of the Republic of Moldova. 437 p. (In Russ.).
- Stepin, V. S. (2003) *Theoretical Knowledge*. Moscow, Progress — Tradition. 744 p. (In Russ.).

Suleimenova, E. D. (2006) Archetype of the “Ugly Duckling” and Language Identity. In: *Language and Ethnic Identity: International Conference “Akhanov Readings”* under the auspices of MAPRYAL (Materials of Reports and Messages) / Ed. by E. D. Suleimenova. Almaty, Kazakh University. 362 p. Pp. 15–26. (In Russ.).

Suleimenova, E. D. (2011) *Language Processes and Language Policy*. Almaty, Kazakh University. 117 p. (In Russ.).

Tuva: Native Land (2023) / Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii, Sh. Yu. Kuzhuget, Sh. B. Mainy, Ch. Kh. Sanchai ; ed. by Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii. St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 344 p. (In Russ.).

Tuvans: Native People (2022) / Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii, Sh. Yu. Kuzhuget, Sh. B. Mainy : ed. by Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 360 p. (In Russ.).

Shaposhnikova, I. V. (2022) The Russian Language Personality in the Current Diachrony: a New Associative-Verbal Database (2014–2021). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 13, no. 3, pp. 648–665. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-648-665>

Submission date: 30.01.2024.

Accepted date: 05.02.2024.

DOI: 10.25178/nit.2024.1.19

ЛИЦА ТУВИНОВЕДЕНИЯ

Статья

Валентина Николаевна Тугужекова — организатор научной школы в Хакасии и Туве

Елена П. Мамышева

Сибирский федеральный университет, Российская Федерация,

Михаил Г. Степанов

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова; Сибирский федеральный университет,

Российская Федерация,

Марианна М.-Б. Харунова

Институт востоковедения Российской академии наук, Российская Федерация,

Рамиль Ш. Харунов

Национальный музей Республики Тыва им. Алдан-Маадыр, Российская Федерация

В статье рассматривается история формирования научной школы по новейшей истории Южной Сибири (Хакасии и Тувы), созданной одним из известных научных деятелей Саяно-Алтайского региона — доктором исторических наук, профессором Валентиной Николаевной Тугужековой. Факты биографии, связанные с ее детством, юностью, студенческими годами, работа в комсомольской организации — стали этапами становления будущего наставника молодых ученых. Подчеркивается особое значение в ее личностном и профессиональном росте аспирантуры Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена.

На протяжении многих лет она руководила Хакасским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории, являясь одним из успешных организаторов гуманитарной науки в Сибири.

Рассматривается вклад В. Н. Тугужековой в подготовку научных и педагогических кадров для республик Южной Сибири. В период с 1995 года по настоящее время она подготовила более сорока специалистов, научные исследования которых закрыли многие пробелы в истории Тувы и Хакасии.

Ключевые слова: научная школа; педагог; Валентина Николаевна Тугужекова; Тува; Хакасия; историческая наука

Для цитирования:

Мамышева Е. П., Степанов М. Г., Харунова М. М.-Б., Харунов Р. Ш. Валентина Николаевна Тугужекова — организатор научной школы в Хакасии и Туве// Новые исследования Тувы. 2024, № 1. С. 291-311. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.19>

Мамышева Елена Петровна — доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Гуманитарного института Сибирского федерального университета. Адрес: 660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, д. 79. Эл. адрес: sozor@mail.ru

Степанов Михаил Геннадьевич — кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории Института истории и права Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова; доцент кафедры фундаментальной подготовки Саяно-Шушенского филиала Сибирского федерального университета. Адрес: 655000, Россия, г. Абакан, ул. Ленина, д. 90; 655619, Россия, г. Саяногорск, пгт. Черемушки, д. 46, 39. Эл. адрес: stepanowm@yandex.ru

Харунова Марианна Монге-Байыровна — кандидат исторических наук; старший научный сотрудник Отдела истории Востока Института востоковедения Российской академии наук. Адрес: 107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12. Эл. адрес: ondar18@mail.ru

Харунов Рамиль Шатмуратович — кандидат исторических наук; научный сотрудник Национального музея Республики Тыва им. Алдан-Маадыр. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Титова, д. 30. Эл. адрес: ramar33@mail.ru

MAMYSHEVA, Elena Petrovna, Doctor of History, Professor, Department of history of Russia, world and regional civilizations of the Humanities Institute, Siberian Federal University, Russian Federation. Postal address: 90, Svobodny pr., 660041, Krasnoyarsk, Russian Federation. E-mail: sozor@mail.ru **ORCID ID: 0000-0003-1620-5679**

STEPANOV, Mikhail Gennadjevich, Candidate of History, Associate Professor, Department of history, Institute of history and law, Katanov State University of Khakassia; Associate Professor, Department of Fundamental education, Sayano-Shushensky branch, Siberian Federal University. Postal address: 90, Lenina St., 655000, Abakan, Russian Federation; 39, 46, urban-type settlement Cheryomushki, 655619, Saynogorsk, Russian Federation E-mail: stepanowm@yandex.ru **ORCID ID: 0000-0002-6710-482X**

KHARUNOVA, Marianna Monge-Baiyrovna, Candidate of History, Senior Researcher, Department of Oriental History, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. Postal address: 12, Rozhdestvenka St., 107031, Moscow, Russian Federation. E-mail: ondar18@mail.ru **ORCID ID: 0000-0002-9011-2262**

KHARUNOV, Ramil Shatmuratovich, Candidate of History, Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva. Postal address: 30, Titova St., 667000, Kyzyl, Russian Federation. E-mail: ramar33@mail.ru **ORCID ID: 0000-0001-7940-5972**

TUVAN STUDIES AND RESEARCHERS

Article

Valentina Nikolaevna Tuguzhekova is organizer of the scientific school in Khakassia and Tuva**Elena P. Mamysheva**

Siberian Federal University, Russian Federation,

Mikhail G. Stepanov

Katanov State University; Siberian Federal University, Russian Federation,

Marianna M.-B. Kharunova

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation,

Ramil Sh. Kharunov

National Museum of the Republic of Tuva, Russian Federation

The article explores the history of the formation of the scientific school in the contemporary history of Southern Siberia (Khakassia and Tuva), established by one of the prominent academic figures in the Sayan-Altai region, Dr. Valentina Nikolaevna Tuguzhekova. Biographical facts related to her childhood, youth, student years, and her involvement in the Komsomol organization are considered as stages in the development of the future mentor of young scientists. Special emphasis is placed on her personal and professional growth during her postgraduate studies at the A. I. Herzen Leningrad State Pedagogical Institute.

For many years, she led the Khakass Research Institute of Language, Literature, and History, playing a crucial role as one of the successful organizers of humanitarian sciences in Siberia.

The article examines V. N. Tuguzhekova's contribution to the training of scientific and pedagogical personnel for the republics of Southern Siberia. From 1995 to the present, she has supervised the preparation of over forty specialists, whose research has filled numerous gaps in the history of Tuva and Khakassia.

Keywords: scientific school; educator; Valentina Nikolaevna Tuguzhekova; Tuva; Khakassia; historical science

For citation:

Mamysheva E. P., Stepanov M. G., Kharunova M. M.-B. and Kharunov R. Sh. Valentina Nikolaevna Tuguzhekova is organizer of the scientific school in Khakassia and Tuva. *New Research of Tuva*, 2024, no. 1, pp. 291-311. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.19>

Введение

Развитие науки во все времена связано с личностным фактором, когда личность создает прорывную технологию, идею, возглавляет дальнейшее движение научной мысли. Историческая наука в этом плане не только не является исключением, она, наоборот, особенно антропоцентрична, имеет ярко выраженный субъективный аспект. Отсюда изучение «человеческого драйвера» в исторической науке позволяет более глубоко осмысливать ее прошлое, настоящее, а также определять наиболее перспективные направления движения вперед. В связи с этим исследование личностей-исследователей, лидеров, основателей научных школ позволяет по-новому взглянуть на отдельные аспекты истории как науки. Очень часто мы можем встретить исследования биографий ученых, чья жизнь связана с национальными научно-исследовательскими учреждениями и формированием в них отдельных научных направлений. Что касается исследователей отдельных территорий, регионов в рамках страны, которые внесли не меньший вклад в науку, такие работы встречаются реже.

Данная статья является попыткой восполнить этот пробел на примере анализа жизни знаменитого историка Сибири Валентины Николаевны Тугужековой и формирования ее научной школы.

Валентина Николаевна Тугужекова (род. 1948 г.) (*фото 1*) — известный в России и за её пределами учёный; доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Хакасия, основатель научной школы по проблемам новейшей истории Южной Сибири.

*Фото 1. Валентина Николаевна Тугужекова. Фото из личного архива В. Н. Тугужековой.
Photo 1. Valentina Nikolaevna Tuguzheka.
Photo from the personal archive of V. N. Tuguzheka.*

Обращение к личности и деятельности В. Н. Тугужековой приобретает сегодня особую актуальность в связи с ее юбилеем, который отмечался в ноябре 2023 г. Это позволяет рассмотреть научно-педагогический путь известного ученого и общественного деятеля. Кроме того, следует особо подчеркнуть ее участие в решении кадровой проблемы в науке и высшем образовании сибирских республик — Хакасии и Тувы. Она подготовила для данных территорий целую плеяду молодых исследователей, которые сейчас активно развивают историческую науку Хакасии и Тувы, успешно занимаются педагогической деятельностью, представляют научную школу Тугужековой.

Целью настоящего исследования является проведение комплексного анализа становления и научной деятельности доктора исторических наук, профессора В. Н. Тугужековой, определение ее вклада в формирование и развитие региональной научной школы на примере Хакасии и Тувы. В соответствии с целью будут рассмотрены следующие задачи: изучение процесса становления личности В. Н. Тугужековой; характеристика деятельности В. Н. Тугужековой в структуре государственно-партийного аппарата Хакасской автономной области; систематизация доступных материалов о научно-педагогической и общественной деятельности В. Н. Тугужековой; определение вклада В. Н. Тугужековой и учеников ее школы в проблемно-тематическом аспекте в изучение новейшей истории Южной Сибири.

Необходимо отметить, что теоретические аспекты осмысления и классификации научных школ входят в поле внимания науковедения.

В советский период исследователи рассматривали общие вопросы работы научных школ, проблемы взаимодействия личности и коллектива в научном творчестве (Микулинский, Родный, 1966; Социально-психологические ..., 1973; и др.).

В настоящее время интерес к феномену научных школ возрос в связи с программой поддержки ведущих научных школ, поддержанной постановлением Правительства РФ от 23 мая 1996 г. № 633 «О грантах Президента Российской Федерации для поддержки научных исследований молодых российских ученых — докторов наук и государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации»¹. Благодаря программе усилился интерес к теоретическим проблемам феномена научных школ, в том числе вопрос об определении ведущей научной школы, выработке формальных критериев для ее выделения. Под ведущей научной школой стала пониматься исторически сложившаяся в России форма совместной научной деятельности коллектива исследователей разного возраста и квалификации, руководимых признанным лидером, объединяемых общим направлением работ, обеспечивающих эффективность процесса исследований и рост квалификации сотрудников (Дежина, Киселева, 2009: 68). Выделены несколько видов классификаций научных школ: по лидерам-основателям школ; по городам расположения школ; по региональному расположению; применительно к отдельным нациям и государствам; по отдельным отраслям знания (Куперштох, 2005: 98).

Мы считаем, что научные школы формируются на основе внешних (история и современные достижения исторической науки, идеологические основы государства, социально-экономические условия) и внутренних (этнические и историко-культурные особенности территории) факторов. В рамках статьи мы употребим понятие «научная школа по проблемам новейшей истории Южной Сибири» В. Н. Тугужековой в более узком, локальном смысле — как научный коллектив, объединенный не столько организационными рамками, не только конкретной тематикой, но и общей системой взглядов, идей, интересов, традиций, сохраняющейся, передающейся и развивающейся при смене научных поколений (там же: 99).

¹ Постановление Правительства РФ от 23 мая 1996 г. N 633 «О грантах Президента Российской Федерации для поддержки научных исследований молодых российских ученых — докторов наук и государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/123086/> (дата обращения: 04.01.2024).

В представленной работе авторы, поддерживая традицию научного сообщества, говорят не просто об ученом, а о своем наставнике, ярком общественном деятеле и близком человеке. Следует отметить, что к юбилеям Валентины Николаевны регулярно издавались библиографические указатели, сопроводительные статьи к которым составлены благодарными учениками¹. Историко-культурная среда, в которой жила В. Н. Тугужекова, повлиявшая на формирование характерных особенностей ее личности, реконструирована на основе историко-антропологического и микроисторического подходов. Данное обстоятельство позволило через взаимосвязь общего и частного в ее жизни обратиться к тем фактам, которые приобрели личную значимость для Валентины Николаевны и, соответственно, находили отражение в формировании траектории ее жизненного пути, одним из основных достижений которого стало формирование и развитие научной школы.

Значительное внимание уделено изучению общего через частное, для чего авторы прибегли к материалам личного архива, к ее воспоминаниям. Часть своих материалов Валентина Николаевна передала в Национальный архив Республики Хакасия (далее — НА РХ), где сформирован ее личный фонд (НА РХ, ф.п-941, 136 ед. хр., 1964–2012 гг.)². Кроме того, в работе авторы использовали ее научные труды (Тугужекова, 1991, 1993, 2008, 2010, 2014с; Тугужекова, Карачакова, 2005). Если исходить из того, что жизнь человека является уникальным стечением стандартных обстоятельств соответствующего времени, то жизнь Валентины Николаевны представляется интересной как один из многочисленных возможных типичных примеров жизни российского ученого XX в.

Комсомол в жизни В. Н. Тугужековой

В. Н. Тугужекова родилась в с. Фыркал Ширинского района Хакасской автономной области 10 ноября 1948 г. в семье Трошкиных Николая Федоровича (1922–2018) и Коковой Матрены Федоровны (1915–2000). Валентина Николаевна подчеркивает, что ее родители были достаточно грамотными для своего времени. Отец, который окончил 7 классов, возглавлял колхоз «Алтын чул». Ее мама, Матрёна Фёдоровна, имевшая 4 класса образования, в годы войны обучилась токарному делу, получила высший разряд. По воспоминаниям В. Н. Тугужековой, ее мама была «рукастой» и в мастерстве по токарному делу превосходила мужчин. В 1949 г., когда Валентине был год, их семья переехала на рудник «Коммунарковский», куда перевели отца на должность начальника жилищно-коммунального хозяйства.

В школьные годы девочка была увлечена спортом, хорошо играла в баскетбол, настольный теннис, увлекалась лыжами и коньками, стала перворазрядником в шахматах. Из школьных предметов Валентина отдавала предпочтение биологии, химии, физике³. Девушка, окончив школу в 1966 г., выбрала биолого-химический факультет Абаканского государственного педагогического института.

Будучи студенткой, Валентина проявила большой интерес к научным изысканиям. Результаты своих исследований девушка излагала на конференциях. По итогам очередного конкурса студенческих работ она стала победителем, представив вниманию жюри свою конкурсную работу «Прямокрылые Кузнецкого Алатау» — итог летней полевой практики после 1-го курса. На старших курсах ей доверили руководство научным обществом факультета и института. В эти годы начал проявляться организаторский талант девушки.

¹ К юбилею ученого, доктора исторических наук, профессора Валентины Николаевны Тугужековой // Поиск : еженедельная газета научного сообщества. 2008. № 3. С. 71–74; Тугужекова Валентина Николаевна: биобиблиографический указатель / сост. Н. П. Намсараева; отв. ред. Н. А. Данькина. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2008; Данькина Н. А. Тугужекова Валентина Николаевна (60 лет со дня рождения) // Хакасия — 2008. Календарь знаменательных и памятных дат. Абакан, 2007. С. 53–55; Данькина Н. А. Тугужекова Валентина Николаевна // Славные люди хакасского народа. Абакан: Диалог Сибирь-Абакан, 2009. С. 90–91; Тугужекова Валентина Николаевна: биобиблиографический справочник / сост. Н. П. Намсараева. Абакан, 2013.

² Фонд № П-941. Тугужекова Валентина Николаевна (1948 г.р.) — доктор исторических наук, профессор, действительный член Академии социальных наук Российской Федерации и Международной тюркской академии. Заслуженный деятель науки Республики Хакасия, директор Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории.

³ Карачакова О. М. Валентина Тугужекова: комсомолка, спортсменка и... настоящий ученый! [Электронный ресурс] // Абакан — 24. 2020, 5 февраля. URL: <https://abakan-news.ru/2020/02/05/валентина-тугужекова-комсомолка-спо/> (дата обращения: 20.09.2023).

Валентина Николаевна считает, что ее исследовательский интерес сформировался под влиянием родных и близких. Во-первых, это сводная сестра Тамара Нестеровна Иптышева, дочь Матрены Федоровны от первого брака с Иптышевым Нестором Ивановичем, погибшим на фронте в Великую Отечественную войну. Тамара была студенткой Тимирязевской сельскохозяйственной академии, на каникулах приезжала в Коммунар. Она была образцом эрудиции, чтение являлось для нее любимым занятием. В семье ее называли ходячей энциклопедией. После окончания академии Тамара Нестеровна проработала учителем, агрономом в агрохимической лаборатории. Безусловное воздействие на приобщение Валентины к науке оказало и ее проживание в 1966–1968 гг. в семье тети, Дарьи Федоровны (родной сестры матери, Матрены Федоровны) и Кузьмы Михайловича Патачаковых, сотрудников Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. В семье царил творческая атмосфера, за ужином велись интеллектуальные беседы, которые, по словам Валентины Николаевны, особенно заводил интересный рассказчик Кузьма Михайлович.

По окончании вуза в 1972 г. Валентина Николаевна работала лаборанткой в гистологической лаборатории областной больницы, планировала поступление в аспирантуру по своей специальности. Однако ее планы изменились в связи с поступлением на работу в Хакасский обком комсомола в качестве заведующей лекторской группы (фото 2).

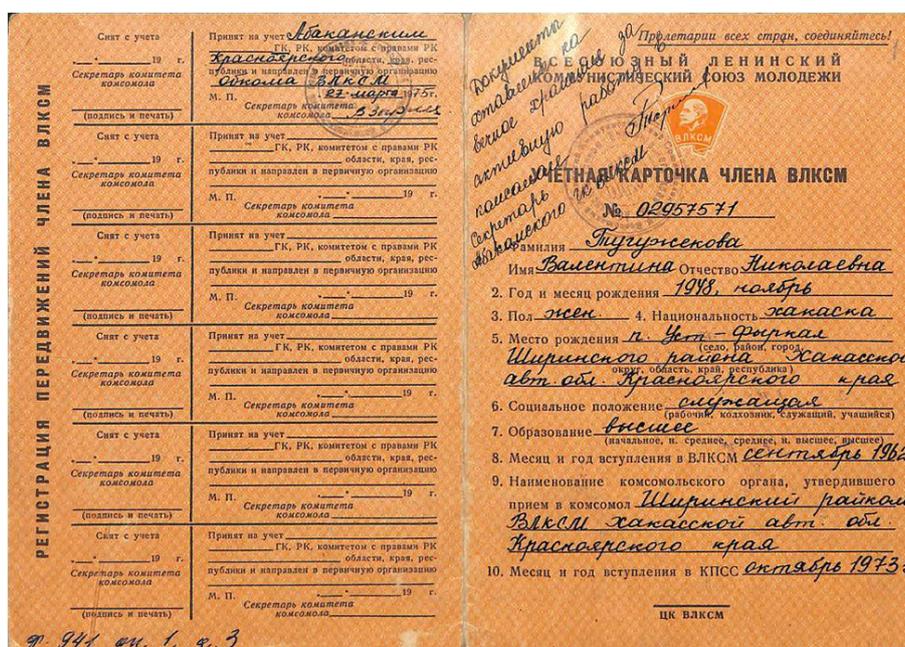

Фото 2. Учетная карточка члена ВЛКСМ (НА РХ, ф. 941, оп. 1, д. 3, л. 1, 1/оборот).
 Photo 2. Komsomol member registration card (NA RKh, f. 941, op. 1, d. 3, l. 1, 1/rev).

Лекционный материал по истории комсомольских организаций Сибири приходилось отбирать в архивах Москвы, Ленинграда, сибирских городов — Горно-Алтайска, Барнаула, Красноярска, Кызыла. Результатом этого стала серия документальных сборников и брошюр по истории комсомольских организаций Сибирского региона¹. Изучение литературы и работа с источниками разбудили в девушке интерес к истории как к науке.

Валентина Николаевна считает своим первым наставником заведующую О. В. Полевец. Ольга Васильевна научила её кропотливой работе с документами. Свои знания в области общественных наук Валентина Николаевна расширила на отделении философии пропагандистского факультета в Университете марксизма-ленинизма Абаканского горкома комсомола, успешно окончив его с отличием (фото 3).

¹ Тугужекова В. Н. Комсомол Хакасии в годы Великой Отечественной войны. В помощь лекторам, пропагандистам, комс. работникам. Абакан, 1985; Тугужекова В. Н. Страницы истории Хакасской комсомольской организации (1920–1985). Абакан, 1985.

Фото 3. Диплом об окончании Университета марксизма-ленинизма Абаканского горкома комсомола (НА РК, ф. 941, оп. 1, д. 1, л. 2).
 Photo 3. Diploma of graduation from the University of Marxism-Leninism of the Abakan City Komsomol Committee (NA RKh, f. 941, op. 1, d. 1, l. 2).

Так, комсомол открыл Валентине Николаевне путь в историческую науку и преподавательскую деятельность. Это было время, когда идеологическая составляющая общественной жизни была одной из ее основ. И многие талантливые люди находили применение своим силам и творческому потенциалу на этом пути. Более того, В. Н. Тугужекова научилась работать с молодежью, что потом позволит ей на протяжении всей жизни работать со студентами, которые становились ее аспирантами и докторантами, объединенными общим исследовательским интересом в рамках ее научной школы.

Научно-педагогическая и общественная деятельность

Накопленный опыт ведения лекций и исследовательской работы позволили В. Н. Тугужековой начать в 1984 г. научно-педагогическую деятельность на кафедре истории КПСС и научного коммунизма Абаканского государственного педагогического института (АГПИ). В Хакасском обкоме комсомола ей дали положительную характеристику — рекомендацию к переходу на работу в АГПИ (фото 4).

В этом же году молодой педагог поступила в аспирантуру Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена (ЛГПИ) по специальности «История». В 1987 г. В. Н. Тугужекова досрочно защитила диссертацию на соискание учёной степени кандидата исторических наук по теме «Комсомол — помощник партии в восстановлении и развитии народного хозяйства СССР в 1946-1950 гг. (на материалах Горно-Алтайской, Тувинской и Хакасской автономных областей)»¹. Научным руководителем ее стал известный в России специалист по отечественной истории, историографии, социальной истории, профессор ЛГПИ им. Герцена Аркадий Яковлевич Лейкин.

После окончания аспирантуры Валентина Николаевна работала старшим преподавателем кафедры истории КПСС и научного коммунизма Абаканского государственного педагогического института.

Через пять лет после защиты кандидатской диссертации В. Н. Тугужекова опубликовала монографию «Южная Сибирь: послевоенная 1945–1965 гг.» (Тугужекова, 1993) и в 1993 г. успешно защитила докторскую диссертацию по теме «Социально-экономическое и культурное развитие автономий Южной Сибири в послевоенные годы (1945–1965)»¹. В этих работах на материалах Хакасии, Тувы и Горного

¹ Тугужекова В. Н. Комсомол-помощник партии в восстановлении и развитии народного хозяйства СССР в 1946–1950 гг.: На материалах Горно-Алтайской, Тувинской и Хакасской автономных областей : автореф. дис. ... канд.ист. наук. Ленинград, 1987.

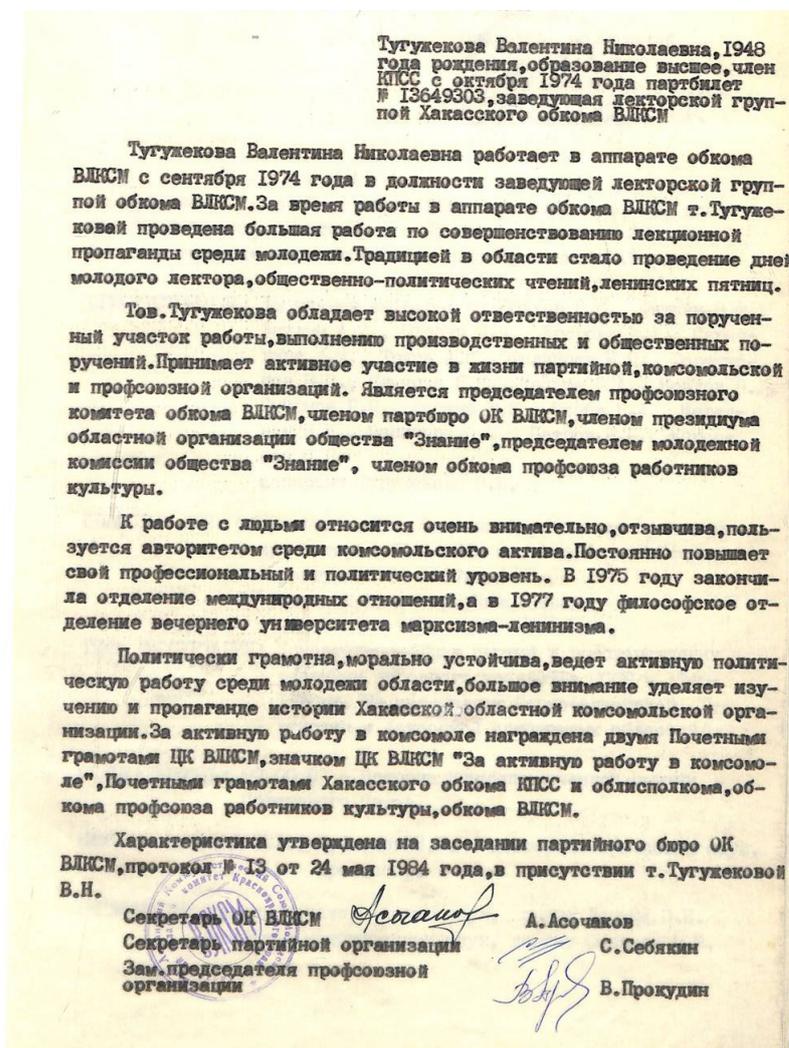

Фото 4. Характеристика В. Н. Тугужековой 1984 г. (НА РХ, ф. 941, оп. 1, д. 19, л. 4).
 Photo 4. Characteristics of V.N. Tuguzhekova 1984 (NA RKH, f. 941, op. 1, d. 19, l. 4).

Алтая она рассмотрела проблемы формирования местной промышленности, изменения структуры промышленного производства в Сибири, подготовки национальных кадров в ведущих отраслях народного хозяйства Южной Сибири. Валентина Николаевна вторая женщина в истории Хакасии, ставшая доктором наук после М. А. Унгвицкой, доктора филологических наук. Но она — первая доктор наук, профессор из числа хакасских женщин.

После окончания докторантуры Гуманитарного центра Российской академии управления В. Н. Тугужекова продолжила работу в Абаканском государственном педагогическом институте (с 1994 г. — Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, далее — ХГУ) доцентом кафедры истории и политологии (1994–1995), профессором кафедры отечественной истории, государства и права (1995–1998), проректором по научной работе (1995–1998).

Будучи проректором по научной работе, В. Н. Тугужекова стала инициатором создания и организатором аспирантуры ХГУ в 1995 г. Она с воодушевлением отмечала:

«В Хакасском государственном университете состоялась презентация аспирантуры. Это историческое событие. Подготовка научно-педагогических кадров для университета обходится дорого, на обучение большинства аспирантов расходуются большие суммы: аспирантам оплачиваются стипендии, защиты,

¹ Тугужекова В. Н. Социально-экономическое и культурное развитие автономии Южной Сибири в послевоенные годы, 1945–1965 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1993.

выпуск монографий. В связи с открытием аспирантуры в университете многие проблемы, связанные с подготовкой научно-педагогических кадров, будут сняты»¹.

В. Н. Тугужекова не только сумела организовать подготовку кадров высшей квалификации в Хакасском государственном университете, но и стала научным руководителем аспирантов, около 40 из которых стали кандидатами и двое докторами наук. Многие из учеников Валентины Николаевны начинали публиковать свои первые научные изыскания и продолжали публиковаться в сборнике «Актуальные проблемы истории и культуры Саяно-Алтая», который начал издаваться по ее инициативе с 2000 г. (Актуальные проблемы ..., 2000), в октябре 2023 г. вышел № 26 (Актуальные проблемы ..., 2023).

Много сил и времени В. Н. Тугужекова отдаёт научно-организационной деятельности. Она была членом диссертационного совета по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата и доктора наук при Красноярском государственном педагогическом университете по специальности «Отечественная история», регионального совета по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук при ХГУ по специальности «Отечественная история». Сегодня Валентина Николаевна является членом диссертационного совета Д212099.07 по специальности 07.00.02 — Отечественная история в Сибирском федеральном университете (СФУ) (г. Красноярск).

Плодотворную деятельность научного наставника В. Н. Тугужекова с 1998 по 2019 гг. сочетала с должностью директора Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ХакНИИЯЛИ). Возглавив институт в 1998 г., когда российская наука, в том числе региональная, была в тяжелом кризисе, она сумела организовать работу коллектива по продолжению фундаментальных исследований в области истории, языка, литературы, археологии, социально-экономических процессов.

Под руководством Валентины Николаевны ХакНИИЯЛИ осуществлял совместные исследовательские проекты с ведущими российскими и зарубежными учреждениями: Институтом востоковедения РАН, Институтом этнологии и этнографии РАН, Институтом языкознания РАН, Институтом истории СО РАН, Институтом археологии и этнографии СО РАН, Институтом филологии СО РАН, Казанским государственным университетом, Финским обществом по изучению первобытного искусства, Туркологическим институтом Стамбульского государственного университета, Анкарским университетом, Культурным фондом гималайских исследований (Индия), Институтом этнической литературы Академии общественных наук Китая, Музеем доисторической антропологии Княжества Монако и др.²

Благодаря активности, позиции и личным качествам Валентины Николаевны в вопросе сохранения академических научных связей между центральными и региональными научно-исследовательскими институтами ХакНИИЯЛИ стал центром притяжения российских и зарубежных исследователей.

В сфере научных интересов В. Н. Тугужековой стали появляться ранее не разрабатывавшиеся проблемы истории: современное развитие коренных этносов России, социально-экономическая и политическая история национальных регионов Южной Сибири, адаптация народов Сибири к природным, техногенным и социальным трансформациям, межнациональные отношения, сохранение, развитие и изучение культурно-исторического наследия Саяно-Алтайского региона³. Она одной из

¹ Тугужекова В. Н. В Хакасии — своя аспирантура // Хакасия. 1995. № 227. 27 декабря. С. 5.

² Данькина Н. А. Тугужекова Валентина Николаевна [Электронный ресурс] // Государственное бюджетное учреждение культуры Республики Хакасия «Национальная библиотека им. Н. Г. Доможакова». URL: https://nbdrx.ru/kraevedenie/spravka/Tuguzhekova_Valentina_Nikolaevna.aspx?ysclid=lr2f972bj7698682852 (дата обращения: 04.01.2024).

³ Степень адаптации и факторы адаптационного поведения основных этнических групп Республики Алтай к новым условиям жизни (по материалам этносоциологического исследования): информационный бюллетень № 1 (2006) / авт. проекта: З. В. Анайбан (рук.), Н. М. Горбунова, В. Н. Тугужекова [и др.]. М., 2006 (Научно-исследовательский проект: «Проблемы адаптации народов Южной Сибири к новым реалиям жизни»); Степень адаптации и факторы адаптационного поведения основных этнических групп Республики Тува к новым условиям жизни (по материалам этносоциологического исследования): информационный бюллетень № 2 / авт. проекта: З. В. Анайбан (рук.), Н. М. Горбунова, В. Н. Тугужекова [и др.]. М., 2006 (Научно-исследовательский проект: «Проблемы адаптации народов Южной Сибири к новым реалиям жизни»); Степень адаптации и факторы адаптационного поведения основных этнических групп Республики Хакасия к новым условиям жизни (по материалам этносоциологического исследования): информационный бюллетень № 3 / авт. проекта: З. В. Анайбан (рук.), Н. М. Горбунова, В. Н. Тугужекова [и др.]. М., 2006 (Научно-исследовательский проект: «Проблемы адаптации народов Южной Сибири к новым реалиям жизни»).

первых в регионе приступила к изучению социальных вопросов хакасского этноса, в том числе первой подняла проблему суицида среди коренного населения Южной Сибири (Тугужекова, 2008).

На ноябрь 2023 г. в российской Научной электронной библиотеке Валентина Николаевна имела 146 научных публикаций с индексом Хирша — 12 (по всем публикациям) и 8 (по Российскому индексу научного цитирования). Всего она опубликовала более 500 работ, в том числе монографий, учебных пособий, статей.

Кроме того, что Валентина Николаевна стала известным ученым и педагогом, она один из лидеров общественной деятельности в Республике Хакасия. «Комсомольская школа» выработала в ней лидерские качества. В период, когда 1990-е годы ознаменовались подъемом национального самосознания народов России, В. Н. Тугужекова стала членом Совета старейшин родов хакасского народа с первого (1990) по 13-й съезд (2016). За активную работу награждена Орденом Совета старейшин «За благие дела» (2007).

В конце 1990-х — начале 2000-х годов В. Н. Тугужекова состояла в женских организациях: Союз женщин Республики Хакасия; Лига хакасских женщин «Алтынай» и Клуб деловых женщин Республики Хакасия. Валентина Николаевна — председатель Хакасской региональной общественной организации «Общество востоковедов» с 2009 г., член Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» (с 2010 г.). В декабре 2010 г. решением Правления Международного общественного фонда «Российского фонда мира» она была награждена золотой медалью «За выдающийся вклад в деятельность фонда» и «За миротворческую и благотворительную деятельность». В 2013 г. награждена медалью Н. Ф. Катанова¹. В 2015 г. ей вручена Международная медаль международной организации тюркской культуры ТЮРКСОЙ, которая посвящена памяти 130-летия великого хакасского сказителя Семена Кадышева.

Валентина Николаевна во многом первая: как уже было сказано, первая хакасская женщина — доктор наук, первая женщина — директор ХакНИИЯЛИ, инициатор открытия аспирантуры в университете Хакасии.

За вклад в развитие науки и подготовку научных и научно-педагогических кадров республик Хакасия и Тыва Валентина Тугужекова награждена медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, Почётной грамотой Верховного Хурала Республики Тыва; в 2016 г. ей присуждена Государственная премия Республики Хакасия имени Н. Ф. Катанова; в 2018 г. присвоено звание «Почётный работник науки и техники Российской Федерации».

Валентине Николаевне как руководителю ведущего учреждения науки в Хакасии, как преподавателю университета пришлось осваивать и новые формы организации и финансирования научных исследований. В 2017–2020 гг. она была председателем регионального экспертного совета научных советов Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) Республики Хакасия.

Опыт работы во взаимодействии с органами государственной власти, приобретенный Валентиной Николаевной в комсомольской молодости, позволил ей более двадцати лет, с 1998 г. по декабрь 2021 г., быть членом Избирательной комиссии Республики Хакасия. Успехи ее деятельности отмечены Почетным знаком Избирательной комиссии РХ (2013) и Почетным знаком Центральной избирательной комиссии РФ «За заслуги в организации выборов» (2018).

В. Н. Тугужекова с 2021 г. является членом республиканского Совета ветеранов Республики Хакасия. Она награждена Почетным знаком Хакасской организации ветеранов (2022), юбилейным Почетным знаком «200 лет образования Енисейской губернии» (2023). Валентина Николаевна — действительный член Академии социальных наук Российской Федерации и Международной тюркской академии. Правительство Республики Хакасии высоко оценило огромный личный вклад Валентины Николаевны в исследование истории Хакасии и Южной Сибири, в дело сохранения и популяризации историко-культурного наследия региона². В свой юбилейный год В. Н. Тугужекова была удостоена почетной награды Республики Хакасия — ордена «За заслуги перед Хакасией» (фото 5).

¹ Медаль имени Н. Ф. Катанова учреждена Верховным Советом Республики Хакасия 15 февраля 2012 г. Медаль вручается от имени Правительства Республики Хакасия за существенный вклад в развитие гуманитарных и естественных наук, образования и культуры.

² Глава Хакасии вручил орден «За заслуги перед Хакасией» учёному Валентине Тугужековой [Электронный ресурс] // Правительство Республики Хакасия. URL: <https://r-19.ru/news/politika/154032> (дата обращения: 28.11.2023)

Фото 5. Тугужекова В. Н. с орденом «За заслуги перед Хакасией», 2023 г.
Фото из личного архива В. Н. Тугужековой.
Photo 5. V. N. Tuguzhekova with the Order of Merit for Khakassia, 2023.
Photo from the personal archive of V. N. Tuguzhekova.

Сегодня Валентина Николаевна продолжает трудиться. Будучи профессором кафедры истории России ХГУ им. Н. Ф. Катанова, она преподает дисциплины «Актуальные проблемы новейшей истории Хакасии», «Этнополитические процессы в Республике Хакасия», продолжает руководить подготовкой дипломных и курсовых работ. Более 100 выпускников ХГУ им. Н. Ф. Катанова приобщились к основам научно-исследовательской работы под научным руководством Валентины Николаевны и успешно защитили дипломные работы¹.

Валентина Николаевна уделяет большое внимание популяризации исторических знаний, чему научилась еще в комсомольские годы. Ее выступления в СМИ, публикации и экскурсии всегда вызывают большой интерес у гостей и жителей республики, у всех, кто неравнодушен к прошлому и современности Хакасии.

История как предмет научного исследования является для Валентины Николаевны частью истории ее семьи:

¹ Алишина Х.Ч. Научная школа новейшей истории Южной Сибири (к 75-летию со дня рождения В. Н. Тугужековой) // Российская тюркология. 2023. № 1–2 (38–39). С. 158–164.

«Я считаю, каждый всё равно должен знать свои корни, понимать, откуда он. В нашей семье по линии мамы мы знаем семь предшествующих поколений, по линии отца — девять. Я этим горжусь. Я стала это осознавать в зрелом возрасте. Пока ты молодой, вряд ли понимаешь это. Взрослея и узнавая о своих предках, понимаешь, почему твой внутренний мир формируется именно так, чем объясняются твои поступки. Я думаю, что если бы человек знал лучше своих предков, то, наверное, крепче стоял бы на земле»¹.

Валентина Николаевна никогда не останавливается на достигнутом. Она говорит:

«Чтобы познать мир и культуру других народов, я много путешествую. Объехала всю Центральную Азию. Прошла по местам экспедиции Рерихов, была в Тибете, государстве Бутан, Непале, Индии, Китае, Монголии. В первую очередь стараюсь посетить храмы, где, я думаю, аккумулируется информация о духовных традициях народа. В некоторых можно даже почувствовать общность с духовными традициями других народов»².

Каждый человек является носителем культуры своей семьи, своего народа, судьба которого тесно связана с исторической эпохой и судьбой страны. Валентина Николаевна всегда близка ко всему происходящему в жизни общества и государства, никогда не остается равнодушной к происходящим событиям. Она твердо придерживается общечеловеческих ценностей и принципов, которые в ней воспитали родители, и которые научили ее понимать, любить и уважать все человеческое и служить людям.

В. Н. Тугужекова — научный наставник

Начиная с середины 1990-х гг. можно с уверенностью утверждать о формировании научной школы профессора В. Н. Тугужековой по проблемам новейшей истории Южной Сибири, которой Правительство Республики Хакасии в 2010 г. присвоило статус «Научной школы Республики Хакасия»³.

Исследуемая историческая проблематика, которая аккумулировалась, прежде всего, в диссертационных работах студентов-дипломников, магистрантов, аспирантов, соискателей и докторантов охватила хронологический период XX — начало XXI вв. в пределах всего Саяно-Алтайского региона. Широкий спектр научных проблем созданной научной школы позволяет каждому ученику выбрать тему по душе.

Зачастую ученики Валентины Николаевны совмещают научную и педагогическую деятельность. Они работают в самых различных сферах: в министерстве образования и науки Республики Хакасия, успешно преподают в вузах и других образовательных организациях (Сибирском Федеральном университете, Хакасском государственном университете им. Н. Ф. Катанова, Тувинском государственном университете, Хакасском республиканском институте повышения квалификации и переподготовки работников образования, Хакасском политехническом колледже). Ученики Валентины Николаевны трудятся в научных учреждениях страны (Институте востоковедения РАН, Хакасском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории, Тувинском институте гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований и др.) Многие из них известные деятели в сфере культуры (в Минусинском колледже культуры и искусства, Абаканской картинной галерее имени Ф. Е. Пронских, Хакасском национальном краеведческом музее им. Л. Р. Кызласова, Национальном музее Республики Тыва им. Алдан-Маадыр, музее-заповеднике «Хуртуяхтас» Республики Хакасия), которые продолжают заниматься исследовательской работой. Их также можно встретить в Информационном радиотелевизионном агентстве «Абакан», пресс-службе Саянского алюминиевого завода и мн. др.

Аспиранты под руководством Валентины Николаевны впервые исследовали актуальные для XX века проблемы и «белые пятна» истории: репрессии в Хакасии, национальное движение в Хакасии в начале XX века, формирование интеллигенции в Хакасии и Туве, роль женщин в социальном и культурном развитии Хакасии и многие другие. В последнее время её ученики работают над более сложными теоретическими вопросами: модернизация России, историография политических репрессий и интеллигенции Восточной Сибири и другие.

¹ Антипьева Т. Девять колен вглубь. Зная свои корни, человек крепче стоит на ногах [Электронный ресурс] // Еженедельник «Аргументы и Факты». «АиФ на Енисее». 2013, 16 октября. № 42. URL: <https://krsk.aif.ru/culture/949721> (дата обращения: 29.09.2023).

² Там же.

³ Хакасия — 2018: календарь знаменательных и памятных дат / сост. И. Н. Андреева. Абакан, 2017. С. 117.

В рамках научной исторической школы профессора В. Н. Тугужековой проанализированы следующие исторические блоки: социально-политический, социально-экономический, социокультурный.

Так, в рамках *социально-политического блока* национально-государственное строительство в Хакасии получило отражение в многочисленных исследованиях Е. П. Мамышевой: организация степных дум в Хакасско-Минусинском крае в дореволюционный период; исторический опыт национально-государственного строительства в Южной Сибири в 1917–1941 гг. (Мамышева, 2008, 2011 и др.¹).

Взаимоотношения Советского Союза и Тувинской Народной Республики в 1921–1944 гг. проанализированы С. В. Саая². Ею подготовлена монография «Россия — Тува — Монголия: «центрально-азиатский треугольник» в 1921–1944 годах» (Саая, 2003 и др.).

Социально-политические преобразования в Тувинской автономной области в 1944–1961 гг. отражены в работах М. М.-Б. Харуновой (Харунова, 2011 и др.³).

Сталинские политические репрессии: «раскулачивание» периода массовой коллективизации сельского хозяйства первой половины 1930-х гг.; раскрестьянивание как способ форматирования сознания сельских жителей в чрезвычайных условиях; борьба с проявлениями «буржуазного национализма» в середине 1930-х гг., «большой террор» 1937–1938 гг. стали предметом исследования С. В. Карлова (Карлов, 2011 и др.⁴); этнические депортации конца 1930-х — конца 1940-х гг.; начало процесса реабилитации репрессированных граждан, борьба с «контрреволюционной преступностью» изучил М. Г. Степанов (Степанов, 2006 и др.⁵).

Генезис, этапы становления, трансформация структуры и кадровая политика органов государственной безопасности в Хакасии в 1920-х — начале 1930-х гг. представлена в монографии О. В. Круподер (Круподер, 2012).

Становление и трансформация органов внутренних дел в Хакасии в годы советской власти проанализированы А. И. Шуваевым (Шуваев, 2009). Организация деятельности органов Прокуратуры в Хакасии в 1923–2013 гг. стала предметом исследования Е. О. Чекушкиной (Чекушкина, 2019, 2020).

Проблема перестройки и ее влияние на общественные и политические институты в Красноярском крае и автономиях Южной Сибири отразилась в кандидатских диссертациях М. Н. Кичеевой⁶ и Е. В. Реутова (Реутов, 2015 и др.⁷).

Работа Т. А. Кискидосовой, определившей масштабы и развитие торгово-промышленного предпринимательства в Енисейской губернии во второй половине XIX — начале XX вв. (Кискидосова, 2009 и др.⁸), относится к *социально-экономическому блоку*. К нему же относятся нижеследующие работы.

Деятельность русских предпринимателей в Туве в дореволюционный период на широкой источниковой базе охарактеризована А. А. Асонычевым (Асонычев, 2018). Новая экономическая политика в Хакасии отражена А. В. Шадриним (Шадрин, Тугужекова, 2023).

Сельское хозяйство в годы Великой Отечественной войны стало предметом исследования В. А. Печерского (Печерский, 2014 и др.⁹). Развитие производственной сферы Хакасии в середине

¹ Мамышева Е. П. Возникновение и развитие национальной государственности хакасов (1822–1930 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Абакан, 1999; Она же. Исторический опыт национально-государственного строительства в Южной Сибири в 1917–1941 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2017.

² Саая С. В. Развитие взаимоотношений Советского Союза и Тувинской Народной Республики в 1921–1944 гг.: автореф. дис... канд. ист. наук. Абакан, 2001.

³ Харунова М. М.-Б. Социально-политические преобразования в Тувинской автономной области (1944–1961 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук. Абакан, 2003.

⁴ Карлов С. В. Массовые репрессии в 1930-е годы (на материалах Хакасии): автореф. дис... к. ист. н. Абакан, 2000.

⁵ Степанов М. Г. Репрессивная политика советского государства в 1939–1953 гг. (на материалах Хакасии): автореф. дис... канд. ист. наук. Абакан, 2005.

⁶ Кичеева М. Н. Роль государственных органов и общественных организаций в развитии социальной активности рабочих Сибири накануне и в годы «Перестройки» (на материалах промышленности Красноярского края): автореф. дис... канд. ист. наук. СПб., 1995.

⁷ Реутов Е. В. Общественно-политические процессы в автономиях Южной Сибири (1985–1991 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2012.

⁸ Кискидосова Т. А. Торгово-промышленное предпринимательство в Енисейской губернии во второй половине XIX – нач. XX вв. (на материалах Ачинско-Минусинского края): автореф. дис... канд. ист. наук. Абакан, 2006.

⁹ Печерский В. А. Сельское хозяйство Хакасии в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2001.

1960-х — середине 1970-х гг. изучил А. И. Дроздов (Дроздов, 2009 и др.¹). Социальное развитие Хакасии в 1960-х — 1970-х гг. проанализировал В. А. Никитин².

Роль женщины в социальном и культурном развитии Хакасии в 1923–1941 гг. отражена в работе О. В. Папиной (Папина, 2012 и др.³). Реализация политики государства в области охраны и защиты семьи, материнства и детства в Хакасии в 1981–2007 гг. осуществлена Н. А. Морозовой⁴. «Женский вопрос» в послевоенные годы в Хакасии в историческом контексте поставлен Е. И. Медведкиной (Медведкина, 2009).

Особенности социально-демографического развития городского населения юга Красноярского края в 1970-е — 1980-е гг. выявлены в кандидатской работе Е. Е. Тиниковой (Тиникова, 2017 и др.⁵).

Не менее обширно представлен и *социокультурный блок*.

Культурно-просветительная работа в Хакасии в 1945–1965 гг. исследована О. Ю. Любимцевой⁶. Народное искусство в традиционной культуре хакасов описала И. К. Кидиекова⁷.

Формирование интеллигенции Хакасии в конце XIX — начале XX вв. исследовала Н. А. Данькина (Данькина, 2004 и др.⁸); аналогичные процессы в Тувинской Народной Республике в 1921–1944 гг. изучил Р. Ш. Харунов (Харунов, 2009 и др.⁹).

Роль обычного права в развитии тувинского общества во второй половине XIX — первой половине XX в. проанализировала В. М. Дамдынчап¹⁰. Исследования Тувы Русским географическим обществом в XIX — начале XX вв. представлены С. А. Дары-Сурун (Дары-Сурун, 2019). Деятельность учреждений культуры Тувы в 1944–1991 гг. обсуждена А. М. Оюн (Оюн, 2013, 2014; Мунге, Монгуш, 2020). Культурное взаимодействие Тувы с сопредельными территориями в конце XIX — середине XX вв. охарактеризовано С. Ю. Чыргалан (Чыргалан, 2018). Деятельность тувинского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры представлена в научных публикациях О. В. Салчак (Салчак, 2014а). Особенности развития народного образования Тувы в советский период выявлены С. С. Тулуш (Тулуш, 2012).

Развитие самодеятельного искусства в Красноярском крае в 1966–1983 гг. на широкой источниковой базе проанализировано В. П. Барабаш¹¹.

История становления и развития музейного дела в Хакасии в 1928–2003 гг. дана Т. Н. Феоктистовой (Феоктистова, 2006 и др.¹²).

¹ Дроздов А. И. Развитие производственной сферы Хакасии в середине 1960-х – середине 1980-х гг. (на материалах промышленности и сельского хозяйства): автореф. дис... канд. ист. наук. Абакан, 2006.

² Никитин В. А. История социального развития Хакасии в 1960–1970 гг.: автореф. дис... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2004.

³ Папина О. В. Роль женщины в социальном и культурном развитии Хакасии 1923–1941 гг.: автореф. дис... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2008.

⁴ Морозова Н. А. Реализация политики государства в области охраны и защиты семьи, материнства и детства в Хакасии (1981–2007 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2011.

⁵ Ивандаева Е. Е. Особенности социально-демографического развития городского населения юга Красноярского края в 1970–1980 е гг.): автореф. дис... канд. ист. наук. Абакан, 2012.

⁶ Любимцева О. Ю. Культурно-просветительная работа в Хакасии (1945–1965 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук. Абакан. 1999.

⁷ Кидиекова И. К. Народное искусство в традиционной культуре хакасов: автореф. дис... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2002.

⁸ Данькина Н. А. Формирование интеллигенции Хакасии (конец XIX — нач. XX вв.): автореф. дис... канд. ист. наук. Абакан, 2002.

⁹ Харунов Р. Ш. Формирование интеллигенции в Тувинской Народной Республике (1921–1944 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук. Абакан, 2003.

¹⁰ Дамдынчап В. М. Роль обычного права в развитии тувинского общества (вторая половина XIX — первая половина XX в.): автореф. дис... канд. ист. наук. Абакан, 2006.

¹¹ Барабаш В. П. Развитие самодеятельного искусства в Красноярском крае в 1966–1983 гг. (на материалах юга Красноярского края): автореф. дис... канд. ист. наук. Абакан, 2003.

¹² Феоктистова Т. Н. История становления и развития музейного дела в Хакасии в XX веке (1928–2003): автореф. дис... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2004.

*Фото 6. В. Н. Тугужекова со своими учениками, 2012 г.
 Фото из личного архива В. Н. Тугужековой.
 Photo 6. V. N. Tuguzhekova with her students, 2012.
 Photo from the personal archive of V. N. Tuguzhekova.*

Организация и развитие исторической науки в Хакасии в 1920-е гг. – 1985 г. изучена Е. Н. Данькиным (Данькин, 2011 и др.¹). Структурное оформление и развитие системы высшего профессионального образования в Хакасской автономной области представила С. С. Макарова (Макарова, 2012). Реализацию государственной политики в сфере образования в Хакасской автономной области в 1946–1964 гг. рассмотрела О. В. Маньковская (Маньковская, 2020, 2022). Развитие профессионального музыкального образования в Хакасии и юге Красноярского края в своих статьях отразил М. С. Рузаков (Рузаков, 2005, 2006). История корпоративной печати в Хакасии исследована В. М. Шулекиным (Шулекин, 2014). Этнокультурное развитие Хакасии в условиях неотрадиционализма изучено О. М. Карачаковой (Тугужекова, Карачакова, 2005). Реализация государственной политики в сфере культуры в постсоветской Хакасии получила отражение в публикациях Л. Н. Маньковской (Маньковская, 2012).

Хакасская народная медицина стала предметом исследования в кандидатской диссертации Л. В. Горбатова (Горбатов, 2023 и др.²).

Советское государство и религиозные организации в 1917 — середине 1950-х гг.: на материалах Саяно-Алтайского региона отразил Д. В. Бутенко (Бутенко, 2009). Государственную политику по отношению к религии и верующим в 1954–1964 гг. на материалах Красноярского края представила Н. Б. Ламанская³. Новые региональные религиозные движения на примере «Общины Виссариона» изучила Т. А. Зыкова (Зыкова, 2009).

Возникновение и развитие немецкой диаспоры в Енисейской губернии в начале XX в. охарактеризовала С. И. Иванова (Иванова, 2019, 2020).

Становление и развитие кинофикации в Хакасской автономной области в годы советской власти отразил Ф. В. Алехин (Алехин, 2022).

¹ Данькин Е. Н. Организация и развитие исторической науки в Хакасии (1920-е — 1985 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук. Абакан, 2009.

² Горбатов Л. В. Хакасская народная медицина: автореф. дис... канд. ист. наук. Томск, 2019.

³ Ламанская Н. Б. Государственная политика по отношению к религии и верующим в 1954–1964 гг. (на материалах Красноярского края): автореф. дис... канд. ист. наук. Абакан, 2004.

Таким образом, в рамках исследования каждого блока были заполнены лакуны в истории Хакасии и Тувы. Причем исследования были проведены на максимально широкой и репрезентативной источниковой базе. Историками научной школы В. Н. Тугужековой (*фото 6*) были привлечены оригинальные архивные материалы, извлеченные из федеральных, региональных, муниципальных, ведомственных архивов, а также личных (семейных) фондов участников исторических событий.

Заключение

В целом, вклад В. Н. Тугужековой в развитие исторической науки Саяно-Алтайского региона трудно переоценить, она является ведущим специалистом по истории Хакасии и Тувы XIX — начала XXI вв., основателем научной школы по проблемам новейшей истории Южной Сибири. На наш взгляд, этому способствовали колоссальная сила воли Валентины Николаевны, высокая дисциплинированность, трудолюбие и верность делу. Для своих учеников она является безусловным образцом служения исторической науке. Во многом ее пример и поддержка являются для ее аспирантов и докторантов стимулом к продолжению исследовательской деятельности, укрепляют их в стремлении развивать историческую науку и трудиться на ниве образования. Валентина Николаевна умеет заинтересовать молодых людей своим делом, увлечь собеседника своей любовью к науке, к истории земли, на которой она родилась и выросла. Благодаря этому Валентина Николаевна Тугужекова в переломный для страны период, с середины 1990-х до начала 2000-х гг., сумела привлечь в науку выпускников вузов и молодых специалистов, которые пополнили кадровый потенциал научных и образовательных учреждений Хакасии и Тувы.

Несмотря на свою занятость, Валентина Николаевна всегда находит время, чтобы обсудить с аспирантами работу над диссертациями, дать советы и поддержать. Принципы и ценности человеческого общения, научного взаимодействия, усвоенные ею в Ленинградской высшей школе, она прививает своим ученикам. Большое количество (около 40 человек) успешно защитившихся учеников свидетельствует об исключительных организаторских и педагогических способностях Валентины Николаевны, о таких ее человеческих качествах как отзывчивость, порядочность, интеллигентность, ответственность, трудолюбие, терпение и уважение к людям. Как наставник, она всегда интересуется делами своих учеников, их переживаниями, радостями и успехами.

Благодарности

Выражаем глубокую признательность всем, кто оказал поддержку в подготовке данной статьи: прежде всего самой Валентине Николаевне Тугужековой за любезно предоставленные материалы и фотографии из личного архива; Данькиной Надежде Анатольевне за уточнение необходимых сведений и фактов о работе Валентины Николаевны и ее учениках; Национальному Архиву Республики Хакасия в лице Прищепы Евгения Валерьевича, директору архива, за бережное хранение документов личного фонда Валентины Николаевны и разрешение опубликовать архивные документы, иллюстрирующие ее жизнедеятельность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая (2000) : научный сборник молодых исследователей / ред.: В. Н. Тугужекова, Н. А. Данькина. Абакан : ХакНИИЯЛИ. 90 с.

Актуальные проблемы истории и культуры Саяно-Алтая (2023). Выпуск 26 / отв. ред. В. Н. Тугужекова. Абакан : Изд-во Хак. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова. 88 с.

Алехин, Ф. В. (2022) Состояние кинофикации в Хакасской автономной области в конце 1930 — начале 1940-х гг. // Архивные документы в системе объективного научного знания: материалы IV Межрегиональной научно-практической конференции (12 октября 2022 г., Абакан) / отв. ред. Е. В. Прищепа. Абакан: Издательство ООО «Бригантина». 258 с. С. 101–105.

Асонычев, А. А. (2018) Предприниматели — выходцы из старообрядческой среды в дореволюционной Туве // IV Центральноазиатские исторические чтения. Пространство культур: через призму единства и многообразия: сборник материалов Международной научно-практической конференции (г. Кызыл, 20–23 сентября, 2018 г.) / отв. ред. З. Ю. Доржу. Кызыл : Издательство Тувинского государственного университета. 349 с. С. 137–143.

Бутенко, Д. В. (2009) Период поиска компромиссов. Государственно-конфессиональные отношения в годы Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы истории и культуры Саяно-Алтая: сборник научных статей. Выпуск 10 / отв. ред. В. Н. Тугужекова. Абакан : Издательство Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 119 с. С. 110–113.

Горбатов, Л. В. (2023) Исследователи о быте, традициях и культуре здоровья коренных народов Саяно-Алтая (XVIII — нач. XX в.). Абакан : Бригантина. 176 с.

Данькин, Е. Н. (2011) История развития исторической науки в Хакасии. Абакан : Бригантина. 182 с.

Данькина, Н. А. (2004) Интеллигенция Хакасии в конце XIX — 30-е годы XX века. Абакан : Издательство Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 128 с.

Дары-Сурун, С. А. (2019) Обследование Урянхайского края Русским Географическим обществом во второй половине XIX — первой половине XX в. // Genesis: исторические исследования. № 3. С. 47–52. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2019.3.29332>.

Дежина, И. Г., Киселева, В. В. (2009) Тенденции развития научных школ в современной России. М. : ИЭПП. 164 с.

Дроздов, А. И. (2009) Развитие производственной сферы Хакасии в 1965–1985 гг. Абакан : РОСА. 117 с.

Зыкова, Т. А. (2009) Некоторые проблемы изучения общины Виссариона // Актуальные проблемы истории и культуры Саяно-Алтая: сборник научных статей. Выпуск 10 / отв. ред. В. Н. Тугужекова. Абакан : Издательство Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 119 с. С. 43–46.

Иванова, С. И. (2019) Правовые аспекты общества «Видергебурт» в Республике Хакасия // Актуальные проблемы истории и культуры Саяно-Алтая: сборник научных статей. Выпуск 22 / отв. В. Н. Тугужекова. Абакан : Издательство Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 126 с. С. 33–37.

Иванова, С. И. (2020) Положение советских немцев в 1941–1945 гг. // Феномен войны в историческом процессе: междисциплинарный дискурс: материалы Международной заочной научно-практической конференции (Абакан, 13–23 октября 2020 г.) / науч. ред. В. Н. Асочакова, отв. ред. М. Г. Степанов. Абакан : Издательство Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 290 с. С. 106–108.

Карлов, С. В. (2011) Массовые репрессии в 1930 гг. (на материалах Хакасии). Абакан : Хакасское книжное издательство. 205 с.

Кискидосова, Т. А. (2009) Торгово-промышленное предпринимательство Ачинско-Минусинского края во второй половине XIX — начале XX в. Абакан : Издательство ХРИПК и ПРО ; РОСА. 185 с.

Круподер, О. В. (2012) Все начиналась с уездных уполномоченных (о деятельности органов государственной безопасности Хакасии с середины 1920-х до середины 1950-х годов). Абакан : Хакасское книжное издательство. 176 с.

Куперштох, Н. А. (2005) Научные школы России и Сибири: проблемы изучения // Философия науки. Т. 2(25). С. 93–108.

Макарова, С. С. (2012) Мероприятия по укомплектованности аудиторий Абаканского государственного учительского института за 1939–1944 гг. // Актуальные проблемы истории и культуры Саяно-Алтая: сборник научных трудов. Выпуск 14 / под ред. В. Н. Тугужековой. Абакан : Издательство Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 201 с. С. 137–142.

Мамышева, Е. П. (2008) Хакасия: от степных дум — к автономии (1822–1930 гг.). Абакан : Издательство Хакасского института бизнеса им. Н. Ф. Катанова. 123 с.

Мамышева, Е. П. (2011) Национально-государственное строительство в Южной Сибири в 1917–1941 гг.: история, опыт, проблемы. Абакан : Издательство Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 244 с.

Маньковская, Л. Н. (2012) Современная государственная политика в области культуры: проблемы и перспективы (на примере Хакасии) // Актуальные проблемы истории и культуры Саяно-Алтая: сборник научных трудов. Выпуск 13 / под ред. В. Н. Тугужековой. Абакан : Издательство Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 132 с. С. 111–115.

Маньковская, О. В. (2020) Влияние Великой Отечественной войны на школьное образование в Хакасии // Феномен войны в историческом процессе: междисциплинарный дискурс: материалы Международной заочной научно-практической конференции (Абакан, 13–23 октября 2020 г.) / науч. ред. В. Н. Асочакова, отв. ред. М. Г. Степанов. Абакан : Издательство Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 290 с. С. 151–154.

Маньковская, О. В. (2022) Материально-техническая база общеобразовательных школ Хакасской автономной области в 1946–1964 годах // Genesis: исторические исследования. № 9. С. 123–130. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2022.9.38828>

Медведкина, Е. И. (2009) Проблема изучения роли женщин в жизни советского общества в 1946–1985 гг. Историографический обзор (на материалах юга Красноярского края) // Актуальные проблемы истории и культуры Саяно-Алтая: сборник научных статей. Выпуск 10 / отв. ред. В. Н. Тугужекова. Абакан : Издательство Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 119 с. С. 31–39.

Микулинский, С. Р., Родный, Н. И. (1966) Наука как предмет специального исследования // Вопросы философии. № 5. С. 25–38.

Мунге, Б. В., Монгуш, А. М. (2020) Становление и развитие кинофикации в ТНР // Новые исследования Тувы. № 3. С. 81–99. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.3.6>

Оюн, А. М. (2013) Деятельность учреждений культуры Тувинской автономной области в 1944–1950-е гг. // Глобальный научный потенциал. № 10. С. 56–60.

Оюн, А. М. (2014) Становление Кызыльского училища искусств Тувы в 1960-е — 1970-е годы // Вестник Череповецкого государственного университета. № 2 (55). С. 44–46.

Папина, О. В. (2012) Роль женщин в социальном и культурном развитии Хакасии в 1923–1941 гг. Абакан : ХТИ-филиал СФУ. 152 с.

Печерский, В. А. (2014) Сельское хозяйство Хакасии в годы Великой Отечественной войны. Абакан : Бригантина. 179 с.

Реутов, Е. В. (2015) Общественно-политические процессы в автономиях Южной Сибири (1985–1991 гг.). Абакан : Бригантина. 165 с.

Русаков, М. С. (2005) Становление профессионального музыкального образования в Минусинской культурно-просветительской школе в 1947–1960 гг. // Актуальные проблемы истории и культуры Саяно-Алтая: сборник научных статей. Выпуск 6 / отв. ред. В. Н. Тугужекова, Н. А. Данькина. Абакан : Издательство Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 126 с. С. 72–75.

Русаков, М. С. (2006) Из истории Абаканского музыкального училища (первая половина 1980-х годов) // Становление и развитие книжного издательства в Хакасии: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (14 апреля 2006 года, г. Абакан) / отв. ред. В. Н. Тугужекова. Абакан : Хакасское книжное издательство. 242 с. С. 179–188.

Саая, С. В. (2003) Россия — Тува — Монголия: «центрально-азиатский треугольник» в 1921–1944 годах. Абакан : Типография ООО Кооператива «Журналист». 199 с.

Салчак, О. В. (2014а) История общественной и государственной охраны объектов культурного наследия в Республике Тыва // Центральноазиатские исторические чтения. Сборник материалов III Международной научно-практической конференции (г. Кызыл. 20–21 июня 2014 г.) / ред. З. Ю. Доржу, В. М. Дамдынчап, А. А. Стороженко. Кызыл : РИО ТувГУ. Вып. 3. 243 с. С. 171–173.

Салчак, О. В. (2014б) К истории становления, изучения и сохранения памятников истории и культуры Республики Тыва (к 100-летию единения Республики Тыва с Россией) // Единая Тува в единой России: история, современность, перспективы. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию единения России и Тувы (г. Кызыл, 3–4 июля 2014 г.) / отв. ред. Л. М. Кожевникова. Абакан : Хакасское книжное издательство. 646 с. С. 51–56.

Социально-психологические проблемы науки (1973): сборник статей / под ред. М. Г. Ярошевского. М. : Наука, 252 с.

Степанов, М. Г. (2006) Сталинские репрессии в Хакасии в конце 1930-х — начале 1950-х гг. Абакан : Хакасское книжное издательство. 180 с.

Тиникова, Е. Е. (2017) Городское население юга Красноярского края (1970–1989 гг.). Абакан : Бригантина. 125 с.

Тугужекова, В. Н. (1991) Комсомол в первые послевоенные годы (из опыта работы комсомольских организаций Горного Алтая, Тувы и Хакасии. Абакан : Хак. отд-ние Красноярского кн. изд-ва. 159 с.

Тугужекова, В. Н. (1993) Южная Сибирь: послевоенная 1945–1965 гг. Абакан : Издательство Абаканского государственного педагогического института им. Н. Ф. Катанова. 193 с.

Тугужекова, В. Н. (2008) Хакасский этнос на рубеже веков (конец XX — начало XXI вв.). Абакан : Хак. кн. изд-во. 154 с.

Тугужекова, В. Н. (2010) Актуальные проблемы истории Хакасии (1917 — начало 2000-х гг.). Абакан : Хак. кн. изд-во. 180 с.

Тугужекова, В. Н. (2014а) Ресфармация: история становления и развития. 90 лет. Абакан : Журналист. 80 с.

Тугужекова, В. Н. (2014б) Состояние и тенденции развития межнациональных и этноконфессиональных отношений в Республике Хакасия (по материалам социологического исследования 2014 г.). Абакан : Бригантина. 134 с.

Тугужекова, В. Н. (2014с) Социально-экономическое развитие Хакасии (XX — начало XXI века). Абакан : Хак. кн. изд-во. 250 с.

Тугужекова, В. Н., Карачакова, О. М. (2005) Межнациональные отношения в Хакасии в конце XX века (конец 1980-х — 1990-е годы). Абакан : Хакасское книжное издательство. 104 с.

Тулуш, С. С. (2012) Народное образование Тувы в советский период // Актуальные проблемы истории и культуры Саяно-Алтая: сборник научных трудов. Выпуск 14 / под ред. В. Н. Тугужековой. Абакан : Издательство Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 201 с. С. 142–152.

Феоктистова, Т. Н. (2006) К истории становления музеев в Хакасии. Абакан : Хакасское книжное издательство. 132 с.

Харунов, Р. Ш. (2009) Формирование интеллигенции в Тувинской Народной Республике (1921–1944 гг.). Абакан : Издательство Тувинского государственного университета. 144 с.

Харунова, М. М.-Б. (2011) Социально-политическое развитие Тувы в середине XX века. Новосибирск : Наука. 135 с.

Чекушкина, Е. О. (2019) Деятельность прокуратуры Хакасской автономной области в первое послевоенное десятилетие // Актуальные проблемы истории и культуры Саяно-Алтая. Выпуск 22 / отв. В. Н. Тугужекова. Абакан : Издательство Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 126 с. С. 77–81.

Чекушкина, Е. О. (2020) Прокуратура Хакасской автономной области в годы «большого террора» (1937–1938 гг.) // Актуальные проблемы истории и культуры Саяно-Алтая. Выпуск 23 / отв. ред. В. Н. Тугужекова. Абакан : Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 103 с. С. 36–40.

Чыргалан, С. Ю. (2018) Деятельность Ойротской автономной области в подготовке национальных кадров для Тувинской Народной Республики в 1925–1944 гг. // Genesis: исторические исследования. № 6. С. 29–40. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2018.6.26381>

Шадрин, А. В., Тугужекова, В. Н. (2023) Основные направления развития промышленности Хакасии в середине 1920-х — начале 1940-х гг. // Genesis: исторические исследования. № 3. С. 31–39. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2023.3.39850>

Шуваев, А. И. (2009) Формирование и развитие правоохранительных органов в Хакасии в годы Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы истории и культуры Саяно-Алтая. Выпуск 10 / отв. ред. В. Н. Тугужекова. Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 120 с. С. 67–70.

Шулекин, В. М. (2014) Корпоративная газета как коммуникативный ресурс продвижения инновационных технологий (на материалах газеты «Вестник РУСАЛА» за 2012 г.) // Актуальные проблемы истории и культуры Саяно-Алтая. Выпуск 16 / под ред. В. Н. Тугужековой. Абакан : Издательство Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 116 с. С. 95–103.

Дата поступления: 25.10.2023 г.

Дата принятия: 08.01.2024 г.

REFERENCE

Current problems of the history of Sayano-Altai (2000): scientific collection of young researchers / ed. by V. N. Tuguzhekova, N. A. Dan'kina. Abakan, KhakNIILi. 90 p. (In Russ.).

Current problems of history and culture of Sayan-Altai (2023). Issue 26 / ed. by V. N. Tuguzhekova. Abakan, Publishing house of Khakass State University named after. N. F. Katanova. 88 p. (In Russ.).

Alekhin, F. V. (2022) The state of film production in the Khakass Autonomous Region in the late 1930s — early 1940s. In: *Archival documents in the system of objective scientific knowledge: materials of the IV Interregional Scientific and Practical Conference* (October 12, 2022, Abakan) / ed. by E. V. Prishchepa. Abakan, Brigantina Publ. 258 p. Pp. 101–105. (In Russ.).

Asonychev, A. A. (2018) Entrepreneurs come from the Old Believer environment in pre-revolutionary Tuva. In: *IV Central Asian historical readings. Space of cultures: through the prism of unity and diversity: collection of materials of the International Scientific and Practical Conference* (Kyzyl, September 20–23, 2018) / ed. by Z. Yu. Dorzhu. Kyzyl, Publishing house of Tuvan State University. 349 p. Pp. 137–143. (In Russ.).

Butenko, D. V. (2009) The period of searching for compromises. State-confessional relations during the Great Patriotic War. In: *Current problems of history and culture of Sayan-Altai*. Issue 10 / ed. by V. N. Tuguzhekova. Abakan, Publishing house of Khakass State University named after. N. F. Katanova. 119 p. P. 110–113. (In Russ.).

Gorbatov, L. V. (2023) *Researchers about the life, traditions and health culture of the indigenous peoples of Sayan-Altai (XVIII — early XX centuries)*. Abakan, Brigantina. 176 p. (In Russ.).

Dan'kin, E. N. (2011) *History of the development of historical science in Khakassia*. Abakan, Brigantina. 182 p. (In Russ.).

Dan'kina, N. A. (2004) *The intelligentsia of Khakassia at the end of the 19th — 30s of the 20th centuries*. Abakan, Publishing house of Khakass State University named after. N. F. Katanova. 128 p. (In Russ.).

Dary-Surun, P. A. (2019) Exploration of Uriankhai Region by the Russian Geographical Society in the late XIX — early XX century. *Genesis: Historical research*, no. 3, pp. 47–52. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2019.3.29332>

Dezhina, I. G. and Kiseleva, V. V. (2009) *Tendentsii razvitiia nauchnykh shkol v sovremennoi Rossii [Trends in the development of scientific schools in modern Russia]*. Moscow, IEPP. 164 p. (In Russ.).

- Drozov, A. I. (2009) *Development of the production sector of Khakassia in 1965–1985*. Abakan, ROSA. 117 p. (In Russ.).
- Zykova, T. A. (2009) Some problems of studying Vissarion's community. In: *Current problems of history and culture of Sayan-Altai*. Issue 10 / ed. by V. N. Tuguzhekova. Abakan, Publishing house of Khakass State University named after. N. F. Katanova. 119 p. Pp. 43–46. (In Russ.).
- Ivanova, P. I. (2019) Legal aspects of the Wiedergeburt society in the Republic of Khakassia. In: *Current problems of history and culture of Sayan-Altai*. Issue 22 / ed. by V. N. Tuguzhekova. Abakan, Publishing house of Khakass State University named after. N. F. Katanova. 126 p. Pp. 33–37. (In Russ.).
- Ivanova, P. I. (2020) The situation of Soviet Germans in 1941–1945. In: *The phenomenon of war in the historical process: interdisciplinary discourse: materials of the International Correspondence Scientific and Practical Conference* (Abakan, October 13–23, 2020) / ed. by V. N. Asochakova, M. G. Stepanov. Abakan, Publishing house of Khakass State University named after. N. F. Katanova. 290 p. Pp. 106–108. (In Russ.).
- Karlov, P. V. (2011) *Mass repressions in the 1930s (based on materials from Khakassia)*. Abakan, Khakass book publishing house. 205 p. (In Russ.).
- Kiskidosova, T. A. (2009) *Commercial and industrial entrepreneurship of the Achinsk-Minusinsk region in the second half of the 19th – early 20th centuries*. Abakan, KhRIPK i PRO Publ.; ROSA. 185 p. (In Russ.).
- Krupoder, O. V. (2012) *It all started with the district commissioners (about the activities of the state security agencies of Khakassia from the mid-1920s to the mid-1950s)*. Abakan, Khakass book publishing house. 176 p. (In Russ.).
- Kupershtokh, N. A. (2005) Scientific schools of Russia and Siberia: problems of study. *Filosofia nauki*, vol. 2(25), pp. 93–108. (In Russ.).
- Makarova, P. P. (2012) Measures to staff the classrooms of the Abakan State Teachers' Institute for 1939–1944. In: *Current problems of history and culture of Sayan-Altai*. Issue 14 / ed. by V. N. Tuguzhekovi. Abakan, Publishing house of Khakass State University named after. N. F. Katanova. 201 p. Pp. 137–142. (In Russ.).
- Mamysheva, E. P. (2008) *Khakassia: from steppe thoughts to autonomy (1822–1930)*. Abakan, Publishing house of Khakass State University named after. N. F. Katanova. 123 p. (In Russ.).
- Mamysheva, E. P. (2011) *Nation-state building in Southern Siberia in 1917–1941: history, experience, problems*. Abakan, Publishing house of Khakass State University named after. N. F. Katanova. 244 p. (In Russ.).
- Man'kovskaia, L. N. (2012) Modern state policy in the field of culture: problems and prospects (using the example of Khakassia). In: *Current problems of history and culture of Sayan-Altai*. Issue 13 / ed. by V. N. Tuguzhekovi. Abakan, Publishing house of Khakass State University named after. N. F. Katanova. 132 p. Pp. 111–115. (In Russ.).
- Man'kovskaia, O. V. (2020) The influence of the Great Patriotic War on school education in Khakassia. In: *The phenomenon of war in the historical process: interdisciplinary discourse: materials of the International Correspondence Scientific and Practical Conference* (Abakan, October 13–23, 2020) / ed. by V. N. Asochakova, M. G. Stepanov. Abakan, Publishing house of Khakass State University named after. N. F. Katanova. 290 p. Pp. 151–154. (In Russ.).
- Man'kovskaia, O. V. (2022) Material and Technical Base of Secondary Schools of the Khakass Autonomous Region in 1946–1964. *Genesis: Historical research*, no. 9, pp. 123–130. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2022.9.38828>
- Medvedkina, E. I. (2009) The problem of studying the role of women in the life of Soviet society in 1946–1985. Historiographic review (based on materials from the south of the Krasnoyarsk Territory). In: *Current problems of history and culture of Sayan-Altai*. Issue 10 / ed. by V. N. Tuguzhekova. Abakan, Publishing house of Khakass State University named after. N. F. Katanova. 119 p. Pp. 31–39. (In Russ.).
- Mikulinskii, P. R. and Rodnyi, N. I. (1966) Science as a subject of special research. *Voprosy filosofii*, no. 5, pp. 25–38. (In Russ.).
- Munge, B. V. and Mongush, A. M. (2020) Formation and development of the cinema network in the Tuvan People's Republic. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 81–100. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.3.6>
- Oiun, A. M. (2013) Activities of cultural institutions in Tuva autonomous region in the 1944–1950s. *Global'nyi nauchnyi potentsial*, no. 10, pp. 56–60. (In Russ.).
- Oiun, A. M. (2014) Formation of the Kyzyl School of Arts of Tuva in the 1960s – 1970s. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2 (55), pp. 44–46. (In Russ.).
- Papina, O. V. (2012) *The role of women in the social and cultural development of Khakassia in 1923–1941*. Abakan, KhTI-filial SFU. 152 p. (In Russ.).
- Pecherskii, V. A. (2014) *Agriculture of Khakassia during the Great Patriotic War*. Abakan, Brigantina. 179 p. (In Russ.).
- Reutov, E. V. (2015) *Socio-political processes in the autonomies of Southern Siberia (1985–1991)*. Abakan, Brigantina. 165 p. (In Russ.).
- Rusakov, M. P. (2005) The formation of professional music education at the Minusinsk cultural and educational school in 1947–1960. In: *Current problems of history and culture of Sayan-Altai*. Issue 6 / ed. by V. N. Tuguzhekova, N. A. Dan'kina. Abakan, Publishing house of Khakass State University named after. N. F. Katanova. 126 p. Pp. 72–75. (In Russ.).

Rusakov, M. P. (2006) From the history of the Abakan Music School (first half of the 1980s). In: *Formation and development of book publishing in Khakassia: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (April 14, 2006, Abakan)* / ed. by V. N. Tuguzhekova. Abakan, Khakass book publishing house. 242 p. Pp. 179–188. (In Russ.).

Saia, P. V. (2003) *Russia — Tuva — Mongolia: the “Central Asian triangle” in 1921–1944*. Abakan, Tipografia OOO Kooperativa «Zhurnalist». 199 p. (In Russ.).

Salchak, O. V. (2014a) History of public and state protection of cultural heritage sites in the Republic of Tuva. In: *Central Asian historical readings. Collection of materials of the III International Scientific and Practical Conference (Kyzyl, June 20–21, 2014)* / ed. by Z. Yu. Dorzhu, V. M. Damdynchap, A. A. Storozhenko. Kyzyl, RIO TuvGU. Issue 3. 243 p. Pp. 171–173. (In Russ.).

Salchak, O. V. (2014b) To the history of the formation, study and preservation of historical and cultural monuments of the Republic of Tyva (to the 100th anniversary of the unity of the Republic of Tuva with Russia). In: *United Tuva in a united Russia: history, modernity, prospects. Materials of the International Scientific Conference dedicated to the 100th anniversary of the unity of Russia and Tuva (Kyzyl, July 3–4, 2014)* / ed. by L. M. Kozhevnikova. Abakan, Khakass book publishing house. 646 p. Pp. 51–56. (In Russ.).

Socio-psychological problems of science (1973): collection of articles / ed. by M. G. Iaroshevskogo. Moscow, Nauka, 252 p. (In Russ.).

Stepanov, M. G. (2006) *Stalin’s repressions in Khakassia in the late 1930s — early 1950s*. Abakan, Khakass book publishing house. 180 p. (In Russ.).

Tinikova, E. E. (2017) *Urban population of the south of the Krasnoyarsk Territory (1970–1989)*. Abakan, Brigantina. 125 p. (In Russ.).

Tuguzhekova, V. N. (1991) *Komsomol in the first post-war years (from the experience of Komsomol organizations in Gorny Altai, Tuva and Khakassia)*. Abakan, Khakass department of the Krasnoyarsk publishing house. 159 p. (In Russ.).

Tuguzhekova, V. N. (1993) *Southern Siberia: post-war 1945–1965*. Abakan, Publishing house of Abakan State Pedagogical Institute named after. N. F. Katanova. 193 p. (In Russ.).

Tuguzhekova, V. N. (2008) *Khakass ethnic group at the turn of the century (late 20th — early 21st centuries)*. Abakan, Khakass book publishing house. 154 p. (In Russ.).

Tuguzhekova, V. N. (2010) *Current problems in the history of Khakassia (1917 — early 2000s)*. Abakan, Khakass book publishing house. 180 p. (In Russ.).

Tuguzhekova, V. N. (2014a) *Respharmacy: history of formation and development. 90 years*. Abakan, Zhurnalist. 80 p. (In Russ.).

Tuguzhekova, V. N. (2014b) *The state and trends in the development of interethnic and ethno-confessional relations in the Republic of Khakassia (based on materials from a sociological study in 2014)*. Abakan, Brigantina. 134 p. (In Russ.).

Tuguzhekova, V. N. (2014c) *Socio-economic development of Khakassia (XX — early XXI centuries)*. Abakan, Khakass book publishing house. 250 p. (In Russ.).

Tuguzhekova, V. N. and Karachakova, O. M. (2005) *Interethnic relations in Khakassia at the end of the twentieth century (late 1980s — 1990s)*. Abakan, Khakass book publishing house. 104 p. (In Russ.).

Tulush, P. P. (2012) Public education of Tuva during the Soviet period. In: *Current problems of history and culture of Sayan-Altai*. Issue 14 / ed. by V. N. Tuguzhekovi. Abakan, Publishing house of Khakass State University named after. N. F. Katanova. 201 p. Pp. 142–152. (In Russ.).

Feoktistova, T. N. (2006) *On the history of the formation of museums in Khakassia*. Abakan, Khakass book publishing house. 132 p. (In Russ.).

Kharunov, R. Sh. (2009) *Formation of the intelligentsia in the Tuvan People’s Republic (1921–1944)*. Abakan, Publishing house of Tuvan State University. 144 p. (In Russ.).

Kharunova, M. M. (2011) *Sociopolitical development of Tuva in the mid-twentieth century*. Novosibirsk, Nauka. 135 p. (In Russ.). (In Russ.).

Chekushkina, E. O. (2019) Activities of the prosecutor’s office of the Khakass Autonomous Region in the first post-war decade. In: *Current problems of history and culture of Sayan-Altai*. Issue 22 / otv. V. N. Tuguzhekova. Abakan, Publishing house of Khakass State University named after. N. F. Katanova. 126 p. Pp. 77–81. (In Russ.).

Chekushkina, E. O. (2020) The prosecutor’s office of the Khakass Autonomous Region during the years of the “Great Terror” (1937–1938). In: *Current problems of history and culture of Sayan-Altai*. Issue 23 / ed. by V. N. Tuguzhekova. Abakan, Publishing house of Khakass State University named after. N. F. Katanova. 103 p. Pp. 36–40. (In Russ.).

Chyrgalan, P. Iu. (2018) The activity of Oirot Autonomous Oblast in training of domestic personnel for the Tuvan People’s Republic over the period of 1925–1944. *Genesis: Historical research*, no. 6, pp. 29–40. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2018.6.26381>

Shadrin, A. V. and Tuguzhekova, V. N. (2023) The Main Directions of Industrial Development in Khakassia in the Mid-1920s — Early 1940s. *Genesis: Historical research*, no. 3, pp. 31–39. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-868X.2023.3.39850>

Shuvaev, A. I. (2009) Formation and development of law enforcement agencies in Khakassia during the Great Patriotic War. In: *Current problems of history and culture of Sayan-Altai*. Issue 10 / ed. by V. N. Tuguzhekova. Abakan, Publishing house of Khakass State University named after. N. F. Katanova. 120 p. Pp. 67–70. (In Russ.).

Shulekin, V. M. (2014) Corporate newspaper as a communicative resource for promoting innovative technologies (based on materials from the newspaper “Vestnik RUSALA” for 2012). In: *Current problems of history and culture of Sayan-Altai*. Issue 16 / ed. by V. N. Tuguzhekovi. Abakan, Publishing house of Khakass State University named after. N. F. Katanova. 116 p. Pp. 95–103. (In Russ.).

Submission date: 25.10.2023.

Accepted date: 08.01.2024.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ / THE NEW RESEARCH OF TUVA

Электронный научный журнал

Главный редактор Ч. К. Ламажаа.

№ 1, 2024

<https://nit.tuva.asia/nit/issue/view/61>

*Для иллюстрации обложки использована фотография
Чойган Санчай (Россия)*

Подписано к публикации 12.03.2024 г.

Объем - 39,0 п. л.

Эл. адрес: article@tuva.asia